

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯЩЕННЫХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав. № 18. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. кievской семинаріи.

1869 года. Мая 4-го.

Содержаніе: Слово въ понедѣльникъ свѣтлыя седмицы и день празднованія
рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николае-
вича. — Прощальная бесѣда апостола Павла съ ефесскими пастырями. — Об-
личеніе въ христiанской проповѣди. — Объявленіи.

С Л О В О

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ СВѢТЛЫЯ СЕДМИЦЫ И ДЕНЬ ПРАЗД-
НОВАНІЯ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾.

Нынѣ, во дни воскресенія Христова, мы, вѣрующіе во
Христа, радуемся о Господѣ и играюще поемъ Воскресшаго,
единого благословеннаго и препрославленнаго. Нынѣ-же,
торжествуя день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Им-
ператора, мы, подобно сынамъ Сіона, радуемся о Царѣ
своемъ.

Радость Господня, сія есть сила наша (Неем. 8, 10),
сила во спасеніе намъ. Ибо она, даръ благодати Божіей,
какъ свѣтъ отъ источника свѣта, возбуждаетъ, оживляетъ,
расширяетъ и укрѣпляетъ всѣ силы нашего духа, и даетъ

¹⁾ Произнесено въ кievо - софійскомъ соборѣ, 21-го апрѣля
1869 года.

силу и мудрость преодолевать всё искушенія и соблазны грѣха, побѣждать всё навѣты и устремленія вражескія, и исполнять всегда и во всемъ благую волю Господню во спасеніе. И радость о Царѣ есть сила сыновъ царства, устрояющая общественное благоденствіе и благополучіе каждаго. Ибо она, возбуждая и укрѣпляя искреннюю любовь къ помазаннику Божію, полную довѣренность къ его дѣйствіямъ, совершенную покорность его волѣ, возбуждаетъ въ насъ желаніе и укрѣпляетъ насъ точно и съ усердіемъ исполнить законы царскіе, устрояющіе счастіе подданныхъ. О, еслибы радость настоящаго дня содѣлалась для насъ радостію всей жизни; всегда возрастающею, какъ жизнь юности, и никогда нестарѣющеюся, какъ жизнь небесная!.... Тогда силою радости о воскресшемъ Господѣ мы, поистинѣ, могли бы достигнуть въ жизни будущаго вѣка неизреченной и никогда непрестающей радости въ блаженныхъ обителяхъ блаженнаго Бога. Тогда силою радости о Царѣ своемъ, мы могли бы, каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, содѣйствовать общественному благу и устроить свое счастіе, какое возможно на землѣ.

Дарованія Божія нераскайнна (Рим. 11, 29).

Богъ, богатъ сый въ милости, благоволившій даровать намъ радость о Господѣ и о царѣ нашемъ, конечно, не возметъ ее отъ насъ; но Самъ утвердить, и укрѣпить, и совершить ее въ насъ силою благодати Своей, если только мы, съ своей стороны, всегда будемъ содержать и возгрѣвать живымъ и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ въ благодарномъ сердцѣ то, что возбуждаетъ въ насъ сію радость въ настоящее время, и хранить ее въ глубинѣ сердца, чтобы ничто не могло ни затмить ея свѣта, ни охладить теплоты, ни ослабить ея спасительной и плодотворной силы.

Свѣтлою радостію мы радуемся нынѣ о воскресшемъ Господѣ: ибо смерти празднуемъ умерщвленіе, а до разру-

шеніе и иного житія вѣчнаго начало. Что была жизнь человѣческая до Христа? Она была подобна свитку пророка, въ которомъ написано рыданіе, и жалость, и горе (Іез. 2, 10). Внутренняя сторона ея слагалась изъ пороковъ и преступленій всякаго рода,—внѣшняя изъ страданій и бѣдствій во всѣхъ возможныхъ видахъ. Человѣкъ какъ будто для того и рождался, чтобы осквернить землю беззаконіями, испытать всѣ роды бѣдствій и потомъ умереть въ мукахъ для тягчайшихъ мученій въ преисподнихъ земли. Совсѣмъ иною представляется для вѣрующихъ во Христа жизнь послѣ того, какъ едиnorodный Сынъ Божій страданіями Своими, смертію и воскресеніемъ совершилъ спасеніе наше. Есть и въ мірѣ христіанскомъ бѣды и страданія, потому что живетъ еще грѣхъ въ нашей мертвенной плоти; но онѣ теперь не выраженіе гнѣва правды небесной, а явленіе любви Божіей и врачевство противъ грѣха,—теперь онѣ облегчаются и горечь ихъ улаживается силою благодати, насъ укрѣпляющей; теперь онѣ приносятъ радость и веселіе избраннымъ Божиимъ и уготовляютъ имъ вѣнцы неувядаемой славы. Умираютъ и христіане; но что смерть для истинныхъ учениковъ Воскресшаго? Она—переходъ отъ временной въ вѣчную жизнь, отъ земли на небо, отъ тѣлѣнія въ бессмертіе; она теперь раба, трудящаяся надъ умерщвленіемъ мертвенности въ нашемъ тѣлѣ, доколѣ оно созрѣетъ для жизни безсмертной. Теперь смерть есть смерть смерти. Наши погребенія—сѣяніе, наши кладбища—нивы Божія. Будетъ время, когда воздѣйствуетъ духъ животворящій—и совокунутся кости наши, кость къ кости, каждая къ составу своему, и плоть возрастетъ на нихъ и будутъ въ нихъ жилы, и протянется по нихъ кожа вверху, и вчидетъ въ нихъ духъ жизни, и оживутъ (Іезек. гл. 37), и будутъ подобны *тѣлу славы* воскресшаго Господа (Филип. 3, 21). Что теперь адъ? Темница, но не для всѣхъ, и притомъ

темница безъ затворовъ и стражи. Теперь входятъ въ адъ по своей волѣ и тамъ остаются только нераскаянные грѣшники, чтобы въ адской тмѣ укрыться отъ свѣта лица Божья, да не явятся свѣту ихъ дѣла темныя и не обличатся, яко лукава суть. Изъ живопоснаго гроба Христова возсіяла новая, новая жизнь для всѣхъ, вѣрою приобщающихся жизни Христовой. Новая жизнь—отъ Адама небеснаго, какъ ветхая отъ перстнаго Адама; не отъ похоти плотскія, но Духомъ святымъ она зачинается и совершается. Новая жизнь имѣетъ нныя, новыя свойства: у ней новый умъ, новая воля, новое сердце, иная мудрость, иное услажденіе—все новое и иное. Въ умѣ она проявляется глубокимъ вѣдѣніемъ таинъ Божіихъ и мудростію духовною, въ волѣ самоотверженіемъ, въ сердцѣ правдою, миромъ, радостію и упованіемъ будущихъ благъ. Самое тѣло истинныхъ христіанъ проникается новою жизнію. Оно содѣлывается храмомъ св. Духа и всѣ члены его—орудіями правды и святости (Рим. 6, 13. 19). Во всей же полнотѣ возсіявшая изъ гроба Христова новая жизнь раскроется въ будущей жизни, когда достигнетъ вѣры возраста Христова. Тогда живущіе сею жизнію содѣлаются причастниками Божественнаго естества (2 Пет. 1, 4), и просвѣтятся какъ солнце въ царствіи Отца небеснаго.

Воспоминная, что была древняя жизнь до Христа, размышляя о томъ, чѣмъ она стала теперь въ христіанахъ, и что ожидаетъ ихъ въ будущей жизни, можно ли не радоваться о Господѣ, удивившемъ на насъ милость Свою, если въ груди нашей не камень, а сердце, способное быть благодарнымъ и радоваться святою, чистою радостію?

Святая радость о Господѣ подобна цѣломудренной дѣвѣ и обитаетъ только тамъ, гдѣ мысли, чувства и желанія чисты и святы, намѣренія возвышенны, слова скромны и поступки непорочны; но не можетъ пребывать въ людяхъ,

въ которыхъ примѣчаетъ дѣла темныя, слова легкомысленныя, намѣренія низкія, мысли неразумныя и хотѣнія чувственныя; потому что дѣла ихъ—дѣла плотскія, для нея оскорбительныя и ненавистныя. Она, потому что духовна, чиста и возвышенна, не можетъ жить въ людяхъ, растлѣнныхъ умомъ и развращенныхъ сердцемъ, которые мудрствуютъ по стихіямъ міра, а не по Христу, и по рвенію противляются истинѣ, дмяся отъ ума плоти своея, взимаются на разумъ Божій, отъ истины слухъ отвращаютъ и къ баснямъ уклоняются, злословятъ и отвергаютъ то, чего не понимаютъ; которые отягчаютъ сердца свои объяденіемъ и пьянствомъ и все время жизни отдають непрестающей суетѣ, чувственнымъ удовольствіямъ, унижающимъ достоинство человѣка, и забавамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти. Радость Господня не можетъ обитать въ людяхъ, которые, живя по законамъ міра, закону Христову не поворачиваются, и во всемъ угождая многострастной плоти, небрегутъ о благоугожденіи Богу. Итакъ, чтобы сохранить въ себѣ радость Господню, необходимо блюсти душу въ непорочности и чистотѣ и жить по закону Христову, а не по влеченію страстей и не по правиламъ міра, лежащаго во злѣ.

Сынове Божіи о Христѣ Іисусѣ, обрадованные воскресеніемъ изъ мертвыхъ Господа нашего! Не посражимъ радости Господней житіемъ нечистымъ и дѣлами постыдной чувственности, да оскорбленная правда Божія не лишитъ насъ сего дара небеснаго, какъ нѣкогда лишила благъ земныхъ *сыновъ человеческихъ*, которые *посрамили радость* (Іоил. 1, 12); но сохранимъ и укрѣпимъ ее въ душахъ нашихъ богоугоднымъ житіемъ и частымъ благоговѣйнымъ размышленіемъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ намъ въ Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ.

Мы радуемся нынѣ всею полнотою благодарной радости о Царѣ своемъ, потому что, въ день рожденія Его, какъ и

въ другіе дни царскихъ торжествъ, живѣе воспоминаются, яснѣе сознаются и полнѣе чувствуются мудрыя и благія дѣла Его царствованія, созидающія и устрояющія новую—лучшую гражданскую и общественную жизнь возлюбленнаго отечества нашего.

Какія же дѣла?

Освобожденіе двадцати пяти милліоновъ отъ крѣпостной зависимости и дарованіе имъ правъ гражданскихъ призвало къ дѣятельности на пользу отечества милліоны силъ свѣжихъ и крѣпкихъ. Сближеніе всѣхъ сословій въ земскихъ учрежденіяхъ соединяетъ разрозненныя доселѣ слои въ одну необъятно—великую силу и частнымъ стремленіямъ указываетъ общую цѣль—благо всего государства. Судъ гласный, правый, скорый и равный для всѣхъ надежитъ, нежели прежде, охраняетъ честь и достояніе каждаго, возбуждаетъ благоговѣніе предъ закономъ, довѣренность къ его исполнителямъ и воспитываетъ чувство законности. Свобода печатнаго слова, въ мудро указанныхъ границахъ, чтобы она не переходила въ своеволіе и не вредила общественному благу, обличая клевету, ложь и обманъ, выводя на свѣтъ дѣла темныя, обуздываетъ своеволіе, сдерживаетъ злоупотребленія и способствуетъ торжеству правды и закона. Просвѣщеніе на основныхъ началахъ народнаго духа проникаетъ въ низшіе классы государства и распространяетъ въ народѣ знанія добрыя и полезныя. Устройство лучшихъ путей сообщенія легче и скорѣе удовлетворяетъ нуждамъ народа и разливаетъ довольство во всѣхъ концахъ обширной Россіи. Улучшеніе средствъ защиты отъ враговъ сохраняетъ безопасность отечества нашего..... Сіи и нынѣ многочисленныя и разнообразныя дѣла, исчислить которыя не достанетъ времени, благоустроятъ жизнь семидесяти пяти милліоновъ людей и вѣрнымъ путемъ ведутъ Россію къ могуществу, величію и славѣ. Мы видимъ, сознаемъ и чувствуемъ, какъ сими дѣ-

лами все вокругъ насъ и въ насъ самихъ обновляется, какъ новая жизнь объемлетъ и оживляетъ всѣхъ народнымъ духомъ и возбуждаетъ любовь къ роднымъ обычаямъ, къ родному слову—ко всему родному даже въ тѣхъ, которые прежде чуждались всего русскаго; какъ, съ каждымъ днемъ, видимо растутъ и крѣпнуть силы благословенной Россіи на страхъ врагамъ. Такъ животворны, такъ многоплодны радующія насъ нынѣ дѣла мудрости и благодати Богомъ-вѣнчаннаго и Богомъ хранимаго возлюбленнѣйшаго Государя нашего Александра Николаевича!

Вотъ изъ многихъ великихъ немногія великія дѣла и тѣ великія послѣдствія сихъ дѣлъ, которыхъ не могутъ умалить и помрачить никакая ложь и клевета враговъ Россіи, которыя мы воспоминаемъ нынѣ и которыя не должно забывать никогда, чтобы всегда радоваться о Царѣ своемъ, и въ радости о Немъ почерпнуть силу любить всею душою возлюбленнаго Богомъ и любящаго насъ, какъ дѣтей; всегда исполнять Его законы не по видамъ корысти, не ради награды, чиновъ и отличій, но по сознанию долга, съ неослабнымъ усердіемъ и по совѣсти, и молиться Царю царей, да умножить лѣта живота его, да веселитъ Его всегда силою Своею, да славою и честію вѣнчаетъ Его.

Самъ Богъ, Отецъ щедротъ, по богатству благодати Своей, да сохранить и совершить въ насъ радость Господню во спасеніе наше, и радость о Царѣ нашемъ для благоденствія возлюбленнаго отечества нашего и для счастья всѣхъ сыновъ благословенной Россіи, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). Аминь.

Протоіерей М. Богдановъ.

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСѢДА АПОСТОЛА ПАВЛА СЪ ЕФЕССКИМИ ПАСТЫРЯМИ.

(Дѣян. 20, 17—38).

Немного мѣстъ, исключительно посвященныхъ пастырскому служенію, встрѣчается намъ въ новозавѣтныхъ книгахъ. Три, такъ называемыя, пастырскія посланія, нѣскольکو отрывочныхъ заключительныхъ наставленій, помѣщенныхъ въ соборныхъ посланіяхъ и посланіяхъ ап. Павла, наставленія Спасителя ученикамъ, касающіяся ихъ проповѣднической дѣятельности, собственно могутъ быть названы *классическими* пастырскими мѣстами ¹⁾. Изъ нихъ спеціально посвящены пастырскому служенію только такъ называемыя пастырскія посланія ап. Павла, и его же прощальная бесѣда съ ефесскими пастырями. Тѣмъ драгоценнѣе, тѣмъ важнѣе должны быть для насъ эти немногія мѣста, напоминающія намъ первоначальное пастырское служеніе въ христіанской церкви; тѣмъ большее наше вниманіе они должны заслуживать, что по нимъ однимъ мы можемъ ознакомиться съ первоначальнымъ состояніемъ церковной іерархіи, съ главнымъ предметомъ ея занятій, главными началами, которыми она руководилась при своей дѣятельности. На этотъ разъ наше вниманіе можетъ остановить на себѣ прощальная бесѣда ап. Павла съ ефесскими пастырями церкви.—

Прощальную бесѣду ап. Павла съ ефесскими пастырями церкви можно считать преддверіемъ къ его пастырскимъ посланіямъ. Она была говорена во время третьяго великаго путешествія, въ то время, когда апостоль Павелъ, на пути въ Іерусалимъ, обходя основанныя имъ христіанскія общины въ Македоніи, Ахаіи и малой Азіи, намѣренъ былъ от-

¹⁾ Одни изъ этихъ мѣстъ уже объяснены въ Р. д. с. п., а другія готовятся къ печати.

правиться въ далекій Римъ и туда перенести главный центръ своей проповѣди (ср. Дѣян. 19, 1. 24. 20, 1—16). Намѣреваясь предпринять это великое путешествіе, ап. Павелъ, по обыкновенію, хотѣлъ посѣтить Іерусалимъ, тамъ засвидѣтельствовать о свѣей проповѣди, и получивъ тамъ напутственное благословеніе, отправиться въ дальнія страны языческаго міра. Слѣдовательно, по времени (56—58 г.), эта бесѣда есть первое слово, обращенное къ христіанскимъ пастырямъ церкви и сохранившееся для насъ въ новозавѣтныхъ книгахъ. Пастырскія посланія были писаны позже и служатъ уже комментариемъ на эту бесѣду. Съ этой стороны, прощальная бесѣда ап. Павла съ ефесскими пастырями можетъ заслуживать особенное наше вниманіе. Въ какомъ видѣ было пастырское служеніе въ это время, какъ смотрѣли на него и какія правила преподавали для безукоризненнаго прохожденія его первые благовѣстники Христовы и первые раздѣатели пастырской власти, имъ Богомъ дарованной? Вотъ тѣ вопросы, которые прежде всего могутъ занять насъ, при взглядѣ на прощальную бесѣду ап. Павла съ ефесскими пастырями церкви.

Нужно прежде всего обратить вниманіе на то, кого мы должны разумѣть подъ ефесскими пастырями,—пастыри ли это, принадлежащіе ко второй степени нашей церковной іерархіи,—священники, или же пастыри, принадлежащіе къ третьей степени нашей церковной іерархіи,—епископы, или же вмѣстѣ тѣ и другіе? Подобные вопросы, съ перваго разу, могутъ показаться совершенно лишними, въ виду того, что въ самой рѣчи, въ началѣ, ефесскіе пастыри называются пресвитерами (*πρεσβύτεροι* 17 ст.)—священниками, а въ срединѣ рѣчи (28 ст.) епископами (*ἐπισκοποι*). Слѣдовательно, по указанію самаго текста, нужно здѣсь разумѣть епископовъ и священниковъ. Такое прямое указаніе священнаго текста, конечно, мы должны были бы безпрекословно

принять, если бы не было толковниковъ, которые хотять усвоить этимъ названіямъ совершенно не то значеніе, которое усвоила или наша церковная практика. Говорятъ, и притомъ ссылаясь на свидѣтельства самаго же Писанія (1 Петр. 5, 1), что въ первое время жизни христіанской церкви не было проведено такого строгаго различія между названіями пресвитеръ и епископъ, какое практика церковная установила уже въ позднѣйшее время. Этими именами, въ первое время, безразлично называли священниковъ и епископовъ. Такимъ образомъ, и въ рѣчи ап. Павла могли быть такъ названы или одни епископы, или пресвитеры. Само по себѣ, безъ всякой задней мысли, такое толкованіе еще ничего не говоритъ. Держась его, мы можемъ сказать, что какъ въ первомъ случаѣ (ст. 17) подъ пресвитерами апостолъ разумѣлъ священниковъ и епископовъ, такъ и во второмъ случаѣ (ст. 28) подъ епископами онъ могъ также разумѣть епископовъ и священниковъ. Такого мнѣнія вышеприведенное объясненіе, по своему началу, не можетъ исключать. Но при объясненіи такого рода нерѣдко кроется та мысль, что въ первенствующей церкви, на первыхъ порахъ ея жизни, не было существеннаго отличія не только между названіями, но и между самыми степенями нашей церковной іерархіи, священнической и епископскою, что это отличіе установилось уже въ позднѣйшее время церковной жизни, и епископская степень не была собственно учрежденіемъ апостольскимъ. Такого мнѣнія въ особенности держатся тѣ толковники, которые, допуская нѣкоторое различіе между названіями «пресвитеръ и епископъ», сводятъ все это различіе къ тому, что пресвитерами, по ихъ мнѣнію, были называемы священники, поставленные апостолами въ іудео-христіанскихъ общинахъ (по ближайшему заимствованію отъ іудейской церкви), а епископами—священники, поставленные въ языко-христіанскихъ общинахъ. Та-

кимъ образомъ, по мнѣнію этихъ толковниковъ, въ рѣчи ап. Павла пресвитерами и епископами могли быть названы священники съ вышепоказаннымъ отличіемъ, или просто съ обозначеніемъ различными именами одной и тойже священнической обязанности ¹⁾. Что сказать, имѣя въ виду подобнаго рода толкованія? кого мы должны разумѣть подъ ефесскими пастырями церкви?

Нужно признать несомнѣннымъ, что существенное различіе между двумя первыми іерархическими степенями—епископскою и священническою—было съ первыхъ временъ устройства и распространенія церкви Христовой между іудеями и язычниками. Не будемъ ссылаться на то, что такъ называемыя пастырскія посланія ап. Павла были писаны къ лицамъ, имѣвшимъ, по преданію церковному, епископскій санъ; не будемъ приводить другихъ свидѣтельств писанія, въ которыхъ также можно найти указанія на отличіе между первыми двумя іерархическими степенями; не станемъ ссылаться на свидѣтельства самыхъ древнихъ отеческихъ писаній, въ которыхъ также ясно говорится объ отличіи іерархическихъ степеней и взаимномъ отношеніи ихъ другъ къ другу. Довольно сослаться на то, что все церковное устройство, въ своихъ главныхъ и основныхъ чертахъ, было унаслѣдовано отъ самыхъ апостоловъ, что первые преемники ихъ служенія, въ своей жизни, ученіи и практикѣ церковной, должны были быть только вѣрными апостольскому слову, устно и письменно имъ преподанному (2 Фессал. 2, 15), и никто изъ нихъ не осмѣлился бы сдѣлать такого нововведенія, которое сопровождалось бы болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіемъ церковнаго устройства, не рис-

¹⁾ Слово *ἐπίσκοπος*; *блюститель* употреблено въ 28 ст., по мнѣнію такихъ толковниковъ, какъ болѣе соответствующее ближайшему слову *пасты*.

буя нарушить слово апостольское и потерять уваженіе въ глазахъ церкви. Думать, что подобное устройство церковное—въ видѣ трехъ нашихъ іерархическихъ степеней—слагалось постепенно, и епископская власть, какъ завершеніе церковнаго благоустройства, явилась позже апостольскаго вѣка, нѣтъ никакихъ основаній. Въ писаніяхъ апостоловъ есть уже ясныя указанія на существованіе епископской власти (ср. 1 Тим. 3, 1—7. 5, 1. 17). Въ писаніяхъ мужей апостольскихъ правильное церковное устройство представляется не иначе, какъ при тройственной іерархической власти. Игнатій Богоносецъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, говоритъ: »епископъ предѣлательствуетъ на мѣсто Бога, пресвитеры занимаютъ мѣсто собора апостоловъ, и діаконамъ, сладчайшимъ мнѣ, ввѣрено служеніе Іисуса Христа ¹⁾. Преданіе церковное, въ каждой древней церкви, называетъ перваго епископа непосредственнымъ преемникомъ апостольской власти, получавшимъ свою власть отъ одного изъ апостоловъ. Такимъ образомъ епископскую власть, съ ея особеннымъ значеніемъ, несомнѣнно нужно считать учрежденіемъ апостольскаго вѣка и притомъ самихъ апостоловъ, получившихъ власть вязать и рѣшить отъ Господа (Мате. 12, 18), представившаго имъ въ Себѣ и Своихъ дѣствіяхъ образъ для ихъ будущей дѣятельности, и просвѣщенныхъ св. Духомъ.

Но если въ вѣкѣ апостольскій и притомъ самими апостолами, наставленными Св. Духомъ, была учреждена епископская власть, то не въ это ли же время было положено начало ея отличію отъ другихъ іерархическихъ степеней и въ самыхъ названіяхъ? Епископъ апостольскаго времени не имѣлъ ли названія, исключительно ему одному усвоеннаго?

¹⁾ См. посл. къ *Магезійцамъ*, гл. 17, изд. свящ. *Преображенскаго*.

Безспорно, что въ вѣкъ апостольскій еще не выработалась такая опредѣленная терминологія, по которой одна іерархическая степень строго отличалась бы отъ другой; епископы въ это время часто назывались пресвитерами и сопресвитерами (1 Петр. 5, 1); тѣмъ не менѣе и въ это время уже было полагаемо начало различію іерархическихъ степеней и въ самыхъ названіяхъ. На этотъ разъ мы не можемъ оставить безъ вниманія замѣчанія, высказаннаго *Епифаніемъ*, что хотя епископы могли быть называемы пресвитерами, но не обратно; священники не были называемы епископами ¹⁾. Такимъ образомъ, на основаніи этого замѣчанія, мы могли бы вывести окончательное заключеніе о томъ, что подъ ефесскими пастырями нужно разумѣть двѣ первыя степени нашей церковной іерархіи—епископскую и священническую, если бы къ этому не служило препятствіемъ еще одно недоумѣніе, поставленное на видъ нѣкоторыми толковниками.

Въ какое время апостольскаго вѣка была учреждена епископская власть? Когда собственно апостолы ставили епископовъ въ новоустрояемыхъ христіанскихъ общинахъ? Съ званіемъ пресвитерскимъ мы встрѣчаемся весьма рано. Св. Лука упоминаетъ объ іерусалимскихъ пресвитерахъ, принимавшихъ пожертвованія антиохійской церкви во время голода, бывшаго при кесарѣ Клавдіѣ во всей іудейской землѣ, между 42—44 гг. Какимъ бы толкованіемъ ни подвергали значеніе слова »пресвитеръ« (πρεσβύτερος), въ первый разъ употребленнаго св. Лукою, въ приложеніи къ іерусалимскимъ предстоятелямъ Церкви Христовой, во всякомъ разѣ мы съ достовѣрностію можемъ допустить, что упоминаемые здѣсь пресвитеры отличены отъ апостоловъ и составляютъ особую іерархическую степень, также отличную отъ прежде здѣсь установленной діаконской (гл. 6). Спустя нѣсколько време-

¹⁾ Contr. Arium. c. v.

ни (45—50 гг.), св. Лука прямо уже замѣчаетъ о рукоположеніи пресвитеровъ апостолами въ новоустрояемыя христіанскія общины (Дѣян. 14, 23). Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ прямого и яснаго упоминанія о рукоположеніи епископовъ въ столь ранній періодъ времени ¹⁾. Вслѣдствіе этого нѣкоторые толковники учрежденіе епископской власти относятъ къ послѣднему періоду апостольскаго вѣка, подкрѣпляя свое мнѣніе такимъ соображеніемъ, что апостолы, на первыхъ порахъ, »по важнѣйшимъ практическимъ интересамъ«, старались сосредоточивать высшую власть въ своихъ рукахъ, и по этому считаютъ несообразнымъ рукоположеніе епископовъ для ефесскихъ церквей въ столь ранній періодъ жизни ап. Павла. Упоминаемые епископы въ рѣчи ап. Павла, по мнѣнію этихъ толковниковъ, суть тѣже пресвитеры, только переименованные другимъ именемъ. Такъ думаютъ нѣкоторые изъ тѣхъ толковниковъ, которые не низводятъ власть апостольскую въ рядъ обыкновенной власти и считаютъ ее собственно апостольскимъ учрежденіемъ, только позднѣйшимъ. Не имѣя точныхъ данныхъ въ книгахъ св. Писанія, для опредѣленія времени учрежденія епископской власти, допуская даже возможнымъ поставленіе епископовъ въ позднѣйшее время, чѣмъ поставленіе пресвитеровъ; тѣмъ не менѣе, время упоминанія о епископахъ въ рѣчи ап. Павла, какъ объ особенной, высшей іерархической степени, мы не считаемъ столь раннимъ срокомъ, въ который эта власть не могла быть учрежденною. Нужно принять во вниманіе тогдашнія обстоятельства жизни ап. Павла. Послѣ проповѣданія слова Божія и устройства христіанскихъ церквей въ Македоніи и Ахаіи, ап

¹⁾ Слово пресвитеръ, по прямому заимствованію его отъ іудейской церкви, не можетъ еще служить указаніемъ на учрежденіе епископской власти. Нѣкоторые толковники въ учителяхъ антиохійской церкви видятъ епископовъ (ср. Дѣян. 13, 1—3); но это указаніе также не вполне определенное.

Павелъ намѣревался отправиться съ проповѣдію слова Божія еще въ далекій Римъ (см. Дѣян. 19, 21). Въ виду этого дальняго путешествія, отправляясь въ Іерусалимъ, для напутствованія себя въ этомъ священномъ городѣ, ап. Павелъ еще разъ посѣщалъ устроенныя имъ христіанскія церкви, для преподанія имъ обильныхъ напутственныхъ наставленій (Дѣян. 20, 2). Въ числѣ посѣщаемыхъ на пути и назидаемыхъ христіанскихъ церквей были также церкви мало-азійскія. Миновавъ Ефесъ, ап. Павелъ въ Милитѣ собралъ предстоятелей мало-азійскихъ церквей для внаутственнаго назиданія (20, 17)¹⁾. Сдавая имъ съ себя всю отвѣтственность за сохраненіе въ чистотѣ ученія и мирѣ мало-азійскихъ церквей, поручая имъ всю заботливость о благѣ и спасеніи увѣровавшихъ (см. ст. 26, 27, 28), ап. Павелъ нѣкоторыхъ изъ собранныхъ пресвитеровъ могъ въ это время облечь высшею іерархическою властію, передать имъ право своей апостольской власти. Случай къ этому былъ вполне приличный. Ап. Павелъ говорилъ, что они уже не увидятъ лица его (ст. 25). Оставляя же главный центръ своей доселѣшней дѣятельности въ малой Азіи, ап. Павелъ, для полнаго управленія церковію, долженъ былъ поставить лицъ, облеченныхъ апостольскимъ полномасіемъ. Мало нужды въ томъ, что св. Лука не упоминаетъ объ этомъ поставленіи; онъ также ничего не говоритъ о времени рукоположенія іерусалимскихъ пресвитеровъ и только мимоходомъ упоминаетъ о рукоположеніи антиохійскихъ пресвитеровъ (14, 23). Цѣль св. Луки не состояла въ томъ, чтобы написать полную и обстоятельную исторію распространенія и устройства Церкви Христовой на землѣ. Такимъ образомъ, относя по-

¹⁾ Хотя собранные пастыри называются *ефесскими*; но они могли быть такъ названы по тому городу, который былъ главнымъ пунктомъ дѣятельности ап. Павла.

ставленіе епископовъ и къ позднѣйшему времени, мы не находимъ ничего такого, что бы пренятствовало апостолу облечь нѣкоторыхъ пресвитеровъ епископскою властію, при самомъ прощаніи. Напротивъ, къ такому дѣйствию апостола было много побудительныхъ, вышелоказанныхъ, причинъ. Во всякомъ случаѣ, то обращеніе, которое ап. Павелъ дѣлаетъ къ ефесскимъ пастырямъ церкви, вполне можетъ приличествовать и лицамъ, облеченнымъ высшею іерархическою властію. Онъ поручаетъ имъ полное управленіе Церковію Христовою (ст. 28); ихъ служеніе называетъ подражаніемъ великому служенію истиннаго Пастыря—Христа (ср. ст. 28. Іоан. 10, 1—16). Подобнаго обращенія ап. Павелъ не могъ бы сдѣлать, если бы въ числѣ слушавшихъ его не было лицъ, получившихъ власть епископскую. Такое внутреннее свидѣтельство содержанія рѣчи подтверждается внѣшнимъ свидѣтельствомъ учителей церкви. Св. Иринеи говоритъ, что ап. Павелъ, собравъ въ Милитѣ епископовъ и пресвитеровъ, которые были изъ Ефеса и прочихъ ближайшихъ городовъ, и довольно побесѣдовавъ, простился съ ними. Такимъ образомъ въ рѣчи ап. Павла мы видимъ образчикъ завѣщанія учителя языковъ епископамъ и пресвитерамъ устроенныхъ имъ христіанскихъ церквей; въ ней находимъ ясное указаніе на правильное устройство нашей церковной іерархіи, въ вѣкъ апостольскій.

Ст. Сл—скій.

(Продолженіе впрѣдъ).

ОБЛИЧЕНІЕ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ ¹⁾.

II.

Обличеніе въ твореніяхъ святыхъ отцевъ четвертаго вѣка и въ дѣяніяхъ св. вселенскихъ соборовъ

Языческая религія, господствовавшая въ римской имперіи, должна была уступить побѣдоносной силѣ христіанства. Всѣ виды идолослуженія, вся чародѣйная наука жрецовъ и волхвовъ, вся языческая мудрость, недавно бывшія во всей силѣ и чтимыя всею вселенною, обличены, посрамлены и низложены христіанствомъ. »Изъ древности«, говоритъ св. Аѳанасій Великій, »вся вселенная и всякая страна предавалась заблужденію, служа идоламъ, и люди, кромѣ идоловъ, ничего не признавали богами; теперь же (въ началѣ 4 вѣка по Р. Х.) въ цѣлой вселенной люди оставляютъ суевѣрное служеніе идоламъ, притекаютъ ко Христу, Ему поклоняются, какъ Богу, чрезъ Него познаютъ и Отца, Котораго не вѣдали« ²⁾. За то, духъ ересей, возникшій, какъ мы видѣли, еще во времена апостольскія быстро разливался между неутвердившимися въ истинной вѣрѣ христіанами и возмущалъ болѣе и болѣе святую Церковь. Да и въ самой Православной Церкви являлось много членовъ слабыхъ, если не по вѣрѣ, то по дѣятельности, позволявшихъ себѣ уклоненіе отъ правилъ христіанскаго благочестія. Поэтому въ четвертомъ и послѣдующихъ вѣкахъ вселенской Церкви, она имѣла нужду не столько въ борьбѣ съ язычествомъ, сколько въ обличеніи еретическихъ лжеученій и нравственныхъ недостатковъ между самими вѣрующими. Впрочемъ, такъ какъ борьба христіанства съ язычествомъ, до смерти Юліана богоотступника, еще не совершенно прекратилась, то не умолкало совѣмъ и христіанское обличеніе язычества.

1. Наилучшими обличительными сочиненіями противъ язычниковъ, въ 4-мъ вѣкѣ, должно признать св. Аѳанасія Великаго: *слово на язычниковъ* и—*слово о воплощеніи Бога Слова и о пришествіи Его къ намъ во*

сія. Обличеніе язычества заключается преимущественно въ первой половинѣ слова на язычниковъ, и—такъ какъ здѣсь собраны въ одно стройное цѣлое всѣ опроверженія язычества, которыя по частямъ высказаны апологетами,—то мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на указанную часть Аѳанасіева слова на язычниковъ.

Въ этомъ словѣ св. Аѳанасій имѣлъ намѣреніе »обличить невѣжество невѣрующихъ (язычниковъ), чтобы, по обличеніи лжи, сама собою, наконецъ, возсіяла истина«. Онъ доказываетъ, что Богъ создалъ человѣка способнымъ познавать Его; но люди, »уклонившись отъ мысленнаго устремленія къ Единому и Сущему и—отъ любви къ Нему, вдалились въ различные и частныя пожеланія тѣла«, и затѣмъ въ пороки и грѣхъ. Вотъ начало зла въ мірѣ. Нѣкоторые же изъ еллиновъ утверждали, что зло существуетъ самостоятельно и самовластно. Но приписавъ ему самостоятельность, надобно отнять ее у Бога; ибо между равносильными невозможно быть превосходнѣйшему и совершеннѣйшему. Да и какъ возможны два самостоятельныя существа, противоположныя другъ другу? И такъ, необходимо признать, что зло не отъ Бога и не въ Богѣ, что его не было въ началѣ, и нѣтъ у него какой либо сущности. Но люди, съ утратою представленія о добрѣ, сами себѣ, по своему произволению, стали примышлять и воображать не сущее. Это зло предшествовало идолослуженію, какъ причина. »Люди, научившись примышлять себѣ не сущее зло, вообразили себѣ также и не сущихъ боговъ. И въпервыхъ, они видимыя вещи вообразили себѣ богами, значить, прославили тварь вмѣсто Творца. Прежде всего воздали божескую честь солнцу, лунѣ и звѣздамъ; потомъ наименовали богами вѣтеръ, воздухъ и то, что въ воздухѣ; затѣмъ обоготворили стихіи: теплоту, холодъ, сухость и влажность; наконецъ, въ число боговъ включили людей и стали обого-

творять животныхъ, дерева и камни. Не остановившись на этомъ, они измыслили чудовищныхъ боговъ, смѣшавъ разумное съ бессловеснымъ и сочетавъ несходное по природѣ. Съ особенною силою и очевидностію св. Аѳанасій обличаетъ, затѣмъ, обоготвореніе людей. Изобразивъ коротко, какъ въ разныхъ мѣстахъ были обоготворены древніе цари, онъ обращается къ современнымъ ему фактамъ. »Не такъ давно бывало«, говоритъ онъ, »а можетъ быть, и доселѣ это дѣлается, что римскій сенатъ о своихъ древнихъ царяхъ, или и о всѣхъ, или о комъ изволитъ и заблагоразсудитъ онъ, дѣлалъ постановленіе: быть имъ въ числѣ боговъ, и предписывалъ воздавать имъ божескую честь«. Этотъ нелѣпый обычай св. Аѳанасій возводитъ ко временамъ Оисея (Тезея), который узаконилъ признавать богами не только мужчинъ: Зевса, Посидона, Аполлона, Гефеста (Вулкана), Ермія (Меркурія), но и женщинъ: Иру (Геру), Димитру, Аѳину, Артемиду». И самыя статуи людей, по увѣренію св. Аѳанасія, придуманы первоначально для сохраненія памяти объ умершихъ людяхъ, а потомъ, по безумію, имъ стали молиться, какъ богамъ, и воздавать честь, подобающую истинному Богу. Въ доказательство такого, а не инаго происхожденія идолопоклонства, св. Аѳанасій приводитъ слова св. Писанія, изъ книги Премудрости Соломоновой (гл. 14 ст. 12—21).

Изобразивъ начало и происхожденіе идолопоклонства, св. Аѳанасій продолжаетъ далѣе *обличеніе* идолопоклонства, »занимствуя«, какъ онъ самъ говоритъ, »доказательства не столько отънѣ, сколько изъ того, что сами язычники думаютъ объ идолопоклонствѣ«. Онъ разсматриваетъ дѣянія тѣхъ называемыхъ боговъ, и находитъ, что они, по свойству этихъ дѣяній, не только не боги, но были гнуснѣйшіе изъ людей. Они дѣлали преступленія, ссорились между собою, бывали ранены людьми (все это подтверждается выписками изъ Гомера и другихъ поэтовъ греческихъ), слѣдова-

тельно были люди, и притомъ порочные и немощные. Какъ же имъ кланяться, какъ богамъ? еще нехѣнѣе кланяться идоламъ; «кланяющіеся камнямъ и деревьямъ не прижѣчаютъ, что они попираютъ и жгутъ подобныя вещи, а части тѣхъ же вещей именуютъ богами». Въ подтвержденіе нехѣности почитанія истукановъ приводятся здѣсь слова Писанія, обличающія идолопоклонство (Псал. 113, 12. 16. Ис. 44, 10. 20).

Ученые язычники, сознавая силу вышеприведенныхъ доказательствъ суетности идолопоклонства, придумывали возраженія, которыми старались оградить свое ложное почитаніе боговъ и истукановъ. Св. Аѳанасій, которому извѣстны были всѣ эти возраженія, рѣшаетъ ихъ одно за другимъ, въ самомъ послѣдовательномъ порядкѣ. 1. Нѣкоторые говорили, что поэты, которымъ свойственно изображать несуществующее, сложили басни о богахъ, въ удовольствіе слушателей. Но если у стихотворцевъ все вымыслы и ложь, то ложны и сами имена боговъ, и значитъ, нѣтъ ни Зевса, ни Крона, ни Арея, (ни Юпитера, ни Сатурна, ни Марса). Если же соблюдена поэтами истина въ именахъ, то она, по необходимости, соблюдена и въ дѣяніяхъ. Да и неправда, чтобы поэты все выдумывали. Такъ, они справедливо повѣствуютъ о дѣлахъ людей; отъ чего же имъ клеветать на боговъ? Стихотворцы невольно вынуждены были истинно изобразить страсти ихъ, чтобы сказанное ими о богахъ служило для всѣхъ послѣдующихъ родовъ доказательствомъ того, что они не боги. 2. Скажутъ ли, что они признаны богами за полезные изобрѣтенія? Но отчего же не всѣ изобрѣтатели полезныхъ вещей признаны богами? Да и слѣдуетъ ли считать богомъ человека за то, что онъ не отъ себя произвелъ искусство, а подражалъ природѣ? 3. Философы и ученые язычники не отвергаютъ, что ихъ боги суть изображенія и подобія людей и безсловесныхъ; но въ оправданіе свое говорятъ, что эти изображенія у нихъ для того, чтобы чрезъ

нихъ *божество* являлось людямъ и давало отвѣты, или что-бы чрезъ нихъ являлись *ангелы* и *силы* и сообщали людямъ вѣдѣніе о Богѣ. Первое возраженіе опровергается весьма замысловатою дилеммою, изъ которой слѣдуетъ, что ни вещества, ни образа его, ни художниковъ нельзя признать богами, второе возраженіе устраняется тѣмъ, что несправедливо знаки предпочитать означаемому. Вообще касательно изображеній и изваяній божества въ тѣлесномъ видѣ, св. Аѳанасій говоритъ: »сіе и подобное сему свойственно не Богу, а скорѣе земнымъ тѣламъ, потому что Богъ безплотенъ, нетлѣненъ, безсмертенъ«. Нелѣпость почитанія идоловъ доказываетъ онъ и тѣмъ, что мнѣнія самихъ язычниковъ о богахъ не согласны, и вообще у всѣхъ народовъ, зараженныхъ идолопоклонствомъ, различныя вѣрованія и обряды богослуженія, а не найдешь у нихъ одного и того же. Отъ этого различія въ почитаніи боговъ происходитъ другая нелѣпость: такъ какъ одинъ народъ не любитъ и даже истребляетъ боговъ другого народа,—то всѣмъ истребляются всѣ. Почитаемые богами у однихъ приносятся въ жертву богамъ другихъ, и наоборотъ,—что у иныхъ приносится въ жертву, то у другихъ считается Богомъ, и что всего нелѣпѣе,—тѣмъ, которые изображаются въ видѣ человѣческомъ, приносятъ иногда въ жертву людей же. Какія слѣдствія этого нечестиваго идолослуженія? Люди, которые должны подражать богамъ, учатся у нихъ всякаго рода беззаконіямъ. Вмѣняя себѣ въ заслугу подражаніе богамъ, они стали вдаваться въ челоуѣубійства, дѣтубійства и всякія непотребства. 4. Но можетъ быть, лучшіе изъ язычниковъ скажутъ, что служеніе міру и частямъ его есть основательное вѣрованіе потому, что солнце, луна, земля и вода, по природѣ, выше людей. Это мнѣніе св. Аѳанасій подвергаетъ строгому разсмотрѣнію. Изъ самаго различія и даже противоположности стихій онъ приходитъ къ заключенію, что

ни теплота, ни холодъ, ни сухость, ни влажность не суть боги не только тогда, когда они истребляютъ другъ друга взаимно, но даже и тогда, когда дѣйствуютъ и существуютъ въ совокупности, въ одномъ цѣломъ. Богъ не можетъ состоять изъ частей и при томъ разнородныхъ. »Если же они не согласны между собою по природѣ, то могутъ ли подавать миръ молящимся и будутъ ли для нихъ охранителями единомыслія?»

Все обличеніе языческаго почитанія боговъ св. Аванасій сводить, наконецъ, къ такому заключенію: »по всей справедливости не могутъ быть богами ни солнце, ни луна, ни другая какая либо часть твари, а тѣмъ болѣе изваянія изъ камня, изъ золота, или изъ другихъ веществъ и также вымышленные стихотворцами Зевсъ, Аполлонъ и другіе. Напротивъ того, одни суть части творенія, другія вещи неодушевленные, а третьи были только смертные люди. Поэтому служеніе имъ и обоготвореніе ихъ есть внушеніе не благочестія, но безбожія и всякаго злочестія и доказательство великаго уклоненія отъ вѣдѣнія Единого и Единственнаго, истиннаго Бога, разумью же Отца Христова«.

Къ обличенію языческихъ суевѣрій должно также отнести св. Григорія Нисскаго: »къ салинамъ«, сочиненіе, въ которомъ, »на основаніи общихъ понятій«, доказывается, что Богъ одинъ, хоть Онъ умозерцается въ трехъ лицахъ, и — »противъ ученія о судьбѣ« — сочиненіе, въ которомъ излагается разговоръ Григорія съ язычникомъ. Язычникъ признавалъ судьбою не какое либо разумное существо, а слѣпую силу, управляющую теченіемъ звѣздъ и необходимо требующую на землѣ явленій, соотвѣтственныхъ разновременнымъ ихъ движеніямъ и положенію. Св. Григорій доказываетъ, что такое ученіе имѣетъ необъяснимыя странности, опирается на неосновательныхъ астрологическихъ вычисленій, и опровергается совершенно тѣмъ, что счастливыя, а равно и несчастливныя обстоятельства въ жизни че-

ловѣческой, а равно и физическія явленія на землѣ объясняются разсмотрѣніемъ ближайшихъ ихъ причинъ, и что предсказанія астрологовъ бываютъ часто двусмысленны и невѣрны, и суть »демонское усиліе, обманомъ обольщающее тѣхъ, которые думаютъ, будтобы вся сила въ звѣздахъ, а не взираютъ на Всемогущее владычество«.

2. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Константинъ Великій призналъ христіанскую религію господствующею въ римской имперіи, христіанская Церковь начала пользоваться внѣшнимъ миромъ, но внутреннее спокойствіе ея долго еще было нарушаемо еретическими лжеученіями. Аріій и послѣдователи его Аетій, Евномій и Аполлинарій, ложно учившіе объ Иисусѣ Христѣ, Македоній сначала полуаріанинъ, затѣмъ духовоборецъ и многіе другіе ереси и расколы, въ продолженіи цѣлаго четвертаго вѣка, волновали церковь на Востоцѣ. Въ Африкѣ, въ этомъ же вѣкѣ, Донатисты не давали покоя Церкви. Противъ всѣхъ этихъ ересей и расколовъ, со стороны православной Церкви, необходимы были обличенія. Обличителями были, какъ частныя лица въ своихъ сочиненіяхъ противъ ересей и вообще лжеученій,—такъ и цѣлые соборы въ своихъ дѣяніяхъ, клонившихся къ опроверженію, низложенію и запрещенію лжеученій.

Изъ частныхъ лицъ, вооружавшихся силою слова противъ лжеучителей замѣчательнѣйшіе: свят. Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Великій, Ефремъ Сиринъ, Епифаній Кипрскій и Амвросій Медиоланскій. Первое мѣсто между ними по времени, по важности обличаемаго лжеученія и по силѣ обличенія принадлежитъ св. Аѳанасію Великому. Мы уже имѣли случай видѣть силу ума его, послѣдовательность и ненобѣдимость его доводовъ въ недавно разобранномъ обличеніи язычества, (сочиненіе, которое, замѣтимъ мимоходомъ, писано св. Аѳанасіемъ еще въ молодости). Было бы дѣломъ слишкомъ

обширнымъ, если бы мы захотѣли также подробно разбирать всѣ творенія св. Аѳанасія, направленные противъ еретиковъ. Достаточно для нашей цѣли показать, когда и по какимъ побужденіямъ написаны были св. Аѳанасіемъ каждое изъ обличительныхъ его сочиненій и обозначить, хоть коротко, содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Исторія этихъ сочиненій неразрывна съ исторіею самой жизни св. Аѳанасія, по этому мы должны коснуться нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни сего великаго заступника святой Церкви, вызывавшихъ съ его стороны то или другое полемическое сочиненіе. Главнымъ врагомъ, котораго св. Аѳанасій имѣлъ обличать и опровергать былъ Аріій. Св. Александръ александрійскій первоначально боровшійся съ этимъ ересеначальникомъ и въ устныхъ, и въ письменныхъ состязаніяхъ, имѣлъ, въ борьбѣ съ нимъ, помощникомъ св. Аѳанасія, который тогда былъ еще только діакономъ. Св. Александръ привезъ его съ собою въ 325 году на Никейскій соборъ. Здѣсь, по свидѣтельству Созомена и Сократа ¹⁾, никто лучше Аѳанасія не опровергалъ хитрыхъ доводовъ Арія. Будучи избранъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ собора на александрійскій престолъ, Аѳанасій поспѣшилъ обозрѣть церкви Фиваиды, гдѣ расколъ Мелетія и аріанская ересь колебали истинную вѣру. Но когда, при содѣйствіи Констанціи, сестры Константина Великаго, и ходатайствѣ сильнаго при дворѣ защитника аріанъ, Евсевія Никомидійскаго, аріанамъ дозволено занять прежнее мѣсто въ Александріи; то св. Аѳанасій вынужденъ былъ въ *письмѣ къ Константину Великому* обстоятельно объяснить и опровергнуть нечестивыя мысли Арія, за которыя онъ былъ осужденъ на соборѣ и которыхъ держался и послѣ. Не будемъ говорить о клеветахъ, какія возводимы были на св. Аѳанасія мелетіанами и аріанами, — и о гоненіяхъ, какимъ, въ про-

¹⁾ Sozomen. L. 1. s. 17. Socr. L. 1. cap. 8.

долженіи всей долговременной жизни своей, подвергался со стороны враговъ сей великій защитникъ православія. Полагаемъ, что обстоятельства эти достаточно извѣстны нашимъ читателямъ. Замѣтимъ только, что по поводу разбоевъ и убійствъ, совершенныхъ въ Александріи, при насильственномъ вторженіи на паству полуязычника, аріанина Григорія, св. Аѳанасій написалъ *окружное посланіе къ епископамъ всѣхъ церквей* (въ 340 году). Въ этомъ посланіи святитель, указавъ напередъ примѣръ призванія всѣхъ колѣнъ израилевыхъ въ защиту левита, котораго женѣ нанесено было поруганіе (Суд. гл. 19), призываетъ всѣхъ вѣрныхъ къ защитѣ православной Церкви, которой спокойствіе нарушено было въ Александріи страшными насиліями, со стороны аріанъ. Изображеніе этихъ насилій поразительно: »Бывало ли«, пишетъ, между прочимъ, св. Аѳанасій, »что нибудь подобное во время гоненій и войны? Храмъ и св. крещальня объемлются пламенемъ. Вдругъ въ городѣ жалобы, вопли, плачь; граждане негодуютъ на случившееся, вопіютъ на градоправителя и свидѣтельствуютъ о совершаемыхъ насиліяхъ, потому что святые и непорочные дѣвы были обнажены и терпѣли непозволительные поступки, а которые противились, тѣхъ жизнь подвергалась опасности; монашествующіе были затоптаны ногами и умирали; въ однихъ бросали свинцовыми бругами, другихъ убивали мечами и дрекольемъ, иные были изранены и избиты. А на святой трапезѣ какое совершалось нечестіе и беззаконіе!« Такъ какъ въ описываемыхъ здѣсь насильствахъ участвовали, по приглашенію аріанъ, евреи и язычники, то поруганіе Церкви и вѣрныхъ были ужасны. »Поэтому«, говоритъ св. Аѳанасій, »не должно вамъ оставаться въ бездѣйствіи при ихъ беззаконіяхъ, напротивъ того, надобно вступить въ дѣло«. Въ заключеніе посланія св. Аѳанасій умоляетъ, чтобы епископы написали къ нему и осудили нечестивыхъ. Возвратившись въ 348 году въ Але-

ксандрію, св. Аѳанасій въ 351 году написалъ *»Защитное слово противъ Аріанъ«*. Въ этомъ словѣ нѣтъ опроверженія аріанской ереси, за то подробно излагается повѣствованіе о преслѣдованіяхъ св. Аѳанасія мелетіанами, и аріанами и приводятся самые документы по этому дѣлу. *»Доброе наше дѣло«*, говоритъ св. Аѳанасій, въ началѣ защитнаго слова противъ аріанъ, *»не требуетъ суда. Оно было судимо уже не разъ, не два, но многократно, и впервыхъ, въ собраніи почти ста епископовъ нашей области, во вторыхъ, въ Римѣ, куда по Евсевіеву писанію, призывали ихъ и насъ, и гдѣ собрано было болѣе 50 епископовъ, въ третьихъ, на большомъ соборѣ въ Сардикѣ. А что именно на различныхъ соборахъ писано было въ нашу защиту епископами, это предлагается здѣсь«*. Главнѣйшіе изъ предложенныхъ актовъ суть соборныя посланія и письма имп. Констанція. Къ этому же времени принадлежитъ *посланіе св. Аѳанасія о томъ, что соборъ никейскій, усмотрѣвъ коварство Евсевіевыхъ приверженцевъ, опредѣленіе свое противъ аріанской ереси изложилъ приличнымъ образомъ и благочестно*. Въ этомъ посланіи излагаются причины, по которымъ соборъ внесъ въ свое исповѣданіе слова *Сущность и Единосущный*, и доказывается, на основаніи св. Писанія и твореній святыхъ отцевъ и учителей церкви, что *»Слово вѣчно соприсуще Отцу и есть собственность не иной, но отчей сущности, или ѱпостаси*. Разумѣніе сіе перешло отъ отцевъ къ отцамъ, а вы«, спрашиваетъ св. Аѳанасій у аріанъ, — *»вы новые іудеи и ученики Каіафы, на какихъ можете указать отцевъ, употреблявшихъ ваши реченія? Не наменуете ни одного изъ мужей благоразумныхъ и мудрыхъ. Всѣ отъ васъ отвращаются, кромѣ одного діавола, который одинъ сталъ для васъ отцемъ отступничества«*. Все раскрытіе вопроса сводится у св. Аѳанасія къ тому заключенію, что *»вѣра, какую соборъ исповѣдалъ письменно, есть*

вѣра вселенской церкви. Защищая ее, блаженные отцы написали такъ и осудили аріанскую ересь. Поэтому особенно аріане и стараются клеветать на соборъ; не реченія оскорбляютъ ихъ, но то, что оными обнаружены въ нихъ еретики, и притомъ превосходящія дерзостію другія ереси. — Удалившись изъ Александріи при императорѣ Констанціѣ, св. Аѳанасій не преставаѣъ обличать еретиковъ, и съ этою цѣлію, съ 356 по 360-й годъ, написалъ: *апологию къ Констанцію, апологию противъ аріанъ, окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіи, защищеніе своему бѣгству, посланіе къ Серапіону о смерти Арія, посланіе къ инокамъ съ исторіею аріанъ, четыре слова противъ аріанъ и четыре письма о Божествѣ Святаго Духа*. Наконецъ, уже въ глубокой старости, онъ написалъ *два книги противъ Аполлинарія*, который училъ, что Іисусъ Христосъ принялъ только плоть человѣческую, а не душу, вмѣсто которой имѣлъ Божество Слова. Изъ всѣхъ указанныхъ обличительныхъ сочиненій св. Аѳанасія *четыре слова его противъ аріанъ* замѣчательны какъ тѣмъ, что въ нихъ подробно излагается (въ первомъ словѣ) лжеученіе аріанъ, такъ особенно тѣмъ, что тутъ въ первый разъ полно и подробно разсмотрѣны и опровергнуты основанія, на которыхъ аріане строили свое ложное ученіе о Сынѣ Божіемъ. Вообще въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія, писанныхъ объ аріанствѣ, можно найти полное изслѣдованіе объ этой злой ереси и неопровержимое обличеніе ея. Сочиненія, писанныя противъ аріанъ послѣ св. Аѳанасія, напримѣръ: св. Иларія 12 книгъ о св. Троицѣ и св. Григорія Богослова 33-е слово противъ аріанъ и 35-е на память св. мучениковъ, противъ аріанъ же, заключаютъ въ себѣ только повтореніе и развитіе опроверженій Аѳанасіевыхъ. Но такъ какъ аріанское лжеученіе и опроверженіе совершенно должно быть извѣстно каждому изъ нашихъ читателей, то мы и оставляемъ эти сочиненія безъ подроб-

наго указанія ихъ содержанія, а приступаемъ къ указанію сочиненій, которыя писаны были въ обличеніе другихъ ересей, выродившихся изъ аріанской.

Главнѣйшіе изъ выродковъ аріанства были, какъ замѣчено выше, аэтіане, евноміане и аполлинаріане. Аэтій и Евномій утверждали, что Сынъ Божій ни почему не подобенъ Отцу (*αὐριστος*); отъ этого послѣдователи ихъ именовались еще аномеями. Обличителемъ ихъ заблужденій и діалектическихъ тонкостей является св. Василій Великій. Въ *трехъ книгахъ противъ Евномія* онъ разбираетъ и опровергаетъ «апологию Евномія». Евномій основывалъ свое лжеученіе на слѣдующемъ положеніи: «такъ какъ Единый ни отъ Себя Самаго, ни отъ другаго не получилъ бытія, то Онъ не рожденъ, или лучше есть самая сущность Его. Нерожденіе не есть отрицаніе дѣйствительности; Богъ, будучи не рожденъ, никогда не можетъ принять рожденія, такъ, чтобы сообщилъ свое естество раждаемому, но остается далекимъ отъ всякаго сравненія и общенія». Въ опроверженіе этихъ ложныхъ положеній, св. Василій говоритъ, что Писаніе не называетъ Бога нерожденнымъ, что хотя нерожденіе не есть отрицаніе дѣйствительности, но оно не есть еще и сущность Божія, а есть качество отрицательное, —потомъ, въ обличеніе тайной мысли Евномія о Сынѣ Божіемъ, только какъ о раждаемомъ, св. Василій объясняетъ слова Писанія о томъ, что Сынъ Божій есть образъ Бога невидимаго, выражающій въ Себѣ сущность Божию (Іоан. 14, 9—17, 10, 5—25. Кол. 1, 15. Евр. 1—3). Слова Писанія: *Отецъ Мой, болѣе есть Мене* (Іоан. 14, 23), на которыхъ Евномій думалъ основать свое мнѣніе о томъ, что Христосъ не есть Богъ, св. Василій объясняетъ въ томъ смыслѣ, что Отецъ болѣе Сына, по рожденію Сына отъ Отца. Таково въ короткихъ чертахъ содержаніе первой книги противъ Евномія. Во второй книгѣ разбирается ложное ученіе о Сынѣ

Божіемъ и преимущественно опровергается та ложная мысль Евномія, будто бы »сущность Сына рожденная, такъ какъ не была прежде своего усвоенія, но рожденная прежде всего волею Отца« и будто бы »Единородный Онъ потому, что, будучи рожденъ и созданъ единый силою Единого нерожденного, сталъ пресовѣреннымъ служителемъ«. Св. Василій, въ опроверженіе этихъ нечестивыхъ мыслей, разбираетъ первый стихъ евангелія отъ Іоанна, гдѣ приводитъ къ убѣжденію, что нельзя подумать, чтобы что нибудь было старше *начала* и изъясняетъ слова Премудраго: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя* (Притч. 8, 22), показывая, что слово *созда* означаетъ *стѣжа* въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ это сказалъ Адамъ о Каинѣ, т. е. въ смыслѣ рожденія (Быт. 4, 1). Наконецъ, въ опроверженіе той мысли Евномія, что свѣтъ въ рожденномъ и нерожденномъ различается степенью, св. Василій приводитъ свидѣтельства Писанія, гдѣ Сынъ Божій называется не степенью свѣта, а свѣтомъ полнымъ, истиннымъ. Въ третьей книгѣ обличается хула Евномія на Духа Святаго, будто бы »Онъ есть третій не только по порядку, но и по достоинству, по естеству; и будто бы Духъ Святой есть твореніе Единороднаго, не имѣющаго Божества и творческой силы«. Въ доказательство Божественности естества св. Духа, св. Василій указываетъ ясныя свидѣтельства св. Писанія (Ис. 6, 3. Пс. 32, 6. 138, 7. Іоан. 14, 26. 1 Кор. 12, 4—11, 2, 11), которое именуетъ Духа Богомъ, Святымъ, зиждителемъ, утѣшителемъ, раздаятелемъ духовныхъ дарованій, испытывающимъ и глубины Божія. Въ обличеніе хулы на Духа Св., будто бы Онъ сотворенъ единороднымъ, не имѣющимъ божества, говорится, что мы крещаемся во имя Отца и Сына и св. Духа, Бога. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книгъ св. Василія противъ Евномія. Но то, что мы представили въ одномъ общемъ и короткомъ обзорѣ, у св. Василія изложено по-

дробно, по частямъ, такъ что разобраны одно за другимъ возраженія, представленныя въ апологіи Евномія, и каждое изъ нихъ опровергнуто разоблаченіемъ діалектическихъ тонкостей Евномія и прямыми свидѣтельствами св. Писанія. Книга о Св. Духѣ, написанная св. Василиемъ по просьбѣ св. Амфилохія, направлена противъ аетіанъ, клеветавшихъ на Василія, будто бы онъ въ славословіяхъ св. Троицы самъ себя противорѣчитъ. Въ этой книгѣ, состоящей изъ 30-ти главъ, можно найти самыя положительныя опроверженія всѣхъ лжеученій о Духѣ Святомъ. Кромѣ этихъ обширныхъ полемическихъ сочиненій св. Василія, онъ говорилъ еще бесѣды и слова противъ Савеллія и аномесъ *о Божествѣ Св. Духа, о Божествѣ Сына Божія, о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла* и писалъ нѣсколько писемъ противъ Аполлинарія. Св. Григорій Богословъ въ надгробномъ словѣ св. Василию такъ отзывается о трудахъ его въ обличеніи еретиковъ: »Василій дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость, и—тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ устъ, а тѣхъ, которые находились вдали, поражаетъ стрѣлами письменъ, не менѣе достойныхъ уваженія, какъ и начертанія на скрижаляхъ... Къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, обличаетъ, запрещаетъ, угрожаетъ, укоряетъ«.

Такъ какъ противъ книгъ св. Василія, писанныхъ въ обличеніе Евномія, этотъ еретикъ написалъ такъ называемую *апологию апологіи*, которой не смѣлъ однако же показать при жизни св. Василія, а обнародовалъ ее уже послѣ смерти сего великаго защитника православія; то св. Григорій Ниссскій, изъ уваженія къ памяти брата, принялъ на себя трудъ написать опроверженіе *новой апологіи Евномія*. Сочиненіе это состоитъ изъ 12 главъ, или книгъ. Сперва Григорій, вскорѣ по смерти Василія, написалъ толь-

ко двѣ книги противъ Евномія, изъ которыхъ въ первой опровергъ клеветы Евноміевы на св. Василия, а во второй опровергъ основанія, на которыхъ Евномій думалъ утвердить свое ложное ученіе о неединосущіи Богу Отцу Сына Божія и Духа Святаго. Въ послѣдствіи онъ прибавилъ къ нимъ еще 10 книгъ, и во второй половинѣ двѣнадцатой книги опровергъ вторую книгу Евномія. Изложивъ доказательства ученія о Божествѣ Сына Божія и Духа Святаго и о непостижимости существа Божія, св. Григорій, при опроверженіи нападеній Евномія на православное ученіе, подробно объясняетъ, что онъ напрасно усиливается ослабить силу доводовъ, изложенныхъ въ книгахъ Василия, и что онъ или не понимаетъ, или намѣренно искажаетъ слова и ученіе св. Василия своими софистическими замѣчаніями. Апологию апологій Евноміевой опровергали еще Феодоръ мопсуетскій и Софроній, но патріархъ Фотій читавшій и эти послѣднія сочиненія, находилъ, что книги св. Григорія Нисскаго противъ Евномія и по изложенію, и по силѣ доказательствъ превосходятъ сочиненій Феодора и Софронія ¹⁾).

Святый Григорій Богословъ, восхвалявшій труды св. Василия противъ еретиковъ, и самъ не мало потрудился въ обличеніи ихъ. Кремъ упомянутыхъ нами сочиненій его противъ аріанъ, онъ обличалъ въ своихъ знаменитыхъ *словахъ о богословіи* евноміанъ, и особенно то ложное ихъ ученіе, по которому они доказывали, что Бога можно совершенно постигнуть умомъ человѣческимъ и отвергали не только единосущіе, но и подобосущіе Бога Отца и Бога Сына. Въ опроверженіе той мысли евноміанъ, что Бога можно совершенно познать умомъ человѣческимъ, въ первомъ изъ своихъ словъ о Богословіи св. Григорій объясняетъ, »каковъ

¹⁾ Прибавл. къ твореніямъ св. отцевъ ч. 20: свят. Григорій, еп. Нисскій. Bibliotek. cod. 6. 7.

долженъ быть богословъ, предъ кѣмъ, когда и сколько любомудрствовать», а именно доказываетъ, что »ему должно быть чистымъ, чтобъ свѣтъ приеиълемъ былъ свѣтомъ, любомудрствовать предъ людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплоднымъ, — любомудрствовать, когда внутри насъ тишина, притомъ любомудрствовать, сколько сами постигаемъ и можемъ быть постигаемы» ¹⁾. Во второмъ словѣ доказывается, что Божество непостижимо для человѣческой мысли, и мы не можемъ представить Его во всей полнотѣ. »Бога«, говоритъ св. Григорій, »каковъ Онъ по естеству и сущности, никто изъ людей никогда не находилъ и, конечно, не найдетъ. А если и найдетъ когда нибудь,—то пусть разыскиваютъ и любомудрствуютъ о семъ желающіе. Найдеть же, какъ я разсуждаю, когда сіе богоподобное и божественное, т. е. нашъ умъ и наше слово, соединится съ сроднымъ себѣ, когда образъ взойдетъ къ первообразу, къ которому теперь стремится«. Даже святые мужи, пророки и апостолы не видѣли и не познали естества Божія. Да и какъ намъ знать Бога, когда мы мало знаемъ даже себя, свою душу, связь ея съ тѣломъ, мало также понимаемъ устройство животныхъ земныхъ, плавающихъ въ водѣ, птицъ, деревьевъ, земли, воздушныхъ явленій, небесныхъ свѣтилъ, и еще меньше знаемъ міръ духовный, небесное естество ангеловъ. Въ третьемъ словѣ заключается общее рѣшеніе діалектическихъ вопросовъ евноміанъ о Единосущіи, и приводятся слова св. Писанія, на основаніи которыхъ мы признаемъ Божество Сына (Іоанн. 1 1. Псал. 103, 4. Іоан. 1, 18. 8, 12. 14, 6. 1 Кор. 1, 24. Евр. 1, 3. Прем. 27, 6. Іоан. 6, 27. Быт. 19, 24. Пс. 44, 7. Апок. 1, 8), а потомъ указываются и реченія, по поводу которыхъ евноміане отвергали Божество Сына, и именно та-

¹⁾ Начало 2-го слова о Богословіи.

вія, гдѣ говорится о состояніи уничиженія Сына Божія, или только о Его человѣческомъ ествѣ. »Реченія болѣе возвышенныя«, говоритъ св. Григорій Богословъ относи къ Божеству и къ природѣ, которая выше страданій и тѣла, а реченія болѣе унизительныя къ тому, кто Сложенъ, за тебя истощилъ Себя и воплотился«. Въ четвертомъ словѣ разбираются порознь всѣ тексты, на которыхъ евноміане думали основать свое лжеученіе. Тексты эти суть слѣдующіе: Притч. 8, 22. 1 Кор. 15, 25. Дѣян. 3, 21. Іоан. 14, 23.—20, 17.—5, 26. 27. Пс. 2, 8. Іоан. 5, 19.—6, 18.—17, 3. Лук. 18, 19. Евр. 8, 25. Марк. 13, 22. Противъ всякаго изъ этихъ текстовъ представлено доказательство, что онъ относится къ еству Сына Божія человѣческому, а не Божескому. За симъ предлагается краткое толкованіе наименованій второго лица Пресвятыя Троицы: Сыномъ, Единороднымъ, Словомъ, Премудростію, Силою, Истиною, Образомъ, Свѣтомъ, Жизнію, Правдою, Освященіемъ, Избавленіемъ, Воскресеніемъ. »Всѣ сіи имена«, говоритъ св. Григорій, »принадлежать вообще и Сущему выше насъ, и Сущему ради насъ«; собственно же намъ свойственныя и принадлежація воспринятому Имъ человѣчеству суть слѣдующія: Человѣкъ, Сынъ человѣческій, Христосъ, Путь, Дверь, Пастырь, Овца, Агнецъ, Архіерей, Малхиседекъ. »Но въ тѣхъ и другихъ наименованіяхъ, въ высокихъ и низкихъ, *Iesus Христосъ вчера и днесъ тѣлесно, Тойже духовно и во вѣки*. Пятое слово посвящено обличенію лжеученія о Духѣ Святомъ. Св. Григорій Богословъ даетъ въ началѣ этого слова понять, что самое лжеученіе о Духѣ Святомъ не имѣетъ опредѣленнаго вида и что духоборцы, разнствующіе въ одномъ, соглашаются въ другомъ, отчего невозможно до подлинности узнать, что принимается ими согласно и что оспаривается. Поэтому онъ рѣшаетъ только такіе вопросы, которые касаются Божества, исхожденія и единосущія Духа Св. со Отцемъ и

Сыномъ. Тѣмъ, которые говорили, что православные христіане вводятъ чуждаго и сопричисленнаго Бога, св. Григорій выясняетъ, что нерожденіе, рожденіе и исхожденіе даютъ названія первое—Отцу, второе—Сыну, третіе—Духу Святому, такъ что неслитность трехъ упостасей соблюдается въ Единомъ ествѣ и достоинствѣ Божества. Изъ этого слѣдуетъ, что Духъ есть Богъ и Единосущенъ, потому что Богъ. Затѣмъ доказывается достопокланяемость Духа Св. и единство Его со Отцемъ и Сыномъ, по тождеству сущности и силы. Для яснѣйшаго раскрытія ученія о Духѣ Святомъ, св. Григорій представляетъ, наконецъ, сводъ текстовъ св. Писанія, въ которыхъ говорится о Богѣ Духѣ Святомъ. Но при обширности словъ св. Григорія о Богословіи не возможно передать въ короткомъ очеркѣ всей глубины христіанскаго богословія, заключающейся въ этихъ словахъ, а пространное изложеніе содержанія ихъ считаемъ здѣсь неумѣстнымъ, и потому отсылаемъ любознательныхъ читателей къ самому подлиннику, прекрасный переводъ котораго можно читать въ твореніяхъ св. отцевъ церкви, въ третьей части твор. св. Григорія Богослова (Москв. 1844 г. стр. 1—133). Къ обличительнымъ же сочиненіямъ св. Григорія Б. принадлежатъ два посланія къ Каледонію, направленные противъ Аполлинарія.

Въ заключеніе обозрѣнія обличительныхъ сочиненій, принадлежащихъ св. отцамъ 4-го вѣка, упомянемъ о 80 словахъ св. Ефрема Сирина «противъ дерзкихъ испытателей» (азтіанъ и евноміанъ), объ обличительныхъ словахъ, св. Амфилохія, въ сожалѣнію, сохранившихся только въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, и о полемическихъ твореніяхъ св. Амвросія медіоланскаго, каковы напр. книги о вѣрѣ, писанныя противъ аріанъ. Достойны также замѣчанія: *Анкоратъ* и *Панарій* св. Епифанія кипрскаго, — обширныя сочиненія, въ которыхъ и заключается исторія и опроверженіе всѣхъ ересей, —

пять словъ св. Златоуста, писанныхъ въ обличеніе ано-меевъ, послѣдователей Евномія, въ которыхъ доказывается непостижимость Божія, и семь другихъ словъ противъ ано-меевъ же, гдѣ доказывается единосущіе Сына Божія со От-цемъ, а также *Бесѣды* его о *Св. Духѣ*, направленные про-тивъ македоніанъ и частію противъ монтанистовъ и мани-хеевъ,—наконецъ, два сочиненія блаж. Іеронима *противъ пе-лагіанъ и письма его къ Марцеллѣ*, въ которыхъ обличаются монтанисты. Изъ одного перечня этихъ сочиненій легко мож-но видѣть, какъ много потрудились св. отцы четвертаго вѣ-ка въ обличеніи разнаго рода еретическихъ заблужденій. Но какъ ни многочисленны и сильны были обличенія ере-сей частными лицами, какъ ни спасительны они были для утвержденія вѣрующихъ въ истинѣ православія, однако, для вразумленія еретиковъ казались недостаточными, и—Церковь принуждена была, по заповѣди Спасителя (Матѣ. 18, 15—17), для опроверженія и низложенія лжеучителей, созывать соборы и, по суду ихъ, обличать и отлучать отъ церковнаго единенія нераскаянныхъ и упорныхъ противниковъ истины.

(Продолженіе будетъ).

Е. Д.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла въ свѣтъ книга: **ОЧЕРКИ БЫТА ДРЕВНИХЪ ЕВРЕЕВЪ** (Пособіе къ изученію св. Писанія). Можно вы-писывать отъ автора, экстраординарнаго профессора кіевской духовной академіи Н. Зайцева, и въ редакціи журналовъ »Тру-ды Кіевской Д. Академіи«, »Воскресное Чтеніе« и »Руко-водство для сельскихъ пастырей« — *Содержаніе*: Положеніе обѣтованной земли—земледѣліе—виноградники—города—до-

мы—браки—одежды—и проч. (всего 30 статей). *Цѣна книги 50 к. сереб., съ пересылкою 70 к. сереб.*

Въ редакціи тѣхъ же журналовъ продается, между прочимъ, **НА ОБЩУЮ ПОТРЕБУ**, сборникъ общепонятныхъ статей (изъ Русскаго православнаго календаря, изданнаго подъ редакцію Н. З. Брестовоздвиженскою Общиною сестеръ милосердія и рекомендованнаго духовно-учебнымъ Управленіемъ для выписки въ духовныя училища). Съ портретами, рисунками и картою Россіи. 1868 г., 260 стр. *Ц. съ пер. 40 к. с.* (Можно выписывать и изъ придворной конторы Е. И. В. Великой Княгини **ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ**, въ *С.-Петербургѣ*).

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯЩЕННЫХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- № 19. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~киевской семинаріи.

1869 года. Мая 11-го.

Содержаніе: Прощальная бесѣда апостола Павла съ ефесскими пастырями.—
Советы родителямъ о воспитаніи дѣтей.—Раскольники на Кавказѣ.—Новыя
книги, относящіяся къ изученію священнаго Писанія.—Объявленіе.

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСѢДА АПОСТОЛА ПАВЛА СЪ ЕФЕССКИ- МИ ПАСТЫРЯМИ ¹⁾).

По общему своему содержанію, эта рѣчь есть одуше-
вленное, подкрѣпляемое собственнымъ примѣромъ апостола,
увѣщаніе ефесскихъ пастырей къ вѣрному прохожденію сво-
его служенія. Желая внушить полное и искреннѣйшее вни-
маніе къ пастырскому долгу, ап. Павелъ, какъ во многихъ
другихъ случаяхъ (1 Кор. 11, 1. Фил. 3, 17), такъ и
здѣсь ставитъ себя въ примѣръ подражанія (см. 18. 20.
34. 35). Такъ онъ дѣлаетъ не по какому нибудь самохваль-
ству, не по естественному обращенію на себя вниманія при
разлукѣ, а по дѣйствительному безукоризненному служенію,
свидѣтелями котораго были собранные пастыри. Онъ смѣло
говоритъ о себѣ и своихъ подвигахъ, потому что, по
его слову, »похвала наша сія есть, свидѣтельство со-
вѣсти нашей, что мы въ простотѣ и богоугодной искрен-

¹⁾ См. № 18-я.

ности, не по плотской мудрости, но по благодати Божіей жили въ мірѣ» (2 Кор. 1, 12). И такъ, примѣръ мой, говоритъ ап. Павелъ собравшимся вокругъ него пастырямъ новоустроенныхъ христіанскихъ церквей, прежде всего пусть руководить васъ на поприщѣ вашего будущаго служенія. Старайтесь, чтобы свидѣтельство совѣсти о вашемъ безупречномъ служеніи составляло самую большую похвалу для васъ, такъ точно, какъ свидѣтельство моей совѣсти составляетъ самую большую мою славу предъ вами (26 ст.). Такимъ общимъ назиданіемъ ап. Павелъ начинаетъ свою рѣчь (18 ст.), такимъ—и оканчиваетъ (34. 35). Въ чемъ же, частіиѣ, ап. Павелъ представляетъ себя образцемъ для будущихъ продолжателей его служенія?

Апостоль, прежде всего, изображаетъ вообще свое служеніе среди асійскихъ христіанъ: *вы вѣстѣ, говоритъ онъ, яко отъ перваго дне, отнелиже приидохъ во Асію, како съ вами все время быхъ: работая Господеву со всякимъ смиренномудріемъ, и многими слезами и напастьми, прилучившимися мнѣ отъ іудейскихъ навѣтъ* (18. 19); затѣмъ, въ частности, описываетъ свою проповѣдническую дѣятельность среди ихъ: *яко ни въ часомъ отъ полезныхъ обинухся, еже сказати вамъ и научити васъ предъ людьми и по домоу: засвидѣтельствую іудеемъ же и еллиномъ еже къ Богу покаяніе, и вѣру аже въ Господа нашего Іисуса Христа* (20. 21).

Изображая свое служеніе вообще въ Асіи, ап. Павелъ говоритъ: вы видѣли и знаете, съ какою покорностію Богу, съ какою кротостію и любовію къ ближнимъ я совершалъ свое служеніе среди васъ. Не легко было мнѣ бороться съ невѣжествомъ и упорствомъ тѣхъ, которыхъ я просвѣщалъ и обращалъ ко Господу; но ради служенія Господу я все сносилъ; всѣ скорби и напасти я переносилъ со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами. Объ этихъ великихъ

скорбяхъ своего служенія въ Асіи апостолъ такъ воспоминаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій: »мы не хотимъ оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о скорби нашей, бывшей съ нами въ Асіи; потому что мы отягчены были чрезмѣрно и сверхъ силы, такъ что не надѣялись остаться въ живыхъ« (2 Кор. 1, 8). Такъ, видно, была упорна та борьба, которую апостолъ долженъ былъ выдержать, насаждая христіанство въ Асіи! Такъ велико было то сопротивленіе, которое въ особенности старались возбудить противъ него іудействующіе! Но не меньшія опасности, не меньшія затрудненія предстояли впереди будущимъ продолжателямъ апостольскаго служенія. Трудно было насадить слово Божіе; но не легко его возрастить, не легко воспитать въ его духѣ принявшихъ это слово. Пастырь—совершитель таинъ Божіихъ, проповѣдникъ слова Христова, долженъ быть всегда готовъ къ борьбѣ съ разнаго рода препятствіями и затрудненіями, которыя встрѣтятся на пути его пастырскаго служенія и къ борьбѣ самой мужественной. Эту-то готовность къ борьбѣ и соединенныя съ нею всевозможныя пожертвованія апостолъ теперь рекомендуетъ будущимъ продолжателямъ своего служенія, въ своемъ собственномъ лицѣ. Онъ говоритъ имъ: »вы знаете. . .« (18. 19). Будьте же готовы и сами тѣмъ трудиться на поприщѣ предстоящаго вамъ служенія.

Описывая свою проповѣдническую дѣятельность, ап. Павелъ съ особенною силою ударяетъ на то, что онъ ничего—и самого малѣйшаго—изъ того, что полезно, или что способствовало бы спасенію, не пропустилъ и не оставилъ безъ вниманія; напротивъ, онъ старался, какъ выражается нѣсколько ниже (27 ст.), возвѣститъ имъ всю волю Божію, раскрыть предъ ними всѣ истины Божіи, преподать имъ все нужное для спасенія. И обо всемъ этомъ онъ говорилъ не только всенародно, въ синагогахъ или на площадяхъ, но и

по домамъ. Такъ велика была заботливость апостола, и такъ велико было его вниманіе къ дѣлу проповѣди Христовой... Впрочемъ, сущность всего того, чему училъ ап. Павелъ и о чемъ говорилъ, состояла въ томъ, чтобы какъ иудеямъ такъ и язычникамъ возвѣститъ »покаяніе предъ Богомъ«, — перемѣну прежней жизни и »вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа« и открыть новый путь жизни, путь вѣры Христовой. Такова, въ сущности, должна быть проповѣдничья деятельность каждаго пастыря проповѣдника. Онъ долженъ пользоваться каждымъ случаемъ, приличнымъ для проповѣди слова Божія, долженъ стараться, по возможности, раскрыть и излагать полно все вѣроученіе христіанское, и сущность всей своей проповѣди поставлять въ томъ, чтобы содѣйствовать покаянію предъ Богомъ и вѣрѣ въ Иисуса Христа.

Описавъ свое апостольское служеніе вообще (18. 1—19) и въ частности коснувшись своей проповѣди въ Асін (20. 2: 1) ап. Павелъ какъ бы такъ говорить: таково было доселѣ мое служеніе Христу Богу, а вотъ наступающее: *и нынѣ се азъ связанъ духомъ, гряду во Иерусалимъ, аже въ немъ хотящая приключитися мнѣ не вѣдый; точіи яко Духъ Святой по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголю, яко узы мене и скорби ждутъ. Но не единому же попеченію творю, ниже имаю душу мою честити, но и службу юже пріяхъ отъ Господа Иисуса, засвидѣтельствовать евангеліе благодати Божіей* (22—24). Такимъ образомъ и мое будущее служеніе можетъ быть для васъ во многомъ поучительнымъ.

22 ст. *И нынѣ се азъ связанъ духомъ* (удерживаемъ) на этотъ разъ чтеніе славянскаго текста: *духомъ*, а въ русскаго перевода:.. »Духа«. Хотя, по духу, мысль русскаго перевода вполне согласна съ библейскимъ ученіемъ, такъ какъ апостолы находились подъ водительствомъ Св. Духа и ап. Павелъ часто дѣйствовалъ по внушенію Св. Духа:

гѣмъ не менѣе, мысль, представляемую славянскимъ текстомъ, въ настоящемъ мѣстѣ, считаемъ болѣе сообразною съ контекстомъ рѣчи), *граду во Иерусалимъ*. Слова эти можно перевести такъ: и вотъ, теперь я, влекомый своимъ духомъ, иду въ Иерусалимъ. Очевидно, апостолъ говоритъ о томъ обязательствѣ своего внутреннего сознанія, которое внушило ему, на этотъ разъ, посѣтить Иерусалимъ. Что это было за обязательство, легко понять всякому, знакомому съ характеромъ ап. Павла. Ап. Павелъ, предъ началомъ каждаго важнаго дѣйствія своего апостольскаго служенія, считалъ долгомъ посѣтить Иерусалимъ—мѣсто, въ которомъ совершилось такъ много знаменательныхъ и дорогихъ воспоминаній для всякаго искренно вѣрующаго послѣдователя Христова. Тутъ онъ могъ подкрѣплять свои силы, тутъ могъ възрѣвать свой духъ, посѣтивъ тѣ мѣста, которыя были освящены дѣйствіями Богочеловѣка. Сюда и теперь онъ слѣшится, желая отправиться въ далекій Римъ, и свое внутреннее стремленіе къ этому священному мѣсту называетъ влеченіемъ духа. Этому влеченію духа, или этому священному своему чувству онъ вполне предается, не зная опредѣленно, что съ нимъ тамъ случится, хотя, на основаніи прежнихъ опытовъ, трудно было ожидать радушнаго пріема. Между тѣмъ Св. Духъ, который руководилъ апостоловъ въ служеніи, свидѣтельствовалъ, что его ждуть тамъ скорби и лишенія, узы и преслѣдованія. Это свидѣтельство Духа не нужно считать какимъ нибудь виѣшнимъ откровеніемъ, или озареніемъ бывшимъ самому апостолу Павлу, но, согласно значенію слова—*свидѣтельствовалъ* и другому слову, его сопровождавшему *по всѣ грады*, нужно понимать въ видѣ богооткровеннаго свидѣтельства, совершаемаго чрезъ другихъ. Въ это время распространенія христіанства въ языческихъ и іудейскихъ городахъ являлись пророки, которые, подобно древнимъ пророкамъ, по внушенію Св. Духа, предрекали будущія собы-

тія. Такъ, въ Антиохіи пророкъ Агавъ предвозвѣстия Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ (Дѣян. 11, 28); такъ, нѣсколько позже, тотъ же Агавъ, или другой пророкъ одноименный съ нимъ, символически предрекалъ ап. Павлу узы въ Іерусалимѣ (21, 11 ср. ст. 4-й). Черезъ такихъ пророковъ Духъ Св., и во время этого путешествія ап. Павла, предрекалъ ему узы въ Іерусалимѣ (23 ст.). Но апостоль, не считавшій ничего выше выполненія своего долга и ничѣмъ такъ не дорожившій, какъ свидѣтельствомъ своей совѣсти о безукоризненномъ выполненіи долга (2 Кор. 1, 12), не смотря на такое свидѣтельство Духа, остается вѣрнымъ своему внутреннему влеченію, лишь бы съ радостію, съ полнымъ внутреннимъ веселіемъ, которое слѣдуетъ за безукоризненнымъ выполненіемъ долга, совершить свое апостольское служеніе (24). Такъ ап. Павелъ ставитъ въ образецъ ефесскимъ пастырямъ Церкви Христовой не только свое прошедшее служеніе, полное скорбей и лишеній, но и будущее (пастунающее), соединенное съ обреченіемъ себя на смерть. Онъ говоритъ имъ (18—21): смотрите на меня не только въ моемъ прошедшемъ, хорошо вамъ извѣстномъ, но и въ будущемъ, теперь пастунающемъ (22—24)! Вездѣ я вѣренъ своему долгу; честное и безукоризненное выполненіе долга, хотя бы оно стоило самой моей жизни, у меня стоитъ на первомъ планѣ. Такъ ап. Павелъ откровенно бесѣдуетъ съ окружающими пастырями,—какъ отецъ съ своими дѣтьми.

Въ виду предстоящаго будущаго, послѣ котораго, продолжаетъ апостоль, вы, можетъ быть, уже не увидите моего лица, я считаю долгомъ дать отчетъ о моемъ служеніи среди васъ: *и нынѣ се изъ вѣмъ, яко ктому не узрите лица моего вы вси, въ нѣхже приидохъ проповѣдуя царствіе Божіе. Тѣмже свидѣтельствую вамъ во днешній день, яко чистъ изъ отъ крове вѣсѣхъ. Не обвинюся бо сказати вамъ всю волю Божію* (25—27).

На основаніи свидѣтельства, высказаннаго Св. Духомъ чрезъ пророковъ, ап. Павелъ почти съ увѣренностію говорить окружающимъ пастырямъ, что они не увидятъ его лица ¹⁾. Это обстоятельство даетъ особенную силу его слову. Отъ лица окружавшихъ пастырей онъ переносится ко всѣмъ тѣмъ, среди которыхъ проходилъ свое служеніе, и какъ бы предъ ними готовится къ отчету о своей доселѣшней дѣятельности среди ихъ. Онъ говоритъ имъ: въ виду такой разлуки, послѣ того какъ я представилъ вамъ свое служеніе среди васъ (18—21), въ нынѣшній день свидѣтельствую, что чистъ я отъ крови всѣхъ ²⁾, что я, съ своей стороны, не виновенъ ни въ чьей гибели. *Не обинухся бо*, ибо я не опускалъ всенародно и по домамъ возвѣщать вамъ всю волю Божию, открывать весь путь домостроительства нашего спасенія, излагать все ученіе объ основаніи царства Божія на землѣ (25—27).

От. Сл—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Такая увѣренность не противорѣчитъ надеждѣ освобожденія изъ узъ, высказываемой апостоломъ въ позднѣйшее время (Филип. 2, 24. Филип. 22) и не исключаетъ возможности позднѣйшаго свиданія съ ефесскими христіанами; поелику въ этомъ разѣ ему не было дано *частнаго* откровенія касательно всей его будущей судьбы, а только было дано *общее* откровеніе касательно его участи въ Іерусалимѣ.

²⁾ *Кровь*, побиблейскому воззрѣнію, есть »душа всякой плоти« Лев. 17, 11; *проливаяй кровь человеку* Быт. 9, 6 тоже значить, что убивающій его; отсюда »чистъ я отъ крови всѣхъ« означаетъ: я не виновенъ ни въ чьей гибели.

1. Умственные способности.

Извѣстно, что дѣти отличаются любознательностью. Міръ Божій, съ которымъ они только что начинаютъ знакомиться, на каждомъ шагѣ поражаетъ ихъ разнообразіемъ, красотою и таинственностью своихъ явленій. Каждый предметъ, который попадаетъ имъ на глаза, составляетъ для нихъ новое явленіе, интересуетъ ихъ, возбуждаетъ стремленіе познакомиться съ нимъ, понять его устройство и значеніе, привести его въ связь съ другими, уже знакомыми, предметами. Въ этомъ случаѣ мы встречаемъ знаніе чистое, совершенно безкорыстное, которое, въ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается между взрослыми,—знаніе не для извлеченія изъ него практической пользы, а для удовлетворенія естественной и врожденной человѣку потребности знанія. Потому—то дѣтская любознательность и называется *естественною любознательностію*. Молодое животное знакомится только съ тѣми предметами, которые полезны для него, доставляютъ ему пищу и вообще необходимы для его существованія. Сущность его развитія состоитъ въ приобрѣтеніи и усовершенствованіи навыка отличать предметы полезные для него отъ вредныхъ, употреблять первые въ свою пользу и избѣгать вліянія послѣднихъ. Человѣческое дитя безпомощно въ практическомъ отношеніи; оно долго не приобрѣтаетъ навыка употреблять въ свою пользу предметы внѣшняго міра. Но въ немъ, съ самыхъ раннихъ поръ развитія, проявляется потребность наблюдать и изучать окружающіе его предметы, и въ этомъ состоитъ отличіе человѣка отъ животнаго.

Само удовлетворить своей потребности знанія дитя, очевидно, не можетъ. Ему неразгадать того, что разгадывали цѣлыя поколѣнія людей, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, и потому дитя постоянно обращается съ вопросами ко взрослымъ. Но между взрослыми всего ближе къ дитяти родители. Въ нихъ оно, съ первой поры своей жизни, привыкло находить для себя опору, съ ними оно свыклось, не чуждается ихъ, считаетъ ихъ *своими*; наконецъ, въ нихъ оно видитъ совер-

¹⁾ Эта статья составляетъ продолженіе статей, напечатан-

шеннѣйшихъ людей, какихъ только можетъ представить. Естественно, что къ нимъ оно и обращается со всѣми своими вопросами, съ ними раздѣляетъ всѣ свои радости, отъ нихъ надѣется получить разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоумѣній. Найдеть ли оно разноцвѣтнѣю бабочку, красивый цвѣточекъ, блестящій камешекъ, тотчасъ бѣжитъ къ родителямъ, чтобы показать имъ свою находку и виѣстѣ съ ними полюбоваться красотою этого предмета. Озадачить ли его какое-нибудь явленіе природы, напр. дождь, внезапный вѣтеръ, еще неслышанный имъ крикъ животнаго, и т. п., оно опять бѣжитъ къ родителямъ, чтобы узнать отъ нихъ причину и значеніе этого явленія.

Эта докучливость дѣтей не всегда нравится, даже, большею частію, не нравится родителямъ. Они преданы практическимъ интересамъ, они трудятся для пріобрѣтенія средствъ жизни, и достоинство знаній опредѣляютъ полезностью ихъ. Между тѣмъ дѣти постоянно отвлекаютъ ихъ отъ дѣла своими вопросами о предметахъ бесполезныхъ, и потому, по мнѣнію родителей, пустыхъ — ничтожныхъ. Поэтому большая часть родителей подавляетъ естественную любознательность дѣтей своимъ равнодушіемъ и холодною къ нимъ непрерывнымъ восторгамъ и вопросамъ, нерѣдко даже встрѣчаетъ съ гнѣвомъ и бранью проявленія дѣтской любознательности. Это зависитъ отъ неумѣнья родителей стать на точку зрѣнія дѣтей. Чѣмъ болѣе взрослый человекъ углубляется въ практическую жизнь, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ цѣнить знанія, по ихъ полезности, и забываетъ тотъ восторгъ, который въ немъ же самомъ, въ годы дѣтства, возбуждало знакомство съ каждымъ новымъ предметомъ и явленіемъ природы. Поэтому, чѣмъ старѣе родители, тѣмъ досаднѣе бываетъ для нихъ докучливость дѣтей и тѣмъ сильнѣе подавляютъ они проявленія дѣтской любознательности. Между тѣмъ эта безкорыстная любознательность, эта чистая потребность

знанія составляет то, что наиболѣе украшаетъ дѣтскій возрастъ и сохраненіе чего, на ряду съ непорочностью дѣтей, наиболѣе желательно для взрослыхъ людей. Она составляетъ могущественнѣйшее орудіе умственнаго развитія человѣка и ей обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ великіе труды въ сферѣ науки. Поэтому ее нужно укрѣплять и развивать въ дѣтяхъ. Первымъ условіемъ для этого должно быть вниманіе родителей къ проявленіямъ дѣтской любознательности. Воспитаніе дѣтей должно быть главнымъ дѣломъ въ жизни родителей, и тяготится ихъ докучливостью родители не имѣютъ права. Достоинъ презрѣнія тотъ человѣкъ, который, родивши дѣтей, тяготится ихъ воспитаніемъ. Впрочемъ, для родителей мыслящихъ, не погрязшихъ вполнѣ въ мелочахъ практической жизни, наблюденіе надъ развитіемъ дѣтей и содействие этому развитію составляетъ лучшее удовольствіе въ жизни. Затѣмъ родители должны принаровняться къ дѣтскому пониманію, должны уметь стать на точку зрѣнія дѣтей. Недостаточно, если родитель, на вопросъ дитяти о какомъ нибудь предметѣ, докторальнымъ тономъ дастъ ему положительный отвѣтъ; такое вкладываніе въ дѣтскую голову готовыхъ матеріаловъ подавляетъ умъ дѣтей, не даетъ простора для его работы. Не нагруженіе дѣтей познаніями составляетъ задачу воспитанія, а образованіе въ нихъ способности пріобрѣтать познанія. Поэтому родители должны быть способны раздѣлять съ дѣтьми восторгъ ихъ, при знакомствѣ съ новыми предметами, должны уметь сойти съ высоты своего развитія и, такъ сказать, на время снова сдѣлаться дѣтьми, чтобы вмѣстѣ съ ними проходить тотъ умственный путь, который ведетъ къ познанію предметовъ. Это высокое педагогическое искусство не легко дается взрослымъ людямъ. Оно требуетъ глубокаго размышленія и значительной опытности, а главное—яснаго пониманія духовной жизни человѣка; потому-то *психологія* (ученіе о душѣ), обыкновенно, и ставитъ

ся въ основу *педагогик* (науки о воспитаніи). Впрочемъ, свойственная родителямъ любовь къ дѣтямъ и сознаніе своего долга, по отношенію къ нимъ, многому помогаютъ и многое замѣняютъ въ этомъ случаѣ.

Такимъ образомъ родители служатъ первыми посредниками между умомъ дѣтей и міромъ Божіимъ, къ познанію котораго стремится умъ ихъ. Но чтобы объяснить что нибудь дѣтямъ, нужно напередъ самому знать то, что нужно объяснить. Поэтому развитіе умственныхъ способностей дѣтей и постоянное обогащеніе ихъ знаніями возможно только для тѣхъ родителей, которые сами достаточно развиты умственно и достаточно богаты знаніями. Что же дѣлать тѣмъ родителямъ, которые, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ своего воспитанія сами не имѣли возможности получить образованіе и обогатиться знаніями? Оставить дѣтей, при первомъ знакомствѣ ихъ съ міромъ Божіимъ, на произволъ судьбы нельзя, потому что это не только противно долгу родителей, но и крайне вредно для дѣтей. Не получая ни отъ кого разрѣшенія своихъ недоумѣній и не будучи сами въ силахъ разрѣшить ихъ, дѣти будутъ составлять ложныя понятія объ окружающихъ ихъ предметахъ и явленіяхъ природы, будутъ населять міръ фантастическими существами, и потомъ они на всю жизнь останутся съ этими ложными, суевѣрными понятіями, что весьма вредно отзывается не только на умственной, но и на практической жизни людей, или, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получивши современемъ образованіе, должны будутъ насильственно вырывать изъ своего ума съ малолѣтства укоренившіяся въ немъ ложныя понятія, что весьма вредно отзывается на всемъ строѣ духовной жизни человѣка. Для грамотныхъ родителей, въ этомъ случаѣ, весьма важнымъ пособіемъ служатъ книги. Не будучи самъ въ состояніи дать ясный отвѣтъ на вопросъ дитяти, не умѣя разрѣшить его

недоумѣніе, родитель обращается къ книгѣ и въ ней находитъ объясненіе не понятнаго. Въ этомъ случаѣ родитель самъ учится вмѣстѣ съ дитяти, объ руку съ нимъ входитъ въ великій міръ знанія. И если онъ дѣлаетъ это съ любовью, интересомъ и удовольствіемъ, если притомъ съумѣетъ замѣнить сухой и положительный книжный языкъ живою образною рѣчью, то для дитяти будетъ легко и радостно приобрѣтеніе новыхъ знаній, и образы предметовъ будутъ живо и прочно запечатлѣваться въ душѣ его. Въ этомъ случаѣ, цѣль воспитанія будетъ достигаться также успѣшно, какъ и въ томъ случаѣ, если родитель самъ, безъ помощи книги, помогаетъ дитяти знакомиться съ міромъ Божиимъ и развиваться умственно. Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ дитяти превышаетъ свѣдѣнія родителя, полезно обращаться за объясненіемъ къ лицу болѣе образованному, особенно къ такому, которое пользуется общимъ уваженіемъ въ извѣстной мѣстности и занимаетъ авторитетное положеніе въ обществѣ, наприм. къ приходскому священнику. Такія лица должны имѣть, и болѣею частію имѣютъ, образованіе, соотвѣтствующее ихъ званію и общественному положенію. Но, обращаясь къ такому лицу, родитель долженъ относиться къ нему съ уваженіемъ, какъ къ авторитету, чтобы своимъ примѣромъ внушить и дитяти довѣріе къ словамъ этого лица и къ ожидаемымъ отъ него объясненіямъ. Наконецъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, можно сослаться на общую причину всѣхъ вещей, т. е. сказать, что такъ Богъ создалъ. Хотя слабый умъ дѣтей и не можетъ возвыситься до созерцанія конечной причины вещей, ищетъ ближайшей, непосредственной причины, и хотя, поэтому, подобный отвѣтъ не развиваетъ ума дѣтей, но, во первыхъ, такой отвѣтъ безспорно справедливъ, во вторыхъ, онъ возбуждаетъ въ душѣ дитяти извѣстное движеніе, дѣйствуетъ на развитіе его чувства. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣ-

дуетъ вопросы дѣтей оставлять безъ отвѣта или давать на нихъ ложныя объясненія. Въ первомъ случаѣ, какъ мы выше сказали, дѣтямъ дается просторъ къ составленію ложныхъ понятій, во второмъ—дѣтя можетъ гдѣ нибудь на-сторонѣ получить вѣрное объясненіе, и тогда въ душѣ его слишкомъ рано возникнетъ сомнѣніе въ истинѣ и подорвется въ немъ довѣріе къ словамъ родителей, что крайне вредно отзовется на всемъ воспитаніи.

Приучая дѣтя къ умственной дѣятельности, помогая ему приобрѣтать познанія, родители должны помнить, что цѣль воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы наполнить голову дѣтяти различными свѣдѣніями, а въ томъ, чтобы развить въ дѣтяти способность приобрѣтать знанія, чтобы дать такое направленіе его умственнымъ способностямъ, при которомъ оно само желало бы и умѣло бы приобрѣтать знанія. Къ этой цѣли воспитанія родители должны стремиться съ самаго малолѣтства дѣтей, съ той ранней поры, когда дѣтя только-что начинаетъ различать внѣшніе предметы и составлять о нихъ представленія. Для достиженія этой цѣли родители 1) не должны давать дѣтяти слишкомъ развлекаться разнообразіемъ внѣшнихъ предметовъ. Только-что вступивши своею мыслию въ міръ Божій, дѣтя, естественно, поражается и увлекается безконечнымъ разнообразіемъ заключающихся въ немъ предметовъ. Притомъ самой природѣ дѣтскаго возраста свойственна какъ тѣлесная, такъ и умственная живость и подвижность: дѣтя неудержимо снѣшится съ познаніями, безпрестанно перебѣгаетъ съ одного предмета на другой. Если не сдерживать излишнія проявленія этой умственной подвижности, если дать ей укрѣпиться въ дѣтяти, то изъ него выйдетъ человѣкъ *разстанный*. Чтобы избѣжать этого недостатка нужно задерживать вниманіе дѣтяти на томъ предметѣ, на которомъ оно разъ остановилось, нужно умѣть принудить дѣтя до тѣхъ поръ не оставлять предмета,

пока не составится въ умѣ его яснаго понятія о немъ. Но при этомъ нужно дѣйствовать такъ искусно, чтобы дитя не замѣчало этого принужденія, чтобы оно съ охотой и удовольствіемъ останавливало свое вниманіе на извѣстномъ предметѣ; иначе можно возбудить въ немъ чувство скуки, и отбить у него охоту обращаться съ своими вопросами къ родителямъ.

2) Нужно умѣть обращать вниманіе дитяти на предметы однородные, т. е. подходящіе подъ одно *общее родовое понятіе*. Вообще каждый, сколько-нибудь развитый умственно, человѣкъ мыслить общими понятіями. Для каждаго понятія, въ дѣйствительности, существуетъ множество частныхъ предметовъ, множество отдѣльныхъ экземпляровъ. И когда мы вызываемъ въ своей мысли какое-нибудь понятіе, мы разумѣемъ не какой-нибудь отдѣльный экземпляръ этого понятія, а совокупность тѣхъ признаковъ, которые общи всѣмъ отдѣльнымъ экземплярамъ и изъ совокупленія которыхъ образуется одно общее понятіе, обнимающее собою всѣ отдѣльные экземпляры. Наприм., когда идетъ рѣчь о березѣ, каждый не глупый человѣкъ понимаетъ, что говорится не о какой-нибудь отдѣльной березѣ, растущей, напр., въ его саду, или полѣ, но вообще о деревѣ, которому усвоено названіе березы. Эти-то общія понятія и даютъ намъ возможность выходить мыслию за предѣлы того небольшого уголка земли, въ которомъ мы проводимъ жизнь свою, живя въ этомъ уголкѣ, обнимать умомъ своимъ цѣлый міръ Божій. И это не есть принадлежность только людей образованныхъ, но свойственно всѣмъ людямъ, которые не лишены отъ природы ума, и умъ которыхъ не остался въ младенческомъ состояніи. Когда вы скажете, что въ Америкѣ растутъ, между прочимъ, березы, каждый крестьянинъ, безграмотный, не имѣющій никакого образованія, но имѣющій сколько-нибудь развитый умъ, пойметъ о какомъ вы деревѣ говорите. Только

идіоты, умъ которыхъ навсегда остался на степени младенческаго развитія, не могутъ отрѣшиться отъ частнаго предмета, не могутъ подняться мыслию на высоту общаго понятія, обнимающаго собою множество частныхъ предметовъ. Дитя, на первыхъ порахъ своего развитія, также прирѣшлено къ частнымъ предметамъ. Подъ словомъ столь оно понимаетъ тотъ именно столь, который оно видитъ предъ собою и чувственный образъ котораго запечатѣлся въ умѣ его; тоже самое и относительно всѣхъ другихъ предметовъ. Но задача воспитанія въ томъ, между прочимъ, и состоитъ, чтобы отъ безконечнаго разнообразія частныхъ предметовъ возвести умъ дитяти къ общимъ понятіямъ, съ высоты которыхъ онъ могъ бы однимъ умственнымъ взоромъ объять цѣлый кругъ частныхъ предметовъ. Для этого родители должны выбирать предметы однородные и такъ обставлять ими дитя, чтобы его вниманіе само собою обращалось на признаки, общіе всѣмъ частнымъ предметамъ, изъ совокупности которыхъ образуется общее понятіе. При этомъ разумѣется, нужно дѣйствовать съ строгой постепенностью и незамѣтно помогать слабому уму дитяти восходить отъ частнаго и непосредственнаго къ общему и отвлеченному.

3) Обращая вниманіе дитяти на предметы однородные, не нужно, однакожъ, доводить это до крайности, до скуки и утомленія. Если взрослый скоро утомляется при одностороннемъ умственномъ занятіи, то тѣмъ болѣе дитя, натурѣ котораго по преимуществу свойственны подвижность мысли и разнообразіе впечатлѣній. Поэтому необходимо довольно часто переводить вниманіе дитяти отъ одного рода предметовъ на другой. Но при этомъ нужно избѣгать случайныхъ, произвольныхъ переходовъ. Не хорошо, если мысль дитяти безъ порядку и безъ связи перехаживаетъ съ одного предмета на другой, совершенно не сходный съ первымъ. Нужно приучать дитя къ мышленію стройному, систематическому, и

для этого такъ обставлятъ дитя, чтобы новый родъ предметовъ, на который обращается его вниманіе, былъ въ нѣкоторыхъ чертахъ сходенъ съ предъидущимъ родомъ предметовъ, подходилъ вмѣстѣ съ нимъ подъ одно высшее, общее понятіе. Вселенная такъ устроена, что всѣ предметы, входящіе въ составъ ея, можно раздѣлить на безчисленное множество отдѣльныхъ группъ. Въ составъ каждой группы входятъ такіе предметы, которые имѣютъ нѣсколько общихъ признаковъ. Въ свою очередь, эти группы предметовъ соединяются между собою въ отдѣльные ряды, изъ которыхъ въ каждомъ содержится нѣсколько первоначальныхъ группъ, имѣющихъ общіе признаки. Надъ этими низшими рядами находятся высшіе ряды, изъ которыхъ въ каждомъ соединено нѣсколько низшихъ рядовъ, также имѣющихъ нѣкоторые общіе признаки, и такимъ образомъ идетъ непрерывная и строго постепенная группировка предметовъ въ болѣе и болѣе общіе и высшіе ряды, пока, наконецъ, всѣ эти ряды не соединятся въ одномъ, самомъ высшемъ понятіи—*вселенной*, или *міра*. При этомъ постепенномъ восхожденіи отъ низшихъ рядовъ къ высшимъ, количество общихъ признаковъ постепенно уменьшается, такъ что въ самомъ высшемъ понятіи вселенной, или міра, которымъ обнимаются всѣ группы частныхъ предметовъ, содержится только одинъ признакъ, общій всѣмъ предметамъ, именно: *бытіе*, или *существованіе*. По этой-то безконечно—великой лѣстницѣ бытія, основаніе которой неизмѣримо широко и которая кверху постепенно суживается, и нужно мало по малу возводить мысль дитяти. Съ возрастомъ, съ бѣльшимъ и бѣльшимъ развитіемъ и укрѣпленіемъ умственныхъ способностей, умъ дитяти долженъ постепенно восходить къ болѣе и болѣе общимъ понятіямъ, долженъ становиться способнымъ обнять однимъ взоромъ бѣльшее и бѣльшее число частныхъ предметовъ. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ цѣ-

лей, къ которымъ должны стремиться родители, заботящіеся о правильномъ воспитаніи своихъ дѣтей.

4) Искусно обращая вниманіе дитяти на признаки, общіе нѣсколькимъ частнымъ предметамъ, и приучая его, такимъ образомъ, къ составленію общихъ понятій, не нужно, въ тоже время, опускать изъ виду признаки частные, принадлежащіе только каждому отдѣльному предмету и отличающіе его отъ всѣхъ другихъ, однородныхъ съ нимъ предметовъ. Съ развитіемъ ума дитяти не нужно снѣшивать; иначе этотъ умъ будетъ *скороплымъ* и отъ того слабымъ. Указанное въ предыдущемъ пунктѣ возведеніе мысли дитяти къ высшимъ, общимъ понятіямъ нужно совершать весьма медленно, съ самой строгой-постепенностью. Составленіе яснаго и точнаго общаго понятія возможно только тогда, если образы частныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ этого понятія, рѣзко запечатлѣлись въ умѣ дитяти, если вниманіе его, при наблюденіи частныхъ предметовъ, не скользило по поверхности ихъ, а въ каждомъ предметѣ останавливалось на тѣхъ признакахъ, которые отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ предметовъ. Въ такомъ только случаѣ понятіе въ умѣ дитяти будетъ неразрывно соединено съ представленіемъ частныхъ, въ дѣйствительности существующихъ, предметовъ, а не будетъ только отвлеченнымъ, безсодержательнымъ словомъ. И чѣмъ большее количество дѣйствительно существующихъ предметовъ послужило основаніемъ для составленія понятія, чѣмъ разнообразіе были эти предметы и чѣмъ рѣзче запечатлѣлись въ умѣ дитяти отличительные признаки ихъ, тѣмъ менѣе развивающаяся мысль дитяти будетъ отрываться отъ дѣйствительности, тѣмъ трезвѣе и основательнѣе будетъ его мышленіе.

П. Р.

РАСКОЛЬНИКИ НА КАВКАЗѢ.

Раскольническая колонизація на окраинахъ Имперіи.

Каково въ настоящее время состояніе раскола? усиливается ли онъ, и если усиливается, то что способствуетъ его усиленію? и какія средства могутъ способствовать его ослабленію? такіе вопросы, нѣтъ сомнѣнія, должны быть признаны вопросами не послѣдней важности, въ наше время. Была пора, когда спеціалисты жарко спорили о причинахъ возникновенія раскола, о томъ, противъ чего служилъ онъ протестомъ, противъ правительства или Церкви, гражданское ли явленіе расколъ или церковное. Теперь едва ли не бесполезно для церковной практики копаться въ историческихъ архивахъ, съ цѣлю рѣшенія спора, интереснаго для историка-спеціалиста. Для Церкви и пастырей Церкви важенъ другой вопросъ, вопросъ о томъ, что расколъ въ наше время, какъ живетъ онъ, каими путями идетъ его развитіе. Русскій расколъ представляетъ фактъ раздробленія религіознаго сознанія и потери единства нравственно религіозныхъ стремленій народа, одного по крови, великаго по числу и исторической судьбѣ. На этотъ фактъ любятъ указывать недоброжелатели Россіи, какъ на *живое доказательство* безсилія господствующей въ ней Церкви (т. е. православной). Впрочемъ, не одни недоброжелатели Россіи приходятъ къ такой мысли, при взглядѣ на внутреннюю живучесть и количественное возрастаніе раскола. Справедливо ли такъ думать? Едва ли справедливо. Сила или безсиліе видны послѣ правильно веденной борьбы. Чтобы серьезно бороться, надо оцѣнить важность борьбы; чтобы правильно вести борьбу, надо близко изучить силы и вспомогательныя средства противной стороны: тогда только, говоримъ, можно судить о силѣ или безсиліи. Чтобы съ успѣхомъ бороться съ расколомъ, необходимо для этого всмотрѣться въ теперешнюю жизнь раскольниковъ.

Конечно, это не такъ трудно въ Имперіи, на виду хорошо знающихъ; но легко ли на окраинахъ!... а раскольники живутъ въ Сибирѣ, въ Крыму, на берегахъ Волги, на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Гдѣ расколъ на виду гражданской и церковной власти, тамъ и борьба съ нимъ менѣе трудна, и наоборотъ, болѣе трудна тамъ, гдѣ его меньше всего знаютъ и гдѣ, кромѣ того, поле церковной и гражданской дѣятельности гораздо шире. Между тѣмъ здѣсь—то именно расколъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Почему? Потому что хуже, если старый стволитый плевелъ будетъ расти на только что воздѣлываемой землѣ, вмѣстѣ съ молодою пшеницей, чѣмъ между давно посѣянною пшеницей, уже болѣе или менѣе взросшей и созрѣвшей.

Странно сказать: раскольникская пропаганда, а раскольники, во всякомъ случаѣ, пропагандируютъ, пропагандируютъ внутри Россіи, на окраинахъ Россіи, открыто и тайно. Они живутъ въ Сибирѣ, на Волгѣ, и на Дону, въ Таврической губерніи, на Кавказѣ и за Кавказомъ. Если описать, какъ они живутъ, то выйдетъ, что и они пропагандируютъ, хотя, съ перваго разу, это можетъ показаться не вѣроятнымъ. Люди, выдававшіеся внутри Россіи своими противоправительственными и противоцерковными дѣйствіями и убѣжденіями, обыкновенно, ссылались въ эти мѣста. Поселеніе и новыя условія жизни вовсе не измѣняли поселенныхъ; они продолжали жить и поступать также, какъ жили и поступали прежде. Кавказъ и Закавказье служили до очень недавняго времени ссылочнымъ мѣстомъ, между прочимъ, и для раскольниковъ. Мѣра эта въ иномъ случаѣ достигала своей цѣли, а въ иномъ нѣтъ. Дѣйствія раскольниковъ были парализуемы тамъ только, гдѣ не было русскаго населенія вблизи, гдѣ имъ приходилось имѣть сношеніе съ однимъ туземнымъ населеніемъ, какъ напр. въ Имеретіи, въ большей части тифлисской губ. и др. Но тамъ, гдѣ они селились среди рус-

скихъ же—ихъ вліяніе дѣлалось неминуемымъ. Такъ было въ ставропольской губ. и въ землѣ Черноморскаго войска.

Кавказскіе раскольники въ дѣлахъ совѣсти

Станицы и села ставропольской губ. и существующія по берегамъ Кубани и Терека представляютъ смѣшенное, въ религіозномъ отношеніи, населеніе. Вмѣстѣ съ православными тутъ живетъ множество и сектантовъ разныхъ. Большая часть станицъ и селъ похожа, въ этомъ отношеніи, другъ на друга. Чтобы судить о состояніи раскола въ нихъ, достаточно взять изъ нихъ два—три. Разумѣется, не въ каждой станицѣ есть всѣ сектанты, и въ этомъ случаѣ необходимо обращаться отъ одной къ другой. Возьмемъ на первый разъ станицу *Бекечевскую*. и два села, *Медвѣжье* и *Развилное*. Раскольники въ нихъ принадлежатъ къ четыремъ сектамъ: фарисействующимъ, иконоборцамъ, хлыстовъ, или шалапутовъ, и поморцевъ.

1. Иконоборцы.

Трудно опредѣлить въ точности цифру семействъ, придерживающихся раскола, потому что многіе держатся раскола тайно. Тайныхъ и явныхъ раскольническихъ семействъ въ Бекечевской станицѣ можно, приблизительно, полагать до девяноста. Изъ нихъ дворовъ пятнадцать явно—фарисействующихъ; остальные иконоборческія. Замѣчательно, что между приверженцами раскола нѣтъ полного единодушія и единства религіознаго. Причина этой розни то, что расколъ занесенъ сюда въ разное время и разными лицами. Иконоборцы явились не слишкомъ давно. Секта эта возникла такимъ образомъ. Въ 1845 г., въ Боталпашинской станицѣ, не далеко отъ Бекечевской, жилъ купецъ Тришкинъ, иконоборецъ. Съ нимъ имѣлъ торговые сношенія казакъ изъ Бекечевской станицы Пулинъ, который и былъ зараженъ первымъ. Отъ Пулина иконоборческую ересь приняли нѣкоторые другіе бекечевцы. Такимъ образомъ явилось открыто исповѣдующаяся

секта. Для ея изслѣдованія назначена была коммиссія. По разслѣдованіи дѣла, казака Пулина обвинили какъ ересіарха и сослали за Кубань; но секта съ тѣхъ поръ усиливалась болѣе, прибрѣтая все новыхъ и новыхъ приверженцевъ. Къ усиленію ея способствуетъ духъ полной свободы совѣсти, господствующій у иконоборцевъ. Собственная совѣсть и собственное сознаніе—вотъ верховные судьи для иконоборца; къ собственной совѣсти и собственному разумѣнію обращается онъ во всѣхъ почти религіозныхъ вопросахъ. Для него не существуетъ большаго авторитета, чѣмъ его собственное пониманіе слова Божія; въ его глазахъ не имѣютъ никакой силы ни церковное преданіе, ни свято-отеческое ученіе; таинства и священнодѣйствія Церкви, по его взгляду, совершенно лишнія вещи, не имѣющія силы, ни мало не способствующія къ спасенію человѣка. Иконоборецъ не церемонится даже прямо и открыто говорить: церковь, что ваша церковь!.. базарь, только!.. Съ этимъ пренебреженіемъ церковной внѣшности, въ духъ протестантизма, въ иконоборцѣ соединяется мечтательная увѣренность въ томъ, что онъ «истинный богочтецъ». Если спросить иконоборца, почему не ходитъ онъ въ церковь, онъ отвѣтитъ: я не хожу въ вашу церковь потому, что Господь Богъ обитаетъ въ нерукотворенныхъ храмахъ, сирѣчь, въ сердцахъ нашихъ; и Ему подобаешь кланяться духомъ и истиною. Почему иконамъ не молишься? если спросить иконоборца; онъ, обыкновенно, отвѣчаетъ: »не сотвориши себѣ кумира« и т. д. Къ такому основному аргументу онъ привяжетъ непременно все мѣста Писанія о идолахъ серебряныхъ, золотыхъ и деревянныхъ—и потомъ не станетъ слушать, что ему ни говорите; или же скажетъ въ концѣ концовъ, отвѣчая въ третьемъ лицѣ говорящему съ нимъ: »предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная«, и еще—»измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка«; али вонъ почитай-ка Ере-

мѣя (Іереміи пророка), какъ тамъ сказано, въ 10 главѣ:
»буй сотворися всякъ человѣкъ отъ ума своего, постыдѣся
всякъ златодѣльникъ во изваяніяхъ своихъ, яко ложная сія,
нѣсть духа въ нихъ; суетна суть дѣла, смѣху достойна«;
и еще глаголетъ: »боги украшаютъ аки человѣковъ ризами,
боги златыя, серебряныя, деревянныя« (изъ посланіи Іереміи).

Въ домахъ иконоборцевъ висятъ вмѣсто иконъ разри-
сованныя яркими красками скрижали заветъ. Нѣтъ у нихъ
и постоянныхъ молитвенныхъ домовъ, ни также чередныхъ,
какъ у фарисействующихъ напр. Чтеніе и толкованіе свящ.
Писанія у себя надому замѣняютъ для каждаго иконоборца
церковныя священно-дѣйствія, постъ, молитвы, словомъ все,
что составляетъ существенную сторону христіанской жизни.
Крайній отрицательный мистицизмъ, впрочемъ, не у всѣхъ
иконборцевъ въ равной силѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, не
давно-отпадшіе, а можетъ быть, инстинктивно сохранившіе
чувство уваженія къ церковной обрядности, сознаютъ силу
таинствъ Церкви, хотя понимаютъ ихъ опять своеобразно,
подъ вліяніемъ мысли о духовномъ служеніи Богу. Былъ
такой случай съ однимъ священникомъ этой станицы (бе-
гачевской). Приходитъ къ нему казакъ С—овъ и проситъ
его окрестить сына у него. Священникъ идетъ. Началось
крещеніе. Но въ то самое время, когда приходилось совер-
шать троекратное погруженіе младенца въ воду, приглашав-
шій останавливаетъ священника. Не такъ вы, батюшка кре-
стите, говоритъ онъ.—А какъ же нужно?—спрашиваетъ священ-
никъ.—Въ Писаніи сказано »аще Іоаннъ убо крести вы водою;
вы же имате креститися Духомъ Святымъ«; а вы суетевъ воду,
развѣ такъ крестятъ (духомъ)?—Да вѣдь въ Писаніи же сказа-
но: »аще кто не крестится водою и Духомъ, не можетъ внити въ
царствіе Божіе«; какъ же говоришь, что не такъ крещу?— Да
такъ, надо крестить Духомъ.—Такимъ образомъ, крещеніе было
остановлено. Не смотря на доводы священника, казакъ о-

стался при своемъ убѣжденіи, что крещеніе должно быть совершаемо непремѣнно Духомъ и что крещеніе, существующее въ нашей Церкви, неправильное, не установленное Господомъ. Конечно, трудно понять, чего требовалъ казакъ, требуя крещенія Духомъ, да едва ли и самъ онъ понималъ.

Какъ въ религіозныхъ вопросахъ у иконоборцевъ господствуетъ полная свобода совѣсти, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ другъ ко другу, по дѣламъ религіознаго характера, существуетъ полная, не стѣсняемая никакими общественными обязательствами, свобода. Семейство для главы—иконсборца замѣняетъ общество; чтеніе библіи въ кругу семейства и объясненіе того, что читается—церковно-общественную молитву и обряды. У иконоборцевъ не существуетъ обязательныхъ религіозныхъ сходовъ. Если кто пожелаетъ—будь то и православный—въ кругу домашнихъ иконсборца начетчика послушать библію, «вкусить яствы духовной», можетъ пожаловать смѣло въ домъ къ иконоборцу.

2. Фарисействующіе.

Фарисействующіе, или субботники, составляютъ около пятнадцати семействъ въ станицѣ Бекечевской. Какъ зашла эта секта сюда? Фарисействующіе внутреннихъ губерній часто ходятъ на богомолье по святымъ мѣстамъ. Во время этихъ переходовъ, ознакомливаясь съ мѣстнымъ населеніемъ, они стараются привлечь легковѣрныхъ на свою сторону, и, вслѣдствіе уваженія вообще къ странствующимъ богомольцамъ, путешествующіе сектанты пріобрѣтаютъ себѣ приверженцевъ. Такъ, по всей вѣроятности, занесено новофарисейство и въ станицы ставропольской губерніи. Бекечевцы—сектанты не знаютъ насадителя «святаго сѣмени», какъ величаютъ себя фарисействующіе.

Секта новофарисеевъ составляетъ діаметріальную противоположность съ иконоборческою ересію. По убѣжденіямъ, касательно важнѣйшихъ истинъ вѣры, новофарисейство не

представляет рѣзкихъ отличій отъ православія. Покрайней мѣрѣ, сами фарисействующие говорятъ, что они признаютъ все, что заповѣдано Церковію православною, ходятъ въ церковь, почитаютъ иконы, постятся, причащаются по православному обряду, признаютъ святость и всѣхъ другихъ таинствъ и священно-дѣйствій Церкви. Но всего того, что православный христіанинъ считаетъ достаточнымъ для спасенія души — не признаетъ достаточнымъ субботаиъ. Внѣшняя публичность, доходящая до неестественности, чтеніе слова Божія вмѣстѣ съ чтеніемъ разныхъ апокрифическихъ сказаній, пѣніе и молитва, рѣдко сходящая съ языка субботаиъ, механически вытверженная и совершаемая безъ участія сознанія — вотъ вся святость, которою такъ любятъ хвастаться фарисействующие. Безъ сомнѣнія, кромѣ этого, и въ пониманіи религіозныхъ истинъ субботаиъ можно указать нѣкоторыя разности отъ православнаго ученія; но эти разности не догматическія и зависятъ отъ того, что занятыя интересами спасенія души болѣе, чѣмъ остальное простонародіе, по крайней мѣрѣ, высказывая болѣе наружной заботливости объ этомъ, они болѣе запымаются чтеніемъ книгъ религіознаго содержанія и богомысліемъ, при чемъ, естественно, при своей неразвитости, доходятъ до несовсѣмъ истинныхъ понятій о предметахъ вѣры. Что новофарисейство не представляетъ рѣзкихъ догматическихъ разностей отъ православія, это объясняется тѣмъ, что основатель общины фарисействующихъ обратилъ вниманіе преимущественно на внѣшнюю сторону жизни своихъ послѣдователей, которой и сообщилъ дѣйствительно рѣзко-отличающую особенность, святость евангельскаго фарисея. Сами фарисействующие не равняютъ себя съ христіанами православными. »Мы-свѣта святые«, говорятъ они; »нами міръ держится«.

Между фарисействующими несравненно болѣе религіознаго единодушія, чѣмъ между иконоборцами. Вопросы, ка-

сающіеся религіознаго благочинія, или вообще вѣры, рѣшаются у нихъ большинствомъ голосовъ. Такъ управлялась, говорятъ они, Церковь и во времена апостоловъ и ихъ непосредственныхъ преемниковъ. Въ настоящее время, въ главѣ фарисействующихъ стоитъ казакъ Г—скій, какъ болѣе другихъ грамотный и искусный въ пѣніи. Ему дано право контролировать внѣшній порядокъ молитвенныхъ собраний ихъ. Собранія эти составляютъ нравственную силу общества фарисействующихъ. Они происходятъ, обыкновенно, въ одномъ изъ нѣсколькихъ чередующихся домовъ. Собираются сектанты наканунѣ каждаго господскаго и богородичнаго праздника вечеромъ, а иногда даже наканунѣ и простыхъ праздниковъ, если изъявлено согласіе общины. Всю ночь они проводятъ въ домѣ, куда собрались. Сначала занимаются пѣніемъ псалмовъ и церковныхъ пѣсней, впрочемъ не исключительно церковныхъ; дозволяются и самосочиненныя пѣсни. Роль регента исполняетъ Г—скій, казакъ. Онъ же улаживаетъ ихъ затѣмъ чтеніями изъ библіи и благочестивыми сказаніями. Съ двѣнадцати часовъ ночи начинается братская трапеза, или вечеря, расходы по части которой принимаетъ на себя хозяинъ дома. Послѣ вечера поютъ, обыкновенно, извѣстные псалмы, по обычаю іудейскому, исполненному и Спасителемъ послѣ тайной Вечери. Собраніе расходится, когда начинаютъ звонить къ заутренѣ. Бывшіе на немъ спѣшаютъ въ церковь, но во время богослуженія, естественно, только зѣваютъ и дремлютъ, успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что духъ, де, бодръ, да плоть немощна.

Между фарисействующими и иконоборцами существуетъ глубокая вражда; фарисействующій не удостоиваетъ иконоборца рукопожатія при встрѣчѣ, хотъ бы находился съ нимъ даже въ родственныхъ связяхъ, онъ кланяется ему, отошедши на десять шаговъ; потому что, дескать, иконоборца какъ разъ на десять шаговъ растоянія окружаютъ все нечистые.

Гассіевъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

Предъ нами пять сочиненій, знакомство съ которыми будетъ весьма не бесполезно для пастырей, поучающихъ и поучающихся отъ божественныхъ писаній. О каждомъ изъ этихъ сочиненій скажемъ по нѣскольгу словъ.

1. Введеніе въ новозавѣтныя книги Священнаго Писанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Архимандрита *Михаила*. Первая половина. Москва. 1869.

Любители научныхъ изслѣдованій о Библии, въ особенности же воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, которымъ благожелательно переводчики и редакторъ посвящаютъ этотъ переводъ »Новозавѣтной Исагогики« нѣмецкаго профессора богословія въ галльскомъ университетѣ *Герике*, должны быть благодарны потрудившимся въ переводѣ и изданіи этой книги. Нельзя отчасти не согласиться съ редакторомъ перевода, что »переводъ книги, такъ высоко стоящей, по своимъ достоинствамъ, въ богатой германской библейской литературѣ, при скудости нашей, принесетъ несомнѣнную пользу и удовольствіе любителямъ научныхъ изслѣдованій о Библии у насъ, въ особенности же воспитанникамъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній«. Дѣйствительно, скудна наша библейская литература, скудна до того, что у ней даже нѣтъ обыкновенныхъ, простыхъ аппаратовъ, способствующихъ къ толковому чтенію Библии. Если бы у насъ не было свято-отеческихъ толкованій изданія прежнихъ лѣтъ и теперь сдѣлавшихся почти рѣдкостію, то даже учителя Писанія, обязанные объяснить своимъ ученикамъ, по возможности, каждый стихъ Библии, были бы въ величайшемъ затрудненіи. Что же касается до пастырей сельскихъ, то вотъ что одинъ изъ таковыхъ пишетъ намъ: »Сидя съ Библіей въ рукахъ, задумавшись надъ затруднительнымъ для моего

разумѣнія текстомъ, вообще прочитывая непонятныя для меня стихи, слова и цѣлыя главы, я каждый разъ испытываю душевное желаніе, дабы явился ко мнѣ, по возбужденію Божію, нѣкій »Филиппъ« и, услышавъ, что я читаю, спросилъ бы меня: »разумѣши ли, яже чтеши?« Я бы, конечно, откровенно сказалъ ему: »какъ могу разумѣть, если кто не наставитъ? Книгъ у меня такихъ нѣтъ, гдѣ бы объяснялась Библія подробно, въ толкованіяхъ св. Златоуста, имѣющихся въ церковной библіотекѣ, объяснена далеко не вся Библія; есть, я знаю, комментаріи на все св. Писаніе, но написаны они на иностранныхъ языкахъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и др.« При этомъ я попросилъ бы своего »Филиппа« взойти и сѣсть со мною и, отверзши уста свои, начавъ отъ Писанія, благовѣствовать мнѣ«. Это, по видимому, довольно эксцентрическое желаніе весьма естественно въ человѣкѣ, искренно желающемъ понять смыслъ извѣстнаго мѣста Писанія и не имѣющаго никакихъ естественныхъ средствъ выразумѣть его. Читаетъ, положимъ, кто-нибудь изъ пастырей книгу пророка Исаи и хоть бы то мѣсто изъ нея, надъ чтеніемъ котораго задумался придворный вельможа Бандакинъ, царицы эѳіопской, пріѣзжавшій въ Іерусалимъ для поклоненія: *во смиреніи судъ его взятъ, родъ же его кто исповѣсть?* и побуждаемый благочестивою любознательностію до подробности уяснить себѣ смыслъ этого текста, что онъ можетъ имѣть у себя для пособія къ объясненію? Можетъ быть у него, пожалуй, переводъ Библии съ еврейскаго, прочитаетъ онъ этотъ текстъ въ переводѣ архимандрита Макарія: »изъ тѣсноты и суда *наконецъ* взять; а родъ Его... кто помышляетъ, что Онъ сѣѣается съ земли живыхъ за преступленія народа«; читаетъ еще у Іереміи: *поживутъ мечты во островахъ* (50, 39), сравниваетъ въ переводѣ съ еврейскаго: »поселятся дикія кошки со гіеннами«;—у прор. Іезекіиля: *въ сердцахъ морстѣмъ Веліму*—это въ славян-

скомъ переводѣ съ греческаго, въ русскомъ же переводѣ съ еврейскаго: »предѣлы твои были въ сердца морей« (27, 4) и мн. т. п.: какъ онъ объяснить себѣ такіа и подобныя мѣста, не имѣя комментарія, или хоть русскаго перевода Библии съ греческаго? Прекрасное и несомнѣнно полезное дѣло—переводъ Библии съ еврейскаго; но едва ли не настоятельно нужда имѣть переводъ Библии на русскій языкъ съ греческаго и любители чтенія св. Писанія, какъ мы положительно знаемъ, не нарадуются »Образцамъ русскаго перевода священныхъ книгъ Ветхаго Завета съ греческаго перевода 72 толковниковъ«, начавшимся печататься съ первой книжки »Трудовъ кiev. д. академіи« текущаго года. Не рѣшаясь говорить ни о достоинствахъ, ни о возможныхъ недоразумѣніяхъ, являющихся при чтеніи этихъ »образцовъ«, или собственно »образца«, такъ какъ мы читали доселѣ только одинъ—переводъ 18-ти главъ книги Бытія, считаемъ нужнымъ, однако, заявить теперь, что изданіе русскаго перевода Библии должно непременно быть съ подстрочными примѣчаніями; въ противномъ случаѣ, при отсутствіи комментариевъ, самый переводъ не для всѣхъ будетъ полезенъ. Это самый нужный ученый аппаратъ для толковаго чтенія Библии; безъ него всякія »введенія« въ св. Писаніе не введутъ въ оное. При хорошемъ же переводѣ Библии съ греческаго, необходима уже будетъ и такая книжка (Введеніе), которая, заключая въ себѣ всѣ результаты науки »Введенія«, толковымъ обзорѣніемъ содержанія каждой библейской книги, служила бы руководствомъ къ курсорному чтенію Библии и способствовала къ напечатлѣнію въ умѣ читателя главнаго содержанія каждой книги. *Задачу* науки »Введенія« мы понимаемъ въ томъ, чтобы изучившій эту науку, вмѣстѣ съ свѣдѣніями, критически засвидѣтельствованными, о писателѣ, поводѣ, цѣли каждой книги, основательно усвоилъ себѣ и содержаніе самой книги. »Введеніе«, по нашему понятію, дол-

жно служить пособіемъ къ послѣдовательному чтенію св. книгъ, знакомить съ текстами Библии и вводить, такъ сказать, въ самую душу ея. Иначе понимается задача «Введенія» иностранными богословами. *Герике*, напримѣръ, задачу новозавѣтной Исагогики, какъ науки, полагаетъ въ томъ, чтобы *ввести* исторически въ Новый Завѣтъ изучающаго оный, самую науку считаетъ одною изъ отраслей *историческаго богословія*, *пропедевтикою* къ истолкованію Библии, такою наукою, которая рассматриваетъ Библию, какъ чисто историческое произведеніе. На основаніи такого взгляда, вся наука эта, въ приложеніи къ Новому Завѣту, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1. Исторіи приготовленія Нового Завѣта; 2. Исторіи происхожденія Нового Завѣта; 3. Исторіи собранія священныхъ книгъ Нового Завѣта въ одинъ составъ, или исторіи канона; 4. Исторіи сохраненія Нового Завѣта, или исторіи текста; 5. Исторіи распространенія Нового Завѣта, или исторіи новозавѣтныхъ переводовъ, и какъ приложенія 6. Исторіи-толкованія Нового Завѣта въ ея основныхъ чертахъ. Въ предлагаемомъ выпускѣ перевода «Исагогики» *Герике* напечатаны еще только два изъ этихъ отдѣленій. Редакторъ перевода приводитъ въ своемъ *предисловіи* слѣдующія слова *Герике*, изъ предисловія къ третьему изданію его книги: »въ новомъ видѣ ратоборства за Христа и Его царство противъ всякой человѣческой мудрости и человѣческаго насилія, борьба изъ-за письменныхъ источниковъ Христіанства получила новое значеніе и столь важное, что почти отъ нея зависитъ окончательное рѣшеніе дѣла. Въ комъ же не возбудитъ новаго интереса наука Введенія въ новозавѣтныя книги св. Писанія? — и прибавляетъ отъ себя: эта борьба отделилась отчасти и въ нашемъ обществѣ, и вопросъ *Герике* относится, поэтому, и къ намъ. » Мы же, въ свою очередь, прибавимъ, что и переводъ книги *Герике* будетъ имѣть успѣхъ въ нашемъ обществѣ настолько, насколько принимаютъ у насъ участія въ этой борьбѣ: кто имѣетъ нужду ратоборствовать или учить дру-

гихъ ратоборству изъ-за письменныхъ источниковъ христіанства, или говоря проще, Евангелій, тому переводъ книги принесетъ несомнѣнную пользу и, пожалуй, удовольствіе.

2. Объясненіе первыхъ 23 главъ книги святаго пророка Исаіи въ русскомъ переводѣ, извлеченное изъ разныхъ толковниковъ Епископомъ *Петромъ*. Москва. 1867.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, авторъ ея, преосвященный Петръ, сказавши нѣсколько словъ о знаніи и важности книги пророка Исаіи, присовокупляетъ: «славянскій языкъ для многихъ неудобопонятенъ, во многихъ мѣстахъ темнота перевода очень затрудняетъ чтеніе и пониманіе пророческаго ученія, лишаетъ той пользы, какую могла бы доставить эта книга при ясномъ пониманіи ея. Желаніе облегчить разумѣніе и доставить пользу любителямъ Слова Божія и было побужденіемъ перевести книгу пророка Исаіи съ еврейскаго на русскій языкъ и, при пособіи лучшихъ толковниковъ, составить краткое объясненіе, удовлетворяющее хотя отчасти желанію понимать смыслъ слова Божія и поучаться». Такимъ образомъ—преосвященный Петръ есть вмѣстѣ и толкователь и переводчикъ книги пророка Исаіи; онъ, значитъ, принявъ на себя двойной трудъ—сначала перевести книгу, а потомъ объяснить ее. Непонятнымъ только остается, почему переводъ книги сдѣланъ съ *еврейскаго*. Судя по словамъ предисловія, что *славянскій* языкъ для многихъ непонятен и темнота перевода (конечно славянскаго) очень затрудняетъ чтеніе и пониманіе пророческаго ученія, авторъ имѣлъ надобность замѣнить только непонятный для многихъ сословій языкъ—русскимъ, и устранить темноту перевода славянскаго. затрудняющую чтеніе и пониманіе, но отсюда не вытекаетъ, что ему была надобность переводить именно съ еврейскаго: естественнѣе, кажется, было бы переводить съ *греческаго*. такъ какъ славянскій переводъ сдѣланъ съ греческаго... Отцы

и учителя церковные, объяснявшіе Писаніе, объясняли его по греческому тексту, и рѣдко прибѣгали за пособіемъ къ еврейскому, когда требовала того настоятельная нужда; такъ бы слѣдовало поступать и намъ. Правда, что западные толкователи Писанія толкуютъ оное непосредственно по переводу съ еврейскаго и только немногіе повудыгаты; но эти толковники намъ не указъ, и пользуясь ихъ объясненіемъ, мы должны имѣть всегда въ виду, главнымъ образомъ, нашъ *церковный* переводъ греческій и по нему сдѣланный славянскій; въ противномъ случаѣ, и самыя объясненія не всегда будутъ объяснять именно требующее объясненія, что и случается отчасти въ объясненіяхъ преосв. Петра. Вотъ напримѣръ, по славянскому переводу читаемъ: *тогда явлени будутъ печатлюющіи законъ, еже не учинися*, — это буквальный переводъ съ греческаго; τότε φαυερει έτοιμα οι αρχιερειεσται τον νόμον του μωυσεως (Ис. 8, 16). Съ еврейскаго же этотъ стихъ такъ переводится преосвящ. Петромъ, какъ и другими переводчиками: »завяжи свидѣтельство, запечатай законъ въ ученикахъ моихъ«, и смыслъ этимъ словамъ дается такой: »пророкъ, находясь въ восхищеніи, при видѣ малаго числа тѣхъ, которымъ Мессія будетъ въ освященіе, а большей части соблазняющихся будетъ въ преткновеніе, соблазнъ, самъ приведенъ былъ въ недоумѣніе; но, въ разрѣшеніе недоумѣнія, слышитъ Бога Отца, повелѣвающаго Мессіи напечатлѣть истины закона и запечатать тайны Евангелія и спасенія въ однихъ только избранныхъ« и т. д. Но объясняетъ ли это сколько нибудь приведенный выше славянскій текстъ, представляющій ту мысль, что, во время откровенія суда Божія, пришествіемъ Мессіи обнаружатся, будутъ видны для всѣхъ люди, препятствовавшіе учиться закону, какъ бы запечатывавшіе законъ (конечно священники), чтобы кто-нибудь не вздумалъ поучиться изъ него, какъ исполнять волю Божію? Впрочемъ, такихъ мѣстъ, сравнительно говоря,

весьма не много, и такъ какъ »объясненіе 23 главъ книги пр. Исаи«, по словамъ автора, »написано только для назиданія вѣрующихъ«, то ищущій назиданія, при чтеніи книги, и не станетъ доискиваться точнѣйшаго объясненія того или другаго текста, хотя нужно сказать, что и ищущій объясненія текстовъ въ книгѣ преосвящ. Петра найдетъ весьма обстоятельныя объясненія. Позволяемъ себѣ высказать желаніе видѣть продолженіе и окончаніе »Объясненія книги пророка Исаи«. Жаль будетъ, если дѣло остановится на одномъ первомъ томѣ.

3. Парафразъ посланія св. апостола Павла къ римлянамъ, составленный У. С. Д. Орловымъ. Полтава. 1869.

Учившіеся герминеитикѣ знаютъ, что *парафразомъ* называется изложеніе мыслей священнаго писателя, сдѣланное съ тою цѣлю, чтобы изъяснить теченіе и связь ихъ, и приблизить текстъ къ понятію читателей или слушателей. Поэтому парафразъ долженъ расברить связь рѣчи тамъ, гдѣ она неудобопонятна, выяснить посредствующія понятія, которыхъ не видно въ рѣчи, или найти ихъ, когда они открываются во множествѣ другихъ понятій, опредѣлить общія неопредѣленныя выраженія, заимствуя все нужное для сего изъ сущности и свойства предметовъ, излагаемыхъ писателемъ. изъ параллельныхъ мѣстъ и т. п. Если не ясны библейскія слововыраженія, то парафразъ долженъ замѣнить ихъ яснѣйшими, періоды многосложные, и отъ того трудные для уразумѣнія, замѣнить простѣйшими, словомъ, уяснить то, что требуетъ уясненія. Читавшіе же посланія св. ап. Павла знаютъ, что въ нихъ, по выраженію ап. Петра, »есть нѣчто не удобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаютъ, какъ и прочі Писанія« (2 Петр. 3, 16). Особенно это нужно сказать въ приложеніи къ посланію къ Римлянамъ, въ которомъ, не смо-

тря на систематическое и строго-логическое развитіе христіанскаго ученія, многое для читателя, не посвященнаго въ сущность богословствованія и вмѣстѣ философствованія Павлова, представляется неяснымъ. Возьмемъ для примѣра хоть одинъ стихъ изъ посланія. Вотъ мѣсто, признаваемое обыкновенно, вмѣстѣ съ предшествующимъ ему стихомъ, темою всего посланія: *правда бо Божія въ немъ* (евангелии) *является отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ* (1, 17). Чтобы достаточно уяснить себѣ это мѣсто, нужно имѣть подъ руками или комментарий на это мѣсто, или же, по крайней мѣрѣ, парафразъ его. Представимъ сначала комментарий его, чтобы читателю яснѣе было видѣть, сколько требуется знаній и глубокой богословской мысли отъ принимающагося за составленіе парафраза, который представлялъ бы полный и вполнѣ отчетливый выводъ изъ предварительныхъ экзегетическихъ изслѣдованій. Для уразумѣнія выписаннаго выше стиха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего посланія, необходимо точнѣе опредѣлить здѣсь значеніе словъ *правда* (*δικαιοσύνη*) и *вѣра* (*πίστις*). Что касается до слова *правда*, то для объясненія его мы должны прибѣгнуть къ еврейскому словоупотребленію его. *Праведный* (цадикъ) у евреевъ былъ такой человѣкъ, все поведеніе котораго вполнѣ согласовалось съ буквою божественнаго закона и который, точнымъ исполненіемъ закона, приобрѣлъ себѣ божественное благоволеніе. Постоянное состояніе такого человѣка называлось *правдою*. Слѣдовательно, по представленію іудеевъ, правда человѣка происходила только отъ внѣшняго исполненія закона; іудей, дѣйствующій сообразно буквѣ закона, при всей внутренней своей нечистотѣ, считалъ себя исполнителемъ Божіей правды. Потому ап. Павелъ часто называетъ эту іудейскую правду *правдою отъ закона*. Эта правда есть собственность, приобретенная самимъ человѣкомъ; именно, когда человѣкъ свое

внѣшнее поведеніе, состоящее въ его волѣ, старается направлять сообразно съ закономъ, тогда онъ собственными усиліями приобрѣтаетъ *собственную* правду; внутренніе же грѣхи, господство порочныхъ внутреннихъ склонностей, поелику за нихъ не назначено было опредѣленное законное наказаніе, іудей считалъ дѣломъ безразличнымъ, безъ особенныхъ усилій онъ очищалъ себя ежедневными жертвами. Потому эту іудейскую правду ап. Павелъ часто называетъ *собственною правдою*. Этой іудейской правдѣ онъ противопоставляетъ *правду отъ Бога* (Филип. 3, 9) и іудейской *собственной правды*—*правду Божию* (Рим. 10, 3). Изъ этого сопоставленія уже слѣдуетъ, что выраженіемъ *правда Божія* означаетъ не свойство Божіе, но свойство, *получаемое человекомъ отъ Бога*. По ученію апостола, всѣ люди, по своей природѣ, грѣшники (ἁδικοι). Всѣ, какъ іудеи, такъ и язычники, находятся въ состояніи *неправды*, и потому въ состояніи немилости и гнѣва Божія. Выйти изъ этого состоянія человѣкъ не можетъ самъ собою; посредствомъ закона онъ также не можетъ приобрѣсть истинной *правды*; потому что человѣкъ собственною силою не въ состояніи совершенно, вполнѣ и истинно исполнить законъ; напротивъ, законъ, соотвѣтственно естественной склонности человѣка ко всему запрещенному, служитъ поводомъ ко грѣху. Богъ сжалился надъ такимъ несчастнымъ состояніемъ, въ которомъ человѣкъ жилъ въ несогласіи съ Богомъ и съ самимъ собою, и даровалъ намъ, по благодати во Христѣ, истинную правду. Иисусъ Христосъ своею искупительною смертію 1) изгладилъ вину человѣческаго рода и 2) возвратилъ намъ Св. Духа, который, вслѣдствіе паденія человѣка, удаленъ отъ человѣчества. Св. же Духъ, изливая въ сердца наши любовь, и чрезъ то очищая и укрѣпляя волю, даетъ намъ возможность и силу быть внутренно праведными и святыми. Выраженіе *правда Божія* у ап. Павла обнима-

еть въ себѣ—освобожденіе отъ вины за грѣхъ, или собственно *оправданіе въ тѣсномъ смыслѣ и освященіе, облаженствованіе*, такъ какъ эти два момента только въ мысли могутъ быть представляемы въ отдѣльности; ибо если человѣкъ внутренно освобожденъ отъ вины за грѣхъ, то, по естественной высшей необходимости, въ его сердцѣ поселяется *спасающая благодать Божія*, или иначе *Духъ Святый*. Эта правда, пріобрѣтенная Христомъ для всего человѣчества, усваивается каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности, или другими словами: правда Божія становится правдою человѣка *предъ Богомъ, чрезъ вѣру*. Но, спрашивается, чтó же разумѣетъ апостолъ подъ *вѣрою*? Слово *вѣра* (πίστις отъ πίθεω), по своему основному значенію, есть актъ убѣждаемости, а также и состояніе убѣжденія, или *принятіе за истину* того, что передается за достойное вѣры. Въ этомъ основномъ значеніи, къ которому сводятся всѣ другія значенія этого слова, принимаетъ ап. Павелъ вѣру, когда (въ гл. 10, 17) говоритъ о вѣрѣ, происходящей отъ слуха проповѣди, или когда въ посл. къ Евр. (11, 1) опредѣляетъ вѣру, какъ увѣренность въ невидимомъ. Вѣра, въ этомъ смыслѣ, есть актъ разума и составляетъ начало спасенія. Но ап. Павелъ слово *вѣра* принимаетъ не только какъ *принятіе за истину* предметовъ откровенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полную довѣрію *преданность* имъ, полное любви принятіе ихъ въ свое сердце, такъ что такая *вѣра* заключаетъ въ себѣ *надежду и любовь*; такая вѣра есть уже не только актъ разума, но и актъ воли, она есть не только корень и основаніе оправданія, но въ зародышѣ уже носить въ себѣ оправданіе. Въ этомъ смыслѣ апостолъ принимаетъ слово *вѣра*, когда онъ (3, 28) прямо говоритъ, что вѣра оправдываетъ, или въ посл. къ Евр. (11, 1), что она есть *осуществленіе ожидаемаго*. По этому опредѣленію, вѣра заключаетъ въ себѣ не только надежду, но и сущность ожи-

даемаго. Кто, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ вѣруетъ во Христа, тотъ имѣетъ въ себѣ правду Божию, тотъ истинно праведенъ предъ Богомъ. О такой-то правдѣ Божіей апостолъ Павелъ говоритъ, что она *является*, открывается въ евангеліи; ибо въ ветхомъ завѣтѣ было тайной, что Богъ, *чрезъ вѣру*, хотѣлъ спасти людей; Христосъ открылъ эту тайну, а апостолъ возвѣщаетъ ее (ср. 4, 3 и д.). Слѣдующее выраженіе: *отъ вѣры въ вѣру* объясняется различно, смотря потому, съ какимъ словомъ соединяется оно, съ *является* или—*правда*. За первую связь стоятъ многіе отцы Церкви и объясняютъ, что *отъ вѣры* значить отъ вѣры *апостоловъ* и вообще проповѣдниковъ евангелія, а *въ вѣру*—вѣру слушающихъ, такъ что смыслъ долженъ быть такой: правда Божія открывается, переходитъ отъ вѣры *учителей* въ вѣру *слушателей*. Другіе понимаютъ это выраженіе въ смыслѣ постепеннаго развитія *предмета* вѣры изъ неясности ветхаго завѣта въ ясность новаго; такъ, что смыслъ выраженія долженъ быть слѣдующій: правда открывается изъ вѣры *пророковъ* въ вѣру *апостоловъ* (Тертуліанъ). Но это толкованіе слишкомъ изысканно. Нужно поэтому слова: *отъ вѣры въ вѣру* связывать не съ словомъ *является*, а съ словомъ *правда*. Но и при этомъ возможны многія объясненія. Можно, во первыхъ, въ этой сжатой выраженной фразѣ находить указаніе на прогрессъ отъ несовершеннѣйшей къ болѣе совершенной вѣрѣ. Потому смыслъ долженъ быть такой: въ евангеліи открывается правда, простирающаяся изъ вѣры и приводящая къ совершеннѣйшей вѣрѣ. Это имѣетъ аналогію съ словами Пс. 84, 7: *отъ силы въ силу*, и отъ *славы въ славу* 2 Кор. 3, 18 (Феофилактъ и др.). Такъ понимаетъ это и г. Орловъ въ своемъ парафразѣ. Но и это толкованіе не сообразно съ общимъ ходомъ мыслей. Ибо апостолъ здѣсь говоритъ не о *прогрессѣ* оправданія, какъ оно развивается изъ одной сту-

пени въ другую; но онъ говоритъ только, что въ евангеліи открывается новый путь къ одной цѣли всѣхъ — *правдѣ Божіей*, именно путь *вѣры*. Поэтому самое простое и естественнѣйшее объясненіе этихъ словъ будетъ слѣдующее: открывающаяся въ евангеліи правда происходитъ отъ вѣры и сообщается отъ Бога въ вѣру, т. е. каждому, кто вѣруетъ. Это объясненіе подтверждается другимъ мѣстомъ у апостола 3, 22. 22., гдѣ выраженіе *во всѣхъ вѣрующихъ* параллельно словамъ *въ вѣру* ср. Гал. 2, 22. — Хотя эта, изъ вѣры происходящая, *правда* въ первый разъ открывается въ евангеліи, т. е. въ новомъ завѣтѣ, однако не противорѣчитъ ветхому завѣту, въ которомъ есть уже темныя указанія на *правду отъ вѣры*. Апостолъ доказываетъ это своимъ читателямъ изъ іудеевъ цитатою изъ книги прор. Аввакума 2, 4. Ходъ мыслей, въ этомъ мѣстѣ, у пророка слѣдующій: пророкъ, возмущенный видимою побѣдою нечестивыхъ надъ праведными и ожидая отмщенія Божія надъ нечестивыми, выходитъ на стражу и видитъ откровеніе Іеговы; онъ видитъ здѣсь видѣніе, которое повелѣвается ему написать, такъ какъ оно исполнится только въ будущемъ: »ибо видѣніе еще вдали; однако оно прійдетъ наконецъ и не обманетъ. Если замедлитъ, то потерпи, ибо оно непременно прійдетъ и не замедлитъ«. Но ожидаемое здѣсь и немѣющее замедлить есть судъ Божій, и въ частности гибель халдеевъ, служившая прообразомъ окончательнаго отдѣленія всякаго зла отъ добра, при второмъ пришествіи Христовомъ; кто не вѣритъ въ этотъ судъ, тотъ погибнетъ: *еще усомнится не благоволитъ душа моя въ немъ; праведникъ же мой отъ вѣры живъ будетъ*. Эта вѣра тождественна съ вѣрою, о которой говоритъ апостолъ. И та и другая вѣра относятся къ одному и тому же *предмету*, такъ какъ идущій Судія, въ котораго вѣруетъ праведникъ у Аввакума, есть Христосъ. По праву, значить, привесть

здѣсь апостолъ это мѣсто.—Все это парафрасту необходимо предварительно выяснить себѣ и усвоить, чтобы потомъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, представить читателю парафразъ. Вотъ какъ г. Орловъ дѣлаетъ парафразъ того стиха, толкованіе котораго мы представили выше: »Евангеліе«, говорю, »есть сила Божія ко спасенію; потому что въ немъ открывается оправданіе наше благодатію Бога — отъ вѣры начинающей, довѣрчиво приëмлющей слово благовѣстія и постепенно возрастающей въ вѣру совершенную, которою живетъ христіанинъ вѣчною жизнію во Христѣ, подобно тому, какъ избранные мужи ветхаго завѣта, въ тяжкія времена плѣна, имѣли жить, по пророку (Аввак. II, 4), и жили вѣрою въ избавленіе отъ плѣна, по благодати Бога, вѣрнаго Своимъ обѣтованіямъ о сохраненіи святаго сѣмени «(Исаіи VI, 13). Въ основаніе своего »парафраза« г. Орловъ вездѣ полагаетъ отеческое разумѣніе текстовъ, пользуется, впрочемъ, и другими толкованіями, такъ что »парафразъ« его представляетъ зрѣлый результатъ основательнаго изученія экзегетической литературы, относящейся къ посланію къ Римлянамъ. Желательно имѣть бы такой парафразъ и на всѣ остальные посланія ап. Павла.

4. Святая земля. Сочиненіе Вильяма Диксона. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Н. С. Кутейникова. Съ приложеніемъ плана Иерусалима. Спб. 1869 года.
5. Очерки быта древнихъ евреевъ. Н. Зайцева. Кіевъ. 1869 года.

Обѣ эти книги имѣютъ то общее между собою, что цѣль той и другой изъ нихъ—сдѣлать очеркъ древняго быта еврейскаго народа и страны, въ которой жили евреи, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что Диксонъ представляетъ свои очерки съ точки зрѣнія свѣтскаго писателя, человѣка наблюдательнаго и умнаго, пытается бросить историче-

скій взглядъ на жизнь древнихъ евреевъ и даетъ читателю живой и мѣстами даже художественный очеркъ современнаго состоянія Палестины; между тѣмъ какъ г. Зайцевъ, воспользовавшись, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, сочиненіемъ одного англійскаго писателя и нѣсколькими нѣмецкими книжками, представляетъ »очерки быта древнихъ евреевъ« съ точки зрѣнія челоѡва духовнаго, и даетъ своему читателю благочестивое и назидательное изображеніе нѣкоторыхъ, преимущественно этнографическихъ, сторонъ жизни древнихъ евреевъ. Кромѣ того, Диксонъ, по его собственнымъ словамъ, предлагая свои замѣтки публикѣ, вовсе не думаетъ поучать людей ученыхъ и имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, помочь читателю, никогда не путешествовавшему, легче представить себѣ ту страну и тѣ событія, которыя такъ сильно занимаютъ его мысли; »очерки« же г. Зайцева составлены такъ, чтобы могли служить неизлишнимъ пособіемъ къ изъясненію нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія—и для пастыря, въ церковныхъ собесѣдованіяхъ, и для учителя, при урокахъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и для отца или матери, въ кругу благочестиваго семейства. при домашнемъ чтеніи св. Библіи. При бѣгломъ даже чтеніи этихъ книгъ ясно дается видѣть, что оба автора достигли предложенныхъ ими цѣлей, и мы рекомендуемъ вниманію читателей объ эти книги, имѣя въ виду пригодность ихъ, при изученіи св. Писанія и въ особенности библейской географіи, археологіи и этнографіи.

X. О.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

О изданіи иконы всѣхъ Святыхъ, чтимыхъ православною Церковію 4-го апрѣля, въ память чудеснаго спасенія драгоцѣнной жизни Государа Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Въ 1866 году 4-го апрѣля случилось страшное, неслыханное, святотатственное покушеніе на жизнь Государа Императора Александра Николаевича, которое едва не потрясло всю Россію и которое, чуднымъ образомъ, отстранилъ отъ насъ милосердый Богъ.

Въ молитвенное благодарственное воспоминаніе Русскаго народа, о спасеніи драгоцѣнной жизни Отца Отечества, написана икона *всѣхъ святыхъ*, чтимыхъ православною Церковію 4-го апрѣля: Преподобнаго отца нашего Іосифа пѣснописца и творца канонѡвъ, Преподобнаго Григорія безмолвника, Преподобнаго Зосмы, Св. муч. дѣвицы Фервуды, сестры ея и рабыни ея; а поверхъ

этихъ, во весь ростъ, 6-ти святыхъ изображеній, въ небесахъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, приемиющій ихъ теплыя молитвы

Икона эта одобрена всѣми, ее видѣвшими, и, въ чемъ слѣдуетъ, усовершенствована, по замѣчаніямъ благочестивыхъ ревнителей православія. Чтобы познакомить съ ея достоинствомъ иногородныхъ и получить возможно большее число основательныхъ о ней замѣчаній, были разосланы фотографическіе съ нея снимки. По распоряженію Его Сіятельства, господина Министра Императорскаго Двора, таковой снимокъ, секретаремъ Государыни Императрицы, поднесенъ Ея Величеству, за что и объявлена мнѣ отъ Августѣйшаго Ея имени благодарность, отъ 10-го октября 1866 г., за № 1855-мъ, и совершенная благодарность Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, отъ 30-го января 1867 г. за № 163-мъ.

Предположенное изданіе этой иконы, въ 12-ть тоновъ, не достигало въ исполненіи желаемого достоинства и по другимъ встрѣченнымъ затрудненіямъ; только въ концѣ прошлаго, 1868 года, изданіе это стало выходить изъ работы, уже производимой въ 16-ть тоновъ, на парусинѣ, масляными красками, въ размѣрѣ 94½ квад. вершковъ.

По удовлетвореніи всѣхъ подписчиковъ на это изданіе, имѣется, въ настоящее время, возможность желающимъ выписать экземпляры этой иконы, высылать ихъ неотлагательно.

Цѣна экземпляру безъ рамы съ укупоркою и пересылкой вообще во всѣ губерніи Россійской Имперіи, 5 р 50 к. Въ рамѣ, золоченой и раздѣланной масляными красками, 8 р., пересылочн. за 18 ф и за укупорку 1 р., 50 к. Въ бронзовой рамѣ, въ 160 квадр. вершковъ, съ изображеніемъ по угламъ 4-хъ евангелистовъ, 12 р. Пересылочныхъ за 20 ф и на укупорку 1 р. 50 к. Въмѣсто 4-хъ евангелистовъ, въ бронзовыхъ кругахъ угловъ такой рамы, могутъ быть за 6-ть рублей, написаны масляными красками: образъ Спасителя въ память 19-го февр. 1861 г.; икона Феодоровской Божіей Матери (замѣчательной тѣмъ, что ею былъ благословенъ на царство 3 марта 1631 г., благовѣрный Государь Михаилъ Феодоровичъ, какъ родоначальникъ нынѣ царствующей династіи, своею благочестивою родительницею, старицею Маркою въ Ипатьевскомъ Костромскомъ монастырѣ) и иконы: Св. Благовѣрнаго князя Александръ Невскаго и Маріи Магдалины, какъ патроны Государя Императора и Государыни Императрицы

Примѣчаніе: Иконы въ рамахъ, по причинѣ величины своей, посылаются почтой безъ стеколъ, которые могутъ быть вставлены на мѣстѣ; для отдѣленія стекла отъ живописи на нѣкоторо разстояніе, имѣется, при каждой рамѣ, внутренняя рамочка. Нужн въ раму вложить стекло, на него внутреннюю рамочку а потомъ уже блатъраму, на которой натянута икона.

Адресоваться въ Кіевъ, къ издателю Ардаліону Петровичъ Каллистратову, близъ церкви Андрея Первозваннаго, въ собственномъ домѣ, подъ № 50-мъ. Издатель А. Каллистратовъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8 мая 1869 г. Цензоръ протоіерей А. Колесовъ

Въ типографіи Н. и А. Давиденко (аренд. С. Кульженко и В. Давиденко).

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТЫХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на ~~~~~ Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- № 20. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. ~~~~~ кievской семинаріи.

1869 года. Мая 18-го.

Содержаніе: Прощальная бесѣда апостола Павла съ ефесскими пастырями.—
Домашній бытъ приходскихъ пастырей.—Совѣты родителямъ о воспитаніи
дѣтей.—Раскольники на Кавказѣ.

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСѢДА АПОСТОЛА ПАВЛА СЪ ЕФЕССКИ- МИ ПАСТЫРЯМИ ¹⁾).

*Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немже вась
Духъ Святый постави епископы, пастии церковь Гос-
пода и Бога, юже стяжи кровію Своею (28).*—Изобра-
зивши въ предшествующей одушевленной рѣчи свое служе-
ніе, апостолъ съ такими словами обращается къ окружав-
шимъ пастырямъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, выс-
шихъ представителей церковной іерархіи, которымъ ввѣря-
лось полное управленіе церковію, но не опуская совершенно
изъ виду и пресвитеровъ въ собственномъ смыслѣ, такъ
какъ тѣ и другіе, епископы и пресвитеры, получали свое
освященіе отъ Св. Духа. Онъ говоритъ имъ: »и такъ, вни-
майте себѣ и всему стаду«. Внимайте прежде всего *себѣ*.
Смотрите, чтобы свѣтильникъ свѣта Христова—Его ученія

¹⁾ См. № 19-й.

и жизни—не погасъ, не потерялъ своего истиннаго свѣта въ вашихъ собственныхъ рукахъ; потому что если этотъ свѣтильникъ потухнетъ въ вашихъ рукахъ, то чѣмъ станете просвѣщать другихъ? Если свѣтъ, который въ тебѣ, тма; то какова же тма (Мат. 6, 23)? Если тотъ свѣтъ, который долженъ свѣтить, померкнетъ въ васъ, избранныхъ, то что сказать о тмѣ, которая должна освѣщаться свѣтомъ, заимствуемымъ уже отъ васъ? Кто не имѣетъ въ себѣ свѣта, тотъ не можетъ дать его и другимъ. Кто не хранитъ въ себѣ свѣта ученія Христова, тотъ не способенъ сохранить его и у другихъ. И такъ, прежде всего, внимайте *себѣ*... Но храня въ себѣ этотъ залогъ, этотъ источникъ истинной жизни, старайтесь также сохранять его въ цѣлости и у другихъ, вамъ ввѣренныхъ. *Внимайте.... и всему стаду*. Вы свѣтильники горящіе; а свѣтильники назначаются для того, чтобы свѣтить другимъ: *ниже вжигаютъ свѣтильника, и ставятъ его подъ снудомъ, но на свѣциницъ, и свѣтитъ свѣтъ, иже въ храминѣ сунтъ* (Мат. 5, 14. 15). И такъ, смотрите, чтобы какъ вы сами, такъ и все общество вѣрующихъ, пребывали во свѣтѣ Христовомъ, въ чистотѣ евангельскаго ученія, въ святой и богоугодной жизни. Я возлагаю на васъ такой долгъ потому, что самъ Св. Духъ, обитающій въ Церкви, руководя другихъ, при избраніи васъ, на это священное служеніе, отдѣлилъ васъ, и, чрезъ рукоположеніе, поставилъ епископами (ср. Дѣян. 13, 3 4)—хранителями, которые, подобно стражу, должны постоянно бдѣть надъ ввѣреннымъ сокровищемъ. Мало того, Онъ поручилъ вамъ *вести Церковь Господа и Бога*, —не только бодрствовать надъ нею, но руководить и управлять ею,—чтобы вы такъ поступали, какъ тотъ пастырь, который »зоветъ своихъ овецъ по имени, и выводитъ ихъ, и когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ предъ ними, а овцы за нимъ идутъ« (Іоан. 10, 3. 4). Такое управленіе и ру-

ководство Онъ поручилъ вамъ тою Церковію, которую Господь Богъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею, сдѣлавъ ее Своею собственностію, проливъ за нее кровь. Что можетъ быть дороже такой собственности? и Онъ ввѣрилъ ее вамъ. Итакъ, поставленные Св. Духомъ и призванные къ такому священному служенію—править Церковію Господа, купленную Его кровію, внимайте себѣ и всему стаду, вамъ ввѣренному.

Кромѣ выше-указанныхъ основаній—поставленія Св. Духомъ и управленія Церковью, купленную кровію Спасителя—внушающихъ вамъ строгое вниманіе къ себѣ и всему стаду, я, продолжаю апостолъ, требую отъ васъ такихъ обязательствъ еще потому, что предвижу уже тѣ опасности, которыя грозятъ внутреннему миру ввѣряемыхъ вамъ церквей. *Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящій стада. И отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе, глаголющій развращенная, еже отторгнути ученики въ слѣдъ себе (29. 30).*

Проповѣдуя цѣлыхъ три года въ Ефесѣ и сосѣднихъ мѣстахъ (ст. 31 ср. 19, 8—10. 20, 3), ап. Павелъ могъ хорошо ознакомиться съ положеніемъ тѣхъ общинъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Онъ могъ предвидѣть тѣ опасности и лжеученія, которыя имъ угрожали. Когда апостолъ бесѣдовалъ съ собранными пастырями, эти опасности были еще далеки; онъ не указывалъ на нихъ въ самомъ Ефесѣ еще и въ то время, когда писалъ свое посланіе къ ефесянамъ (60—61 гг.); но въ сосѣднихъ христіанскихъ церквахъ, въ это время, уже были видны начала гносіса (см. Колос. 2, 4—23). Эти-то опасности, какъ предстоящія еще впередъ, апостолъ изображаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ; онъ пока отличаетъ внѣшнихъ враговъ отъ внутреннихъ; первыхъ, по извѣстному образу, употребленному еще Спасителемъ, онъ называетъ волками лютыми, готовыми расхитить и распудить стадо (ср. Іоан. 10, 10); вторыхъ, имѣ-

ющихъ явиться изъ среды самихъ христіанъ, онъ называетъ людьми *развратными*, людьми говорящими превратно, съ цѣлю вредить единству и цѣлости Церкви Христовой, привлекать къ себѣ истинно-вѣрующихъ и образовать вокругъ себя свое общество. Послѣдніе враги были болѣе опасны; они требовали, со стороны пастырей, особенной внимательности, чтобы сохранить цѣлымъ и невредимымъ то зданіе, которое устроилъ ап. Павелъ. Поэтому, упомянувъ объ этихъ врагахъ, апостолъ тотчасъ продолжаетъ: *сего ради бдите, поминающе, яко три лѣта нощь и день не престаихъ уга со слезами единого кождо васъ* (31). Поэтому будьте въ высшей степени внимательны, бодрствуйте, какъ стражи, имѣя въ виду то, какъ нелегко мнѣ пришлось насадить Церковь Христову среди васъ, какъ я цѣлыхъ три года день и нощь, въ каждое удобное время, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался каждаго изъ васъ поучать истинамъ небеснымъ. Легкомысліе и упорство слушающихъ меня нерѣдко исторгали слезы, но я не уставалъ. Послѣ вышеизложенныхъ и недавно высказанныхъ побужденій, это послѣднее увѣщательное назиданіе должно было много говорить окружающимъ пастырямъ апостола. Имъ много нужно было бодрствовать и по отношенію къ самимъ себѣ, чтобы быть достойными пастырями, и по отношенію къ другимъ, чтобы неопустительно исполнять свой долгъ, и въ этомъ ревностномъ своемъ служеніи они должны были глядѣть на великій примѣръ своего учителя, который такъ ревностно и съ такимъ самопожертвованіемъ совершалъ свое служеніе среди нихъ.

Послѣ такого усиленнаго увѣщанія, апостолъ дальнѣйшее преуспѣяніе и совершенствованіе ефесскихъ пастырей поручаетъ Богу и Его благодатному слову. *И нынѣ предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати Ею, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ* (32). Богъ, Который можетъ укрѣпить и благословить ихъ

на поприщѣ труднаго служенія, и Его благодатное слово, или евангеліе, которое можетъ служить правиломъ для ихъ жизни и дѣятельности, вотъ тѣ два могущественные и все-сильные дѣятеля, которые могутъ облегчить, по ученію апостола, трудности пастырскаго служенія, руководить ихъ на пути къ совершенству, и сдѣлать наслѣдниками вѣчной жизни. Этими послѣдними словами ап. Павелъ хочетъ какъ бы успокоить предстоящихъ пастырей, послѣ высказанныхъ имъ трудныхъ обязательствъ. Онъ какъ бы такъ говоритъ имъ: велико и трудно то служеніе, къ которому вы призваны, но Богъ, призвавшій васъ, силенъ помочь вамъ, а Его слово способно руководить васъ.

Этимъ послѣднимъ утѣшеніемъ ап. Павелъ могъ бы закончить свою прощальную бесѣду съ ефесскими пастырями Церкви; но была еще одна сторона пастырскаго служенія, на которую учитель языковъ не могъ не обратить вниманія въ новоустроенныхъ христіанскихъ общинахъ. Это безкорыстное прохожденіе пастырскаго служенія. Вознагражденіе за трудъ въ новопросвѣщенныхъ христіанскихъ общинахъ, для исполнителей пастырскаго служенія, могло казаться предметомъ не послѣдней важности. Объ немъ-то апостолъ старается теперь высказаться предъ окружающими пастырями. По своему ученію онъ, въ сущности, не отвергалъ добродѣтельныхъ подаяній за трудъ. Въ посланіи къ коринѳянамъ онъ прямо пишетъ: »кто пашетъ, долженъ пахать съ надеждою... Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? если другіе имѣютъ у васъ власть, не паче ли мы« (1 Кор. 9, 10–12)? Въ другомъ мѣстѣ, въ посланіи къ тѣмъ же коринѳянамъ, онъ говоритъ: »другимъ церквамъ я причинилъ издержки, получая отъ нихъ содержаніе для служенія вамъ« (2 Кор. 11, 8). Но признавая право на полученіе вознагражденія, онъ далѣе пишетъ такъ: однако мы не пользовались сею

властію, но все переносимъ, дабы не поставить какой преграды благовъствованію Христову (1 Кор. 9, 12). Къ такому-то труду, соединенному съ самопожертвованіемъ, ап. Павелъ желаетъ расположить и окружавшихъ его пастырей. — Какъ въ предшествующихъ своихъ наставленіяхъ, такъ и здѣсь, онъ прежде всего ставитъ въ примѣръ свое собственное служеніе. *Сребра, или злата, или ризъ, ни единого возжелахъ* (33), — перечисляетъ предметы, которые обыкновенно составляютъ предметъ желанія и приобрѣтенія, и на которые, между тѣмъ, апостолъ не обращалъ никакого вниманія. *Сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужившъ руцѣ мои сѣи* (34); сами знаете, что не только я самъ жилъ отъ труда своихъ собственныхъ рукъ, но и другимъ, бывшимъ со мною, доставлялъ нужное своимъ собственнымъ трудомъ. Причиною, по которой я такъ поступалъ среди васъ, служило слѣдующее: *вся сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя, поминати же слово Господа Иисуса, яко Сами рече: блаженны естъ паче дати нежели приняти* (35). »Во всемъ показавъ я вамъ, что, такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ« (ἀσθενέουσιν). Кого апостолъ здѣсь разумѣлъ подъ слабыми? Многіе изъ древнихъ толковниковъ подъ слабыми, или немощными, разумѣли бѣдныхъ, нуждающихся, не могшихъ своими собственными руками добыть себѣ пропитаніе. Но еслибы апостолъ имѣлъ въ виду бѣдныхъ такого рода, то онъ прямо называлъ бы ихъ бѣдными, нищими (πτωχοί), а не слабыми, немощными. Кромѣ того, изъ контекста можно замѣтить, что у апостола идетъ рѣчь не о вспоможеніи бѣднымъ и нищимъ. Представляя въ примѣръ свое безкорыстное служеніе, соединенное съ многими жертвованіями, ап. Павелъ старается расположить этимъ къ такому же служенію и ефесскихъ пастырей церкви, и для большей силы подкрѣп-

ляя свой собственный примѣръ такимъ основаніемъ: »что, такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ,« конечно, имѣть въ виду не бѣдныхъ и нищихъ, которымъ пастыри не могли пособлять, не получая вознагражденія за свои труды, а тѣхъ слабыхъ и немощныхъ, которыхъ пастыри наставляли и просвѣщали. Легко могло случиться, что новопросвѣщенные христіане, видя своихъ пастырей и учителей, живущихъ на ихъ счетъ, служащихъ имъ за деньги, стали бы смотрѣть на ихъ служеніе, какъ на выгодный промыслъ, для снисканія средствъ къ жизни, и этимъ были бы введены въ заблужденіе на счетъ самаго ученія, которое въ ихъ взглядѣ получило бы видъ ремесла. Легко могло быть и такъ, что новопросвѣщенные христіане тяготились содержаніемъ пастырей и учителей (какъ было въ Коринѣ). Для предотвращенія всякихъ соблазновъ и преградъ къ распространенію благовѣстія Христова, апостолъ ставитъ въ образецъ ефесскимъ пастырямъ свое собственное служеніе, и кромѣ того, говоритъ имъ, что стараясь трудомъ своихъ собственныхъ рукъ добывать себѣ пропитаніе, они должны имѣть въ виду высшую, духовную цѣль, — утвержденіе въ вѣрѣ слабыхъ и еще не окрѣпшихъ въ усвоеніи истинъ христіанскаго вѣроученія, а не пріобрѣтеніе земныхъ выгодъ. Такое ученіе апостолъ подтверждаетъ словами Господа, приведенными изъ устнаго или же письменнаго, неизвѣстнаго намъ, источника преданія: »блаженнѣе давать, нежели принимать«. Значеніе этихъ словъ, въ связи съ предшествующими, таково: блаженнѣе (лучше) подавать духовныя блага, чѣмъ принимать въ награду земныя выгоды. Болѣе способствуетъ къ полученію блаженства подаяніе благъ духовныхъ, чѣмъ принятіе земныхъ выгодъ, земныхъ вознагражденій. Ибо принимающіе въ награду земныя выгоды здѣсь получаютъ свое возмездіе (Лук. 6, 24), а подающіе духовныя блага безъ возмездія надѣются на награду въ жизни вѣчной (Лук. 6, 38).

Съ уясненіемъ этой стороны пастырскаго служенія ап. Павелъ указалъ собравшимъ пастырямъ тѣ важные пункты, на которые они должны были обратить все свое вниманіе. Выѣстъ съ этимъ онъ окончилъ свою рѣчь. *И сія рекъ, преклонъ колѣна своя со всѣми ими помолися* (36). Свое напутственное назиданіе великій учитель языковъ заканчиваетъ совокунною молитвою съ поучаемыми и назидаемыми пастырями. Поручая ихъ Богу и силѣ Его слова, онъ теперь молить, чтобы Богъ укрѣпилъ и утвердилъ ихъ во всемъ томъ, чего онъ желалъ имъ, чтобы Онъ сдѣлалъ ихъ пастырями добрыми и вѣрными своему служенію; съ своей стороны, поучаемые и назидаемые пастыри, зная намѣреніе своего учителя—отправиться съ проповѣдью слова Божія въ отдаленныя страны языческія, могли молить Бога, чтобы Онъ поспѣшилъ ему, въ его добромъ намѣреніи, и сохранилъ его отъ тѣхъ бозней, которыя предстоятъ ему въ Іерусалимѣ.

Трогательный образъ дѣйствій со стороны учителя вызываетъ сочувственныя дѣйствія со стороны поучаемыхъ: *мнози же бысть плачь всмзъ: и нападне на выю Павлову, облобызашу его, скорбяще наипаче о томъ, еже рече, яко къ тому не имутъ лица его узрѣти, провождаху же его въ корабль* (37. 38). Такъ проста, но выѣстъ такъ величественна была разлука апостола, учителя языковъ, съ тѣми, которымъ онъ ввѣрялъ, послѣ себя, великую заботу о благѣ Церкви Христовой. Самъ проникнутый до глубины души великостію и важностію призванія ввѣреннаго ему служенія, онъ хотѣлъ внушить такое же великое уваженіе къ своему служенію и призванію и своимъ сподвижникамъ. Чистое и безуборизненное выполнение своего долга, со всевозможными пожертвованіями, глубокая преданность своему служенію, постоянное бодрствованіе надъ собою и ввѣренными душами, внимательное храненіе исти-

ны ученія Христова въ себѣ и другихъ, безкорыстное и самоотверженное прохожденіе своего служенія, вотъ тѣ главныя стороны, на которыя указывалъ ап. Павелъ собраннѣмъ пастырямъ въ Милитѣ. Не на эти ли стороны пастыри Церкви должны обращать свое особенное вниманіе во всякое, а тѣмъ болѣе настоящее время? Не въ выполненіи ли этихъ обязанностей они должны поставять сущность своего труднаго служенія?

Ст. Сл—скій.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ ПРИХОДСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ ¹⁾.

Всѣ разсмотрѣнныя нами нравственные качества пастыря, прежде всего, проявляются и должны проявляться въ его домашнемъ быту. Проявленіе ихъ въ частной жизни всегда несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что пастырь дѣйствительно имѣетъ эти качества, а не лицемерно выставляетъ ихъ напоказъ другимъ. Посему пастырь долженъ внимать себѣ не только предъ своею паствою, т. е. въ своей общественной дѣятельности, но и предъ своими домашними, и въ уединеніи, и стараться, чтобы его нравственные достоинства отпечатлѣвались на всемъ домашнемъ быту его.

У всякаго человѣка нельзя отдѣлить его общественной дѣятельности отъ частной, домашней жизни: и чѣмъ значительнѣе первая, тѣмъ болѣе обращается вниманіе на послѣднюю. У кого же общественная дѣятельность болѣе значительна, какъ не у пастыря? Посему и на его частную жизнь всегда бываетъ обращено особенное вниманіе; и такъ какъ его домъ постоянно бываетъ открытъ для прихожанъ, то ничто въ немъ не можетъ ускользнуть отъ ихъ вниманія. При такомъ знакомствѣ прихожанъ съ домашнимъ бытомъ священника, въ ихъ представленіи лице его неразлучно со-

¹⁾ Продолженіе стат. о пастырскомъ служеніи. См. № 16-й.

единяется съ мыслию о его домѣ и о его домашней жизни. Разстройство и безпорядки въ домѣ священника невольно у прихожанъ вызываютъ нехорошее понятіе о самомъ священникѣ. Сколько бы онъ ни заботился о своихъ личныхъ достоинствахъ, его никогда не извинять за эти безпорядки.

Обязанный руководить примѣромъ своимъ пасомыхъ, пастырь долженъ представлять для нихъ истинно-христіанскій образецъ не только въ своемъ лицѣ, но и во всемъ своемъ домѣ. Домашній бытъ пастыря долженъ быть для его прихожанъ примѣромъ, которымъ они должны руководствоваться, при устроеніи своего домашнего быта. Здѣсь прихожане наглядно изучаютъ правильныя, истинно-христіанскія отношенія между членами семейства; изъ дома пастыря должны распространяться здравыя начала домашнего воспитанія дѣтей. Благоустроенный домашній бытъ пастыря будетъ поучать прихожанъ правильному домашнему хозяйству и будетъ способствовать облагороживанію ихъ вкуса. Домъ пастыря есть какъ бы малая церковь. Здѣсь, прежде всего, онъ прилагаетъ къ дѣлу свое пастырское попеченіе и здѣсь же, скорѣе всего, научается опытности въ пастырской дѣятельности. Успѣшная пастырская дѣятельность въ кругу домашнихъ служитъ залогомъ успѣховъ пастырскихъ во всемъ приходѣ. Посему-то св. апостолъ заповѣдуетъ: *подобаетъ строителю Божію быти—свой домъ добръ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою: аще кто своего дому неумѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати возможенъ* (1 Тимов. 3, 4. 5). »Сіе ты долженъ памятовать всегда«, говоритъ новопоставленному іерею святительское поученіе. »Ибо когда ты, пастырь Церкви, въ правленіи дому твоего будешь неустроенъ, сіе отниметъ надежду Церкви, чтобы ты могъ сдѣлать устройство во ввѣренной тебѣ паствѣ: когда жена твоя непорядочна, когда домашнія твои, а паче дѣти въ разстройствѣ и не-

благонравіи, можно ли тебѣ сдѣлать устройство во ввѣренныхъ тебѣ? твоя жизнь должна быть примѣромъ жизни ихъ. Храни сіи предписанія, чтобъ твои прихожане отъ твоего примѣра заимствовали правила своей жизни и устройства дома¹⁾. По канонамъ Церкви, пастыри, даже ради блага чести, небрежущіе о своемъ семействѣ, подвергаются запрещенію священнослуженія и даже изверженію изъ сана²⁾.

Какими же качествами долженъ отличаться домашній быть приходскаго пастыря?

Чтобы представить, по возможности, полную картину его домашняго быта, обратимъ вниманіе на его жилище и одежду, на домашнія занятія, на его семейство и домочадцевъ.

Жилище и одежда пастыря.

Жилище пастыря не должно представлять роскоши, изысканности, великолѣбія и вообще такихъ качествъ, которыми тщеславятся мірскіе люди: ему приличны простота и скромность. При простотѣ, жилище пастырей можетъ и должно имѣть нѣкоторую степень изящества: но это изящество, главнымъ образомъ, должно состоять въ порядкѣ, чистотѣ и опрятности и въ украшеніяхъ, запечатлѣнныхъ религіознымъ характеромъ, каковы: иконы, картины духовнаго содержанія и проч. При скромности, жилище пастыря можетъ и должно имѣть нѣкоторую степень удобства: но удобство здѣсь требуется не то, которое нужно для удовольствій и изнѣживанія плоти, а только то, которое необходимо для уединенной, спокойной молитвы и другихъ свойственныхъ священнику домашнихъ занятій. — Заботясь о благоприличіи своего жилища, пастырь долженъ заботиться о благоприличіи своей одежды. Священному сану назначена одна опредѣленная одежда. »Никто изъ числящихся въ клирѣ«, постановляетъ 6-й вселенскій соборъ, »да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути; но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды, уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ. Аще же

1) Святительское поученіе новоп. іерею, стр. 6. 2) Правило Апостольское 5-е.

кто учинить сіе, на едину седмицу да будетъ отлученъ отъ священнослуженій«¹⁾. »Одежду носи долгу до глезна« (т. е. до ступеней), говорить святительское поученіе, »ни отъ пестринъ (не пеструю, а одноцвѣтную), ни отъ утварей мірскихъ (безъ модныхъ свѣтскихъ украшеній)«²⁾. Хотя въ этихъ правилахъ опредѣляется собственно та одежда, въ которой пастырь долженъ являться предъ народомъ; но такую же одежду онъ долженъ употреблять и въ домашнемъ быту: такъ какъ онъ всегда можетъ ожидать посѣщенія кого либо изъ прихожанъ, являться которымъ и преподавать благословеніе не въ свойственной одеждѣ пастырю весьма не прилично. Конечно, иногда нѣкоторыя хозяйственныя занятія требуютъ перемѣны одежды; но пусть же эта перемѣна одежды ограничивается только временемъ таковыхъ занятій. Избѣгая роскоши и щегольства въ одеждѣ, пастырь, ради достоинства своего сана, обязанъ вездѣ являться въ чистой и опрятной одеждѣ; а чтобы заботливость о чистотѣ и опрятности обратить въ навыкъ, онъ не долженъ оставлять ее и дома, даже когда увѣренъ, что никто не посѣтитъ его.

Домашнія занятія пастыря.

Въ какихъ занятіяхъ должно проходить у пастыря то время, когда онъ остается дома свободнымъ отъ церковно-приходскихъ обязанностей? У дѣятельнаго пастыря, заботливо выходящаго во всѣ нужды пасомыхъ, такого времени остается не много: но и изъ этого времени ему нужно удѣлять часть на необходимый отдыхъ и на выполненіе положенныхъ уставомъ молитвенныхъ правилъ. Остающееся затѣмъ время пастырь долженъ употреблять, *во первыхъ*, на домашнее предварительное приготовленіе къ пастырскимъ трудамъ. Его обязанность, каждый воскресный и праздни-

¹⁾ Правило 27-е 6-го всел. собора. ²⁾ Святит. поученіе стр. 2.

ный день — сказать поученіе народу; его обязанность, при исполненіи требъ христіанскихъ, давать прихожанамъ различные частныя наставленія. То и другое требуетъ предварительнаго приготовленія: поученіе для церковной каѳедры нужно напередъ составить и написать, а частныя наставленія нужно напередъ обдумывать, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, которые можно заблаговременно предвидѣть. Это и есть первое и самое необходимое домашнее занятіе для пастыря. Какъ церковныя поученія, такъ и частныя наставленія должно почерпнуть изъ слова Божія и ученія Церкви. Священное Писаніе и ученіе Церкви можетъ и должно быть извѣстно пастырю изъ школы; но въ школѣ то и другое не можетъ быть познано во всей полнотѣ. Для достиженія этой полноты знанія не достаточно цѣлой жизни человека. Посему, какъ бы ни было успѣшно школьное образованіе пастыря, онъ не долженъ полагаться на него, но обязанъ постоянно заниматься чтеніемъ и изученіемъ слова Божія, отеческихъ писаній и современныхъ богословскихъ сочиненій. Кому изъ пастырей болѣе было извѣстно слово Божіе, какъ не блаженному ученику ап. Павла, Тимоѳею, о которомъ самъ апостолъ свидѣтельствовалъ, *яко изъ млада священна Писанія умъетъ* (2 Тим. 3, 15)! Однакожъ, поставивъ его епископомъ, св. апостолъ съ особенною силою внушалъ ему продолжать чтеніе и изученіе слова Божія: *внемли чтенію, утѣшенію, ученію. Внимай себѣ и ученію: и пребывай въ нихъ* (1 Тим. 4, 13. 16). Высокій примѣръ ревности изученія слова Божія пастырь можетъ видѣть во всѣхъ знаменитыхъ отцахъ и учителяхъ Церкви. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ изученіи слова Божія проходили дни и ночи: чтеніе смѣняло молитву, молитва — чтеніе ¹⁾. И такъ второе необходимое домашнее занятіе

¹⁾ См. Руководст. для с. п. за 1861 г. т. 2, стр. 64.

пастыря — это есть изученіе священ. Писанія и ученія Церкви.

Указанныя домашнія занятія необходимы пастырю, для успѣха его пастырской дѣятельности; но есть другія занятія, которыя ему необходимы для восполненія средствъ содержанія себя и своего семейства. Изъ нихъ наиболѣе общее и важное въ быту современныхъ пастырей есть занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Мы уже сказали, что сельское хозяйство, для большинства нашихъ приходскихъ пастырей, есть одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ къ содержанію себя и своего семейства. Теперь обратимъ вниманіе на то, насколько свойственно пастырю занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Въ настоящее время, когда вообще вопросъ о содержаніи нашего духовенства еще не рѣшенъ окончательно, касательно сельско-хозяйственныхъ затятій пастыря встрѣчаются противорѣчащія мнѣнія. Одни говорятъ: заниматься сельскимъ хозяйствомъ неприлично облеченному священнымъ саномъ; это занятіе престолярное и черное; оно уравниваетъ священника съ крестьяниномъ; священникъ за плугомъ или съ серпомъ въ рукѣ съ трудомъ можетъ быть узнаваемъ, и легко можетъ подвергнуться оскорбленіямъ. Тяжелые труды и хлопоты по сельскому хозяйству препятствуютъ умственному развитію священника и могутъ довести его до престолярной грубости. Наконецъ, сельско-хозяйственные заботы отвлекаютъ вниманіе пастыря отъ его главнаго дѣла и не даютъ возможности надлежащимъ образомъ исполнять лежащія на немъ обязанности ¹⁾. Другіе говорятъ противное; въ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ не находятъ ничего унижительнаго для пастыря, на томъ основаніи, что всякій честный трудъ ни для кого не можетъ быть униженіемъ, и особенно трудъ земледѣлія, который Самимъ Бо-

¹⁾ См. Р. д. с. п. 1863 г. т. 1. стр. 173.

гомъ назначенъ для всего рода человѣческаго, въ лицѣ прародителей. Не видятъ въ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ препятствія и къ умственному развитію священника; напротивъ, думаютъ, что близость къ природѣ, при этихъ занятіяхъ, благотворно можетъ дѣйствовать на самую душу священника: ибо видимая природа есть вторая книга откровенія, и притомъ весьма понятная священнику, какъ знакомому съ письменнымъ откровеніемъ. Наконецъ, думаютъ, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ не можетъ вредить и успѣху пастырской дѣятельности священника; напротивъ, сближаетъ священника съ народомъ, даетъ возможность лучше всмотрѣться въ его бытъ и характеръ и открываетъ многочисленные случаи дѣйствовать на его умственное, религіозное и нравственное развитіе ¹⁾. Изъ этихъ двухъ противорѣчащихъ мнѣній въ сознаніи нашего общества получаетъ перевѣсъ послѣднее: въ настоящее время не только правительство, но и общество однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ содержанія и улучшенія быта духовенства признаетъ надѣленіе его землею. Въ пользу того же мнѣнія говоритъ и вся древность христіанская. Извѣстно, что, въ древнія времена, многіе знаменитые пастыри Церкви (Григорій Назіанзинъ, Спиридонъ Триміуонтскій, Анастасій пресвитеръ и другіе) занимались земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и другими сельско-хозяйственными трудами. И эти труды, нисколько не уменьшая уваженія къ нимъ народа, не мѣшали успѣху ихъ пастырской дѣятельности, и не препятствовали имъ достигать высокаго духовнаго совершенства. Правда, сельскія занятія могутъ быть и вредны для священника, когда онъ до крайности увлечется этими занятіями, такъ что изъ-за нихъ забудетъ о своемъ главномъ дѣлѣ или по-

¹⁾ См. Р. д. с. п. 1862 г. т. 2. стр. 264; статья: «священникъ, какъ сельскій хозяинъ».

ставить его на второй планъ; но это не можетъ случиться съ добрымъ пастыремъ, который благо своей паствы никогда не поставитъ ниже своихъ выгодъ.

Впрочемъ, сельское хозяйство не есть занятіе неизбежное для всѣхъ пастырей. Не у всѣхъ пастырей есть во владѣніи земля; не всѣ могутъ находить выгоду въ обработываніи ея собственными руками или подъ личнымъ надзоромъ; нѣкоторые, даже имѣя выгодную землю, могутъ не имѣть расположенности и способности къ этимъ трудамъ. Но для всякаго пастыря, какъ хозяина дома и главы семейства, неизбежно употреблять нѣкоторое время на занятіе домашнимъ хозяйствомъ. Ему нужно присмотрѣть, все ли исправно въ его домѣ; нужно распорядиться относительно дневнаго продовольствія себя и домашнихъ, а иногда необходимо употребить и физическій трудъ по дѣламъ домашнего хозяйства. Такія занятія необходимы для благоустройства дома пастырскаго; кромѣ того, они полезны пастырю, какъ средство для уравниванія его физическихъ силъ съ духовными. Даже великіе подвижники, совершенно отказавшіеся отъ всякихъ житейскихъ попеченій и посвятившіе себя духовно-созерцательной жизни, считали необходимымъ для себя физическіе труды: копали землю, садили и поливали деревья, плели корзины, и проч.

Само собою разумѣется, что занятія домашнимъ хозяйствомъ, для всѣхъ пастырей неизбежныя, не у всѣхъ могутъ быть равны по своей обширности и сложности. Здѣсь все зависитъ отъ средствъ, которыми располагаетъ пастырь, и отъ бѣльшей или меньшей численности его семейства. Найдется много приходскихъ пастырей, у которыхъ на хлопоты по дому требуется очень немного времени. Такъ какъ у нѣкоторыхъ и самые пастырскіе труды, по малочисленности прихода, не обширны; то у нихъ и сверхъ часовъ, употребляемыхъ на приготовленіе поученій, на чтеніе слова

Божія и другія необходимыя домашнія занятія, можетъ оставаться еще свободное время. Какимъ занятіямъ такіе пастыри могутъ посвящать свои досуги? Есть занятія, не для всѣхъ пастырей обязательныя, но весьма приличныя и полезныя для нихъ. Это занятія науками, упражненіе въ сочиненіяхъ.

Мы сказали, что пастырю необходимо изучать слово Божіе и ученіе Церкви: для этого ему необходимо обращаться къ разнымъ отраслямъ наукъ богословскихъ. Занятія этими науками могутъ имѣть различную мѣру и степень. Пастырь, имѣющій досугъ, не ограничиваясь насущными потребностями религіознаго знанія, можетъ изучать эти науки во всей полнотѣ и подробности, притомъ, кромѣ богословскихъ наукъ, можетъ посвящать время и на изученіе общеобразовательныхъ наукъ. Въ его приходѣ могутъ быть люди различныхъ степеней образованія; онъ долженъ превосходить всѣхъ въ знаніи религіи, дабы имѣть возможность дать отвѣтъ всякому вопрошающему: но весьма полезно ему имѣть болѣе или менѣе обширное знакомство и съ другими предметами человѣческаго знанія. Такое знакомство, съ одной стороны, даетъ ему возможность распространять полезныя свѣдѣнія между малообразованными своими прихожанами: съ другой стороны, оно открываетъ ему путь къ сближенію съ людьми образованными и доставитъ ему болѣе удобства пастырски на нихъ дѣйствовать. Какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наукъ весьма много. Если пастырь будетъ браться за всѣ или же даже за многія науки, безъ обдуманнаго плана, то онъ мало получитъ пользы отъ наукъ, даже при усердномъ занятіи. Одному человѣку нельзя изучить всѣхъ наукъ; поверхностное же и безпорядочное знакомство со многими разнообразными предметами можетъ быть даже вредно, приучая духъ къ разсѣянности. Благоразуміе требуетъ изъ множества наукъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, оставивъ вниманіе на одной какой нибудь и обращаться къ

другимъ по той мѣрѣ, въ какой они имѣютъ къ ней отношеніе. При этомъ выборѣ пастырь долженъ соображаться съ своими способностями и наклонностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ обращать вниманіе и на то, чтобы его спеціальное знаніе какой нибудь науки могло быть болѣе или менѣе приложимо въ его пастырской дѣятельности. Конечно, какую бы науку ни избралъ пастырь изъ круга богословскихъ наукъ, для спеціальнаго изученія, онъ легко можетъ сдѣлать приложеніе своихъ знаній въ пастырской практикѣ, и потому, при выборѣ богословскихъ наукъ, онъ можетъ руководствоваться только своими наклонностями и способностями. Но изъ свѣтскихъ наукъ нѣкоторыя весьма далеки отъ пастырскаго дѣла. Наболѣе же близкое отношеніе къ пастырству могутъ имѣть науки историческія, науки медицинскія и сельско-хозяйственныя. Требуется только, чтобы занятія этими науками не поглощали всего вниманія пастыря, не отвлекали его отъ главныхъ обязанностей и не служили въ ущербъ его пастырской дѣятельности.

Весьма полезно и прилично пастырю употреблять свободное время на упражненіе въ сочиненіяхъ. Занимаясь сочиненіями, пастырь долженъ имѣть въ виду то, чтобы обнародывать сочиненія посредствомъ печати, что въ настоящее время для пастырей очень удобно, когда между духовными періодическими изданіями существуютъ многія, назначенныя быть органами приходскаго духовенства. Пастырю, особенно имѣющему небольшую паству, весьма прилично своими литературными произведеніями оказывать просвѣтительное вліяніе на болѣе или менѣе обширный кругъ читающей публики. Но если пастырь и не будетъ печатать своихъ сочиненій,—то все таки они будутъ для него весьма полезны. Сочиненія, какъ самостоятельное изложеніе мыслей, обыкновенно, способствуютъ прочности, основательности и отчетливости познаній, а для пастыря они полезны еще и

тѣмъ, что приучать его скоро и легко составлять поученія. Пастырь, занимающійся науками и внимательный къ своему дѣлу, никогда не затруднится въ выборѣ предмета и рода сочиненій.

Однимъ изъ наиболѣе приличныхъ и полезныхъ для пастыря родовъ сочиненій есть веденіе церковно-приходской лѣтописи, т. е. записываніе по годамъ всѣхъ важнѣйшихъ событій, касающихся храма, причта и прихожанъ. Кромѣ того, что это занятіе установитъ въ пастырѣ отчетливый взглядъ на поприще его дѣятельности, — такая лѣтопись церкви и прихода будетъ весьма полезна для практики его преемниковъ и послужитъ важнымъ матеріаломъ для будущихъ составителей общей исторіи церкви. О чемъ писать въ церковно-приходской лѣтописи, какъ и по какому плану, это обстоятельно изложено въ предложеніи архіепископа Варлаама (бывшаго оренбургскаго, нынѣ черниговскаго), данномъ въ 1866 году оренбургской консисторіи ¹⁾.

Не менѣе полезнымъ и приличнымъ, но еще болѣе удобнымъ для пастыря письменнымъ занятіемъ можетъ быть веденіе собственнаго дневника. Въ немъ пастырь, не стѣсняясь никакимъ опредѣленнымъ планомъ, свободно можетъ излагать все, что касается его пастырской дѣятельности, домашней жизни и его внутреннихъ воззрѣній и чувствованій. Вedenіе дневника можетъ приносить пастырю разнообразную пользу. Подробное и искреннее изложеніе внутреннихъ чувствованій и движеній скорѣе всего пастырю можетъ раскрыть его духовные недостатки, которые безъ того остались бы незамѣченными. Внимательное обсужденіе своихъ поступковъ, при изложеніи ихъ въ дневникѣ, скорѣе всего дастъ понять причину успѣховъ или неуспѣховъ его дѣятельности. За-

¹⁾ См. Рук. для с. п. 1867 г. т. 1. стр. 100—108. »Приходскія лѣтописи«.

писываніе наблюденій надъ своимъ пасомымъ, при какомъ бы то ни было случаѣ, и надъ своимъ вліяніемъ на нихъ будетъ способствовать надлежащему пониманію характера и потребностей своей паствы. А въ скорбныя и трудныя минуты пастыря, когда некому ему бываетъ повѣрить своихъ чувствованій, дневникъ, въ нѣкоторой степени, можетъ замѣнить для него друга-утѣшителя, которому онъ можетъ повѣрить все, что скрывается въ глубинѣ его души. Если пастырь будетъ непрерывно и разумно вести дневникъ въ теченіи многихъ лѣтъ, то въ немъ соберется значительный запасъ многообразныхъ наблюденій, который послужитъ для него школою многосторонней опытности. А что всего важнѣе, дневникъ ощутительно представитъ ему слѣды премудраго и всеблагаго Промысла, который столь же явственно проявляется въ жизни бождаго частнаго человѣка, какъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ и народовъ.

СОВѢТЫ РОДИТЕЛЯМЪ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Умственные способности ¹⁾).

Чтобы составить понятіе о предметѣ, необходимо замѣтить какой-нибудь отличительный признакъ его, т. е. такой признакъ, который принадлежитъ только этому одному предмету, и отличается его отъ всѣхъ другихъ предметовъ. Такимъ точно образомъ составляются понятія о вѣшнихъ предметахъ и въ умѣ дитяти. Сначала, вслѣдствіе частаго повторенія впечатлѣній, производимыхъ извѣстнымъ предметомъ на органы вѣшнихъ чувствъ дитяти, въ душѣ его напечатлѣвается неясный, неопредѣленный, слитный образъ этого предмета. Такимъ именно путемъ, въ душѣ дитяти, напечатлѣвается образъ матери, какъ существа,

¹⁾ См. № 19-й.

которое постоянно ухаживаетъ за нимъ, избавляетъ его отъ разныхъ непріятныхъ ощущеній, кормитъ его, ласкаетъ, однимъ словомъ постоянно производитъ на его органы внѣшнихъ чувствъ однородныя впечатлѣнія. Вслѣдствіе того, что всегда одинъ и тотъ же предметъ производитъ на дитя извѣстныя впечатлѣнія, оно мало по малу привыкаетъ неразрывно соединять ихъ съ этимъ предметомъ. Эти-то впечатлѣнія, всегда производимыя однимъ и тѣмъ же предметомъ, дитя и присвоитъ этому предмету, какъ его *отличительные признаки*. Эта эпоха весьма важна въ умственномъ развитіи дитяти. Прежде, при словѣ *мама*, въ его душѣ возникалъ только смутный, неопредѣленный образъ такого существа, которое всегда производитъ на него пріятное впечатлѣніе. Теперь, при словѣ *мама*, въ умѣ его является ясное представленіе объ извѣстныхъ опредѣленныхъ признакахъ, принадлежащихъ этому существу, и отличающихъ его отъ всѣхъ другихъ существъ, находящихся предъ глазами дитяти. То дѣйствіе ума дитяти (равно какъ и всякаго человека), посредствомъ котораго извѣстному предмету присвояются извѣстные признаки, называется сужденіемъ. Слѣд., сужденіе опредѣляетъ связь между двумя понятіями: понятіемъ предмета и понятіемъ признака, принадлежащаго этому предмету. А такъ какъ каждый предметъ имѣетъ опредѣленные отличительные признаки, то, чтобы выдѣлить извѣстный предметъ изъ числа другихъ, нужно указать не только то, что этому предмету принадлежитъ извѣстный признакъ, но и то, что этотъ признакъ не принадлежитъ никакому другому предмету, и обратно, что признаки, принадлежащіе другимъ предметамъ, не принадлежатъ этому предмету. Слѣд., чтобы составить ясное понятіе о предметѣ, необходимо судить о немъ двояко: съ одной стороны, соединить съ нимъ извѣстный отличительный признакъ его, съ другой —отдѣлить отъ него признаки, не принадлежащіе ему.

Конечно, судить можно только о предметахъ, уже сколько-нибудь извѣстныхъ. Слѣд., еще до составленія сужденій въ умѣ дитяти уже существуютъ образы тѣхъ предметовъ, о которыхъ оно потомъ начинаетъ судить. Но эти образы, какъ мы выше сказали, смутны, слитны, неопредѣленны, и потому не имѣютъ достоинства понятій. *Понятія начинаютъ образоваться въ умъ дитяти одновременно съ сужденіями*, какъ и всѣ духовныя способности человѣка развиваются вмѣстѣ, а не по частямъ. А такъ какъ судить о предметѣ можно только двояко: или утверждая, или отрицая, что-либо о немъ, т. е. или приписывая ему, или отдѣляя отъ него извѣстный признакъ, и этимъ соединеніемъ или раздѣленіемъ понятій исчерпывается сущность мышленія, то *дитя начинаетъ мыслить только тогда, когда у него является способность сужденія*. Отсюда видно, какъ важно умѣть руководить дитятей, при составленіи сужденій: этимъ путемъ, съ самаго начала, можно дать вѣрное направленіе его мышленію и съ малолѣтства придать его уму тѣ качества, которыя отличаютъ человѣка съ острымъ, здравымъ и основательнымъ разсудкомъ. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію правилъ, которыми полезно руководствоваться при развитіи въ дѣтяхъ способности сужденія, необходимо сдѣлать одно общее замѣчаніе. *Не нужно спѣшить съ развитіемъ этой способности*. Дѣтскому уму свойственно быть прикрѣпленнымъ къ частнымъ, отдѣльно существующимъ (конкретнымъ) предметамъ: а сужденіе уже предполагаетъ нѣкоторую способность отвлекаться отъ предмета, созерцать его умственно, теоретически. Поэтому дѣти, начинающіе слишкомъ рано разсуждать, въ извѣстномъ смыслѣ, представляютъ умственное уродство: изъ нихъ впоследствии выходятъ *резонеры*, люди не умные, а умничающіе. Способность сужденія проявляется въ дѣтяхъ приблизительно на 3-мъ году и, самое раннее, въ концѣ 2-го

года. Въ это же время въ умѣ дитяти начинаютъ составляться ясныя, и раздѣльные понятія о предметахъ. Но и въ это время сужденія образуются въ умѣ дитяти еще безсознательно, безотчетливо. Только современемъ, мало по малу, дитя начинаетъ сознать внутреннюю связь понятій, которая служить основаніемъ для сужденій. Выводить дѣтскій умъ изъ этого состоянія безсознательности нужно съ самой строгой постепенностію, и эта-то постепенность и дѣлаетъ воспитаніе дѣтей естественнымъ, т. е. сообразнымъ съ законами природы.

1) Такъ какъ дитя свое знакомство съ внѣшнимъ міромъ начинаетъ съ предметовъ отдѣльныхъ и познаніе этихъ предметовъ, составленіе представленій и понятій (конкретныхъ) о нихъ долгое время служитъ единственною работою дѣтскаго ума, то и способность сужденія его, прежде всего, обращается на отдѣльные предметы, которые постоянно окружаютъ его и о которыхъ въ умѣ его уже составилось представленіе. Этому закону развитія умственныхъ способностей должна слѣдовать и заботливость родителей. Именно, окруживши дитя немногими, рѣзко различающимися между собою предметами, нужно, прежде всего, приучать его находить въ каждомъ изъ этихъ предметовъ главные и существенные его признаки, безъ которыхъ нельзя представить этотъ предметъ. Такъ нужно поступать съ каждымъ новымъ предметомъ, съ которымъ дитя успѣло сколько нибудь ознакомиться. Эти простѣйшія сужденія, по которымъ извѣстному предмету приписываются извѣстные постоянные и непосредственные, т. е. прежде всѣхъ другихъ бросающіеся въ глаза, признаки, составляютъ основу для всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій о предметахъ и отношеніяхъ ихъ между собою. Чтобы облегчить составленіе этихъ элементарныхъ сужденій, нужно такъ ставить предметы предъ дитятей, чтобы они производили на него впечатлѣ-

ніе, прежде всего, своими главными, существенными частями. Потомъ, мало по малу, нужно приучать дитя находить эти существенныя части и въ томъ случаѣ, если предметъ производить на него впечатлѣнія не ими, а другими, второстепенными частями. Этимъ мы будемъ постепенно приучать дитя разлагать умственно предметъ на его составныя части (анализировать) и, по внимательномъ обсужденіи значенія каждой части, находить въ предметѣ тѣ признаки, которые составляютъ сущность его, безъ которыхъ нельзя было бы представить этотъ предметъ и безъ которыхъ онъ былъ бы совершенно другимъ предметомъ. Дѣйствуя постоянно такимъ образомъ и при этомъ переходя постепенно отъ предметовъ простѣйшихъ, по составу, къ болѣе и болѣе сложнымъ, мы съ малолѣтства приучимъ дитя съ разу находить въ предметахъ существенныя черты, что весьма важно въ практической жизни. Приучая дитя находить въ предметахъ существенныя признаки ихъ, мы тѣмъ самымъ приучаемъ отличать одинъ предметъ отъ другихъ, хотя бы послѣдніе и были сходны съ первымъ, нѣкоторыми второстепенными признаками. Чтобы вѣрнѣе достигнуть послѣдней цѣли, слѣдуетъ сначала обставлять дитя такими предметами, отличительныя признаки которыхъ рѣзко выдается; потомъ, мало по малу, измѣнять его обстановку такъ, чтобы окружающіе его предметы имѣли болѣе и болѣе признаковъ сходныхъ. Такимъ образомъ дитя будетъ постепенно приучаться разбирать умственно признаки предметовъ и различать между ними существенныя признаки, которыми извѣстный предметъ отличается отъ всѣхъ другихъ, отъ признаковъ несущественныхъ, которыми этотъ предметъ сходенъ съ другими. — Соблюдая эти правила, мы постепенно сдѣлаемъ мышленіе дитяти *острымъ и проникательнымъ*.

2) Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ сходенъ съ нѣсколькими другими, представляютъ основаніе для

составленія общихъ понятій. Составленіе этихъ понятій также возможно только при посредствѣ сужденій. А такъ какъ образованіе общихъ понятій представляетъ уже высшую степень умственного развитія дитяти, которое начинается съ образованія частныхъ понятій о предметахъ отдѣльныхъ, то и составленіе сужденій, при посредствѣ которыхъ образуются общія понятія, также свойственно уже высшей степени умственного развитія, и требуетъ извѣстной опытной подготовки, извѣстной широты опыта. Именно, чтобы составить частное понятіе объ отдѣльномъ предметѣ, достаточно познакомиться съ однимъ этимъ предметомъ и умѣть найти въ немъ существенный признакъ. Но чтобы составить общее понятіе, нужно познакомиться со многими предметами и не только о каждомъ изъ нихъ составить частное понятіе, но и отыскать въ каждомъ изъ нихъ такой признакъ, который существуетъ и во всѣхъ другихъ предметахъ этого рода. А такъ какъ составленію каждаго частного понятія предшествуетъ хотя одно сужденіе, то составленію общаго понятія непременно предшествуетъ нѣсколько сужденій, которыя, постепенно сливаясь вмѣстѣ, образуютъ, наконецъ, одно высшее сужденіе, на основаніи котораго и составляется общее понятіе. Напр., дитя въ первый разъ еще услышало пѣніе пѣтуха; его поразили эти новые звуки; мать успѣшила объяснить, что это поетъ пѣтухъ и дитя, каждый разъ, когда въ его присутствіи произносятъ слово пѣтухъ, начинаетъ подражать его пѣнію, давая тѣмъ знать, что въ его умѣ составилось сужденіе о пѣтухѣ. Вскорѣ дитя увидало въ дѣйствительности пѣтуха и его оригинальная фигура привлекла вниманіе дитяти; мать снова успѣшила объяснить, что это и есть та птица, которая поетъ извѣстнымъ образомъ. Дитя долго бѣгало за нимъ, разсматривало его, и, наконецъ, составило понятіе о пѣтухѣ, въ которое, чрезъ посредство новыхъ сужденій, привзошли новые

признаки: перья, гребень, двѣ ноги и вообще извѣстная фигура. Потомъ дитя увидало курицу и, воображая, что это пѣтухъ, закричало матеря: мама—пѣтухъ, и при этомъ запѣло, въ подражаніе пѣтуху. Но мать объяснила ему, что это не пѣтухъ, а курица, которая не поетъ такъ, какъ пѣтухъ, за то несетъ яйца, которыхъ не несетъ пѣтухъ, и при этомъ показала самыя яйца. Дитя осмотрѣло ихъ, побѣгло за курицей и, набонецъ, такъ освоилось съ этими предметами, что когда, въ слѣдующій разъ, увидало вмѣстѣ пѣтуха и куръ, то сейчасъ различило ихъ, и при этомъ, съ наивной радостью, объясняло матери, что вотъ это, мама, курица, которая не поетъ, за то несетъ яйца, а вотъ это пѣтухъ, который поетъ, за то не несетъ яицъ. Такимъ образомъ, составляя разнообразныя сужденія объ отдѣльных предметахъ, дитя успѣло составить общее понятіе объ извѣстной породѣ домашнихъ куръ, основаніемъ для котораго послужилъ, свойственный этой породѣ, внѣшній видъ, какъ таковой признакъ, который дитя находило во всѣхъ отдѣльныхъ экземплярахъ этой породы. Но прежде этого общаго признака оно нашло два различныхъ признака: пѣніе и несеніе яицъ, на основаніи которыхъ составило два частныхъ понятія о двухъ половинахъ куриной породы.

Въ приведенномъ нами примѣрѣ предметъ, вызвавшій въ умѣ дитяти работу мышленія, весьма простъ. Но на этихъ—то простыхъ общежитейскихъ предметахъ и развиваются первоначально умственные способности дѣтей. Дойдетъ ли когда-нибудь дитя до пониманія предметовъ возвышенныхъ, отвлеченныхъ, составляющихъ достояніе науки, или нѣтъ, —во всякомъ случаѣ пониманіе этихъ предметовъ требуетъ извѣстной зрѣлости мысли, извѣстной подготовки умственныхъ способностей, которая совершается на предметахъ самыхъ простыхъ. Притомъ же большая часть людей цѣлую жизнь свою вращается въ кругу этихъ простыхъ

общежитейскихъ предметовъ. Поэтому ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать этими обыкновенными предметами, напротивъ. нужно пользоваться каждымъ, самымъ, по видимому, ничтожнымъ, случаемъ для развитія умственныхъ способностей дѣтей. Сверхъ того, нужно выбирать пригодные для этой цѣли предметы и нарочито обставлять ими дитя, чтобы развитіе его умственныхъ способностей шло впередъ правильно.

П. Р.

РАСКОЛЬНИКИ НА КАВКАЗѢ.

3. Хлысты—шалапзты. 4. Поморцы ¹⁾).

Обѣ эти отрасли русскаго раскола существуютъ во многихъ станицахъ и селахъ на КавказѢ. Годовъ пять тому назадъ, открыли хлыстовъ даже въ одной изъ слободъ г. Ставрополя и заподозривали одну дѣвушку, изъ средняго круга, въ служеніи имъ въ качествѣ богородицы. Довольно много хлыстовъ, напр. въ селѣ Медвѣжьемъ, ставропольскаго уѣзда. Здѣсь же существуютъ, кромѣ хлыстовъ, и поморцы.

Если какая изъ сектъ раскольническихъ возбуждаетъ презрѣніе въ русскомъ православномъ человѣкѣ, то это именно хлыстовщина: мѣстное населеніе смотритъ далеко неблагосклонно на здѣшнихъ хлыстовъ. Вслѣдствіе этого они живутъ замкнуто отъ всѣхъ. Собранія ихъ происходятъ въ тайнѣ. Въ ихъ нравахъ, или обрядности, не существуетъ ничего особеннаго противъ того, что принадлежитъ вообще всей хлыстовской сектѣ. Собираются хлысты въ обыкновенный крестьянскій домъ. Среди дома устроена будка, вмѣсто чана, или купели крещенія, принятой вообще у остальныхъ хлыстовъ. Въ будкѣ хранится корзинка съ изюмомъ и разными плодами. Въ извѣстное время, въ эту будку влѣзаетъ

¹⁾ Ся. № 19-я.

такъ-называемая богородица, здоровая и довольно красивая дѣвка, достаетъ корзину и на головѣ выноситъ къ народу; изюмъ и плоды жрица раздаетъ всеѣмъ собравшимся, что имѣетъ значеніе будто бы приобщенія тѣла Христова. Затѣмъ лже-богородица начинаетъ ходить кругомъ будки, сначала медленно, потомъ скорѣе, наконецъ бѣгомъ; за ней пускаются все другіе, кругомъ будки; во время этого круговаго бѣганья, задніе хлыщутъ переднихъ прутьями, розданными предварительно богородицей, приговаривая: хлыщу, хлыщу—Христа пщу; спиди къ намъ, Христе, во святомъ кругу! и пр. Бѣганье составляетъ существенную часть ихъ служенія; оно оканчивается повальнымъ грѣхомъ.

Метрополія здѣшней секты поморцевъ—курская губернія; отсюда она была запесена, лѣтъ 70 тому назадъ, казеннымъ крестьяниномъ *Безсоновымъ*, прибрѣтшимъ извѣстность между поморцами села Медвѣжьяго, какъ основатель этой секты здѣсь. Первымъ послѣдователемъ его признается въ народѣ какой-то Іаковъ I. Во время отправленія уставщикамъ служенія поминаютъ обоихъ, а также одного мѣстнаго раскольника, построившаго для общины молитвенный домъ въ селѣ, въ царствованіе Николая I, съ разрѣшенія правительства. Имена вообще первыхъ послѣдователей мѣстной поморщины пользуются большимъ уваженіемъ между теперешними раскольниками. Церковными и религіозными дѣлами общины заправляютъ два брата, однофамильцы, а можетъ быть, и потомки основателя поморщины здѣшней, Безсоновы, Іаковъ и Григорій, болѣе другихъ искусные въ чтеніи и пѣніи. Существуетъ у нихъ и нѣсколько уставщиковъ, составляющихъ клиръ въ общинѣ, отправляющихъ службу и молитвенныя требы на дому. Болѣе важныя дѣла рѣшаются не въ Медвѣжьемъ, а въ другомъ селѣ, *Развильномъ*, ставропольскаго же уѣзда. Развильное составляетъ центръ управленія всеѣхъ поморцевъ уѣзда. Здѣсь живетъ

старѣйшина ихъ, Иванъ Яковлевичъ *Дорофеевъ* какой-то, по понятію поморцевъ, человекъ высоко-правственный и зло-мудрый. Службы и требы совершаютъ по старопечатнымъ книгамъ, впрочемъ, съ довольно значительными различіями отъ нашихъ, въ чемъ и признаютъ свое существенное отлічіе отъ православныхъ. Въ молитвенный домъ собираются во всѣ праздники, господскіе и богородичные. Кромѣ того, какъ на признакъ своего православія, поморцы указываютъ на то, что они постятся также, какъ и православные, признаютъ силу всѣхъ семи—соборныхъ опредѣленій.

Домъ молитвенный ипчѣмъ не отличается, по наружному виду, отъ прочихъ крестьянскихъ домовъ. На стѣнахъ внутри виситъ множество мѣдныхъ образковъ и иконъ. Внутри дома кругомъ сдѣланы лавки, откуда, въ промежутокъ между чтеніемъ и пѣніемъ молитвъ, уставщики читаютъ мѣста изъ бібліи и житія святыхъ. Между пѣснями своего издѣлія у поморцевъ болѣе ходячи: сказаніе о св. Онухвріѣ, или Онохріѣ (т. е. Онуфріѣ) и »Ноевъ ковчегъ«. Вслѣдъ за уставщиками вторять, при пѣніи сказанія о св. Онуфріѣ, и предстоящіе; форма сказанія стихотворная, хотя стихи изохн.

О преподобный и преблаженный Онохрію,

Святый Богомъ блаженный! (восклицаетъ хоръ)

Царскія палаты оставлять еси,

Дивную пустыню полюбилъ еси.

Царскіе троны, троны и короны,

Первую честь и славу,

Охъ мой Боже! ни во что возмѣнилъ еси.

Дальше описывается шестидесяти-трехлѣтняя отшельническая жизнь и подвиги св. Онуфрія. Конецъ подвижнической жизни сказаніе передаетъ въ такихъ чертахъ:

Когда же пришелъ ему часъ животъ скончати,

Тогда ему звѣри стали служить;

Львы и медвѣди гробъ копали,

Гробъ копали и вырывали,

Охъ горько плачуще и рыдающе,
 Ангелы ему спивали и служили
 Егда душу изъ тѣла вызывали.
 Сей же гласъ ему съ неба изшелъ,
 Котораго часу онъ въ пустыню вшелъ.
 Прииде, друже, блаженный,
 Доброму дѣлу убо вѣрный!..

Сказаніе оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ заступничеству св. Онуфрія, чтобы угодникъ божій испросилъ имъ у Владыки небеснаго »со ангелами и со архангелами въ небѣ царствовать и у престола Господня писаны читати«.

Въ такомъ родѣ сложенныхъ пѣсень есть не одинъ десятокъ у этихъ раскольниковъ. Общій характеръ ихъ—безпокойство религіознаго сознанія раскольниковъ неизвѣстностію будущаго и страхомъ отъ бѣдъ и вражьяго обстоянія въ настоящемъ. Сюжеты ихъ, большею частію, легендарные, или житія, своеобразно передѣланныя; есть, впрочемъ, и библейскіе, какъ напр. въ стихотвореніи »Ноевъ потопъ«, которое поется собраніемъ еще болѣе печальнымъ тономъ, чѣмъ всѣ вообще невеселыя пѣсни поморцевъ. Стихотвореніе передаетъ библейское извѣстіе, дорисовывая его частности (въ родѣ слѣдующихъ: другъ съ дружкой разлучались, тамъ прощались въ часъ послѣдній мужъ съ женой, отецъ съ сыномъ тамъ прощались, мать съ дочерію разлучались и пр.), и потомъ описываетъ чающее настроеніе души Ноя и его сыновей, надежду ихъ на Божію помощь и благость, оправданную событіемъ; въ концѣ дѣлаетъ назидательное обращеніе къ душѣ, долженствующей въ напастяхъ житійскихъ подражать вѣрѣ и твердости надежды Ноевой на Бога. Отношеніе ихъ къ православному населенію и духовенству.

Не смотря на несочувствіе мѣстнаго православнаго населенія къ иконоборцамъ, фарисействующимъ, хлыстамъ и поморцамъ—всѣ эти секты, со дня на день, увеличиваются

болѣе и болѣе. Спрашивается, что за причина? Неужели такъ они умѣютъ распространять свои вѣрованія и убѣжденія? Нѣтъ, они только искренни въ томъ, во что вѣруютъ, и все, что говорятъ, близко подходитъ къ умственному настроенію простолюдина. Первое средство, которымъ готовятъ раскольники обращеніе православнаго въ »чистую вѣру« — это завлеченіе чтеніями. Сидитъ, напр., иконоборецъ въ дому, окруженный семействомъ. Его богослужебный подвигъ очень легокъ и въ добавокъ не безынтересенъ; читай и размышляй — вотъ тебѣ все, говоритъ: для чего въ церковь-то идти! Онъ сидитъ и читаетъ. Не сущее ли несчастье для православнаго попасть въ домъ къ кривотолку, въ то время, когда онъ читаетъ и лжезмышляетъ. Онъ начинаетъ раскапывать хорошо извѣстныя ему мѣста въ новомъ и ветхомъ заветѣ, въ которомъ онъ находитъ обличеніе тому или другому обычаю или догмату нашей Церкви. Совратить съ разу, конечно, мудрено, какъ бы ни былъ легковѣренъ слушатель, но удержаться отъ сомнѣнія, для простолюдина, весьма не легко. »Въ библии сказано, Самъ Господь говоритъ«, такой сильный резонъ указываетъ ему иконоборецъ, ссылаясь на авторитетъ библии и Самаго Бога. Сомнѣніе, при частомъ повтореніи искушающаго нападенія, дѣлается сильнѣе и, наконецъ, переходитъ въ увѣренность, что такой-то правду — истину сказывалъ. Хорошо, если соблазненный объявитъ свое сомнѣніе священнику; но этого трудно ожидать. Такъ совращаютъ православныхъ раскольническіе начетчики чаще въ воскресные дни. Иконоборцы, какъ и другіе раскольники, во время литургіи, сидятъ въ своихъ лавкахъ и спокойно себѣ занимаются торговлей. Бекечевская ставичная власть не заботится о закрытіи лавокъ, даже въ большіе праздники. Сидитъ раскольникъ себѣ въ лавкѣ и читаетъ какую-нибудь »божественную книгу«, библию, или какое-нибудь апокрифическое сказаніе. Къ не-

му собирается зѣвающая молодежь, послушать божественное. Сколь-то соблазна, для мало, или вовсе безграмотныхъ въ этихъ лавочныхъ чтеніяхъ кривотолковъ, совѣтъ отвергающихъ православно-христіанское богопочитаніе, и поэтому враждебныхъ къ православію болѣе другихъ сектъ раскола. Такъ совратилось не одинъ десятокъ православныхъ!.. Чѣмъ устранить зло? Закрыть по праздникамъ лавки? Но это не во власти священника. Что священнику остается дѣлать, — это прибѣгать къ помощи бесѣдъ съ церковной каѳандры; но и это едва ли всегда быть можетъ кстати, такъ какъ парии охотнѣе идутъ балаганничать съ раскольникомъ, но братски, спраста, чѣмъ молиться въ церковь, да еще слушать не всегда и не совѣтъ понятное поученіе или бесѣду. Къ тому же вѣдь, что раскольники читаютъ, можетъ быть гораздо интереснѣе, заманчивѣе, чѣмъ назидательно-скучное, или, точное, назидательное, но выходящее скучнымъ, поученіе. — Не меньше чтеній иконоборцевъ способствуютъ къ совращенію въ расколъ собранія фарисействующихъ, въ которыхъ нельзя ни увидѣть, ни услышать ничего непристойнаго, носящихъ характеръ глубокой религіозности, если смотрѣть со стороны. Секта фарисействующихъ пользуется уваженіемъ у многихъ православныхъ; поэтому и молитвенныя собранія ихъ посѣщаются очень охотно.

Мѣры, которыя бы принялъ міръ сельское общество, противъ совращенія православныхъ раскольниками, посредствомъ чтеній въ лавкахъ, въ домахъ и своимъ собраніямъ въ чередныхъ домахъ, не достигаютъ цѣли между бекечевцами; а нельзя сказать, чтобы ихъ не было, или чтобы онѣ были несправедливы по отношенію къ сектантамъ. Напр., недавно двадцать три человѣка изъ прихожанъ дали присягу отерывать, во всѣхъ православныхъ семействахъ, совращающихся въ расколъ, не щадя и самыхъ близкихъ. Мало этого, даже жаловались, кому нужно, о высылкѣ раскольниковъ

за Кубань, потому что, говорило сельское общество, они совращают наших ребятъ. Но имъ отвѣтили: дураки вы, дураки! Не всегда возможенъ со стороны православнаго населенія протестъ на совращенія раскольниками православныхъ; не всегда можетъ въ немъ найтись единодушіе для этого; причина простая: въ самыхъ православныхъ семействахъ (т. е. такихъ, которыя значутся православными) не рѣдкость видѣть разнородные элементы, тянущіе въ разныя стороны; отецъ православный, мать фарисействуетъ, сынъ или братъ слушаетъ иконоборца, или посѣщаетъ собранія шалапутовъ. Что же будетъ, думаетъ мѣстное духовенство, если раскольническое населеніе возьметъ окончательный перевѣсъ надъ православнымъ? Уже и теперь открыто смѣются раскольники надъ нашимъ безсиліемъ въ нашихъ жалобахъ на совращающихъ и совращающихся... Какъ безцеремонно и смѣло отношеніе раскольниковъ къ духовенству въ нашихъ захолустьяхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота, выдуманнаго одною женщиною, принадлежащею къ раскольническому семейству. Анекдотъ ходячій и пользующійся большимъ авторитетомъ. Женщина когда-то ходила изъ станицы въ Ставрополь и зашла въ здѣшній троицкій соборъ, ради любопытства, какъ она говорила, чтобы узнать, что тамъ дѣлается. Это случилось во время архіерейскаго служенія. Вошла я, говорить, въ соборъ и стала въ углушку, чтобы никто меня не видалъ. Только смотрю я, одинъ старичекъ молится—не молится, а только ходитъ, вздыхаетъ, да по сторонамъ смотреть. Вотъ, говорить, проходитъ онъ мимо меня разъ, проходитъ другой; я и спрости его: откуда ты, человѣкъ Божій, здѣшній ли ты, или странный?—Да, говорить, я не отъ міра сего.—А что же ты, человѣче, Богу не молишься, а только все по сторонамъ смотришь? — Какъ же мнѣ молиться, когда поны да архіереи неправильно служатъ;

своей службой они меня не прославляютъ, а только распинаютъ,—и сталъ невидимъ. Тогда-то я догадалась, говорила женщина, что это былъ не простой человѣкъ, а Самъ Господь. Цѣль выдумки понятна. Спрашивается, не подходитъ ли это подъ существующій законъ, объ оскорбленіи Церкви и ея служителей!.. Конечно, такими путями не трудно совращать легковѣрныхъ въ свою чистую вѣру.

До какой степени раскольниковскіе начетчики склонны, а иные и умѣлы въ совращеніи православныхъ, можно видѣть отчасти изъ слѣдующаго факта. У одного купца служилъ, въ какой-то станицѣ, въ подрядчикахъ старовѣръ, какъ онъ называлъ себя, родомъ изъ кievск. губерніи. Хозяинъ далъ ему расчетъ и подалъ на него искъ за растрату своего товара. Приходилось подрядчику сидѣть подъ арестомъ; но другой старообрядецъ взялъ его на поруки. Денегъ у человѣка оставалось очень немного. Квартиру занимаетъ онъ все таки въ городѣ, и рѣшается обратить въ истинную вѣру домохозяина, довольно грамотнаго и очень зажиточнаго мѣщанина, содержавшаго постоянный дворъ въ городѣ. Поживши нѣсколько, онъ успѣлъ совсѣмъ сблизиться съ хозяиномъ. Этотъ къ нему иногда отъ скуки: дѣдушка Сергѣй, почитай-ка чаю нибудь. Хозяинъ, довольно старый, самъ любилъ особенно рассказывать, или читать о 12-мъ годѣ, о нашествіи французовъ, или, какъ онъ выражался, какъ французы гостили у матушки—Москвы. Раскольникъ ему сначала о французахъ; чтеца слушаетъ и пріѣзжій людъ. Потомъ о другомъ, третьемъ; наконецъ и о своемъ, о вѣрѣ—благодати, что когда на святой Руси была. Старовѣръ замѣтилъ, что хозяинъ рѣдко ходитъ въ церковь, въ годъ разъ—два. Это ему казалось благопріятствующимъ его цѣли; тогда какъ хозяинъ не ходилъ въ церковь, или вслѣдствіе постоянной занятости дѣлами по хозяйству, или, можетъ быть, по эпитиміи; только онъ былъ

далеко не дружелюбенъ ко всякимъ раскольникамъ > не нашего Бога«, какъ онъ выражался о всѣхъ неправославныхъ. Узнавши, что его квартирантъ старовѣръ, онъ сталъ избѣгать бесѣды съ нимъ о чемъ бы то ни было, что касалось вѣры. Раскольникъ переѣхнулъ тактику. Заговорить о Питерѣ, о Москвѣ, о тамошней торговлѣ, фабрикахъ, а потомъ и спрашиваетъ: а кто тамъ купцы, али фабриканты, самые, что ни на есть, богатые; наши, вотъ-те крестъ Христовъ; >хоть утисняють, да Господь-то благодатенъ къ намъ«. Старовѣръ не достигъ своей цѣли потому, что не на такого попалъ; а другого, болѣе занятаго вопросами вѣры и менѣе толковаго, пожалуй, легко бы совратилъ.

Раскольниковская система *взаимнаго вспомошествованія другъ другу*, въ дѣлахъ торговыхъ, очень много способствуетъ успѣху раскола въ станицахъ и селахъ на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что между приверженцами той или другой раскольниковской секты господствуетъ родъ нѣкотораго братства, въ дѣлахъ, касающихся ихъ положенія среди православнаго населенія. Раскольникъ, въ случайной нуждѣ, рѣдко можетъ получить отказъ отъ другаго раскольника, къ которому обратился онъ за помощію. Въ ихъ чести нужно замѣтить, что между ними не существуетъ попрошайничества, злоупотребленія, которое такъ часто бываетъ содѣйствіемъ подобной готовности помогать нуждѣ ближняго. На сколько важно это взаимное вспомошествованіе, для поддержанія раскола, легко понять, если взять во вниманіе то, что раскольники, болѣе или менѣе денежные, занимаются торговыми операціями, большею частію. Положительно можно сказать, что кавказскіе раскольники получаютъ вспомошествованіе также изъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ, внутри Россіи, отъ своихъ единовѣрцевъ, съ которыми стараются поддерживать связь. Этимъ они не мало хвалятся. Для козака или крестьянина заманчива уже

одна мысль, что, съ поступленіемъ въ ту или другую секту, онъ можетъ рассчитывать на матеріальное вспомошествованіе со стороны новыхъ собратьевъ, не говоря уже о томъ что на это онъ можетъ посмотрѣть еще и какъ на выраженіе братской любви, яко бы изобилующей между сектантами.

Въ станицахъ и селахъ, съ большимъ числомъ раскольниковыхъ семействъ, къ злу этому для интересовъ православія присоединяется еще другое, а именно: такъ какъ, въ этомъ случаѣ, перевѣсъ въ общественныхъ дѣлахъ бываетъ на сторонѣ раскольниковъ, то и каждый брестянинъ или казакъ скорѣе можетъ рассчитывать на успѣхъ какого-нибудь дѣла своего, зависящаго отъ общественнаго согласія, если самъ онъ раскольникъ. Случаи, въ которыхъ видна бываетъ въ общественномъ быту эта неравноправность, не рѣдки, къ сожалѣнію. Прасить, наприм., казакъ дозволить поставить близъ станицы мельницу — и получаетъ отказъ; имѣть тяжбу съ раскольниковомъ — и проигрываетъ, хоть и правъ. Какъ ни маловажными кажутся, съ перваго разу, подобные факты; но они имѣютъ глубокую важность, они указываютъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ матеріальной силы и вліянія, и потому въ состояніи тянуть населеніе туда, гдѣ больше силы. Что можетъ сдѣлать священникъ, въ интересахъ вѣрной ему паствы, при *такомъ* порядкѣ вещей? Къ сожалѣнію, ничего или очень мало. Онъ ничего или очень мало можетъ сдѣлать потому, что онъ священникъ, а не представитель общественной, или гражданской власти. Но, съ другой стороны, онъ и много можетъ сдѣлать, ибо имѣетъ право наблюдать, чтобы интересы его православныхъ прихожанъ не страдали отъ неисполненія или несоблюденія закона, опредѣляющаго отношеніе неправославнаго населенія къ православному. А имѣетъ такое право потому, что съ подобнымъ закономъ связанъ интересъ вѣры (ибо законъ, отдавая преимущество той, а не другой половинѣ, имѣетъ въ виду вѣроисповѣдное преимущество), а онъ — прямой защитникъ вѣры и ея интересовъ, послѣ закона.

Пассіевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЯНСКИХЪ ПЯТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- № 21. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. кievской семинаріи.

1869 года. Мая 25-го.

Содержаніе: Поученіе къ простому народу о необходимости оспопрививанія. —
Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. — Совѣты родителямъ о вос-
питаніи дѣтей. — Объявленіе.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПРОСТОМУ НАРОДУ

О НЕОБХОДИМОСТИ ОСПОПРИВИВАНІЯ.

Каждый годъ оспа, или, какъ вы называете, *сынуха* является здѣсь, и каждый годъ не мало свѣжихъ могилъ вы копаете для дѣтей вашихъ. А сколько изъ нихъ послѣ остается на цѣлую жизнь глухихъ, слѣпыхъ, кривыхъ, изуродованныхъ и чахлахъ?.. Тяжело объ этомъ говорить, а еще тяжелѣе все это видѣть! Но, если тяжело это видѣть постороннему человѣку, то сколько тяжелѣе должно быть на сердцѣ вашемъ, отцы и матери?.. Да, оспа — болѣзнь опасная. Въ особенности она бываетъ опасна тамъ, гдѣ противъ нея не употребляютъ никакого средства. А средство противъ этой болѣзни есть, и средство, скажу, вѣрное, это — оспопрививаніе

Не мало она похитила людей всякаго званія, состоянія, пола и возраста, и долго люди не знали, какъ избавиться отъ этой губительной язвы. Наконецъ, въ прошломъ столѣ-

тія одному разумному человѣку пришла въ голову счастливая мысль—отвратить эту болѣзнь привітіемъ къ тѣлу человеческому *коровьей оспы*. Стали прививать и увидѣли, что, дѣйствительно, *находная оспа* щадила тѣхъ людей, у которыхъ была привита предохранительная коровья оспа. Съ тѣхъ—то поръ и зачалось это доброе дѣло—оспопрививаніе. Но, какъ и всякая новость, оснопрививаніе, на первыхъ порахъ, не могло не возбуждать разныхъ пустыхъ и незѣлыхъ толковъ, особенно между простымъ, необразованнымъ народомъ. Явились люди, которые стали говорить, что прививать оспу, какъ и вообще лѣчиться, грѣшно, и что знакъ привітія оспы есть печать антихриста. Люди образованные давно не вѣрятъ этимъ бреднямъ, но между простымъ народомъ и до сихъ поръ эти суевѣрія переходятъ изъ устъ въ уста, и выдаются за истину. Къ сожалѣнію, этихъ же суевѣрій и вы, возлюбленные, придерживаетесь, какъ я замѣтилъ. Потому—то я и считаю необходимымъ побесѣдовать съ вами объ оснопрививаніи.

Вы говорите, что прививать оспу, какъ и вообще лѣчиться, грѣшно. Но объ этомъ грѣхѣ не упоминается ни въ одной Божественной и церковной книгѣ. Напротивъ, мы знаемъ, что лѣкарями были многіе изъ святыхъ людей; и если бы лѣчиться и лѣчить было грѣшно, то эти святые люди не могли бы спастись. Былъ лѣкаремъ св. евангелистъ Лука, и спасся, были лѣкарями св. безсребренники Косма и Даміанъ, и спаслись. Было много и другихъ лѣкарей изъ святыхъ людей, и всѣ они спаслись. И премудрый Іисусъ, сынъ Сираховъ, въ 38-й главѣ своей книги говорить: *чадо, въ болѣзни твоей... даждь мѣсто врачу, Господь бо его созда; и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть* (ст. 9—12). Это ясно показываетъ вамъ, что въ болѣзняхъ своихъ, при омощи Божіей, мы не должны оставлять и обыкновенныхъ средствъ къ выздо-

ровленію, которыя у насъ паходятся подъ руками. Всякій злакъ, всякая трава, всякій камень, однимъ словомъ—все сотворено на пользу и службу человѣка. И такъ, отъ всякой болѣзни лѣчиться не грѣшно. А оспа есть болѣзнь,—значитъ, и отъ оспы лѣчиться не грѣшно. Но самое лучшее средство избавить себя отъ этой болѣзни, это—предупредить приходъ обыкновенной оспы привитіемъ къ тѣлу искусственной коровьей оспы.

Еще нѣкоторые изъ насъ говорятъ, что знакъ привитія оспы есть печать антихриста. По милости Божіей, антихристъ еще не явился въ міръ; только нѣкоторые изъ раскольниковъ, вотъ ужъ двѣсти лѣтъ, говорятъ, что антихристъ царствуетъ въ русской Церкви. Они-то первые и начали говорить, что знакъ привитія оспы есть печать антихриста, когда въ первый разъ у насъ явилось оспопрививаніе. А что, дѣйствительно, антихристъ еще не явился въ міръ, это доказываетъ, во первыхъ, то, что еще не явились въ міръ Ілія и Енохъ, которые сплюю слова и чудесами будутъ нѣкоторое время противостоятъ ему, но потомъ убіены будутъ и воскреснутъ (Апок. 11, 2—12); во вторыхъ, доказываетъ то, что не было и нельзя указать въ настоящее время такого человѣка, въ которому бы можно было приложить все то, что говорится объ антихристѣ въ св. Писаніи и въ книгахъ свято-отеческихъ. Ученіе свое антихристъ будетъ поддерживать необыкновенными знаменіями и ложными чудесами (2 Сол. 2, 9), будетъ требовать себѣ божескаго поклоненія и всѣхъ непокланяющихся ему предастъ ужаснымъ притѣсненіямъ, гоненіямъ и мукамъ. Кто же изъ насъ можетъ указать такого человѣка, въ которому все это можно было бы приложить?... Кромѣ того, изъ свящ. Писанія и ученія св. отецъ видно, что антихристъ будетъ царствовать только *около трехъ съ поло-*

вино *лѣтъ* (Апок. 11, 2. 13). А оспу, какъ выше было замѣчено, стали прививать еще въ прошломъ столѣтіи.

И такъ, ваше сужденіе, возл. сл., о томъ, что знакъ привитія оспы есть печать антихриста, совершенно ложно. Выдумали такое суевѣріе наши раскольники; имъ на слово повѣрили православные простолюдины, и стали говорить и учить, что знакъ привитія оспы есть печать антихристова, тогда какъ антихристъ вовсе и не являлся въ міръ, а оспу благоразумные люди прививаютъ вотъ ужъ сто лѣтъ.

Въ заключеніе, не могу умолчать и о томъ вашемъ сужденіи, что жизнь и смерть человѣка находятся во власти Божіей, что, слѣдовательно, если дитя умерло отъ оспы, значить, на то была воля Божія. Дѣйствительно, жизнь и смерть человѣка находятся во власти Божіей; но, при всей вашей вѣрѣ въ Бога, вы не оставляете же дѣтей своихъ безъ пищи и нитя. Почему? Потому, что безъ пищи и питья они умрутъ. Давно зная, что въ рѣкѣ они могутъ утонуть, въ огнѣ—сгорѣть, въ кипяткѣ—обвариться, отъ холода—замерзнуть, отъ ножа зарѣзаться, вы всегда старались и стараетесь не допускать ихъ до того и другаго, опасаясь за ихъ жизнь. Младенцамъ съ непривитою оспою отъ находной оспы, въ большинствѣ случаевъ, грозитъ тоже смерть или тяжкая продолжительная болѣзнь. Зная это и не забываясь о привитіи имъ предохранительной оспы, не будете ли вы имѣть на душѣ своей тяжкаго грѣха, если дѣти ваши, по вашей же винѣ, лишатся жизни, этого драгоценнаго дара Божія?.. Не говорите: »такъ Богу угодно«, потому что эта отговорка не оправдываетъ васъ предъ Богомъ. Богу угодно, чтобы родители всегда, вездѣ и всевозможными мѣрами берегли, хранили дѣтей своихъ и заботились объ нихъ. Если же они не исполняютъ этой священной обязанности своей въ отношеніи къ дѣтямъ, какъ слѣдуетъ, то эти родители недостойны и называться именемъ родителей. Если бы кто

нибудь изъ васъ шелъ по улицѣ, а сзади какой либо злодѣй бросилъ въ него камень и убилъ его, — неужели, по вашему мнѣнію, этотъ убійца не былъ бы виноватъ предъ Богомъ, — потому, собственно, что >такъ Богу было угодно«?.. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, Богу угодно было дать людямъ шестую заповѣдь: *не убій?*... Будемъ говорить, что смерть зависить отъ воли Божіей, но будемъ всячески наблюдать, чтобы смерть происходила не по нашей винѣ: тогда мы будемъ правы какъ предъ Богомъ, такъ и предъ своею совѣстію.

Желая вамъ отъ души всего добраго, убѣждаю васъ, отцы и матери, прививайте дѣтямъ своимъ предохранительную оспу, если хотите быть правыми какъ предъ царемъ небеснымъ, такъ и предъ царемъ земнымъ, который тоже отъ души желаетъ, чтобы подданные его всѣ, безъ исключенія, прививали дѣтямъ своимъ предохранительную оспу. Почему же онъ желаетъ? Потому желаетъ, что находная оспа, каждый годъ, въ его родномъ государствѣ уноситъ въ могилу нѣсколько тысячъ младенцевъ, о которыхъ, по чувству человѣколюбія, Онъ не можетъ не сожалѣть, тѣмъ болѣе, что съ утратою ихъ и государство его теряетъ свою силу могучую, силу народную. Аминь.

Священникъ *Михаилъ Постоловъ*.

Нажегор. губерніи
с. Воскресенское

Въ XIII столѣтіи русскую земаю посѣтило страшное бѣдствіе. Пришли татары, опустошили русскія города и села и наложили на нашихъ предковъ, свое тяжелое иго. Послѣ татарскаго разгрома русская земля распалась на двѣ половины: Русь сѣверо-восточная стала группироваться около Москвы и, благодаря искусной политикѣ московскихъ государей, успѣла, съ теченіемъ времени, свергнуть съ себя иго татарское и образовать довольно сильное и самостоятельное государство московское. Русь юго-западная еще раньше и легче освободилась отъ владычества татаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подпала болѣе тяжкому, продолжительному и несносному владычеству литовско-польскаго католическаго государства. Какъ различна была политическая судьба Руси сѣверо-восточной и юго-западной, такъ различенъ былъ складъ ихъ духовной, умственной и нравственной жизни, такъ различна была и церковная проповѣдь на сѣверѣ и югѣ Россіи. Сѣверно-русская проповѣдь продолжала слагаться по византийскимъ образцамъ, носить на себѣ черты греческаго проповѣдничества, и въ слѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе слабѣла и умолкала. Она замѣнялась отчасти пастырскими посланіями, окружными грамотами, монастырскими уставами и другими церковно-литературными произведеніями, какъ это подробно доказываетъ свящ. Николаевскій въ своихъ статьяхъ *о русскомъ проповѣдничествѣ XV и XVI в.*²⁾. Замѣна, очевидно, далеко не полная. Южно-русская проповѣдь приняла, между тѣмъ, совершенно-новое направленіе, въ изображенію котораго мы сейчасъ и переходимъ.

— — —

Тяжело жилось нашимъ южно-русскимъ предкамъ подъ владычествомъ католической Польши. Католицизмъ не мыслимъ безъ притѣсненія другихъ вѣроисповѣданій, безъ фанатической пропаганды, безъ упорнаго стремленія подчинить

¹⁾ Статьи, имѣвшія предметомъ характеристику древне-русской проповѣди, слагающейся по греческимъ образцамъ, помѣщены

пновѣрныхъ лицъ духовному владычеству папы, какъ скоро въ этому есть хоть маленькая возможность. А въ польскихъ владѣнiяхъ была для этого возможность очень не малая. Католическое духовенство—эта армiя папы было сильно въ Польшѣ болѣе, чѣмъ въ другой какой-либо европейской странѣ. Свѣтскiе поляки, по своей политической безтактности, считали самымъ лучшимъ средствомъ для укрѣпленiя Рѣчи Посполитой религiозное объединенiе всѣхъ разновѣрныхъ подданныхъ Польши, подъ духовнымъ скипетромъ папы,—приведенiе всѣхъ диссидентовъ къ одному вѣроисповѣдному знаменателю—папизму. Результатомъ этого было общее желанiе всѣхъ поляковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, во что бы то ни стало, ополячить и окатоличить русскихъ. Читайте извѣстный проэктъ всенда-іезуита, чтобы видѣть къ какимъ дьявольскимъ мѣропріятіямъ прибѣгали поляки и особенно іезуиты, для достиженiя своей завѣтной цѣли. Но итъ худа безъ добра, а иногда, по благодти Божіей, зло ведетъ къ добру. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Притѣсненiя поляковъ были причиною того, что въ лучшихъ изъ русскихъ людей возбудилась горячая сознательная любовь къ православію и жажда религiознаго просвѣщенiя, главнымъ образомъ, для того, чтобы умѣть, какъ слѣдуетъ, защитити отъ враговъ свою святую благочестивую вѣру. Для этой цѣли братства устроили училища; въ храмахъ стало раздаваться живое слово церковной проповѣди. Вотъ, напр., какія правила предлагаетъ подчиненному духовенству митр. кievскій Іовъ Борецкій, въ своемъ *совѣтованiи о благочестiи* 1621 г. (изд. въ I т. Памяти. кievск. к. 1848 г., стр. 224—251): »возбуждать и готовить ко св. мученичеству какъ самихъ себя, такъ и сердца народа... Писать и печатать, въ защиту благочестiя, книги.... *Въ церквахъ, каждый воскресный и праздничный день, должна быть проповѣдь*... Заводить по городамъ школы«. Исторiя пока-

зываетъ, что эти правила не оставались только на бумагѣ, но осуществлялись и въ жизни. Въ частности, что касается до проповѣдничества, то извѣстно, что въ XVI и XVII в. въ южной Руси возникла должность *проповѣдниковъ*, которую отправляли при соборахъ, монастыряхъ и братствахъ духовныя лица, получившія высшее образованіе. Они гордились этимъ названіемъ, какъ почетнымъ титуломъ, и выставляли его на изданіяхъ своихъ сочиненій. Многіе проповѣдники приобрѣли себѣ большую извѣстность; города и братства съ усердіемъ спѣшили приглашать ихъ къ себѣ для проповѣданія. Такъ напр., св. Димитрій Ростовскій, во время своего житія въ Малороссіи, исполнялъ преемственно должность проповѣдника въ Батуринѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговѣ, Кіевѣ. Видно, что святаго и искуснаго проповѣдника приглашали, такъ сказать, на перерывъ.

Чтобы познакомить, хотя слегка, со внѣшнею исторіею южно-русскаго проповѣдничества, перечислимъ имена и творенія знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ, сохранные для насъ исторіею.

1) *Стефанъ Зизаній*, проповѣдникъ и школьный учитель львовской братской школы, потомъ проповѣдникъ въ Вильнѣ, горячій защитникъ православія противъ уніи и страдалецъ за православіе. Дѣйствовалъ съ особенною силою въ послѣднемъ десятилѣтіи XVI вѣка, такъ что враги православія признавались, что унія не можетъ успѣвать, пока все будутъ писать такіе писатели, какъ Стефанъ Зизаній. Проповѣди Стефана не дошли до насъ.

2) *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, протопопъ ворецкій, по современному свидѣтельству, «св. православной вѣры проповѣдникъ и проповѣдникъ, мужъ благоговѣйный, дидакаль и вѣртія, знатокъ греческаго языка», — авторъ *катихизиса*. Проповѣди Лаврентія не дошли до насъ.

3) *Леонтій Карповичъ*, архимандритъ ^{вильнскаго}

Свято-Духова монастыря († 1620 г.), по отзыву современниковъ, «подобный Златоусту въ витійствѣхъ». Оставилъ три проповѣди, отличающіяся своею обширностію.

4) *Захарій Копыстенскій* (съ 20 Ноябр. 1624 г.), архимандритъ печерской лавры, оставилъ намъ двѣ погребальныя проповѣди, изд. въ Кіевѣ 1625.

5) *Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій*, учитель львовскаго братства и проповѣдникъ слова Божія, а наконецъ архимандритъ черниговскій, составилъ цѣлый сборникъ поученій, подъ заглавіемъ: *евангеліе учительное*, или слова на воскресные и праздничные дни, въ томъ числѣ и на дни знаменитыхъ святыхъ (изд. въ Рахмановѣ 1619 и 1668 г., въ уніят. мон. 1696 г.).

6) *Петръ Могила*, митр. біевскій († 1646 г.), знаменитый покровитель кіевской коллегіи, оставилъ намъ двѣ проповѣди: «о крестѣ Господа нашего и каждаго христіанина» (изд. въ Кіевѣ 1632 г.) и слово на бракъ Януша Радзивилла (Мова дзешовна, изд. въ К. 1625 г.).

7) *Іоанникій Голатовскій*, ректоръ кіевской коллегіи (1659—1662 г.) написалъ *Ключъ разумнія*—поученія на всѣ праздники (изд. въ Кіевѣ 1659, 1660 г. и въ Львовѣ 1665 г.) и составилъ первый опытъ русской гомилетики, подъ заглавіемъ: *наука, альбо способъ зложеня казаня* (въ приложеніи ко второму изд. *Ключа разумнія*).

8) *Лазарь Барановичъ*, ректоръ кіевской коллегіи, съ 1657 г. архіепископъ черниговскій † 1694 г., издалъ собранія своихъ проповѣдей, подъ заглавіемъ: *Мечъ духовный* (Кіевъ † 1666. 1686 г.) и *Трубы словесъ* (Кіевъ. 1674, 1679 г.).

9) *Антоній Радивилловскій*, намѣстникъ кіево-печерской лавры, а потомъ игуменъ кіево-николаевскаго монастыря издалъ два тома своихъ поученій, подъ заглавіями: *Огородокъ Маріи Богородицы* (К. 1676 г.) и *Вънецъ Христовъ* (К. 1688 г.).

Мы перечислили только знаменитыхъ южно-русскихъ проповѣдниковъ XVI и XVII в. ¹⁾, такихъ, которые или оставили обширныя собранія поученій, или, по крайней мѣрѣ, пользовались всеобщою извѣстностію. Но при распространенности въ южной Руси устной проповѣди, было очень много и такихъ проповѣдниковъ, которые трудились въ составленіи поученій, произносили ихъ, производили даже впечатлѣніе на современниковъ, но остались неизвѣстными, или почти неизвѣстными для потомства. Напр., подъ предисловіемъ къ цвѣтной тріоди, изд. въ Кіевѣ въ 1631 г., мы читаемъ такую подпись: »іеромонахъ Тарасій Левковичъ Земка, *проповѣдникъ слова Божія* и корректоръ въ типографіи монастыря Печерскаго Кіевскаго«. А безъ этой подписи мы и не знали бы вовсе о проповѣднической дѣятельности о. Земки. Въ 1681 г. одинъ выходецъ изъ западной Руси, исчисляя своихъ земляковъ, готовыхъ и способныхъ служить въ Москвѣ, такъ писалъ московскому царю Феодору Алексѣевичу: »извѣщаю тебя, великій государь, о *Елисеѣ Корабчикеевичѣ*, игуменѣ добромысльскомъ, яко зѣло казнодей есть искусный, на его же поученія не токмо православныя, но и римляне приходяще чудишася. И въ великомъ скитѣ (на Покутьѣ, въ Буковинѣ) есть іеромонахъ, именуемый *Гивалевичъ*, богословъ и философъ, и въ состязаніи зѣло преострый.... Такжеже въ поученіи онымъ подобный игуменъ люблинскій, *Монастырскій*«. Очевидно, что эти три церковныхъ учителя, въ свое время, производи-

¹⁾ Въ этомъ исчисленіи мы не упомянули Симеона Полоцкаго, Епифанія Славинецкаго, Стефана Яворскаго, св. Димитрія Ростовскаго, потому что эти ученые мужи, хотя и принадлежать къ южной Руси, по своему происхожденію и складу своего проповѣдничества, но большую часть своей дѣятельности посвящали Руси сѣверной, и примыкаютъ ко временамъ Петра Великаго, — сльд., о нихъ рѣчь впереди.

ли доброе впечатлѣніе на слушателей, а между тѣмъ, безъ этого, случайно уцѣлѣвшаго, отзыва о нихъ, самыя имена остались бы нынѣ неизвѣстными. А сколько, по всей вѣроятности, было въ южной Руси такихъ проповѣдниковъ, которыхъ и имена теперь неизвѣстны.

Наша цѣль, — оставивъ въ сторонѣ біографическія и бібліографическія подробности, — представить только общія и основныя черты южно-русской проповѣди въ XVI и XVII в.в. Южно-русская проповѣдь не отличалась самостоятельностью. Какъ древніе русскіе проповѣдники, до XV вѣка, слагали свои поученія, руководствуясь греческими святоотеческими поученіями, такъ южно-русскіе проповѣдники XVI и XVII в. подражали въ своихъ проповѣдяхъ латинско-польскимъ образцамъ. Это кажется страннымъ, потому что латинствующіе поляки были самыми жестокими врагами православія, но на самомъ дѣлѣ это было такъ, по единоголосному увѣренію защитниковъ и противниковъ православія. »Если бы перимскія постылазы«,—говоритъ отступникъ отъ православія Мелетій Смотрицкій, въ своей полемикѣ съ Мужиловскимъ«, то не поспѣшилъ бы на кафедру ораторъ и не съумѣлъ бы всѣхъ разудивить софистъ. Скажи спасибо Бессію, который научаетъ тебя произносить съ кафедры; хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скриѣли бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы, а ты все-таки мудрецъ, да и твои всѣ. Одинъ на кафедре съ Осоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій со Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу«¹⁾).

Защитники православія со скорбію подтверждали—тоже самое. »Видѣлъ я моими глазами«,—пишетъ Кириллъ Транквилионъ въ *евангеліи учительномъ*, »между едино-

¹⁾ Отеч. Зап. 1862 г. № 2, 572.

племенниками моими много такихъ людей какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, которые гоняются за науками чужими, за постиллами, противными Церкви Божіей... и какъ въ меду потонули въ этихъ заманчивыхъ, но пагубныхъ для спасенія, сочиненіяхъ¹⁾. Но напрасно ревнители православія возставали противъ заимствованія изъ латино-польскихъ проповѣдниковъ. Это заимствование было неизбежно, потому что имѣло неразрывную связь со всѣмъ ходомъ тогдашняго школьнаго образованія. Извѣстно, что главнѣйшая южно-русская школа, кіево-могилянская коллегія, была устроена м. Петромъ Могилою по образцу латино-польскихъ школъ. Господствующій языкъ въ ней былъ латинскій; методъ преподаванія схоластическій. Предметы преподавались тѣ же и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ латино-польскихъ школахъ. Бругъ литературы, доступный для учителей и учениковъ, состоялъ въ произведеніяхъ латино-польскихъ писателей: прибавимъ къ тому, что учителя сами, по большей части, должны были получать высшее образованіе въ іезуитскихъ училищахъ. Такова была въ Кіевѣ могилянская коллегія; таковы же и другія южно-русскія православныя школы. Для того, чтобы бороться со врагами православія, нужно было напередъ запастись ихъ же оружіемъ. Можетъ быть, это было дурно; но, по тогдашнимъ историческимъ обстоятельствамъ—неизбѣжно. Свѣтъ наукъ уже не мерцалъ изъ Греціи, поработенной тогда игу мусульманъ; самоучкой получить систематическое образованіе нельзя; по неволѣ приходилось добывать школьное, систематическое образованіе, изъ враждебнаго лагеря панистовъ, точно также, какъ христіанскимъ юношамъ IV вѣка приходилось учиться у языческихъ софистовъ.

Такъ какъ проповѣдничество представляетъ собою вѣ-

¹⁾ Обзоръ р. д. лнт. Филарета. I. 264.

нецъ и общій результатъ всего духовнаго образованія, то естественно, что и на немъ отразилось латинно-польское вліяніе, подъ которымъ жила южно-русская школа. Но естественно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что это вліяніе было только внѣшнее, формальное. Не католическіе догматы хотѣли усвоить себѣ отъ папистовъ южно-русскіе проповѣдники и не католическую мораль. Пересматривая внимательно южно-русскія православныя проповѣди, мы въ очень немногихъ мѣстахъ могли замѣтить легкіе и случайные слѣды католицизма. Такъ, кое-гдѣ, блж. Іеронимъ, согласно признанію римской церкви, именуется *святымъ*; такъ, нѣсколько проповѣдей, въ *Огородкѣ Богородицы*, посвящено раскрытію римскаго ученія о непорочно́мъ зачатіи Богоматери, которое недавно возведено папою въ догматъ. За исключеніемъ этихъ промаховъ, происходившихъ, конечно, отъ неосмотрительности, южно-русскія проповѣди въ своемъ содержаніи не представляютъ ничего противнаго ученію Церкви православной. Но уклоняясь всячески отъ догматическаго сближенія съ католицизмомъ, южно-русскіе проповѣдники нисколько не стѣснялись подражать католической проповѣди во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они заимствовали отъ латинопольскихъ образцовъ: 1) систематическое *построеніе* проповѣди, по опредѣленному плану; 2) *развитіе* и обогащеніе ея разнообразнымъ и занимательнымъ содержаніемъ; 3) особенности въ *словѣ*, *тонѣ* и *внѣшнихъ пріемахъ изложенія*. По этимъ тремъ рубрикамъ мы и постараемся охарактеризовать древнюю южно-русскую проповѣдь.

1) *Построеніе южной русской проповѣди*. Южно-русская проповѣдь была плодомъ школьнаго образованія, поэтому, въ построеніи ея, естественно, должна была явиться своего рода искусственная систематичность. Авторъ первой русской гомилетики Іоаннѣй Голятовскій, писавшій по руководству латинскихъ писателей Іереміа Дрекселіуса и Симона Ста-

ровольскаго, такъ опредѣляетъ составъ проповѣди: »кто хочетъ составить проповѣдь, тотъ долженъ прежде всего положить изъ св. Писанія *оселу*, которая служить фундаментомъ всей проповѣди, потому что, собразно съ ея, располагается вся проповѣдь, состоящая изъ трехъ частей. Первая часть *екзордiумъ*, — вступленіе, въ которомъ проповѣдникъ дѣлаетъ приступъ къ тому, о чемъ хочетъ говорить, обозначаетъ слушателямъ предметъ своей проповѣди и проситъ Бога и Пречистую Дѣву о помощи, а слушателей о вниманіи. Другая часть — *наррація*; въ этой части проповѣдникъ говоритъ людямъ о томъ, о чемъ общалъ говорить. Это часть — самая большая; въ ней вся проповѣдь замыкается и къ ней остальные части стягиваются. Третья часть — *конклюдія*, — заключеніе. Здѣсь проповѣдникъ напоминаетъ то, о чемъ говорилъ въ нарраціи, и, собразно содержанію ея, увѣщеваетъ слушателей, чтобы они любили вышесказанное добро или остерегались вышесказаннаго зла¹⁾. Намъ знакомы эти составныя части проповѣди: *екзордiумъ*, *наррація* и *конклюдія*. Двѣсти лѣтъ они живутъ въ нашихъ гониметикахъ. Знакомо намъ также правило о выборѣ и постановкѣ опредѣленной темы, доселѣ имѣющее обязательную силу для русскихъ проповѣдниковъ. Въ этомъ правилѣ мы видимъ новостъ, введенную духомъ школы, создавшимъ южно-русскую проповѣдь. Старинная русская проповѣдь, слагавшаяся по стариннымъ греческимъ образцамъ, не знала правила о темѣ. Святитель Лука Жидята

¹⁾ *Наука, або способъ зложеня казаня*. Въ приложеніи во 2-му изд. *Ключа уразумѣнія*. л. 513. Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ послѣдствіи, дѣлая выдержки изъ южно-русскихъ проповѣдей, мы, для удобства читателей, переводимъ ихъ на современныи русскій языкъ, а въ заключеніе, въ особой статьѣ, познакомимъ читателей съ особенностями тогдашняго проповѣднаго, домашнего и сѣшаннаго, латино-польско-славяно-мазорускаго нарѣчія.

на двухъ страничкахъ своего поученія поговорилъ обо всемъ, высказалъ полный кодексъ нравственныхъ убѣжденій. Пересмотрите старинные сборники древле-русскихъ поученій; вы увидите въ нихъ мѣстахъ заглавія слишкомъ общія и неопредѣленные, дававшія право проповѣднику говорить о чемъ угодно; напр. *поученіе избранно отъ св. писаній, како подобаетъ христіанамъ жити*, или: *поученіе отца духовнаго дѣтямъ—православнымъ христіанамъ*: въ другихъ мѣстахъ заглавіе или не соотвѣтствуетъ проповѣди, или само собою указываетъ на неопредѣленность и разнохарактерность ея состава и содержанія. Напр., *слово св. Василія о смерти*; въ томъ словѣ пишеть о любви, или: *слово о милостынѣ и яко не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя*. Духъ школы, создавшій южно-русскую проповѣдь, не могъ примириться съ такою неопредѣленностію и безсистемностію древнихъ проповѣдей и на первый планъ поставилъ требованіе *всемы*, которая служитъ фундаментомъ всей проповѣди.

У насъ подъ руками два самыхъ обширныхъ и характерныхъ сборника южно-русскихъ проповѣдей: *Ключъ разумнія*, Іоаннікія Голятовскаго, и *Огородокъ Маріи Бѣгородицы*, Антонія Радивиловскаго. Изучая эти сборники, а также имѣя въ виду и всѣ другія произведенія южно-русской проповѣднической литературы, мы безъ труда можемъ различить четыре группы проповѣдей, по ихъ емамъ и дальнѣйшему построенію.

Въ первой группѣ можемъ отнести тѣ проповѣди, которыя представляютъ собою ничто иное, какъ отдѣльные трактаты изъ догматики и нравственнаго богословія, только произносимые съ церковной кафедры. Такъ какъ ема проповѣди берется изъ богословскаго учебника, то, естественно, и все дальнѣйшее построеніе проповѣди располагается по рубрикамъ, принятымъ въ тогдашнемъ учебникѣ. Такъ напр.,

въ словѣ на день Богоявленія, проповѣдникъ желаетъ изложить своимъ слушателямъ ученіе о таинствахъ. »Такъ какъ Господь (говорить онъ) крестился для того, чтобы установить намъ таинство крещенія, то, по этому поводу, я хочу говорить о всѣхъ таинствахъ, которыя суть видимые знаки невидимой благодати Божіей. И такъ, я покажу въ своей проповѣди, какая каждого таинства матерія? какая форма? какая польза (пожытокъ) ¹⁾»? Этими словами достаточно опредѣляется составъ проповѣди. Въ словѣ на недѣлю 32-ю, изъ текста: *искаше (Закхей) видѣти Иисуса, кто есть*, проповѣдникъ выводитъ такую тему: »я покажу въ своей проповѣди двоякія Христовы имена, свойства и дѣйствія, божескія и человѣческія, изъ которыхъ можемъ уразумѣть двоякое во Христѣ естество, божеское и человѣческое. Я сдѣлаю это для того, чтобы мы могли отвѣчать еретикамъ, которые называютъ Христа только человѣкомъ, а не хотятъ называть Богомъ. Христе, Боже истинный и человѣкъ совершенный, будь мнѣ помощникомъ въ моемъ предпріятіи ²⁾, и проч. Для знающаго православную догматику совершенно ясно, о чемъ будетъ говорить проповѣдникъ — Въ словѣ на день Преображенія Господня, изъ текста: *явистася Моисей и Ілїя съ Нимъ глаголющи*, проповѣдникъ выводитъ такую тему: »я изложу милости вашей различныя пророчества о Христѣ, изъ которыхъ можемъ уразумѣть, что Христосъ истинный Мессія, имѣвшій придти въ міръ, для спасенія человѣческаго. На основаніи тѣхъ же пророчествъ мы можемъ дать отпоръ невѣрнымъ жидамъ, не признающимъ Христа Мессією» ³⁾. Очевидно, и эта проповѣдь есть ничто иное, какъ трактатъ изъ догматики. Систематичность южно-русской школьной догматики, перешедшая по наслѣдству и къ современному православно-догматическому богословію,

¹⁾ Ключъ л. 105. ²⁾ Ключъ л. 47. ³⁾ Ключъ л. 225.

отражается на южно-русскихъ догм. проповѣдяхъ съ полною ясностію.

Есть проповѣди и на темы, относящіяся къ нравственному богословію; такъ, въ словѣ въ недѣлю крестопоклонную, проповѣдникъ разсуждаетъ о троякомъ вѣрствѣ духовномъ, т. е. о нищетѣ, чистотѣ и послушаніи (обѣтахъ монашескихъ) ¹⁾; въ словѣ въ недѣлю 22-ю, различными примѣрами изъ исторіи, доказываетъ разнообразную пользу милостыни ²⁾; въ словѣ на Вознесеніе Господне говоритъ о трехъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, т. е. о вѣрѣ, надеждѣ и любви ³⁾.

Какъ по догматическимъ проповѣдямъ мы можемъ судить о преподаваніи догматики въ южно-русскихъ школахъ, — такъ въ нравоучительныхъ проповѣдяхъ слышимъ уроки изъ нравственнаго богословія. И мы находимъ, что школьная южно-русская мораль была нѣсколько суха и отвлеченна, но за то совершенно чужда іезуитской казуистики, заглушавшей голосъ совѣсти и спутывавшей понятія о добрѣ и злѣ съ недобросовѣстностію приказнаго крючкотворства.

Такъ какъ изученіе исторіи не процвѣтало въ южно-русскихъ школахъ XVI и XVII в., то не встрѣчаемъ почти и проповѣдей, специально посвященныхъ какому-нибудь церковно-историческому очерку. Отдѣльные доскутки историческаго матеріала попадаются, правда, въ обиліи почти въ каждой проповѣди, но стоятъ не въ исторической связи, и, очевидно, имѣютъ цѣлю не поученіе слушателей исторіи, а расширеніе объема или увеличеніе занимательности проповѣди. Даже въ немногихъ, по видимому, специально-историческихъ проповѣдяхъ, проповѣдникъ чуждается исторической постановки дѣла, а измышляетъ какую-нибудь другую. Напр., въ проповѣди на тему: «какія муки терпѣлъ Христосъ» ⁴⁾?

¹⁾ Ключъ л. 54. ²⁾ Ключъ л. 34. ³⁾ Ключъ л. 185. ⁴⁾ Ключъ л. 151.

проповѣдникъ не изображаетъ страданій Христовыхъ хронологически, но приглашаетъ слушателей видѣть главу, лице, руки, ноги Спасителя и замѣчать въ различныхъ членахъ Его слѣды различныхъ страданій. Въ другой проповѣди, о величій Іоанна Предтечи ¹⁾, авторъ, правда, держится хронологическаго порядка, но, обѣщая показать своимъ слушателямъ, что св. Іоаннъ Предтеча былъ великъ при рожденіи, великъ при жизни, великъ по смерти, так. обр. уже самую постановкою проповѣди исключаетъ дѣйствіе ея изъ области собственно-историческаго разсмотрѣнія.

Всѣ проповѣди указаннаго нами порядка представляютъ въ себѣ положительное содержаніе, даютъ христіанину дѣйствительное знаніе того, что ему нужно знать, и потому не утратили своей цѣнности и до настоящаго времени. Многія изъ нихъ, будучи переведены на современный русскій языкъ, и понынѣ могли бы съ пользою быть произносимы съ церковныхъ кафедръ. Не таковы остальные группы южно-русскихъ проповѣдей. Болѣе характерныя для своего вѣка, но менѣе сообразныя съ достоинствомъ церковнаго слова, онѣ вызывали противъ себя справедливыя порицанія и навсегда отошли уже въ область церковно-литературной археологіи.

Ко 2-й группѣ южнорусскихъ проповѣдей мы относимъ тѣ изъ нихъ, въ основаніи состава которыхъ лежатъ такъ называемыя *loci topici*. При построеніи такой проповѣди, авторъ, обыкновенно, отрѣшался отъ исторической и отъ всякой живой дѣйствительности и крѣпко держался только за голыя логическія схемы и отвлеченныя логическія приемы, при помощи которыхъ и образовывался планъ проповѣди. Всего проще бывало дѣло, когда авторъ составлялъ проповѣдь, раздробляя какое-нибудь, заключавшееся въ темѣ, родовое по-

¹⁾ Ключъ л. 414.

нятіе на видовыя. Такъ напр., Лазарь Барановичъ, въ проповѣди на слова церковной пѣснн: *Рождество твое, Богородице Дѣво, радость возвести всей вселенной*, остановилъ свое вниманіе на словѣ *вселенная* и занялся указаніями, какую радость принесло великое событіе землѣ, водѣ, воздуху, огню, небу, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ, вдовамъ, гробамъ, древамъ, горамъ, птицамъ, агнцамъ, и проч. Дѣленіе проповѣди основывается на исчисленіи предметовъ, обнимаемыхъ понятіемъ *вселенная*. Такъ Іоанникій Голытовскій, въ словѣ на день Благовѣщенія пр. Дѣвы, задается вопросомъ: »гдѣ именно на землѣ и небѣ обитаетъ пр. Дѣва?« и отвѣчаетъ, что пр. Дѣва обитаетъ на землѣ между всѣми людскими сословіями (простолюдинами, господами и духовными), а на небѣ—между всѣми чинами ангельскими ¹⁾. Составъ проповѣди бываетъ хитрѣе, когда въ основаніе проповѣди цѣликомъ полагается какая-нибудь логическая схема. Такъ напр., проповѣдникъ собирается писать слово въ похвалу креста Господни, и, не долго думая, беретъ рубрики для проповѣди прямо изъ логики. Есть у философовъ (разсуждаетъ онъ) четыре причины, безъ которыхъ не можетъ быть ничего на свѣтѣ: дѣйствующая, матеріальная, формальная и фипальная, или конечная. Будемъ же хвалить крестъ по четыремъ причинамъ. Дѣйствующая причина креста—самъ Христосъ. Матеріальная причина креста—дерево пальмовое, кедровое и кипарисовое. Формальная причина креста—его таинственно-благодатная четырехконечная форма. Конечная причина креста—отверженіе намъ неба ²⁾. Еще примѣръ. Проповѣдникъ желаетъ хвалить ап. Іоанна Богослова, и притомъ какъ-нибудь по замысловатѣе. »Апостола Іоанна (разсуждаетъ проповѣдникъ), какъ философа, любящаго мудрость, буду я сегодня хвалить изъ философіи«.

¹⁾ Ключъ л. 316. ²⁾ Ключъ л. 338.

Есть у философовъ десять предикаментовъ, которыми все-
опредѣляется и объемлется: 1. substantia (истность), 2. quan-
titas (количество), 3. qualitas (яковость), 4. relatio (отно-
шеніе), 5. actio (дѣйствіе), 6. passio (терпѣніе), 7. quando
(когда), 8. ubi (гдѣ), 9. situs (положеніе), 10. habitus
(видъ, одежда). И вотъ, проповѣдникъ, взявшись хвалить
ап. Іоанна по 10 предикаментамъ, исполняетъ свое намѣ-
реніе, но съ какими страшными натяжками! Видно, что онъ
и самъ не радъ, что затѣялъ такой планъ и не бросаетъ
дѣла только потому, что хочетъ выдержать характеръ. Вотъ,
напр., выдержка: »предикаментъ 9-й: situs—положеніе, когда
кто-либо лежитъ, или сидитъ, или стоитъ. Можемъ ап. Іо-
анна хвалить и отъ положенія, ибо части тѣла его имѣли
разное положеніе. Когда ап. Іоаннъ, въ откровеніи (Апок. I.)
увидавъ Христа, палъ на землѣ предъ ногами Христовыми,
то всѣ члены его были распростерты. Когда же ап. Іоаннъ
молился Богу, то всѣ части тѣла его имѣли иное, высшее
положеніе. А когда ап. Іоаннъ, стоя и глядя на небо, дик-
товалъ евангеліе ученику своему Прохору, то члены тѣла
его имѣли еще иное, еще высшее положеніе ¹⁾«. Само собою
разумѣется, что все это говорится только для того, чтобы
какъ нибудь наполнить категорію situs. Представьте же
себѣ, какой хаотическій видъ имѣетъ вся проповѣдь, стро-
женная изъ безцѣльныхъ и безсвязныхъ частей. Вѣнецъ
проповѣдей такого рода представляетъ слово Лазаря Барано-
вича на Воздвиженіе креста Господня, начинающееся такъ:
»философы имѣютъ въ своемъ саду одно изобильное древо,
называемое агбор Porphyriana ²⁾. Въ саду христіанъ есть дре-

¹⁾ Ключъ л. 461.

²⁾ Александрійскій неоплатоникъ Порфирій, жившій въ III
и IV вв., написалъ *введеніе въ категоріи Аристотеля*, гдѣ,
посредствомъ генеалогическаго древа (названнаго въ послѣдствіи
агбор porphyriana), наглядно объясняетъ восхожденіе понятій отъ

во обильнѣйшее—крестъ Христовъ. Въ порфиріанскомъ древѣ находятся разныя степени: *Substantia* (существо), *corpus* (тѣло), *vivens* (живущее), *homo* (человѣкъ), *individuum* (недѣлимое); тѣже самыя степени и въ древѣ крестномъ. Слѣдуетъ опредѣленіе этихъ степеней, при чемъ, въ соотвѣтствіе понятію: *homo*, проповѣдникъ ставитъ слова Пилата о Спасителѣ: *се человекъ!*, а въ соотвѣтствіе понятію *individuum*—надпись на крестѣ Спасителя: *Iesus Назарянинъ, царь іудейскій*» ¹⁾. Въ XVI и XVII вв. подобное построение проповѣди казалось очень остроумнымъ и замысловатымъ, а въ наше время кажется дѣтскою игрою въ понятія, недостойною серьезныхъ людей.

Бъ 3-й группѣ южно-русскихъ проповѣдей мы относимъ тѣ изъ нихъ, въ основаніи которыхъ лежитъ какой-нибудь схоластическій, хитро придуманный вопросъ, отвѣтомъ на который служить какое-нибудь курьезное положеніе, поражающее слушателя своею странностію и неожиданностію. Такой приемъ составленія проповѣдей былъ особенно любимъ іезуитами. Извѣстный противникъ іезуитовъ, Теофанъ Прокоповичъ, въ своей рукописной реторикѣ, по поводу проповѣдей польскаго іезуита Тома Млодзяновскаго, говоритъ слѣдующее: »для пріобрѣтенія знаменитости ученые хвастуны особенно успоили себѣ манеру говорить что нибудь удивительное, необыкновенное. По этому они выдумываютъ курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умствованія, и спрашиваютъ, почему въ имени Іисуса Христа или святѣйшей Дѣвы находится пять буквъ, почему Богъ чрезъ пророка сказалъ такъ, а не иначе? Почему что нибудь сдѣлано или написано такъ, а не иначе? Задержавъ бѣдныхъ

низшихъ въ высшимъ. Латинскій переводъ *введенія*, сдѣланный Бонціемъ, пользовался большимъ уваженіемъ въ средневѣковыхъ школахъ.

¹⁾ Ист. р. лит. Гаахова 1. 189.

слушателей нѣсколько времени безсмысленною проволочкою, ораторы, наконецъ, выпрямляются, приходятъ въ восторгъ, одушевляются и, поддерживаемые вниманіемъ невѣжественной толпы, съ натянутою важностію и отвислыми щеками начинаютъ изрекать свое, въ высшей степени неаѣлое, проризаніе. Ибо что можетъ быть неаѣліе, напр., такого оборота: одинъ проповѣдникъ, произнося похвалы Богородицѣ (если онъ только достойны названій похвалъ), спросилъ слушателя; какъ ему вѣжется, почему во время всемірнаго потопа, когда всѣ бѣдныя животныя погибали, однѣ рыбы избѣжали этой гибели? Вотъ о чемъ онъ недоумѣваетъ и спрашиваетъ. И мужики (если бы нужно было) готовы были бы отвѣчать: неужели, любезный отче, тебѣ кажется удивительнымъ, что рыбы не погибаютъ въ водѣ? Но проповѣдникъ, какъ мужъ мудрый, не считаетъ для себя приличнымъ разсуждать такъ, онъ отвѣчаетъ, что это случилось потому, что рыбы заглаждаются въ имени Богородицы, ибо Марія (Maria) созвучно съ словомъ море (mar-) во множественномъ числѣ. О остроуміе, не лучшее глупости рыбъ!.... Достопочтенный отецъ Младзяновскій не знаетъ другаго краснорѣчія, кромѣ подобныхъ умствованій... Невозможно перечестъ безчисленныхъ примѣровъ его пустословія: приведу, впрочемъ, одинъ примѣръ, гдѣ примѣшалъ онъ и свою ересь. Въ проповѣди о страданіи І. Христа, Младзяновскій спрашиваетъ почему іудеи, требуя І. Христа на смерть, дважды сказали: *распни, распни его*, и однажды употребили страдательный залогъ: *да распятъ будетъ*? И на этотъ вопросъ, между прочимъ, отвѣчаетъ такъ: »то латинское слово *crucifige* есть слово, означающее дѣятельность глагола дѣйствительнаго, а другое также латинское словцо: *crucifigatur*—да распятъ будетъ—есть слово страдательное. Дважды стоитъ *crucifige, crucifige*, показывая, что страданіе Господа Іисуса имѣло совершиться въ честь и хвалу двухъ лицъ, отъ которыхъ исходитъ Св.

Духъ, т. е. Отца и Сына, а также имѣло совершиться и на хвалу пассивнаго продукта, происходящаго отъ обоихъ— Духа Святаго». Вотъ что сказалъ проповѣдникъ, и сказалъ весьма основательно, потому что догматъ стоитъ того, чтобы украшаться такимъ краснорѣчіемъ.... Что сказать о легіонѣ другихъ нецѣлостей? Такъ напр., проповѣдникъ спрашиваетъ, есть ли на небѣ бібліотека? или говорить, что въ мірѣ есть только двое часовъ, что въ мірѣ нѣтъ ни мяса, ни хлѣба, ни салата, и тысячи другихъ пустяковъ¹⁾. Теофанъ Прокоповичъ писалъ эти строки уже въ началѣ XVIII в., и, начиная собою новый періодъ въ исторіи русскаго проповѣдничества, могъ съ безпощадною критикою относиться къ приѣмамъ прежняго періода. Но предшественники Ѳ. Прокоповича въ южно-русскихъ школахъ разсуждали иначе и сочли не излишнимъ заимствовать у польскихъ проповѣдниковъ вышеуказанный приѣмъ составленія проповѣдей. Такъ Іоаннѣй Голятовскій всю проповѣдь на день Рождества Христова посвящаетъ рѣшенію вопроса: отчего Богъ Сынъ взялъ на Себя природу человѣческую, а не ангельскую? и отчего именно Сынъ Божій, а не Богъ Отецъ и не Духъ Святой²⁾? При постановкѣ этой темы, авторъ какъ будто забывалъ слова апостола: *кто разумъ умъ Господень или кто совѣтникъ Ему бысть?* и благоговѣйное чувство христіанина нѣсколько оскорбляется притязаніемъ проповѣдника на близкое знакомство съ божественными тайнами. Въ такомъ же родѣ проповѣдь І. Голятовскаго на день крещенія Господня. Проповѣдникъ разсуждаетъ на тему: для чего Господь принялъ крещеніе? и говоритъ, между прочимъ, что Господь крестился для того, чтобы потопить въ водѣ Фараона адскаго, чтобы извлечь изъ воды велиорыба пекельнаго, чтобы

¹⁾ Выдержки изъ рукописной реторики Ѳ. Прокоповича въ *Труд. К. Дух. Академіи*. 1865 г. № 4. ²⁾ Ключъ л. 81.

сдѣлать здоровыми воды вредоносная, чтобы вкинуть въ воду челоуѣка разслабленнаго, и пр. Здѣсь есть натянутость въ отвѣтахъ, но самый вопросъ, служащій основаніемъ проповѣди, простъ и естественъ. Но есть проповѣди, въ которыхъ самый основной вопросъ отлпчается искусственностію. Такъ напр., авторъ *Огородка*, Ант. Радивиловскій, въ день ап. Андрея первоозваннаго, разсуждаетъ на тему: »зачѣмъ Христосъ, призывая къ себѣ св. Андрей, сначала взглянулъ на него? чѣмъ Андрей поправился Христу? и пр.¹⁾. Въ день Рождества Христова, онъ разсуждаетъ на тему: »что за секретъ, что ночью, а не днемъ Сына Божьяго родить Марія²⁾? Въ словѣ на день Срѣтенія, 2-я часть посвящена рѣшенію вопроса: »для чего старецъ Симеонъ предъ смертію поетъ, а потомъ тотчасъ умираетъ³⁾? Въ словѣ на день св. Архистратига Михаила спрашивается, что на соборѣ ангельскомъ говорилъ и дѣлалъ А. Михаилъ вмѣстѣ съ другими ангелами, и какую они постановляли *конституцію*«⁴⁾? (sic!) Проповѣдникъ съ большою подробностію излагаетъ протоколъ ангельскаго собранія, такъ что остается только удивляться, откуда онъ могъ получить такіа опредѣленные свѣдѣнія.

Къ 4-й, самой многочисленной и характерной, группѣ южно-русскихъ проповѣдей мы относимъ всѣ тѣ проповѣди, построеніе которыхъ основано на сравненіи, метафорѣ, или аллегоріи. Конечно, проповѣдникъ имѣетъ полное право пользоваться этимъ приемомъ, подражая примѣру Христа, который въ *притчахъ* отрывалъ людямъ тайны царства небеснаго. Но между притчами Христа Спасителя и аллегорическими проповѣдями южно русскихъ витій довольно мало общаго, что само собою откроется для насъ при разсмотрѣніи проповѣдей этого рода.

¹⁾ Огородокъ л. 659. ²⁾ Огородокъ л. 776. ³⁾ Огородокъ л. 913. ⁴⁾ Огородокъ л. 568.

Самый простой видъ аллегорической проповѣди бываетъ тогда, когда вся проповѣдь состоитъ изъ разъясненія какой-либо метафоры. Такъ напр., любя восхвалять Богоматерь, южно-русскіе проповѣдники составили множество аллегорическихъ поученій, въ которыхъ раскрывалось, что пр. Дѣва подобна небу, ¹⁾ дому Соломонову, радугѣ, морю, граду твердому, вратамъ, замку, жезлу Моисееву, зеркалу, ялину ²⁾. Есть проповѣди, въ которыхъ раскрывается сходство Христа Спасителя со львомъ, съ кобышею, съ рощею масличною, съ цвѣткомъ, съ камнемъ ³⁾. Іоаннъ Предтеча уподобляется соловью, Іоаннъ Богословъ — печати, ап. Андрей — карбункулу, св. Николай — солнцу, св. Савва — розѣ и ялину, св. Антоній — муравью, три святителя (Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ) — сардію, топазію и смарагду, крестъ Христовъ — мечу и рогу ⁴⁾, и т. д. Чертежъ подобныхъ аллегорическихъ проповѣдей довольно простъ. Вся трудность, на первыхъ порахъ, состоитъ только въ томъ, чтобы найти годную метафору. Для преодоленія этой трудности, первый русскій гомилетъ Іоанннкій Голятовскій совѣтуетъ проповѣднику обращать вниманіе на толкованіе имени. Если, напр., имя празднуемаго святаго — *Василій*, что значитъ *царь*, то можно весьма удобно раскрывать, какъ онъ царствовалъ въ сей жизни надъ страстями, а по смерти вѣчно царствуетъ на небеси. Если, напр., погребяемаго покойника зовутъ *Стефанъ*, что значитъ *корона*, то пусть проповѣдь представитъ корону, которую онъ учинилъ себѣ изъ цвѣтовъ или драгоцен-

¹⁾ Ключъ л. 326.

²⁾ Огородокъ л. 416 и сл., 423 и сл., 433 и сл., 535 и слѣд., 545 и сл., 550 и сл., 610 и сл., 618 и сл., 634 и сл.

³⁾ Вънецъ Христовъ, слово на текстъ: *побѣдилъ есть левъ отъ Иуды*, Огородокъ л. 890 и сл. Ключъ 127 и сл.

⁴⁾ Огородокъ л. 489 и сл., 510 и сл., 641 и сл., 685 и слѣд., 713 и 857 и сл., 868 и сл., 460 и сл.,

ныхъ камней, разумѣя подъ тѣмъ его качества и дѣла ¹⁾. Если толкованіе имени не давало надлежащаго матеріала для аллегорической проповѣди, то полагался въ основу текстъ, заключавшій въ себѣ метафору, или образъ, и затѣмъ въ приступѣ дѣлалось изъ этого текста, хотя часто съ натяжками, желаемое приспособленіе къ предмету проповѣди. Хотите, напр., проповѣдникъ сравнивать св. Антонія съ муравьемъ, онъ полагаетъ въ основаніе проповѣди текстъ: *иди ко мравію, лѣннису* (Притч. 6.) и достигаетъ желаемого. Но если ни толкованіе имени, ни подходящій текстъ не приводятъ къ предмету аллегорич. проповѣди, то проповѣдникъ обходится какъ — нибудь иначе. Напр., проповѣдникъ желаетъ сравнивать Іоанна Предтечу съ соловьемъ, не имѣя для этого никакихъ основаній, и прибѣгаетъ къ такому обороту. »Когда уже земные соловьи перестали утѣшать нашъ слухъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ, тогда въ домъ свящ. Захаріи посылается, чрезъ зачатіе, новый соловей, съ новою небесныхъ пѣсней мелодіею, св. Іоаннъ Предтеча«. Приступъ — худо ли хорошо ли — сдѣланъ: послѣ этого уже можно вести аллегорич. проповѣдь о сходствѣ Предтечи съ соловьемъ. Трактація подобныхъ проповѣдей весьма проста, и вся состоитъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ сближенія между обоими предметами сравненія. Вотъ напр., вкратцѣ сущность проповѣди на тему: »въ чемъ состоитъ подобіе Богоматери морю?«

1) Всѣ потоки идутъ въ море; точно также и въ Пр. Дѣявѣ совмѣщаются всѣ дары божеств. благодати. 2) Отъ моря берутъ свои воды рѣки, источники, бриницы; точно также и отъ Матери Божіей (послѣ Христа Спасителя) всѣ разумныя творенія получаютъ милости и благодѣянія. 3) Если кто изъ вупцовъ хочетъ скоро разбогатѣть, то пускается на море, зная, что мореплаванье есть источникъ прибыльной

¹⁾ Огородокъ 489.

торговли Мы на семь свѣтъ куницы, по слову Спасителя: *куплю днѣи, дождеже прииду*, и если хотите обогатиться небесными сокровищами, то должны обратиться къ мысленному морю — Маріи¹⁾. Вотъ еще для примѣра сущность проповѣди на тему: »Божія Матерь подобна зеркалу«. 1) Зеркало состоитъ изъ ртути и стекла, такъ и Пр. Дѣва являетъ въ себѣ дѣвственность и смиреніе. 2) Въ зеркалѣ отражается художникъ, создавшій его, такъ и Господь Богъ изображается въ непорочной Маріи. 3) Зеркало бываетъ украшено дорогою вправою, такъ и Пр. Дѣва облечена въ благолѣпіе. 4) Въ зеркалѣ необходимо соединеніе стекла и ртути, такъ и въ Богоматери необходимо было соединеніе дѣвства и смиренія. 5) Зеркало, подѣ влияніемъ солнечныхъ лучей, производитъ огонь; такъ и Богоматерь—сіе мысленное зеркало—подѣ влияніемъ лучей божественнаго солнца, зачала божественный огонь—Христа; и какъ зеркало не сокрушаетъ лучъ солнечный, но оставляетъ цѣлымъ, такъ и Христосъ не разрушилъ дѣвства Маріи. 6) Зеркало, будучи мало, отражаетъ въ себѣ великія вещи; тоже должно сказать и о Маріи,— зеркалѣ Божества. 7) Зеркало служитъ намъ для того, чтобы мы въ него смотрѣлись; точно также и Пр. Дѣва служитъ намъ образцомъ для самопознанія и подражанія²⁾. Вотъ еще вырѣзѣ аллегорическая проповѣдь, представляющая сравненіе Христа съ кокошью. Въ основаніе сравненія положены слова Спасителя: *коль краты восхотѣхъ собрать чада твоя, якоже собираетъ кокошь птенца своя* (Мт. 23, 37). Самое сравненіе раскрывается въ слѣд. чертахъ, опредѣляющихъ собою составъ проповѣди. 1) Кокошь, когда выведетъ цыплятъ, кличетъ ихъ къ себѣ и собираетъ подѣ крылья; Христосъ печется о взысканіи и спасеніи людей. 2) Кокошь отъ любви къ курчатамъ хвораетъ и болѣе пе-

) Огородокъ 432—439. *) Огородокъ 617—623.

чется о нихъ, нежели о самой себѣ. Христосъ даже душу Свою положилъ за людей. 3) Кукошъ, нашедши зерно, скликаетъ курчатъ и дѣлится съ ними. Христосъ приглашаетъ людей къ царству небесному, которое подобно зерну горчичному. 4) Кукошъ, когда ищетъ зерна, то бросаетъ прочь соръ. Христосъ отбросилъ прочь всю славу міра сего, какою соблазнялъ Его діаволъ и повелѣлъ тоже дѣлать христіанамъ. 5) Есть кукошъ, которая, снесши яйцо, кричитъ, и есть кошъ, которая, снесши яйцо, молчитъ; послѣдней подобенъ Христосъ Своимъ смиреніемъ. 6) Кукошъ молодая живетъ въ загонѣ, вѣруетъ, что случится, и часто прислуги гоняють ее метлою; но когда зарѣжутъ ее, то съ великимъ почтеніемъ подають на столъ на серебряномъ блюдѣ предъ царей, князей и великихъ пановъ. Христосъ при жизни не имѣлъ, гдѣ главу приклонити, а по смерти погребенъ былъ съ честію и, воскресши со славою, предсталъ Отцу небесному¹⁾. Приведемъ, въ заключеніе, планъ аллегорич. проповѣди, изображающей сравненіе Іоанна Предтечи съ соловьемъ. 1) Соловей созданъ для того, чтобы прекрасно пѣть. Іоаннъ Предтеча родился для того, чтобы возглашать славу Христа Господа. 2) Голосъ соловья очень пріятенъ и громокъ. Тоже можно сказать и о проповѣди Іоанна Предтечи. 3) Соловей, по словамъ Плінія, имѣетъ очень много духу и очень мало тѣла; таковъ же и Іоаннъ Предтеча. 4) По словамъ натуралистовъ, соловей, въ началѣ весны, такъ увлекается пѣніемъ, что почти не ѣстъ. Іоаннъ Предтеча, явившись при началѣ благодати, проповѣдывалъ съ великимъ усердіемъ и много постился. 5) Соловей перемѣняетъ свой голосъ, смотря по различію часовъ; точно такъ же была разнообразна проповѣдь Іоанна Предтечи²⁾.

Аллегорич. проповѣди составляютъ большую часть южно-русскихъ проповѣдей XVI и XVII в. Кромѣ многочислен-

¹⁾ Огородокъ 31—40. ²⁾ Огородокъ 489—499.

ныхъ, уже указанныхъ нами, аллегорическихъ проповѣдей въ честь Спасителя, Богоматери и разныхъ святыхъ, очень нерѣдко попадаются проповѣди на темы: праведникъ подобенъ пчелѣ, монахъ подобенъ гробу каменному, человекъ подобенъ яйцу, и т. д. Всюду символизмъ, аллегоризмъ, страшная охота разяснять метафоры и дѣлать уподобленія.

Есть проповѣди, въ которыхъ авторъ не довольствовался разясненіемъ одной метафоры, нагромождая цѣлую груду метафоръ, такъ что вся проповѣдь представляла массу пестрыхъ разнообразныхъ образовъ, которые, по всей вѣроятности, трудно укладывались въ головѣ слушателя. Такова, напр., проповѣдь Іоанникія Голятовскаго на день св. апостоловъ Петра и Павла, гдѣ для первоверховныхъ апостоловъ прибираются слѣдующія подобія: солнце и мѣсяцъ, двѣ таблицы Моисеевы, два херувима златые, бывшіе въ скинии,—двѣ трубы златыя, устроенныя Моисеемъ, два мѣдныхъ столба храма Соломона и, наконецъ, два сосца, упоминаемые въ кн. Пѣснь Пѣсней ¹⁾. Такова же проповѣдь на Рождество пр. Богородицы изъ текста: *премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмъ*. Проповѣдникъ приводитъ на память, для сравненія съ Богоматерью, семь столповъ, упоминаемыхъ въ Библии: столпъ соляной, въ который обратилась жена Лотова, столпы облачный и огненный, путеволившіе евреевъ въ пустышѣ, столпъ дымовый (Суд. 20), столпъ желѣзный (Іерем. 1), столпъ серебряный (Пѣсн. П. 5), столбъ небесный (Іов. 26) ²⁾. Такова же и та проповѣдь, гдѣ проповѣдникъ, по числу пяти литеръ, составляющихъ имя *Маріа*, подбираетъ пять дорогихъ камней. Буквъ и соотвѣтствуетъ *магнитъ*;—*а*—*аметистъ*; *р*—*рубинъ*; *і*—*іасписъ*; *а*—*ахатесъ*; свойства каждаго камня сравниваются съ добродѣтелями Богоматери ³⁾.

¹⁾ Ключъ 386 — 396. ²⁾ Ключъ 262 — 270. ³⁾ Огородовъ 361—363.

Что сказать о достоинствѣ аллегорическихъ проповѣдей? Объяснять тайны міра духовнаго подобіями міра видимаго можно и должно; человѣческій языкъ такъ бѣденъ, что по необходимости употребляетъ метафоры, для выраженія идей о мірѣ духовномъ; много такихъ метафоръ есть и въ священномъ Писаніи; хотя эти метафоры, по большей части, ясны сами собою, но не мѣшаетъ и еще болѣе разъяснить ихъ; только нужно, чтобы эти разъясненія дѣйствительно уясняли, а не потемняли дѣло; т. е. чтобы въ разъясняемыхъ метафорахъ раскрывалось сходство съ предметами міра духовнаго 1) дѣйствительное, а не вымышленное, 2) постоянное и существенное, а не случайное, 3) близкое, а не отдаленное. Южно-русская проповѣдь погрѣшала противъ всѣхъ этихъ правилъ. Южно-русскіе проповѣдники забывали, что всякая метафора, даже употребляемая библейскими писателями, даетъ только одну черту сходства, а не полную копію сравниваемого предмета; забывая это свойство метафоры, проповѣдники старались провести сравненіе по очень многимъ пунктамъ, при чемъ, естественно, подбирались черты сходства, и вымышленныя, и случайныя, и отдаленныя. Объяснимъ это примѣрами. Когда, напр., свящ. писатель называетъ Спасителя *львомъ отъ Іуды*, то, очевидно, разумѣетъ только Его могущество, — это качество, которое, въ своемъ родѣ, присуще и льву, — и не болѣе. Но южно-русскій проповѣдникъ не довольствуется одною чертою сходства: онъ перебираетъ всѣ свойства льва, извѣстныя ему изъ тогдашнихъ, наполненныхъ выдумками, бестиаріевъ; исчисляются тутъ свойства льва совершенно баснословныя; наприм., левъ не трогаетъ человѣка, если его голова или очи будутъ прикрыты плащомъ; львенокъ три дня остается спящимъ, или какъ бы мертвымъ, и только на третій день пробуждаетъ его рыканіе льва и пр. Очевидно, эти свойства льва — не дѣйствительныя, а вы-

мысленныи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все уподобленіе нигуда не годится. —

Еще примѣръ. Когда Спаситель говоритъ о Себѣ, что Онъ восхотѣлъ собрать іерусалимяны, какъ кокошь своихъ птенцовъ подъ крылѣ, то, очевидно, кокошь является тутъ только, какъ образецъ нѣжной заботливости о дѣтяхъ, — и не болѣе. Южно-русскій проповѣдникъ проводитъ сближеніе Христа съ кокошью по многимъ пунктамъ и, между прочимъ, говоритъ, что кокошь при жизни бываетъ въ загонѣ, а послѣ закланія подается на золотомъ блюдѣ предъ царя и великихъ пановъ. Аналогію этому проповѣдникъ находитъ въ униженномъ и прославленномъ состояніи Христа Спасителя. Но совершенно ясно, что не всякая кокошь при жизни бываетъ въ загонѣ, а тѣмъ болѣе не всякая кокошь, послѣ закланія, подается на столъ на золотомъ блюдѣ предъ царя и великихъ пановъ. Черта сходства взята *случайная*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое уподобленіе не выдерживаетъ критики.

Если такого рода неправильности имѣютъ мѣсто при разъясненіи библейскихъ метафоръ, то еще болѣе произвола и неправильностей допускала южно-русская проповѣдь при разъясненіи метафоръ самодѣльныхъ. Положимъ, что проповѣдникъ имѣлъ право сравнить пр. Дѣву, хранившую въ душѣ своей чистое отраженіе Божества, — съ зеркаломъ, но когда проповѣдникъ говоритъ, что какъ зеркало слагается изъ стекла и ртути, такъ и Богоматерь имѣла отличительными свойствами дѣвственность и смиреніе, то совершенно не ясно, чѣмъ стекло похоже на дѣвственность, а ртуть на смиреніе. Уподобленіе совершенно отдаленное и произвольное!

Но не всѣ аллегорическія проповѣди южно-русскихъ витій наполнены вымышленными, случайными и произвольными уподобленіями. Есть проповѣди, которыя имѣютъ экзегетическій

характеръ и занимаются только исчисленіемъ и надлежащимъ разъясненіемъ библейскихъ метафоръ о томъ или другомъ предметѣ, напр. о грѣхѣ, о церкви Божіей, о нашемъ спасеніи, и пр. Напр., слово о *грѣхахъ* печисляетъ, что въ св. Писаніи грѣхи называются *кошарами и велбуди* (Мѡ. 25), *пленицами, ранами, болотомъ, оловомъ, змѣями нечистыми*, и разъясняетъ каждую метафору ¹⁾. Есть проповѣди, состоящія хотя и не изъ библейскихъ метафоръ, но, очевидно, проникнутыя стремленіемъ разъяснить извѣстный фактъ міра духовнаго подобіями міра видимаго. Такова проповѣдь на тему: *какъ Богъ соединился съ природою человѣческою?* объясняющая эту тайну подобіями соединенія души и тѣла, -- двухъ наукъ въ знаніи одного человѣка, оловянаго перстня съ алмазомъ, меча — съ ножнами, зуба съ тетивою ²⁾. — Но подобныхъ, удовлетворяющихъ сколько нибудь требованіямъ современной гомилетики, аллегорическихъ проповѣдей очень немного.

Мы различили и описали 4 группы южно-русскихъ проповѣдей, по ихъ *строенію*: проповѣди, подобныя богословскимъ трактатамъ, формально-логическія, діалектико-софистическія и аллегорическія (такими краткими названіями мы можемъ обозначить эти группы для удобнѣйшаго вспоминанія. Намъ слѣдуетъ перейти къ указанію источниковъ, откуда южно-русскіе проповѣдники почерпали данныя для развитія своей проповѣди.

Ф. Т.

¹⁾ Ключъ 61 и слѣд. ²⁾ Ключъ 72 и слѣд.

СОВѢТЫ РОДИТЕЛЯМЪ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

умственные способности ¹⁾).

Какъ понятія о предметахъ образуются при посредствѣ сужденій и, слѣдовательно, одновременно съ ними, такъ и сужденія образуются при посредствѣ *заключеній* (или *умозаключеній*) и, слѣдовательно, также одновременно съ ними. Такимъ образомъ умственные способности человѣка развиваются гармонически, какъ одно неразрывное цѣлое. Сначала, какъ мы уже говорили, въ душѣ дитяти образуется темное и слитное представленіе о томъ предметѣ, который нѣмѣе производитъ на него извѣстнаго рода впечатлѣнія. Потомъ эти впечатлѣнія усвояются производящему ихъ предмету, какъ его признаки, и такимъ образомъ, при посредствѣ сужденія, сдѣланнаго, разумѣется, безсознательно—въ силу простой привычки, образуется въ умѣ дитяти понятіе о предметѣ, имѣющемъ извѣстные признаки, которое, въ свою очередь, даетъ возможность уясниться, сдѣлаться сознательнымъ и самому сужденію, при посредствѣ котораго оно составилось. Но съ самаго момента рожденія обружаетъ дитя и дѣйствуетъ на его органы чувствъ не одинъ предметъ, а многіе. Между этими предметами существуетъ извѣстная связь, въ силу которой нѣкоторые изъ нихъ производятъ на дитя впечатлѣнія сходныя и даже однородныя. Вотъ эта-то связь между предметами и познается посредствомъ умозаключеній. И если дитя, чрезъ посредство впечатлѣній, производимыхъ на него вѣншими предметами, познастъ эти предметы, составляя о нихъ понятія и сужденія, то тѣмъ же самымъ путемъ оно необходимо должно познавать и связь между предметами, умозаключая о ней по сходности или несходности впечатлѣній. Слѣд., умозаключенія являются въ умѣ дитяти столько же рано, какъ понятія и сужденія, именно съ того момента, когда дитя въ первый разъ замѣтитъ два сходныхъ впечатлѣнія, произведенныхъ на него двумя предметами, хотя въ этотъ ранній періодъ умозаключенія, какъ и всѣ другія познавательныя дѣйствія ума дѣт-

умозаключенія состоятъ въ томъ, что дитя отъ однородности признаковъ (впечатлѣній, производимыхъ на него извѣстными предметами) заключаетъ объ однородности самыхъ предметовъ, которымъ принадлежать эти признаки. Такимъ именно, конечно, еще безсознательными, умозаключеніями пользуются въ самое раннее время дѣтской жизни, когда напр. обманываютъ дитя, давая ему сосать вмѣсто соска, наполненнаго молокомъ, пустой сосокъ, или когда, для того, чтобы снова усыпить проснувшееся дитя, къ колыбели его, вмѣсто матери, подходитъ женщина и, подражая голосу матери, начинаетъ баюкать его тѣми словами, которыми обыкновенно баюкаетъ мать. Такимъ же умозаключеніями руководствуется дитя и въ своихъ первыхъ жизненныхъ опытахъ, когда напр., упавши разъ со стула или скамьи, боится въ другой разъ взлѣзать на подобные предметы, или, получивши разъ ожогъ отъ блестящаго предмета, боится въ другой разъ прикасаться къ подобнымъ предметамъ. Подобными же умозаключеніями и взрослые люди нѣмало руководствуются въ практической жизни, когда, напр., рѣшаются на какое-нибудь дѣло, на томъ основаніи, что это дѣло уже удалось одному или нѣсколькимъ людямъ, или когда дѣлаютъ дурное заключеніе о незнакомомъ человѣкѣ потому, что онъ, по внѣшнему виду, похожъ на нѣсколькихъ, уже извѣстныхъ имъ, дурныхъ людей, и т. п. Изъ этихъ примѣровъ видно, что тѣ умозаключенія, въ которыхъ отъ сходства нѣсколькихъ признаковъ мы заключаемъ о полномъ сходствѣ предметовъ, играютъ весьма важную роль въ жизни человѣка. Въ дѣтскомъ возрастѣ они служатъ единственнымъ основаніемъ для объединенія отдѣльных предметовъ въ одномъ общемъ представленіи, или для подведенія частныхъ понятій подъ одно общее. Когда, напр., крестьянское дитя, доселѣ видѣвшее только нѣсколько тощихъ, маленькихъ, невзрачныхъ крестьянскихъ лошадей. въ первый разъ увидитъ высокую, статную,

крѣпкую лошадь богатаго человѣка, оно, не задумавшись, назоветъ этотъ новый предметъ лошадыю. Въ этомъ случаѣ дитя заключаетъ объ однородности новаго предмета съ тѣми, о которыхъ оно уже имѣетъ понятіе, на томъ основаніи, что впечатлѣніе, произведенное на него внѣшнимъ видомъ этого предмета, было сходно съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили на него прежніе предметы. Такъ оно дѣйствуетъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ: оно не дѣлаетъ точнаго и всесторонняго анализа новаго предмета, а основываетъ свое заключеніе на немногихъ, прежде другихъ бросившихся въ глаза, признакахъ. Впрочемъ, и взрослые люди, большею частію, поступаютъ такимъ же образомъ.

И такъ, эти первыя дѣтскія умозаключенія, имѣющія, впрочемъ, весьма важное значеніе и во всей жизни человѣка, имѣютъ и хорошую, и дурную сторону. Съ одной стороны, если «общія понятія расширяютъ наши познанія о предметахъ міра внѣшняго далеко за предѣлы того небольшого куска земли, на которомъ мы проводимъ большую часть своей жизни»¹⁾, то такое расширеніе умственнаго кругозора становится возможнымъ при посредствѣ этихъ именно умозаключеній. За то, съ другой стороны, эти же самыя умозаключенія часто служатъ источникомъ многихъ и важныхъ ошибокъ. Такъ напр., мы нерѣдко оскорбляемъ мало знакомаго намъ человѣка и даже вредимъ ему, — высказывая о немъ дурное мнѣніе, основанное на одномъ внѣшнемъ видѣ его, на сходствѣ его съ другими дурными людьми; напротивъ, легкомысленно довѣряемся другому малознакомому человѣку, считая его добрымъ и истиннымъ, также на основаніи одного внѣшняго сходства его съ другими честными людьми. Такъ мы бросаемся въ какое-нибудь опасное и рискованное предпріятіе на томъ основаніи, что подобныя предпріятія

¹⁾ См. «Руководство д. с. п.» № 29, 1868 г. стр. 389.

удавались нѣкоторымъ людямъ; напротивъ, боимся приступить къ дѣлу болѣе вѣрному и выгодному, потому что оно не удалось одному нашему знакомому. Чтобы предохранить дитя отъ подобныхъ ошибокъ, нужно съ малолѣтства приучать его брать за основаніе своихъ заключеній только существенныя и главные признаки предметовъ. Для достиженія этой цѣли нужно дѣйствовать по тѣмъ самымъ правиламъ, которыя мы указали для того, чтобы приучать дѣтей составлять правильныя понятія о вещахъ и вѣрныя сужденія о свойствахъ ихъ, потому что развитіе различныхъ сторонъ дѣтскаго ума совершается равномерно и по одному и тому же пути. Именно, съ самаго начала, когда умственная дѣятельность дитяти совершается еще безотчетно, нужно такъ ставить предъ нимъ предметы, чтобы прежде всего бросился въ глаза главный, родовой (т. е. общій нѣсколькимъ предметамъ) признакъ ихъ. Вслѣдствіе этого дитя привыкнетъ власть въ основаніе своихъ заключеній о предметахъ главные признаки ихъ, и если оно не встрѣтитъ въ какомъ-нибудь предметѣ такого несомнѣннаго признака, то, хотя и безотчетно, остановится въ нерѣшимости: какое сдѣлать заключеніе объ этомъ предметѣ, куда его отнести. Потомъ тѣже самые предметы нужно ставить такъ, чтобы главные родовые признаки ихъ закрывались второстепенными и случайными, и при этомъ приучать дитя не спѣшить съ своими заключеніями, а сначала разсмотрѣть внимательно предметъ съ различныхъ сторонъ и отыскать въ немъ главный признакъ. Такимъ образомъ дитя постепенно приучится не дѣлать поспѣшныхъ и легкомысленныхъ заключеній, что дастъ ему возможность избѣгать многихъ ошибокъ въ жизни. Для этой цѣли полезно также иногда пользоваться такими поспѣшностями и ошибочными заключеніями дитяти, которыя приносятъ ему ошутительный вредъ, стараться запечатлѣть эти ошибки въ памяти дитяти. и вывести изъ нихъ урокъ для него на будущее время.

Источникомъ ошибокъ умозаключенія могутъ быть только въ томъ случаѣ, если они основаны на сходствѣ одного, или немногихъ признаковъ. Чѣмъ больше берется въ расчетъ признаковъ, тѣмъ ближе къ истинѣ становится заключеніе объ однородности или разнородности предметовъ. Наконецъ, если всѣ признаки предмета окажутся сходными съ признаками другихъ, уже извѣстныхъ, предметовъ, то заключеніе объ однородности новаго предмета съ этими, уже извѣстными, будетъ вполне безошибочно и послужитъ надежнымъ орудіемъ расширенія нашихъ познаній. Первые дѣтскія умозаключенія, конечно, весьма далеки отъ безошибочности, потому что основываются на вѣншемъ сходствѣ весьма немногихъ, большею частію, одного только признака, который прежде другихъ бросается въ глаза. Поэтому высшей ступеню умственного развитія дѣтей будетъ постепенное пріученіе ихъ разсматривать предметъ съ различныхъ сторонъ, составлять о немъ много сужденій и, на основаніи ихъ, выводить заключеніе объ отношеніи этого предмета къ другимъ и о родѣ его. Далѣе, когда дитя привыкнетъ къ многостороннему, если не всестороннему, обсужденію предметовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно пріучится между многими разнородными признаками находить такой, который принадлежит каждому изъ нѣсколькихъ предметовъ и, слѣдъ, составляетъ родовой признакъ ихъ. Открывши такой признакъ, дитя умозаключаетъ, что если онъ принадлежитъ каждому изъ нѣсколькихъ предметовъ, то, значить, эти предметы однородны, и признакъ этотъ принадлежитъ всему роду ихъ. Этого рода умозаключенія служатъ орудіемъ для составленія общихъ понятій, обнимающихъ собою цѣлыя группы предметовъ. Они даютъ намъ возможность возвышаться надъ безконечнымъ разнообразіемъ явленій природы, познавать общіе законы этихъ явленій и, при помощи этихъ познаній, господствовать надъ явленіями природы. Въ практической жизни такіа умозаключе-

ченія даютъ намъ возможность предугадывать послѣдствія извѣстныхъ обстоятельствъ и, слѣд., дѣлаютъ насъ практическими — мудрыми людьми ¹⁾). Поэтому способность составлять такія умозаключія, къ которыхъ отъ присутствія извѣстнаго признака въ многихъ частныхъ предметахъ мы заключаемъ о принадлежности его всему роду этихъ предметовъ и общему понятію, обнимающему этотъ родъ, составляетъ цѣль умственного развитія дѣтей.

Но вѣрное достиженіе этой цѣли, какъ и всякой другой, возможно только при томъ условіи, если мы будемъ стремиться къ ней не спѣша, или будемъ соблюдать строгую постепенность въ умственномъ развитіи дѣтей. Не отвлекая вниманія дитяти многочисленностью предметовъ, мы должны помогать ему находить однородный признакъ, сначала въ немногихъ предметахъ, потомъ постепенно помогать ему знакомиться съ бѣльшимъ и бѣльшимъ числомъ предметовъ, какъ это указано при изложеніи правилъ о составленіи общихъ понятій. Но расширяя такимъ образомъ умственный кругозоръ дитяти, открывая постепенно его умственному содержанію великій міръ Божій, мы должны приучить его не спѣшить съ своими заключеніями, а основывать ихъ на наблюденіи возможно — большаго числа предметовъ. Постоянно нужно помнить, что только обширная опытность даетъ намъ возможность дѣлать вѣрныя или, по крайней мѣрѣ — близкія къ истинѣ, заключенія. Когда мы внимательно наблюдали тѣ явленія природы и жизни общественной, какія совершались предъ нами, то, при повтореніи однородныхъ съ ними явленій, заключеніе о томъ, что должно послѣдовать за ними, является само собой, безъ всякаго умствованія съ нашей стороны. Подобно этому мы должны дѣйствовать и при умственномъ развитіи дѣтей, именно: не навязывать имъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 394.

готовыхъ умозаключеній, чтобы не подавить въ нихъ *самостоятельность* мышленія, и не допускать ихъ дѣлать слишкомъ поспѣшныя заключенія, чтобы не пріучить ихъ къ *легкомыслию*, но, расширяя постепенно знакомство ихъ съ предметами, ставить послѣдніе въ такое положеніе, чтобы изъ наблюденія ихъ само собою вытекало извѣстное заключеніе о взаимномъ отношеніи ихъ между собою.

П. Р.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

НОВАЯ ПРОГРАММА

«ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ».

Робко и нерѣшительно выступила *«Домашняя Бесѣда»* въ 1858 году на поприще журналистики, не дерзнувъ даже принять на себя названіе періодическаго изданія, и уже въ 1859 году пошла по разсмотрѣнной св. Синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія и Высочайше утвержденной программѣ. Рядъ великихъ событій, преемственно слѣдовавшихъ одно за другимъ, придавъ и журналистикѣ нашей болѣе оживленный характеръ, и *«Домашняя Бесѣда»* не могла оставаться безучастною зрительницей и безмолвною свидѣтельницей всего происходившаго. Но, оставаясь подцензурнымъ изданіемъ и связанная весьма тѣсною программой, она, зачастую, встрѣчала препятствія въ изложеніи своихъ мыслей и убѣжденій касательно многообразныхъ явленій жизни политической, гражданственной и соціальной. Въ послѣднее время это сдѣлалось для нея весьма ощутительнымъ, и *«Домашней Бесѣдѣ»* угрожала опасность обратиться въ духовную, такъ что сама собою представилась необходимость измѣнить и распространить ея программу.

Стоя на рубежѣ двухъ литературъ, собственно церковной и свѣтской, и желая оставаться вѣрною, разъ навсегда принятому ей, строго-религіозному и нравственно-патріотическому направленію, *«Домашняя Бесѣда»*, подобно прочимъ собратамъ своимъ по журналистикѣ, съ настоящаго времени будетъ относиться съ возможнымъ участіемъ ко всемъ, безъ исключенія, вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни.

Новая программа, разсмотрѣнная, въ надлежащей части, св. Синодомъ и утвержденная Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, открываетъ обширнѣйшій кругъ дѣятельности для *«Домашней Бесѣды»*, охватывая собою всю сферу человѣческихъ познаній, начиная отъ нравственно-догматическаго ученія Церкви православной до послѣднихъ явленій жизни обыденной. Такихъ образомъ, въ составъ *«Домашней Бесѣды»* войдутъ:

1. Статьи, относящіяся къ догматическому и нравственному

ученію Церкви православної, излагаемыя общепонятнымъ языкомъ.

2. Статьи, касающіяся ви́шняго положенія Церкви вонн-
ствующей на землѣ и православнаго духовенства.

3. Историческіе рассказы, описанія замѣчательныхъ событій
въ нашемъ отечествѣ, а равно жизнеописанія знаменитыхъ лю-
дей, имѣвшихъ благотворное вліяніе на ту или другую сторону
жизни народной.

4. Общія политическія обозрѣнія и частныя заграничныя
извѣщенія, по руководству лучшихъ нашихъ газетъ и журналовъ.

5. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ
сторонъ жизни государственной.

6. Судебная хроника по дѣламъ, имѣющимъ особенное ка-
кое либо значеніе и важность (безъ обсужденія рѣшеній и про-
изводства сихъ дѣлъ)

7. Статьи, относящіяся къ народному здравію, излагаемыя
общедоступнымъ для пониманія языкомъ

8. Литературные рассказы, съ строго-нравственнымъ на-
правленіемъ.

9. Критическій разборъ книгъ и всякаго рода сочиненій,
появляющихся какъ внѣ, такъ и внутри нашего отечества.

10. Всѣхъ родовъ стихотворенія, съ строгою, однакожъ,
оцѣнкою ихъ содержанія и ви́шнихъ достоинствъ

11. Корреспонденціи и всякаго рода объявленія, по примѣ-
ру другихъ газетъ и журналовъ

Само собою разумѣется, что полное осуществленіе такой
обширной программы, по всѣмъ указаннымъ рубрикамъ, въ еже-
недѣльномъ изданіи невозможно. Намъ только развязаны теперь
руки, и мы можемъ писать обо всемъ, что входитъ въ сферу
журналистики, не останавливаясь ни предъ какими вопро-
сомъ жизни политической, гражданской и соціальной. Въ
последнихъ трехъ выпускахъ ужъ сдѣлана проба этому и мы
надѣемся, съ помощію Божіею, дать нашему журналу подобаю-
щій ему характеръ всесторонней домашней бесѣды. Намъ не удер-
житъ отъ этого ни трудность и многообразіе предстоящихъ за-
нятій, ни увеличившіяся издержки по изданію, ни весьма умѣ-
ренная плата за наши труды: неспытавъ одиннадцатилѣтнимъ
опытомъ сочувствіе благомыслящей публики, мы надѣемся, что
она не оставитъ насъ и на новомъ, болѣе обширномъ и болѣе
трудномъ, поприщѣ журнальной дѣятельности

Подписная цѣна остается таже, именно: въ С. Петербургѣ
безъ доставки три рубля; съ доставкою на домъ четыре рубля
пятидесять коп., съ пересылкою во всѣ города, мѣстечки и селе-
нія Имперіи пять рублей

Подписка будетъ приниматься въ теченіи всего текущаго
года. Подписчики получаютъ всѣ выпуски, начиная съ перваго

Редакторъ—Издатель Викторъ Асмолчневскій.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- **№ 22.** редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. кievской семинаріи.

1869 года. Іюня 1-го.

Содержаніе: Обличеніе въ христіанской проповѣди.—Раскольники, на Іав-
казѣ.—Новыя книги въ пособіе при начальномъ обученіи.—Библіографическое
извѣстіе.

ОБЛИЧЕНІЕ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ ¹⁾.

Святые вселенскіе соборы, какъ извѣстно, имѣли очень обширную задачу. Они должны были опредѣлить ученіе и постановленія Церкви въ догматическомъ, каноническомъ, іерархическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Изволившу Святому Духу, оны, на основаніи священнаго Писанія и св. преданія, опредѣляли для всѣхъ временъ единомысленное пониманіе догматовъ вѣры и утверждали обязательное значеніе правилъ для духовенства и мірянъ, касательно церковнаго управленія, суда, благочинія и исправленія нарушителей церковныхъ постановленій. Но поводъ къ созванію вселенскихъ соборовъ былъ частнѣйшій. Именно: всѣ оны, безъ исключенія, созваны были для умиротворенія Церкви, раздраемой еретическими лжеученіями. Достигнуть этой цѣли, очевидно, можно было не иначе, какъ обличивъ еретиковъ, осудивъ ихъ, отлучивъ отъ Церкви, и такимъ образомъ исторгнувъ съ корнемъ вредныя плевелы изъ святой

¹⁾ См. № 18-й.

ныя православной Церкви. Дѣянія св. вселенскихъ соборовъ, по своей важности и обширности, требуютъ многосторонняго разясненія и не могутъ быть все удобно разсматриваемы въ одной статьѣ. Мы и не беремся, потому что не считаемъ нужнымъ для своей цѣли, изложить здѣсь содержаніе, характеръ и направленіе всехъ соборныхъ дѣяній, а укажемъ только, въ настоящемъ случаѣ, дѣянія перваго и втораго вселенскихъ соборовъ, бывшихъ въ четвертомъ вѣкѣ,—и при томъ только такія, которыя имѣютъ полемическій характеръ противъ еретиковъ. Обративъ вниманіе преимущественно на то, по какимъ побужденіямъ, кого изъ еретиковъ и какъ обличали два первые вселенскіе соборы, мы, для образца ихъ обличеній, разберемъ хоть одно замѣчательнѣйшее изъ полемическихъ соборныхъ дѣяній.

Извѣстно, что первый вселенскій соборъ состоялся въ царствованіе Константина Великаго, по случаю возмущенія Церкви еретическимъ лжеученіемъ Арія. Аріій, по ненависти и зависти къ сверстнику своему Александру, который избранъ былъ епископомъ въ Александрію, задумалъ обличить его въ савелліевой ереси, но—самъ впалъ въ ересь. Онъ сталъ учить объ Иисусѣ Христѣ, что Сынъ Божій существуетъ не отъ вѣчности, но сотворенъ изъ несущаго, что Онъ рожденъ не изъ сущности Отца и не отъ вѣчности, но во времени, не какъ Богъ истинный отъ Бога истиннаго, но какъ орудіе для созданія прочихъ тварей, что Онъ по естеству ниже Отца и по волѣ измѣняемъ, что за послушаніе волѣ Отца, Онъ не по естеству, а по усыновленію именуется Сыномъ Божиимъ.—Мы уже замѣчали, какъ противъ этого нечестиваго лжеученія вооружался Александръ, какъ вразумлялъ Арія и кроткими убѣжденіями внушалъ ему оставить свое нечестіе; знаемъ также, что когда лжеученіе Арія начало распространяться болѣе и болѣе, то тотъ же Александръ составилъ въ Александріи соборъ изъ епи-

скоповъ Египта и Ливіи, который осудилъ Арія и его единомышленниковъ. Но не смотря на свое осужденіе, Арій успѣлъ приобрести себѣ покровителей между епископами, которые даже составили незаконный соборъ въ Виѣннѣ и признали Арія невиннымъ. Ересь Арія, при такихъ благоприятныхъ для него обстоятельствахъ, разлилась гибельнымъ потокомъ изъ Александріи во все концы имперіи. Благочестивый Константинъ, желая положить конецъ смутамъ, произведеннымъ въ Церкви лжеученіемъ Арія, самъ писалъ къ Александру и Арію, а потомъ къ одному *Арію посланіе*. Въ этомъ послѣднемъ, краснорѣчивомъ посланіи императоръ упрекаетъ Арія въ заблужденіи и отпаденіи отъ Церкви, угрожаетъ ему судомъ и наказаніемъ и, наконецъ, умоляетъ вразумиться и обратиться къ истинному ученію Церкви. »Ты, непреклонный къ пріятію истины«, пишетъ Константинъ Арію, въ заключеніе посланія, — »дай мнѣ какое-нибудь доказательство твоихъ убѣжденій, если ты увѣренъ въ самомъ себѣ, если надѣешься на твердость своей вѣры и имѣешь совершенно истинную совѣсть. Приди ко мнѣ, приди, говорю, къ человеку Божію: будь увѣренъ, что своими вопросами я разрѣшу сокровенныя недоумѣнія твоего сердца, и надѣюсь, что, кажущееся тебѣ неразумнымъ, при помощи Божіей, представится тебѣ наилучшимъ, и — если ты явишься здравымъ въ душѣ и познавшимъ свѣтъ истины, я возблагодарю Бога и буду сорадоваться твоему благочестію« ¹⁾. Но когда ни угрозы, ни убѣжденія не могли обратить Арія на путь истины, тогда императоръ повелѣлъ (въ 325 году по Р. Х.) созвать вселенскій соборъ изъ представителей всехъ церквей, для обличенія Арія. Мѣстомъ собора назначенъ былъ городъ Никее, что въ Виѣннѣ. Изъ Азіи, Африки и Европы явились туда 318 св. отцевъ и свя-

¹⁾ Дѣян. всел. соборов., т. 1. ст. 85. Казань, 1859 г.

тый соборъ открытъ былъ въ присутствіи самаго императора. »Не медлите«, говорилъ онъ св. отцамъ, въ *первой* своей *речи* къ нимъ, »разсмотрѣть причины вашего разногласія и разрѣшить всѣ спорные вопросы, мирными постановленіями«¹⁾. »Отвергнувъ всякія возмутительныя состязанія, будемъ рѣшать предметы вопроса, свидѣтельствами богодухновенныхъ писаній«, сказалъ тотъ же св. Константинъ, въ заключеніе *второй* своей *речи* къ собору²⁾. Но безъ состязаній не могло обойтись на соборѣ. Къ разсужденіямъ о вѣрѣ допущены были не только аріане, но и философы, приходившіе на соборъ частію изъ любопытства и желанія высказать свое діалектическое искусство, а большею частію по просьбѣ и даже найму аріанъ. Одно изъ такихъ состязаній философа съ св. отцами находимъ мы въ дѣянiяхъ перваго вселенскаго собора подъ такимъ названіемъ: »собрное опроверженіе мнѣній философа, по имени Федона, который защищалъ нечестиваго Арія и хулы его«³⁾. Философъ предлагалъ вопросы святому собору и получалъ на нихъ отвѣты отъ него. Такъ какъ онъ вступилъ въ состязаніе съ отцами собора для защищенія аріанъ, то всѣ его вопросы имѣють аріанское направленіе, и потому, въ отвѣтахъ на эти вопросы, находимъ полное обвиненіе и опроверженіе аріанскаго лжеученія. Философъ начинаетъ свое сужденіе вопросомъ о томъ, въ какомъ смыслѣ въ писаніи сказано: *и рече Богъ: сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26), и какъ могло быть сказано: *сотворимъ челоуѣка*, если бы сказавшій не существовалъ прежде того, кому сказалъ. Вопросы эти направлены были къ тому, чтобы уяснено было, чрезъ кого Богъ сотворилъ челоуѣка и все видимое и невидимое. На первый изъ сихъ

¹⁾ Тамъ же стр. 89. ²⁾ Тамъ же стр. 100. ³⁾ Опроверженіе это см. тамъ же стран. 104—157.

вопросовъ св. отцы собора отвѣчали чрезъ Евстафія, епископа антиохійскаго,—на второй и третій.—чрезъ Осію кордубскаго. Сущность отвѣтовъ та, что »смысль слова *сотворилъ* выражаетъ всесвятое и нераздѣльное Божество Отца и Сына. Если Отецъ всегда есть Богъ, то съ Отцемъ всегда существуетъ и Сынъ, не позднѣйшій по времени, не меньшій по власти, не ограниченный мѣстомъ, но всегда непрерывно со Отцемъ сущій, непостижимо и неизреченно рожденный отъ Него, истинный Богъ, всегда сущій отъ истиннаго Бога и Отца, всегда сущаго, господствующій со Отцемъ, единосущный Отцу, равносильный Отцу, соучастникъ Отцу въ твореніи« ¹⁾. Слово же: *по образу* употреблено у Моисея не по отношенію къ составу тѣлесному, но по отношенію къ душѣ, въ томъ смыслѣ, что благодать, простота, святость, чистота, искренность, честность, блаженство и т. д., что въ Богѣ есть по самому существу Его, — то самое созданный имъ человѣкъ могъ имѣть въ разумной части своей, по благодати Божіей.—Философъ, стоя на аріанской почвѣ, клонилъ свои первые вопросы къ тому, чтобы вступить въ разсужденіе, чрезъ него Богъ сотворилъ человѣка и все видимое и невидимое. »Мнѣ представляется не вѣрнымъ«, говорилъ онъ, »сказанное вами, будто Отецъ и Сынъ вѣчно были едины Сами въ Себѣ, и будто Сынъ всегда былъ Богомъ вмѣстѣ съ Отцемъ. Мнѣ думается, что Онъ созданъ Богомъ, какъ посредникъ къ созданію человѣка и міра. Такимъ образомъ Богъ—Зиндатель, приступая къ творенію, произвелъ для Себя орудіе, чтобы, посредствомъ него, создавать твари« ²⁾. Такъ какъ это ложное мнѣніе легко опровергнуто словами Писанія: *вся Тьма быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3), то философъ прибавляетъ къ прежде сказанному и то аріанское мнѣніе, что Богъ сотворилъ все чрезъ

¹⁾ Тамъ же стр. 107. ²⁾ —стр. 109.

Сына, какъ чрезъ орудіе, создаетъ для этого Его прежде всѣхъ тварей. Отвѣтъ на это ложное мнѣніе данъ былъ святымъ соборомъ чрезъ епископовъ Леонтія кессарійскаго и Евтихія тіапскаго, которые доказывали, что Сынъ Божій не твореніе, а рожденіе совѣчное и собезначальное Отцу, Богъ по существу, Сынъ не подчиненный, а самостоятельный, какъ и Отецъ, а—не орудіе. Доказательства составлены на основаніи словъ Бытія гл. 1, ст. 27. 31. Іоан. 1, 1—3. Исаіи 9, 5—6. Евр. 1, 3.—Тогда философъ предложилъ для рѣшенія текстъ, который, по его мнѣнію, подтверждалъ его прежнюю мысль: *Господь созда мя въ начало путей своихъ въ дѣла своя* (Притч. 8, 22). Разъясненіе этого текста, толкованіемъ котораго злоупотребили аріане, передано было отъ собора философу чрезъ Евсевія Памфила, епископа Кесаріи палестинской. Для разъясненія спосылся контекстъ рѣчи и сопоставляются свидѣтельства изъ книги Варуха о томъ, кто *изобрѣте премудрость смысловъ своимъ* (3, 32), какія она сотворила дѣла и какъ потомъ явился и съ людьми поживе (38). Изъ всего этого выводится то очевидное слѣдствіе, что «Тотъ, Кто создалъ мудрость, принадлежащую разуму, Кто устроилъ землю, Кто сотворилъ страны и ненаселенныя есть Сынъ Божій»,—Создатель, а не орудіе. Философъ возразилъ претивъ этого, что книга премудрости Соломоновой свидѣтельствуешь, что имену Сынъ Божій, т. е. премудрость Божія говоритъ: *Господь созда мя* и проч. Затѣмъ онъ, посредствомъ нѣсколькихъ вопросовъ, предложенныхъ Евсевіемъ, пришелъ къ тому ложному заключенію, что мудрость, бывшая въ Соломонѣ, есть Сынъ Божій. Нелѣпость этого мнѣнія св. соборъ, чрезъ того же Евсевія Памфила, доказываетъ тѣмъ, что мудрость Соломонова сама сознается въ незнаніи нѣкоторыхъ вещей (Притч. 30, 18); но создавшій человека Сынъ Божій все знаетъ, по свидѣтельствамъ Писанія (Пс. 32, 15.

7, 10. 138, 2—3. 93, 10—11. Матѣ. 12, 42. Евр. 4, 12—15). Свидѣтельства эти показываютъ, что «Премудрость Бога и Отца есть воистину Богъ отъ Самаго Бога, Вѣчный отъ Вѣчнаго, Истинный отъ Истиннаго, потому что Онъ по существу всегда есть Сынъ вѣчнаго Бога и Отца». За симъ, когда философъ пожелалъ узнать, *какимъ образомъ* едиnorodный Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Отца,—то святые отвѣчали, чрезъ Евсевія же: «не спрашивай, философъ, *какимъ образомъ*; потому что, иначе, ты находишься въ опасности свергнуться въ пропасть, стараясь изслѣдовать непостижимое... Ты вѣрою разумѣвай и исповѣдуй Совершеннаго Сына отъ Совершеннаго, какъ всегда ты слышишь, вѣчный Свѣтъ отъ вѣчнаго Свѣта, истиннаго Бога и Отца несотвореннаго отъ несотвореннаго, несложнаго отъ несложнаго, всегда сущаго у Отца... Вѣрь Писанію, а о томъ, что написано, не изслѣдуй и не испытуй»¹⁾. Философъ не хотѣлъ вѣрить, а требовалъ опроверженія того убѣжденія его, что сотворенная премудрость, т. е. Сынъ, хотя и дѣйствуетъ, но не сама по себѣ, а чрезъ нее, какъ чрезъ орудіе, творить все сущее Богъ. Поэтому св. соборъ чрезъ того же Евсевія припоминаетъ философу слова Писанія: *сей Богъ нашъ и не омынится ниъ къ Нему... по сему на земли явился и съ человеками поживше* (Вар. 3, 36. 38), и такъ какъ философъ не могъ не признать, что явился на земли и жилъ съ людьми Сынъ, а не Отецъ, то отцы заключили свой отвѣтъ такимъ обращеніемъ къ философу: «вѣдь ты такъ сказалъ? Зачѣмъ же опять повергаешься въ глубину нечестія Аріева, или лучше сказать, погрязаешь въ ней? Ты предпочитаешь, несчастный, апостольскимъ догматамъ хульные слова Арія, который называетъ Сына Божія тварію и орудіемъ. Послушай насъ, философъ, если толь-

¹⁾ Тамъ же стр. 128.

ко ты философъ, и повѣрь, что Сынъ Божій не одно и то же съ сотворенною премудростію... Единородный Сынъ Божій не есть тварь, но самъ Творецъ и Зиждитель всѣхъ созданныхъ вещей¹⁾. Философъ призналъ послѣ этого вѣрнымъ и несомнѣннымъ сказанное соборомъ о Сынѣ и согласился съ отцами на счетъ ученія о второмъ лицѣ св. Троицы, но не соглашался признать и исповѣдать Духа Святаго Богомъ, пока ему не представятъ свидѣтельствъ объ этомъ изъ священнаго Писанія. »Кто изъ богодухновенныхъ писателей говоритъ о Духѣ также прямо, какъ и о Сынѣ? спросилъ онъ, отвѣчайте мнѣ на это, кто можетъ«. Отвѣчали отъ собора Протогѣнъ, епископъ сардикскій, и Леонтій еп. Кесаріи кашпадокійской. Первый представилъ доказательства о божествѣ св. Духа, на основаніи Быт. 1, 26. Іова 33, 4 и еще книги *взятіе Моисея* (*ἀνάληψις Μωσέως*), въ которой архангелъ Михаиль говоритъ: »отъ Духа Святаго Его всѣ мы созданы«. Къ этому прибавляетъ свидѣтельства: изъ псалма 32-го, гдѣ сказано, что *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*, и изъ Исаіи (41, 10. 17. 20. 48, 13) и Іезекіиля (3, 22). Второй привелъ свидѣтельства изъ Новаго Завѣта о божествѣ Духа Святаго (1 Іоан. 5, 6. 10. Дѣян. 5, 3. 5) и присоединилъ два свидѣтельства изъ Ветхаго Завѣта, изъ снесенія которыхъ видно, что Духъ Господень, исполняющій вселенную (Прем. 1, 7), есть Господь (Іерем. 23, 24).—Философъ не удовлетворился этими доказательствами, а свидѣтельства изъ книги *взятіе Моисея* и вовсе не принялъ, и потому требовалъ еще подтвержденія истинны божества Св. Духа изъ священнаго Писанія. Въ отвѣтѣ собора, переданномъ черезъ того же Леонтія, указываются съ приличными поясненіями тексты изъ Римл. 8, 9. 2 Кор. 3, 17. 1 Кор.

¹⁾ Тамъ же стр. 132.

12, 4. 6. 11. Іоан. 4, 24. 1 Кор. 2, 10. Всѣ эти доказательства, какъ видно, заставили философа признать Духа Святаго Богомъ, потому что онъ, выслушавъ отвѣты собора о Духѣ Святомъ, обратился ко всѣмъ епископамъ съ такою просьбою: »такъ какъ вы говорили прежде, что и Отецъ есть Богъ, и Сынъ есть Богъ, и Духъ святой—Богъ, а теперь снова утверждаете, что едино божество трехъ совершенныхъ въ постасей Отца и Сына и св. Духа, то я прошу васъ изложить для меня яснѣе эти мысли«. Просьба эта была удовлетворена, чрезъ Леонтія же, краткимъ, но яснымъ и опредѣленнымъ православнымъ исповѣданіемъ вѣры во св. Троицу. Исповѣданіе это поясняется »символическимъ отвѣтомъ святыхъ философу, заимствованнымъ отъ подобія огня, свѣта и сіянія, чрезъ того же епископа Леонтія«¹⁾. »Услышавъ это (символическое поясненіе), философъ былъ пораженъ и изумленъ; размышленія смущали его и великій страхъ объялъ его. Потомъ, пришедши въ себя, онъ громко воскликнулъ: Слава Тебѣ, Боже, открывшему святымъ Твоимъ превышающее всякій умъ таинство чистаго, безмѣрнаго и несозданнаго Божества«. Увѣровавшій философъ, умоляя всеблагаго Сына небеснаго Отца, чтобы Онъ простилъ ему увлеченіе нечестивыми мнѣніями Арія, отрекся отъ него и предалъ проклятію Арія и нечестивыя мнѣнія всѣхъ одинаково съ нимъ мудрствующихъ и богохульствующихъ противъ Отца и Сына и св. Духа«²⁾. Для утвержденія философа въ вѣрѣ, св. отцы, чрезъ Леонтія, присовокупили »объясненіе, заимствованное отъ подобія источника, теченія и воды«. Наконецъ, по желанію философа, на вопросъ его: какъ Сынъ Божій *на земли звися и съ человеки поживе*, святые отцы, чрезъ Макарія, епископа іерусалимскаго, объяснили великую тайну благочестія о воплощеніи Сына Божія отъ Приснодѣвы Маріи, по наитію Духа Святаго.

¹⁾ Тамъ же стр. 142—144. ²⁾ —стр. 144, 145.

Состязаніе это и его успѣшное окончаніе въ пользу православія показываетъ полное торжество догматическаго ученія Церкви надъ еретическимъ мудрованіемъ аріанъ. Но въ дѣяніяхъ собора упоминается еще о другомъ состязаніи, въ которомъ восторжествовала не догматическая полемика, но твердая вѣра, выраженная въ простыхъ словахъ однимъ старцемъ. Одинъ изъ наемныхъ философовъ, въ теченіи многихъ дней, состязался съ св. отцами въ пользу Арія, и по своей гордости и ожесточенію, считалъ себя непобѣдимымъ въ спорѣ. Старецъ епископъ, неученый, но прославленный псовѣдническими подвигами во время гоненій, не стерпѣлъ его превозношенія и сказалъ ему: »во имя Іисуса Христа послушай, философъ: единъ есть Богъ, создатель неба и земли, всего видимаго и невидимаго, сотворившій все это силою Слова и утвердившій освященіемъ Святаго Своего Духа. Это-то Слово, которое мы называемъ Сыномъ Божиимъ, по состраданію къ людямъ въ ихъ заблужденіяхъ и порочной жизни, восхотѣло родиться отъ жены, жить на землѣ съ людьми и умереть за нихъ. Оно опять придетъ судить, что каждый сдѣлалъ въ своей жизни. Въ истину этого мы безхитростно вѣруемъ. Посему не трудись напрасно отыскивать доказательство на то, что понимается вѣрою, и способа,—какъ это могло быть, или не быть; но отвѣчай на вопросъ: вѣруешь ли ты?« Философъ, пораженный этими словами, не возражалъ болѣе, но отвѣчалъ покорно старцу: »все это и мнѣ, дѣйствительно, такъ представляется; вѣрую, что нѣтъ ничего справедливѣе сказаннаго тобою«. Тогда старецъ сказалъ ему: »если ты такъ вѣруешь, то встань и слѣдуй за мною, поспѣшимъ въ церковь, гдѣ получишь ты печать сей вѣры«. Философъ послѣдовалъ за старцемъ и, обратившись къ своимъ ученикамъ и ко всѣмъ присутствовавшимъ, сказалъ: »послушайте! доколѣ доказывали мнѣ словами, я словами противопоставлялъ слова, и искусствомъ слова опро-

вергаль предлагаемое; но когда, вмѣсто словъ, изъ устъ говорящаго явилась Божественная сила, то слова не могли противостоять силѣ, какъ человѣкъ не можетъ противостоять Богу. И потому, если кто изъ васъ желаетъ имѣть разумѣніе, какое я получилъ, — пусть вѣруетъ во Христа и послѣдуетъ за симъ старцемъ, въ которомъ вѣщалъ Самъ Богъ». Такъ-то вразумленный философъ сдѣлался христіаниномъ и благодарилъ Бога, что былъ побѣжденъ старцемъ¹⁾.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству «соборнаго посланія къ церквамъ Божиимъ, находящимся въ Александріи, Египтѣ, Пентаполѣ, Ливіи и во всей поднебесной»²⁾, *прежде всего*, въ присутствіи императора Константина, было изслѣдуемо на соборѣ дѣло, касающееся нечестиваго и беззаконнаго Арія и его сообщниковъ». И такъ какъ жесточенные аріане не вразумлялись ни состязаніями, ни внушеніями и убѣжденіями, а упорно пребывали въ своемъ еретическомъ лжеученіи, — то святые отцы собора «единогласно присудили предать проклятію нечестивое ученіе Арія, его хульные выраженія и мысли, которыя онъ изрыгалъ къ уничиженію Сына Божія»³⁾. Посему-то, въ заключеніе *изложенія вѣры*, составленнаго на никейскомъ соборѣ, написано: «говорящихъ, что было время, когда не было Сына, что Онъ не существовалъ до рожденія и произошелъ изъ не-сущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе отъ иного существа или сущности, или что Онъ созданъ, или измѣняемъ, или преложимъ (τρεπτος), таковыхъ предастъ анафемѣ коволическая и апостольская Церковь»⁴⁾.

Но и церковное проклятіе не положило конца смутамъ въ Церкви отъ еретиковъ. Правда, никейское исповѣданіе признано вселенскою церковью непогрѣшимымъ и, при им-

¹⁾ Тамъ же стр. 101, 103. ²⁾ Тамъ же стр. 186—190.

³⁾ Тамъ же стр. 187. ⁴⁾ Тамъ же. Соборн. излож. вѣры, стр. 156, 158.

ператорахъ Константинѣ и Константѣ, еретикамъ не было возможности усилиться; но по смерти сего послѣдняго, при Констанціѣ, Церковь снова подверглась нападенію отъ еретиковъ. Этотъ покровитель еретиковъ только притворялся христіаниномъ, а на дѣлѣ былъ величайшимъ врагомъ Христа. Онъ, по правдивому и сильному замѣчанію св. Иларія, »преслѣдовалъ православныхъ безъ подозрѣнія, обманывалъ безъ соображенія, исповѣдывалъ безъ вѣры, ласкалъ безъ расположенія, дѣлалъ что хотѣлъ, но не обнаруживалъ, чего хотѣлъ«¹⁾. Ободряемое, такимъ поведеніемъ императора, еретичество разрослось на многія вѣтви. Главнѣйшими изъ отростковъ аріанства были: ересь Македонія, измыслившаго богохульное лжеученіе противъ Св. Духа, ересь Аеція безбожника, который отвергалъ не только единосущіе, но и подобосущіе и проповѣдывалъ иносущіе (*ἐτεροούσιος*), т. е. училъ, что Сынъ имѣетъ совершенно другое существо, чѣмъ Отецъ. Послѣдователь его Евномій еще прямѣе училъ, что Сынъ есть первая, превосходнѣйшая тварь Отца, а Духъ Святой созданъ Сыномъ прежде прочихъ тварей, и что, поэтому, должно вѣстовать не во имя Отца и Сына и Св. Духа, а въ смерть Христову. Кромѣ этого аномейскаго лжеученія, возникло еще новое еретическое ученіе, которое проповѣдывало, что »Сынъ не подобенъ Отцу; но можно мыслить его подобнымъ Отцу, потому что Отецъ захотѣлъ создать такую тварь, которая стремится къ подобному себѣ; и поэтому Сынъ подобенъ Отцу, такъ какъ Онъ есть Сынъ скорѣе воли, чѣмъ Божества«²⁾. Къ этому сумазбродному ученію, которое приписываютъ Евдоксію, особенно расположенъ былъ Констанцій и за него гналъ равно православныхъ, какъ и еретиковъ, не признававшихъ его. Если

¹⁾ Тамъ же стр. 209. ²⁾ Св. Иларій въ кн. противъ Констанція. Дѣян. всел. собор. т. 1 стр. 215. Казань. 1859 г.

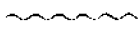
припомнимъ, что, кромѣ этихъ трехъ ересей, возмущали еще Церковь лжеученія Фотина, Аполлинарія, Люцифера и т. п., то легко можемъ понять, какъ раздиралась Церковь этими ересями, и какъ она нуждалась въ умиротвореніи, посредствомъ вселенскаго собора. Но этого нельзя было ни сдѣлать, ни даже надѣяться при такихъ императорахъ, каковы были и послѣ Констанція до Θεодосія Великаго. Юліанъ помышлялъ не объ утвержденіи, но объ опроверженіи христіанской Церкви; Ювіанъ не долго царствовалъ и не могъ подать помощи православію, хотя и преданъ былъ ему; Валентиніанъ, хоть и любилъ православную Церковь, но былъ развлекаемъ войнами, а братъ его Валентъ былъ аrianинъ и гонитель православія. Граціанъ безразлично относился къ вѣрѣ и допустилъ вѣротерпимость. И только Θεодосій, сдѣланный Граціаномъ соучастникомъ императорской власти на Востокѣ, по преданности къ православію, обратилъ вниманіе на умиротвореніе Церкви. Для такого умиротворенія онъ, въ 381 году, созвалъ вселенскій соборъ изъ 150 епископовъ. Собравшись въ Константинополь и устроивши дѣло касательно замѣщенія константинопольской кафедры, отъ которой отказался престарѣлый Григорій Богословъ, св. отцы собора занялись разсмотрѣніемъ *свитки западныхъ*, присланнаго на соборъ папою Дамасомъ. По прочтеніи этого свитка, который заключалъ православное исповѣданіе вѣры, св. отцы единодушно осудили Македонія, и противъ его лжеученія постановили, что Духъ Святый есть не служебное существо, но »Господь животворящій, отъ Отца исходящій, съ Отцемъ и Сыномъ споклоняемый и славимый«. Этими словами они дополнили никейскій символъ. — Святый Григорій Богословъ, который вначалѣ этого собора былъ на константинопольской кафедрѣ, много облегчилъ для собора побѣду надъ еретиками своею личною прежнею борьбою съ ними. Въ прощальной рѣчи своей къ собору сей

святитель даетъ, между прочимъ, отчетъ и въ своей поле-
мической дѣятельности противъ еретиковъ. »Смотрите«, го-
ворилъ онъ отцамъ собора, »языки противниковъ стали крот-
ки и вооружающіеся противъ Божества безмолвствуютъ
предо мною. И это плоды Духа и это плоды моего дѣла-
нія« ¹⁾. Соборъ въ »посланіи къ благочестивѣйшему импе-
ратору Феодосію Великому«, въ числѣ приложенныхъ при-
немъ соборныхъ правилъ, на первомъ мѣстѣ поставилъ осу-
жденіе еретиковъ. Вотъ это правило: »Вѣра 318 отцевъ,
собравшихся въ Никее вѣнчической да не отмѣняется, но
да пребываетъ господствующею, и да предастся анафемѣ
всякая ересь, и именно, ересь евноміанъ, или аномеевъ, и
аріанъ, или евдоксіанъ, и полуаріанъ, или духоборцевъ, такъ-
же савелліанъ, и маркелліанъ, и фотиніанъ, и аполлинарі-
анъ« ²⁾.

Считая и сказаннаго доселѣ объ обличеніи Церковью
еретиковъ достаточнымъ для того, чтобы понять, какъ оно
было необходимо въ христіанской проповѣди, какой имѣло
характеръ и какіе предѣлы, перейдемъ къ указанію обли-
ченія нравственныхъ увлеченій христіанъ отъ правилъ бла-
гочестія,—обличенія, находящагося въ словахъ и бесѣдахъ
знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ четвертаго вѣка.

К. Д.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Дѣян. всел. собор. 1 слово Св. Григорія Назіанзена стр. 243, 244. Казань. 1859 г. ²⁾ Тамъ же правило 150 св. отц. и проч. стр. 264, 265.

РАСКОЛЬНИКИ НА КАВКАЗѢ ').

ОСОБЕННОСТЬ ПОЛОЖЕНІЯ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПО ТУ И ПО СЮ СТО-
РОНУ ГОРЬ.

Русскій старообрядческій элементъ, вмѣстѣ съ православымъ, по сю сторону кавказскихъ горъ, втиснутъ въ составъ разнорѣчнаго и разноплеменнаго населенія. Служа сильнымъ противовѣсомъ вліянію началъ православія и православною русской народности на здѣшнее нерусское населеніе, раскольниковскій элементъ является болѣе опаснымъ по сю сторону горъ, чѣмъ по ту сторону. Если остаткамъ нынѣ покоренныхъ племенъ суждено войти, рано или поздно, въ составъ обширной Русской Имперіи, не однимъ внѣшнимъ только образомъ, но и внутреннимъ, — религіей, общественными стремленіями и образованіемъ; то расколъ, живущій и развивающійся въ средѣ здѣшняго православнаго русскаго населенія, раздѣляющій его на двѣ враждебныя половины и, такимъ образомъ, ослабляющій вліятельную силу его, не можетъ быть предметомъ равнодушія тѣхъ, кому дорога судьба русской колонизаціи и христіанскаго образованія. Это тѣмъ болѣе должно сказать, что въ настоящее время старообрядческій элементъ уже достаточно выросъ и окрѣпъ, благодаря индифферентизму нѣкоторыхъ лицъ и историческимъ обстоятельствамъ. Мы увидимъ это ниже, когда будемъ говорить о кавказской бѣглопоповщинѣ.

Совершенно въ другія условія поставленъ расколъ по ту сторону горъ. Тутъ онъ изолированъ и долженъ почерпнуть жизненность изъ себя самаго; его окружаетъ населеніе съ извѣстною степенію образованія, на которое онъ, поэтому, и не можетъ вліять. Языкъ мѣстнаго населенія ему непонятенъ; понятія и нравы чужды; во имя истиннаго православія тутъ онъ не можетъ ничего выиграть; съ одной стороны, потому, что грузинамъ извѣстнѣе собственное свое православіе и не нужно искать другаго, мнимаго; съ другой стороны, потому, что (при сношеніяхъ съ нехристіан-

тѣхъ раскольниковъ, которые болѣе уклонились отъ православія родной Церкви. Раскольниковскія поселенія по ту сторону горъ состоятъ, большею частію, изъ молоканъ, хотя попадаются и другіе сектанты, — хлысты, скопцы и пр.

5. Молокане.

Молокане живутъ довольно численными селеніями въ тифлисской губерніи, эриванской, дербентской и др. Верстахъ во ста отъ Тифлиса издавна существуютъ, напр., довольно значительныя поселенія изъ однихъ молоканъ, Воронцовка, Никитенка, Делижанъ и другія подальше, хотя не исключительно изъ молоканъ. Молокане живутъ слободами и въ самомъ Тифлисѣ, на Кукахъ, въ сосѣдствѣ съ нѣмецкою колоніей, и на Пескахъ, подъ Авлабаромъ. Занимаются они здѣсь извозничествомъ, сдержаніемъ постоянныхъ дворовъ для русскихъ извозчиковъ, пріѣзжающихъ изъ ближайшихъ губерній Россіи, на болѣе или менѣе долгое время, для работъ, а также для живущихъ на Кавказѣ, содержатъ кузны и проч. Все вліяніе ихъ ограничивается незначительнымъ кругомъ пріѣзжающихъ русскихъ людей, съ которыми они обращаются, впрочемъ, очень дружелюбно, по чувству землячества. Если они иногда и заводятъ бесѣды полемическаго характера о предметахъ религіозныхъ, то по вызову или отъ-нечего-дѣлать. Вечерами у воротъ молоканина можно видѣть старика — молоканскаго начетчика, бесѣдующаго спокойнымъ учительскимъ тономъ съ собравшимся людемъ, изъ своихъ и изъ православныхъ, пріѣзжихъ. Тутъ же бесѣдуютъ и о житейскихъ предметахъ, кромѣ религіозныхъ и нравственныхъ. Старикъ начетчикъ, по Писанію, рѣшаетъ вопросы или недоумѣнія присутствующихъ о такихъ предметахъ, какъ напримѣръ — есть ли у животныхъ душа и чѣмъ отлична она отъ человѣческой души? или — хрістіане недуховные будутъ ли судимы прямо по смерти разъ навсегда, или же предстанутъ на судъ

еще послѣ всеобщаго воскресенія и т. п.?—Въ молоканахъ здѣшнихъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія на чужбинѣ, нѣтъ такой ненависти къ православной Церкви, какой можно было бы ожидать, судя по основнымъ началамъ молоканскаго вѣроученія, прямо враждебнаго Церкви. Это и естественно. Имъ приходится сталкиваться съ татаринѣмъ, персіаниномъ, армяниномъ, свреемъ, иѣмцемъ и др., въ которыхъ онъ узнаетъ по практикѣ тѣхъ же людей, руководствующихся въ жизни, не менѣе ихъ самихъ, убѣжденіями вѣры въ Бога и нравственности. Они привыкаютъ, хотя и не перемѣняютъ взгляда, къ зову муэззина съ мечетскаго минарета и прежній фанатизмъ къ нехристіанскимъ національностямъ, естественно, болѣе или менѣе утихаетъ подѣ вліяніемъ привычки. Среди разнообразія чуждыхъ національностей, не всегда симпатично относящихся къ несвоимъ, каждый раскольникъ, естественно, если не бросается въ объятія, по крайней мѣрѣ, радъ встрѣтить брата—русскаго на далекой чужбинѣ.

Отдѣленное состояніе молоканъ и тоска по родинѣ, казалось, должны были бы благопріятствовать ихъ воссоединенію съ православіемъ. Но на дѣлѣ выходитъ не то. Приверженность ихъ къ своей ереси, освобождающей совѣсть отъ связывающихъ требованій нравственнаго закона и сознаніе—отъ религіозныхъ формъ богочитанія, здѣсь также сильна, какъ и внутри Россіи; разница въ томъ, что приверженность эта здѣсь не обнаруживается безпокойнымъ фанатизмомъ и полемическимъ духомъ. Одинъ очень почтенный русскій священникъ сіонскаго собора въ Тифлисѣ былъ назначенъ, лѣтъ пять тому назадъ, увѣщателемъ для нѣкоторыхъ молоканъ; но всѣ его старанія, даже при личномъ уваженіи къ нему молоканъ, всякій разъ оставались напрасными: убѣждаемый выходилъ отъ увѣщателя не менѣе прежняго убѣжденный въ своихъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ. Лег-

ко угадать почему. Въ разсужденіяхъ съ ними никакія доказательства не сильны, если они не основаны на прямыхъ и ясныхъ словахъ Писанія, и при томъ если сами они не имѣютъ уже и намека противнаго въ томъ же Писаніи. Молоканинъ, разъ навсегда, затвердилъ извѣстныя мѣста Библіи и они служатъ для него несокрушаемыми доводами при полемикѣ, при чемъ, конечно, онъ не менѣе квакера убѣжденъ въ вѣрности своего пониманія Библіи. Скажите ему: такъ ли, друже, разумѣешь, что чтешь? и получите отвѣтъ: *и вы помазаніе имате отъ святаго, и въ-стаете вся*, говоритъ апостолъ духовнымъ христіанамъ. О себѣ молокане думаютъ, что они одни только истинные христіане, или духовные, что они только любезны Богу. только они имѣютъ чаяніе живота вѣчнаго и т. д. Такъ-какъ жизнь ихъ здѣсь очень достаточна, вѣроятно, даже лучше, чѣмъ жили или жили бы въ Россіи, и отнюдь не походитъ на мѣру наказанія, то они видятъ въ этомъ особенную милость къ себѣ Господа Бога. И эта увѣренность очень сильна въ нихъ. Вотъ фактъ, изъ котораго можно видѣть отчасти это. Въ 1863- или 64 году, весной, въ Тифлисѣ случилось рѣдкое наводненіе, отмѣченное на скалѣ значительно выше всѣхъ, прежде бывшихъ наводненій. Дѣло было ночью. Рѣка (Кура) разлилась внезапно-нечаянно. Правый берегъ, отлогій, гдѣ живутъ молокане, мгновенно покрывся водою. Къ утру жильцы едва успѣли спастись, нѣкоторые сами, другіе при помощи лодочниковъ-туземцевъ. Между тѣмъ вода прибывала, такъ что къ обѣденному времени снесло уже всѣ, менѣе прочныя деревянныя дома; а другіе стояли въ водѣ, сажени на двѣ и болѣе. Одинъ изъ богатыхъ жильцовъ, молоканинъ, имѣвшій двухъэтажный домъ, не смотря на предстоящую опасность, забрался на верхній этажъ дома и ни на какія убѣжденія не хотѣлъ сойти къ подплывшимъ лодочникамъ: такъ вѣрилъ онъ въ силу своей молитвы! Такъ онъ оставался въ

молитвъ и по-временамъ, по видимому спокойно, выходилъ на балконъ, наблюдая за линіей уровня воды. Бъ счастью, часовъ съ двухъ послѣ обѣда вода стала убывать, иначе самоувѣренный молоканинъ погнѣбъ бы, искушая милосердіе Божіе.

Вмѣстѣ съ молоканами живутъ въ разныхъ мѣстахъ, по ту сторону горъ, или за-Кавказомъ, и другіе сектанти, хлысты, жидовствующие и пр. Есть они въ кутанской губерніи, въ елисаветпольской, въ эриванской, къ границамъ Персіи. И здѣсь они также дѣлаются видимо менѣе фанатичными и мирятся въ душѣ съ прежде ненавистными никонианами, впрочемъ, кажется, главнымъ образомъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія на чужбинѣ; но все таки отнюдь не думая о своемъ возсоединеніи съ православною Церковію и возвращеніи въ Россію. Случаются факты другаго рода. Недавно, мѣсяца три тому назадъ, въ газетахъ былъ объявленъ случай, что въ ленкоранскомъ уѣздѣ (эриванской губерніи) два брата, по фамиліи Селезевы, кажется изъ жидовствующихъ, перешли, безъ особенно сильныхъ побужденій, въ ненавистную коренному русскому вѣру Хамета-лже-пророка, т. е. исламизмъ, исполнивши всѣ установленныя формы и обряды обращенія въ мусульманство. Вѣроятно, это не исключительный фактъ.

6. Бѣглопоповцы.

Расколъ поповщинскій существуетъ на плоскости Кавказа, и существуетъ издавна, съ самой половины осьмнадцатаго столѣтія. Первоначально зашелъ онъ сюда съ береговъ Дона, Волги и также внутреннихъ губерній, болѣе близкихъ къ Кавказу, воронежской, саратовской, бурейской. Русскія казачьи поселенія, распространявшіяся отъ Дона къ горамъ и къ берегу Чорнаго моря, пмѣли, во время-оно, значеніе болѣе военное, чѣмъ административное, гражданское, и поэтому мало обращалось вниманія на составъ ихъ. Есть

станции теперь въ ставропольской губерніи, терской области, по берегамъ Кубани, на Кумѣ и др. мѣстахъ съ значительнымъ числомъ бѣглопоповцевъ. Станица червленская, напр., состоитъ почти изъ однихъ бѣглопоповцевъ; въ другихъ приверженцы поповщинскаго раскола живутъ смѣшанно съ православными, какъ напр., въ станицахъ курдюковской, новогладковской, каргалинской. Въ станицахъ этихъ православные существуютъ не очень давно, съ сороковых годовъ настоящаго столѣтія; до этого тутъ жили исключительно бѣглопоповцы, совративши въ расколъ и немногихъ бывшихъ православныхъ; съ сороковых годовъ стали селиться здѣсь и православные, выходцы внутреннихъ губерній. Казачьи станции, цѣлые полки здѣшняго казачества состояли, больше чѣмъ на половину, изъ поповщинской секты. Когда казачество было государственною необходимостію и пользовалось значительными льготами, и расколъ не могъ не расширять своихъ предѣловъ. Исторія усиленія и развитія его тѣсно связана съ исторіей извѣстныхъ иргизскихъ монастырей, саратовской губ.. Непосредственно съ возвышеніемъ ихъ при Сергіѣ, вѣтковскомъ выходцѣ, прибывшемъ на Иргизъ изъ Польши (ок. 1775—82 г.), начинается вліяніе ихъ на приверженцевъ поповщины, разсѣянныхъ по кавказскимъ станицамъ. Извѣстно, что вліятельный Сергій посылалъ посланія къ бѣглопоповцамъ на Терекъ и на Донъ, посылалъ къ нимъ (за деньги), для исправленія требъ и укрѣпленія въ вѣрѣ, священниковъ, бѣжавшихъ отъ православной Церкви на сторону раскольниковъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. И сами бѣглопоповцы, разъ подавшіеся вліянію Иргиза, стали обращаться за духовными нуждами къ «иргизской соборной церкви». Подъ непрестанно дѣйствовавшимъ и возраставшимъ вліяніемъ иргизскихъ учителей и священниковъ, православные жители кавказскихъ станицъ стали переходить мало по-малу въ расколъ, храмы

пустѣли, священники оставались безъ паствы; въ то же время открывались и строились раскольническія моельни и часовни. Напр., въ стан. щедринской и старогладковской, гдѣ прежде существовалъ причтъ и православные прихожане, къ 1817 г. не было уже ни причта, ни прихожанъ православныхъ. Бѣглопоповцы построили себѣ часовни, нѣсколькими годами раньше этого времени, и въ станицахъ каргалинской, червленской и мн. др., въ которыхъ стали открыто и торжественно отправлять служеніе со звономъ. Требы и службу совершали для нихъ иргизскіе попы. Православные священники все это видѣли, жаловались начальству свѣтскому и духовному; но на сторонѣ раскола стояла половина казачества, съ которымъ надо было обращаться не только вѣротерпимо, но и осторожно, ласково, и чиновные казаки, пріобрѣтшіе вліяніе на населеніе, привыкшіе болѣе вольничать и управлять, чѣмъ подчиняться. Къ этому присоединилось другое обстоятельство, также много способствовавшее усиленію бѣглопоповщинскаго раскола и другихъ сектъ раскола. Лица, къ которымъ, въ первое десятилѣтіе восемнадцатаго столѣтія, поступали жалобы на совращеніе православныхъ поселенцевъ иргизскими попами и учителями, сами не принадлежали къ православной Церкви, и потому, естественно, мало или вовсе не сочувствовали интересамъ православія. Напр., гражданскимъ губернаторомъ ставропольской губер. былъ тогда Гандельшмальдъ, нѣмецъ, командующимъ войсками на Кавказѣ—Глазенапъ (ок. 1807 г.). Жалобы православныхъ священниковъ оканчивались ничѣмъ; иргизскимъ попамъ-бѣглецамъ разрѣшалось и отправлять требы и учить. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что разрѣшенію не давалось совершенно оффиціальнаго вида; пожалуй, оно считалось даже временною и какъ бы обстоятельствами вынужденною мѣрою вѣротерпимости. Но бѣглые попы и самозванцы на это не смотрѣли, имъ и дѣла не было до этого. Съ билетомъ

отъ иргизскихъ монастырей, настоятеля о. Сергія и братья, всякій, объявленный въ билетъ священникомъ, расхаживалъ по станицамъ священнодѣйствовать. Не одни бѣглые попы и самозванцы приходили съ этою цѣлю въ станицы; являлись также монахи. Такъ напр., изъ послѣднихъ (ок. 1818 г.) и мѣстныхъ заманенныхъ людей, а также бѣглыхъ съ разныхъ концовъ, близъ ст. каргалинской образовался расколъ-нический свитъ, существовавшій нѣкоторое время и имѣвшій вліяніе на станичныя населенія.

Для усиленія раскола, для привлеченія къ себѣ простодушныхъ, бѣглопоповцы часто распускали слухи о разныхъ чудесахъ, напримѣръ, о явленіяхъ чудотворныхъ иконъ и пр. Эти слухи не мало способствовали къ утвержденію раскола въ глуши, въ малолюдныхъ отдаленныхъ станицахъ и особенно хуторахъ, служившихъ до конца XVIII в. мѣстомъ укрывательства бѣглыхъ священниковъ и самозванцевъ (безъ иргизскаго паспорта).

Утвердившись въ кавказскихъ станицахъ, иргизскіе самозванцы и бѣглые священники распредѣлялись по войскамъ. Самый лучший пріютъ находили или иначе сказать — лучше удавалось пріобрѣтать ихъ за деньги у иргизскаго братства семейному и гребенскому полкамъ. Много побывало священниковъ и у волжскаго войска, отсылавшаго своего попа въ станицу александровскую. Позже другихъ пріобрѣли себѣ постоянныхъ поповъ казаки терекскаго, кубанскаго и моздокскаго полковъ, у которыхъ требы прежде исправляли временно приходившіе съ Иргиза попы или же никто вовсе, т. е. умирали безъ исповѣди и причастія, оставались безъ крещенія и богослуженія. Не удивительно, поэтому, что казаки эти рады были не только дѣйствительнымъ попамъ, но и самозванцамъ, предъявлявшимъ какой нибудь видъ на священническій санъ, или билетъ отъ иргизскаго братства. Чтобы судить объ общемъ числѣ приверженцевъ поповщины меж-

ду здѣшнимъ казачествомъ, въ былыя времена, достаточно знать, что, напр., въ одномъ моздокскомъ полку ихъ считалось болѣе 3½ тысячъ человекъ (ок. 1818 г.); а такихъ полковъ было нѣсколько. Что могло дѣлать православное духовенство при такой численности раскольниковъ, при казачьей вольности и образѣ жизни, маловыгодныхъ для пастырскаго вліянія и учительства? Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ только ждать лучшихъ временъ; и дождалось оно, хоть чрезъ столѣтіе!

Но историческія обстоятельства создали другую трудность пастыреучителю и пастырскому вліянію. Здѣшній казакъ, подѣ влияніемъ долгой боевой жизни, приобрѣлъ нѣкоторыя типическія особенности, рѣзко отличающія его отъ кореннаго русскаго. По внѣшности и образу жизни, онъ принялъ много мѣстнаго, черкесскаго. Нравственный характеръ его сужить выраженіемъ тѣхъ понятій, которыя могли выработаться въ немъ, при вольности и неосѣдой жизни. Привычки и понятія, образовавшіяся вслѣдствіе долговременной практики, и теперь даютъ себя чувствовать; казакъ меньше способенъ къ трудовой жизни, земледѣльческой, чѣмъ здѣшній государственный крестьянинъ; онъ и меньше сложенъ, пожалуй, не меньше прежняго черкеса, или абазеха смотреть за Кубань и, вѣроятно, не мало жалѣеть, что вырубилъ когда-то темные лѣса, на зло черкесамъ. Повидно, насколько можетъ быть пастырскаго вліянія на такихъ людей.

Къ этому надо прибавить и то еще, что казакъ, не успѣвшій еще, въ свое время, усвоить нетерпачій духъ раскола, съ теченіемъ времени дѣлался индифферентнѣе. Причина этого постоянное обращеніе между нехристіанскимъ населеніемъ и нѣкоторыя др. обстоятельства. Видимый всегда, и особенно на первыхъ порахъ, въ своихъ отношеніяхъ къ мусульманскому населенію, привнесеннымъ понятіемъ о басурманщинѣ-татарщинѣ, казакъ и самъ въ тоже время стано-

вится дальше и дальше отъ вліянія религіи и Церкви. Этимъ объясняются странныя случаи, довольно часто повторявшіеся въ жизни здѣшняго казачества. Говоримъ о предательствѣ на сторону черкесовъ. Кровный русскій, христіанинъ, врагъ нехристовъ, казакъ самъ часто, ради бѣльшей вольности или по мало—мальски непооблагопріятствовавшимъ обстоятельствамъ, удалялся за Кубань къ черкесамъ, и оттуда наѣздивчалъ на своихъ съ нехристями. Дѣлался ли онъ нехристомъ или втайнѣ творилъ крестное знаменіе,—объ этомъ не спрашивать; достаточно того, что онъ имѣлъ общіе интересы съ басурманами и тѣ не брезгали бывшимъ »яманъ --джауромъ«, побратавшимся съ ними вѣрой и ремесломъ.

Конечно, въ настоящее время, расколъ уже не можетъ вытѣснить православнаго элемента такъ, какъ это было въ началѣ XIX в., въ первые два—три десятилѣтія. Бѣглопоповщины за то имѣютъ теперь своего »архіерея кавказскаго«, Гова какого-то, который освящаетъ имъ часовни и рукополагаетъ поповъ, первосвященствуетъ надъ станицами бѣглопоповцевъ. Разумѣется, бываютъ столкновенія православныхъ и православныхъ пастырей и съ бѣглопоповцами, какъ и съ приверженцами разныхъ сектъ безпоповщины; но они возникаютъ тогда, когда раскольники открыто и уже слишкомъ начинаютъ переступать предѣлы, указанныя имъ закономъ въ ихъ отношеніяхъ къ православію и православнымъ, хотя православное духовенство и теперь рѣдко выигриваетъ по своимъ жалобамъ на раскольническія неправды и обиды. ¹⁾.

Гуссѣвъ.

¹⁾ Считаемо нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія къ настоящей статьѣ 1) Изъ того, что мы сказали о раскольникахъ, иное передано намъ лицами, знающими быть раскольниковъ на мѣстѣ жительства ихъ, а иное извѣстно непосредственно намъ са-

НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПОСОБІЕ ПРИ НАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ.

1) Буквари и дидактическія руководства для сельскихъ учителей.

Еще живо помнится то недалекое прошлое, когда приступающій къ обученію дитяти не затруднялся въ выборѣ учебнаго руководства, такъ какъ, собственно говоря, и выбирать было не изъ чего. Буквари, доступные по цѣнѣ своей большинству, были извѣстны всѣ наперечетъ, — ихъ было не много; книгами для первоначальнаго чтенія неизмѣнно служили часословъ и псалтирь. Въ послѣдніе десять лѣтъ обстоятельства этого учебнаго дѣла измѣнились; завѣдующіе начальнымъ обученіемъ дѣтей — находятся уже въ крайне затруднительномъ положеніи — вынужденные дѣлать выборъ между множествомъ разныхъ букварей и книгъ для первоначальнаго чтенія. Прежде и мысли, и рѣчи не было о томъ, что есть буквари лучшіе и есть худшіе, и что послѣ букваря можно читать что либо другое, кромѣ часослова и псалтири; а теперь что ни мѣсяцъ, то новый букварь, и одинъ передъ другимъ выставляютъ свои достоинства — и легкость и разумность обученія, — что ни годъ, то новыя книги для

нихъ. О развитіи бѣглополовщинскаго раскола въ станицахъ кавказскихъ нѣкоторыми свѣдѣніями, или указаніями мы пользовались изъ «Грузинскаго вѣстника», журн. издаваемого на грузинскомъ языкѣ (см. 1866 г. февраль, русскій отдѣлъ; статья «о кавказской бѣглополовщинѣ, іером. Нестора»). 2) Можетъ статься, что въ названіяхъ раскольническихъ сектантовъ допущена нѣкоторая неточность, такъ какъ, при разнообразіи сектъ раскола и не строгой разграниченности ученій ихъ, едва ли въ настоящее время существуютъ опредѣленно установившіяся и точно характеризующія раскольническія секты — названія. Мы удерживали за раскольниками мѣстныя имена, которыми называютъ ихъ православные. *Авт.*

первоначальнаго чтенія, новый сборникъ статей для народнаго чтенія, — и одинъ передъ другимъ выставляютъ какую либо новую идею изданія, новую мысль, объединяющую сборникъ и т. п. По истинѣ призадумашься, что купить, чѣмъ руководствоваться, чтобы дѣйствительно воспользоваться лучшими учебными руководствами.

Съ цѣлію помочь нашимъ читателямъ въ выборѣ руководственныхъ пособій при начальномъ обученіи, мы и прежде—въ свое время ¹⁾ указывали на лучшія и болѣе пригодныя изъ нихъ. Тоже самое хотимъ сдѣлать и теперь, — и именно разсмотрѣть вышедшія въ послѣдніе два года руководства и указать лучшія изъ нихъ, — а равнымъ образомъ указать на тѣ, которыя, хотя и раньше вышли, но не были упомянуты въ прежнихъ нашихъ библіографическихъ замѣткахъ ²⁾, а заслуживаютъ вниманія по своимъ достоинствамъ.

1) *Азбука*, руководство для родителей и наставниковъ, желающихъ обучать чтенію и письму, и *Первая книга для чтенія* — съ 16-ю картинками изъ семейной жизни. Изданіе редакціи педагогическаго журнала «Дѣтскій садъ». С.-Петербургъ. 1867 года

«Корень ученія горекъ», говоритъ древняя пословица: и дѣйствительно, начало ученія было горько, когда заставляли семи — осьми лѣтняго ребенка просиживать по нѣскольку часовъ сряду и заучивать названія буквъ, склады,

¹⁾ См. «Руковод. для сел. наст.» 1865 г. №№ 47, 49, 50, 52, 1866 г. № 30.

²⁾ Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что съ открытіемъ воскресной школы при семинаріи открылась возможность имѣть подъ руками всѣ учебныя руководства для начальныхъ школъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ по опыту судить о степени пригодности ихъ къ дѣлу обученія.

не оживляя, не освѣжая ничѣмъ его вниманія. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ изобрѣтателей новыхъ методовъ обученія грамотѣ уже чрезъ мѣру подсластили горечь начальнаго ученія, обративъ все обучение въ игру-забаву. Какъ прежніе педагоги находили нужнымъ съ перваго разу показать ребенку всю важность науки, показать, что она безъ труда не дается, какъ серьезное, полезное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ виду приучить школьника къ труду, къ усидчивости, — »не все играть, пора и за ученье браться«, говаривали бывало родители и учителя: такъ новые педагоги, наоборотъ, всю заботу свою полагаютъ въ томъ, какъ бы научить дитя—не утомляя его, играючи. Составитель названныхъ книгъ принадлежитъ къ числу послѣднихъ педагоговъ,—но нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что въ этомъ случаѣ онъ не вдается въ крайность, а держится благоразумной середины: онъ признаетъ необходимымъ обучать дѣтей чтенію и письму посредствомъ игры, но разумѣя подъ игрою не забаву дѣтскую, а серьезную дѣятельность ребенка, необходимую для развитія его организма. Если ребенокъ выкладываетъ, наприм., изъ разныхъ кусковъ картона разныя фигуры, то это есть для него игра: но коль скоро тотъ же ребенокъ станетъ на такихъ же кускахъ картона узнавать буквы и т. п., то это не будетъ для него игрою и забавою, которая окажетъ свой вредъ только впоследствии. Значить, обучать дѣтей нужно посредствомъ игры, но не забавляя ихъ. Истинно такъ: ученіе въ видѣ забавы повредитъ ребенку не только въ отношеніи развитія его характера, но и въ умственномъ отношеніи: онъ весьма долго не научится читать, не смотря на то, что забава эта предпринимается съ нимъ для того, чтобы поскорѣе выучить его азбукѣ и чтенію.

Прежде, чѣмъ изложить самый методъ обученія чтенію и письму, составитель названныхъ книгъ предлагаетъ рѣ-

шеніе двухъ немаловажныхъ вопросовъ: съ какого возраста слѣдуетъ начинать обученіе и какая умственная дѣятельность должна быть дана ребенку прежде, чѣмъ онъ начнетъ учиться читать и писать? Отвѣтъ на первый вопросъ не представляетъ какихъ либо особенностей, — составитель повторяетъ общезвѣстное педагогическое правило начинать обученіе, по крайней мѣрѣ, не ранѣе семилѣтняго возраста: но онъ указываетъ мѣтко на причины, по которымъ родители торопятся учить дѣтей и почему ранѣе семи лѣтъ не слѣдуетъ учить. Въ первомъ случаѣ, по замѣчанію составителя азбуки, одни изъ родителей, не зная, чѣмъ занять ребенка, надоедающаго имъ своими шалостями, желаютъ какъ можно скорѣе сдѣлать изъ него взрослого, даютъ ему азбуку, нанимаютъ ему учителя, ведутъ въ школу: «ступай, учись, пора шалости бросить»; другіе, не убѣжденные на самомъ дѣлѣ, что раннее обученіе губитъ ребенка, а узнавшіе это только изъ книги, или со словъ педагога, только въ подражаніе модѣ кричатъ, что раннее обученіе вредно, а на самомъ дѣлѣ сами рано начинаютъ учить своихъ дѣтей. Во второмъ случаѣ, по замѣчанію составителя, способность различать признаки малѣйшихъ предметовъ между собою, такъ необходимая при изученіи такихъ буквъ, какъ *е и с, ч и ѣ, б и в, н и е, и и и, ш и ш, о и ѳ и т. н.*, развивается окончательно только въ концѣ седьмого года, или въ началѣ восьмого. Отвѣтъ на второй вопросъ заслуживаетъ вниманіе по новизнѣ своей. По общепринятому педагогическому правилу ребенокъ знакомится съ отечественнымъ языкомъ посредствомъ чтенія въ азбукѣ, какъ наприм. у г. Ушинскаго, и посредствомъ изученія отечественнаго языка научается читать. Не такъ думаетъ составитель разбираемой книги: по его убѣжденію, основанному, какъ замѣчаетъ онъ, на изученіи дѣтской природы, изученіе роднаго отечественнаго языка должно положительно предшество-

вать обученію чтенію. Что же такое разумѣть онъ подъ изученіемъ отечественнаго языка? Отнюдь не то, что разумѣется во всѣхъ нашихъ учебникахъ, а умѣнье ребенка выражать свои мысли и понимать чужія, умѣнье опредѣлять признаки сходныхъ и несходныхъ предметовъ, составлять образы по видимымъ имъ изображеніямъ или предметамъ и т. п. Однимъ словомъ, выходить, что подъ изученіемъ отечественнаго языка разумѣть составителю то, что мы привыкли называть «нагляднымъ обученіемъ», посредствомъ котораго ребенокъ запечатлѣваетъ въ себѣ познаніе отечественнаго языка. Вся новизна взгляда на занятія съ дѣтьми до обученія ихъ грамотѣ состоитъ въ названіи, а не въ сущности дѣла. Въ чемъ же состоитъ самый методъ обученія чтенію и письму?

Въ существѣ дѣла и методъ обученія, предлагаемый составителемъ, не даетъ что либо новое, оригинальное, чего никто не сказалъ еще доселѣ;—отличіе его отъ обыкновеннаго звуковаго метода состоитъ въ томъ, что тотъ слѣдуетъ аналитическому приему, а этотъ синтетическому; но изложеніе хода, порядка и приемовъ занятій ясно, опредѣленно до наглядности, даже опредѣленъ срокъ для выучки, если только обучающій самъ усвоитъ предлагаемую систему, будетъ примѣнять ее къ требованіямъ своихъ питомцевъ, и выполнить всѣ условія относительно умственныхъ занятій отечественнымъ языкомъ до семи лѣтъ. Шести мѣсяцевъ достаточно для того, чтобы научить дитя читать бѣгло. Время это для занятій должно быть приблизительно распределено слѣдующимъ образомъ: первый мѣсяцъ долженъ пройти надъ упражненіями въ разложеніи словъ на слоги и слоговъ на звуки; второй мѣсяцъ—надъ составленіемъ слоговъ и словъ изъ звуковъ, и изображеніемъ звуковъ изъ глины или ¹⁾ палоч-

¹⁾ Замѣчается, между прочимъ, что буквы наклеенныя на картонъ никакъ не могутъ замѣнить дѣланіе буквъ изъ глины; такъ

чекъ и гороха; остальные четыре мѣсяца употребляются на изученіе письма и буквъ по органамъ произношенія и на составленіе словъ изъ буквъ, произнесенныхъ извѣстными органами. Въ частности—пятый мѣсяцъ посвящается письмамъ: ученикъ пишетъ учителю письма, въ которыхъ излагаетъ все то, что его особенно занимаетъ, а послѣ—письма эти читаются въ классѣ вслухъ. Вотъ это новый родъ занятій при обученіи грамотѣ, не указанный еще никѣмъ изъ русскихъ педагоговъ. Шестой мѣсяцъ посвящается исключительно чтенію по книжкѣ. Что же это за книжка? Азбука, какъ видѣли мы, хоть и повторяетъ тоже самое, что въ другихъ есть, но по ясности, опредѣленности, наглядности изложенія приѣмовъ и хода занятій, заслуживаетъ вниманіе, и въ рукахъ учителя, желающаго учить читать сознательно, можетъ быть не бесполезнымъ руководствомъ.

Первая книга для чтенія состоитъ изъ шестнадцати картинъ, взятыхъ изъ домашней жизни семейства средняго класса общества. Каждая картина имѣетъ и объяснительный текстъ, въ полторы страницы каждый, такъ что какъ разъ на урокъ—неутомительно и для начинающаго читать. Картины, взятые изъ дѣйствительной жизни, представляютъ тотъ періодъ семейной жизни, когда дѣти еще мало требуютъ за собою ухода, главнымъ образомъ, физическаго. Картины нарисованы прекрасно, для дѣтей очень занимательны, представляя богатый матеріалъ для бесѣдъ, вопросовъ и отвѣтовъ,—и объяснительный текстъ простъ и удобопонятенъ. Такая книжка, безспорно, пріятна и полезна для дѣтей. Не бесполезна она и для родителей и воспитателей. Въ ней они найдутъ наглядное указаніе того, какъ ухаживать за дѣтьми, какъ и чѣмъ занимать ихъ до поры школьнаго обученія, при послѣднемъ способѣ, ребенокъ знакомится со всѣми частями буквы—отъ него не ускользаетъ ни одна частица ея, между тѣмъ, при видѣ наклеенной буквы, многое ускользаетъ отъ взгляда.

нія; такъ какъ здѣсь изложено и нарисовано все, какъ жило семейство, въ которомъ трое малыхъ дѣтей. Вотъ наприм., мы видимъ *одну* картину: мать сидитъ—кормитъ грудью новорожденное дитя,—старшій мальчикъ подставляетъ ей подъ ноги скамейку, а дѣвочка—средняя—стоитъ сзади матери и, обнявъ ее рученками, заглядываетъ какъ сосетъ малютка; *другую*: мать купаетъ своихъ дѣтей, *третью*: мать забавляетъ ихъ, — *четвертую*: мать въ саду съ дѣтьми, сама работаетъ, а они играютъ, — *пятую*: отецъ воротился со службы, все готово къ обѣду, семья вся за столомъ — обѣдаетъ; *шестую*: отецъ забавляетъ дѣтей, бѣгаетъ съ ними; *седьмую*: дѣти сами и заняты работой—вырѣзываютъ изъ бумаги фигурки, лошадки, куклы, и т. д. Полезное изданіе, только не для сельскихъ школъ, — какъ потому, что не такова семейная жизнь нашего брестянина, такъ и потому, что цѣна ея не по силамъ ему, а главнымъ образомъ потому, что по этой книжкѣ онъ не научится читать по церковно-славянски. Имѣя подъ руками такія дорогія книжки, онъ все-таки вынужденъ будетъ покупать церковно-славянскій букварь. При этомъ нужно имѣть еще въ виду и то, что составитель книги не коснулся нравственного воспитанія дѣтей въ періодъ младенчества, — это весьма серьезный пунктъ. Просматривая книгу и видя, что дѣти—то купаются, то обѣдаютъ, то чай пьютъ, то бѣгаютъ въ саду, катаются на льду, невольно задаешь вопросъ: а сообщаются ли имъ нужныя и доступныя ихъ возрасту понятія о Богѣ, учатъ ли ихъ молиться Ему и т. п? Составитель видимо и намѣренно обошелъ этотъ трудный и самый серьезный вопросъ въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Вообще книга не для насъ и не по нашимъ средствамъ.

2) *Первая учебная книжка*. Класное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ роднаго языка. Составилъ І. Паульсонъ. С. Петербургъ. 1868 года. Цѣна 20 к. безъ пересылки.

3) *Способъ обученія грамоты по первой учебной книжкѣ*. I. Паульсона. (Объясненіе для преподаватели) С. Петербургъ 1868 г. цѣна 20 коп. ¹⁾

Вотъ эти книжки дѣло другое; онѣ должны занять въ нашей учебной литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, и знакомство съ ними всякому, занимающемуся обученіемъ дѣтей, совершенно необходимо. Составитель »Первой учебной книжки« и »Способа обученія по ней« не имѣетъ претензій на новизну, оригинальность открытія, — онъ предлагаетъ способъ далеко не новый, который уже знакомъ намъ изъ учебныхъ книжекъ г. К. Ушинскаго и г. Шарловскаго. Дѣло въ томъ, что всѣ употребительные способы обученія грамотѣ, по совершенно вѣрному замѣчанію г. I. Паульсона, не смотря на различіе ихъ и отчасти даже на противоположность, составляютъ только отдѣльные моменты, или части одного и того же способа, который не можетъ быть представленъ въ цѣлости своей потому только, что неизвѣстны еще связь и послѣдовательность этихъ частей: между ними, очевидно, недостаетъ нѣкоторыхъ посредствующихъ звеньевъ. Трудъ составителя разбираемыхъ книжекъ, предлагаемый имъ пріемъ обученія представляетъ попытку органически связать между собою употребительные способы; и надобно сказать попытку, достойную вниманія. Въ предлагаемомъ способѣ, какъ безпристрастно и безъ самовосхваленія замѣчаетъ самъ составитель его, — во 1-хъ, заключаются всѣ хорошія стороны употребительныхъ у насъ способовъ обученія грамотѣ, — онъ разнообразіемъ пріемовъ даетъ учителю возможность во всѣхъ случаяхъ примѣняться къ индивидуальности учениковъ, которые выучиваются легко, скоро, а главное — учатся *охотно*; во 2-хъ, порядокъ пріемовъ сообразенъ какъ съ

¹⁾ Съ требованіями за этими книжками можно обращаться ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ.

развитіемъ письменнаго искусства, такъ и съ дѣтскою природою;—въ 3-хъ, способъ этотъ такъ называемыя наглядныя упражненія, или общепредметныя уроки дѣлаетъ неотъемлемою принадлежностью каждаго первоначальнаго учебнаго курса и вноситъ въ нихъ опредѣленную систему; въ 4-хъ, онъ тѣсно соединяетъ между собою вообще все предметы первоначальнаго обученія (знакомство съ реальнымъ міромъ, черченіе, письмо, чтеніе, родной языкъ, начала ариметики и т. д.),—предметы эти образуютъ какъ бы одинъ учебный организмъ, цѣлостно и всесторонне дѣйствующій на развитіе учениковъ; наконецъ—въ 5-хъ, способъ этотъ, не измѣняясь въ основаніи, допускаетъ разнообразнѣйшія видоизмѣненія, и тѣмъ избавляетъ учителя какъ отъ рабскаго подражанія, такъ и отъ повторенія ежегодно одного и того же стереотипнаго курса. Все указанныя достоинства предлагаемаго способа не измышлены составителемъ его; г. Паульсонъ не прежде рѣшился познакомить русскую публику съ новымъ способомъ, пока не удостовѣрился въ дѣйствительныхъ достоинствахъ на опытѣ, т. е. не только тѣмъ, что во время пребыванія своего за границей видѣлъ, какъ преподаютъ по этому способу, но и тѣмъ, что въ 1867 году испыталъ его самъ, надъ шести—и семилѣтними дѣтьми, въ с.-петербургскихъ педагогическихъ курсахъ, для приготовленія начальныхъ учителей. Но въ интересахъ самаго дѣла—не лишнимъ находимъ возможно коротко изложить сущность этого способа.

Въ предлагаемомъ способѣ можно различить двѣ ступени: 1) приготовительныя упражненія и 2) собственно обученіе грамотѣ, по окончаніи котораго, во второмъ полугодіи, должны слѣдовать раздѣльныя упражненія: а) въ письмѣ перомъ, постоянно ускоряющемся, б) въ связномъ и осмысленномъ чтеніи цѣлыхъ статей и в) въ чтеніи церковно-славянскомъ.

1) Въ каждой цѣлесообразно устроенной элементарной школѣ обученіе должно начинаться не съ грамоты прямо, а съ *приготовительныхъ упражненій*, имѣющихъ цѣлю: а) ввести вновь поступающихъ учениковъ постепенно въ школьную жизнь, т. е. приучить ихъ къ извѣстному порядку, вниманію и громкимъ связнымъ отвѣтамъ; б) ознакомить учителя съ индивидуальностью учениковъ и степенью ихъ развитія; в) сообщить ученикамъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, которыя бы значительно облегчали обученіе грамотѣ. На эти упражненія слѣдуетъ употреблять, по совѣту г. Паульсона, ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много времени; въ первомъ случаѣ онѣ не достигнутъ своей цѣли, въ послѣднемъ—родители учениковъ будутъ недовольны тѣмъ, что дѣти ихъ такъ долго ничему (по видимому) не учатся. Среднимъ числомъ для этого достаточно двухъ недѣль, или 12 бесѣдъ, раздѣленныхъ, каждая, на 2 или 3 урока. Содержаніе этихъ бесѣдъ очень интересно,—такъ что, если бы позволяли предѣлы библіографической замѣтки, мы бы съ удовольствіемъ передали здѣсь хотя одинъ изъ уроковъ, предметъ которыхъ дѣйствительно ведетъ къ вышеуказанной цѣли предварительныхъ упражненій. Такъ наприм., въ первый урокъ первой бесѣды учитель, рассядивъ учениковъ по мѣстамъ, меньшихъ ближе къ себѣ, даетъ вопросы: какъ тебя зовутъ? какое имя дано тебѣ при крещеніи? какъ зовутъ отца твоего? какъ же звать тебя по отцу? а тебя какъ зовутъ по батюшкѣ? и т. д. Или наприм., второй урокъ четвертой бесѣды—учитель занимается рисованіемъ нѣкоторыхъ изъ предметовъ перечисленныхъ дѣтьми, и въ особенности такихъ, которые для изображенія своего требуютъ чертъ π и ι и т. д. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ идетъ разсмотрѣніе частей, качествъ, дѣйствій, предметовъ, описаніе и рисованіе ихъ. Для разсматриванья берутся предметы, хорошо знакомые дѣтямъ. Вообще матеріалъ для

бесѣдъ у г. Паульсона живой, интересный; занятія имѣ дѣти должны чувствовать себя—въ школѣ какъ-бы дома, и переходъ отъ домашней, семейной жизни къ школьной для нихъ не замѣтенъ — безъ обычныхъ — скуки, тоски и слезъ.

2) Самое *обученіе грамотѣ* не отдѣляется чѣмъ либо замѣтнымъ отъ предварительныхъ упражненій, и школьники приступаютъ къ этой, въ былое время утомительной и скучнѣйшей, работѣ—также охотно, бодро и весело, какъ бесѣдовали съ учителемъ на первыхъ порахъ о знакомыхъ, близкихъ имъ предметахъ. Занятія идутъ въ такомъ порядкѣ:

Первый день. *Разсмотрѣніе и описаніе какого либо предмета*, наприм. осей, саней, дуги, пилы, рамы, и т. п.; чтобы упражненіе это принесло пользу надлежащую, необходимо принести въ классъ или самый предметъ, подлежащій разсмотрѣнію, или модель его, или, въ крайнемъ случаѣ, изображеніе его; въ этотъ же урокъ учитель сообщаетъ дѣтямъ какой либо рассказъ или стихотвореніе, относящееся въ разсматриваемому предмету, и помощію вопросовъ доводитъ ихъ до связнаго пересказа.

Второй день. *Рисованіе*. Учитель, укрѣпивши модели на видномъ мѣстѣ, подлѣ классной доски, рисуетъ на ней подлежащій разсмотрѣнію предметъ подъ диктовку учениковъ, которые послѣ того изображаютъ тоже самое на своей доскѣ, безъ помощи линейки. Затѣмъ слѣдуетъ *письмо*: учитель пишетъ названіе предмета и ученияетъ, что то былъ рисунокъ, а это—слово; и послѣ—пріучаетъ учениковъ написать тоже слово—сперва безъ линейки, а потомъ по линейкамъ, при чемъ новички пріучаются линеовать.

Третій день. Послѣ предварительной линейки и написанія вновь слова, идетъ *разложеніе этого слова на звуки и буквы*. Относительно этого урока нельзя не замѣтить,

что едва ли рaціонально предлагать дѣтямъ разомъ двѣ трудности—различіе между *звуками и буквами*,—и къ чему, при звуковомъ способѣ обученія, знакомить дѣтей въ тоже время съ бугвенными названіями? Составитель предупреждаетъ подобныя замѣчанія и вопросы; онъ дѣлаетъ такую оговорку: во 1-хъ, многія дѣти, поступая, въ школу, знаютъ уже названіе буквъ, а слѣдовательно для такихъ дѣтей необходимо указаніе на различіе этихъ названій отъ самыхъ звуковъ; а во 2-хъ, различіе это проводится дѣтямъ въ сознаніе при разложеніи и письмѣ каждаго новаго слова, слѣдовательно, нечего бояться смѣшенія понятій; въ 3-хъ, наконецъ, все первоначальное обученіе состоитъ собственно только въ упражненіи способности сравнивать и различать признаки предметовъ, а потому и не слѣдуетъ упускать ни одного случая къ такого рода различеніямъ. Въ заключеніе урока дается задача нарисовать дома еще разъ тотъ предметъ, который разсматривали, рисовали въ классѣ.

Четвертый день. *Разложеніе буквъ на отдѣльныя черты и писаніе ихъ, чтенія по печатнымъ буквамъ, которыя выставляются на классной доскѣ, и составленіе изъ нихъ слоговъ и словъ.*

Вотъ возможно—короткій перечень всѣхъ упражненій, входящихъ въ составъ разбираемаго способа, и тотъ порядокъ, какой долженъ соблюдаться при обученіи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и наблюдать слѣдующія замѣчанія относительно *задачъ на домъ и повтореній*: каждый образецъ даетъ поводъ къ домашнимъ работамъ двоякаго рода: *рисованію и письму* по оригиналу и прописи, даннымъ въ книжкѣ. Но очень часто дѣти, посѣщающія начальную школу, не имѣютъ никакой возможности заниматься дома: поэтому, прежде чѣмъ задавать работу на домъ, учитель долженъ принять въ соображеніе, будетъ ли она или мо-

жетъ ли быть исполнена. Если же онъ не увѣренъ въ исполнимости своего требованія, то лучше превратить домашнюю работу въ повторительную классную. »Повтореніе есть мать ученія«, говоритъ пословица; а въ первоначальномъ обученіи оно должно являться не періодически, а *ежедневно*. Каждому новому уроку должно предшествовать краткое повтореніе пройденнаго въ предъидущемъ урокъ; удостовѣрившись посредствомъ вопросовъ въ томъ, что предшествовавшее вполне усвоено дѣтьми, учитель смѣло можетъ идти дальше,—въ противномъ же случаѣ, онъ строитъ зданіе свое на пескѣ.

Не трудно усвоить предлагаемый г. Паульсономъ способъ и овладѣть имъ тому, кто не облылся и не оступилъ, кто сохранилъ еще хоть нѣкоторую долю энергіи и любви къ дѣлу обученія и не лишенъ здраваго смысла. Но составитель способа и не желаетъ, съ другой стороны, стѣснять учителя, если онъ, какъ человѣкъ самостоятельный, не хочетъ рабски слѣдовать всѣмъ указаніямъ его, или не желаетъ ежегодно повторять одно и тоже. Съ этой цѣлю онъ и указываетъ на тѣ видоизмѣненія, какія можно сдѣлать въ его способѣ,—и именно: во 1-хъ, учитель можетъ между данными образцами для чтенія, въ любомъ мѣстѣ, вставлять *новые предметы* и примѣнять къ нимъ тѣже упражненія; такая вставка даетъ преподавателю возможность не только разнообразить свое преподаваніе, но и обучать новыхъ учениковъ вмѣстѣ съ прежде поступившими, не задерживая послѣднихъ, не докучая имъ однообразнымъ повтореніемъ задовъ и не насилуя способности первыхъ; во 2-хъ, учитель можетъ обучать чтенію сперва по однимъ только рукописнымъ буквамъ, а потомъ, возвращаясь къ чтенію словъ по печатнымъ буквамъ, положить въ основу ихъ новые образцы; наконецъ, въ 3-хъ, учитель можетъ сдѣлать совершенно новый выборъ предметовъ, дающихъ болѣе обильный и интересный матеріалъ для бесѣдъ и по нимъ составить совсѣмъ новый учебный курсъ.

Для упражненія въ связномъ и осмысленномъ чтеніи назначены первые четыре отдѣла *»Книжки для чтенія«*, помѣщенной вслѣдъ за *»букваремъ«*. Статьи перваго отдѣла заключаютъ въ себѣ черты изъ *жизни* самихъ *дѣтей*; статьи втораго отдѣла касаются житейскихъ отношеній *между взрослыми*, но такихъ, которыя дѣтямъ болѣе или менѣе извѣстны; въ третьемъ отдѣлѣ изображаются *животныя* въ общеніи и столкновеніи съ людьми, а въ четвертомъ описывается *природа* въ ея различныхъ явленіяхъ. Наконецъ, пятый отдѣлъ содержитъ необходимый матеріалъ для обученія закону Божію и вмѣстѣ съ тѣмъ для перваго церковно-славянскаго чтенія. Предлагаемаго во всѣхъ пяти отдѣлахъ матеріала совершенно достаточно для перваго учебнаго года въ элементарной школѣ. Статьи, вошедшія въ составъ четырехъ отдѣловъ, частію являются въ печати въ первый разъ (такихъ статей около 50, въ томъ числѣ 25 въ стихахъ), частію взяты изъ *»книги для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ«*, составленной тоже І. Паульсономъ (такихъ около 40), наконецъ, частію заимствованы у разныхъ русскихъ авторовъ. Но эти послѣднія, а также статьи взятые изъ *»книги для чтенія«*, большею частію переработаны и приспособлены къ тому возрасту, для котораго назначается *»Первая учебная книжка«*.

Послѣднее слово: *первая учебная книжка* составлена такъ хорошо, разумно, приспособительно къ начальному обученію грамотѣ, что пріобрѣтеніе ея для школъ совершенно необходимо: и способъ *обученія грамотѣ*, по этой книжкѣ, изложенъ такъ ясно, послѣдовательно, наглядно, что тотъ только развѣ не пойметъ его, не овладѣетъ имъ, кто самъ не хочетъ по какимъ бы то ни было причинамъ разстаться съ старыми пріемами и изучить новые. Книжки І. Паульсона, какъ классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ роднаго языка, по достоинствамъ своимъ, могутъ

сравниться только съ учебными книжками въ этомъ же родѣ г. Б. Ушинскаго, а всѣ остальные должны остаться далеко позади ихъ, даже такія, какъ расхваленное многими «Руководство къ обученію грамотѣ» барона Н. А. Корфа и «Руководство для сельскихъ учителей и учительницъ» Вѣры Вахрушевой, которыя разсмотримъ въ слѣдующій разъ.

И. Э — скій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Издана въ Кіевѣ и поступила въ продажу книжка: «Руководство къ начальному обученію — для учителей народныхъ школъ». Содержаніе слѣдующее: 1) Предварительныя понятія (о воспитаніи и обученіи, о дидактикѣ, какъ систематическомъ руководствѣ къ обученію). 2) Общая дидактика: основныя начала обученія, методы обученія и устройство училища, или народной школы. 3) Частная дидактика, или методика народной школы: наглядное обученіе, обученіе чтенію и письму, преподаваніе закона Божія, отечественнаго языка, ариметики, географіи, русской исторіи и церковнаго пѣнія. Руководство составлено вообще приспособительно къ программѣ педагогики, принятой въ духовныхъ семинаріяхъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, выражающими стремленіе дать болѣе ясное, полное и практически примѣнимое развитіе тому, что лежитъ въ основѣ программы. «Руководство» это находится также въ ближайшей связи съ руководствомъ Куртмана, рекомендованнымъ въ учебныхъ программахъ какъ для семинарій, такъ и для училищъ дѣвицъ духовнаго званія. Но многое представлено въ первомъ свѣтѣ и раздѣльнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, ближайшее влияние котораго на изданное вновь «Руководство» ограничивается, впрочемъ, лишь нѣкоторыми главами его. Вообще составители «Руководства», не имѣя притязанія на оригинальность,

заботились о наиболѣе приспособленной къ цѣли своего изданія передачѣ общаго достоянія современной педагогической науки, пользуясь для этого многочисленными педагогическими сочиненіями и статьями какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей ¹⁾). Посвящая свое изданіе учителямъ церковно-приходскихъ и вообще народныхъ школъ, составители видимо старались придать ему и удобства учебника, какъ по внутренней обработкѣ его, такъ и по самому внѣшнему виду, дающему возможность выдѣлять, для болѣе твердаго усвоенія учениками, то, что составляетъ главное и существенное въ каждомъ отдѣлѣ, или параграфѣ.

»Руководство« заключаетъ въ себѣ 311 страницъ убористой печати. Цѣна 50 к. с., съ пересылкою 75 к. с.

¹⁾ Дѣлая ссылки на этихъ писателей, составители »Руководства« присоединили, по мѣстамъ, краткую оцѣнку ихъ сочиненій и цѣны самихъ изданій, такъ что »Руководство« ихъ можетъ служить отчасти и справочною книгою для гг. учителей, желающихъ ознакомиться съ разными другими руководствами по тѣмъ или другимъ предметамъ начальнаго обученія.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТЫХ ПASTYРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- **№ 25** редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. кievской семинаріи.

1869 года. Іюня 8-го.

Содержаніе: Слово на день сошествія Святаго Духа. — Совѣты родителямъ о воспитаніи дѣтей. — О привидѣніяхъ. — Библиографическое извѣстіе.

СЛОВО НА ДЕНЬ СОШЕСТВІЯ СВЯТАГО ДУХА.

Сегодня у насъ большой праздникъ; сегодня святая Церковь торжественно воспоминаетъ то великое событіе, какъ Духъ Святой сошелъ на апостоловъ. Извѣстно, что Спаситель міра не скрывалъ отъ Своихъ учениковъ того, что Онъ избралъ ихъ на дѣло великое, что они должны будутъ совершить это спасительное дѣло въ Его отсутствіи, и, въ прощальной бесѣдѣ съ ними, откровенно говорилъ, что — еще не много — и міръ не увидитъ Его, — »дѣти! не долго уже быть миѣ съ вами«; но въ то же время утѣшалъ ихъ, внушалъ не смущаться, — »не оставляю васъ сиротами« говорилъ Онъ, »приду къ вамъ; Я умолю Отца, и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ« (Іоан. 14, 16). »Утѣшитель же Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ«. И въ послѣднія минуты, предъ вознесеніемъ Своимъ на небо, прямо сказалъ: »И се, Я пошлю обѣтованіе Отца Моего на васъ; вы же

оставайтесь въ городѣ Іерусалимѣ, пока не облечетесь сплою свыше» (Лук. 24, 49). По слову Спасителя, апостолы пребывали въ означенномъ мѣстѣ, *терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи съ женами и Марією Матерію Іисусовою и съ братією Его.*

Не такъ давно еще оставилъ ихъ небесный Учитель, — они живо помнили Его послѣднія слова, живо представляли Его благословляющую руку, Его возносящагося; они всё думали объ одномъ, ожидали одного, — жили однимъ чувствомъ — единодушно терпяще; они молились. Но вотъ настала концевъ ихъ ожиданьямъ, ихъ терпѣнію, — пришелъ тотъ день, въ который должно было исполниться обѣтованіе Спасителя: *быша вси апостоли единодушно вкуупъ... И бысть внезапно съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху спяще. И являхся имъ раздѣлени языцы яко огненни, стѣхъ же на единомъ коемждо ихъ. И исполнихся вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провъщизати* (Дѣян. 2, 1—5).

Это событіе великое и чрезвычайно важное для Церкви Христовой, для всѣхъ вѣрныхъ, христіанъ. Какъ совершилось это великое дѣло и почему оно важно для Церкви Христовой, для насъ православныхъ христіанъ, — объ этомъ побесѣдую сегодня съ вами.

Быша вси апостоли единодушно вкуупъ. Представимъ себѣ это небольшое, пропикнутое одною мыслию, однимъ ожиданіемъ, единодушное общество.

И бысть внезапно съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну и исполни весь домъ, идѣже бяху спяще. И вдругъ занятія этого общества прерываются необыкновеннымъ явленіемъ; неожиданно, — на небѣ не было замѣтно ничего такого, почему можно было бы ожидать грозы, бури, — неожиданно слышать шумъ съ неба, похожій

на тотъ, какой бываетъ при сильныхъ порывахъ вѣтра въ бурю, и этотъ бурный вѣтеръ врывается въ тотъ домъ, гдѣ сидѣли апостолы. Откуда и что?.. Всѣ поражены,— въ страхѣ... Что-то будетъ?

И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни, стѣ же на единоиже ксѣждо ихъ. Вотъ въ чемъ дѣло: къ большому изумленію, неожиданно встревоженнаго, общества, стали видны ему раздѣльно огненные языки. Смущеніе продолжается; предъ ихъ глазами неразгаданное дѣло. Глаза ихъ не обманываютъ, потому что они, какъ только услышали шумъ, были уже готовы къ тому, чтобы видѣть и знать, что за шумъ и откуда онъ; и вотъ, предъ апостолами огненные языки—снуетились на каждого изъ нихъ и сѣли. Это еще не все, — явленіе необычайное и послѣдствія имѣло необычайныя, въ которыхъ и состоитъ сущность событія.

И исполнишася вси Духа Свята и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ далше имъ повѣщавити. Значить, подъ видомъ огненныхъ языковъ—Духъ Святой сошелъ на апостоловъ; и первое, что почувствовали они, какъ только исполнились силы Духа Святаго. это необыкновенное умѣнье говорить разными, неизвѣстными имъ прежде, языками. Спаситель, въ послѣднія минуты предъ вознесе-ніемъ Своимъ, прямо сказалъ, что вѣрующіе въ Него будутъ говорить новыми языками, — *языки возглаголютъ новы* (Марк. 16, 17); теперь—какъ разъ исполнилось Его обѣщаніе. А что дѣйствительно апостолы сейчасъ же стали говорить разными новыми языками, такъ, какъ прежде не умѣли говорить,—то могли провѣрить разные народы, бывшіе въ ту пору въ Іерусалимѣ. Пятидесятый день послѣ пасхи былъ торжественный, праздничный день для іудеевъ, въ память того дня, въ который данъ имъ отцамъ законъ въ Синайской пустынѣ. По этому случаю іудеи изъ

всѣхъ странъ свѣта собралось въ Іерусалимъ для того, чтобы торжествовать этотъ праздникъ. Это множество народа изъ разныхъ странъ было свидѣтелемъ того, какъ неученые галилеяне говорятъ разными языками. Изъ устъ апостольскихъ слышать свою родную рѣчь — парѣе, мидяне, эламиты, живущіе въ Месопотаміи, и проч. (Дѣян. 2, 9—11). Всеобщій ужасъ, недоумѣніе;—другъ къ другу обращаются, хотѣтъ узнать—въ чемъ дѣло. »Что убо хочетъ сіе быти?« спрашивали нѣкоторые,—а иные до того были озадачены, запуганы, что подумали объ апостолахъ, *яко виномъ исполнены суть*, т. е. какъ будто они были пьяны.

Такъ совершилось то великое событіе—сошествіе Св. Духа на апостоловъ, которое мы празднуемъ нынѣ. Чѣмъ же оно важно для Церкви Христовой?

Великая, божественная сила явилась на землѣ, апостолы одѣлись силою свыше, исполнились Духа Святаго. Въ одну минуту совершилось это дѣло, но что послѣ вышло изъ него, какъ послѣ дѣйствовала эта небесная сила Всесвятаго Духа?

Сейчасъ же, какъ только явилась на землѣ, эта все-святая и животворящая сила не замедлила явить себя міру. Проникнутый и возбуждаемый ею апостолъ Петръ съ Іоанномъ возсталъ предъ собравшейся любопытною толпою и началъ свою простую, но могучую проповѣдь. Откуда взялась у него сила, кто далъ ему уста и премудрость? Откуда дерзновеніе и могущество? Служающіе эту проповѣдь умилались сердцемъ; сейчасъ же почувствовали въ себѣ силу и расположеніе дѣлать что нибудь доброе,—»что сотворимъ, мужіе братіе?« спрашивали они апостоловъ—и три тысячи мужей приняли новое ученіе, вступили въ общество новыхъ проповѣдниковъ — сразу три тысячи увѣровали во Христа. Спустя немного послѣ этого, тотъ же апостолъ Петръ съ Іоанномъ сказалъ другую проповѣдь, и увѣровали во Христа

пять тысячъ мужей. А послѣ апостолы разошлись по разнымъ странамъ, вездѣ проповѣдывали ученіе Христово, — вездѣ ихъ принимали, слушали, — принимали проповѣдуемое ими ученіе, принимали вѣру Христову. Какая сила дѣйствовала тутъ? Какая сила поддерживала и укрѣпляла святыхъ апостоловъ, обошедшихъ множество странъ свѣта съ Христовою проповѣдію? Какая сила дѣйствовала, когда проповѣдники творили такіа дѣла, какихъ не можетъ творить — ни самый сильный, ни самый умный, ни самый ученый человѣкъ, т. е. когда творили чудеса? Удивительно, какъ много было чудесъ и знаменій въ первенствующей Церкви не только въ ту пору, когда жили и учили апостолы, но и послѣ нихъ. »Истинные ученики Господа«, пишетъ одинъ отецъ Церкви, »преподають Его именемъ тѣ дары, какіе принялъ каждый изъ нихъ: одни, дѣйствительно и истинно, изгоняють демоновъ, такъ что освобожденные отъ злыхъ духовъ нерѣдко обращаются къ вѣрѣ и пребываютъ въ Церкви, другіе имѣють даръ предвѣдѣнія, прозрѣнія и пророческаго предсказанія; нѣкоторые исцѣляютъ больныхъ, чрезъ возложеніе рукъ, и дѣлають ихъ здоровыми: а иногда воскрешаемы были мертвые и жили съ ними много лѣтъ. Даже что? Нельзя и исчислить даровъ, которые вселенская Церковь получаетъ отъ Бога«. »Мы слышимъ«, говоритъ тотъ же святой отецъ, »что многіе изъ братій въ Церкви имѣють дары пророчества, Святымъ Духомъ говорятъ на различныхъ языкахъ, съ полезною цѣлію обнаруживаютъ сокровенные помыслы людей и изъясняютъ тайны Божіи«¹⁾).

Вездѣ и во всемъ дѣйствовала сила Духа Святаго; дѣйствовала многообразно и видимо, такъ что древніе христіане съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили за дѣйствіемъ этой силы, и всею душою желали получить ее, чтобы и въ нихъ она

¹⁾ Евсев. Церк. истор. кн. 5. гл. 7.

дѣйствовала также, какъ въ избранникахъ Божіихъ. И дѣйствительно, эта небесная, животворящая сила какъ много привлекала вѣрующихъ ко Христу, такъ потомъ и воспитывала, укрѣпляла ихъ въ таинствахъ—крещеніи, миропомазаніи, покаяніи, святомъ причастіи и другихъ. Она возбуждала ихъ къ принятію вѣры Христовой; она поддерживала истинно вѣрующихъ въ ту пору, когда гнали, мучили, терзали ихъ за имя Христова; она освѣжала, укрѣпляла истощенныя силы мучениковъ, когда ихъ жгли, рѣзали, били и мучили разными, неслыханными въ наше время, пытками; укрѣпленные ею мученики пѣли пѣсни во славу Христа въ заключеніи, въ огнѣ, среди самыхъ мученій. Дѣйствіемъ этой силы возбужденные, облеченные ею свыше, нѣкоторые избранные заявляли видимо предъ всѣми свои духовныя дарованія—слагали молитвы Богу, Его Пресвятой Матери, пѣснопѣнія, устроили чинъ и порядокъ истиннаго служенія Богу. Извѣстно, наприм., что на первыхъ порахъ—пѣсни во славу Христа—Бога, молитвы, славословія не были составляемы прежде богослуженія, а во время самаго богослуженія *вдохновлялись свыше* (Римл. 8, 26). Подъ знаменіемъ этой же силы Духа Святаго составилось общество людей, опредѣленныхъ на священно-служеніе Богу, на управленіе дѣлами вѣры и Церкви, законо, вѣчно—въ роды—родовъ. Изволеніемъ того же Духа Св. составлены, опредѣлены и утверждены всѣ истины вѣры православной, которыя мы повѣдуемъ, хранимъ неизмѣнно и вѣрно. Эта сила благодати видимо для всѣхъ проникала всѣ дѣйствія, всю жизнь членовъ Христовой Церкви. Вообще, въ первые времена Христовой Церкви сила Духа Святаго подкрѣпляла христіанъ во всякомъ благомъ дѣлѣ, оживляла ихъ.

Не оскудѣла въ Христовой Церкви животворящая сила Духа Святаго и въ наши времена, хотя мы и не видимъ такого обилія многообразныхъ проявленій ея; и въ наше

время жизнь истиннаго христiанина не ложно освящается ея именемъ, и вѣрующая душа истинно Духомъ Святымъ живится. Наша мать—святая Церковь, какъ непосредственный, чистѣйшій сосудъ-хранительница Его силы, ежегодно, съ самыхъ временъ апостольскихъ, напоминаетъ намъ о томъ великомъ событіи, когда первые члены общества христiанъ—апостолы исполнились Духа Святаго, облечлись силою свыше, и ежегодно приглашаетъ насъ въ свѣтлому торжеству. И нельзя не радоваться живому сочувствію на этотъ святой призывъ въ сердцахъ вѣрныхъ. Вотъ вы съ любовію спѣшите собрать зелень, цвѣтовъ, чтобы сдѣлать праздникъ на душѣ; весело убраете свои дома; въ храмъ ожидаетъ васъ тоже украшеніе, тоже торжество.... Да, бл. христiане, хорошо, если въ насъ сохранилось это простое, чисто дѣтское чувство, если насъ радуетъ и эта зелень, и эти цвѣты—какъ принадлежности праздника; но еще лучше, если при этомъ мы будемъ ощущать въ душахъ своихъ радость отъ присутствiя благодати Божіей, которая подаетъ вся божественныя силы, яже въ животу и благочестію, и даруетъ честная и великая обѣщанiя, да снѣ ради будете Божественнаго причастницы естества (2 Петр. 1, 3. 4). Чтобы сія спасительная благодать св. Духа никогда не отступала отъ насъ, въ простотѣ вѣрующаго сердца, помолимся Господу: »Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа, въ третій часъ апостоламъ Твоимъ ниспославый, Того Благій не отыми отъ насъ, по обновѣ насъ молящихся«. Аминь.

СОВѢТЫ РОДИТЕЛЯМЪ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ¹⁾.

способность чувствованія ²⁾.

Одни только совершенства, безъ всякихъ недостатковъ, представляетъ Высочайшее Существо—Богъ. Люди же все имѣютъ и совершенства и недостатки, и добрыя и дурныя стороны. Впадаетъ иногда въ проступокъ и даже въ преступленіе и самый прекрасный человѣкъ; съ другой стороны, и самый злой, самый преступный человѣкъ не лишень совершенно добрыхъ свойствъ и, при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, дѣлаетъ иногда доброе дѣло. На этомъ—то свойствѣ человеческой натуры и основывается возможность раскаянія и исправленія. Но мы цѣнимъ людей, смотря по тому, преобладаютъ ли въ нихъ добрыя свойства или худыя; первыхъ мы вообще называемъ людьми добрыми, вторыхъ злыми, не обращая при этомъ вниманія на случайныя и рѣдкія проявленія зла въ первыхъ и добра во вторыхъ. Заботливость родителей должна стремиться къ тому, чтобы дѣти ихъ, вырастши, могли примкнуть къ первому разряду людей, т. е. относительно добрыхъ, въ которыхъ добрыя свойства преобладаютъ надъ дурными. И, конечно, чѣмъ въ большей степени цѣль эта будетъ достигнута, т. е. чѣмъ сильнѣе воспитаніе укрѣпитъ въ дѣтяхъ преобладаніе добрыхъ свойствъ надъ дурными, тѣмъ будетъ лучше и для самихъ родителей, и для дѣтей, и для того общества, въ которомъ они будутъ жить, и тѣмъ согласнѣе будетъ дѣятельность родителей съ закономъ Божиимъ. Какъ же достигнуть этой цѣли?

»Строй нашей духовной жизни образуется подъ вліяніемъ тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя дѣйствовали на насъ съ малолѣтства, во все время нашей юности—время, въ которое мы воспитываемся, т. е. въ которое развиваются наши духовныя силы. Если человѣкъ съ малолѣтства окруженъ былъ добрыми примѣрами, если родители обходились съ нимъ крѣпо, челолюбиво и старались возбудить въ немъ

добрыя наклонности, то въ немъ съ малолѣтства образуется пріятное и доброе душевное настроеніе. Если же человекъ въ дѣтствѣ видѣлъ вокругъ себя дурныя примѣры и привыкъ подражать имъ, если съ нимъ обходились жестоко и не заботились о добромъ воспитаніи его, то, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, въ немъ образуется злое, враждебное людямъ душевное¹⁾. Въ этихъ словахъ указано основаніе для дѣятельности родителей, желающихъ, чтобы въ дѣтяхъ ихъ добрыя свойства получили преобладаніе надъ дурными. Если мы желаемъ возрастить и укрѣпить въ дѣтяхъ какое-нибудь чувство (напр. любовь къ ближнимъ), то и сами должны постоянно обнаруживать это чувство, какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и ко всѣмъ окружающимъ насъ. И наоборотъ, если мы желаемъ, чтобы извѣстное чувство не развивалось въ дѣтяхъ, то и сами никогда не должны обнаруживать предъ ними этого чувства. Если мы, такимъ образомъ, будемъ дѣйствовать строго-систематически, по возможности, никогда неуклоняясь отъ этого правила, то цѣль нашей воспитательной дѣятельности будетъ достигнута вѣрно, насколько вообще могутъ быть вѣрны дѣла человѣческія. Каждый добрый родитель естественно желаетъ и въ своихъ дѣтяхъ развить добрыя свойства, сдѣлать ихъ добрыми людьми. Чтобы вѣрно достигнуть этой цѣли, нужно начать заботиться о достиженіи ея съ самыхъ первыхъ дней жизни дитяти. А такъ какъ первымъ, по времени, проявленіемъ духовной жизни дитяти служитъ общее чувство удовольствія и неудовольствія, образующееся въ немъ подъ вліяніемъ пріятныхъ или непріятныхъ внѣшнихъ впечатлѣній²⁾, то первая забота родителей и должна состоять въ томъ, чтобы

¹⁾ См. «Руководство д. с. п.» 1868 г. № 31, стр. 470.

²⁾ Тамъ же стр. 466.

постоянно поддерживать въ дитяти чувство удовольствія, радостное и спокойное настроеніе. Въ этомъ отношеніи, конечно, всего болѣе можетъ сдѣлать *мать*, своимъ нѣжными заботами о спокойствіи и удобствахъ дитяти. Такимъ образомъ, уходъ за маленькими дѣтьми, имѣющій, по видимому, одну внѣшнюю цѣль, именно сохраненіе ихъ тѣла въ чистотѣ и опрятности, на самомъ дѣлѣ имѣетъ важное воспитательное значеніе. Въ дитяти заброшенномъ, съ которымъ обращаются небрежно и грубо, которое постоянно лежитъ въ нечистотѣ, и отъ того кричитъ и мучится,—въ такомъ дитяти, уже съ первыхъ мѣсяцевъ жизни, зарождается злое чувство, чувство недовольства и непріязни. Напротивъ, если, при нѣжномъ и заботливомъ уходѣ, въ дитяти всегда поддерживается свѣтлое и радостное настроеніе, то это доброе настроеніе, мало по малу, незамѣтно укрѣпляется въ немъ и полагается въ основаніе всего строя его духовной жизни. И въ этомъ отношеніи нельзя положить предѣла нѣжности и заботливости матери: чѣмъ больше съ ея стороны нѣжности, тѣмъ болѣе нѣжнымъ становится и чувство дитяти. Замѣнить мать, въ этомъ случаѣ, не можетъ никакая другая женщина, которая не носила это дитя подъ сердцемъ своимъ и не терпѣла мукъ при его рожденіи. Для всякой другой женщины уходъ за дитяти представляетъ только грязную сторону, возбуждающую брюзгливость, и какъ бы она ни была добросовѣстна въ исполненіи своихъ обязанностей, все-таки она смотритъ на нихъ, какъ на неизбѣжное зло. Только мать можетъ имѣть въ дитяти ту неподдѣльную нѣжность и безпредѣльную любовь, которая заставляетъ ее всѣмъ пожертвовать для блага дитяти, и которая незамѣтно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжно, переливается и въ сердца дитяти.

Вслѣдствіе этого, воспитаніе тѣхъ дѣтей, которые, съ первыхъ мѣсяцевъ своей жизни, лишены бывають нѣжнаго

материнскаго ухода, не имѣть своего естественнаго корня, и съ трудомъ можетъ быть направлено добрымъ образомъ.

Образовавшееся въ дитяти, съ первыхъ дней дѣтства, свѣтлое настроеніе духа, основанное на чувствѣ довольства и спокойствія, должно быть поддерживаемо въ немъ и во все время дѣтства. Орудіемъ для этого также служить любовь матері: и радостное настроеніе ея духа. Никакое проявленіе гнѣва, досады, вражды, со стороны матери, къ кому бы то ни было, не должно смущать юную душу дитяти. При немъ мать всегда должна быть спокойна, довольна, весела и нѣжна. Это не легко для матери среди непрерывныхъ житейскихъ тревогъ, волненій и заботъ; но пусть она помнитъ, что только этимъ путемъ она можетъ развитъ и укрѣпить въ дитяти чувство довольства, спокойное и мирное настроеніе духа. А именно такое свѣтлое и мирное настроеніе духа лежитъ въ основѣ всѣхъ добрыхъ свойствъ человѣка. И лютый звѣрь, когда онъ спокоенъ и доволенъ всѣмъ, наклоненъ бываетъ къ благодушію, и снисходительно относится къ тѣмъ бѣднымъ животнымъ, которыхъ, въ минуты недовольства и волненія, онъ безпощадно разрываетъ. Конечно, человѣкъ можетъ сдерживать свои злые порывы, и въ этомъ выражается сила и крѣпость духа. Но только тотъ воистинѣ добръ, въ комъ постоянно господствуетъ свѣтлое, мирное и спокойное настроеніе духа. И это-то коренное настроеніе духа образуется въ человѣкѣ въ годы дѣтства, подъ вліяніемъ преимущественно материнской любви и нѣжности. А какъ сильно дѣйствуетъ на человѣка, даже въ зрѣлые годы его жизни, нѣжнѣе, вѣжнѣе и, по видимому, слабое вліяніе материнской любви, показываетъ, между прочимъ, одинъ примѣръ изъ римской исторіи. Коріоланъ, оскорбленный своими соотечественниками, рѣшился истребить, свой родной городъ. Но вліяніе матери оказалось сильнѣе твердости его ожесточеннаго духа и, по просьбѣ ея, онъ

отказался отъ своего жестокаго наміренія. Такъ, съ нѣжныхъ лѣтъ дѣтства, вліяніе материнской любви простирается на всю жизнь человѣка и отражается въ самыхъ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ его жизни.

Отецъ, равно и другіе люди, имѣющіе вліяніе на воспитаніе дѣтей, должны обращаться съ ними такъ же, какъ мы указали для матери. О ней одной мы говорили потому, что, въ первое время дѣтства, когда образуется основное настроеніе духа дитяти, мать имѣетъ на него самое сильное вліяніе. Но любовь и нѣжность къ дитяти не должна прѣступать за черту справедливости и превращаться въ баловство и ложную снисходительность. Если мы стараемся предупредить малѣйшія желанія дитяти, при каждомъ крикѣ дитяти бросаемся къ нему съ своими услугами, не даемъ ему свободно пошевелиться, опасаясь, чтобы оно не повредило себѣ чѣмъ нибудь, то мы воспитываемъ разслабленное, изнѣженное и капризное дитя. Дитя необходимо заставлятъ по немногу кричать, чтобы развить и укрѣпить его грудь (легкія), нужно постепенно приучать переносить непріятныя впечатлѣнія, чтобы развить въ нихъ мужество и твердость духа, и не слѣдуетъ исполнять всѣ его желанія, чтобы приучить его къ сдержанности и самообладанію. Особенно необходимо избѣгать *испослѣдовательности* въ обращеніи съ дѣтями. Чего разъ мы ему не дали, того уже и не слѣдуетъ давать, что разъ запретили ему дѣлать, того уже и не слѣдуетъ позволять дѣлать. Вообще отъ сдѣланныхъ по отношенію къ дитяти требованій, приказаній и запрещеній не слѣдуетъ отказываться; если родители хотятъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей что либо доброе, они должны дѣйствовать настойчиво и систематически. А для того, чтобы не быть вынужденнымъ отказаться отъ своихъ требованій и приказаній, вслѣдствіе ихъ ошибочности, родители должны тщательно обдумывать каждое слово и приказаніе, обращен-

носъ къ дѣтямъ. Воспитаніе не шутка, напротивъ, самое главное дѣло въ жизни родителей, самая священная цѣль супружества; и если гдѣ нужна строгая обдуманность и полная сознательность въ дѣйствіяхъ, то всего болѣе въ воспитаніи дѣтей, потому что здѣсь мы образуемъ человѣка, который или прославить, или сдѣлаетъ ненавистнымъ наше имя, за котораго мы дадимъ отвѣтъ и людямъ, и Богу, потому что на добромъ воспитаніи дѣтей основывается благосостояніе общества. Но особенно вредно дѣйствуетъ на воспитаніе дѣтей *несогласіе въ дѣйствіяхъ отца и матери*. Если отецъ излишне строгъ и взыскателенъ, а мать излишне снисходительна и нѣжна, то въ дитяти не можетъ образоваться твердаго и постояннаго направленія духовнаго, напротивъ, оно будетъ постоянно бросаться изъ одной крайности въ другую: страхъ и сдержанность въ присутствіи отца будетъ вознаграждать крайней распущенностью въ присутствіи одной матери,—и это двоедушіе останется въ немъ на всю жизнь. Если же, противъ справедливой строгости отца, дитя будетъ находить убѣжище и защиту въ излишней слабости и снисходительности матери, то оно съ малолѣтства пріучится къ безнаказанности проступковъ и преступленій и къ возможности, посредствомъ ласкательства и притворнаго смиренія и униженія, избѣгать заслуженной кары справедливости. Вообще, если гдѣ въ супружеской жизни, то особенно къ этой важнѣйшей сторонѣ ея—въ воспитаніи дѣтей отецъ и мать должны составлять одно существо и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ.

П. Р.

О ПРИВИДѢНІЯХЪ.

(МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ).

Въ числѣ суевѣрій, доселѣ тяготѣющихъ надъ массою простаго народа, едва ли не самое видное мѣсто занимаетъ вѣра въ привидѣнія, — въ явленія духовъ и душъ умершихъ людей, представляющіяся человѣческому взору въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ обыденной жизни простонародья то и дѣло слышатся рассказы о томъ, какъ одному представилось какое нибудь неземное страшное лице, другому явилась тѣнь его умершаго родственника, третьему, въ какомъ нибудь замысловатомъ образѣ, явился домовой, водяной, и т. п. Случается, что рассказъ о какомъ нибудь привидѣніи долгое время занимаетъ всѣхъ жителей селенія, подобно эпидеміи заражая умы и стараго, и малаго. Все это хорошо извѣстно всякому, кто стоитъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ простому народу. Съ другой стороны, вѣра въ привидѣнія едва ли не замѣтиѣ другихъ суевѣрій и по своему вредному вліянію на народъ. Грустные факты такого вліянія предъ всѣми на лицо: вѣра въ привидѣнія держитъ народъ въ какомъ-то паническомъ страхѣ, заставляетъ его трепетать предъ самыми обыкновенными предметами, бываетъ причиною сильнаго испуга, надламывающаго самую свѣжую и здоровую жизнь, производитъ душевные расстройства, и т. п. А сколько вносится этимъ суевѣріемъ антирелигіозныхъ понятій въ духовную жизнь народа, — объ этомъ нечего и говорить; дѣло ясно само по себѣ. Поэтому вѣра въ привидѣнія едва ли не болѣе другихъ суевѣрій должна вызывать противъ себя строгое осужденіе сельскихъ пастырей; предлагаемъ, съ своей стороны, нѣсколько замѣтокъ, которыми священникъ можетъ воспользоваться, какъ матеріаломъ, въ бесѣдахъ съ прихожанами о привидѣніяхъ.

Кто, по мѣтнію народа, является людямъ въ тѣхъ образахъ, какіе, обыкновенно, называются привидѣніями? Нечистый духъ, умершіе родственники, близкіе знакомые, го-

но много опытовъ явленія злыхъ духовъ. Первое, пзвѣстнѣйшее и самое зловредное для человѣка явленіе діавола — это то, когда онъ явился къ первой женѣ Евѣ и искушалъ ее. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, находясь послѣ Своего крещенія въ пустынѣ, подвергался искушенію діавола. Въ исторіи христіанской Церкви еще болѣе примѣровъ явленія злыхъ духовъ людямъ. Святой священномученикъ Кипріанъ самъ рассказываетъ о себѣ слѣдующее: »повѣрьте миѣ«, говоритъ онъ, »я видѣлъ самаго діавола; свиданіе съ нимъ я вымолилъ у него многими жертвоприношеніями; встрѣтившись съ нимъ, я обнималъ и лобызалъ его, и наслаждался бесѣдами его и почтениѣйшихъ его служителей«¹⁾. Святой Теофилъ, бывши эконѣмомъ соборной церкви въ городѣ Аданнѣ, также нѣсколько разъ имѣлъ свиданіе съ діаволомъ, разговаривалъ съ нимъ, произносилъ предъ нимъ отреченіе отъ Христа, дружески жалъ ему руку, и также обнималъ и лобызалъ его²⁾. Эти примѣры, равно какъ и множество другихъ, достаточно уясняютъ ту истину, что злые духи могутъ являться людямъ, но только какъ? прежде всего, не сами по себѣ, не по своей собственной волѣ, но по допущенію Божію, а во вторыхъ—не для какихъ нибудь пустыхъ цѣлей, не для того, напр., чтобы только запугать людей, а всегда для того, чтобы или испытать въ людяхъ твердость вѣры въ Бога, или поколебать въ нихъ преданность волѣ Божіей и т. п. Равнымъ образомъ, могутъ являться людямъ и души умершихъ. Вѣра въ явленіе отшедшихъ душъ живущимъ на землѣ людямъ была всеобщою вѣрою ветхозавѣтной церкви. Царь Саулъ обращается къ волшебницѣ Азидорской и проситъ ее вызвать тѣнь Самуила; Самуилъ явился и говорилъ съ Сауломъ. Во второй книгѣ Маттѣевской рассказывается слѣдующее:..в. время сраженія Іуды Ма-

¹⁾ Четыи минецъ мѣсяца октября 2-й день. ²⁾ Тамъ же мѣсяца іюня 23-й день.

кавея съ Тимофеемъ, начальникомъ сирійскаго войска, явились вдругъ пять мужей; они были на богато-убранныхъ лошадяхъ, и стали во главѣ сирійскаго войска. Двое изъ этихъ мужей неотступно сопровождали Іуду Маккавея въ битвѣ, и своимъ оружіемъ защищали его, а на враговъ его метали стрѣлы молніи, и такимъ образомъ, ослабляли ихъ и устрашали. Эти пять всадниковъ, которые сражались за изманытянъ, были, очевидно, Маттавія, отецъ Іуды, и четыре его сына, всѣ, въ это время, уже умершіе. Іисусъ Христосъ не говорилъ ничего такого, изъ чего можно бы заключить, что онъ не одобрялъ вѣрованій іудеевъ; напротивъ, Онъ ясно училъ, что души умершихъ могутъ возвращаться въ міръ, являться людямъ и говорить съ ними. Въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ Онъ говоритъ, что богачъ, находясь въ адскихъ мученіяхъ, проситъ Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тотъ предостерегъ его братьевъ отъ опасности подвергнуться тому ужасному состоянію, въ какомъ онъ самъ находился. Святые отцы и учителя церкви также утверждаютъ истину явленія душъ усопшихъ живущимъ на землѣ людямъ. Вопросъ остается только тотъ, при какихъ опять условіяхъ души умершихъ людей могутъ являться живымъ людямъ, —являются ли они сами по себѣ, для какихъ нибудь мелочныхъ цѣлей, какъ это представляется въ различныхъ народныхъ разсказахъ, являются ли во всякое время, болѣе или менѣе часто, или рѣдко? На эти вопросы ученіе Церкви отвѣчаетъ намъ, что души умершихъ являются и могутъ являться на землю не по своей собственной волѣ, а не иначе, какъ только по повелѣнію и допущенію Божию. Если бы они могли являться по своему собственному произволу, въ такомъ случаѣ ихъ явленія были бы гораздо чаще, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ; въ такомъ случаѣ мало нашлось бы между ними такихъ, которые бы не стали появляться на землю по разнымъ

личнымъ побужденіямъ, изъ побужденія, напр., родственнаго чувства, изъ желанія свидѣться съ своими ближними. Евангельскій богачъ непременно посѣтилъ бы своихъ братьевъ, чтобы извѣстить ихъ о той несчастной участи, какая постигла его въ загробной жизни. Но Богъ, по Своему милосердію и всемогуществу, позволяетъ являться душамъ усопшимъ только очень рѣдко. Главная цѣль, для которой являются души усопшихъ,—та, чтобы открыть живущимъ на землѣ сокровенное и будущее, предостеречь ихъ отъ несчастій, могущихъ встрѣтиться въ жизни настоящей и будущей, и вообще такъ или иначе возвѣстить имъ милосердіе Божіе. Съ другой стороны, опытъ показываетъ, что христіанскія души являются часто за тѣмъ, чтобы просить совершенія за нихъ безкровной жертвы, раздачи милостыни, или путешествія по святымъ мѣстамъ, или же за тѣмъ, чтобы побудить живыхъ къ добродѣтели, къ исправленію поведенія, и вообще къ богоугодной жизни. Часто они, при своемъ появленіи, сообщаютъ о томъ состояніи, въ какомъ умершіе находятся въ другой жизни, рассказываютъ объ адѣ, о добрыхъ и злыхъ ангелахъ, о строгости суда Божія надъ грѣшниками и о милосердіи Божіемъ къ праведникамъ. Таковы признаки, какими сопровождается явленіе на землѣ душъ отшедшихъ людей. Теперь сообразите вотъ что: явленія злыхъ духовъ и душъ умершихъ людей, о которыхъ существуетъ въ средѣ васъ такое множество рассказовъ, похожи ли на тѣ явленія, какія ясно утверждаются и словомъ Божіимъ, и ученіемъ Церкви? О, какая великая разница! Всѣ ваши рассказы представляютъ только одно смѣшное, хотя и паводятъ страхъ. По этимъ рассказамъ, злые духи и умершіе люди являются, по большей части, для того, чтобы запугать боязливыхъ какими нибудь чудовищными образами, издаютъ какіе нибудь неестественные звуки, предъявляютъ какія нибудь грубыя и глупыя требованія, являют-

ся часто за тѣмъ, чтобы поѣсть и попить, и т. п. Вообще ни одинъ изъ этихъ разсказовъ не представляетъ тѣхъ признаковъ, какими сопровождаются истинныя явленія духовъ и душъ умершихъ. Напротивъ, и я, и вы, и всякій другой непременно должны сознаться, что въ нихъ все, отъ начала до конца, отъ причинъ до слѣдствій, прямо противорѣчитъ ясному ученію Церкви. А если такъ, то можно ли вѣрить этимъ разсказамъ? Вы знаете, напр., какую нибудь вещь, знаете ея признаки, перемѣны, какія могутъ съ ней случиться; и если бы вдругъ кто нибудь сталъ разсказывать вамъ, что онъ видѣлъ ту же самую вещь совсѣмъ съ другими признаками, и при томъ такими, какихъ никакъ не можетъ приписать ей здравый разумъ,—то вы, конечно, не повѣрили бы ему, сочли бы его лгуномъ и т. п. Зачѣмъ же вы вѣрите разсказамъ о какихъ-то страшныхъ и чудовищныхъ явленіяхъ духовъ и душъ умершихъ, когда вы видите, что эти явленія совсѣмъ не похожи на тѣ, какія передаетъ намъ слово Божіе, заключающее въ себѣ чистую истину, когда здѣсь такъ очевидна нелѣпость, такъ замѣтенъ обманъ?

Знаю, что противъ словъ моихъ, могутъ, напр., сказать мнѣ: откуда же взялось такое множество народныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ? ужели въ основаніи ихъ нѣтъ никакой дѣйствительности? неужели всѣ люди разсказываютъ только то, чего никогда не бывало? Многіе скажутъ, пожалуй, что имъ самимъ являлись привидѣнія, что они собственными глазами видѣли ихъ, собственными ушами слышали ихъ неземные звуки. Но тѣмъ не менѣе и отъ такихъ возраженій вѣра въ дѣйствительность привидѣній нисколько не выигрываетъ. Причины, породившія безчисленное множество разсказовъ о привидѣніяхъ, такого рода, что никакъ не говорятъ въ пользу дѣйствительности привидѣній, какъ явленій духовъ и душъ умершихъ. Тѣ явленія, какія, можетъ быть, видали многіе и какія обыкновенно назы-

ваются привидѣніями, далеко не то въ своей сущности, чѣмъ считаютъ ихъ. Разсмотримъ все это нѣсколько подробно.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: явленія духовъ, такъ часто запугивающія простой народъ, не продолжи ли ловкихъ плутовъ, придуманные ими для своихъ цѣлей, не обманы ли искусныхъ фокусниковъ, которые, изучивши хорошо нѣкоторыя особенныя явленія природы, придавали, въ темныя времена невѣжества, этимъ естественнымъ явленіямъ чудесный смыслъ, возбуждая въ умахъ зрителей суевѣрный страхъ и трепетъ? Въ такомъ вопросѣ есть доля правды. Извѣстно, что въ глубокой древности языческіе храмы были полны лжи и обмана: языческіе жрецы, люди сравнительно образованные, изучивши законы природы, производили явленія, извѣстныя теперь подъ именами физическихъ опытовъ, или, пожалуй, фокусовъ, и выдавали ихъ суевѣрной толпѣ за явленія силы божественной—за чудеса. Человѣкъ смотрѣлъ на эти явленія, и, не умѣя объяснить ихъ, младенчески вѣровалъ въ ихъ сверхъестественное происхожденіе. Здѣсь человѣкъ былъ жертвою глубокообдуманнаго и ловко рассчитаннаго обмана. Ему покажутъ, наприм., при помощи простыхъ вогнутыхъ зеркалъ, какую либо фигуру, или образъ, но покажутъ не простымъ, обыкновеннымъ образомъ, когда бы человѣкъ могъ хладнокровно разсудить о причинахъ такого явленія;—нѣтъ, покажутъ послѣ долгихъ молитвенныхъ возгласовъ, послѣ сожженія безчисленныхъ жертвъ и разнообразныхъ куреній, когда у зрителя, въ облакахъ дыма, голова отуманена, нервы раздражены, когда ему и безъ того видятся видѣнія, и слышатся какіе-то особые звуки. Послѣ этого, когда явится опредѣленная фигура, толпа падаетъ предъ нею, пораженная благоговѣйнымъ страхомъ.—Исторія жреческихъ обмановъ, въ измѣненной только формѣ, повторилась въ средніе вѣка,

когда человекъ младенчески вѣровалъ во все чудесное, таинственное. Въ это мрачное время явился цѣлый классъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ колдуновъ, вѣдьмъ, ворожей и прорицателей. Такіе люди пріобрѣтали громадную извѣстность. Они пользовались именами—вызывателей тѣней мертвыхъ, заклинателей темныхъ духовъ. Народъ вѣровалъ имъ, слушалъ ихъ,—и вотъ, подъ вліяніемъ подобныхъ людей, начинаютъ слагаться народныя легенды о заколдованныхъ мѣстахъ, о проклятыхъ замкахъ, гдѣ являются привидѣнія, домовые, мертвецы, и т. п. Къ числу людей, усердно служившихъ распространенію суевѣрій и предрасудковъ, нужно отнести также средневѣковыхъ ученыхъ, такъ-называемыхъ алхимиковъ и астрологовъ. Эти люди шли къ истинѣ, искали ее вездѣ, но ихъ слабый, дѣтскій умъ плохо справлялся съ тѣми тайнами, которыя на каждомъ шагу подставляла ему природа. Средневѣковый ученый путался въ области этихъ неразрѣшенныхъ таинъ, и проповѣдывалъ чудеса. Тайнственность, какою прикрывали образъ жизни этихъ ученыхъ, ихъ уединенные кабинеты, загроможденные плавильнями, рѣдкими растеніями, засушенными чучелами, ихъ таинственныя книги, понятныя только немногимъ избраннымъ,—все это распространяло въ народѣ суевѣрную боязнь предъ этими учеными. Да и самъ ученый, съ его желтою фізіономіею, впалыми глазами, безпорядочною одышкою, казался для простолюдина чѣмъ-то выше обыкновеннаго человека, какимъ-то выходцемъ другаго міра. И вотъ досужее воображеніе пользовалось всякимъ поводомъ, чтобы создать какой нибудь фантастическій рассказъ о посѣщеніи этого ученаго темною, нечистою силою, о чудесахъ, происходившихъ въ его одинокомъ, таинственномъ кабинетѣ. А о смерти этого ученаго всегда ходили рассказы болѣе или менѣе чудеснаго характера; здѣсь всегда являлись духи, борятся между собою за душу ученаго,

и т. п. Такимъ образомъ глубокая древность и средніе вѣка представляютъ обильный источникъ для разсказовъ о привидѣніяхъ. И дѣйствительно, большая часть этихъ разсказовъ сложились въ это именно время, богатое всякаго рода чудесами, обязанными своимъ происхожденіемъ совершенному невѣжеству, съ одной стороны, и намѣренному обману, съ другой. Это, можно сказать, первая и самая обыкновенная причина существованія разныхъ повѣрій о явленіяхъ духовъ, привидѣній, домовыхъ, и т. п.

Съ разсказами о привидѣніяхъ, возникшими на почвѣ древняго жреческаго и средневѣковаго обмана, имѣютъ близкую связь и многіе изъ разсказовъ, сложившихся въ недавнее время, на нашихъ глазахъ. Ловкіе плуты, шарлатаны, шалуны, пользуясь народною вѣрою въ привидѣнія, очень часто разыгрываютъ роль духовъ и людей умершихъ, одѣваясь въ какія нибудь одежды, большею частію, въ бѣлый саванъ, и замышляя другія запугивающія средства. Подобнаго рода обманъ легко можетъ быть обнаруженъ, лишь бы у тѣхъ, кому является привидѣніе, достало побольше смѣлости. Въ одной деревнѣ, въ извѣстные дни года, именно предъ праздникомъ всѣхъ святыхъ, изъ стараго помѣщичьяго замка выходило огромное пламя и дымъ, и слышны были страшный крикъ и вой. Вся деревня говорила объ этихъ явленіяхъ, и каждый разукрашивалъ ихъ по своему. Общее же убѣжденіе было то, что эти явленія — дѣйствіе злаго духа. Владѣтель замка, человекъ нисколько не суевѣрный, захотѣлъ обнаружить обманъ, и съ этой цѣлью, предъ праздникомъ всѣхъ святыхъ, отправился въ замокъ съ двумя своими друзьями, твердо рѣшившись преслѣдовать духа и стрѣлять въ него изъ двухъ пистолетовъ. Спустя нѣсколько дней послѣ ихъ прибытія, послышался сильный шумъ надъ той комнатою, гдѣ помѣстился владѣтель замка; и оба его друга полѣзли на чердакъ съ пистолетами въ одной и съ

свѣчами въ другой рукѣ. Тутъ они увидѣли черное привидѣніе съ рогами и длиннымъ хвостомъ; привидѣніе стало прыгать туда и сюда. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета; вмѣсто того, чтобы упасть, привидѣніе стало уходить. Его хотѣли было ухватить, но оно вскочило на маленькую лѣстницу, ведущую въ амбаръ, и вдругъ исчезло. Человѣкъ суевѣрный, видя такія чудеса, упалъ бы въ обморокъ; но настоящіе изслѣдователи привидѣнія были не таковы. Они внесли въ амбаръ свѣчи и увидѣли, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылось привидѣніе, находилась потаенная дверь въ погребъ, которая запиралась изнутри. Дверь была сломана, и мнимый духъ найденъ. Онъ сознался во всѣхъ своихъ продѣлкахъ. Отъ выстрѣловъ спасла его буйволоова кожа, которою было обтянуто все его тѣло. Подобнымъ образомъ могутъ быть разоблачены и многія другія привидѣнія.

Но объяснять всѣ привидѣнія съ одной и тойже точки зрѣнія совершенно нельзя. Безспорно, что въ каждомъ изъ нихъ человѣкъ бываетъ жертвою своего собственного обмана. Прежде всего насъ можетъ обманывать наше собственное воображеніе. Припоминая какой нибудь предметъ, или какое нибудь лицо, давно нами видѣнное, мы можемъ какъ бы видѣть его предъ собою. Дѣло въ томъ, что образъ этого предмета, или лица, нарисованный воображеніемъ, передается отъ мозга сѣтчатой плевѣ глаза, посредствомъ нервного волокна, которое въ это время не можетъ воспринимать дѣйствительныхъ предметовъ, находящихся вокругъ насъ. Это можетъ быть съ человѣкомъ, нисколько не суевѣрнымъ, у котораго притомъ и воображеніе нисколько не разстроено. Человѣку же суевѣрному и притомъ съ разстроеннымъ воображеніемъ могутъ представляться такія явленія, рисоваться такія картины, какихъ въ дѣйствительности не бываетъ. Лежа, напр., во время сна навзничъ, въ комнатѣ,

наполненной испарениями, особенно во время грозы, мы чувствуемъ давленіе въ груди, которое есть ничто иное, какъ приливъ крови, зависящій отъ указанныхъ причинъ, или условій. Человѣкъ же съ воображеніемъ, воспитаннымъ въ суевѣріи, думаетъ, что это душитъ его нечистый духъ. Онъ даже рисуетъ предъ собою образъ страшнаго человѣка, который хочетъ броситься на него и душить. Чтобы отдѣлаться отъ привидѣнія, онъ начинаетъ читать молитвы; привидѣніе чрезъ нѣсколько времени исчезаетъ, но отъ чего? просто отъ того, что кровь, прилившаяся къ груди и головѣ и возбуждившая мозгъ, приходитъ въ нормальное состояніе. Часто даже кошмары и сонныя грезы были принимаемы за явленія дѣйствительныя. Какъ часто картины разстроеннаго воображенія могутъ быть принимаемы за явленія дѣйствительныя! Это тѣмъ возможнѣе, что и въ самомъ устройствѣ нашего организма есть благопріятствующія тому условія. Созданіе воображенія, переданное сѣтчатой плевѣ глаза, представляется какъ бы дѣйствительно существующимъ, закрывающимъ дѣйствительные предметы потому, что нервное волокно, занятое образомъ воображаемаго существа, не можетъ воспринимать и передавать нашему взору дѣйствительныхъ предметовъ.

Другія, находящіяся въ нашей личности, причины, развивающія вѣру въ явленія привидѣній, заключаются въ разстройство нашего организма, и чаще всего въ разстройство желудка. Здѣсь дѣло вотъ въ чемъ: при разстройствѣ нашей желудочной системы, въ насъ напряженно дѣйствуетъ система нервная, или мозговая. Отъ этой напряженной дѣятельности въ нашей головѣ возникаютъ самыя дикія картины и видѣнія. Въ здоровомъ состояніи мы сочли бы эти картины за произведеніе воображенія, а теперь мы придаемъ имъ характеръ дѣйствительности, потому что, съ разстройствомъ желудка, у насъ разстраиваются и нерв-

ныя волокна, посредствомъ которыхъ мы получаемъ впечатлѣнія дѣйствительныхъ предметовъ, и вслѣдствіе этого міръ дѣйствительный для насъ какъ бы закрывается. Все это каждый можетъ испытать на себѣ, не употребляя пищи по нѣскольку дней сряду. Тоже самое можетъ случиться съ нами, если мы разстроимъ желудокъ принятіемъ какого нибудь ядовитаго вещества. Разстройство этого рода имѣетъ влияние на слѣдующую плеву нашего глаза и вслѣдствіе этого процессъ зрѣнія значительно измѣняется. Потому-то принявъ внутрь бѣлену, дурманъ, и т. п., какъ помѣшанные, считаютъ извѣстный предметъ не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, лошадей, напр., считаютъ людьми, домъ-огородами, и т. п.

Но чаще всего явленія нечистой силы, домовыхъ, привидѣній и мертвецовъ бываютъ слѣдствіемъ обмана нашихъ собственныхъ чувствъ—глаза и уха. Всякому извѣстно, что большая часть духовъ, домовыхъ, привидѣній, и проч., являются непремѣнно ночью, и притомъ не въ совершенной темнотѣ, а въ полусвѣтѣ, когда глазъ нашъ можетъ различать предметы, но только неясно, неопредѣленно. Пугала эти являются неперемѣнно въ бѣлыхъ мѣстахъ. Мѣстами ихъ явленій бываютъ обыкновенно: кладбища, лѣсъ, садъ, или вообще какое нибудь уединенное мѣсто. Въ такихъ уединенныхъ мѣстахъ мы, обыкновенно, не знаемъ хорошо расположенія предметовъ, а глазъ нашъ въ такомъ полусвѣтѣ не можетъ различать ихъ, и потому, съ перваго взгляда, предметы эти намъ покажутся какими-то незнакомыми, странными. При большемъ усилии разсмотрѣть эти предметы, зрачекъ нашего глаза необыкновенно расширяется, чтобы собрать какъ можно болѣе свѣта, а при такомъ напряженномъ состояніи естественно, что зрительные нервы приходятъ въ раздраженное состояніе, въ глазѣ чувствуется боль, сотрясеніе. Отъ этого сотрясенія всѣ окружающіе предметы представляются намъ тоже

въ неспокойномъ состояніи, — они колеблются, движутъ своими частями. Эти движенія предметовъ еще болѣе усиливаются отъ того обстоятельства, что въ полутемнотѣ глазъ нашъ различаетъ хорошо только одинъ цвѣтъ — бѣлый, отъ этого всѣ освѣщенныя черты въ предметѣ мы видимъ хорошо, а черты темныя, неосвѣщенныя, то являются, то исчезаютъ для нашего глаза. Представьте же себѣ человѣка суевѣрнаго, робкаго, слышавшаго въ дѣтствѣ множество разсказовъ о чудесахъ разнаго рода; представьте, что этотъ человѣкъ поставленъ въ такое уединенное мѣсто, въ среду такихъ незнакомыхъ предметовъ. Вдругъ предметы эти начинаютъ двигаться, кружиться. Воображеніе, въ эту минуту, работаетъ очень сильно и дорисовываетъ картину: неяснымъ чертамъ оно сообщаетъ опредѣленный образъ, иногда въ высшей степени фантастическій. И вотъ испуганному зрителю, вѣсто могильныхъ крестовъ, вѣсто развѣсистыхъ деревьевъ, представляются цѣлыя сотни живыхъ существъ, страшныхъ до уродливости, въ различныхъ положеніяхъ и одеждахъ, и все это снуетъ взадъ и впередъ, движется безъ всякой цѣли, постоянно мѣняетъ очертаніе и образъ. Поневоѣ суевѣру придетъ на мысль, что онъ попалъ на проклятое мѣсто, гдѣ потѣшается нечистая сила. Нѣсколько подобный обманъ можетъ произойти и отъ другихъ причинъ, зависящихъ отъ устройства нашего глаза. Если мы сильно сожмемъ глазное яблоко, или если намъ придется какимъ нибудь образомъ ушибить голову, то при этомъ мы замѣтимъ, что отъ глаза отдѣляется свѣтъ, иногда въ видѣ разноцвѣтныхъ круговъ, иногда въ видѣ синеватыхъ искръ. Такія явленія бываютъ хорошо замѣтны въ здоровомъ состояніи; но въ болѣзненномъ они принимаютъ слишкомъ широкіе размѣры. Въ горячкѣ, напр., или при болѣзняхъ желудка, кровь, устремляясь къ головѣ, давитъ, между прочимъ, на сѣтчатую плеву глаза, вслѣдствіе чего предъ глазами являются большія

массы свѣта, въ видѣ разноцвѣтныхъ круговъ. Эти круги будутъ постоянно двигаться и измѣняться, а большое воображеніе составитъ изъ нихъ самыя разнообразныя, самыя странныя картины. Въ минуту успокоенія, больной припомнитъ эти картины, и если онъ суевѣренъ и незнакомъ съ законами природы, то онъ убѣдительно и образно будетъ доказывать, что его комната, за минуту предъ тѣмъ, была полна духами и привидѣніями. Такіе случаи могутъ быть и при незначительномъ разстройствѣ организма, напр. при совершенно легкомъ разстройствѣ желудка, при случайномъ несвареніи пищи. Обманъ здѣсь тѣмъ опаснѣе, что человѣкъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, а между тѣмъ предъ его глазами совершаются такія дивовиныя вещи. Но самый опасный обманъ нашихъ глазъ заключается въ слѣдующемъ: всякому, конечно, случалось наблюдать, что когда мы переходимъ изъ темной комнаты въ другую, ярко освѣщенную, то глаза наши, пораженные большимъ приливомъ свѣта, невольно закрываются, при чемъ предъ нашими глазами продолжаютъ мелькать тѣ вещи, которыя мы видѣли нѣсколько секундъ назадъ, и при томъ не въ томъ цвѣтѣ, въ какомъ мы видѣли нѣсколько секундъ назадъ, но въ иномъ. Вслѣдствіе такой особенности нашего глаза, съ каждымъ изъ насъ можетъ повториться такого рода обстоятельство: увидавши какой нибудь ярко освѣщенный предметъ, напр. человѣка, звѣря, или что нибудь другое, мы можемъ, чрезъ нѣсколько времени, даже ночью, въ совершенной темнотѣ увидѣть въ нашемъ глазѣ образъ этого предмета. Въ этотъ разъ предметъ можетъ явиться въ другомъ совершенно цвѣтѣ, такъ что трудно бываетъ узнать настоящую причину такого явленія. Человѣкъ суевѣрный и на этотъ разъ будетъ думать, что ему являлось привидѣніе.

Послѣ глаза, ухо есть самое обманчивое орудіе чувствъ.

(Кто бывалъ въ хорошо устроенныхъ театрахъ, кто слышалъ искусныхъ чревовѣщателей и другихъ фокусниковъ, тотъ знаетъ, что наше ухо способно вдаваться въ самые очевидные обманы). Обманывается оно не относительно самаго звука, но относительно причины его. Подобные обманы могутъ встрѣчаться съ нами всюду и, при другихъ условіяхъ, наполняютъ нашу душу ужасомъ. Завоетъ вѣтеръ въ трубѣ, въ темный осенній вечеръ, а робкому, покинутому одиноко въ комнатѣ, ребенку кажется, что воютъ на чердакѣ домовые, о которыхъ ему прежде натвердили. Засвиститъ вѣтеръ въ дуло ружья, а заблудившемуся ночью въ лѣсу охотнику грезится, что это лѣшій надъ нимъ издѣвается. Шумитъ мельничное колесо, бурлитъ вода изъ-подъ ставокъ, а суевѣрному мельнику въ ночной тишинѣ слышатся какіе-то особенные звуки, и думаетъ онъ, что это дѣдушка водяной пугаетъ его. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ еще можетъ освободиться отъ обмана, отыскавши настоящую причину звука. Но часто настоящая причина звуковъ бываетъ такъ далека, что ее нельзя отыскать и при совершенно спокойномъ состояніи мысли. Мысль ищетъ причины, и не находя ея, все болѣе и болѣе поддается вліянію мечты и фантазіи, создающихъ свои причины, и творящихъ свои чудеса. При такомъ взволнованномъ состояніи, самый здравомыслящій человѣкъ легко поддается суевѣрнымъ представленіямъ. Присоединится къ этому обманъ зрѣнія, и готовъ рассказъ о привидѣніи, издающемъ дикіе, неестественные звуки, и этимъ еще болѣе наводящемъ ужасъ, и будутъ люди вѣрить этому рассказу, какъ дѣйствительному. А между тѣмъ будь дознана настоящая причина подобныхъ явленій, тогда исчезли бы всѣ эти привидѣнія, блуждающіе мертвецы, домовые и вся нечистая сила, смущающая робкую душу простолюдина.

Говоря объ обманахъ зрѣнія и слуха, мы видѣли, что

эти обманы имѣютъ силу только при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстной обстановкѣ. Но бываютъ состоянія, когда ни время, ни мѣсто не спасаютъ человѣка отъ обмановъ. Въ жилой комнатѣ, среди многочисленнаго общества, видитъ человѣкъ или людей, давно умершихъ, или далеко отсутствующихъ, или видитъ даже существа совершенно фантастическія. Это—особенная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ наклонности къ галлюцинаціямъ.

Болѣзнь эта бываетъ особенно продолжительна у людей слабыхъ, нѣжныхъ, ведущихъ жизнь совершенно праздную. Положеніе такихъ людей въ высшей степени печально. Вѣчно они находятся въ обществѣ фантастическихъ существъ, нашептывающихъ имъ какія-то таинственныя рѣчи. Темнота ихъ пугаетъ, малѣйшій шорохъ заставляетъ вздрагивать. Порядокъ жизни для нихъ совершенно измѣняется. Наряду съ дѣйствительными предметами, они видятъ предметы и картины изъ далекаго прошедшаго, видятъ такіе образы, какихъ прежде никогда не видали. Сила внутреннихъ представлений, въ такихъ случаяхъ, бываетъ такъ велика, что человѣкъ бываетъ совершенно не въ состояніи различить, что предъ его глазами есть дѣйствительнаго, и что воображаемаго; то и другое имѣетъ для него одинаковое значеніе. Хорошо, если человѣкъ, переживающій подобное состояніе, образованный; онъ или самъ пойметъ, или повѣритъ умному медику, что состояніе его болѣзненное, что причины всѣхъ его видѣній находятся въ немъ самомъ, въ раздраженіи его нервной системы, и, при помощи леченія, легко избавится отъ своихъ видѣній. Но если этотъ человѣкъ упорный суевѣръ, то онъ всѣ эти видѣнія объясняетъ продѣлками надъ нимъ нечистой силы. Положеніе подобныхъ суевѣровъ бываетъ до того тяжело, что они часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Тогда другіе суевѣры, знающіе о видѣніяхъ покойнаго, не преминутъ составить рассказъ о томъ, что

онъ былъ замученъ нечистой силой,—и этотъ рассказъ будетъ передаваться отъ одного къ другому, отъ старшаго къ младшему, во всѣхъ возбуждая суевѣрный страхъ и трепетъ.

Наконецъ, есть еще одинъ родъ явленій, принимаемыхъ за привидѣнія, только по незнанію законовъ природы. Это—явленіе тѣней на гробахъ умершихъ. Въ ночное время, иногда приходится видѣть на свѣжихъ могилахъ свѣтлыя, прозрачныя человѣческія фигуры. Въ народѣ издавна распространено убѣжденіе, что это покойники выходятъ изъ могилы. Только въ недавнее время нашли объясненіе этого таинственнаго явленія. Одинъ ученый доказалъ, что люди очень нервичные могутъ видѣть испаренія, носящіяся въ воздухѣ, въ видѣ слабого свѣта, и называемыя обыкновенно *силою ода*. Сила ода, говоритъ онъ, распространена вездѣ. Между причинами, отъ которыхъ она возбуждается, важное мѣсто играетъ разложеніе труповъ. Чтобы доказать свое мнѣніе, этотъ ученый съ одною нервичною дѣвицею отправился однажды на кладбище, гдѣ было много свѣжихъ могилъ. Его спутница куда ни смотрѣла, вездѣ видѣла массы пламени. Особенно много огней видѣла она на недавнихъ могилахъ. Иногда она протягивала свои руки къ тому мѣсту, гдѣ былъ видѣнъ свѣтъ; тогда казалось, что рука ея была въ какихъ-то огненныхъ облакахъ; когда же она становилась на то мѣсто сама, пламя охватывало ее до шеи. Этотъ опытъ, который можемъ повторить и мы сами, вполне подтвердилъ мнѣніе, что такъ называемыя тѣни умершихъ суть ничто иное, какъ испареніе отъ труповъ. Тоже самое нужно сказать и о тѣхъ огонькахъ, или свѣтлыхъ тѣняхъ, какія иногда приходится видѣть въ болотахъ или горахъ. Это не души умершихъ людей, блуждающія по горамъ и болотамъ, какъ думаютъ многіе и изъ простолюдиновъ, а испаренія отъ труповъ всякой падали, которой въ горахъ и болотахъ всегда бываетъ много.

Таковы причины тѣхъ явленій, какія обыкновенно называются привидѣніями. Причины эти просты и естественны: это—или обманъ шарлатановъ и шалуновъ, или обманъ нашего собственнаго воображенія и нашихъ внѣшнихъ чувствъ, глаза и уха, или извѣстнаго рода болѣзненные состоянія, или, наконецъ, дѣйствія законовъ природы. Каждую изъ этихъ причинъ или нѣсколькими вмѣстѣ можно объяснить появленіе почти cadaго привидѣнія, и мы видѣли уже, какъ просто и естественно объясняются самыя странныя и страшныя явленія, самыя чудовищныя картины и образы, представляющіеся взору человѣка. Скажите же теперь, гдѣ та нечистая сила, гдѣ тѣ домовые, водяные, мертвецы, и тому подобныя выходцы другаго міра, которые будто бы являются и дѣйствуютъ въ табѣ называемыхъ привидѣнійхъ? Разказы о ихъ явленіяхъ не повтореніе ли тѣхъ сказокъ, которыя сложились въ самую давнюю пору, и потомъ, какъ бы по наслѣдству, переходятъ отъ одного къ другому? Не ложь ли все это, которая разлетается при самомъ легкомъ прикосновеніи къ ней разумной критики? И если бы, при каждомъ появленіи привидѣній, всегда доискивались причинъ, какими оно вызвано, то всѣ эти домовые, водяные, блуждающіе мертвецы, и т. п., исчезли бы гораздо скорѣе, чѣмъ пропоеть нѣтухъ, могущій, по мнѣнію простаго народа, разогнать своимъ крикомъ нечистую силу. Въ одномъ случаѣ, отъ появленій страшныхъ пугалъ и дикихъ картинъ и сценъ избавила бы смѣлость, изболчившая дерзкаго обманщика, въ другомъ—удачное леченіе медика, въ третьемъ—объясненіе человѣка ученаго и понимающаго нѣкоторыя особенныя явленія природы.

С. К. М—овъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Православное собесѣдовательное богословіе, или практическая гомилетика Сочиненіе протоіерея *Іоанна Толмачева*. Томъ второй. Недѣли по пятидесятницѣ XVIII—XXXII. Спб. 1869 ¹⁾.

Въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«, въ № 10 прошедшаго года, по выходѣ въ свѣтъ перваго тома »Православнаго собесѣдовательнаго богословія протоіер. Толмачева, мы съ сочувствіемъ отнеслись къ предпринятому изданію »Практической Гомилетики«. Изданіе втораго тома »Собесѣдовательнаго Богословія«, заключающаго въ себѣ второе послѣдованіе недѣль по пятидесятницѣ (XVIII—XXXII), обязываетъ насъ напомнить читателямъ прежнюю нашу рекомендацію—пріобрѣтать книгу протоіерея Толмачева, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ ея томовъ, которыхъ въ будущемъ обѣщается еще три (одинъ будетъ заключать въ себѣ темы церковныхъ поученій на недѣли Тріоди Великопостной, другой—на недѣли Тріоди Цвѣтной и третій—на особенные праздники и случаи). Молодые сельскіе проповѣдники, приучающіе себя къ проповѣднической импровизаціи, при пособіи книги протоіер. Толмачева, въ самое короткое время, много успѣютъ въ этомъ необходимомъ для нихъ искусствѣ и избавятъ себя отъ необходимости запасаться множествомъ разныхъ сборниковъ проповѣдей. Матеріалъ, предлагаемый въ »Практической Гомилетикѣ«, при малой долѣ самостоятельности проповѣдника, легко и удобно можетъ быть сформированъ въ поученіе, слово, бесѣду—любой видъ церковной проповѣди и примѣненъ къ потребностямъ случая и слу-

¹⁾ Продается преимущественно у автора, въ домѣ придворнаго духовенства, противъ Таврическаго Дворца, а также у извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С. Петербургѣ. Цѣна втораго тома 1 р. 75 к. съ пересылкою. Выписывающіе первый и второй томъ вмѣстѣ платятъ 3 р. 50 к. съ пересылкою.

шателей. Въ изданныхъ двухъ томахъ »Практической Гомилетики« содержаніе недѣльныхъ чтеній Евангелія и Апостола изложено приспособительно гомилетическимъ потребностямъ, полно, всесторонне, и частнѣйшія мысли содержанія развиты логически-стройно, послѣдовательно. Доказывать это выписками изъ книги—нѣтъ надобности: читатели, надѣмся, повѣрятъ намъ на—слово, и увѣрены, что занимающіеся, послѣдовательно и не опустительно, проповѣдью вполне оцѣнятъ громадное значеніе книги о. Толмачева въ нашей проповѣднической литературѣ. Долгъ проповѣдника-пастыря изложить предъ своими слушателями *всю волю Божию*, и вотъ тѣ-то книги, которыя способствуютъ частнѣйшему уразумѣнію этой воли Божіей, въ приложеніи къ разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ человѣческой жизни, и должны, главнымъ образомъ, составлять настольныя книги пастырей проповѣдниковъ. Съ этой точки зрѣнія, книги, способствующія уразумѣнію недѣльныхъ чтеній изъ Евангелія и Апостола, содержащихъ въ себѣ требованія воли Божіей, приобрѣтаютъ неоцѣненное значеніе. На этомъ основаніи мы и рекомендуемъ читателямъ трудъ о. Толмачева, и искренно желая успѣха »Практической Гомилетикѣ« въ средѣ нашихъ проповѣдниковъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ остальныхъ трехъ томовъ ея, имѣющихъ вмѣстѣ съ первыми, вышедшими томами, занять почетнѣйшее мѣсто въ проповѣднической библіотекѣ каждаго священника.

X. О.

РУКОВОДСТВО для СЕЛЯНСКИХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- № 24. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1869 года. Іюня 15-го.

Содержаніе:—Сужденія святыхъ отцовъ и учителей Церкви о пастырствѣ.—
Какъ долженъ смотрѣть пастырь церкви на привязанность нашего народа
къ религіозной обрядности?—Советы родителямъ о воспитаніи дѣтей.

СУЖДЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОTCOВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ О ПАСТЫРСТВѢ ¹⁾.

1. Санъ священника—высочайшій санъ.

Святый апостолъ Павелъ называетъ себя *рабомъ Иисуса Христа*. По поводу этого, св. Златоустъ говоритъ, что онъ себѣ не могъ прибрать бы лучшаго титула. »*Павелъ и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всѣмъ святымъ во Христѣ Иисусѣ, находящимся въ Филиппахъ, съ епископами и діаконами: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Обращаясь въ своемъ посланіи какъ бы къ своимъ сослужителямъ, апостолъ не упоминаетъ о своемъ апостольскомъ достоинствѣ, и называетъ себя другимъ, тоже очень великимъ

¹⁾ Статья эта и имѣющій послѣдовать за нею рядъ статей есть продолженіе статей, печатанныхъ въ »Руц. для сел. пастырей« въ 1867 г. Возобновивъ, прерванный по обстоятельствамъ, свой трудъ, мы нашли нужнымъ, какъ замѣтитъ читатель, измѣнить нѣсколько предположенный первоначально планъ его.

именемъ, именно рабомъ. Ибо, дѣйствительно, великое достоинство и источникъ всякаго благословенія не только называться рабомъ Христовымъ, но и быть таковымъ. Кто рабъ Христовъ, тотъ свободенъ отъ грѣха, и какъ вѣрный и искренній рабъ, онъ никогда не захочетъ служить никому другому, потому что, въ такомъ случаѣ, онъ только на половину былъ бы рабомъ Христовымъ» ¹⁾.

Выше такого рабства, или служенія нѣтъ другаго служенія. Все, что есть на землѣ, повидимому, великаго, не можетъ идти въ сравненіи съ служеніемъ Іисусу Христу. Радуйся, іерей Божій, что ты можешь этимъ хвалиться. *»О Возъ спасеніе мое и слава моя—Богъ, помогающій мнѣ; и упованіе мое на Бога.* Счастливъ, кто не превозносится въ жизни своей заслугами своими, какъ бы онѣ велики ни были, но неповѣдуетъ Господа своею славою, славить себя во Христѣ и можетъ сказать съ апостоломъ: *о себѣ же не похваляюся, точію о крестѣ Христовомъ.* Многіе превозносятся своею ловкостію въ гимнастическихъ упражненіяхъ, или вообще своею цвѣтущею юношескою силою; многіе превозносятся своею храбростію на войнѣ, считая даже добродѣтелию убійство единоплемениковъ своихъ, ибо награды на войнѣ раздаются военачальниками по той мѣрѣ, чѣмъ больше кто пролилъ крови. Иные превозносятся тѣмъ, что возвели стѣны вокругъ города, другіе устройствомъ водопроводовъ и вообще постройками. Одинъ расточаетъ свое богатство на борьбу съ дикими звѣрями, радуется пустымъ возгласамъ народнаго одобренія, гордится и хвастается этою похвалою, тогда какъ вся слава его заключается въ его рукѣ; другой превозносится своимъ богатствомъ; иной тѣмъ, что извѣстенъ въ обществѣ за хорошаго, ненормальнаго оратора, или знакомъ съ мудростію міра сего. Но нужно со-

¹⁾ Изъ первой бесѣды на посланіе къ Филиппійцамъ.

жалѣть о всей этой славѣ, и считать счастливыми только тѣхъ, которые въ Богѣ поставляютъ свою славу. Ибо если иной гордится тѣмъ, что находится на царской службѣ и что царь высоко цѣнитъ его, то на сколько больше долженъ хвалиться ты, находясь на службѣ Высочайшаго Царя, Который почтилъ тебя высочайшею любовію« ¹⁾).

Радуйся, но *хвались только о Господѣ*. »Онъ можетъ противъ твоей воли взять твою славу и унижить тебя; но Онъ хочетъ, чтобы ты ее добровольно пожертвовалъ Ему, а Онъ тебѣ послѣ воздастъ за нее. Онъ можетъ противъ воли твоей сдѣлать тебя нищимъ; но Онъ хочетъ, чтобы ты добровольно сталъ нищимъ, а Онъ тебѣ приготовить вѣнецъ. Видишь, какъ человеколюбивъ Богъ, и какъ мы нерадивы. Достигъ ты высокаго достоинства, великаго церковнаго сана, не гордись этимъ; потому что не ты самъ приобрѣлъ себѣ эту честь, но Богъ облекъ тебя ею. Поэтому поступай осторожно, какъ съ чужимъ добромъ, не злоупотребляй имъ; не унижай его до неприличныхъ дѣлъ; не гордись, не присвоивай себѣ ничего, но считай себя нищимъ и неславнымъ. Если бы тебѣ была ввѣрена на сохраненіе царская порфира, то ты, конечно, не осмѣлился бы надѣвать на себя эту одежду, но долженъ былъ бы съ величайшею заботливостію беречь ее для того, кто тебѣ довѣрилъ ее. Получилъ ты даръ краснорѣчія,—не гордись и не чванься этимъ: потому что этотъ подарокъ не отъ тебя. Не будь неблагодарнымъ въ употребленіи благъ, дарованныхъ тебѣ Господомъ, но удѣлай отъ нихъ ближнимъ твоимъ, не хвастаясь этимъ, какъ бы своею собственностію, и не будь скупомъ бережливъ въ раздаяніи« ²⁾).

Чѣмъ больше благодать священства, тѣмъ больше его

¹⁾ Изъ бесѣды св. Василія Великаго на 61 псаломъ.

²⁾ Изъ 10-й бесѣды св. Златоуста на 1-е посл. къ Коринѳянамъ.

слава и тѣмъ возвышеніе его достоинство. »Въ ветхомъ за-
вѣтѣ священство было почетнымъ служеніемъ, а въ новомъ
оно подвергается опасностямъ, преслѣдованіямъ, насильствен-
ной смерти. Поэтому больше всякихъ другихъ примѣровъ
имѣютъ значеніе слова апостола: *мы съяли у васъ ду-
ховное....* Ибо этимъ онъ указываетъ на бѣдствія, преслѣ-
дованія, опасности, несказанныя горести, какія должны бы-
ли терпѣть проповѣдники евангелія. Однако онъ этимъ ве-
ликимъ преимуществомъ не хотѣлъ унижить ветхозавѣтнаго
священства, ни возвыситъ свое. Онъ не возвышаетъ его со
стороны опасностей, а доказываетъ его возвышенность ве-
личіемъ благодати. Ибо онъ не говоритъ: мы подвергались
опасностямъ и преслѣдованіямъ, но мы съяли у васъ ду-
ховное. Подобнымъ образомъ онъ возвышаетъ достоинство
священниковъ выраженіями: служители жертвъ, служители
алтаря, чѣмъ онъ хочетъ обозначить ихъ вѣстojнную го-
товность къ служенію и твердость¹⁾.

Велика благодать священства, потому что священники по-
сажены на Моисеевомъ сѣдалищѣ. »Пока мы сѣдимъ на этомъ сѣ-
далищѣ, пока мы занимаемъ предсѣдательство, мы обладаемъ
достоинствомъ и властію, хотя бы были и недостойны. Если Мо-
исеево сѣдалище было такъ достопочитно, что ради его нужно
было слушать сѣдящихъ на немъ, то на сколько выше сѣдалище
Христово. Мы занимаемъ это сѣдалище, мы говоримъ съ него,
послѣ того, какъ Христосъ вручилъ намъ служеніе примиренія.
Посланныки, кто бы они ни были, пользуются великою честію,
ради достоинства посланничества. Вотъ они идутъ въ землю
варварскую, въ землю непріятельскую. И такъ какъ право
посланничества имѣетъ великую силу, то всѣ обязываютъ
имъ почтеніе, всѣ съ уваженіемъ смотрятъ на нихъ, всѣ
доставляютъ имъ безопасность. Мы также приняли на себя

¹⁾ Изъ 22 бесѣды св. Злат. на 1 посл. къ Кор.

посланиничество, мы посланы Богомъ. Ибо таково достоинство священнаго сана. Мы приходимъ къ вамъ, какъ посланники, съ просьбою прекратить войну и предлагаемъ вамъ условія. Не общаемъ мы вамъ уступить города, не общаемъ столько-то мѣръ хлѣба, рабовъ, золота, но царство небесное, вѣчную жизнь, пребываніе со Христомъ и другія блага, которыхъ ни мы не можемъ вамъ пересказать, ни вы не можете понять, пока находимся въ тѣлѣ и въ настоящей жизни.

И такъ, мы посланники и хотимъ, чтобы насъ почитали; но не ради насъ самихъ, да будетъ это далеко отъ насъ! потому что мы знаемъ, какъ ничтожны слова, а ради васъ, чтобы вы съ ревностію слушали слова наши и чтобы они приносили вамъ пользу. Смотрите, какъ всѣ почитаютъ посланниковъ. Мы посланники Божіи къ людямъ; если вамъ это непріятно, то это не мы, а священническій санъ, не то или другое лице, но священникъ. Пусть никто не слушаетъ *меня*, но пусть слушаютъ мой санъ¹⁾!

Священническое служеніе уподобляется служенію Христову. »Св. ап. Павелъ называетъ вѣрующихъ *призванными святыми*. Они были призваны къ вѣрѣ; но ему было ввѣрено нѣчто другое—апостольское служеніе,—дѣло, приносящее собою тысящекратное служеніе, превосходящее собою всѣ благодатные дары и заключающее ихъ въ себѣ. Въ подтвержденіе этого пужно ли сказать что нибудь большее того, что Христосъ, разставаясь съ апостолами, поручалъ имъ совершать то, что Онъ Самъ совершалъ, живя на землѣ? Поэтому, апостолъ восклицаетъ, возвышая апостольское достоинство: *мы посланники отъ имени Христова, и какъ бы Самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ*²⁾.

1) Изъ 3-й бесѣды св. Злат. на посланіе къ Колоссянамъ.

2) Изъ 1-й бесѣды св. Злат. на посл. къ Римл.

Христосъ *ввѣрилъ намъ служеніе примиренія* (2 Кор. 5, 18). »Въ этихъ словахъ св. Павелъ указываетъ высокое достоинство апостоловъ, и показываетъ, какое великое служеніе ввѣрено имъ и какъ безмѣрно велика любовь Божія къ людямъ. Ибо, не смотря на то, что они не захотѣли слушаться голоса Его посланниковъ, Онъ не разгнѣвался на нихъ, и не оставилъ ихъ, но продолжаетъ увѣщевать ихъ то Самъ, то чрезъ другихъ. Кто не удивится такому великому попеченію! Умерщвленъ былъ единородный Сынъ, приходившій для примиренія: и Отецъ не возненавидѣлъ убійцъ, не сказалъ: Я послалъ къ нимъ Сына, и они не только не захотѣли послушать Его, но вознесли Его на крестъ и умертвили, поэтому Я, по праву, брошу ихъ. Онъ сдѣлалъ совершенно противное. Когда вознесся Сынъ, Онъ *намъ ввѣрилъ это дѣло, далъ намъ служеніе примиренія. Богъ во Христѣ примирялъ съ Собою міръ, не считая людямъ преступленія ихъ.* Видишь любовь, превосходящую всякія слова, всякія понятія! Оскорбленъ былъ Онъ Самъ, и Онъ же первѣе проситъ изгладить вражду. Правда, приходилъ не Онъ Самъ, но Онъ послалъ Своего Сына; но не одинъ только Сынъ увѣщевалъ міръ къ примиренію, а съ Нимъ и чрезъ Него—и Самъ Отецъ. Поэтому апостолъ говоритъ: Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ. Сказавши: Богъ далъ намъ служеніе примиренія, апостолъ, въ объясненіе этого, прибавляетъ и какъ бы такъ говоритъ: не думайте, что важнѣйшее въ этомъ дѣлѣ зависить отъ насъ; мы только служители; все это сдѣлалъ Богъ, чрезъ Сына примирившій съ Собою міръ...

Намъ ввѣрено слово, ученіе примиренія. Мы призваны не къ какому либо печальному служенію, но чтобы сдѣлать всѣхъ друзьями Божиими. Еслибы они не захотѣли повѣрить Моимъ словамъ, говоритъ Господь, то продолжайте вы увѣщевать ихъ, пока не убѣдите ихъ. Поэтому

и сказано: *и такъ, мы посланники отъ имени Христова, и какъ бы Самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ; отъ имени Христова просимъ: примиритесь съ Богомъ.* Вотъ какъ высоко Онъ ставитъ это служеніе, представляя молящимся Самаго Христа и даже Отца. Смыслъ словъ апостола таковъ: Отецъ послалъ Своего Сына, чтобы Онъ увѣщевалъ во имя Его и заступилъ предъ родомъ человѣческимъ мѣсто Пославшаго. Но такъ какъ Сынъ былъ умерщвленъ, то мы посланы вмѣсто Его, и увѣщаемъ васъ отъ имени Его и Отца. Ибо Онъ такъ высоко цѣнитъ родъ человѣческій, что отдалъ Своего Сына, хотя и зная, что Онъ будетъ умерщвленъ и что, васъ ради, Онъ сдѣлаетъ насъ посланниками. Не напрасно поэтому, сказано: *все для васъ.* Мы посланники, вмѣсто Христа. Если тебѣ это кажется выраженіемъ слишкомъ сильнымъ, то послушай, что Онъ дальше говоритъ, побазывая, что мы это дѣлаемъ не только вмѣсто Христа, но и вмѣсто Отца, ибо апостолъ говоритъ далѣе: *и какъ бы Самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ.* Не только Онъ увѣщаетъ чрезъ Сына, но и чрезъ насъ, преемниковъ въ Его служеніи. И такъ, не думайте, что мы васъ просимъ; чрезъ насъ просить Христосъ и даже Самъ Отецъ¹⁾).

Соединивъ въ мысли все это, мы поймемъ, какъ св. Златоустъ могъ сказать, что священство есть *высочайшее изъ всѣхъ достоинствъ*, если только оно проходитъ безпорочно. Ибо, если Богъ драгоцѣннѣе всего считаетъ души человѣческія, то тѣмъ понятнѣе, что Онъ выше всего поставитъ тѣхъ, которые будутъ приобрѣтать Ему души.

¹⁾ Изъ 11 бесѣды св. Злат. на 2 Коринѣ.

КАКЪ ДОЛЖЕНЪ СМОТРѢТЬ ПАСТЫРЬ ЦЕРКВИ НА ПРИВЯЗАННОСТЬ НАШЕГО НАРОДА КЪ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБРЯДНОСТИ?

Исторія христіанской жизни русскаго народа показываетъ, что предки наши, съ первыхъ временъ принятія христіанства, съ особенною любовію относились къ обрядово-религіозной сторонѣ христіанства, что вѣра и благочестіе нашихъ предковъ, на первыхъ порахъ, имѣли направленіе преимущественно *церковно-богослужебное, обрядовое*. Первые представители нашего народа, посланные св. Владиміромъ для дознанія истинности религій, предлагаемыхъ ему для принятія, прежде всего плѣнились ви́шнимъ благолѣпіемъ и обрядностію христіанскаго богослуженія, которыя, въ это время, въ греческой церкви достигли высшаго развитія. Вслѣдъ за посламп, ви́шнею стороною христіанства увлекся и весь русскій народъ, принявшій религію Христову. Онъ не занимался, подобно греческимъ христіанамъ XII — XIII вѣковъ тонкими умозерцательными изслѣдованіями христіанскихъ догматовъ, не вдавался также въ сухую отвлеченную діалектику, подобно схоластикамъ среднихъ вѣковъ, а большею частію, питалъ и укрѣплялъ свою вѣру и свое благочестіе посредствомъ церковнаго богослуженія и богослужебныхъ книгъ. »По вся дни«, читаемъ въ одномъ поученіи XIII вѣка, »аще умѣши книги, прави ночные и дневные часы, вечерню и утреню, или литургію, аще ли не умѣетъ кто, да ходите по вся дни къ церкви въ годъ пѣнія«¹). Въ другомъ поученіи изъ того же времени читаемъ: »въ церковь вѣршии приходяще слышати святая, божественная ученія и прореченныя пророки, и отеческая сѣзанія, житіе же святыхъ и мученіе, та вся слышаше богобоязливѣи просвѣщаютъ души своя«²). Такимъ образомъ, церковное богослуженіе и церковно-богослужебныя книги служили главными источниками, улаждающими и питающими умъ и сердце древле-русскаго челоуѣка. Къ дѣламъ высшаго благочестія, украшавшимъ жизнь добродѣтельныхъ и богобоязливыхъ людей, относились заботы объ украшеніи и благолѣпін храмовъ

и церковныхъ принадлежностей. Лѣтописцы съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаютъ годъ, а нерѣдко и число мѣсяца, въ который была начата и окончена постройка церкви; они съ любовью описываютъ заботы князей, бояръ и другихъ частныхъ лицъ о надѣленіи храмовъ всѣми необходимыми принадлежностями ¹⁾. Они упоминаютъ сколько »гривень кунъ« платилъ какой князь за списываніе богослужебныхъ книгъ, какъ отцы семействъ покупали богослужебныя книги или нанимали писцовъ для списыванія ихъ, и жертвовали въ церкви для поминовенія ихъ душъ ²⁾. О каждомъ благочестивомъ князѣ древніе лѣтописцы непременно говорятъ: »церковные уставы любилъ, церкви создавалъ и украшалъ ихъ св. иконами и книгами наполнялъ« ³⁾. Примеру князей слѣдовали бояре, военачальники, тиуны и другія лица, облеченныя властію, и частные люди. Между послѣдними были такіе, которые всю свою жизнь посвящали списыванію церковныхъ и библейскихъ книгъ, съ теплою молитвою къ Богу и пресвятой Богородицѣ совершали это дѣло, и съ особеннымъ благоговѣніемъ жертвовали ихъ церквамъ на поминовеніе своихъ душъ ⁴⁾. Къ вопросамъ, занимавшимъ умы грамотныхъ и книжныхъ людей этого времени, принадлежали не богословскіе какіе-нибудь вопросы и недоумѣнія, а церковно-практическіе. Кирикъ спрашивалъ Нифонта, новгородскаго епископа: можно ли служить на одной просфорѣ? другіе спра-

¹⁾ 3-я новгородская лѣтопись все состоитъ изъ извѣстій подобнаго рода. См. П. С. Р. Л. т. III.

²⁾ Само собою разумѣется, что, при тогдашней дороговизнѣ и трудности списыванія книгъ, это было самое дорогое пожертвованіе.

³⁾ См. П. С. Р. Л. т. 1 стр. 65. 85. 129. 149. 157. т. 2 и стр. 111. 112. 154 и др.

⁴⁾ Подобнаго рода завѣщаній много сохранилось въ рукописныхъ книгахъ св. писанія, собранныхъ въ синод. библіотекахъ. См. Описан. рук. смн. библ. л. 224. 335. 184 и др.

шивали, что имъ ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны »творить« и т. под. Таковы характеристическія особенности древле-русскаго религіознаго человѣка!

Кто хорошо знакомъ съ бытомъ нашего простаго народа, тотъ знаетъ, что, въ этомъ отношеніи, онъ недалеко ушелъ отъ своихъ предковъ. Уходъ за храмомъ и его украшеніями составляетъ едва ли не первую заботу въ жизни теперешняго религіознаго русскаго человѣка. Вопросы чисто практическаго характера — о постѣ, говѣніи, молитвѣ, времени принятія св. таинъ, порядкѣ и чинѣ церковныхъ службъ — стоятъ у него на первомъ планѣ. Словомъ, внѣшняя сторона христіанства и теперь преобладаетъ въ жизни нашего народа. Эта-то внѣшняя сторона религіозной жизни нашего народа, въ особенности часто въ настоящее время, стала подвергаться рѣзкимъ сужденіямъ и порицаніямъ. Не говоримъ о свѣтской литературѣ, которая въ привязанности нашего народа къ обрядо-религіозной сторонѣ видитъ его тупость и неспособность возвышаться къ высшимъ созерцаніямъ; въ бесѣдѣ съ священниками о правильномъ устройствѣ народныхъ школъ, объ открытіи въ селахъ благотворительныхъ учрежденій, намъ приходилось выслушивать такого рода сужденія: »нашъ народъ привыкъ только жертвовать на украшенія храмовъ и церковные колокола, и вовсе не любитъ давать на устройство общеобразовательныхъ и общегодныхъ заведеній«. Въ свѣтской же литературѣ къ обрядо-религіозной сторонѣ нашего народа причисляютъ церковные праздники, чтимые и уважаемые нашимъ народомъ. Говорятъ, что обиліе церковныхъ праздниковъ, празднуемыхъ русскимъ народомъ, потворствуетъ его лѣности и безнечности, мѣшаетъ успѣху его промышленности, отнимаетъ у него много дорогихъ и незамѣнимыхъ часовъ. Трудно, говорятъ, соперничать нашему народу съ народами запада въ успѣхахъ промышленности и другихъ техническихъ искусствъ, при томъ оби-

днъ праздничныхъ дней, которые онъ проводитъ въ бездѣльи. Такъ разсуждаютъ люди, думающіе о народномъ благѣ! Какъ долженъ относиться пастырь Церкви къ сужденіямъ подобнаго рода? Какъ вообще онъ долженъ смотрѣть на привязанность нашего народа къ обрядово-религіозной сторонѣ?

Замѣтимъ прежде всего, что привязанность къ церковной обрядности еще не можетъ служить доказательствомъ отсутствія стремленія къ высшимъ духовнымъ совершенствамъ, что, сама по себѣ, она не препятствуетъ исполненію высшихъ христіанскихъ требованій. Та же самая исторія христіанской жизни нашего народа, которая такъ ясно говоритъ о привязанности нашего народа къ церковной обрядности, ясно также свидѣтельствуетъ о томъ, что древле-русскій народъ сущность христіанства не ставилъ въ одной виѣшней обрядности, въ одномъ виѣшнемъ исполненіи его принадлежностей. Съ заботами о виѣшной сторонѣ христіанства онъ также соединялъ заботы о внутреннемъ преуспѣяніи и внутреннихъ совершенствахъ. Яснымъ доказательствомъ этого служатъ тѣ высокія нравственныя доблести, за которыя прославляетъ Церковь нашихъ древнихъ подвижниковъ христіанскаго благочестія. Виѣшняя церковная обрядность служила для нихъ только средствомъ, при помощи котораго они возвышались къ вышему духовному совершенству. Въ этихъ видахъ, въ выше приведенныхъ поученіяхъ, внушалось нашему народу постоянное вниманіе къ богослуженію и богослужебнымъ книгамъ. Какъ внимательны были древніе книжные люди къ списываемымъ богослужебнымъ и библейскимъ книгамъ, какъ они не привязывались въ нихъ къ одной буквѣ, объ этомъ говорятъ уцѣлѣвшіе письменные памятники этихъ книгъ. Между собранными рукописными списками библейскихъ книгъ, въ книгохранилищѣ синодальной бібліотеки, нѣтъ двухъ—трехъ экземпляровъ, которые были бы совершенно сходны между

собой; въ каждомъ изъ нихъ есть своего рода измѣненіе и исправленіе, которыя говорить о той степени вниманія, съ которымъ старались древніе вѣнныя люди уразумѣть смыслъ читаемаго. Одни списки библейскихъ книгъ правлены по греческому тексту, въ другихъ слова неудобопонятныя замѣнены болѣе вразумительными и близкими къ народному пониманію, въ третьихъ слова устарѣвшія и вышедшія изъ употребленія замѣнены новыми ¹⁾. Съ такою же свободой относились и къ вѣнному обряду. Нифонтъ, повгородскій епископъ, въ случаѣ невозможности достать полное число просфоръ, необходимыхъ для совершенія обѣдин, не затрудняясь разрѣшить совершать обѣдин и на одномъ хлѣбѣ. Односторонняя привязанность къ обряду и буквѣ наступила уже во второй половинѣ XIV и XV вѣковъ; но въ это время грамотность перестала уже распространяться въ нашемъ народѣ, посредствомъ правильно устроенныхъ школъ; въ это время, образованные греческіе іерархи не стояли во главѣ нашей Церкви; домашнее самоучничество сдѣлалось единственнымъ способомъ распространенія образованія. Вина односторонней привязанности къ буквѣ и обряду лежала, следовательно, во вѣннихъ условіяхъ, въ отсутствіи правильного школьнаго образованія, въ недостаткѣ опытныхъ руководителей народа.

Скажемъ далѣе, что заботы объ украшеніи храмовъ и храмовыхъ принадлежностей и вообще привязанность къ церковной обрядности, по самому своему существу, не только не препятствуютъ исполненію высшихъ христіанскихъ требованій и обязанностей, но еще содѣйствуютъ имъ. Какъ заботы о приличномъ украшеніи тѣла и вообще о приличіи въ нищѣ и одеждѣ не дѣлаютъ человека неспособнымъ

¹⁾ См. оп. рук. синод. биб. № № 18—36.

къ нравственному преуспѣянію и нравственному совершенствованію; напротивъ, правильно и эстетически развитый и образованный человѣкъ бываетъ способнѣе къ выполненію своего великаго назначенія: такъ точно заботы о приличномъ украшеніи храмовъ и изяществѣ внѣшнихъ религіозныхъ принадлежностей не только не мѣшаютъ христіанину думать о высшемъ своемъ назначеніи и внутреннихъ религіозныхъ обязанностяхъ, но еще болѣе могутъ возбуждать и располагать его духъ къ пониманію высокихъ истинъ Христова ученія. Хорошо устроенный храмъ, приличная внѣшняя религіозная обрядность, только во внѣшнемъ изящномъ видѣ представляютъ и выражаютъ то, о чемъ слово Божіе говоритъ отвѣченно; они воплощаютъ въ формѣ человѣческаго искусства тѣ великія нравственныя истины и священныя событія, о которыхъ слово Божіе говоритъ въ формѣ человѣческаго слова. Чѣмъ возвышеннѣе и изящнѣе тѣ формы, въ которыя воплощаются высокія нравственныя истины и священныя событія, тѣмъ возвышеннѣе и святѣе самое чувство, которое они возбуждаютъ. Нужно только, чтобы христіанинъ былъ такъ образованъ, чтобы могъ усматривать, сквозь эти внѣшнія формы, тѣ великія истины, которыя въ нихъ выражаются. Но объ этомъ долженъ уже позаботиться пастырь Церкви.

Христосъ Спаситель, замѣчая приверженность книжниковъ и фарисеевъ къ внѣшней обрядности и щепетильному выполненію незначительныхъ предписаній обрядоваго закона, обличалъ и осуждалъ эти недостатки; но говорилъ: *сія подобаше творити, и оныхъ не оставлять* (Матѣ. 23, 23). Въ другой разъ, посѣтивъ храмъ и замѣтивъ въ немъ продающихъ и покупающихъ, опрокинулъ столы мѣновщиковъ и скамьи продающихъ голубей и сказалъ: *писано есть: храмъ Мой, храмъ молитвы наречется: вы же сотвористе и вертепъ разбойниковъ* (Матѣ. 21, 12).

13). Этотъ поступокъ и это наставленіе Спасителя пастырь Церкви можетъ принять для себя въ руководство при взглядѣ на привязанность нашего народа къ виѣшней сторонѣ христіанства. Онъ долженъ обличать и осуждать ее, какъ одностороннюю привязанность и одностороннее увлеченіе, но не порицать и не осуждать, какъ совершенно ненужную и излишнюю въ жизни христіанина. Напротивъ, съ установленія надлежащаго отношенія къ обрядово-религіозной сторонѣ и виѣшнимъ заботамъ объ украшеніяхъ храмовъ, пастырь Церкви долженъ начать религіозное воспитаніе нашего народа. Онъ прежде всего долженъ указывать на важность и значеніе тѣхъ истинъ, которыя выражаются въ обрядовой сторонѣ нашей религіи и образныхъ украшеніяхъ храмовъ, и внушая вниманіе и уваженіе къ послѣднимъ, тѣмъ большую ревность долженъ возбуждать къ первымъ. Такъ долженъ относиться пастырь Церкви, по нашему мнѣнію, къ обрядово-религіозной сторонѣ нашего народа и къ привязанности его къ виѣшнимъ украшеніямъ храмовъ! Онъ не долженъ отдѣлять виѣшнюю сторону отъ внутренней, но соединять вмѣстѣ обѣ, и одну другою поддерживать и поддерживать. Храмъ, со всеѣми своими принадлежностями, долженъ являться въ его ученіи храмомъ живаго Бога, бсѣдующаго съ Своими людьми и ихъ поучающаго. Если, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, виѣшняя сторона беретъ перевѣсъ надъ внутреннею, пастырь Церкви своимъ просвѣщеннымъ вліаніемъ долженъ устанавливать равновѣсіе между ними, но долженъ беречься возвышать одну сторону въ ущербъ другой.—

Что касается обилія церковныхъ праздниковъ, на которые такъ рѣзко нападаетъ современная свѣтская пресса, то самые эти праздники, если истинно по-христіански смотрѣть на препровожденіе ихъ, не только не могутъ служить помѣхою народному развитію, но еще могутъ возвышать и

улучшать его умственный и нравственный уровень. Въ указаніи св. Синода, данномъ въ прошедшемъ году, по вопросу о томъ: въ какой мѣрѣ учрежденіе воскресныхъ школъ согласно съ ученіемъ православной Церкви, сказано: «воскресные и праздничные дни, по ученію православной Церкви, посвящаются отдыху отъ житейскихъ работъ и занятій, молитвѣ, душеполезному чтенію, собесѣдованію и дѣламъ милосердія. Тѣлесный покой, по православному воззрѣнію, не простирается до той іудейской крайности, которая подвергалась порицанію Христа Спасителя. Неизбѣжныя житейскія занятія, какъ-то приготовленіе пищи и употребленіе одежды, даже увеличиваются въ праздничные дни, ибо Церковь допускаетъ въ эти дни лучшую и обильную трапезу и благолѣпіе въ одеждѣ... Если покой праздника не нарушается этимъ житейскимъ утѣшеніемъ въ славу Божию, то еще менѣе противорѣчитъ воздержанію отъ житейскихъ трудовъ посѣщеніе школы въ воскресные и праздничные дни... Занятія въ воскресныхъ и праздничныхъ школахъ, начинаясь послѣ общаго богослуженія, не отвлекаютъ отъ церковной молитвы; заключаая же въ своей программѣ священную исторію, катихизисъ, объясненіе молитвъ и церковное пѣніе, эти учрежденія вполне согласуются съ требованіемъ Церкви проводить дни, посвященные Богу, въ душеполезное ученіе и размышленія... Несомнѣнно, что преподаваніе въ воскресныхъ школахъ есть трудъ для преподавателей; но сей трудъ совершается не съ цѣлю житейскихъ выгодъ, а имѣетъ свойство дѣла духовнаго милосердія, вполне приличнаго христіанскому проведенію праздниковъ... Къ такимъ дѣламъ духовнаго милосердія, говорится далѣе въ этомъ указѣ, «относится и то, чтобы стараться о доставленіи сиротѣмъ дѣтямъ образованія въ наукахъ и познаніяхъ, дабы со временемъ и оныя сдѣлались полезными Церкви и обществу, и молились за

своихъ благодѣтелей«. Если бы эти добрые совѣты и указанія св. Синода пастыря Церкви, прежде всего, усвоили себѣ; затѣмъ постарались провести въ жизнь нашего народа, то праздничные церковные дни, въ рукахъ нашего духовенства, сдѣлались бы однимъ изъ могучихъ средствъ не только образованія религіознаго, но и распространенія полезныхъ научныхъ свѣдѣній въ массѣ народа. Они въ полномъ смыслѣ стали бы днями наставленія и назиданія >неученыхъ и невѣждъ«, которыхъ учить и наставлять Церковь наша не только не воспрещаетъ, но даже заповѣдуетъ въ дни воскресные и праздничные. Таково, собственно, значеніе должны имѣть церковные праздничные дни въ развитіи и образованіи нашего народа, по ученію нашей Церкви!

Если же на практикѣ, въ жизни нашего народа, церковные праздничные дни еще не получили такого значенія, если, по привычкѣ нашего народа—не заниматься ничѣмъ полезнымъ въ эти дни, они не достигаютъ своего назначенія, указываемаго имъ Церковію; то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы причиною бездѣлья и другихъ злоупотребленій были праздники сами по себѣ. Причины зла нужно искать не въ праздникахъ, а въ установившихся обычаяхъ и привычкахъ, по которымъ злоупотребляютъ праздниками. Народъ нашъ, дѣйствительно, привыкъ проводить праздники въ бездѣліи, и отъ бездѣлья часто дается неприличнымъ увеселеніямъ, которыя продолжаются по нѣскольку дней сряду, вслѣдъ за праздничными днями. Но такъ онъ проводитъ не одни церковные праздники; въ быту нашего народа сложилось много частныхъ, семейныхъ праздниковъ. Таковы вѣстны, свадьбы, поминки, и др. Всѣ эти праздники продолжаются по нѣскольку дней; на нихъ собирается много народа, и каждый изъ нихъ заканчивается извѣстнымъ помесчаньемъ зубовъ. Если такихъ праздниковъ нѣсколько перебивается въ теченіе года въ каждой деревнѣ, то сколько потратится

дорогого времени, сколько понапрасну израсходуется средствъ! А вѣдь нашъ крестьянинъ нерѣдко жертвуетъ послѣднимъ для угощенія собравшихся гостей. Такимъ образомъ, нужно бороться и ратовать не противъ праздничныхъ дней, освящаемыхъ Церковію для добрыхъ дѣлъ, а противъ направленія всей жизни крестьянъ, сложившагося въ такомъ видѣ. Нужно дать новое, здоровое направленіе устарѣвшимъ привычкамъ и обычаямъ, и тогда сама собою измѣнится жизнь нашего крестьянина, тогда онъ сознаетъ цѣну времени, и не станетъ тратить трудомъ заработанныхъ денегъ на вредныя и разорительныя увеселенія и забавы. Но для этого нужно время, нужны усилія высшаго образованнаго общества. Высшее образованное общество должно позаботиться о введеніи приличныхъ народныхъ развлеченій, которыя бы замѣняли безобразныя увеселенія и забавы, оно должно подумать о мѣрахъ къ введенію такихъ развлеченій.

Съ своей стороны, наши пастыри окажутъ большую услугу, если примутъ на себя заботы о постепенномъ замѣненіи обычая и привычки проводить воскресные и праздничные дни въ бездѣльи и пьянствѣ, воскресными и праздничными соборъдованіями съ народомъ о предметахъ религіозныхъ, если, по мѣрѣ своихъ силъ, будутъ стараться, посредствомъ слова, отклонять и удерживать народъ отъ неумѣренныхъ издержекъ, во время частныхъ домашнихъ празднествъ, и самое число празднествъ по возможности — сокращать. Такая чисто нравственнаго характера дѣятельность, съ стороны духовенства, можетъ привести къ значительнымъ результатамъ. Народъ постепенно можетъ привыкать видѣть въ умственныхъ занятіяхъ отдыхъ, послѣ тяжелыхъ физическихъ трудовъ.

Ст. Сольскій.

СОВѢТЫ РОДИТЕЛЯМЪ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Способность чувствованія ¹⁾.

Человѣка наиболѣе украшаетъ чувство *любви къ ближнимъ*. На этомъ чувствѣ зиждется благосостояніе обществъ и земное счастье людей. Если бы во всѣхъ людяхъ, съ одинаковой силой, господствовало это чувство, тогда не было бы зла на землѣ. Поэтому возрастить и укрѣпить это чувство въ дѣтяхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія. *Чувство любви въ сердцѣ человѣка возникаетъ подъ вліяніемъ любви*. На этомъ основана возможность исправленія преступниковъ. Какъ бы ни было ожесточено сердце человѣка, но если постоянно дѣйствовать на него любовію, то, наконецъ, и въ немъ возбудится это священное чувство. Сердце дитяти еще ничѣмъ не ожесточено; по самой натурѣ дѣтскаго возраста, оно чисто, нѣжно и открыто для всего добраго, слѣд., тѣмъ легче развить и укрѣпить въ немъ чувство любви. Эта священная обязанность прежде и болѣе всего лежитъ на матери. Около нея вьется цѣлая жизнь дитяти, по крайней мѣрѣ, въ первое время его существованія на землѣ. Она служитъ посредникомъ между душою дитяти и внѣшнимъ міромъ; она есть первый и самый близкій ближній дитяти, и потому, если въ дитяти должна развиться любовь къ ближнимъ, то прежде всего любовь эта должна быть обращена на мать. Если невозможно, чтобы любилъ Бога тотъ, кто не любитъ своихъ ближнихъ, то столько же трудно представить, чтобы любилъ своихъ ближнихъ тотъ, кто не любитъ мать свою. И такъ, любовь къ матери служитъ первымъ проявленіемъ чувства любви въ дитяти. Но возбудиться въ душѣ его это чувство можетъ только подъ вліяніемъ материнской любви къ нему. Если мать любитъ свое дитя (а о какой матери нельзя ска-

¹⁾ См. № 23-й

зять этого?) и если проявленію этой любви не мѣшаютъ ни ложныя приличія, ни суетанвые обычаи свѣта, ни тяжелыя нужды житейскія, если она сама ухаживаетъ за нимъ, своею нѣжной заботливостью окружаетъ первые дни его жизни, не довѣряя этого священнаго долга матерей постороннимъ женщинамъ, то любовь матери къ дитяти непременно вызоветъ и въ дитяти любовь къ ней. Таковъ законъ духовной природы, и такимъ именно образомъ полагается въ сердцахъ дитяти прочное основаніе для чувства любви къ ближнимъ.

Когда дитя немного подрастетъ, когда внѣшній міръ уже не сосредоточивается для него въ одномъ, полномъ любви и нѣжности, лицѣ матери, оно начинаетъ по немногу знакомиться съ окружающими его предметами, тогда необходимо позаботиться объ укрѣпленіи въ немъ чувства любви и о распространеніи его на тѣ существа, съ которыми дитя начинаетъ сталкиваться въ жизни. Это время перваго знакомства дитяти съ предметами внѣшняго міра весьма важно для развитія въ немъ чувства любви, и родители должны пользоваться этимъ временемъ для добраго направленія дитяти. Прежде всего, не слѣдуетъ ни на минуту оставлять дитя безъ наблюденія, чтобы благовременно подавлять въ немъ самыя раннія и слабыя проявленія злыхъ наклонностей и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать и укрѣплять всякое проявленіе добрыхъ наклонностей. Для достиженія послѣдней цѣли родители и всѣ, имѣющіе вліяніе на воспитаніе дитяти, должны относиться ко всему окружающему съ любовью и сочувствіемъ, и никогда не позволять себѣ въ присутствіи дѣтей мучить или убивать какое-нибудь живое существо, особенно, если оно чѣмъ-нибудь проявляетъ чувство боли. Люди вынуждены убивать животныхъ для употребленія ихъ въ пищу, или истреблять животныхъ, вредныхъ въ домашней жизни, но нѣтъ ничего вреднѣе для добраго воспитанія дѣтей, какъ дѣлать ихъ свидѣтелями и участниками этого,

вопечно, неизбѣжнаго, по тѣмъ не менѣ жестокаго обращенія съ живыми существами. Корень любви—участіе и сочувствіе, и если въ дитяти съ малолѣтства подавлено участіе къ животнымъ, то онъ лишень главной опоры любви. Дѣтскій міръ ограничивается маленькими, слабыми, на низшихъ ступеняхъ жизни стоящими, существами. Только они одни подъ силу ему; людямъ взрослымъ и большимъ животнымъ, конечно, дитя не можетъ сдѣлать ни добра, ни зла, но этихъ маленькихъ существъ дитя можетъ мучить и умерщвлять, и вотъ эти-то раннія проявленія злобы и жестокости нужно тщательно подавлять и истреблять въ дитяти. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ употреблять крикъ и брань, а тѣмъ болѣе побой: это значило бы подливать масла въ огонь, одной жестокости противопоставлять другую: дитя, потерпѣвши наказаніе за жестокое обращеніе съ какими-нибудь маленькими живыми существами, перенесетъ на послѣднихъ то злое чувство, которое возбудило въ немъ наказаніе и потому сдѣлается еще болѣе жестокимъ. Итъ: пусть родители съумѣютъ, при видѣ какого-нибудь червячка, бабочки, птички, и т. п. возбудить въ дитяти сожалѣніе и сочувствіе къ нимъ, пусть оно разсмотритъ и полюбуется ими, но безъ всякаго желанія нанести имъ какой-нибудь вредъ; пусть съ малолѣтства дитя привыкаетъ всякую жизнь считать священной: только этимъ путемъ можно развить и укрѣпить въ немъ чувство любви къ живымъ существамъ. Когда дитя подростетъ, нужно пріучать его съ такимъ же участіемъ относиться и къ различнымъ домашнимъ животнымъ и птицамъ. Если дитя скорбитъ и плачетъ, при какомъ-нибудь несчастномъ случаѣ съ животнымъ, если оно ласкаетъ его, отдаетъ ему свой кусокъ хлѣба: все это прекрасныя черты, которыя обнаруживаютъ въ дитяти любящее сердце и которыя нужно развивать и укрѣплять.

Съ дальнѣйшимъ возрастомъ, дитя вступаетъ въ обще-

ство сверстниковъ. Здѣсь опять опасная минута для развитія чувства любви въ дитяти. Если прежде нѣжная заботливость родителей успѣла развить въ немъ это чувство, то теперь, въ обществѣ сверстниковъ, оно можетъ сойтись съ такими дѣтьми, которыя съ малолѣтства были дурно направлены и привыкли быть жестокими и злыми. Подъ вліяніемъ подобныхъ сверстниковъ, дитя и само можетъ испортиться и сдѣлаться злымъ. Для предупрежденія этого, какъ и во всемъ ходѣ воспитанія, необходима самая неусыпная бдительность и заботливость родителей. Они должны подбирать для своего дитяти такихъ товарищей, которые бы воспитывались сходно съ нимъ, и притомъ постоянно наблюдать за обращеніемъ дѣтей между собою и за ихъ играми. Но дѣти не должны замѣчать этого надзора, иначе они будутъ тяготиться имъ и скрываться отъ него. Нужно такъ устроить дѣло, чтобы дѣти не чувствовали никакой надобности скрываться отъ родителей, чтобы имъ и на умъ не приходило, что въ ихъ играхъ есть что-то такое, что нужно скрывать отъ людей. Только то дѣло вполнѣ хорошо, которое можно открыто дѣлать предъ всѣми людьми, и только тотъ человѣкъ вполнѣ хорошъ, кто цѣлую свою жизнь можетъ открыть предъ людьми, не опасаясь упрека и осужденія. Къ этой цѣли и должно быть направлено воспитаніе дѣтей: и если оно такъ направлено, то дѣти не только не будутъ тяготиться участіемъ родителей въ ихъ играхъ и шалостяхъ, напротивъ, будутъ съ удовольствіемъ и радостью принимать это участіе. Пріятно видѣть, если дѣти съ каждой мелочью, съ каждой игрушкой, съ каждой новой игрой, какую удалось имъ устроить, бѣгутъ къ своимъ родителямъ, чтобы раздѣлить съ ними свою радость. Только при такомъ постоянномъ общеніи между дѣтьми и родителями, послѣдніе могутъ быть увѣрены, что всякое зло, которое случайно привѣтся къ дѣтямъ, они во время успѣютъ замѣтить и

исправить. Но участіе родителей въ дѣтскихъ играхъ не должно переходить извѣстныхъ границъ и принимать характеръ насилія. Особенно родители не должны, безъ крайней надобности, вмѣшиваться въ распри и ссоры дѣтей между собою. Дѣтскій возрастъ отличается сильной подвижностью, а умственное развитіе дѣтей еще весьма слабо; поэтому силою ума они не могутъ сдерживать порывовъ своего сердца, и весьма легко воспаляются, при малѣйшемъ поводѣ готовы вскочить и накинуться другъ на друга. Но какъ легко они начинаютъ ссору, такъ легко и скоро и примиряются между собою; продолжать долго вражду между собою, подобно взрослымъ, затанывать въ себѣ гнѣвъ и мстить, потому способны тѣ дѣти, которые уже сильно испорчены предъидущимъ воспитаніемъ. Эту легкость и подвижность дѣтской натуры и эту незлопамятность дѣтскаго сердца знаетъ каждый опытный воспитатель, и потому никогда не вмѣшивается, безъ крайней надобности, въ ссоры дѣтей. Даже и въ спорахъ взрослыхъ людей третейскій судья, при всемъ своемъ безпристрастіи, никогда не можетъ уравнивать выгоды тяжущихся, а всегда рѣшаетъ дѣло болѣе въ пользу одной стороны, чѣмъ другой. Тѣмъ труднѣе соблюсти равновѣсіе въ ссорахъ дѣтей; вмѣшательство взрослого, давая перевѣсъ одному маленькому спорящему передъ другимъ, возбуждаетъ въ первомъ самоувѣренность и надежду на неправую защиту, а въ послѣднемъ порождаетъ ожесточеніе, зависть и злобу. Разумѣется, наблюдать за ссорами дѣтей необходимо, для того, во первыхъ, чтобы они не сдѣлали другъ другу какого-нибудь значительнаго тѣлеснаго вреда, и во вторыхъ, чтобы не восторжествовало между ними кулачное право сильнаго надъ слабымъ. Въ послѣднемъ случаѣ вмѣшательство необходимо, чтобы уравнивать слабую сторону съ сильною. Также необходимо энергическое вмѣшательство и въ томъ случаѣ, если въ дѣтахъ будетъ замѣчена наклонность къ драчливости и задиранству другихъ. Но говоря о невмѣшательствѣ взрослыхъ въ ссоры и распри дѣтей, мы имѣли въ виду только такихъ дѣтей, въ которыхъ, съ малолѣтства, правильнымъ образомъ развито чувство любви, и ссоры которыхъ основываются только на свойственной дѣтскому возрасту живости и подвижности, а не на испорченности натуры.

Какъ народы, во время своего младенческаго существованія, такъ и маленькія дѣти весь міръ наполняютъ жи-

выми существами. Дитя не дѣлаетъ еще различія между предметами неодушевленными и одушевленными: для него все живетъ. На этомъ свойствѣ дѣтскаго возраста основывается способность дѣтей играть въ куклы. Взрослый теряетъ эту способность, потому что для него кукла есть мертвая, бездушная вещь, которая не можетъ ни мыслить, ни говорить. Дитя переноситъ на куклу свои собственные духовныя качества, и потому разговариваетъ съ нею, принимаетъ въ ней живое участіе и вообще наслаждается ея обществомъ. Но и въ этихъ невинныхъ дѣтскихъ удовольствіяхъ встрѣчается не мало поводовъ для развитія въ дѣтяхъ чувства злобы и ненависти; и какъ часто сами родители бываютъ орудіемъ развитія этихъ чувствъ въ дѣтяхъ! Напр., слуга или другой взрослый человѣкъ проходитъ мимо играющаго дитяти, неосторожно задѣваетъ дѣтскую игрушку, роняетъ и разбиваетъ ее. Дитя плачетъ. Чтобы утѣшить его, родители съ мнимо-суровымъ видомъ набрасываются на разбившаго игрушку: »ахъ ты злой человѣкъ, какъ ты смѣлъ это сдѣлать? Постой мы тебѣ дадимъ!« — и при этомъ бѣгутъ за нарушителемъ игры. Послѣдній притворно старается убѣжать, наконецъ, позволяетъ себя догнать. Тогда родители говорятъ дитяти: »прибей его, голубчикъ! вотъ такъ, хорошенько!« — и дитя, дѣйствительно, бьетъ. Забавная сцена эта, обыкновенно, сопровождается общимъ смѣхомъ; но наступитъ время, когда этотъ смѣхъ замѣнится слезами. Стоитъ почаще упражнять дитя въ подобныхъ опытахъ, и оно скоро привыкнетъ мстить и вымещать свою злобу на другихъ. Въ тому же самому ведутъ и, такіе случаи, когда дитя упадаетъ и ушибается обо что-нибудь, напр. о столъ, о стулъ, и т. п., а родители, чтобы утѣшить плачущее дитя, начинаютъ бить этотъ предметъ и тоже заставляютъ дѣлать и дитя. Вообще развитіе добрыхъ или злыхъ наклонностей въ дитяти совершается посредствомъ подобныхъ, самыхъ мелкихъ, ничтожныхъ, по видимому, случаевъ, а не посредствомъ серьезныхъ и пространныхъ наставленій. Послѣднія умѣстны только тогда, когда дитя уже значительно подростетъ и разовьется умственно; но тогда уже трудно исправить испорченное съ малолѣтства дитя. Лучше, если оно съ малыхъ раннихъ поръ своей жизни будетъ направлено такъ, что впоследствии не нужно будетъ его исправлять.

Въ сказанному нами о развитіи въ дѣтяхъ чувства любви и сочувствія къ людямъ необходимо еще прибавить о важности развитія въ дѣтяхъ *чувства прекраснаго*. Въ комъ, правильнымъ образомъ, развито это чувство, тотъ всегда болѣе склоненъ къ добру, нежели ко злу, потому что всякое добро прекрасно и всякое зло безобразно и отвратительно. Къ сожалѣнію, не во всякомъ семействѣ есть средства для развитія въ дѣтяхъ этого чувства: часто этому препятствуетъ бѣдность и нищета семейной обстановки, которая вообще неблагоприятна для правильного воспитанія дѣтей. Но гдѣ позволяютъ средства, тамъ не слѣдуетъ пренебрегать развитіемъ въ дѣтяхъ чувства прекраснаго. Для этого, само собой понятно, съ самыхъ раннихъ поръ нужно окружать дитя исключительно предметами изящными и красивыми: ничего безобразнаго ни въ предметахъ, ни въ поступкахъ людей, окружающихъ дитя, не должно быть предъ его глазами. А такъ какъ все непрекрасное есть вмѣстѣ и неприличное, то необходимо приучать дитя вести себя прилично, и только въ этомъ смыслѣ приличія могутъ имѣть значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Этимъ путемъ можно приучить дитя сдерживать страстные порывы. Дайте, напр., дитяти почувствовать, какъ гнѣвъ безобразитъ человѣка, и оно будетъ удерживать себя отъ гнѣва. Вообще необходимо возбуждать въ дѣтяхъ отвращеніе отъ всякой страсти и внушать имъ, что только одна мирная и радостная добродѣтель прекрасна. Впрочемъ, и для бѣдныхъ родителей есть возможность сдѣлать многое для развитія въ дѣтяхъ чувства прекраснаго, потому что *природа* представляетъ самый богатый и для всякаго доступный источникъ красоты. Изслѣдованіе и изученіе природы всегда соединено съ наслажденіемъ и красотой. Но чтобы воспользоваться этимъ богатымъ источникомъ красоты, для воспитанія дѣтей, прежде всего нужно, чтобы въ самихъ родителяхъ было развито чувство прекраснаго. Между тѣмъ, въ бѣдныхъ толдахъ, постоянно подавляемыхъ мелкими житейскими нуждами, это чувство, обыкновенно, бываетъ весьма слабо развито ¹⁾

П. Р.

¹⁾ О развитіи религіознаго чувства будетъ сказано послѣ, въ особой статьѣ.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЯНСКИХЪ ПЯТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав- № 25. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. кievской семинаріи.

1869 года. Іюня 22-го.

Содержаніе: Поученіе къ поселянамъ при наступленіи жатвы.—Облаченіе въ христіанской проповѣди.—О религіозно-правственномъ воспитаніи дѣтей въ первоначальномъ ихъ возрастѣ.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПОСЕЛЯНАМЪ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ ЖАТВЫ.

Изыдетъ человекъ на дѣло свое, и на дѣланіе свое до вечера (Псал. 103, ст. 23).

Наступаетъ время жатвы, время особенно трудное для васъ, возл. слушатели. Съ восходомъ солнца каждый изъ васъ поспѣшитъ на поле свое и будетъ тамъ работать до вечера. За этою трудною работою каждый изъ васъ не мало прольетъ пота. Что же дѣлать! Еще первому человеку Адаму, за грѣхопаденіе его, Богъ изрекъ такой приговоръ: *въ потѣ лица твоего съищи хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19). И съ тѣхъ поръ всѣ люди, происшедшіе отъ того же перваго человека Адама, трудились, трудятся и будутъ трудиться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ конецъ лѣта сего. Будутъ трудиться потому, что всѣмъ имъ нужна пища, одежда, нужно жилище, нужны деньги; а все это пріобрѣтается работою, трудомъ. Будутъ трудиться, потому что, и за неисполненіе Божественнаго приговора о трудѣ, можно лишиться Божіей милости какъ здѣсь, такъ и въ будущей жизни. Потому-то мы и видимъ, что всѣ люди заняты трудомъ. Трудится царь,

думая крѣпкую думу о томъ, какъ бы лучше и болѣе доставить счастья народу своему; трудится судія, разбирая тяжбы дѣла ссорящихся людей; трудится пастырь Церкви, заботясь о спасеніи душъ ввѣренныхъ ему чадъ духовныхъ; трудится воинъ, защищая отъ супостатовъ православную вѣру, царя и отечество; трудится и каждый изъ васъ, возл. сл., воздѣлывая землю и занимаясь производствомъ разныхъ ремеслъ, трудится какъ для собственного благополучія, такъ и для блага общественнаго. А кто не трудится, или кто живетъ неправеднымъ стяжаніемъ и разгульною жизнію, то такого человѣка, обыкновенно, называютъ тунеядцемъ, воромъ и мотомъ. Грѣшно и стыдно быть такимъ человѣкомъ—грѣшно предъ Богомъ, стыдно предъ людьми. Не для того Богъ даровалъ человѣку разумъ и силы тѣлесныя, чтобы онъ употреблялъ ихъ на худыя дѣла или лежалъ на боку, но для того, чтобы онъ постоянно заботился доставить себѣ счастье какъ въ здѣшней, такъ, въ особенности, въ будущей жизни. А когда мы трудимся, и трудимся усердно, безъ ропота, безъ скорби, трудимся съ терпѣніемъ, съ молитвою, съ вѣрою и надеждою на Бога, трудимся, призывая на свой трудъ благословеніе Божіе,—тогда этотъ трудъ нашъ не можетъ быть непріятенъ Богу и, слѣдовательно, этотъ трудъ нашъ вполне можетъ быть полезенъ и спасителенъ для насъ.

Любите же, возл. сл., трудъ свой, трудъ земледѣльческій. Не ропщите на то, что на вашу долю достался этотъ, а не другой трудъ. Каждому человѣку Богъ опредѣляетъ трудъ по его силамъ, способностямъ и достоинству. Дорожите своею землею своею, которою, по волѣ Государя, всѣ вы надѣлены теперь. Въ землѣ этой вы всегда найдете кладъ, если только будете искать его какъ слѣдуетъ. Кладъ этотъ—тѣ плоды земледѣльческаго труда, которые кормятъ васъ самихъ, кормятъ воинство православное, кормятъ Русь святую, кормятъ и другія государства. Не даромъ же Государь Им-

ператоръ велѣлъ надѣлать васъ землею. Безъ земли не было бы никакихъ средствъ къ жизни у тѣхъ изъ васъ, которые не знаютъ никакого ремесла; а такихъ между вами, особенно въ селеніяхъ—огромное большинство. Не имѣя собственной земли, вы не имѣли бы часто и собственного приistaniща, и потому должны быть постоянно въ полной зависимости какъ отъ богатаго землевладѣльца, такъ и отъ фабриканта. И такъ (напомню вамъ слова Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года) — «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашнего благополучія и блага общественнаго». Но, трудись всегда съ молитвою, освящая трудъ свой призываніемъ помощи и благословенія Божія, безъ котораго не можетъ быть успешенъ никакой трудъ; трудись безъ скорби, безъ гнѣва, и тогда, повѣрь, наступающая полевая работа покажется тебѣ не трудною—особенно, если съ молитвою своею ты будешь соединять и душеполезное размышленіе. А размыслить въ это время есть о чемъ. Вотъ, пришелъ ты на поле свое и прежде начатія работы взглянулъ на верхъ. Тамъ, на высотѣ, *небеса повѣдаютъ славу Божію, теореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Псал. 18, ст. 1). Изъ глубины души повѣдай и ты съ псалмопѣвцемъ: *чудна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 138, ст. 14; Псал. 103, ст. 23). Здѣсь, у ногъ твоихъ чирикаетъ воробей, стрекочитъ кузнечикъ, надъ головой слышится пріятное пѣніе птицъ; *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Псал. 150, 6). Отъ чистоты сердца воспой и ты хвалебную пѣснь всеблагому Творцу и Богу твоему, Которымъ все живетъ и движется. Взглянулъ ты на село твое, и взоръ твой невольно останавливается на приходской церкви твоей. Тутъ ты вспомни ту минуту, въ которую, въ первый разъ, св. Церковь назвала тебя христіаниномъ, вспомни и тотъ послѣдній день,

въ который она проводить тебя въ могилу, вспомни и раз-
 мысли о загробной жизни твоей. Да, тебя ждетъ другая жизнь,
 гдѣ, при наступленіи всемірной жатвы—страшнаго суда Хри-
 стова, ты *пожнешь только то, что здѣсь посеешь*;—по-
 сеешь здѣсь добрыя дѣла, доброе получишь и воздаяніе въ бу-
 дущей жизни; посеешь здѣсь злыя дѣла, злое воздаяніе и по-
 получишь тамъ. Старайся же всегда сѣять здѣсь добрыя дѣ-
 ла. За эти добрыя дѣла, въ будущей жизни, ты получишь
 отъ Хозяина всемірной жатвы, Господа нашего Ісуса Хри-
 ста, такую награду, которой здѣсь и цѣны нѣтъ! Аминь.

Св. М. Постыловъ.

Нижегор. губер
 с. Воскресенское.

ОБЛИЧЕНИЕ ВЪ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ ¹⁾.

3) Христіанское благочестіе въ первенствующей Церкви, съ одной стороны, возгрѣваемое благодатію Св. Духа, а съ другой, —очищаемое въ огнѣ гоненій, представляло отрадную картину безукоризненныхъ нравовъ въ членахъ православной Церкви. Они, *оболкшися въ броня правды и воспріимше щитъ вѣры и шлемъ спасенія* (Ефес. 6, 14. 16. 17), бодрственно сражались съ врагами благочестія: міромъ, плотію и діаволомъ, и —при помощи Божіей, оставались побѣдителями ихъ. Пастырямъ Церкви оставалось поддерживать въ пасомыхъ духъ благочестія и утѣшаться нравственными совершенствами пасомыхъ. Мы не говоримъ, что бы и въ первые вѣка христіанства между вѣрующими не было грѣшниковъ; но принимаемъ во вниманіе нравственное состояніе большинства вѣрующихъ, —и въ этомъ отношеніи христіанская проповѣдь рѣдко была поставляема въ необходимость обличать недостатки вѣрующихъ. Впрочемъ,

¹⁾ См. № 22-й.

если и въ вѣкѣ апостоловъ, какъ мы видѣли, были случаи, которые требовали отъ нихъ слова обличенія грѣшниковъ; то тѣмъ болѣе оно неизбѣжно было въ послѣдующихъ, даже первыхъ вѣкахъ. Св. Климентъ римскій, изобразивъ прежнее духовное состояніе коринѳянъ, — когда »всѣмъ дарованъ былъ глубокій и прекрасный миръ и ненасытимое стремленіе дѣлать добро, и на всѣхъ было полное изліяніе Св. Духа«, когда христіане, »полные святыхъ желаній, съ искреннимъ усердіемъ и съ благочестивымъ унованіемъ простирали руки свои къ Всемогущему, и умоляли Его быть милосерднымъ, если въ чемъ невольнo погрѣшили«, — обличаетъ печальное состояніе коринѳской Церкви въ его время, вслѣдствіе раздора, происшедшаго между мірянами и клиромъ. »Вся слава и широта«, говоритъ онъ коринѳянамъ, »дана была вамъ; исполнилось, что написано: онъ ѣлъ и пилъ, разжирѣлъ и растолстѣлъ, и сдѣлался непокоренъ возлюбленный (Втор. 32, 15) ¹⁾. А отсюда ревность и зависть, вражда и раздоръ, гоненіе и возмущеніе, война и плѣнь« ²⁾. Обличивъ, такимъ образомъ, раздоръ коринѳянъ, св. Климентъ, въ тонѣ отеческаго наставленія, внушаетъ миръ ссорящимся. »Бѣто изъ васъ благороденъ«, говоритъ онъ, »кто добродушенъ, кто исполненъ любви, тотъ пусть скажетъ: если изъ за меня мятежъ, раздоръ и раздѣленіе, — я отхожу, иду, куда вамъ угодно, и исполню все, что велитъ народъ, только бы стадо Христово было въ мирѣ съ поставленными пресвитерами«. Но сдѣлавши такое внушеніе клиру, св. Климентъ не оставляетъ безъ вразумленія и народъ, а основываясь на томъ, что взаимное вразумленіе хорошо и полезно, предлагаетъ, чтобы виновники возмущенія покорились пресвитерамъ и приняли вразумленіе къ покаянію ³⁾. Такою

¹⁾ Текстъ приведенъ здѣсь не съ буквальною точностію.

²⁾ Св. Клим. римск. 1-е посл. къ Коринѳ. глава 3. Памятникъ древн. хр. письменности. т. 1. стр. 104. Москва. 1860 г.

³⁾ Тамъ же гл. 57.

же сдержанностію, отеческою любовію и христіанскою кротостію проникнуты были и замѣчанія другихъ апостольскихъ мужей о нравственныхъ недостаткахъ вѣрующихъ. »Не приказываю вамъ«, пишетъ св. Игнатій Богоносець ефессянамъ, »какъ что либо значащій, ... но такъ какъ любовь не позволяетъ мнѣ молчать въ отношеніи къ вамъ, то я рѣшился убѣждать васъ« ¹⁾. Вообще обличеніе христіанъ въ нравственныхъ недостаткахъ, и то—не частое, было болѣе предостереженіемъ и убѣжденіемъ, нежели упрекомъ и осужденіемъ. Даже, когда дѣло касалось обличенія людей, достойныхъ строгаго обвиненія и суда,—и тогда это обличеніе растворялось снисходительностію не къ пороку, но лицу, впадшему въ порокъ. »Я сильно опечалился«, пишетъ св. Поликарпъ къ филиппійцамъ, »изъ за Валента, который нѣкогда былъ у васъ пресвитеромъ, что онъ такъ забылъ данный ему санъ.... Я весьма скорблю, братья, о Валентѣ и его женѣ; дай Богъ имъ истинно покаяться! А вы будьте благоразумны въ этомъ и не почитайте ихъ за враговъ, но старайтесь ихъ исправить« ²⁾.

Но съ умноженіемъ числа христіанъ, умножалось и число слабыхъ членовъ Церкви. Особенно они явились во множествѣ съ тѣхъ поръ, какъ Церковь, умиренная отвѣтъ равноапостольнымъ Константиномъ, въ силу господства и привилегій, дарованныхъ ей этимъ императоромъ, начала привлекать къ себѣ и людей, не проникнутыхъ евангельскимъ ученіемъ о благочестіи. Язычество глубоко пустило корни въ жизни общественной и семейной, и исторгнуть эти корни вдругъ, во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ семействахъ, было весьма не легко. Такимъ образомъ, въ нравахъ христіанъ, не утвердившихся еще въ благочестіи, бы-

¹⁾ Памятники древн. хр. письм. т. 2 стр. 375. 376. Москва. 1860 г. ²⁾ Тамъ же стр. 448, 449

ло много недостаточнаго и даже предосудительнаго. Въ городахъ и особенно въ Константинополѣ, который, по выраженію одного св. отца, былъ »городъ—око вселенной, могущественнѣйшій на сушѣ и на морѣ, какбы взаимный узелъ Востока и Запада« ¹⁾, куда отовсюду стекались богатства, вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась любовь къ пышности и роскоши, страсть къ зрѣлищамъ и всякаго рода удовольствіямъ. Святый Григорій Богословъ, описывая нравственное состояніе константинопольской паствы, изображаетъ ее сначала нивою невоздѣланною и безплодною, а потомъ, похвалившись, какъ она при немъ стала благоустроенною и имѣла соборъ пресвитеровъ, украшенныхъ сѣдиною и мудростію, мужей и женъ, равныхъ честію добродѣтели, не скрываетъ и недостатковъ, которые огорчали его въ пасомыхъ.

Первый изъ такихъ недостатковъ онъ видитъ въ роскошной жизни богачей. Съ особенною подробностію и наглядностію онъ изображаетъ эту жизнь, противопоставляя ее безпомощной скудости бѣднаго класса людей. По этому изображенію, современные ему богачи жили въ великолѣпныхъ домахъ, разцвѣченныхъ всякаго рода камнями, блестящихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоры; они нѣжили себя, покрываясь мягкой и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шелку; они, роскошно одѣвшись, съ важностію возлежали (за трапезой) на высокихъ и пышныхъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами; полъ въ ихъ столовой былъ усыпанъ пахучими цвѣтами, а столъ—намащенъ самымъ дорогимъ и благоуханнымъ мромъ, для большаго раздраженія нѣги, и обремененъ хитрыми выдумками поваровъ и чекарей: слуги ихъ молодые и кра-

¹⁾ Дѣян. всел. собор. прощ. рѣчь св. Григор. Б. къ собору вселенскому. т. 1. стр. 241. Казань 1859 г.

спивые, изысканно одѣтые, съ распущенными, какъ у женщинъ, волосами, подносили имъ кушанье и напитки съ подбострастіемъ и вѣяли опахалами надъ головами господъ, прохладя жаръ утучненнаго тѣла. »Намъ«, съ провією говоритъ святитель, въ заключеніе сего изображенія современной роскоши, »непремѣнно должно вести жизнь роскошную, превышающую нужды, или, покрайней мѣрѣ, славиться такою жизнію«²⁾. Эта всеобщая, между богачами того времени, страсть къ пышности и роскоши въ жилищахъ, одеждѣ, столѣ, прислугѣ и экипажахъ и вообще во всей жизненной обстановкѣ, имѣла еще ту предосудительную черту, что богатые, расточая деньги на свою пышность и на свои удовольствія, были при этомъ жестокосерды въ отношеніи къ бѣднымъ. Провинціальныя города старались, какъ обыкновенно водится, подражать столицѣ въ роскоши и невнимательности къ бѣднымъ. Видя эти недостатки въ насомыхъ, могли ли такіе ревнители христіанской простоты въ жизни и защитники бѣдныхъ, какъ: св. Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, оставить безъ обличенія богатство, служащее къ удовлетворенію прихотей, а не нуждъ бѣдняковъ, требующихъ помощи? Потому-то у св. Василія Великаго находимъ обличеніе богатства, роскоши и неразлучнаго съ ними жестокосердія къ бѣднымъ, въ бесѣдахъ: *противъ ростовщиковъ, противъ нѣянства и роскоши, о гладѣ*, и др. и въ письмахъ *противъ скупости и гордости* богатыхъ. Если же и пастырь Кесаріи каппадокійской замѣчалъ въ своей провинціальной паствѣ и обличалъ роскошь, невоздержаніе и немилосердіе богачей,—то еще болѣе необходимо было обличеніе этихъ пороковъ въ столицѣ. Имѣя, конечно, въ виду эти пороки, св. Григорій Богословъ, при

²⁾ Слово 14-е о любви къ бѣднымъ. Твор. св. отц. пер. при Моск. Ак. ч. 2, стр. 16—19. Москва. 1843 г.

процаньи съ константинопольскою паствою, обращается къ разнымъ слоямъ общества съ убѣжденіемъ жить добродѣтельно. Приближеннымъ къ царскому двору онъ внушаетъ не превозноситься своею властію, гордящихся благородствомъ вразумляетъ облагораживать нравы, мудрецовъ и философовъ, почтенныхъ только по бородѣ и плащу, укоряетъ въ незнаніи *перваго* ученія, богатыхъ и роскошно питающихся убѣждаетъ помогать бѣднякамъ, ко всѣмъ же гражданамъ обращается съ такими словами обличенія: »граждане великаго города! окажитесь первыми не въ порокахъ, но въ добродѣтели, не въ распутствѣ, но въ благочестіи«¹⁾. Но это кроткое убѣжденіе, какъ видно, не заставило жителей Константинополя оставить роскошь, пышность, жестокосердіе къ бѣднымъ. Гвѣздо гордости, пышности, роскоши и расточительности было при дворѣ,—у царедворцевъ. Въ подражаніе имъ, и частные богатые люди искали превозношенія въ роскошной обстановкѣ жизни. Святый Златоустъ нашелъ это зло разросшимся сильно въ Константинополѣ, и потому считалъ нужнымъ неоднократное и сильное обличеніе его. Не исчисляя всѣхъ его обличеній противъ честолюбія, роскоши и пышности, обратимъ вниманіе на обличенія этихъ пороковъ, высказанныя св. Златоустомъ въ словахъ противъ Евтропія свнуха, патриція и консула. Этотъ гнусный временщикъ имѣлъ великую силу при дворѣ, и, пользуясь огромными доходами, сорилъ деньгами на удовольствія, а между тѣмъ былъ врагомъ Церкви и бѣднаго класса жителей. Очень естественно, что св. Златоустъ, при видѣ этого гордеца, просившаго у Церкви покровительства и защиты, во время своей опалы, не могъ пропустить случая обличить поведеніе богачей и честолюбцевъ, въ лицѣ Евтропія, »не

¹⁾ Слово 36-е о себѣ самомъ и проч. Твор. св. отц. пер. при М. Ак. т. 3 стр. 211 212. Москва. 1844 г.

нападая, « какъ онъ самъ поясняетъ, »на лежащаго, но желая стоящихъ сдѣлать болѣе безопасными« ¹⁾). Пораженный уничтоженіемъ гордаго Евтропія, проповѣдникъ обличитель восклицаетъ: »Гдѣ теперь блистательная обстановка консульства? гдѣ ясные свѣтильники? Гдѣ рукоплесканія и ликованія и праздники? Гдѣ вѣнки и завѣсы? Гдѣ городской шумъ и славословія на конскихъ ристалищахъ и льстивыя рѣчи зрителей? Все это прошло... Гдѣ теперь притворные друзья? Гдѣ пиршества и обѣды? Гдѣ толки тунеядцевъ и продолжавшіяся цѣлый день возліянія вина и различныя искусства поваровъ, и поклонники могущества, дѣлавшіе и говорившіе все съ угодливостію? — Все это было какъ ночь, какъ сновидѣніе« — ²⁾! Въ этихъ невольныхъ восклицаніяхъ проповѣдника, при видѣ низверженнаго съ своей высоты временщика, представляется полная картина роскошной жизни богатаго царедворца. И такъ какъ причиною роскошной жизни и неразлучныхъ съ нею пороковъ было, въ настоящемъ случаѣ, богатство, — то проповѣдникъ не преминулъ направить обличеніе и противъ богатства. »Не говорилъ ли я тебѣ постоянно«, напоминаетъ онъ Евтропію, »что богатство есть бѣглый рабъ. А ты не слушалъ насъ. Не говорилъ ли я, что оно не благодарный слуга? А ты не хотѣлъ вѣрить. Вотъ опытъ на дѣлѣ показалъ, что оно не только не благодарный рабъ, но и челоуѣкоубійца« ²⁾). Чтобы осужденіе богатыхъ не показалось суровою крайностію въ обличеніи, св. Златоустъ выясняетъ, въ другомъ словѣ противъ Евтропія, почему онъ нападаетъ на богатство. »Многіе осуждаютъ меня«, говорилъ онъ, »постоянно повторяя, что я нападаю на богачей; но и они всегда нападаютъ на бѣдныхъ. Я нападаю на богачей, но не за то, что они богаты, а за то, что худо пользуются богатствомъ.

¹⁾ Слово по случаю бѣгства Евтропія. Хр. чт. 1865. Ноябрь. стр. 457. ²⁾ Тамъ же стр. 458.

Я всегда говорю, что обвиняю не богача, но грабителя. Иное дѣло богачъ и иное—грабитель; иное достаточный и иное — корыстолюбивый. Различай предметы и не смѣшивай того, чего не должно смѣшивать. Ты богатъ? Я не препятствую. Ты грабитель? Я осуждаю. Ты владѣешь своимъ? Пользуйся имъ. Ты похищаешь чужое? Я не молчу. Хочешь побить меня камнями? Я готовъ пролить свою кровь, только бы остановить твой грѣхъ»¹⁾. Эти же мысли развиваетъ св. Златоустъ и во многихъ другихъ словахъ, въ которыхъ касался обвиненія богатства и происходящихъ отъ него пороковъ. Тамъ въ бесѣдѣ, по случаю ссылки Сатурнина и Аврелиана, онъ говоритъ: »что прежде мы говорили, то самое не престанемъ говорить и теперь, хотя многіе прежде обвиняли насъ и говорили: перестанешь ли ты вооружаться языкомъ своимъ противъ богатыхъ? Перестанешь ли непрестанно враждовать противъ нихъ? Но противъ ихъ ли я вражду? Не за нихъ ли скорѣе я все говорю и дѣлаю, тогда какъ они изощрили мечи свои сами на себя?... Не говорилъ ли я всегда, что богатство—бѣглецъ, переходящій отъ одного къ другому? и о если бы оно только переходило, но не убивало, если бы перебѣгало, но не губило»²⁾!

Другой недостатокъ, противъ котораго сильно вооружалась христіанская проповѣдь—видимъ въ пристрастіи тогдашнихъ христіанъ къ разнаго рода зрѣлищамъ. Игры и зрѣлища, съ давнихъ временъ, въ римской имперіи были предметомъ щедрости императоровъ и любви народной. Народъ въ Римѣ получилъ къ нимъ такое пристрастіе, что Ювеналъ, въ одной изъ своихъ сатиръ, съ насмѣшкою говоритъ: »что нужно для обладателей міра? хлѣбъ и зрѣлища«! Эта страсть къ зрѣлищамъ привилась отъ стараго Рима и къ новому. Правда, здѣсь на востокѣ, гдѣ чувства

¹⁾ Бесѣда потому же случаю. Тамъ же стр. 473.

²⁾ Тамъ же. декабрь, стран. 508.

жителей, смягченные изяществомъ греческаго вкуса, были гораздо нѣжнѣе грубыхъ чувствъ римлянъ, не услаждались кровавыми боями гладіаторовъ и ненавистною травлею людей звѣрями. Подъ кроткимъ небомъ Востока плѣняли не кровавыя, но такъ называемыя изящныя наслажденія. Стройность тѣла, игривость и изысканность тѣлодвиженій, вообще пластическая красота оставалась идоломъ народа и послѣ того, какъ онъ перемѣнилъ языческій культъ на христіанское Богопочтеніе. Пылкіе по природѣ, жители восточной имперіи были такъ же легко склонны къ добрымъ, какъ и къ худымъ увлеченіямъ, лишь бы предметомъ ихъ была изящная форма. Особенно въ любви были конскія ристалища. Извѣстно, что въ послѣдствіи, при греческихъ императорахъ, страсть къ гипподрому простерлась до такого неистоваго увлеченія, что крамола *синнихъ* и *зеленыхъ*, называемыхъ такъ по цвѣту одежды возницъ двухъ партій, не разъ была причиною кровопролитій въ Константинополѣ. Но и въ четвертомъ вѣкѣ страсть къ конскимъ ристалищамъ и вообще къ зрѣлищамъ была очень сильна. »Много есть городовъ«, говоритъ св. Василій Великій, »жители которыхъ, отъ глубокаго утра до самаго вечера, насыщаютъ свой взоръ зрѣлищами«. При этомъ онъ изображаетъ, какъ они слушаютъ развратныя пѣсни цѣлый день и не удовлетворяются ими; какъ, оставивъ куплю и продажу, или занятія художествами и ремеслами, проводятъ время въ лѣности и сладострастіи. Зрѣлища, изобилующія нечистыми представленіями, по замѣчанію сего святителя, служили общимъ и всенароднымъ училищемъ безстыдства. Страсть къ этимъ зрѣлищамъ и особенно къ коннымъ ристалищамъ доходила до того, что, по выраженію тогоже св. Василія, »тѣ, которые увеселяются конями, и во снѣ спорятъ о коняхъ, не репрятаятъ колесницы и перемѣняютъ всадниковъ, такъ что не свободны бываютъ отъ дневнаго безумія даже въ

сонныхъ грезахъ*¹⁾). И такъ, и пастырь смиренной кесарійской паствы не оставилъ безъ замѣчанія страсти къ зрѣлищамъ въ городахъ. Тѣмъ болѣе не могли оставить ее безъ обличенія св. Григорій Богословъ и особенно Златоустъ, бывшіе свидѣтелями увлеченій Константинополя къ конскимъ ристалищамъ и зрѣлищамъ. »Не сносны мнѣ«, говоритъ съ прискорбіемъ св. Григорій Богословъ, »ваши ристалища, ваши зрѣлища, и тѣ расходы и заботы, которыми предаются вы съ такимъ неистовымъ рвеніемъ«²⁾. »Стыдно вамъ«, упрекаетъ онъ жителей Константинополя, »господствовать надъ городами и уступать надъ собою побѣду сладострастію, или въ иномъ соблюдать цѣломудріе, а къ конскимъ ристалищамъ, зрѣлищамъ, поприщу и цесовой охотѣ имѣть такую бѣшенную страсть, что въ этомъ одномъ поставляютъ всю жизнь, и первому изъ городовъ, которому всего приличнѣе было бы служить для другихъ примѣромъ всего добраго, стать городомъ играющихъ«³⁾. Но гораздо съ болѣею силою обличаетъ эту страсть къ зрѣлищамъ св. Іоаннъ Златоустый. Былъ такой случай, что христіане оставили храмъ и ушли на конскія ристалища и зрѣлища. Глубоко оскорбленный такимъ поведеніемъ пасомыхъ, св. Златоустъ говоритъ: »можно ли это стерпѣть, можно ли снести? Съ вами самими я хочу судиться противъ васъ же«. Показавши, что такъ и Богъ поступилъ нѣкогда съ евреями (Мих. 6, 3), проповѣдникъ опять повторяетъ: »можно ли это стерпѣть, можно ли снести? После столь долгаго собесѣдованія, послѣ такого ученія, нѣкоторые, оставивъ насъ, побѣждали смотрѣть на состязающихся

¹⁾ Бесѣд. на шестоднев. 4-я, о собраніи водъ.

²⁾ Слово прощальное къ отцамъ 2 всел. собора. Дѣян. всел. собор. т. 1. стр. 254.

³⁾ Слово 36-е о самомъ себѣ и проч. Твор. св. отец. т. 3. стр. 212. Москва. 1844 г.

коней и ввали въ такое неистовство, что наполнили весь городъ непристойнымъ шумомъ и крикомъ, возбуждающимъ смѣхъ, или лучше плачъ«. Златоустъ изображаетъ, за тѣмъ, какъ сильно поражали его сердце доходившіе до его слуха крики зрителей, восхищенныхъ возницами, и упрекаетъ ихъ особенно за то, что они такъ не по-христіански поступили въ городѣ апостоловъ, и—въ день, посвященный воспоминанію страданій Христовыхъ (это было въ великую пятницу 339 г.). Къ усугубленію вины бывшихъ на зрѣлищѣ, онъ напоминаетъ недавнее наказаніе Божіе. За три дня предъ симъ проливной дождь грозилъ истребленіемъ плодовъ земныхъ; но жители Константинополя прибѣгли съ молитвою къ св. апостоламъ, покровителямъ Византіи: Петру, Андрею, Павлу и Тимофею, и Богъ помиловалъ ихъ, а теперь за-были недавнюю угрозу Божію, неистовствовали и кричали на зрѣлищѣ«. »Старцы посрамили свои сѣдины«, говоритъ проповѣдникъ, »юноши подвергли опасности свою юность, отцы привели туда своихъ дѣтей, ввергая ихъ, въ самомъ началѣ невиннаго возраста, въ пропасть нечестія«.—Въ Златоустово время, вѣроятно, можно было ждать на такое обличеніе возраженія: какое же тутъ нечестіе? Св. Златоустъ на это возраженіе отвѣчаетъ, не обинуясь, такъ: »ты исполненъ прелюбодѣянія, и спрашиваешь, какое нечестіе? Въ доказательство своего, повидимому, суроваго обличенія, онъ анализируетъ чувство зрителя на зрѣлищахъ, особенно та-кихъ, гдѣ лицедѣйствовали женщины, потерявшіе стыдъ. »Видя блудную жену«, говоритъ онъ, »выходящую съ обна-женною головою, съ великимъ безстыдствомъ, одѣтую въ золотыя одежды, дѣлающую нѣжныя и обольстительныя тѣлодвиженія, поющую блудныя пѣсни и развратныя стихотворенія, произносящую срамныя слова и совершающую та-кія непристойности, что и ты, зритель, потупляешь взоры,—какъ смѣешь говорить, что не испытываешь ничего чело-

вѣческаго? Развѣ тѣло твое камень? Развѣ оно желѣзо? Чтобы показать гибельныя слѣдствія увлеченія зрѣлищами, св. Златоустъ возвращаетъ зрителей къ ихъ семействамъ и находитъ, что они приносятъ туда съ зрѣлищъ недовольство домашнимъ состояніемъ. »Когда ты, занятый ею (актрисою), приходишь домой, то и жена кажется тебѣ не такъ пріятною и дѣти несносными... Причина этого въ томъ, что ты возвращаешься домой не одинъ, но приводишь съ собою блудницу, входящую не явно и открыто, что было бы сноснѣе, ибо жена тотчасъ выгнала бы ее, —но сидящую въ твоей душѣ и въ сознаніи, и воспламеняющую внутри тебя вавилонскій, и даже сильнѣйшій, пламень«. Такъ какъ св. Златоустъ и прежде не разъ вооружался противъ страсти къ зрѣлищамъ, и употреблялъ увѣщанія и совѣтъ, то теперь, видя, что увѣщанія и наставленія неэффективны, онъ рѣшается прибѣгнуть къ отлученію. »Вотъ уже прошелъ годъ«, говоритъ онъ, »съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ въ вашъ городъ (Константинополь), и не переставалъ часто и постоянно предлагать вамъ такое увѣщаніе; но такъ какъ нѣкоторые остаются въ этой заразѣ, то теперь уже мы сдѣлаемъ отсѣченіе«¹⁾. Приговоръ тяжелый для христіанъ; ибо отлучаемые не могутъ ни въ сей жизни, во время отлученія, имѣть общеніе съ вѣрующими, ни въ будущей, если бы остались неразрѣшенными, имѣть упованія съ спасаемыми. Но такое крайнее средство св. Златоустъ употребляетъ временно, для того, чтобы отклонить позоръ отъ Церкви. »Пусть они переимѣнятся«, говоритъ онъ, »и—приговоръ будетъ отмѣненъ; ибо мы получили власть какъ вязать, такъ и разрѣшать, и опять приводить въ Церковь«²⁾.

Недостатки въ поведеніи, достойные осужденія и въ мірянахъ, тѣмъ болѣе должны быть предосудительны въ ду-

¹⁾ Слово противъ зрѣлища. См. Христ. Чт. 1865. Августъ.

²⁾ Тамъ же.

ховенствѣ. Отъ служителей алтара требуется, чтобы они всегда были для вѣрующихъ примѣромъ умѣренной жизни и незазорнаго поведенія. Къ несчастію, въ константинопольскомъ клирѣ нельзя было не видѣть и не обличать нарушенія и скромности, и чистоты жизни. Св. Григорій Богословъ, оправдывая свое удаленіе въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера, возвратившись оттуда, говоритъ: »Мнѣ стыдно было за другихъ, которые, будучи не лучше прочихъ (если еще не хуже), съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами, берутся за святое дѣло, и прежде, нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываются во святилище, тѣснятся вокругъ святой трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцомъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета« ¹⁾. Въ священныхъ степеняхъ искали возможности, во первыхъ, удовлетворить честолюбію. Слоры о первенствѣ и старшинствѣ были нерѣдки между священнослужителями. »О если бы«, говоритъ св. Григорій, »не было ни предсѣдательства, ни предпочтенія мѣсть, ни мучительныхъ преимуществъ, и насъ различали по одной добродѣтели! А нынѣшній порядокъ—стать справа, слѣва, въ срединѣ, выше и ниже, идти впереди или рядомъ, произвелъ у насъ много напрасныхъ замѣшательствъ« ²⁾. вмѣстѣ съ честолюбіемъ, развивалась въ духовенствѣ и любовь къ пышности, въ подражаніе свѣтскимъ вельможамъ и богачамъ, такъ что вошло даже въ обычай, чтобы высшее, по крайней мѣрѣ, духовенство вело жизнь открытую и роскошную и имѣло блистательную обстановку. Объ этомъ можемъ судить по слѣдующей жалобѣ

¹⁾ Слово 3-е. Твор. св. отц. перев. при Моск. Акад. ч. 1-я стран. 21. Москв. 1843.

²⁾ Слово 26-е о себѣ самомъ. Твор. св. отц. перев. при М. А. ч. 2. стр. 308. Москв. 1843. г.

того же св. Григорія, высказанной предъ отцами 2-го вселенскаго собора: »Быть можетъ, и за то будутъ порицать меня (какъ уже и порицали), что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ должно входить въ состязаніе съ консулами, правителями областей, знатѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ, куда расточить свое богатство,—что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, употреблять необходимое на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ я, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно высится на колесницѣ,—что и мнѣ должны быть встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, что веѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться предо мною, какъ предъ дикимъ звѣремъ, лишь только издали увидятъ мое шествіе« ¹⁾). Видя неприличное духовному сану поведеніе пастырей, св. Григорій Богословъ выражаетъ скорбь свою объ этомъ въ словѣ, сказанномъ по возвращеніи изъ села, послѣ Максимова покушенія занять константинопольскую кафедру. »Не мало огорчаетъ и тяготитъ меня«, говоритъ онъ, »видимое здѣсь,—не одно то, что въ городахъ обыкновенно: стеченіе народа, шумъ, торжища, зрѣлища, пресыщеніе, обѣды, и проч...., но даже и сіи почтенные и достойные уваженія люди,—говорю о предстоящихъ въ семъ алтарѣ при святой трапезѣ. Такъ какъ имѣю, по видимому, надъ ними власть, и самъ нахожусь въ числѣ приступающихъ къ Богу; то боюсь, что мы худо приступаемъ и, какъ солома, приближаемая къ огню, не стерпимъ огня« ²⁾). Страсть къ приобрѣтенію огромныхъ средствъ жизни, удовлетворяемая частію отъ щедротъ двора, а частію изъ церковныхъ

¹⁾ Дѣян. всел. собор. т. 1. стр. 257, 258.

²⁾ Слово 26-е Твор. св. отц. пер. при Моск. Ак. ч. 2. стран. 291, 292. Москва. 1843 г.

суммъ, возрастала въ константинопольскомъ духовенствѣ болѣе и болѣе, и, во время Златоуста, корыстолюбіе и роскошь клира заставили сего пастыря ограничить доходы духовенства и употребить деньги, которыми оно злоупотребляло, на устройство госпиталей, а пороки духовенства побудили къ обличенію ихъ. »Грѣшниковъ нужно обличать предъ лицомъ всего міра«, говоритъ онъ; »но тѣ, которые должны это дѣлать, сами больны; а если нездорова голова, то не возможно, чтобы все тѣло чувствовало себя хорошо. Люди развращенные, полные пороковъ и безчестія, управляютъ Церковію съ насиліемъ и самыя святыя достоинства дѣлаются продажными должностями«¹⁾. Но особенно возмущалъ св. Златоуста соблазнительный обычай, по которому духовные мужескаго пола жили при дѣвственницахъ, или на оборотъ, дѣвственницы при мужчинахъ. Въ обличеніе того и другаго неприличія, св. Златоустъ написалъ два слова: одно противъ жившихъ вмѣстѣ съ дѣвственницами, а другое — противъ дѣвственницъ, жившихъ вмѣстѣ съ мужчинами: »Въ нашъ вѣкъ«, говоритъ Златоустъ, »выдуманъ образъ жизни новый, странный и приводящій въ великое затрудненіе желающихъ пайти ему причину. Есть такіе люди, которые принимаютъ къ себѣ безбрачныхъ отроковъ, не вступая въ бракъ и не сочетаясь съ ними«. Доискиваясь причинъ и разбирая предлоги, которыми извиняли это подозрительное и соблазнительное сожителство, св. Златоустъ находитъ его, во всякомъ случаѣ, вреднымъ для нравственной безопасности и мужчинъ и женщинъ; потому что они соблазняются другъ другомъ, если бы и повѣрить, что не имѣютъ преступныхъ связей, и потому, что такое совмѣстное житіе неприлично ни для мужчинъ, которыхъ услужливость женщинамъ представляется смѣшною и жал-

¹⁾ См. труд. К. Д. А. 1862. г. Ноябрь. стр. 325.

кою, ни для женщинъ, которымъ естественнѣе и правильнѣе имѣть и прислугу женскую. »Прошу и увѣщаваю, припадаю къ колѣнамъ вашимъ и всячески умоляю«, закликаетъ св. Златоустъ мужчинъ, »убѣдитесь, отстаньте отъ этого опьяненія«¹⁾. Слово противъ дѣвственницъ Златоустъ начинается оплакиваніемъ дѣвства: »У лютѣ мнѣ, душе«, восклицаетъ онъ, »какое погибаетъ дѣло, какого Любомудрія исполненное! Дѣвство оскорблено, отдѣляющая его отъ брака завѣса снята, бывъ расторгнута безстыдными руками, святое святыхъ попорно, почтенное и достоуважаемое сдѣлалось презрѣннымъ и пренебрегаемымъ всѣми, званіе, честнѣйшее брака, унижено и низложено такъ, что скорѣе можно ублажать вступившихъ въ бракъ«²⁾. Здѣсь онъ вкоротѣ повторяетъ то, чѣмъ обличалъ предлоги мужчинъ, жившихъ у женщинъ. »Если я спрошу у тебя о причинѣ такого сожителства«, говоритъ онъ дѣвственницѣ, »то какую можешь ты представить? Я немогуща, скажешь, я—женщина, и не могу сама удовлетворить своимъ нуждамъ. Между тѣмъ, когда мы обличали сожителей вашихъ, то слышали отъ нихъ противное, т. е. что они держатъ васъ для услугъ имъ, отъ чего же вы, имѣющія силу съ избыткомъ оказывать услуги мужчинамъ, не можете помогать самимъ себѣ, женщинамъ, а нуждаетесь въ другихъ? Полезнѣе и удобнѣе было бы жить вмѣстѣ, какъ мужчинѣ съ женщиною, такъ и женщинѣ съ женщиною«³⁾.

Мы указали на главнѣйшіе недостатки въ поведеніи народа и клира, требовавшіе исправленія и имѣвшіе обличителей въ св. Василии В., Григоріи Богословѣ и Іоаннѣ Златоустѣ. Но кромѣ сихъ всенародныхъ язвъ, много было по-

¹⁾ Слово противъ жившихъ вмѣстѣ съ дѣвственн. Христ. чт. 1865 г. сентябрь и октябрь.

²⁾ Слово противъ дѣвственницъ, жившихъ вмѣстѣ съ мужчинами. Христ. чт. 1865 г. октябрь и ноябрь. ³⁾ Тамъ же.

роковъ, замѣчаемыхъ и въ отдѣльныхъ членахъ Церкви. И такіе пороки и недостатки не ускользали отъ вниманія пастырей, ревнителей христіанской чистоты нравовъ, и подвергались обличенію каждый разъ, какъ были замѣчаемы. Таково, напримѣръ, обличеніе нарушителей чистоты жизни: »нѣкоторые изъ вѣрующихъ«, замѣчаетъ св. Златоустъ, »держатъ отдѣляться отъ Христа и соединяться съ блудницами. Не столько велико зло упасть съ неба въ грязь, сколько велико зло, — сдѣлавшемуся членомъ Христовымъ, отвергнуть эту Божественную честь и дѣлаться членомъ блудницы«.... »посему и тѣхъ, которые согрѣшили и еще служатъ похотямъ плоти, мы просимъ и умоляемъ исправиться и образумиться«¹⁾. Таково обличеніе пьянства, сказанное Златоустомъ въ недѣлю святыхъ пасхи²⁾; таково же обличеніе оставляющихъ Христа³⁾, или вразумленіе тѣхъ, которые приступали къ таинству евхаристіи не съ трепетомъ, но толкаясь, ударяя другихъ, пылая гнѣвомъ, крича, злослова, перебивая ближнихъ съ великимъ смятеніемъ, и потомъ, пріобшившись, не дожидаются конца литургіи и уходятъ изъ церкви, какъ Іуда съ тайной вечера⁴⁾. Вообще можно, безъ преувеличенія, сказать, что у одного св. Златоуста можно найти, въ бесѣдахъ на разные случаи, обличеніе всѣхъ нравственныхъ недостатковъ, какими подвергались христіане не только во время Златоустаго, но и во всѣ послѣдующіе вѣка, такъ что и нынѣ церковная проповѣдь можетъ найти въ его бесѣдахъ обличеніе всѣхъ теперешнихъ недуговъ общества вѣрующихъ; но особенно его бесѣды изобилуютъ обличеніемъ нравственныхъ недуговъ папства, видѣнныхъ Златоустомъ и требовавшихъ увраче-

¹⁾ Слово къ новокрещ. Хр. Чт. 1865 г. авг. стр. 315, 316

²⁾ Бесѣд. 2. на св. пасху. Хр. Чт. 1865 апр. стр. 145—156.

³⁾ Христ. Чт. 1863 г. сентябрь. ⁴⁾ Бес. въ д. Крещ. Господня Хр. Чтен. 1865 г. февраль.

ванія въ его время. Иногда обличеніе, въ устахъ Златоуста, было грозно, но, большею частію, тотчасъ же, или, по крайней мѣрѣ, скоро, смѣнялось любовію и снисходительностію, и переходило въ тонъ отеческаго наставленія. Такъ, послѣ суроваго обличенія недостойно приступающихъ къ трапезѣ Господней, св. Златоустъ, въ другой бесѣдѣ, говоритъ: »дозволено, я думаю, мы недавно огорчили васъ, и нанесли глубокую рану; поэтому сегодня нужно утѣшать и приложить успокоительныя лѣкарства.... Такъ какъ прежняя бесѣда наша сильно уязвила душу каждого, то сегодня намъ должно предложить болѣе кроткое наставленіе, и—въ язвы, нанесенныя обличеніями, нужно влить, какъ бы елей, слово утѣшенія« ¹⁾. Проповѣдникъ обличитель помнилъ, что и онъ, какъ человѣкъ, въ свою очередь, можетъ быть обличенъ въ грѣхѣ, и поэтому долженъ быть снисходителенъ къ грѣшникамъ. »Если бы священникомъ«, говоритъ онъ, »былъ ангелъ, то онъ, встрѣтивъ какого нибудь прелюбодѣя, тотчасъ осудилъ бы его на смерть, потому что самъ не подверженъ такой страсти... Поэтому священническая власть ввѣрена человѣку, чтобы онъ, сознавая свои грѣхи, и научаясь опытомъ, былъ снисходителенъ къ грѣшникамъ, и не раздражался гнѣвомъ, и чтобы Церковь не оскудѣла чрезъ такой образъ дѣйствій« ²⁾.

¹⁾ Бесѣда о томъ, что опасно и для поучающихъ, и для слушающихъ проповѣдывать съ угодиливостію. Хр. Чт. 1863. сентябрь.

²⁾ Бес. въ праздн. св. муч. объ ап. Петрѣ и пр. Иліѣ Христ. Чт. 1865 г. іюнь, стр. 225.

О РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ИХЪ ВОЗРАСТѢ.

Господь посылаетъ намъ дѣтей, и на насъ, родителей, лежитъ великая, священная обязанность воспитать ихъ въ вѣрѣ, сдѣлать ихъ истинными, благочестивыми христіанами, по жизни и духу; научить ихъ любить Бога, поклоняться Ему, исполнять Его святыя заповѣди и уставы святой Церкви; на насъ падетъ тяжелая отвѣтственность предъ Богомъ и совѣстію, если мы не сумѣемъ посвятить въ ихъ сердцахъ добрыя сѣмена вѣры и правственности христіанской, не приготовимъ ихъ къ жизни вѣчной, не возвратимъ ихъ Господу такими, какими Онъ далъ ихъ намъ, по возрожденіи въ таинствѣ крещенія, т. е. чистыми, непорочными.

Вся земная жизнь человѣка должна быть приготовленіемъ, воспитаніемъ его для жизни вѣчной, стремленіемъ и надеждой общенія съ Богомъ. Вѣрный и единственный путь, который ведетъ насъ къ Богу—религія, исполненіе всего того, что предписывается ея закономъ. Религія—основа всѣхъ добродѣтелей въ душѣ человѣка; она одна спасаетъ насъ отъ заблужденій и пороковъ, она одна можетъ усмирять наши страсти, руководить и направлять нашу волю, останавливать насъ въ нашихъ увлеченіяхъ. Воспитанная въ сердцѣ ребенка, укрѣпившаяся въ душѣ его съ юности, она вліяетъ и на всю послѣдующую жизнь его—до могилы. Истинно религіозный человѣкъ не рѣшается на какое нибудь злодѣяніе,—его невидимо удержитъ отъ того рука Всевышняго; а если увлеченія молодости и сокрутятъ его съ истиннаго пути, если религіозное чувство и сознаніе виновности уснетъ на время въ груди его,—то, воспитанный въ страхъ Божіемъ, онъ все таки, рано или поздно, опомнится и раскается. Преступникомъ и нераскаяннымъ грѣшникомъ можетъ сдѣлаться только человѣкъ невѣрующій, который рѣшается на преступленіе, не думая о возмездіи, ожидающемъ насъ за грѣхи наши, не бояся суда Божія за вѣчныя толь-

послалъ ему Господь въ жизни, перенесетъ терпѣливо и безъ ропота, признавая во всемъ волю Божию; не упадетъ духомъ послѣ неудачи, не станетъ отчаяваться; а пойдетъ бодро, не уклоняясь въ сторону, по той дорогѣ, которую избралъ себѣ. Малодушіе и отчаяніе—удѣлъ маловѣрныхъ людей, не признающихъ Промысла Божія.

И такъ, религіозно—нравственное воспитаніе—основа всего добраго въ жизни человѣческой. Распространяться объ этомъ болѣе и доказывать необходимость религіознаго воспитанія вообще—дѣло лишнее; это неопровержимая истина, не требующая доказательствъ и не представляющая возможности возраженій. Мы хотимъ только говорить о необходимости начинать религіозно—нравственное воспитаніе дѣтей съ самаго ранняго возраста, когда чистая и довѣрчивая дѣтская душа способна познать и полюбить истину, способна полюбить Того, Кто весь истина и любовь, и указать, по возможности, средства, какими, по нашему крайнему разумѣнію, можно руководиться при воспитаніи ихъ.

Религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей, не только теоретическое, но даже дѣятельное, практическое, должно быть начинаемо съ самаго ранняго возраста, съ самыхъ первыхъ моментовъ пробужденія дѣтскаго сознанія, такъ какъ этотъ возрастъ легко воспринимаетъ все, что слышитъ, и на самой душѣ все отпечатлѣвается, какъ печать на воскѣ. Жизнь ребенка уже съ перваго момента начинается наклоняться или къ добру, или ко злу; если же на самомъ порогѣ жизни станемъ охранять дитя отъ дурнаго, и направлять на лучший путь, добро сдѣлается его внутреннимъ качествомъ, и станетъ какъ бы его природою, такъ что онъ самъ добровольно не перейдетъ ко злу¹⁾.

Дѣйствительно, дѣтская природа—это непечатаемая плодород-

¹⁾ Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Л. Модзалевскаго т. 1 стр. 209.—

ная почва, на которой можно сѣять все, что угодно; она способна одинаково принять и доброе, и худое, и принести плоды такого качества и достоинства, каковы будутъ посѣянные на ней сѣмена; слѣдовательно, въ нашей волѣ насадить въ ней добро и истину, и—тѣмъ раньше это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше; тѣмъ прочнѣе онѣ вкоренятся и созрѣютъ и тѣмъ обильнѣе будутъ плоды благовременнаго сѣянiя. Юное дитя можно направить и въ ту, и въ другую сторону, и увлечь куда угодно. По воспримчивости и впечатлительности своей природы, дитя легко заимствуетъ и усваиваетъ все, и, не понимая, не будучи въ состоянiи отличить добро отъ зла, бросается и въ ту, и въ другую сторону; и задатки добра, и склонности ко злу, и истина, и ложь будутъ попеременно проявляться въ его натурѣ, пока душевныя его способности не получаютъ правильнаго направленiя и руководства; а безъ сего вся его жизнь будетъ рядомъ сомнѣній и предположенiй, и душа его, подобно кораблю, носящемуся по морю безъ руля и кормчаго, не найдетъ себѣ пристанища и успокоенiя, потому что не познала, не постигла истины. Въ дѣтствѣ полагаются основанiя для всей послѣдующей жизни человѣка; что разъ усвоено, воспринято его душою, то сдѣлается потребностью всей его жизни, и если, въ самомъ раннемъ возрастѣ, въ жизнь его будутъ проведены религіозно—нравственныя начала, если религіозныя истины будутъ постепенно утверждаться и укрѣпляться въ немъ: то въ послѣдствiи никакія сомнѣнія и отрицанiя не найдутъ мѣста въ его умѣ; никакія ученiя и убѣжденiя матеріалистовъ, отвергающихъ все то, что такъ дорого и свято душѣ человѣка—христiанина, не поколеблютъ и не ослабятъ его вѣры. Твердый въ своихъ убѣжденiяхъ, онъ всегда останется побѣдителемъ въ борьбѣ за истину.

Сколько молодыхъ людей впадаютъ въ заблужденiя и совращаются съ истиннаго пути именно потому только,

что въ дѣтствѣ не дали имъ разумнаго воспитанія, не позаботились о добромъ направленіи ихъ душевныхъ способностей. Блаженный Августинъ, въ своей исповѣди, вспоминая о порочныхъ увлеченіяхъ своихъ въ молодости и раскаяваясь въ нихъ, жалѣетъ о томъ, что въ дѣтствѣ не получилъ надлежащаго воспитанія, такъ какъ отецъ его старался приготовить его для свѣта, дать ему блестящее свѣтское образованіе, и упустилъ изъ виду то, что существенно необходимо человеческой природѣ. Все злое возникаетъ въ дѣтяхъ вслѣдствіе нашего нерадѣнія, когда мы съ самаго начала не возбуждаемъ въ нихъ страха Божія. Слѣдовательно, чтобы предотвратить все зло, могущее возникнуть въ дѣтяхъ, необходимо, какъ можно раньше, начинать религіозно-нравственное воспитаніе ихъ, не прислушиваясь къ голосу тѣхъ, которые невѣрно утверждаютъ, что знакомить дѣтей съ религіозными истинами не слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи сознательно понимать и разсуждать о предметѣ такой большой важности, какъ религія, и что не слѣдуетъ говорить съ ними о Богѣ и Его всемогуществѣ, когда они не способны понять самое слово — Богъ. Будемъ поступать такъ, какъ совѣтуютъ намъ святые отцы, — лучшіе наставники и учителя наши въ дѣлахъ вѣры и благочестія, какъ говоритъ намъ здравый смыслъ и жизненный опытъ; тѣмъ болѣе, что ранній возрастъ представляетъ воспитателямъ полную возможность дать доброе направленіе душевнымъ способностямъ ребенка; по природѣ своей, онъ болѣе склоненъ къ добру, нежели къ злу. Это можно замѣтить въ первые моменты его жизни: лаской и улыбкой сопровождается въ немъ первое проявленіе самосознанія, ласки и привѣта онъ ищетъ и въ окружающихъ его, инстинктивно угадывая добро и отличая его отъ зла. Кротко и весело глядите вы на него, привѣтливо и тихо говорите съ нимъ, — онъ улыбается и протягиваетъ вамъ ручонки,

раздражены вы чѣмъ нибудь, взволнованы, вашъ взглядъ суровъ, въ голосѣ слышатся рѣзкія ноты, —ребенокъ смущается, кроетъ свою головку на груди няни, матери, прижимается къ ней и болѣзненно, жалобно вскрикиваетъ. Все это ясно указываетъ на задатки добра въ основѣ человѣческой природы, на воспримчивость и впечатлительность сердца въ дѣтскомъ возрастѣ, и съ этой поры уже надобно заботиться о томъ, чтобы ребенокъ встрѣчалъ въ окружающихъ его все то, что необходимо провести и въ его жизнь, что можетъ содѣйствовать разумному развитію его характера; необходимо, собственнымъ примѣромъ и жизнію, довести его до пониманія и познанія тѣхъ истинъ, которыя не легко передаются словами и разсужденіями, а еще труднѣе усвоятся слабымъ разумомъ и понятіями ребенка. Что дѣлаютъ, какъ живутъ окружающіе его, такъ и онъ станетъ поступать и жить; сначала это будетъ у него просто бессознательнымъ подражаніемъ взрослымъ, а потомъ вліяніе это несомнѣнно отразится на его характерѣ. Оттого-то нужно строго заботиться о томъ, чтобы ребенка окружали люди глубоко—нравственные, по жизни и характеру, и, главнымъ образомъ, чтобы няня, которой ввѣряется, прежде всего, исключительный надзоръ за ребенкомъ, которая становится его первой воспитательницей, и потому имѣетъ на него непосредственное вліяніе, была правдива и честна, не заражена суевѣріемъ и предразсудками; потому что въ дѣтствѣ эти качества особенно быстро и сильно прививаются къ ребенку, возбуждаютъ его фантазію и представляютъ трудность искоренить ихъ впослѣдствіи. Обращеніе ея съ ребенкомъ должно быть ласковое и кроткое, потому что, если станутъ обращаться съ нимъ грубо и нетерпѣливо, онъ можетъ сдѣлаться раздражительнымъ и упорнымъ. Не слѣдуетъ обманывать ребенка, страшать, запугивать его чѣмъ бы то ни было; а также строго относиться къ его маленькимъ проступкамъ

и капризамъ, потому что, изъ боязни наказанія, онъ будетъ скрывать правду, отказываться отъ сдѣланнаго, и незамѣтно приучится лгать и обманывать другихъ, какъ его иногда обманываютъ. Въ присутствіи его слѣдуетъ сдерживать свой гнѣвъ, остерегаться отъ произношенія оскорбительныхъ словъ, брани, потому что дѣти необыкновенно чувствительны ко всему этому, и склонны къ подражательности. Вообще, какъ много трудностей представляетъ намъ религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей, особенно въ раннемъ возрастѣ, когда ихъ разумъ слабъ, когда въ нихъ нѣтъ самостоятельности и воли, и вся ихъ жизнь подчиняется постороннему вліянію, нуждается въ опорѣ и руководствѣ! »Трудное дѣло«, говоритъ бл. Іеронимъ, »писать для малютки. Что ей ни скажешь—не понимаетъ; что у нея на сердцѣ—едва можешь угадывать. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ одного знаменитаго оратора, что дѣтскій возрастъ пріятеленъ болѣе ожиданіями, нежели тѣмъ, что видимъ въ немъ на самомъ дѣлѣ. Какъ, напримѣръ, я стану убѣждать твою дочь къ воздержанію, когда она проситъ пирога, когда для нея медъ слаже всякихъ рѣчей? Будетъ ли она слушать глубины апостольскія, когда ее занимаютъ болѣе бабушкины сказки? Станетъ ли она вникать въ предсказанія пророческія, когда ее беспокоитъ неласковый взглядъ няньки? Постигнетъ ли она величіе евангелія, котораго молніеносныя истины приводятъ въ умиленіе умы смертныхъ? Могутъ ли я внушать ей покорность къ родителямъ, когда она, младенческою рукою, бьетъ улыбающуюся ей мать«¹⁾? Сколько терпѣнія, самоотверженія и преданности требуется отъ родителей, на которыхъ лежитъ главная и прямая забота о воспитаніи дѣтей, и особенно отъ матери, которой всѣми

¹⁾ Письма къ Летѣ.

приписывается благотворное влияние и значение въ дѣлѣ ихъ воспитанія! Главныя заботы о воспитаніи преимущественно возлагаются на мать потому, что отца отвлекаютъ отъ этого разныя дѣла и обязанности общественныя, между тѣмъ какъ мать, по своему положенію въ семьѣ, исключительно посвящаетъ себя дѣтямъ. Ея заботы о нихъ начинаются съ самаго рожденія ихъ на свѣтъ и продолжаются до конца ея жизни. Она отдаетъ имъ всѣ силы своей любящей души и преданности, сосредоточиваетъ на нихъ свое вниманіе и мысли, забываетъ себя для нихъ. И не только заботы о настоящемъ наполняютъ ея жизнь,—но и думы о будущемъ ея дѣтей беспокоятъ, тревожатъ ее сомнѣніями и предположеніями; вопросы о томъ, какъ воспитываетъ она своихъ дѣтей, добросовѣстно ли исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ нимъ, способна ли сдѣлать ихъ вѣрующими чадами Церкви и честными гражданами Отечества, неотступно преслѣдуютъ ее. И если она, не смущаясь трудностями, какія представляетъ намъ религіозно—нравственное воспитаніе дѣтей, станетъ заботиться о ихъ воспитаніи, то любовь—этотъ великій и сильный двигатель на пути къ совершенству—укажетъ ей на средства, какими можно руководиться въ великомъ дѣлѣ воспитанія, лучше всякихъ педагогическихъ совѣтовъ и наставленій, которыя не всегда бываютъ удобримыми въ жизни.

Что же требуется отъ матери, какъ должна она поступать при воспитаніи своихъ дѣтей?

Какъ воспитательница, она должна быть во всемъ примѣромъ для своихъ дѣтей, должна сама исполнять все то, что требуется для ихъ религіозно—нравственного развитія, должна внушить имъ первое понятіе о Богѣ, научить ихъ молиться Ему; въ разсказахъ и разговорахъ съ ними—познакомить ихъ съ исторіей земной жизни Спасителя. Любящій и довѣрчивый отъ природы, ребенокъ можетъ полюбить

то, чего не знаетъ; повѣрить тому, чего не понимаетъ; а какъ можетъ онъ не полюбить Того, Кто жизни Своей не пожалѣлъ для насъ, Кто изъ любви къ намъ—грѣшникамъ пришелъ на землю, родился отъ Дѣвы Маріи, ради нашего спасенія и искупленія грѣховъ нашихъ, претерпѣлъ страданія и крестную смерть; Кто въ прощальной бесѣдѣ съ учениками заповѣдалъ и намъ любить другъ друга, общалъ намъ общеніе съ Собою и на землѣ и въ обителяхъ небесныхъ!

Желая дать ребенку первое понятіе о Богѣ, слѣдуетъ уклоняться отъ разсужденій и доказательствъ о бытіи Божіемъ, чтобы не породить въ немъ возможности сомнѣній. »Не предлагая ребенку доказательствъ, какъ доказательства, можно передать ему вѣру, самую присущую душѣ, т. е. невозможность сомнѣнія. Вездѣ, во всемъ, указывать ему на всемогущество Божіе, значить увѣрять его въ бытіи Божества. Идея о первой причинѣ такъ свойственна нашей природѣ, что вездѣ, гдѣ останавливается власть человѣка, дѣти съ жадностію хватаются за мысль о Создателѣ. Существованіе всякаго предмета, всякое явленіе въ природѣ они понимаютъ какъ исполненіе разумной воли. Вездѣ они видятъ жизнь или дѣйствіе жизни, и коль скоро они убѣждены, что воля человѣческая безсилна произвести ими видимое, они немедленно признаютъ волю Высшаго Дѣателя. Они спросятъ васъ, Кто Этотъ дѣатель; но никогда не спросятъ, есть ли Онъ. По этому не нужно съ ними поднимать вопросъ о существованіи Божіемъ: довольно говорить о Его свойствахъ«¹⁾. Дѣйствительно, какое богатство и разнообразіе представляетъ намъ видимая природа; сколько въ ней предметовъ, вызывающихъ на размышленіе, при-

¹⁾ Постепенное воспитаніе, или изученіе цѣлой жизни. Сочиненіе Г-жи Неккеръ—де—Сосеюръ, стр. 323.

новывающихъ наше вниманіе и мысли, и слѣдовательно, какая полная возможность, въ каждомъ ея явленіи, въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ ея, указать на благодать ея Творца и Промыслителя! Не приходилось ли вамъ, читатель, гуляя съ дѣтьми въ ясную и тихую погоду, замѣчать, какъ они безмолвно поражаются величіемъ природы, притихаютъ и, глядя во кругъ себя, точно прислушиваются къ чему нибудь, точно хотятъ что-то разгадать. Они всѣмъ восхищаются, закидываютъ васъ вопросами о томъ, кто создалъ солнце, птичку, травку, цвѣтокъ, и какъ жадно вслушиваются въ ваши отвѣты, какъ пылко глядятъ вамъ въ глаза своими сіяющими глазами, въ которыхъ такъ глубоко видна способность вѣрить и любить! Несомнѣнно то, что религіозное чувство лежитъ въ природѣ человѣческой; нужно только умѣнье вызвать и направить его.

Лучшимъ средствомъ къ достиженію этой цѣли можетъ служить молитва, въ выраженіи которой дитя становится ближе къ Богу, глубже проникается вѣрой въ Него и какъ бы бесѣдуетъ съ Нимъ, повѣряя Ему свои желанія и благодаря Его за ниспосылаемыя милости.

Но какъ научить дѣтей молиться Богу, какъ довести ихъ до сознанія потребности молитвы и какова должна быть эта молитва?

Если мы, научивши дѣтей механически затверживать слова молитвы, творить крестное знаменіе и класть земные поклоны, будемъ утѣшать себя и успокаивать свою совѣсть увѣренностію, что отчасти достигли цѣли, положили начало развитію въ нихъ религіознаго чувства: то будемъ далеки отъ истины и не получимъ ожидаемыхъ результатовъ отъ ихъ дальнѣйшаго развитія; а если при этомъ станемъ стѣснять еще ихъ свободную волю, заставляя ихъ молиться, побуждать ихъ къ тому строгостію и угрозами,—то съ увѣренностію можно сказать, что подобнымъ образомъ дѣй-

ствій совершенно убьемъ въ нихъ возможность развитія религіознаго чувства въ самомъ его зародышѣ. Въ дѣлѣ религін не должно быть насилія и стѣсненія; здѣсь требуется свободная и сознательная любовь, руководящая и направляющая къ истинѣ. Расположить дитя къ молитвѣ всего легче и успѣшнѣе можно собственнымъ примѣромъ, молясь вслухъ, въ его присутствіи. Дитя съ любовію будетъ глядѣть на молящагося отца или мать, будетъ вслушиваться въ слова молитвы и предлагать вопросы, почему, о чемъ вы молитесь и, если вы, возможно удобопонятно, уясните имъ свою зависимость отъ воли Божіей, укажете на благость и милость Творца, то дитя само пожелаетъ молиться: учите его, но пусть молитва его будетъ не механическимъ затверживаніемъ непонятныхъ словъ: каждое слово молитвы надобно, по возможности, уяснить ему, какъ бы ни была коротка молитва его. И позже, когда дитя окажется способнымъ понять бѣльшее и пожелаетъ молиться такъ, какъ вы молитесь,—научите его молитвѣ Господней, объяснивши предварительно происхожденіе молитвы, смыслъ ея и значеніе непонятныхъ словъ; а за тѣмъ и другимъ общеупотребительнымъ молитвамъ, принимая во вниманіе степень дѣтскаго пониманія. Многіе утверждаютъ, что до семилѣтняго возраста вообще не слѣдуетъ учить дѣтей молиться Богу, такъ какъ, до этого времени, въ нихъ не можетъ пробудиться сознательная потребность молитвы, и только по врожденной способности къ подражательности, они станутъ дѣлать то, что дѣлаютъ другіе; что до этого времени они видятъ только свою зависимость отъ родителей, и достаточно будетъ, если поймутъ свои обязанности въ отношеніи къ нимъ, станутъ высказывать имъ почтеніе и послушаніе. Какъ же дитя можетъ почувствовать сознательную потребность молитвы, когда его не станутъ располагать къ тому, и возможно ли удовлетворить указанной нами выше необходи-

мости развивать въ нихъ религіозно-нравственное чувство, въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда будетъ опущено главное условіе, при которомъ возможно это развитіе—молитва? Если дитя понимаетъ свою зависимость отъ родителей, слѣдуетъ указать ему на зависимость самихъ родителей отъ Бога, объяснить, что всѣ блага, которыми пользуются его родители, и самъ онъ, ниспосланы Богомъ, и это достаточно уяснить ему причину, по которой молятся другіе, и почему онъ долженъ молиться.

Въ связи съ молитвой, прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія религіознаго чувства, можетъ служить пѣніе вообще, и въ особенности пѣніе церковныхъ пѣсней и священныхъ молитвъ. Первое больше способствуетъ развитію въ дѣтяхъ эстетическаго чувства, второе же служить выраженіемъ прославленія Господа Бога, благоговѣнія предъ Его величіемъ, и доставляетъ имъ возможность духовнаго наслажденія. Представимъ себѣ лѣтній вечеръ, въ домѣ сельскаго священника, когда вся семья собирается вмѣстѣ, для отдыха, послѣ дневныхъ заботъ и трудовъ; отецъ, подозвавъ къ себѣ дѣтей, начинаетъ тихо напѣвать молитву; дѣти подпѣваютъ ему и, сначала нестройные звуки, мало по малу превращаются въ стройную, мелодическую пѣснь любви къ Создателю... Намъ могутъ возразить на это, что не всегда возможно такое препровожденіе времени послѣ трудового дня, что ослабѣвшій организмъ нуждается въ подкрѣпленіи пищею, и утомленные члены требуютъ успокоенія въ благодѣтельномъ и освѣжающемъ снѣ. Но мы не говоримъ, чтобы таково было окончаніе каждаго трудового дня; если, въ продолженіи цѣлаго года, будетъ нѣсколько такихъ вечеровъ (а они возможны, какъ можемъ судить по нѣкоторымъ фактамъ, лично извѣстнымъ намъ; особенно въ зимнее время, когда сельскіе жители освобождаются отъ полевыхъ ра-

ботъ и бываютъ болѣе свободны): то и тогда впечатлѣнія, переживаемыя дѣтьми въ это время, останутся неизгладимыми въ ихъ памяти на всю жизнь, и дадутъ имъ возможность, среди невзгодъ житейскихъ, чувствовать духовныя радости и наслажденія.

И такъ, несомнѣнно, что молитва и пѣніе способствуютъ развитію религіозно-нравственнаго чувства въ дѣтяхъ; но, ближайшимъ образомъ, средствами этими достигается цѣль развитія въ нихъ религіознаго чувства при церковномъ богослуженіи, гдѣ общественная молитва и пѣніе имѣютъ особенное значеніе и вліяніе на присутствующихъ. Имѣя это въ виду, слѣдуетъ, съ самаго ранняго возраста, заботиться о возможно частомъ посѣщеніи дѣтьми храма Божія и присутствіи ихъ при совершеніи Богослуженія, особенно въ воскресные и праздничные дни, объясняя имъ при этомъ, коротко и удобопонятно, исторію праздника. Должно внушать дѣтямъ благоговѣйное отношеніе къ святынямъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Церкви дѣти стояли спокойно, чтобы, болтовней и крикомъ, не нарушали тишины во время священнодѣйствія; при этомъ не слѣдуетъ стѣснять ихъ долговременнымъ стояніемъ въ церкви. Коль скоро дитя почувствуетъ усталость, станетъ томиться продолжительностію богослуженія и пожелаетъ уйти домой,—уводите его тотчасъ же, потому что и въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, относящихся до религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, не должно быть насилія. Кому изъ насъ не приходилось видѣть матерей, которыя, приведя дѣтей своихъ въ церковь, заставляють ихъ стоять до конца богослуженія, пинками и толчками напоминають имъ о томъ, чтобы они становились на колѣни, крестились и клали земные поклоны. Послушная волѣ матери, или, можетъ быть, изъ боязни наказанія, они опускаются на колѣни, размахиваютъ руками, стучатъ головой и, лежа на полу, перегля-

двѣются и перешептываются съ другими дѣтьми. Прибѣгая къ насилию и принужденію, матери до того охлаждають этимъ религіозное чувство своихъ дѣтей, что посѣщеніе храма Божія представляется послѣднимъ, чѣмъ-то въ родѣ наказанія, и они всячески стараются увлечься отъ хожденія въ церковь. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ возбуждать въ дѣтяхъ желаніе посѣщать храмъ Божій и располагать ихъ къ благоговѣйному стоянію въ немъ, удобопонятными разсказами о томъ, что въ немъ совершается, простыми объясненіями священныхъ предметовъ, напримѣръ: какъ называются сосуды и вещи, употребляемые при богослуженіи, насколько то интересно дѣтей и доступно ихъ вниманію и пониманію, и если замѣчается довольно дѣтскаго вниманія, объясненіями частей внутренняго устройства храмовъ, какъ-то: св. алтаря и т. п. Все это дѣлать лучше и успѣшнѣе можно, каждый разъ, послѣ богослуженія, когда у дитяти свѣжо еще впечатлѣніе отъ видѣннаго и слышаннаго имъ, живо представленіе о видѣнныхъ предметахъ. Однимъ словомъ, слѣдуетъ употреблять всѣ средства для того, чтобы хожденіе въ церковь и стояніе при богослуженіи доставляли дѣтямъ духовную радость, и служили какъ бы наградой за доброе поведение, а простыя и удобопонятныя поясненія возбуждали въ нихъ вниманіе къ священнымъ предметамъ и дѣйствіямъ.

Въ связи съ любовью къ посѣщенію храма Божія, должно развивать въ дѣтяхъ любовь къ ближнимъ вообще и къ нищей братіи въ особенности, а также чувство благотворительности, подавая посильную милостыню во имя Христова и доставляя дѣтямъ возможность дѣлать тоже, принося пожертвованіе на пользу храма Божія и богоугодныхъ заведеній. Дитя, видя съ какой готовностью и любовью родители удѣляютъ нуждающемуся частичку изъ своего небольшого достатка, и даже иногда послѣднее раздѣляютъ съ нимъ, дитя проникается состраданіемъ къ бѣдняку, сочув-

ствіемъ къ его положенію и, если внослѣдствіи Господь наградить его земными благами, оно не возгордится и не забудется, наслаждаясь ими, а вспомнитъ нуждающихся меньшихъ братій своихъ о Христѣ и поможетъ имъ.

Все, что мы говорили доселѣ о средствахъ, способствующихъ развитію релігіозно-нравственнаго чувства въ дѣтяхъ, зависитъ отъ человѣка, заключается въ степени вліянія одного лица на другое, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, чисто духовныхъ, благодатныхъ средствахъ, и во первыхъ—о святомъ таинствѣ причащенія, въ которомъ дитя, невидимо, тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Богомъ и, получая таинственную божественную благодать, воспитывается духовно. *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ*, говоритъ Спаситель. Что можетъ быть тѣснѣе, ближе такого единенія со Христомъ, и не должны ли мы всей душой способствовать дѣтямъ нашимъ къ достиженію такого единенія, возможно часто, съ первыхъ дней ихъ жизни—пріобщая ихъ тѣла и врови Христовой? При этомъ слѣдуетъ развивать въ нихъ любовь и благоговѣніе къ святости таинства причащенія. Позже, когда ребенокъ станетъ приближаться къ порѣ отрочества, нужно постепенно, исподоволь, готовить его и къ таинству покаянія, указывая на необходимость исправленія въ проступкахъ и раскаянія во грѣхахъ: пріучая его къ посту и воздержанію и бесѣдуя съ нимъ о значеніи исповѣди, слѣдуетъ внушать отроку, что повѣряя грѣхи свои священнику, онъ повѣряетъ ихъ самому Богу, и чрезъ священника, получаетъ прощеніе и разрѣшеніе грѣховъ отъ са-

наго Господа; что священникъ здѣсь является посредникомъ между имъ и Богомъ и что, поэтому, должно все безъ утайки отгрызать ему на исповѣди, какъ самому Богу, Который все видитъ и знаетъ. Но вызывать его чистосердечное сознание и раскаяние слѣдуетъ, не столько угрожая возможностью наказанія отъ Бога, сколько указывая на милосердіе и долготерпѣніе Создателя, Который для того и приходилъ на землю, чтобы грѣшниковъ обратить къ покаянію и покаявшихся помиловать и спасти.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СВЯЩЕННЫХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ достав- № 26, редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1869 года. Іюня 29-го.

Содержаніе: Слово въ день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.—Матеріалы для бесѣдъ священника съ прихожанами о святыхъ апостолахъ.—Приготовленіе дѣтей духовенства къ училищу.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

*Помните наставники ваша, иже глаголаша вамъ
слово Божіе: иже взирающе на скончаніе жителства,
подражайте вѣрѣ ихъ (Евр 13, 7).*

Вотъ какія обязанности возлагаетъ на насъ одинъ изъ празднуемыхъ нынѣ Церковію первоверховныхъ апостоловъ—св. апостолъ Павелъ въ отношеніи къ наставникамъ нашимъ, которые проповѣдывали намъ слово Божіе. Обязанность поминать наставниковъ онъ тѣсно соединяетъ съ обязанностію подражать вѣрѣ ихъ. Посему, чтобы совершаемое нынѣ нами нарочито празднованіе, въ честь св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, было для насъ спасительно, поревнуемъ благочестію ихъ. А для сего остановимъ наше вниманіе хотя на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся, добродѣтеляхъ ихъ и при томъ такихъ, которыя свойственны каждому христіанину, къ какому бы званію и состоянію онъ ни принадлежалъ.

Одною изъ первыхъ и главнѣйшихъ добродѣтелей св. апостоловъ Петра и Павла была любовь къ Богу. Они во всей полнотѣ и точности исполняли заповѣдь Спасителя, повелѣвающего намъ любить Господа Бога *всѣмъ сердцемъ, всею душою и всею мыслию нашею* (Мѡ. 22, 38). Изъ любви къ Богу, они, по первому призыву Іисуса Христа, оставили все и сдѣлались ревностными учениками Его; изъ любви къ Богу, они все, а слѣдовательно и то, что въ глазахъ міролюбцевъ составляетъ счастье и блаженство, какъ то: богатство, славу и почести земныя, и даже семейныя радости, *вмѣняли за уметы*; изъ любви къ Богу, они во всю свою жизнь мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ своемъ носили (2 Кор. 4, 10) и, будучи живы, ежедневно предавались въ смерть, Его ради; изъ любви къ Богу, они и алкали, и жаждали, и наготовали, и страдали, и скитались (1 Кор. 4, 11); изъ любви къ Богу, они терпѣли и укоры, и гоненія, и хулы, считаясь отребіемъ міра и поправленіемъ всѣхъ (1 Кор. 4, 12 и 13); изъ любви къ Богу, они нерѣдко пребывали въ скорбяхъ, бѣдахъ, тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ трудѣхъ, въ бдѣніихъ, въ пощеніихъ (2 Кор. 6, 4 и 5). Любовь къ Богу, возбужденная въ сердцахъ ихъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, призвавшимъ ихъ на служеніе Себѣ, и постоянно возгрѣваемая благодатію всесвятаго Духа, обитавшаго въ нихъ, была такъ сильна, что никакія усилія человѣческія не въ состояніи были погасить ее. Послушайте, что говоритъ объ этомъ апостолъ Павелъ: *кто ны разлучитъ, взываетъ онъ, отъ любви Божіей, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь* (Римл. 8, 35)? И подлинно, ни смерть, ни животъ, ни Ангелы, ни Начала, ниже Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь какъ не могли разлучить ихъ отъ любви Божіей (Римл. 8, 38 и 39). Исти-

ну сихъ словъ они доказали тѣмъ, что свою пламенную и крѣпкую любовь къ Богу запечатаѣли мученическою смертію. Видите, братіе, какъ глубока и пламенна была любовь св. первоверховныхъ апостоловъ къ Богу. Также глубока и пламенна должна быть и наша любовь къ Нему. Св. первоверховные апостолы, изъ любви къ Богу, терпѣли и бѣды, и напасти, скорби и лишенія, и наконецъ, вкусили мученическую смерть: и мы, изъ любви къ Богу, должны терпѣть, ради Его, всякія скорби и лишенія, приносить всякія жертвы. Говоримъ: должны, потому что тотъ имѣетъ неправильное понятіе о любви къ Богу, кто думаетъ, что въ настоящее время, когда исповѣдники истиннаго Бога не преслѣдуются, какъ преступники государства, можно истинно любить Бога, не принося, ради Его, никакихъ жертвъ, не терпя никакихъ лишеній. Истинная любовь къ Богу безъ самоотверженія, безъ скорбей, безъ лишеній и въ настоящее время не мыслима. Истинная любовь къ Богу, какъ извѣстно намъ изъ слова Божія, состоитъ въ точномъ соблюденіи святыхъ заповѣдей Его (1 Іоан. 3, 15). Но только не понимающій, съ одной стороны, духа Божественныхъ заповѣдей, а съ другой—свойства поврежденной грѣхомъ природы человѣческой можетъ утверждать, что можно исполнять заповѣди Божіи свято безъ самоотверженія, безъ лишеній, безъ скорбей. Недаромъ апостолъ Павелъ сказалъ, что *все хотящій благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гонимъ будетъ*.

Вмѣстѣ съ любовію къ Богу, св. первоверховные апостолы соединяли ревность о славѣ Божіей. Будучи естественнымъ и необходимымъ плодомъ любви къ Богу, ревность ихъ о славѣ Божіей была также глубока и пламенна, какъ глубока и пламенна была самая любовь ихъ къ Нему. Сдѣлавшись учениками Господа нашего Іисуса Христа, они всю свою дѣятельность посвящали, главнымъ образомъ, на то, что-

бы разогнать тьму идолопоклонства, облегавшую почти весь тогдашній міръ и озарить всѣхъ сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной свѣтомъ христіанскаго ученія. Для достиженія сей высокой цѣли, они красными ногами обтекли почти всѣ существовавшія тогда страны, насаждая вездѣ слово Божіе. И отъ кого и гдѣ не терпѣли они, занимаясь благовѣстіемъ Христовымъ? Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что онъ терпѣлъ при этомъ *бѣды въ рыкахъ, бѣды отъ разбойниковъ, бѣды отъ сродниковъ, бѣды отъ языковъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды въ лжебратіи* (2 Кор. 11, 26). И что же? бѣды и напасти, которыя они терпѣли за евангельскую проповѣдь, не только не погасили въ нихъ ревности о славѣ Божіей, но еще болѣе воспаменяли ее. Они радовались душою, когда удостоивались терпѣть какія либо скорби за имя Іисуса Христа, Котораго проповѣдывали. Ревность о славѣ Божіей должна быть и у насъ, братіе. Тотъ не имѣетъ ни истинной любви къ Богу, ни истинной любви къ ближнимъ, для котораго безразлично, распространяется ли свѣтъ евангельскаго ученія между его ближними или тьма лжеученія, проявляются ли въ жизни ихъ свѣтлыя добродѣтели христіанскія или, напротивъ, мрачныя пороки, вѣрують ли они согласно ученію слова Божія, или держатся инаго, противнаго ученія. По любви къ Богу, мы должны заботиться, чтобы имя Его святилось во всѣхъ людяхъ. Какъ же послѣ этого, любя Бога, мы можемъ холодно относиться къ тѣмъ поступкамъ ближнихъ, которыми имя Божіе не святится, а хулится? По любви къ ближнимъ, мы должны назидать ихъ во благое. Какъ же мы можемъ, любя ихъ, смотрѣть равнодушно, когда они стремятся къ своей гибели, и вѣруя, и дѣйствуя вопреки ученію Христову? Да, братіе, и любовь къ Богу, и любовь къ ближнимъ необходимо обязываютъ насъ ревновать о славѣ Божіей. И если когда, то въ настоящее время, особенно, потребна, съ нашей стороны, сія святая рев-

ность; потому что въ настоящее время имя Божіе хулится многими. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, теперь много такихъ, которые и на словахъ, и на бумагѣ взимаются на разумъ Божій, встаютъ и противъ ученія слова Божія, и противъ уставовъ и постановленій св. Церкви. Знайте же, братіе, что тотъ достойнъ названія не христіанина, а скорѣе Іуды предателя, кто равнодушенъ къ тѣмъ, которые встаютъ противъ ученія Іисуса Христа и св. Его Церкви. Ибо Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *уже нѣтъ со Мною, на Мя есть.*

Кромѣ искренней и глубокой любви къ Богу, соединенной съ сильною и пламенною ревностію о славѣ Божіей, св. первоверховные апостолы Петръ и Павелъ отличались безпрекословнымъ повиновеніемъ волѣ Божіей. Вся жизнь ихъ, начиная съ обращенія ихъ ко Христу, служить очевиднымъ и непререкаемымъ тому доказательствомъ. Достаточно было, со стороны Іисуса Христа, нѣсколькихъ словъ, чтобы одного изъ нихъ изъ рыбака содѣлать ловцомъ человековъ, а другаго—изъ пламеннаго ревнителя іудейства ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства. Обнаруживъ свое безпрекословное послушаніе Богу въ рѣшимости быть учениками Іисуса Христа, св. апостолы Петръ и Павелъ совершенно отреклись отъ своей воли. Подражая небесному Учителю своему Іисусу Христу, который во всю Свою земную жизнь *творилъ не Свою волю, но волю пославшаго Его Отца*,—они, содѣлавшись апостолами, творили только волю Божію, такъ что вся жизнь ихъ была рядомъ подвиговъ послушанія Богу. Такъ Онъ повелѣлъ апостолу Петру, проповѣдывавшему первоначально ученіе Христова іудеямъ, идти съ проповѣдію Его и къ язычникамъ,—и св. Петръ безпрекословно исполнилъ Его волю. Равнымъ образомъ, Богъ повелѣлъ апостолу Павлу, какъ избранному учителю языковъ, идти съ евангельскою проповѣдію въ языческія страны,—и онъ, съ того времени до конца своей жизни, просвѣщалъ свѣтомъ Христова ученія си-

дѣвшихъ во тмѣ и сѣни смертной язычниковъ. Воля Божія была для нихъ такъ священна, что они лучше согласились умереть, чѣмъ оказать сопротивленіе ей. Такъ, когда іудеи запрещали апостоламъ проповѣдывать объ Иисусѣ Христѣ, то св. ап. Петръ отвѣчалъ имъ безбоязненно: *аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати насъ, нежели Бога, судите... повиноватися подобаетъ Божови насъ, нежели челоукомъ* (Дѣян. 4, 19. 5, 29). Безпрекословное послушаніе св. первоверховныхъ апостоловъ волѣ Божіей пусть послужитъ для насъ, братіе, примѣромъ того, какъ мы должны повиноваться волѣ Божіей. Пусть каждый изъ насъ поставить себѣ долгомъ исполнять всегда то, что заповѣдуетъ слово Божіе, что внушаетъ св. Церковь, чего требуютъ св. Отцы и къ чему, наконецъ, побуждаетъ насъ наша совѣсть, — и онъ въ точности исполнилъ волю Божію. Вѣдь мы молимъ ежедневно Отца небеснаго: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, — потщимся же, вмѣстѣ съ молитвою, самымъ дѣломъ исполнять ее, если желаемъ быть истинными сынами Божіими, а слѣдовательно, приобрѣсть право на участіе въ вѣчномъ блаженствѣ.

Вотъ главнѣйшія добродѣтели св. первоверховныхъ апостоловъ въ отношеніи къ Богу. Но апостолы, кромѣ сего, являли въ дѣятельности своей весьма много добродѣтелей и въ отношеніи къ ближнимъ. Не исчисляя всѣхъ такихъ добродѣтелей, остановимъ взоръ свой на одной, важнѣйшей изъ всѣхъ добродѣтелей ихъ въ отношеніи къ ближнимъ, именно, на любви ихъ къ ближнимъ, такъ какъ она служитъ основаніемъ и источникомъ всѣхъ добродѣтелей, какія только можетъ являть челоукъ въ отношеніи къ людямъ. Истинная любовь челоука къ его ближнимъ всего лучше и всего болѣе можетъ проявиться въ заботливости его о спасеніи ихъ души, какъ о главнѣйшемъ благѣ, къ устроенію котораго должны быть направлены и мысли, и желанія, и дѣй-

ствія человѣка. Но не много можно найти въ исторіи Церкви св. мужей, которые бы такъ пламенно и такъ неуспѣшно заботились о спасеніи душъ ближнихъ своихъ, какъ св. первоверховные апостолы. Спасеніе ближнихъ для нихъ было такъ дорого, что, для доставленія имъ возможности получить оное, они дѣлали все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ, искренно любящій своего ближняго. Для сей цѣли они постоянно ходили по городамъ и весямъ, озаряя всѣхъ свѣтомъ истиннаго Богопознанія и Богопочтенія; для сей цѣли они написали для нѣкоторыхъ обращенныхъ ими христіанъ посланія, въ которыхъ подробно изложили волю Божию о нихъ; для сей цѣли они непрестанно молили *Отца Господа нашего Иисуса Христа, да дастъ Онъ имъ по богатству славы Своея силою утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ, вселиться Христу въпрою въ сердца ихъ* (Еф. 3, 15—17). Чтобы лучше привлечь всѣхъ къ вѣрѣ въ Иисуса Христа и, слѣдовательно, открыть всѣмъ путь ко спасенію, св. первоверховные апостолы, въ дѣлѣ евангельской проповѣди, не щадили себя для тѣхъ, которыхъ учили (1 Кор. 9, 19—22). И какой небесной радости исполнялись сердца ихъ, когда они видѣли или слышали, что обращенные ими христіане, при содѣйствіи благодати Св. Духа, являли въ жизни своей добродѣтели Христовы (2 Кор. 7, 4)! Съ другой стороны, какою глубокою скорбію поражались они, когда получали извѣстіе, что обращенные ими христіане совершали дѣла тьмы, дѣла нечестія (2 Кор. 2, 4)! Иисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ любить ближнихъ, какъ самихъ себя. Смѣло можемъ сказать, что святые первоверховные апостолы любили ближнихъ своихъ болѣе, чѣмъ себя. Св. апостолъ Павелъ такъ глубоко скорбѣлъ объ окамененіи сердець іудеевъ, не хотѣвшихъ внимать евангельской проповѣди, что соглашался быть отлученнымъ отъ Христа, лишь бы только привлечь ихъ къ Нему. *Скорбь ми есть велия, призываетъ*

онъ, и не преступающая болѣзнь сердцу моему. Молился бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сроднищыхъ моихъ по плоти (Рим. 9, 2. 3). Что можетъ быть болѣе этой любви къ ближнимъ? Искренна и пламенна должна быть и наша любовь къ ближнимъ. Св. первоверховные апостолы любовь свою къ ближнимъ болѣе всего проявляли въ дѣйтельной заботливости объ устройствѣ спасенія ихъ души. Подражая имъ, и мы чувство своей любви къ ближнимъ, преимущественно, должны проявлять въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ нравственному преуспѣянію ихъ, а слѣдовательно, словомъ, и примѣромъ своей жизни мы должны поощрять ихъ къ любви и добрымъ дѣламъ. Говоримъ: преимущественно, потому что, заботясь о спасеніи души ближнихъ, мы должны въ тоже время заботиться и объ устройствѣ ихъ временнаго благоденствія; такъ какъ и св. апостолы, при всѣхъ неусыпныхъ попеченіяхъ ихъ о душахъ ближнихъ, не оставляли безъ вниманія и нужды ихъ тѣлесныхъ, а помогали имъ, подвигая другихъ на дѣла милосердія къ нуждающимся.

Наконецъ, говоря о нѣкоторыхъ, особенно достоподражаемыхъ добродѣтеляхъ апостоловъ Петра и Павла, мы не можемъ умолчать объ одной, весьма важной добродѣтели ихъ, но въ тоже время, къ сожалѣнію, весьма рѣдкой между настоящими христіанами. Мы разумѣемъ добродѣтель смиренія. Уже одно то, что св. ап. Петръ и Павелъ, не обинуясь, называютъ себя подражателями Іисуса Христа, ясно показываетъ, что богатство добродѣтелей, которымъ они владѣли весьма велико, такъ какъ Іисусъ Христосъ, во днѣхъ плоти Своей, являлъ Себя образцомъ всѣхъ возможныхъ добродѣтелей. И что же? при всемъ богатствѣ добродѣтелей своихъ, они не превозносились, не хвалились, напротивъ, и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ обнаруживали глубочайшее смиреніе и самоуничженіе. Всѣ свои высокія добродѣтели они приписы-

вали не себѣ, не своимъ силамъ, но, единственно, благодати Духа Святаго, обитавшаго и дѣйствовавшаго въ нихъ (1 Кор. 15, 10). Мало того: даже мысли о добрѣ, желаніе добра относили всегда къ Богу (2 Кор. 3, 5. Фил. 2, 13). Если они хвалились, то хвалились, единственно, немощами своими (2 Кор. 5, 3). Особенно глубоко поразительное смиреніе выражалъ св. апостолъ Павелъ. Не смотря на то, что онъ болѣе всѣхъ апостоловъ потрудился въ дѣлѣ проповѣди евангельской, по чувству глубокаго самоуничиженія, онъ называлъ себя самымъ меньшимъ изъ апостоловъ (1 Кор. 15, 9), недостойнымъ названія апостола, извергомъ, оканннымъ (—8). Если же св. первоверховные апостолы, обладавшіе неисчерпаемымъ богатствомъ добродѣтелей, смотрѣли на себя, какъ на оканнныхъ и изверговъ, то какъ смотрѣть намъ на себя? На языкѣ человѣческомъ не возможно найти словъ, которыми бы можно было вполне изобразить наше ничтожество, наше оканнство. Еслибы мы поглубже всмотрѣлись въ самихъ себя, то, къ стыду и присорбію, увидѣли бы, что мы *и бѣдны, и нищы, и слѣпы, и наги* (Апок. 3, 18). Смиримъ же себя, если хотимъ быть вознесенными отъ Бога, такъ какъ смиреніе есть единственное средство, ведущее на высоту совершенства.

Братіе христіане! Апостолъ Павелъ прямо говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу*. Слова сии ясно показываютъ, что на насъ лежитъ священная и прямая обязанность проявлять въ жизни своей тѣ добродѣтели, которыми отличались св. первоверховные апостолы. Потщимся же стяжать смиреніе, терпѣніе, ревность о славѣ Божіей, послушаніе, короче — всѣ добродѣтели ихъ, а особенно потщимся стяжать любовь къ Богу и ближнимъ, такъ какъ она есть *союзъ совершенства* (Колос. 3, 14). И какъ было бы намъ благо, еслибы эти желанія наши перешли въ дѣло! Тогда всякій изъ насъ, при переходѣ въ вѣчность, могъ бы смѣло сказать то, что сказалъ и св. апостолъ

Павелъ предъ своею кончиною: подвигомъ добрымъ подви-
захся, теченіе скончавъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо
соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Гос-
подь, въ день онъ (2 Тим. 4, 7). Аминь.

Свящ. Петръ Смирновъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БЕСѢДЪ СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХО- ЖАНАМИ О СВЯТЫХЪ АПОСТОЛАХЪ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, во время служенія Своего роду человѣческому на землѣ, благоволилъ избрать изъ среды еврейскаго народа апостоловъ, т. е. посланниковъ. Сначала Онъ избралъ ихъ двѣнадцать, а потомъ еще семьдесятъ. Эти св. апостолы Христовы, еще при жизни Господа на землѣ, посылаемы были Имъ на проповѣдь. Они благовѣствовали людямъ, что пришелъ обѣщанный Богомъ Искупитель, учили ихъ вѣрѣ въ Него, и въ доказательство своего ученія, творили разныя чудеса, по власти, данной имъ отъ Господа. По вознесеніи же Христовомъ на небо, св. апостолы, при содѣйствіи Духа Святаго, сошедшаго на нихъ въ день пятидесятницы, въ видѣ огненныхъ языковъ, проповѣдали всему міру евангеліе Христово, и истину проповѣди своей подтверждали чудесами и перенесеніемъ за нее страданій и даже самой смерти. Они устроили Церковь Христову на землѣ; ибо поставили въ ней пастырей, т. е. епископовъ, священниковъ и діаконовъ, учредили правильный чинъ богослуженія, начертали для пастырей и пасомыхъ правила, которыми должно руководиться въ дѣлахъ Церкви, и нѣкоторые изъ нихъ оставили въ евангеліяхъ—письменное благовѣствованіе о земной жизни и ученіи Христовомъ, въ дѣяніяхъ апостольскихъ—описаніе подвиговъ первенствующей Церкви, а въ посланіяхъ—наставленія всѣмъ вѣрующимъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Наконецъ, всѣ они

святостію своею жизни дали намъ образецъ для подражанія имъ въ благочестіи. Короче, св. апостолы подвигомъ добрымъ подвизались для созиданія на землѣ Церкви Божіей; отъ того—то и говорится въ святомъ писаніи, что истинные христіане *наздани на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. 2, 20). Такимъ образомъ, дѣло, которое совершили святые апостолы, есть дѣло величайшее и святое, и—знать, какъ потрудился каждый изъ апостоловъ въ созиданіи и устроеніи Церкви Христовой, необходимо и полезно всякому христіанину. Познаніемъ жизни, трудовъ и подвиговъ апостольскихъ укрѣпляется въ душѣ христіанъ вѣра въ Спасителя и утверждается воля ихъ въ совершеніи дѣлъ благочестія. Имѣя всегда и болѣе всего въ виду укрѣпленіе въ васъ православной вѣры и усовершеніе ваше въ благочестіи, я, въ праздники, посвященные Церковію воспоминанію св. апостоловъ, буду рассказывать вамъ по частямъ житіе и подвиги знаменитѣйшихъ апостоловъ. На этотъ разъ, въ праздникъ св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, я начну свое повѣствованіе съ рассказа о житіи и подвигахъ св. апостола Петра. Радуюсь, что въ нынѣшній годъ этотъ праздникъ пришелся въ воскресный день. Васъ собралось въ храмъ Божій больше обыкновеннаго; по этому предложу вамъ и бесѣду нѣсколько длиннѣе тѣхъ, какія вы, обыкновенно, слышите отъ меня въ семъ святомъ храмѣ.

II.

Святой, славный, всехвальный и первоверховный апостолъ Пётръ.

Вамъ извѣстно, что Спаситель нашъ благоволилъ родиться отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи въ Вифлеемѣ, не подалеку отъ св. града Іерусалима, въ землѣ іудейской, которая теперь называется Палестиной. Эта небольшая земля раздѣляется вся на двѣ неравныя части рѣкою Іорданомъ, ко-

торая почти посрединѣ Палестины проходитъ съвозъ генисаретское озеро, иначе называемое тиверіадскимъ, или галилейскимъ моремъ. На берегахъ этого озера лежали небольшіе города и мѣстечки, въ которыхъ жили рыбаки. Въ одномъ изъ такихъ городовъ галилейской области, Внесандѣ, родился празднуемый нынѣ св. Петръ. Отецъ его Іона былъ человѣкъ очень бѣдный и занимался рыбною ловлею; онъ имѣлъ двухъ сыновъ: Андрея, въ послѣдствіи первозванного апостола, и Симона, названнаго послѣ Петромъ. Объ этомъ-то Симонѣ—Петрѣ и будетъ у насъ теперь рѣчь.

Симонъ, какъ сынъ бѣднаго рыбака, не могъ получить въ молодости никакого образованія. По свидѣтельству Дѣяній апостольскихъ, онъ былъ человѣкъ некнижный и простой (гл. 4, ст. 13). Достигши возраста, Симонъ женился, и перешелъ на жительство къ своей женѣ въ Капернаумъ,—городокъ, который былъ на берегу того же озера. Невидно, чтобы и послѣ женитьбы онъ былъ богаче прежняго; ибо онъ принужденъ былъ снискивать себѣ пропитаніе тою же рыбною ловлею, какою занимался и его отецъ. Такимъ образомъ, Симонъ былъ человѣкъ необразованный и бѣдный; но это не мѣшало ему быть добродѣтельнымъ. Онъ былъ, по свидѣтельству одной священной книги, »простъ, но бояйся Бога и соблюдаяй заповѣди Его и ходяй предъ Нимъ безъ порока во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ« ¹⁾. Можно ли было предвидѣть въ этомъ простомъ рыбацѣ великаго апостола? Но Господу угодно было избрать *буія міра сего, да премудрыя посрамитъ* (1 Кор. 1, 27), и—буйство Симона удостоено отъ Него этого счастливаго избранія.

Однимъ изъ первоначальныхъ дѣлъ Господа, во время великаго служенія Его на землѣ, было избраніе учениковъ, или апостоловъ. Первый призванъ былъ Андрей, отчег

¹⁾ Чет. мин. житіе и подв. св. ап. Петра. Іюн. 29.

и называется первозваннымъ; за нимъ избранъ во апостола и братъ его Симонъ. Иисусъ Христосъ, увидѣвъ его, назвалъ по имени и сказалъ ему: *ты наречешься Кифа, что значитъ Петръ (камень)* (Іоан. 1, 42). Это новое имя далъ Христосъ Симону въ знаменованіе твердости его вѣры и рѣшительности характера, которыми онъ впоследствии отличался, и служило знакомъ посвященія его въ апостола. Послѣ этого перваго призванія, Петръ ходилъ за Іисусомъ Христомъ и былъ свидѣтелемъ перваго чуда Его въ Канѣ галилейской; но онъ не совсѣмъ еще оставилъ и свой домъ, и свои занятія рыбною ловлею. Поэтому Господь благоволилъ призвать его въ другой разъ. Петръ занимался однажды цѣлую ночь рыбною ловлею и ничего не поймалъ, но Господь приказалъ ему закинуть сѣть въ озеро, Петръ повиновался, и поймалъ такъ много рыбы, что отъ тяжести ея прорывалась сѣть. Увидѣвъ такой необычайный ловъ рыбы, Петръ утрашился; но Господь, назнаменуя симъ чудомъ его апостольскую ловитву людей во спасеніе, сказалъ ему: *не бойся; отселя будешь человеки лова* (Лук. 5, 10). Тогда Петръ, оставивши все, послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ и пребывалъ съ нимъ неотлучно до самаго дня, въ который Господь преданъ былъ на распятіе. Въ святомъ евангеліи вы нерѣдко слышали упоминаніе о св. Петрѣ. Дѣйствительно, ни объ одномъ изъ апостоловъ не говорится въ немъ такъ часто, какъ о Петрѣ. Припомнимъ важнѣйшія обстоятельства, при которыхъ упоминается о немъ, чтобы видѣть, какъ онъ былъ приготовляемъ Самимъ Господомъ на великое апостольское служеніе. Все видѣнное и слышанное отъ Спасителя Петромъ укрѣпляло и вразумляло его вѣру. И во первыхъ, онъ видѣлъ, что Господь исцѣлялъ больныхъ, хромыхъ, сухихъ и слѣпыхъ и даже воскрешалъ мертвыхъ, и не могъ не признать въ чудотвореніяхъ Іисуса Христа силы Божіей. Увѣренность въ этой силѣ Господа была

въ Петръ такова, что онъ, увидя однажды Господа, идущаго по водамъ, попросилъ у него дозволенія идти къ нему также по водамъ; но, по неувѣренности въ себѣ и сомнѣнію, онъ началъ утопать. Впрочемъ, и тогда показалъ несомнѣнную вѣру въ могущество Господа тѣмъ, что обратился къ Нему съ молитвою о помощи: *Господи, спаси мя, погибаю* (Матѣ. 14). Во вторыхъ, Петръ слышалъ ученіе Господа, которое предлагаемо было то прямо, то въ притчахъ и, по высотѣ этого ученія, могъ судить, что оно есть божественное, а не человѣческое. Такимъ образомъ онъ, при помощи Божіей, мало по малу восходилъ къ уразумѣнію того, что Его учитель есть не простой человѣкъ, а Сынъ Божій. Посему-то, когда Іисусъ Христосъ спросилъ учениковъ Своихъ, за кого они Его считаютъ, то Петръ первый, по откровенію свыше, назвалъ Его Сыномъ Божиимъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѣ. 16, 17). Вѣра въ Іисуса Христа, какъ истиннаго Мессію, была у Петра такъ сильна, что когда нѣкоторые изъ послѣдователей Христа оставили Его, и когда, по этому, Спаситель спросилъ оставшихся съ Нимъ учениковъ: *еда и вы хотите ити?* то Петръ сказалъ съ твердостію: *Господи! камо идемъ? глаголы живота вѣчнаго имамъ, и мы втровахомъ и познахомъ, яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Іоан. 6, 60. 64).

Но при всей увѣренности Петра въ томъ, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, ему непонятно еще было, какъ Сынъ Божій можетъ пострадать; ибо, »что Онъ Сынъ Божій, это«, по замѣчанію св. Златоуста, »Петръ разумѣлъ, а таинство креста еще не было ему явлено« ¹⁾, и потому, когда Господь началъ пророчествовать о Своихъ страданіяхъ, то Петръ началъ *прерѣцати, глаголя: милосердѣ Ты, Гос-*

¹⁾ Бесѣд. на Матѣ. 54.

поди, не имать быти Тебѣ сіе (Матѣ. 16, 22). Такъ какъ это слово любви влонилось, такъ сказать, къ соблазну не только Петра и другихъ апостоловъ, но и Самаго Иисуса Христа,—то Господь претить Петрови, глаголя: *иди за Мною, сатано, соблазни Ми еси, яко не мыслиши, аже суть Божія, но человѣческая*. Непонятное еще для Петра таинство страданій Христовыхъ должно было, по видимому, уясниться для него во время преображенія Господня, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, и при которомъ слышалъ глаголы Моисея и Ілїи о исходе Иисусовѣ, его же хотяше скончати въ Іерусалимѣ (Лук. 9, 31); но когда наступило время этого исхода, когда Иисусъ восходилъ съ учениками въ Іерусалимъ въ послѣдній разъ, то они слѣдовали за Нимъ въ *безпокойствѣ и страхѣ* (Марк. 10, 32). Петру, дѣйствительно, прилично было бояться болѣе всѣхъ; ибо вмѣстѣ съ страданіями Иисуса Христа, и его, болѣе чѣмъ другихъ апостоловъ, ожидали искушенія и скорби. Только Петръ, вѣроятно, мало объ этомъ думалъ, его любопытство было занимаемо то смоковницею, изсохшею по проклятію Господа (Марк. 11, 2), то желаніемъ знать время разрушенія Іерусалима и кончины міра, о которыхъ предсказывалъ тогда Господь.

Обстоятельства страданій и смерти Господа нашего Иисуса Христа были для Петра, можно сказать, поучительнѣе всего послѣдованія его за Христомъ. До этой поры Петру можно было сказать словами пророка: *доколь храмлещи на обѣ плесни* (3 Царств. 18, 2)? Въ его поступкахъ и характерѣ замѣчалась какая-то двойственность и неустойчивость. Невольно удивляешься, какимъ образомъ сердце его, которое святой Іоаннъ Дамаскинъ называетъ суровымъ и жесткимъ ¹⁾, могло любить Господа Иисуса столь пламенно,

¹⁾ Op. S. S. Damasc. T. 2. p. 519. Sacr. parallel.

что, въ этомъ отношеніи, св. Златоустъ усволяетъ Петру названіе теплаго любителя Христова ¹⁾. Онъ имѣлъ вѣру твердую, какъ камень, но иногда обличаемъ былъ въ маловѣріи, былъ незлобивъ, когда Господь называлъ его сатаною, и огорчался, когда слегка укоряемъ былъ въ погрѣшности; горячъ и ревностенъ, какъ мужъ, и въ тоже время простодушенъ, какъ дитя; рѣшителенъ и мужественъ въ намѣреніяхъ, но иногда малодушенъ въ дѣйствіяхъ. Поэтому для утвержденія въ немъ одного добраго и очищенія его отъ всего недостаточнаго, ему нужны были сильныя уроки. Первый урокъ—послушанія получилъ ап. Петръ при умовеніи апостоломъ ногъ Спасителемъ. Когда Петръ, по смиренію, сказалъ Господу: *не умыени ногу мою во вѣки*; то Господь погрозилъ ему отлученіемъ отъ Себя: *еще не умыю тебѣ, не имамши части со Мною*. Эта угроза подѣйствовала сильно: »чрезвѣрный въ отреченіи Петръ«, по замѣчанію св. Златоуста, »въ уступленіи является еще чрезвѣрнѣе« ²⁾; онъ проситъ Господа умыть ему *не нозѣ токмо, но и руку, и главу* (Іоан. 13). Во время тайной вечери, когда ученики Христовы заспорили между собою о первенствѣ, вѣроятно, въ этомъ спорѣ участвовалъ и Петръ; ибо Господь, замѣтивши всѣмъ ученикамъ, что *царіе языкъ господствуютъ ими* и что *сатана проситъ ихъ дабы стѣялъ яко пшеницу* (Лук. 22, 25. 31), въ частности обращается къ Петру съ такими словами: *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты никогда обращся, утверди братію твою* (Лук. 22, 32). Но Петръ съ самоувѣренностію отвѣчалъ: *еще и вси соблазнятся о Тебѣ, но не азъ*. Господь для вразумленія его указывалъ ему и самое время его отверженія: *глаголю тебѣ, яко въ*

¹⁾ Бесѣд. на Матѣ. 56-я.

²⁾ Бесѣд. на Іоан. 70-я.

сѣю ношъ, прежде даже алекторъ не возгласитъ, отвержешися (Марк. 16, 29); но Петръ съ самоувѣренностію твердилъ: не соблажнюся, аще ми есть съ Тобою и умрети, не отвергуся (Матѣ. 26, 34), съ Тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть ити (Лук. 22, 33), и нынѣ же душу мою положу за Тя (Іоан. 13, 37). Послѣ этого Господь еще разъ, въ саду геосиманскомъ, напоминалъ Петру о слабости его собственныхъ силъ; ибо когда апостолы уснули, въ то время, какъ Господь молился до кроваваго пота, то возбудивши ихъ, сказалъ Петру: *Сомне, спиши ли? не возмоглъ еси единого часа побдѣти* (Марк. 16, 37). Въ то время, какъ Іуда лобзаніемъ предавалъ Сына человѣческаго, Петръ, по приверженности къ своему учителю, вступилъ въ борьбу съ пришедшими взять Іисуса, *удари архіерова раба и урьза ему ухо* (Лук. 22, 50). Не здѣсь ли онъ хотѣлъ положить душу свою за Господа? Но скоро послѣ сего онъ, по предсказанію своего божественнаго учителя, дѣйствительно три раза отрекся отъ Христа съ божбою и клятвою, что не знаетъ Его вовсе. Объ этомъ вы не разъ слышали въ страстныхъ евангеліяхъ. Второй крикъ пѣтуха возвѣстилъ третью измѣну Петрову. Въ то же время Господь, *обращаясь, воззръ* на него. И вспомнилъ Петръ предсказаніе Спасителя, созналъ свое преступленіе и *изшедъ вонъ, плакася горько* (Марк. 14. 72). Есть преданіе, что послѣ сего Петръ, въ продолженіи всей своей жизни, каждую полночь вставалъ съ постели и оплакивалъ свое отреченіе.

По милосердѣй Господь, видя искреннее и глубокое раскаяніе Петра, тотчасъ по воскресеніи Своемъ, повелѣлъ чрезъ ангела мученикамъ возвѣстить о Своемъ востаніи изъ мертвыхъ и Петру, и потомъ, явившись ему съ прочими учениками при генисаретскомъ озерѣ, три раза спрашивалъ его: *Сомне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ?*

И послѣ утвердительнаго отвѣта на каждый вопросъ, говорилъ ему, то: *паси овцы моя*, то: *паси агнцы моя* (Іоан. 21, 15—18), »троекратнымъ вопрошеніемъ, еже Петре любиши ли Мя, троекратное, еже прежде страсти, исправляя отверженіе и утверждая любовь« ¹⁾. Здѣсь же Господь предсказалъ Петру мученическую кончину, за исповѣданіе имени Его, и заключилъ предсказаніе Свое словами: *иди по Мнѣ*. Это было новое призваніе Петра къ апостольскому служенію.

Такимъ образомъ, послѣдую за Іисусомъ Христомъ во все время служенія Его роду человѣческому, ап. Петръ во всѣхъ словахъ и дѣяніяхъ своего учителя получалъ полезные уроки. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ чудесъ Христовыхъ, и—это утверждало его вѣру; онъ слышалъ притчи и ученіе Іисуса Христа, и тѣмъ образовалъ свой разумъ, слушалъ наставленія и обличенія, и это исправляло нравственное его состояніе, а искушенія, каковымъ онъ подвергся во время страстей Христовыхъ, очистили и утвердили въ немъ любовь ко Христу; вообще же все состояніе послѣдованія Петра за Спасителемъ способствовало къ образованію въ немъ духа, который многоразличными уроками Спасителя утвержденъ до того, что вполне оправдалъ предназначеніе Петра въ одного изъ первоверховныхъ апостоловъ и приготовилъ его къ достойному принятію Духа Святаго.

По вознесеніи Спасителя на небо, первымъ дѣломъ апостола Петра было, по предсказанію Господню, утвержденіе братій въ вѣрѣ во Христа. По предложенію Петра, на мѣсто погибшаго предателя Іуды, былъ избранъ, по жребію, въ апостолы Матѣій. Петръ же первый началъ и благовѣстіе о Христѣ всему міру. Изъ Дѣяній апостольскихъ извѣстно, что когда Духъ Святыи сошелъ на апостоловъ, въ день пятидесятницы, въ видѣ огненныхъ языковъ, и сообщилъ имъ даръ языковъ, —то св. Петръ съ Іоанномъ сказалъ собравшемуся вокругъ апостоловъ многочисленному народу первую

¹⁾ Мѣсяч. Мнч. 29 Іюня на Госп. воззвахъ стихир. монах. Іоанна.

апостольскую проповѣдь. Этою проповѣдію онъ обратилъ ко Христу около трехъ тысячъ душъ. Совершивъ за тѣмъ о имени Христовомъ исцѣленіе хромага отъ рожденія, св. Петръ сказалъ другую проповѣдь къ изумленному этимъ чудомъ народу, и обратилъ ею ко Христу пять тысячъ душъ. За это онъ, по зависти и наущенію священниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ, взятъ былъ подъ стражу и изъ проповѣдника сдѣлался исповѣдникомъ Христовымъ: Но это не устратило его. Будучи позванъ къ допросу, Петръ засвидѣтельствовалъ, что исцѣлилъ хромага силою Іисуса Христа, котораго распяли іудеи, и исповѣдалъ, что нѣтъ подъ небесемъ инаго имени, кромѣ имени Іисуса, *о немже подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12). Силѣ его слова удивлялись самыя враги его, знавшіе, что онъ человѣкъ неученый и простой. Благодать Духа Святаго дала ему эту великую *силу воздѣлать свидѣтельство* воскресенія Христова и словомъ, и чудесами. Такъ, когда Церковь Христова, на первыхъ порахъ, была до того единодушна, что никто изъ вѣрующихъ не считалъ собственности своею, а все было общее; то Ананія и Сапфира, продавъ на общую пользу свое имуществъ, согласились, по наущенію сатаны, утаить часть денегъ, апостолъ Петръ обличилъ ихъ, и за то, что они хотѣли солгать Духу Святому, они были поражены внезапною смертію. Это чудо устратило всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями его; но послѣдовавшія за нимъ благодѣтельныя знаменія и чудеса, бывшія руками апостольскими, заставили замѣнить страхъ благоговѣніемъ. Святый Петръ, по силѣ чудотвореній, производимыхъ имъ, особенно пользовался уваженіемъ народа. Больные искали, чтобы хоть тѣнь его осѣнила ихъ; ибо и отъ этого они получали исцѣленіе. Завидуя славѣ Петра, архіереи и саддукеи опять взяли его вмѣстѣ съ прочими апостолами подъ стражу, но ангелъ Господень извелъ его изъ темницы. Чѣмъ болѣе вооружались противъ него враги

Христовы, тѣмъ непоколебимѣе было исповѣданіе его. Когда архіерей запрещалъ Петру проповѣдывать имя Іисуса, то онъ отвѣчалъ ему безбоязненно: *повиноватися подобаетъ Богу паче, нежели человеку*, и потомъ, упрекнувъ архіерея въ убіеніи Іисуса Христа, засвидѣтельствовалъ (въ воскресеніи Его и сказалъ: *и мы есмь Того свидѣтели* *благоуспѣхъ сихъ и Духъ Святый, Его же даде Богъ повинующимся Ему* (Дѣян. 5, 29. 32). За эти слова Петръ претерпѣлъ бѣніе, и радовался, что сподобился пріять безчестіе за Господа и не преставаѣ въ Церкви и въ домахъ проповѣдывать имя Христово.

Между тѣмъ, когда, спустя нѣсколько времени, благовѣстіе Христовой вѣры принесено было св. апостоломъ Филиппомъ въ Самарію, — то св. апостолы послали туда Петра и Іоанна для низведенія на крещенныхъ Духа Святаго. Здѣсь нѣкто Сумонъ вохвъ осмѣлился, по безумію своему, предложить апостоламъ, чтобы они за деньги продали ему власть и силу Духа Святаго. Св. Петръ обличилъ Сумона, отвергъ нечестивое предложеніе его и угрожалъ ему погибелью, если онъ не покается. Возвратившись въ Іерусалимъ, св. Петръ видѣлся съ апостоломъ Павломъ, который, спустя три года послѣ своего обращенія, пришелъ въ Іерусалимъ повидаться съ Петромъ и пробылъ у него пятнадцать дней. Затѣмъ св. Петръ посѣтилъ церкви въ Іудеѣ, Галлилеѣ и Самаріи и дошелъ до Антиохіи, гдѣ положилъ основаніе христіанской Церкви. Во время этого путешествія онъ исцѣлялъ въ Лидѣ Евенъ, который восемь лѣтъ лежалъ въ расслабленномъ состояніи, а въ Іопіи воскресилъ Тавнеу. Здѣсь онъ прожилъ довольно долго у нѣкоего Сумона усмаря; но Господу угодно было, чтобы онъ же началъ проповѣдь евангельскую и язычникамъ, которымъ также, какъ и іудеямъ, определено было спасеніе. Такъ какъ, по закону іудейскому, котораго держались тогда еще и апостолы, сношеніе съ язы-

чинками было дѣломъ воспрещеннымъ для іудеевъ, — то Господь приготовляетъ Петра къ сей проповѣди особеннымъ видѣніемъ нисходящей съ неба плащаницы, наполненной нечистыми животными. Этихъ животныхъ, которыхъ нельзя было ѣсть, по закону Моисееву, Господь повелѣвалъ Петру заколотъ и ѣсть. Видѣніе нечистыхъ животныхъ, которыхъ велѣно было ему ѣсть, означало язычниковъ, которыхъ должно было ему обратить ко Христу. Первымъ изъ язычниковъ, которому надлежало проповѣдать имя Христово, указанъ былъ Петру Духомъ Господнимъ Корнилій сотникъ. Апостолъ началъ проповѣдывать о Христѣ Корнилию и всему его дому, и Духъ Святый сошелъ на слушателей еще до окончанія проповѣди Петровой. Петръ понялъ волю Божію и не усемился крестить язычниковъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Это дѣло казалось предосудительнымъ даже для апостоловъ, не знавшихъ еще о семъ прямой воли Божіей; по сему Петръ, возвратившись въ Іерусалимъ, почелъ нужнымъ объяснить имъ по порядку, какъ и по чѣму повелѣнію произошло оно. Апостолы и всѣ вѣрующіе, выслушавъ Петра, воздали славу Богу, который и язычникамъ *даде покаяніе во животѣ* (Дѣян. 11, 18).

Церковь Христова росла и умножалась все болѣе и болѣе. Но царь Иродъ Агриппа, въ угодность іудеямъ, воздвигъ гоненіе на христіанъ; онъ убилъ апостола Іакова, брата Іоаннова, а Петра заключилъ въ темницу. Но Господу угодно было еще разъ извести изъ темницы св. Петра. Какъ разъ наканунѣ того дня, въ который хотѣли предать его смерти, ночью, ангелъ Господень разрѣшилъ оковы, которыми былъ связанъ Петръ, и вывелъ его изъ темницы за желѣзные ворота, ведущія въ городъ. Петръ послѣдовалъ обрадовать вѣрныхъ, и пошелъ въ домъ Маріи, матери Іоанна, гдѣ собравшіеся вѣрующіе молились Богу; но оставаться въ

Іерусалимѣ ему невозможно было, изъ опасенія новаго преслѣдованія отъ Ирода, и потому Петръ, попросивъ возвѣстити о своемъ избавленіи Іакову, брату Господню и всѣмъ вѣрующимъ, удалился изъ Іерусалима. Въ это время онъ посѣтилъ іудеевъ, разсѣянныхъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Вивиніи, гдѣ онъ утверждалъ Церковь Христову. Къ этому же времени относятся поставленіе Петромъ Еводія во епископа антиохійскаго ¹⁾). Спустя нѣсколько лѣтъ, Петръ опять возвратился въ Іерусалимъ. Преданіе говоритъ, что онъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ прочими апостолами, при погребеніи Пресвятыя Богородицы, а изъ Дѣяній апостольскихъ видно, что онъ присутствовалъ въ Іерусалимѣ на апостольскомъ соборѣ, который былъ, два года спустя, послѣ успенія Божіей Матери. На этомъ соборѣ, состоявшемся по тому поводу, что въ Антиохіи нѣкоторые изъ увѣровавшихъ фарисеевъ требовали обрѣзанія и соблюденія Моисеева закона и отъ язычниковъ, обратившихся ко Христу, св. апостолъ Петръ первый подалъ голосъ въ облегченіе сыновъ Благодати отъ подзаконнаго ига. »Что вы нынѣ«, говорилъ онъ между прочимъ, »искушаете Бога, желая возложить на вынучениковъ иго, котораго ни отцы наши, ни мы не могли понести? Напротивъ, мы вѣруемъ, что и мы спасемся благодатію Господа нашего Іисуса Христа такимъ же образомъ, какъ и они« (Дѣян. 15, 10. 11). На этомъ же соборѣ св. апостолы опредѣлили, чтобы Петръ проповѣдывалъ преимущественно для іудеевъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ іерусалимскаго собора Петръ встрѣчался съ ап. Павломъ въ Антиохіи и выслушалъ отъ него упрекъ въ томъ, что до прибытія туда іерусалимскихъ христіанъ онъ ѣлъ съ язычниками, а при нихъ сталъ таиться и устраниваться ихъ, опасаясь обрѣзанныхъ. Поступокъ ап. Петра, казавшійся

¹⁾ Evseb. chronic. an 43.

Павлу зазорнымъ, былъ, впрочемъ, вовсе непредосудителенъ, если взять во вниманіе, что Петръ опасался, чтобы своимъ сношеніемъ съ необрѣзанными не подать повода къ соблазну вѣрующихъ изъ обрѣзанныхъ.

Почти все сказанное нами доселѣ о св. апостолѣ Петрѣ основано на свидѣтельствахъ евангелія и Дѣяній апостольскихъ. Далѣе, въ разсказѣ о жизни и подвигахъ св. Петра мы, съ прекращеніемъ означенныхъ свидѣтельствъ, будемъ довольствоваться достовѣрными указаніями о жизни Петра, сохранившимися въ твореніяхъ святыхъ отцевъ и древнихъ церковныхъ писателей. Этихъ указаній немного, но и ихъ достаточно для того, чтобы довести разсказъ до самаго конца жизни св. ап. Петра. И во — первыхъ, мы должны признать, что онъ, послѣ встрѣчи въ Антиохіи съ ап. Павломъ, былъ въ другой разъ въ малоазійскихъ земляхъ, гдѣ и пребывалъ большею частію, по увѣренію св. Епифанія ¹⁾. По свидѣтельству Метафраста, уцѣлѣвшему въ четьихъ-миняхъ, св. Петръ изъ Антиохіи пошелъ въ Никомидію, и тамъ поставилъ епископомъ Прохора, изъ Никомидіи отправился въ Изіонъ, гелеспонтскій городъ, и рукоположилъ тамъ въ епископа Корнилія сотника ²⁾. Вообще онъ занимался въ этотъ разъ устроеніемъ Церкви, имъ насажденной въ малоазійскихъ и другихъ земляхъ. Есть преданіе, что онъ проповѣдывалъ въ Британіи и даже въ Африкѣ; но это преданіе не подтверждается историческими свидѣтельствами.

Въ остальное время жизни св. Петра заслуживаютъ вниманіе преимущественно его путешествія въ Римъ. Въ первый разъ св. Петръ, по свидѣтельству св. Евсевія, кесарійскаго, пришелъ въ Римъ по слѣдующему поводу. Нѣкто Симонъ началъ въ Римѣ возмущать волхвованіями и лжеуче-

¹⁾ Haeres. 27.

²⁾ Euseb histor. eccles. l. 3, c. 1.

ніемъ, и пріобрѣлъ такую славу, что ему начали воздавать божескую честь. Но благое Провидѣніе привело туда св. Петра, который, будучи подкрѣпляетъ божественною силою, разрушилъ все то, что сдѣлалъ соблазнитель, и разсѣявши тѣмъ ложнаго ученія его, разлилъ свѣтъ истины. Римляне увидѣли преимущество истиннаго проповѣдника Божія, и плѣненные въ послушаніе вѣры, просили Марка, спутника Петрова, передать имъ письменно то, что Петръ проповѣдывалъ устно. Маркъ написалъ евангеліе, читанное и одобренное ап. Петромъ. Сколько времени былъ тогда Петръ въ Римѣ—неизвѣстно; только достоверно то, что онъ не только не оставался тамъ до конца жизни, но и недолго былъ въ Римѣ. Апостолъ Павелъ, прибывши въ Римъ послѣ этого, не нашелъ тамъ Петра и говорить, въ посланіяхъ, писанныхъ имъ изъ Рима, что съ ними *былъ только Лука* и что *Аристархъ и Марко и Иисусъ, нареченный Иустъ—сіи едини* были ему споспѣшниками въ царствіе Божіе (Колос. 4, 10. 11).

Второе путешествіе св. Петра въ Римъ послѣдовало при концѣ его жизни, при кесарѣ Неронѣ ¹⁾). Этотъ нечестивый тираннъ первый изъ языческихъ императоровъ воздвигъ гоненіе на христіанъ. Господу угодно было, чтобы, для укрѣпленія вѣрующихъ во время гоненія, прибылъ въ Римъ и св. апостолъ Петръ. Онъ вмѣстѣ съ бывшимъ въ Римѣ же ап. Павломъ укрѣплялъ вѣрующихъ и устроилъ Церковь. Св. Иринеи говоритъ, что «они епископство управленія Церковію поручили Лину», и называетъ по этому римскую Церковь «основанною двумя славнѣйшими апостолами Петромъ и Павломъ» ²⁾). Изъ этого видно, что напрасно римскіе христіане утверждаютъ будто бы Петръ былъ 25 лѣтъ епископомъ

¹⁾ Lactant. de mort. persecutorum.

²⁾ Преданіе это находимъ у св. Амвросія медіоланскаго.

въ Римѣ, и будто бы папа римскій есть намѣстникъ Петровъ и глава Церкви. Ни Петръ, ни другой кто либо изъ апостоловъ не былъ и не могъ быть епископомъ ни въ Римѣ, ни въ другомъ мѣстѣ; ибо Духъ Св. *далъ есть ови убо апостолы, овыже пророки, овыже благовѣстники, овыже пастыри и учителя* (Ефес. 4, 11. 12). Стало быть, апостольское званіе и званіе пастырское были различны. Апостоловъ избралъ самъ Господь, Который одинъ и есть глава Церкви. Апостолы же никому не передали своего апостольскаго званія, а поставляли только епископовъ, чтобы потомъ, чрезъ рукоположеніе ихъ, церковная іерархія другъ другапріимательно переходила и сохранилась во всѣ времена существованія Церкви.—За исповѣданіе имени Христова апостолъ Петръ былъ, наконецъ, заключенъ въ Римѣ въ темницу. Вѣрные, опасаясь справедливо, что языческій судъ надъ апостоломъ приговорить его къ смерти, успѣли освободить его отъ узъ, и дали ему возможность выйти изъ Рима, но, при выходѣ изъ Рима, Петру явился Господь, идущій ему на встрѣчу. »Буда ты идешь, Господи«, спросилъ его Петръ. »Иду въ Римъ паки страдать«, отвѣчалъ Господь, и тѣмъ вразумилъ Петра возвратиться въ Римъ и пострадать за него. Св. Петръ, какъ простолюдинъ, будучи осужденъ на крестную смерть, просилъ, чтобы его распяли внизъ головою, потому что считалъ себя недостойнымъ быть распятымъ такъ, какъ Іисусъ Христосъ ¹⁾). Основываясь на словахъ Господа, сказанныхъ Петру: *егдаже состарѣешися инзъ тя поящеть, и ведетъ а може не хочещи* (Іоан. 21, 18), должно думать, что св. Петръ пострадалъ въ старости; но самый годъ кончины его трудно опредѣлить. По сказанію четъминеи и пролога, онъ умеръ за годъ до смерти апостола Павла,—а Павелъ, по свидѣтельству св. Климента римскаго, пострадалъ въ 66 году по Р. Х. Святая Церковь

¹⁾ Преданіе это находится у св. Амвросія медіоланскаго.

вспоминаетъ кончину святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ одинъ день, именно въ настоящій, 29 Іюня.

По изображенію, находящемуся въ Исторіи Никифора Каллиста, св. Петръ былъ не великъ, впрочемъ имѣлъ посредственный ростъ и прямое положеніе тѣла. Лице у него было блѣдное и чрезвычайно бѣлое, волосы на головѣ, какъ и на бородѣ кудрявые и густые, но не очень длинные, глаза черные и покраснѣвшіе, какъ бы отъ плача, брови высокія, носъ довольно длинный, впрочемъ болѣе сжатый и поднявшійся вверхъ, чѣмъ остроконечный ¹⁾). Если прибавимъ къ этому, что, по замѣчанію блаж. Іеронима, Петръ былъ лысъ ¹⁾), то мы получаемъ понятіе о наружности св. Петра очень сходное съ тѣмъ, какое даютъ намъ изображенія сего апостола въ нашихъ храмахъ.

Изъ сказаннаго нами о жизни и подвигахъ св. апостола Петра легко уразумѣть, что онъ не напрасно именуется однимъ изъ первоверховныхъ апостоловъ. Великія силы благодати Божіей, посредствомъ проповѣди и чудесъ явленныя въ Петрѣ, при устроеніи въ разныхъ мѣстахъ Церкви Христовой, великіе труды и подвиги, понесенные имъ ради Христа, искушенія, страданія и мученическая смерть, претерпѣнныя имъ за исповѣданіе вѣры Христовой, наконецъ, и самыя соборныя посланія его, оставленныя въ наставленіе и руководство вѣрующихъ, — даютъ ему полное право на великое имя святаго, славнаго и всехвальнаго первоверховнаго апостола, равно какъ за такіе же подвиги и достоинства дается Церковію такое же самое имя и св. апостолу Павлу, о жизни и подвигахъ котораго расскажу, если Богъ поможетъ, въ слѣдующее лѣто, въ этотъ же праздникъ св. ап. Петра и Павла. Теперь же выведемъ для себя назиданіе изъ сегодняшняго разсказа (Назиданіе предоставляется пастырямъ выводить сообразное съ потребностями своихъ слушателей).

Конст. Думитрашковь.

¹⁾ Comment. in. ep. ad Galatos.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ.

Наши низшія духовныя училища, какъ извѣстно, стоятъ очень низко въ мнѣніи общества,—много ниже, чѣмъ такія же училища по министерству народнаго просвѣщенія. Дѣйствительно, ученики духовныхъ училищъ уступаютъ во многомъ ученикамъ свѣтскихъ, даже по отзывамъ священниковъ, занимающихся въ послѣднихъ по должности законоучителей.

А наставники семинаріи хорошо знаютъ, какъ плохо подготовленными оказываются ученики училищъ къ слушанію семинарскаго курса, при поступленіи въ семинарію. Все это, конечно, прискорбно, жалко; но причину этого печальнаго явленія едвали нужно искать въ однихъ духовныхъ училищахъ. Правда, въ свѣтскихъ школахъ на должность учителей поступаютъ люди болѣе подготовленные, чѣмъ въ духовныхъ, и порядокъ занятій наблюдается гораздо строже, и число учениковъ въ каждомъ классѣ никогда не превышаетъ опредѣленной уставомъ нормы. Тѣмъ не менѣе каждому извѣстно, что успѣшный ходъ учебнаго заведенія столько же обуславливается начальной подготовкой и уровнемъ умственнаго развитія дѣтей, поступающихъ въ него, сколько и характеромъ самаго училища; эта истина признается въ настоящее время всѣми мыслящими людьми и не нуждается въ доказательствахъ. Стало быть, для улучшенія учебной и воспитательной стороны въ духовныхъ училищахъ недостаточно ввести новый уставъ съ новыми программами, съ новыми требованіями отъ учителей, съ новыми приемами преподаванія, а необходимо, чтобы дѣти готовились къ училищу въ домахъ родителей болѣе серьезнымъ образомъ, чѣмъ какъ это, обыкновенно, дѣлается.

Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы постараемся, путемъ педагогическихъ соображеній, уяснить и опредѣлить, въ чемъ должна состоять домашняя подготовка дѣтей къ училищу и

какое значеніе имѣеть въ ней обученіе русскому языку, заключающееся въ разговорахъ съ дѣтьми; послѣ того займемся разсмотрѣніемъ важности и необходимости для дѣтей, въ дѣлѣ обученія ихъ родному языку, чтенія для нихъ книгъ; еще далѣе, раскроемъ значеніе для дѣтей общераспространенныхъ букварей и недостаточность ихъ для дѣтскаго чтенія, наконецъ, очертимъ характеръ несомнѣнно полезныхъ книгъ для дѣтскаго употребленія.

І.

Домашняя подготовка дѣтей и разговоры съ ними.

Неизбалованный и сколько нибудь развитый мальчикъ, проводившій жизнь до вступленія въ училище *среди людей съ направленіемъ*, подѣ влияніемъ добрыхъ примѣровъ, подѣ впечатлѣніями и въ виду опытовъ благородства и безкорыстнаго духовнаго труда, — наконецъ, мальчикъ, умственные силы котораго не глушили и не забывали вредными вліяніями, представляетъ уже довольно ручательствъ за свои успѣхи въ школѣ на будущее время. Тѣмъ не менѣе, однакожь, отрицать нужду предварительной, домашней подготовки дѣтей къ училищу нельзя ни подѣ какими условіями.

Въ чемъ же, главнымъ образомъ, должна состоять подготовка дѣтей сельскаго духовенства къ училищу? Въ училищѣ духовномъ такъ много преподается наукъ, что было бы страннымъ требовать отъ отцовъ подготовленія дѣтей по каждому предмету; къ тому же не каждый отецъ и въ состояніи готовить дѣтей по всѣмъ наукамъ. Поэтому мы не настаиваемъ на необходимости подготовленія дѣтей къ училищу по каждому предмету, читаемому въ немъ, въ отдѣльности. Всему свое время, и многія науки съ успѣхомъ могутъ быть проходимы учениками въ училищѣ безъ предварительной подготовки. Притомъ же нѣкоторые предметы, по самому характеру своему, стоятъ одиноко въ системѣ училищнаго преподаванія, и не имѣютъ съ другими нау-

нами ни какой связи, — а при начальномъ подготовленіи дѣтей къ училищу, за недостаткомъ времени и средствъ, главнымъ же образомъ, по требованію здраваго смысла и педагогіи, должно ставить себѣ задачею сообщеніе дѣтямъ свѣдѣній по такимъ предметамъ, въ которыхъ такъ или иначе примыкали бы и другія науки въ кругу училищнаго преподаванія, и на которыхъ, стало быть, дѣтямъ можно было бы нѣсколько подготовиться къ слушанію училищнаго курса вообще. Какимъ же, повторяемъ, предметамъ въ училищной программѣ принадлежитъ это особенное значеніе — объединять въ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, почти всѣ науки, проходящія въ училищѣ и способствовать ихъ успѣшному изученію? Такой предметъ одинъ: родной, т. е. русскій, языкъ; на немъ читаются, и слѣдовательно, объясняются, всѣ науки; его знаніемъ обуславливается или облегчается пониманіе всѣхъ предметовъ преподаванія, — и языковъ и не языковъ; въ знаніи его основа и средства образованія для каждаго русскаго мальчика. Потому ознакомленіе дѣтей съ роднымъ языкомъ, по возможности широкое и основательное, составляетъ первую и существенную задачу домашней подготовки ихъ къ училищу. Для многихъ изъ отцовъ, принадлежащихъ къ сельскому духовенству, наши настоятельныя убѣжденія въ важности русскаго языка и въ необходимости подготовленія по нему дѣтей могутъ показаться страшными. Намъ могутъ сказать, что въ настоящее время всѣ кому извѣстна важность знанія роднаго языка для поступающаго въ училище мальчика, — что многіе священники приготавливаютъ дѣтей къ училищу не только по русской грамматикѣ, но даже по латинской, греческой и пр., — на что не щадятъ ни своего времени, ни средствъ, — нанимаютъ учителей изъ кончившихъ курсы семинарскихъ воспитанниковъ. устраниваютъ частныя училища, и т. д., и т. д.

Но во-первыхъ, никакая педагогія въ мірѣ не совѣту-

еть и не позволяет учить дѣтей слишкомъ рано иностраннымъ языкамъ; открываемыя по мѣстамъ духовенствомъ сельскимъ частныя училища, для приготовленія дѣтей къ поступленію въ духовныя уѣздныя училища, только вредятъ дѣлу, если импровизованные наставники ихъ позволяютъ себѣ учить дѣтей иностраннымъ языкамъ. Впрочемъ, и можно ли еще отъ многихъ изъ этихъ наставниковъ ожидать здравыхъ педагогическихъ взглядовъ. Въ духовномъ училищѣ изучаются иностранные языки, стало быть, нужно готовить дѣтей къ усвоенію этой мудрости—вотъ ихъ разсужденіе. А того не хотятъ принять во вниманіе эти педагоги, что въ ученикѣ духовнаго училища предполагается уже извѣстная доля умственного развитія, дающая ему возможность не только усвоить уроки по иностраннымъ языкамъ, но даже, пожалуй, интересоваться этими языками, тогда какъ у мальчика самаго ранняго возраста, каковы вообще дѣти до включенія въ училище, не оказывается въ распоряженіи ни силъ, ни охоты къ усвоенію варварскихъ буквъ и дикихъ, непонятныхъ звуковъ. Есть у мальчика только одинъ органъ, которымъ онъ можетъ работать при изученіи латинскаго и греческаго языка, это память; но исключительное развитіе одной способности, особенно такой пассивной, какова память, чрезвычайно вредно въ умственномъ отношеніи. Кромѣ того, у мальчика на первыхъ порахъ возникаютъ и наирашиваются на дѣятельность сила воображенія и сила мыслительная; обученіе иностраннымъ языкамъ въ этомъ случаѣ противорѣчитъ даже природѣ. Мальчикъ желаетъ, чтобы каждымъ словомъ, которому хотятъ его выучить, вызывался въ его представленіи извѣстный образъ, съ каждымъ звукомъ, который заставляютъ его усвоить, соединилось опредѣленное понятіе, ясное и вразумительное для него. Ниже мы увидимъ, что и русскія буквы мальчикъ усваиваетъ легко и охотно только тогда, когда онѣ предлагаются

ему какъ составныя части слова, означающаго знакомый для него предметъ. Ему понятны только родные звуки, родныя слова, почему, при произношеніи русскихъ словъ, приходятъ у него въ движеніе всѣ силы ума и сердца: въ умѣ рисуется опредѣленный образъ предмета, къ которому относится звукъ, въ сердцахъ возбуждаются симпатіи или антипатіи, соотвѣтствующія установившемуся между нимъ и предметомъ отношенію. Если кто, то именно мальчикъ не любитъ произносить пустыя слова, не имѣющія для него значенія. Онъ даже не прежде отмѣчаетъ словами предметы, подпадающіе его наблюденію и опыту, какъ напередъ по своему понявши ихъ, остановивши на нихъ вниманіе и получивши отъ нихъ то или другое впечатлѣніе. Вслѣдствіе этого, для дѣтей слова, которыя они произносятъ, вовсе не простыя, условныя знаки предметовъ, а живые образы ихъ, и чѣмъ, значитъ, больше дитя знаетъ словъ, тѣмъ больше основаній предполагать, что мысль въ немъ дѣйствуетъ, фантазія творить, представленіе работаетъ... Но что вносится въ душевный міръ дѣтей занятіями по иностраннымъ языкамъ? Разумѣется, когда дѣти довольно овладѣли роднымъ языкомъ, такъ что съ каждымъ словомъ, употребительнымъ въ ихъ мірѣ, успѣли соединить опредѣленный образъ и понятіе, они и самыя иностранныя слова будутъ переводить, посредствомъ роднаго языка, на опредѣленные понятія и облекать въ соотвѣтствующіе образы; но если дѣти только начинаютъ учиться говорить, или вообще не успѣли еще овладѣть въ достаточной мѣрѣ роднымъ языкомъ, въ такомъ случаѣ заниматься съ ними по иностраннымъ языкамъ значитъ, положительно, убивать въ нихъ способности и дѣлать ихъ на всю жизнь бездарными. Тутъ для дѣтей не представляются иностранныя слова или названія скольконибудь связанными съ предметами, къ которымъ прилагаются,—дѣти не видятъ въ словахъ образовъ предметовъ, не

чувствуютъ основаній, почему тотъ или другой предметъ названъ такимъ или другимъ именемъ. Такииъ образомъ, для дѣятельности мысли, фантазіи, обученіе иностранными языкамъ не даетъ рѣшительно мѣста. Однимъ словомъ, при раннемъ обученіи дѣтей иностранными языкамъ, предшествующемъ знанію языка роднаго, мысль дѣтей не вызывается къ художественному творчеству, не проникается сознаніемъ внутренней аналогіи между предметомъ и его названіемъ, и стало быть, въ представленіи, въ фантазіи, дѣтямъ не приходится видѣть и находить работника, который бы оживлялъ и облегчалъ для нихъ заучиваніе пустыхъ, ничего незначащихъ словъ; здѣсь фантазія бездѣйствуетъ, спитъ,—а она, говорятъ, есть высшій умъ, и безъ нея, рассуждая строго, нельзя даже мыслить. Въ частности, отъ ранняго обученія иностранными языкамъ, съ дѣтьми происходитъ то, что они дѣлаются неспособными вникать въ значеніе словъ, и затѣмъ—какъ въ разговорѣ, такъ и на письмѣ, рискуютъ привыкнуть къ слововыраженію неточному, къ мышленію поверхностному, тупому и сбивчивому. Вотъ почему мы читаемъ въ одной педагогической книгѣ:» Не (слѣдуетъ) обучать дѣтей иностранными языкамъ, пока родной языкъ не усвоенъ ими надлежащимъ образомъ изъ живаго образованія. Очень раннее обученіе иностранными языкамъ дѣлаетъ мысль безразличною къ словеснымъ знакамъ, и ея художественное отношеніе къ нимъ исчезаетъ. Мысль будетъ выражаться въ знакахъ удобнѣйшихъ и легчайшихъ, а не въ такихъ, которые имѣютъ къ ней тонкія, гармоническія отношенія. Слова будутъ относиться къ духу вообще какъ полезныя средства, а не какъ дѣти его, раждающія которыхъ, онъ положилъ въ нихъ часть своего существа и часть любви своей. Но едвали нужно доказывать, что такой разрывъ дружбы между мыслию и словомъ можетъ предрасполагать къ бездарности¹⁾.

¹⁾ См. Чтеніе о воспитаніи. П. Юркевича стр. 143.

Во вторыхъ, если дѣти духовенства, вмѣстѣ съ латинской или греческой грамматикой обучаются дома и русской грамматикѣ, то этимъ нисколько не поправляется дѣло; знаніе русскаго языка имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ предварительной подготовки дѣтей къ училищу, но отнюдь не въ смыслѣ знанія грамматики. Только что высказанныя нами соображенія о неудобствахъ обученія дѣтей, въ раннемъ возрастѣ, иностраннымъ языкамъ одинаково могутъ быть примѣнены и къ обученію русской грамматики. Какъ тамъ, такъ и здѣсь дѣти работаютъ одною памятію, безъ участія мышленія и фантазіи; какъ тамъ, такъ и здѣсь занятія дѣтей противорѣчатъ порядку природы. Именно, хотя въ грамматикѣ дѣти имѣютъ дѣло съ словами русскими, написанными русскими буквами, тѣмъ не менѣе это—слова, до которыхъ они не дошли собственнымъ умомъ, значенія которыхъ не усвоены ими путемъ чувственного созерцанія и опыта, и которыя, потому, не вызываютъ въ ихъ представленіи никакого образа, не соединяются съ живыми, дѣйствительными предметами; это, подлинно, одни пустыя слова, звуки, не выражающія для дѣтей никакого понятія. Недаромъ для дѣтей, въ раннемъ возрастѣ, русская грамматика такъ же мало представляетъ интереса, какъ и иностранный языкъ. Но грамматика вѣрна самой себѣ: предлагая дѣтямъ для заучиванія пустые звуки и непонятныя слова, она заставляетъ ихъ вылаживать эти звуки и слова въ строго размѣренныя рядки и формы, другими словами—предписываетъ имъ упражняться въ рѣшеніи такихъ задачъ, которыми требуется найти что-то, посредствомъ заключенія отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, или, проще, ставитъ дѣтей положительно втупикъ, причемъ не мыслима, съ ихъ стороны, никакая самодѣятельность. А главное, на что слѣдуетъ здѣсь обратить серьезное вниманіе, это то обстоятельство, что языкъ и грамматика—двѣ вещи совершенно разныя; заучи-

ванье дѣтми грамматическихъ терминовъ и правилъ, въ которомъ видятъ, обыкновенно, изученіе языка, очень мало имѣть общаго съ самимъ языкомъ,—почему, говоря о значеніи русскаго языка въ дѣлѣ подготовки къ училищу, мы вовсе не думали настаивать на преподаваніе дѣтямъ грамматики. Изучать грамматику не значитъ изучать языкъ: грамматика только разсуждаетъ о языкѣ, а не учитъ языку,—имѣть своимъ предметомъ законы и формы языка, и почти не знакомитъ съ его содержаніемъ, или съ самымъ матеріаломъ языка; послѣдній заключается не въ грамматикѣ, а въ самой рѣчи, или живомъ *говорѣ*, такъ что, кто умѣетъ говорить, тотъ уже знаетъ языкъ и даже не нуждается въ грамматикѣ, такъ какъ и безъ нея правильно говорить; напротивъ, можно нанзустъ знать грамматику и не умѣть говорить правильно и свободно. Грамматика, напр., внушаетъ дѣтямъ, что слово »госпожа« имѣетъ предложный пад. »о госпожѣ«; а что значитъ это слово, это понятіе, когда употребляется и къ кому прилагается оно, объ этомъ грамматика вовсе не распространяется, какъ о дѣлѣ не касающемся ее. Въ грамматикѣ дѣти заучиваютъ слова помимо практическаго употребленія ихъ, почему не ознакомливаются съ значеніемъ и смысломъ ихъ, а знаютъ все это только изъ практики языка, т. е. изъ частаго употребленія словъ въ живомъ разговорѣ съ ними, или изъ объясненія. Узнавши же значеніе даннаго слова, дитя опять—таки не сможетъ при помощи языка, т. е. грамматики, видоизмѣнить форму его по требованію смысла данной мысли, или обстоятельствъ, потому что въ грамматикѣ дѣти знакомятся съ видоизмѣненіями словъ отвлеченно, а не на практическомъ употребленіи ихъ. Во всякомъ случаѣ, если ужъ учиться грамматикѣ, то нужно напередъ ознакомиться съ самимъ языкомъ, его употребленіемъ и оборотами,—безъ этого учить грамматику, начиная съ ея опредѣленій и раз-

дѣлений, съ буквъ и словъ, значило бы предпочитать содержанию пустую, схоластическую формальность. Даже, чтобы понимать, какъ слѣдуетъ, формы словъ, раскрываемыя грамматикой, нужно прежде узнать то, къ чему эти формы относятся, т. е. самыя слова, или вообще языкъ; точно также законы языка дѣлаются ясными и понятными дѣтямъ послѣ ознакомленія ихъ съ выраженіемъ этихъ законовъ на практикѣ, или, что тоже, послѣ пріученія самостоятельно и свободно владѣть живою русскою рѣчью.

И такъ, русской грамматикѣ учить дѣтей не слѣдуетъ, прежде практическаго ознакомленія ихъ съ языкомъ, т. е. прежде, чѣмъ дѣти овладѣютъ правильною и полною родною рѣчью. Могутъ замѣтить, что, будучи теоріей русскаго языка, болѣе или менѣе удовлетворительной, грамматика въ тоже время есть русское слово, русская книга, и читая ее дитя все таки имѣетъ дѣло съ русскимъ языкомъ, съ русскими оборотами рѣчи, съ русскими названіями предметовъ и т. д. Но только по этому одному грамматикѣ никакъ не слѣдуетъ принимать за первую наставницу въ русскомъ языкѣ; съ этой стороны, грамматикѣ можетъ замѣнить всякая другая русская книга, и тѣмъ съ большимъ удобствомъ, чѣмъ больше въ грамматикѣ такъ называемыхъ техническихъ, научныхъ терминовъ и искусственныхъ оборотовъ рѣчи. Слогъ грамматики не по дѣтямъ; содержаніемъ своимъ грамматика нагоняетъ на нихъ тоску и развиваетъ нерасположеніе къ книгѣ. Не мѣшаетъ при этомъ принять къ свѣдѣнію, что въ опередившей насъ, на пути просвѣщенія, Европѣ давно перестали заниматься грамматикой съ дѣтьми въ младшемъ возрастѣ; тамъ лучше насъ понимаютъ натуру дѣтей и на грамматикѣ вовсе не смотрятъ, какъ на «науку, обучающую правильно говорить и писать» на отечественномъ языкѣ. Одинъ ученый нѣмецъ, составившій руководство къ началъному обученію дѣтей отечественному языку, говоритъ: »Обу-

ченіе отечественному языку въ младшемъ возрастѣ нельзя начинать прямо съ грамматики, потому что не слѣдуетъ съ дѣтьми разсуждать о языкѣ прежде, чѣмъ онѣ научились разсуждать на языкѣ» ¹⁾). По примѣру Европы, взгляды на преподаваніе роднаго языка измѣнились за послѣднее время и у нашихъ русскихъ педагоговъ, почему, напр., изученіе грамматики отнесено въ гимназіяхъ къ болѣе зрѣлому возрасту, а въ раннемъ періодѣ дѣтей принято знакомить съ роднымъ языкомъ путемъ практическимъ. Такъ членъ учебнаго комитета при министерствѣ нар. просв., г. Галаховъ, въ соображеніяхъ о программахъ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ, говоритъ слѣдующее: »Наиболѣе успѣшный способъ обученія языку — практическій, состоящій въ основательномъ знакомствѣ съ матеріаломъ языка и въ выводѣ отсюда законовъ, изложеніе которыхъ образуетъ науку (грамматику). Онъ (практический способъ) не противорѣчитъ теоріи (грамматикѣ), но только передаетъ ее учащимся какъ результатъ усвоенныхъ фактовъ, а не путемъ схоластическаго, отвлеченнаго догматизма, лишеннаго фактической основы» ²⁾). Г. Юркевичъ говоритъ: »Сколько можно менѣе и сколько можно бережливѣе слѣдуетъ обучать дѣтей языку посредствомъ отвлеченныхъ грамматическихъ категорій... Это школа раннихъ успѣховъ и бездарности на всю жизнь» ³⁾).

Въ чемъ же, собственно, состоитъ это практическое обученіе языку? съ чего оно начинается? Практическое изученіе дѣтьми роднаго языка начинается съ самыхъ раннихъ лѣтъ, — съ тѣхъ поръ, какъ дѣти станутъ отличать себя отъ всего окружающаго и отмѣчать предметы какими нибудь названіями; къ этому способу изученія языка они при-

¹⁾ Начальное обученіе отечествен. языку по наглядной методѣ. *Вурста*.

²⁾ Журн. министер. народн. просвѣщ. 1865 г. ноябрь.

³⁾ Чтенія о воспитаніи, ст. 141—142.

ходятъ сами собою. И вы думаете, если дѣти начинаютъ опознаваться среди окружающихъ ихъ предметовъ, и давать имъ тѣ или другія клички, тѣ или другія названія, то въ этомъ нельзя видѣть для себя указаній на характеръ и приемы первоначальнаго, практическаго обученія родному языку? А посмотрите: вотъ дитя остановилось предъ незнакомымъ предметомъ, предъ поразившимъ его явленіемъ, и задумалось, — что съ нимъ дѣлается? Въ немъ совершается одинъ изъ самыхъ важныхъ для умственнаго разитія психическихъ процессовъ, — усвоеніе впечатлѣній и обогащеніе ума понятіями; оно силится найтись предъ поразившимъ его явленіемъ, опредѣлить для своего сознанія встрѣтившійся незнакомый предметъ, дать ему въ своемъ, только что начинающемъ слагаться, міровоззрѣніи опредѣленное мѣсто и смыслъ. Помогите ему въ трудной работѣ: скажите, какъ называется удивившая его вещь, да растолкуйте, по мѣрѣ вашихъ и его силъ, что она такое. Безъ посторонней помощи дѣтямъ трудно, даже, пожалуй, невозможно усвоить названія предметовъ и понять настоящій смыслъ ихъ. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ, какъ слабы вообще умственныя силы дѣтей въ первый періодъ ихъ развитія, когда дѣти только начинаютъ лепетать отрывочные звуки и невнятные слова; обращаемъ, собственно, вниманіе читателя на трудность самаго предмета. Даръ слова, или языкъ, насколько отличаетъ человѣка отъ животныхъ и придаетъ ему характеръ высшаго существа, настолько же трудно пріобрѣтается въ его настоящемъ значеніи. Что всѣ люди *говорятъ*, изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, будто способность слова не зависитъ, въ своемъ развитіи, отъ опредѣленныхъ условій и дается всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ и въ одинъ срокъ. И опытъ показываетъ намъ, что можно дожить до старости и не уметь пользоваться настоящимъ образомъ способностью слова; точно такъ же, какъ дѣти

иногда слишком долго томятъ родителей своею немотою. Обыкновенно, недоумѣваютъ, почему дѣти въ простомъ быту иногда такъ долго не обнаруживаютъ въ себѣ способности слова, и часто подозреваютъ въ нихъ, по этому случаю, даже умственное уродство, бѣдность духовныхъ силъ, а не прійдутъ къ мысли о необходимости помочь дѣтямъ въ усвоеніи искусства говорить, — хотя, замѣтимъ кстати, не забываютъ въ тоже время учить дѣтей и сидѣть, и ходить, даже ѣсть. Считать же за разумное и намѣренное ученіе языку прихотливые вызовы ребенка, со стороны родителей, на то, чтобы онъ подъ веселый часъ умѣлъ потѣшить ихъ словомъ *папаша и мамаша*, или же ограничиваться въ этомъ дѣлѣ намѣреннымъ ломаньемъ и коверканьемъ русскихъ словъ, *изъ расположенія и подражанія дѣтямъ*, — очевидно, никакъ нельзя.

Такимъ образомъ, *разговоръ* съ дѣтьми, который бы знакомилъ ихъ съ названіями и значеніемъ вещей, составляетъ начало практическаго обученія языку. Какимъ же образомъ вести съ дѣтьми разговоры? Извѣстный нашъ ученый, г. Срезневскій говоритъ: »научите сначала дѣтей понимать значеніе каждаго слова, мысль каждаго предложенія, главную мысль въ цѣломъ кругу стройныхъ предложеній, взаимное отношеніе и связь нѣсколькихъ мыслей, — и вы дадите имъ богатое содержаніе« ¹⁾. Отсюда очевидно, что, при разговорѣ съ дѣтьми, нужно а) произносить каждое слово точно, внятно и раздѣльно; б) останавливаться на разборѣ словъ и выраженій — приѣмъ, благодаря которому дѣти сами приучаются со временемъ открывать значеніе словъ, вникая въ ихъ составъ и производство; в) выражаться ясно и отчетливо, сообщая своей рѣчи форму краткихъ, но правильныхъ и имѣющихъ внутреннюю связь предложеній, — при чемъ необходимо обращать вниманіе дѣтей на сущность содержанія. Все это, очевидно, довольно трудно; но еслибы изъ вашего разговора дѣти познакомились только съ одними названіями вещей, съ названіями качествъ ихъ, состояній и дѣйствій, то и такое значеніе много поможетъ имъ въ овладѣніи языкомъ. Конечно, отъ названій предметовъ еще далеко до настоящаго владѣнія языкомъ, со всѣмъ богатствомъ его формъ и оборотовъ; тѣмъ не менѣе, безъ знанія имени вещамъ, не можетъ

¹⁾ Журн. министер. нар. просвѣщ. 1865 г. ноябрь.

быть никакой рѣчи. Притомъ же, слушая разговоры ваши, или сами будучи вызываемы на разговоры, дѣти постепенно осваиваются съ самымъ механизмомъ языка, съ его разнообразными оборотами и богатствомъ выражений. А главное, что здѣсь особенно важно, это — расширение области дѣтскихъ понятій, такъ какъ, усвоивъ языку дѣтей возможно-большее число словъ, вы необходимо вводите въ ихъ сознание и самыя понятія, выражаемыя этими словами, или, иначе, сообщаете имъ разнообразныя свѣдѣнія о предметахъ. Когда же дѣти обогатятся понятіями, узнаютъ какъ названія, такъ и значенія предметовъ, — отъ нихъ можно будетъ ожидать и умѣнья говорить о предметахъ, т. е. описывать и опредѣлять ихъ. »Для образованія членораздѣльнаго языка«, говоритъ г. Юркевичъ, »нужно имѣть понятія о вещахъ, чтобы давать имя; животныя не говорятъ, потому что имъ говорить не о чемъ«¹⁾).

Если, съ этой точки зрѣнія, мы взглянемъ на обветшалую привычку нѣкоторыхъ отцовъ удалять дѣтей съ глазъ своихъ, изолировать ихъ жизнь отъ общества людей взрослыхъ и отъ явленій окружающей дѣйствительности, то поймемъ, какъ много вредитъ такое обращеніе съ дѣтьми усвоенію ими роднаго языка. Стѣсняемые, посредствомъ удаленія, въ обогащеніи себя чувственными созерцаніями и наблюденіями, дѣти вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаются опасности остаться съ самымъ ограниченнымъ кругомъ понятій, которыя, въдобавокъ, будутъ отличаться неопредѣленностью, смутностью и сбивчивостью: на какомъ же основаніи можно, при этомъ условіи, требовать отъ дѣтей умѣнья говорить! Въ наглядности, въ наблюдательности, однимъ словомъ — въ чувственныхъ созерцаніяхъ заключается единственный и самый надежный источникъ для обогащенія дѣтей понятіями, и стало быть, для снабженія ихъ свѣдѣніями по языку. Когда понятія приобрѣтаются путемъ чувственныхъ впечатлѣній и опытовъ, они проявляютъ въ себѣ характеръ нѣкоторой образности, оказываются снимками и образами самыхъ предметовъ, къ которымъ относятся. А это очень важно; безъ этого условія, т. е. если вы будете сообщать дѣтямъ понятія путемъ теоретическимъ, независимо отъ опыта и отъ дѣйствительныхъ наблюденій ихъ, то кромѣ тупости, вы

¹⁾ Чт. о воспитаѣ. П. Юркевича, стр. 30.

рискуете развить въ дѣтяхъ странную отвлеченность, враждебную къ требованіямъ здраваго смысла. Вотъ почему признается необходимымъ учить дѣтей, т. е. развивать въ нихъ понятія, не столько со словъ, сколько изъ наблюдений, т. е. соединять при одномъ и томъ же случаѣ два урока, одинъ словесный, другой наглядный. При невозможности часто бесѣдовать съ дѣтьми, полезна для нихъ и одна возможность наблюдать: пусть они сами дѣлаютъ опыты, видятъ, слышатъ, осязаютъ. Но по временамъ воспитателю все-таки необходимо усиливать вниманіе дѣтей—то вопросами и указаніями на форму и на матеріалъ наблюдаемыхъ предметовъ, то намѣреннымъ разнообразіемъ и расширеніемъ круга предметовъ, подлежащихъ дѣтскому наблюденію. Впрочемъ, дѣти рѣшительно неспособны, по своей зависимости отъ чувственныхъ впечатлѣній и преобладанію въ нихъ дѣятельности чувствъ, къ сосредоточенной умственной работѣ, потребной для приобрѣтенія понятій какимъ нибудь теоретическимъ способомъ: странныя представленія, которыя иногда обнаруживаются въ дѣтяхъ относительно дѣйствительнаго міра, суть произведенія необузданнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго воображенія, а вовсе не плоды напряженной умственной дѣятельности. Значить, чувственные созерцанія, наблюденія и опыты не только развиваютъ въ дѣтяхъ понятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ надлежащее направленіе и дѣятельности ихъ воображенія. Касательно же допущенія дѣтей въ кругъ людей взрослыхъ замѣтимъ, что хотя мальчикъ не всегда и не все пойметъ изъ того, что говорится около, однако, слыша постоянно человѣческое слово и видя говорящихъ людей, онъ непремѣнно извлечетъ себѣ изъ этого пользу въ умственномъ и словесномъ отношеніи. Къ дѣ духовная жизнь пробуждается въ дитяти прежде способности къ членораздѣльнымъ звукамъ, и потому, не говоря еще ничего, дитя можетъ изъ разговора другихъ знакомиться и съ названіями предметовъ, и съ ихъ свойствами, качествами, и т. д.; прійдетъ время, и ему уже ничего не будетъ стоить заговорить почти вдругъ,—и заговорить оно обо всемъ, что прежде достало до его слуха или падало на глаза.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТЫХ ПASTYРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~ Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ достав- № 27. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1869 года. Іюля 6-го.

Содержаніе: Слово въ день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. —
Приготовленіе дѣтей духовенства къ училищу. — Новая книга въ пособіе
при начальномъ обученіи. — Объявленія.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА ¹⁾).

Святая Церковь, празднуя нынѣ день преставленія святыхъ славныхъ и всехвальныхъ, первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ своихъ пѣснопѣніяхъ восхваляетъ подвиги и труды ихъ, которые подъяли они, пронося благовѣстіе Христова во всю вселенную. Благоговѣйное и благочестивое чувство христіанское нашло уже, или можетъ найти себѣ удовлетвореніе въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ которыхъ воспѣты подвиги и труды сихъ всехвальныхъ св. апостоловъ, а равно и въ описаніи ихъ житія и апостольскаго служенія. Намъ хотѣлось бы, благоч. слушатели, въ настоящемъ случаѣ, обратить ваше вниманіе на другой, впрочемъ, весьма близкій къ сему предметъ—на важность и трудность пастырскаго служенія, какъ преемственнаго слу-

¹⁾ Произнесено въ Семинарской церкви, въ Кіевѣ, 29 іюня 1869 г.

женія апостольскаго. Тѣмъ болѣе почитаемъ умѣстнымъ собесѣдованіе о семъ предметѣ, что многіе изъ присутствующихъ при семъ богослуженіи и молящихся въ семъ храмѣ святомъ приготавлиются, или уже подготовлены къ сему служенію Церкви Божіей на землѣ, въ здѣшнемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія.

Говорить ли о томъ, какъ велико и досточтимое служеніе пастырей въ Церкви Христовой? Всякій благомыслящій христіанинъ согласится съ нами, что самое учрежденіе сего служенія Богу и людямъ не есть произволь человѣческій, но имѣетъ свое начало свыше, отъ Самаго Іисуса Христа—Главы и Основателя Церкви. Какъ Самъ Господь посланъ былъ отъ Отца, чтобы совершить спасеніе міра, такъ посланы были Господомъ апостолы (Іоан. 20, 21), такъ посылаются Имъ и нынѣ пастыри и учителя Церкви. *Той далъ есть овы убо апостоли, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя*, говоритъ св. апостолъ Павелъ (Еф. 4, 11—12). Какой же предметъ и какая цѣль сего посланничества ихъ?—Служить Богу и спасенію человѣковъ! Тотъ же св. апостолъ Павелъ, сказавъ, что Самъ Богъ поставляетъ пастырей и учителей Церкви, указываетъ и на предметъ и на цѣль ихъ служенія, когда говоритъ, что Богъ даетъ пастырей и учителей *къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе Тѣла Христова, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе въры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возрастѣ исполненія Христова* (Еф. 4, 11—13). Скажите, брат. мой, что на землѣ можетъ быть возвышеніе сего предмета и что священіе сей цѣли?—Въ возвышенныхъ и свѣтлыхъ чертахъ изображаютъ величіе и доблесть служенія пастырскаго и св. отцы Церкви. Послушаемъ и гласа ихъ. »Пастырь долженъ стоять съ ангелами«, пишетъ св. Григорій Богословъ, »славословитъ съ архангелами, воз-

носить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра« ¹⁾. »Если кто размыслить, сколь важно то«, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, »чтобы, будучи еще человѣкомъ, обложеннымъ плотію и кровію, присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго естества: то увидитъ ясно, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. Ими совершается жертвоприношеніе, совершаются и другія высокія служенія, относящіяся къ достоинству и спасенію нашему. Еще живутъ и обращаются на землѣ, а поставлены распорядять небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ« ²⁾. »Бывъ вчера и прежде однимъ изъ простаго народа«, говоритъ св. Григорій Нисскій, »пастырь вдругъ является наставникомъ, предстоятелемъ, учителемъ, совершителемъ сокровенныхъ таинствъ, преобразившись въ невидимой душѣ къ лучшему невидимую иѣкою силою и благодатію« ³⁾. Но не о небесныхъ только благахъ, а и о земномъ благополучіи своихъ пасомыхъ помышляетъ пастырь Церкви. »Подчиненнымъ внушаетъ онъ искреннее повиновеніе къ начальствующимъ, а начальствующимъ—кроткій духъ въ управленіи подчиненными, родителямъ—должное попеченіе о дѣтяхъ, дѣтямъ—послушаніе, почтеніе и признательность къ родителямъ, слугъ учить онъ быть вѣрными господамъ своимъ, а господамъ внушаетъ быть снисходительными къ слугамъ и попечительными о ихъ благѣ; онъ входитъ въ положеніе вдовъ и сиротъ, обуздываетъ дерзость людей несправедливыхъ, оскорбителей и обидчиковъ, и возбуждаетъ любовь и состраданіе, гдѣ преобладаетъ холодность и равнодушіе; онъ полагаетъ преграду необузданному вольно-

¹⁾ Твор. св. отц. ч. 1, сл. 3., стр. 62. 1843. Москва.

²⁾ Слово о священствѣ 3-е. ³⁾ Gregor. Nissen. in. baptism Christ.

мыслию и буйству, защищаетъ невинность, примиряетъ враждующихъ, успокоиваетъ недовольныхъ, предотвращаетъ безпорядки, предрасполагаетъ къ благимъ предпріятіямъ и подкрѣпляетъ въ нихъ исполненіи«¹⁾. О, сколь же важно, священно и досточтимое пастырское служеніе!

Дальнѣйшее наше слово обращаемъ къ тѣмъ изъ присутствующихъ въ семъ храмѣ, которые приготовили или приуготовляютъ себя къ пастырскому служенію. Имъ-то по преимуществу должны мы возвѣститъ о той трудности, съ какою сопряжено прохожденіе пастырскаго служенія.

»Вы соль земли«, говорилъ Господь Своимъ ученикамъ и апостоламъ, а слѣдовательно, тоже говорить Онъ и преемникамъ ихъ служенія—пастырямъ Церкви. »Если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраіе людямъ. Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго« (Мѡ. 5, 13—17). Вотъ какова должна быть жизнь пастыря Церкви—священника, жизнь свѣтлая, чистая, исполненная милости, добра. Пастырь Церкви, имѣя главнымъ предметомъ своей дѣятельности служеніе Богу и спасенію ближнихъ, долженъ устроить и свою жизнь такъ, чтобы она была образцомъ для вѣрующихъ, не только въ отношеніи религіозномъ, но и въ обыкновенной домашней жизни. Посему-то св. ап. Павелъ, въ посланіи къ своему ученику Тимоѳею, преподаетъ такое наставленіе пастырю Церкви: *обучай себе благочестію, образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою; гони правду,*

¹⁾ Евсевія арх. мѡг. бесѣд. о таинствахъ. ст. 33. 1849. С н.б.

благочестіе, вѣру, любовь, терпѣніе, кротость; подви-
зайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь,
въ нюже и занъ былъ еси (1 Тим. 4, 7. 12. 16. 6, 11.
12). Подобаетъ пастырю, пишетъ онъ въ другомъ мѣ-
стѣ тому же Тимошею, быть непорочнымъ, трезвеннымъ,
цѣломудреннымъ, благочиннымъ, страннолюбивымъ,
учительнымъ, свой домъ добръ правящимъ, дѣтей иму-
щимъ въ послушаніи со всею честностію, имущимъ доброе
свидѣтельство и отъ вѣнннихъ (1 Тим. 3, 2—5, 7).
Но удобоносно ли это служеніе? Иначе сказать: всякій ли,
приготавливающийся къ пастырскому служенію, и притомъ въ
молодыхъ лѣтахъ, можетъ вполнѣ сознать, что онъ спо-
собенъ проходить съ честію и пользою пастырское служеніе!
Не отъ невнимательности ли къ самимъ себѣ, и не отъ не-
достака ли самоиспытанія нашего происходятъ тѣ упреки,
которые приходится слышать отъ вѣнннихъ, то есть не-
принадлежащихъ къ церковному клиру, порицающихъ насъ въ
различныхъ недостаткахъ и даже порокахъ! Не скорбите же,
возлюбленные, если вамъ придется проводить нѣкоторое время
занимая низшее мѣсто въ клирѣ церковномъ и достигая полна-
го возраста тѣлеснаго, произвести строгое, отчетливое и впол-
нѣ сознательное испытаніе надъ собою, чтобы убѣдиться въ
томъ, кто изъ васъ способенъ, послѣ самоиспытанія надъ собою,
проходить съ честію и пользою такое высокое и важное служеніе
Богу и ближнимъ, каково служеніе пастырское! Но этого мало.

Пастырь Церкви есть наставникъ и учитель вѣры и
благочестія. А это значить, что священникъ обязанъ и въ
храмѣ, и внѣ храма, при всякомъ случаѣ, наставлять ввѣ-
ренныя его попеченію души въ истинахъ вѣры и спасенія
(Мар. 16, 16. Мѣ. 28, 19. 1 Кор. 9, 16. 2 Тим. 4, 1—
2. 2, 2), преподавать имъ чистое евангельское ученіе,
безъ всякой примѣси ложнаго мудрованія (1 Тим. 6, 20). Что
же для этого нужно пастырю Церкви?—Основательное зна-

ніе и пониманіе смысла священнаго Писанія и достаточное знаніе ученія св. отцевъ Церкви, разумное и твердое усвоеніе истинъ христіанскаго вѣроученія и правоученія, знаніе судьбы воинствующей Церкви Божіей на землѣ, пониманіе обрядовой стороны христіанскаго богослуженія, правилъ и постановленій церковныхъ, и проч. и пр.; словомъ, ему необходимо такое знаніе, владѣя которымъ, онъ могъ бы дать прямой отвѣтъ не только всякому вопрошающему въ простотѣ сердца, но и совопросникамъ вѣка сего, мнящимся мудрыми быти. Не менѣе знанія потребно ему и искусство въ преподаваніи истинъ вѣры и благодѣянія. Онъ долженъ быть и въ этомъ случаѣ *всѣмъ вся* (1 Кор. 9, 22). Онъ долженъ со всею мудростію приспособляться къ понятіямъ и состоянію своихъ пасомыхъ и излагать все ясно и удобовразумительно, чтобы ученіе его могли понимать и дѣти и старцы, и мужескій полъ и женскій, люди всякаго званія и состоянія. Ужели и сіе искусство легко дается всякому, желающему принять священническій санъ!—А сколько заблужденій, предразсудковъ и суевѣрій существуетъ и не въ простомъ только народѣ. Сколько есть неправыхъ религіозныхъ ученій, которыми увлекается ученый и неученый, и книжный и не книжный, и образованный и необразованный. Православный пастырь долженъ неусыпно стоять на стражѣ православія. Вотъ и еще попріще для труда и борьбы.

Пастырь Церкви есть священно-служитель, или лучше сказать, совершитель Таинъ Христовыхъ и другихъ священнодѣйствій Церкви. Казалось бы, это дѣло нетрудное. Требуется, повидимому, знаніе и усвоить только порядокъ, или чинъ священнодѣйствій, который изложенъ въ служебникѣ, требникѣ, уставѣ церковномъ и—довольно. Нѣтъ, возлюбленные, ошибается тотъ, кто такъ думаетъ, кто такъ легко отнесся бы къ сему святому дѣлу. Это было бы, такъ сказать, машиннальное совершеніе свя-

щенныхъ таинствъ и другихъ священнодѣйствій Церкви; а такое дѣйствіе не угодно Богу. *Приближаются ко мнѣ людѣ сіи*, говоритъ Господь чрезъ пророка, *усты своими, и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене, всѣ же чтутъ Мя* (Ис. 29, 13). Священникъ долженъ совершать всѣ священныя дѣйствія съ полнымъ благоговѣніемъ и участіемъ сердца. Почему или для чего? Для того, чтобы собственнымъ участіемъ и пламенемъ собственной молитвы можно было возбуждать и питать и въ другихъ благоговѣйныя расположенія и чувствованія. Что же и для этого нужно? Пастырь Церкви долженъ постоянно стоять на стражѣ своего ума, своего сердца и тѣлесныхъ ощущеній; ему нужна безпрестанная молитва, необходимо всегдѣшнее памятованіе о важности и святости Таинствъ и церковныхъ священныхъ дѣйствій; благоговѣйное размышленіе о нихъ, воздержаніе плоти и духа, и пр... И все это нужно наблюдать священнику для того, чтобы и самому быть святу и непорочну предъ Богомъ и людьми, и пасомымъ доставить пользу душевную, назиданіе духовное. Легкое ли это дѣло! Помыслите и размыслите и о семъ. И не потому ли, что дѣло это трудное, дается вамъ, въ настоящую пору, довольно времени для размышленія....

Наконецъ, пастырь Церкви есть духовный отецъ, руководящій вѣрующихъ въ преслѣбаніи христіанской жизни, для достиженія вѣчнаго спасенія.— *Азъ есмь пастырь добрый*, говорилъ Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеямъ, *и знаю Моя, и знаютъ Мя Моя* (Іоан. 10, 14). Слѣдовательно, пастырь Церкви долженъ знать какъ умственное, такъ и нравственное состояніе каждаго изъ своихъ пасомыхъ, то есть знать, какъ кто вѣруетъ, и какъ кто живетъ. Ибо, не зная сего, какъ онъ будетъ и руководить своихъ пасомыхъ? Какое слово назиданія преподастъ каждому и нищущему его? какія мѣры вразумленія, наставленія, исправленія упо-

требить онъ, въ случаѣ необходимости? *И знаютъ Мл Моя.* Слѣдовательно, пастырь Церкви долженъ всемѣрно заботиться и о томъ, чтобы пріобрѣсть всеобщую любовь и искреннее уваженіе своихъ пасомыхъ, такъ чтобы овцы знали гласъ его и слушались его гласа, чтобы по *чуждымъ* пастырѣ, проповѣдующемъ ложное ученіе, развращающемъ умы и сердца, льстящемъ слабой волѣ, не ходили и не слушали гласа его, но бѣжали отъ него.

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы (Іоан. 10, 11).—Слѣдовательно, пастырь Церкви долженъ употребить всѣ силы душевныя и силы тѣлесныя, всѣ способности души и духа во благо своихъ пасомыхъ, для временнаго ихъ благополучія и вѣчнаго спасенія ихъ. Онъ съ самоотверженіемъ долженъ не щадить ни здоровья, ни даже жизни, ради спасенія своихъ пасомыхъ, если потребуютъ того обстоятельства.—Но горе пастырю, если онъ будетъ служить въ Церкви Христовой, какъ наемникъ. А *наемникъ*, говоритъ Спаситель, *иже нѣсть пастырь, ему же не суть овцы своя, видитъ волка грядущи и оставляетъ овцы и бѣгаетъ, и волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы. А наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть и не радитъ о овцахъ* (Іоан. 10, 12—14). Прочтите, возлюбленные, 34-ю главу пророка Іезекіиля, и вы увидите, какую жалость, какое горе изрекалъ Богъ, устами сего пророка, на пастырей безнечныхъ и нерадивыхъ, помышляющихъ только о своемъ достаткѣ и благополучіи. *Оле пастыри израилевы, еда пасутъ пастыри самихъ себѣ? Не овецъ ли пасутъ пастыри? Се млеко ядите и волною одъиваетесь, и тучное заклаете, а овецъ моихъ не пасете. Изнемогаго не подъяете, и болящаго не уврачеваете, и сокрушеннаго не обязаете, и заблуждающаго не обратите, и погибшаго не възвскаете, и крѣпкое оскорбите трудомъ, и влестію накажете я и нару-*

ганіємъ. И разсыпанная овцы моя, понеже не имѣящу пастырей и быша на изгнѣніе всѣмъ зѣремъ сельнымъ.. Живу Азъ, глаголетъ Адонаи Господь, понеже учинена суть стада Моя въ расхищеніе, и овцы Моя быша въ снѣденіе всѣмъ зѣремъ сельнымъ.... се Азъ на пастыри, и възвѣщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ (Іезек. 34, 3. 4. 5. 8. 9). Посему-то и святой Златоустъ, говоря о трудности обязанностей пастыря, *нигдѣ* съ сожалѣніемъ выразилъ весьма горькую истину, что едвали многіе пастыри спасутъ души свои.

Что же остается дѣлать готовящимся къ пастырскому служенію, когда такъ трудно теперь ноступленіе въ сіе досточтимое званіе, и съ такими великими трудами сопряжено самое прохожденіе пастырскаго служенія? Необходимо долговременное и самое тщательное приготовленіе къ пастырству. Прочное начало такого приготовленія полагается для воспитанниковъ духовноучебныхъ заведеній въ этихъ заведеніяхъ, а окончательная подготовка къ пастырству предвидится въ прохожденіи кандидатами священства, предварительно, низшихъ степеней клира.

И такъ, кто желаетъ быть добрымъ и вѣрнымъ пастыремъ Церкви, тотъ да не устрашается трудностей пастырскаго служенія. Приготовляясь со всякимъ тщаніемъ къ сему святому служенію, пусть онъ помнитъ, что Божественная благодать, немощная врачующая и недостачествующее воспоминающая, укрѣпляетъ его въ дѣлѣ пастырскаго служенія. Необходимо только молиться, чтобы Господь утвердилъ въ сердцахъ вашихъ истинную любовь и уваженіе къ священническому сану и—когда вы удостоитесь быть пастырями Церкви,—укрѣпить въ васъ непоколебимую ревность по вѣрѣ и любвеобильное попеченіе о пасомыхъ! Ибо, когда утвердятся въ сердцахъ юныхъ питомцевъ, приготовляющихся къ дѣлу пастырскаго служенія, любовь къ сему служе-

нію, истинная вѣра и благочестіе нелицемѣрное, когда они будутъ имѣть крѣпость, терпѣніе, воздержаніе и умѣнье вести себя въ жизни обыденной и въ дѣлѣ общественнаго и пастырскаго служенія: тогда облегчатся какъ приготовленіе въ пастырскому служенію, такъ и самое прохожденіе сего святаго служенія. Аминь.

Протоіерей *І. Голубевичъ.*

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ.

РАЗГОВОРЫ СЪ ДѢТЬМИ ¹⁾.

Съ дѣтьми, привыкшими быть въ удаленіи, почти невозможны разговоры; дѣти по природѣ любознательны, но если кругъ доступныхъ имъ впечатлѣній слишкомъ тѣсенъ, или если въ семействѣ видимо тяготея ихъ присутствіемъ, ихъ говорливостію, то къ разговорамъ у нихъ мало обазывается расположенія, и на предметъ, занимательный для нихъ, вы не скоро попадете, при всемъ желаніи поговорить съ дѣтьми. Въ этомъ отношеніи, дѣти неодичавшія, привыкшія къ обществу, просто, сокровище для воспитателей,—сами находятъ предметы для разговоровъ, только успѣвайте удовлетворять ихъ любопытству. И такъ, о чемъ бы дитя ни спросило васъ, будьте внимательны къ его любознательности, старайтесь отвѣтить на его вопросъ, сколько можно удовлетворительнѣе для него. Дѣти неодичавшія любознательны, по причинѣ множества и разнообразія доступныхъ имъ впечатлѣній, опытовъ, воспоминаній, и т. д. Итакъ, старайтесь расширять и разнообразить сферу предметовъ и понятій, въ которой живутъ ваши дѣти. Въ этомъ отношеніи прекрасно поступаютъ въ семействахъ, принадлежащихъ къ высшему и среднему городскому сословію. Тамъ отцы, именно, съ намѣреніемъ расширяютъ и разнообраз-

¹⁾ См. № 26-й.

разять область предметовъ, среди которыхъ вращаются дѣти: пусть-де набираются они, какъ пчелы, умственныхъ представленій и понятій, осваиваются съ разными видами и оборотами роднаго слова, подъ неотразимымъ вліаніемъ всюду встрѣчающихся новыхъ названій, новыхъ картинъ и явленій. Дѣтей они почти не оставляютъ однихъ. Гуляя съ ними въ саду, по лугамъ или въ полѣ, сидя въ уединенномъ кабинетѣ или въ гостинной среди случайнаго общества, отцы, подъ формою пустаго препровожденія времени умѣютъ дѣлать великое дѣло для своихъ питомцевъ: имъ сообщаются здѣсь слово-за-слово названія цѣлымъ классамъ предметовъ, говорится о качествахъ ихъ, свойствахъ, условіяхъ обнаруженія въ нихъ тѣхъ или другихъ явленій и перемѣнъ, и т. д. Если отцу оказывается недосугъ заниматься такимъ образомъ дѣтьми, его мѣсто замѣняютъ при дѣтяхъ другіе. И вотъ, отъ постоянно льющей около дѣтей развязной и содержательной рѣчи, въ сознаніе ихъ западаютъ сначала образы предметовъ и названія ихъ,—послѣднія остаются для дѣтей какъ необходимая форма или вывѣска первыхъ;—но съ теченіемъ времени, эти отдѣльныя слова, или лучше—живыя представленія и понятія, связываются между собой и даютъ цѣлыя фразы и предложенія; наконецъ, все это обнаруживается въ дѣтяхъ связнымъ, разумнымъ и живописнымъ говоромъ. Замѣчено, что въ среднемъ и высшемъ сословіи дѣти начинаютъ очень рано говорить и говорятъ прекрасно—знакъ, что отцы, какъ слѣдуетъ, заботятся объ усвоеніи дѣтьми искусства говорить.

Въ низшихъ сферахъ общества и въ духовенствѣ, особенно сельскомъ, дѣти не такъ счастливы; ихъ не только не учатъ, а даже мѣшаютъ имъ учиться говорить. На любознательность дѣтей, на пытливые вопросы о томъ или другомъ явленіи жизни и природы, тутъ мало обращается вниманія, со стороны отцовъ и вообще людей взрослыхъ. Въ отношеніяхъ послѣднихъ къ дѣтямъ или просвѣчиваетъ си-

стема застраиванья, или отражается духъ старины, напоминающій неприступное величье однихъ и безличное ничтожество другихъ. Между тѣмъ, въ этой-то именно сферѣ, въ низшемъ и среднемъ классѣ общества, и необходимо, больше всего, вызывать дѣтей на говоренье, и какъ можно чаще бесѣдовать съ ними. Извѣстно, что въ умственномъ развитіи заключается для дѣтей важное средство къ овладѣнію языкомъ, а дѣти сельскихъ обывателей, и между ними дѣти сельского духовенства, оказываются очень мало развитыми, сравнительно съ дѣтьми городскихъ и состоятельныхъ семействъ. Далѣе, среди дѣтей сельского духовенства, такъ мало побуждающая ихъ къ самодѣятельности, наблюдательности и говорливости, эта простота жизни, нужды и занятій, и эта ограниченность круга предметовъ, понятій и людей, съ какимъ они имѣютъ дѣло—все сложилось около нихъ такъ, что имъ рѣшительно невозможно овладѣть механизмомъ роднаго языка безъ помощи практическаго способа, и между прочимъ, безъ говоренья съ ними людей взрослыхъ. Дѣти городскихъ и состоятельныхъ классовъ находятъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ; тамъ въ самой обстановкѣ жизни дѣти находятъ для себя наставницу въ русскомъ языкѣ. Это богатство интересовъ, игрушекъ, это разнообразіе впечатлѣній и развлеченій, и наконецъ, эта естественность въ отношеніяхъ къ дѣтямъ людей взрослыхъ и отсутствіе отдаленности дѣтей—одинаково способствуютъ какъ умственному развитію послѣднихъ, такъ и умѣнью ихъ говорить. И несмотря на все это, здѣсь, какъ мы видѣли сейчасъ, не пренебрегаютъ практическимъ обученіемъ дѣтей языку. или намѣреннымъ говореньемъ съ ними. За то и выходятъ такого рода печальныя обстоятельства, что дѣти сельского духовенства, можно сказать, вовсе не осваиваются съ языкомъ, въ бытность свою въ домахъ родителей, и по включеніи въ училище, для нихъ часто оказываются неизвѣст-

ными названія самыхъ обыденныхъ предметовъ и понятій, отчего и увеличивается для нихъ трудность изученія грамматики. Нельзя иногда повѣрять, какъ скуденъ бываетъ у нихъ запасъ русскихъ словъ, которыми они обмѣниваются между собой въ своей обыденной жизни. И съ ними, по вступленіи ихъ въ училище, нѣтъ возможности говорить о чемъ нибудь плавною и связною рѣчью безъ того, чтобы не останавливаться на объясненіи самыхъ простыхъ словъ; обязанность учителей—прииспособляться къ умственному уровню и языку слушателей почти нелепая. Особенно это приходится чувствовать учителю русскаго языка, при нынѣшнихъ руководствахъ по означенному предмету, рекомендующихъ начинать грамматику прямо съ второй части, въ которой, что ни слово, то техническій терминъ, влекущій за собой, при объясненіи, кучу такихъ же непонятныхъ слововыраженій.

Что говоренье съ дѣтьми, и именно по означеннымъ причинамъ, всего болѣе необходимо въ быту сельскихъ обывателей, а слѣдовательно, и въ быту сельскаго духовенства, это признано нынѣ всѣми мыслящими людьми. Такъ, въ одномъ практическомъ руководствѣ къ обученію дѣтей языку, мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: »Уроки нагляднаго обученія отечественному языку предназначаются для руководства учителей институтовъ, приходскихъ и сельскихъ училищъ и пріютовъ, однимъ словомъ, для такихъ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются и воспитываются или дѣти изъ неразвитаго и невѣжественнаго класса, или дѣти, въ которыхъ, подъ вліяніемъ затворничества и казеннаго міра, совершенно уничтожаются природная наблюдательность, пытливость и разговорчивость« (Считаемъ лишнимъ говорить о томъ, что въ духовныхъ училищахъ, которыя называются *уездными*, было бы странно заниматься съ дѣтьми *говореньемъ*; сельское духовенство должно взять это дѣло на

себя, потому что тутъ нѣтъ никакой хитрости). Объясняя нужду такихъ руководствъ по языку, а слѣдовательно, и нужду говоренья, авторъ именно заявляетъ, что такимъ дѣтямъ, предоставленнымъ самимъ себѣ, при ограниченности ихъ силъ, слишкомъ трудно дается достаточный запасъ словъ и понятій, что безъ разумнаго посторонняго руководства они совершенно случайно и произвольно, а потому неправильно и сбивчиво, понимаютъ и отмѣчаютъ словами—и факты своей внутренней, психической жизни, и явленія внѣшняго міра, и что для нихъ, такимъ образомъ, невозможно бываетъ ни ясное и правильное представленіе вещей, ни практическое ихъ приложеніе. Онъ такъ говоритъ: »Наглядные уроки должны снабдить ученика запасомъ наглядныхъ знаній и матеріаломъ для умственныхъ представлений, дать ему вмѣстѣ съ тѣмъ возможность усвоить множество новыхъ словъ для вѣрнаго и точнаго выраженія этихъ представлений и въ тоже время провѣрить и умножить собственный запасъ словъ и формъ... До сихъ поръ одна только случайность служила руководителемъ пониманія чувствованій и желаній ребенка, вслѣдствіе чего въ его умственныхъ отправленіяхъ не могло быть ни ясности, ни опредѣленности, ни пракческаго приложенія. Самыя впечатлѣнія ребенка, по своей быстротѣ и мимолетности, не въ состояніи были оставлять въ душѣ его прочнаго слѣда, а потому онъ не могъ привести въ свое сознаніе и располагать по желанію своимъ, случайно собраннымъ, запасомъ представлений и понятій... Духовной области ребенка за—частую чужды понятія о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, такихъ, которые постоянно окружаютъ ребенка и, можно сказать, ежедневно поражаютъ его чувства, такъ что къ нему всего ближе относятся слова: »имѣеть глаза и не видить, имѣеть уши и не слышать«.

Очевидно, что содержаніе для разговоровъ съ дѣтьми должно браться изъ области предметовъ чувственныхъ, на-

глядимъ; этого требуетъ значеніе для дѣтей наглядныхъ знаній, зависимость ихъ мышленія отъ чувственныхъ представленій и опытовъ; это же требуется и самими инстинктами дѣтской натуры. Всякому, можетъ быть, извѣстно, какъ недоступны дѣтямъ сложныя отвлеченныя понятія и представленія, до которыхъ они не сами дошли путемъ чувственныхъ созерцаній и опытовъ. Поэтому, если хотите, чтобы въ результатѣ вашего говоренья съ дѣтьми, особенно въ первый періодъ ихъ развитія, оказалась дѣйствительная польза для нихъ въ умственномъ и словесномъ отношеніи, избѣгайте разговоровъ съ ними о предметахъ отвлеченныхъ, или невидѣнныхъ и неслышанныхъ ими, а лучше развивайте ихъ любознательность и наблюдательность указаніями на предметы конкретныя, или бесѣдуйте съ ними о томъ, что къ нимъ близко и производить на нихъ тѣ или другія впечатлѣнія. Все то, чего мальчикъ не видѣлъ своими глазами, или что не успѣло еще произвести на него никакого дѣйствія, не возбудило никакого ощущенія, — все это будетъ, до пробужденія въ немъ мыслительности и высшихъ душевныхъ расположеній, пониматься у него однимъ воображеніемъ, а воображеніе не надежное средство къ пріобрѣтенію познаній, какъ относительно языка, такъ и вообще.

Полезно брать содержаніе для бесѣдъ съ дѣтьми изъ круга предметовъ наглядныхъ и знакомыхъ дѣтямъ. Предметы, относящіеся къ естествовѣдѣнію, впрочемъ, мало интересуютъ дѣтей, — ими занимаются дѣти слишкомъ маленькія, почти еще не сознающія самихъ себя; поэтому гораздо лучше разговаривать съ ними о предметахъ и явленіяхъ жизни человѣческой. Ниже, когда мы будемъ говорить о дѣтскихъ книгахъ, мы намѣрены подробно раскрыть всѣ эти мысли, а теперь замѣтимъ только, что говорить съ дѣтьми о явленіяхъ и обстоятельствахъ человѣческой жизни часто бываетъ необходимо по соображеніямъ, просто, житей-

скимъ, помимо педагогическихъ цѣлей, — особенно когда дѣти случайно, или по недосмотру старшихъ, сдѣлались свидѣтелями означенныхъ явленій.

Представляемъ нѣсколько образчиковъ для веденія разговоровъ съ дѣтьми. Положимъ, дѣти сидятъ съ матерью или отцомъ у себя подъ окошкомъ. Мать или отецъ спрашиваетъ:

»Какъ называется мѣсто въ комнатѣ, гдѣ мы сидимъ?

Дѣти отвѣчаютъ: »оѣно«.

— Зачѣмъ сдѣлали здѣсь оѣно?

»Чтобы было видно глядѣть.

— Зачѣмъ же стекла вставлены? Они мѣшаютъ глядѣть?

»Сквозь стекла видно и солнышко свѣтитъ: они не мѣшаютъ.

— Зачѣмъ же все-таки ихъ вставляютъ?

»Чтобы вѣтеръ не дулъ и не было бы холодно.

— Такъ. Но когда сквозь стекла видно, то какъ они называются?

»Прозрачными.

— А когда и отъ чего бываетъ холодно на дворѣ?

»Осенью и зимой: тогда дождь и снѣгъ идетъ и солнышка не бываетъ.

»Все это такъ, только знайте, что солнышко всегда есть, но зимой и осенью его закрываютъ отъ насъ густыя облака и тучи. Повторите, что я сказалъ! Все повторите! Не видите ли въ комнатѣ еще какихъ стеклянныхъ вещей?

— Чернилицу.

Не чернилицу, а *чертильницу*. А если вечеромъ нужно идти въ темное мѣсто, во что вставляютъ свѣчу, чтобы вѣтеръ не задувалъ?

— Въ фонарь.

»Изъ чего сдѣланъ фонарь? Видѣли ли вы когда двери, у которыхъ одна часть прозрачная?—какъ ихъ называютъ?

— Стежлянными дверями.

»Зачѣмъ ихъ дѣлають?

— Для красоты.

«А какъ вы сказали про окошки со стеклами—зачѣмъ ихъ дѣлають?

— Чтобы свѣтло было.

»Зачѣмъ же двери дѣлають не *глухими*, а со стеклами?

— Да! да! тоже, чтобы свѣтло было, — видно изъ одной комнаты въ другую?

»Такъ; потому-то и называются такія двери прозрачными. Повторите, что мы сказали! Въ комнатѣ еще есть стеклянная вещь, въ которую можно глядѣться, т. е. видѣть самаго себя; какъ она называется?

— Зеркаломъ.

»Зачѣмъ *глядятся* въ зеркало? Кто изъ васъ больше въ него глядится?

— Никто не глядится....

»Чтобы не измарать себѣ лицо и не выйти такъ на улицу, нужно изрѣдка всѣмъ глядѣться въ зеркало. Измаранныхъ и растрепанныхъ людей не любятъ, смѣются надъ ними, называютъ *неряхами*. Повторите, что я сказалъ; кого называютъ неряхой?

— Человѣка, который ходитъ растрепанный и грязный.

»Неряха—у котораго все *не въ урядъ*, не въ порядкѣ: ни лицо, ни волосы, ни одежда, ни книжки, ни тетрадки... Теперь скажите: хорошо быть неряхой? *Неряшество*—это не хорошая вещь. Что называется неряшествомъ?

— Вотъ у Мити есть неряшество...

»А развѣ ты видишь у него неряшество? По чернымъ рукамъ его можно только *думать*, что въ немъ есть неряшество, а самаго неряшества видѣть нельзя. Повторите, что такое неряшество.

— Неряшество—это то, почему называютъ неряхами...

»Такъ; только надо прибавить къ слову *то* еще одно слово—*качество*: неряшество есть качество, за которое называютъ неряхами. Что это за слово—качество?

— Какой человекъ, такое, значить, и качество у него; неряха, качество его будетъ неряшество; лѣнивый, качество его—лѣность; красивый, качество будетъ—красота; добрый, доброта.... Напр. и у бумаги есть качества: бѣлизна, чернота и т. д.

»А какое качество у этого цвѣтка? Понюхайте, онъ пахнетъ.

— Да; значить, его качество—*пахучесть*.

»А въ тебѣ, Одея, какое качество? Вѣдь ты любишь умываться, причесываться, наряжаться. Какъ эти качества называются?

— Это—опрятность.

»Повторите же, что называется опрятностію! Хорошее качество опрятность? Но у тебя, Одея, есть и дурное качество: ты любишь долго спать и по утру встаешь очень неохотно; учишься безъ всякаго прилежанія и почти никогда ничѣмъ не занимаешься; тебя надо все заставлять, ты бѣгаешь отъ всякой работы. Значить, ты *лѣнливый* мальчикъ. Какія качества у лѣнливыхъ?

Мальчикъ пересчитываетъ, отецъ или мать поправляютъ его.

— Я не хочу быть лѣнливымъ, говоритъ мальчикъ далѣе; я не зналъ, что лѣность—дурное качество.

»Отъ чего же происходитъ лѣность? Отъ *невѣжества*? Скажите, что такое *невѣжество*! Хорошее ли это качество? Повторите, что мы говорили о неряшествѣ, лѣности, невѣжествѣ!

Дѣти повторяютъ; собесѣдникъ ихъ обязанъ поправлять.

»А когда можно назвать лѣнливымъ слугу, нищаго, ученика? спрашиваетъ дѣтей собесѣдникъ. Кого называютъ слугой,

нищимъ, ученикомъ? — Вотъ въ сестрѣ вашей, Машѣ, есть еще другія дурныя качества: она рѣдко разскажетъ что нибудь безъ того, чтобы не переиначить и не преувеличить; она привыкла всегда прибавлять что нибудь свое, и часто называетъ правдою то, что сама выдумаетъ; она крѣпко запирается, если сдѣлаетъ какой нибудь проступокъ, и вообще рѣдко говоритъ правду. Маша — *лживая* дѣвочка. Повторите, какъ я называлъ Машу, — все повторите, что объ ней сказали. Кого называютъ *лживымъ*? »

Такъ въ живомъ и забавномъ разговорѣ можно сообщить дѣтямъ, незамѣтно для нихъ самихъ, множество представлений, понятій и словъ самыхъ необходимыхъ, которыя въ тоже время благотворно подѣйствуютъ на возбужденіе въ нихъ умственной дѣятельности и силы слова. И замѣтите, какою вѣрностію и свѣжестію должны дышать представленія и понятія дѣтей, добываемыя такимъ путемъ: каждое понятіе берется съ предметовъ наглядныхъ, понятыхъ дѣтямъ; для нихъ каждое произносимое слово является не какъ условный знакъ, темно намекающій на какую—то неопредѣленную вещь, а получаетъ значеніе живаго понятія, т. е. заключаетъ подъ собою предметную дѣйствительность и сливается съ извѣстнымъ представленіемъ.

Еще примѣръ.

В. Что это за птички — такія рѣзвыя?

О. Это — ласточки. Ты ихъ не знаешь? Онѣ прилетаютъ къ намъ только весной, а зимой живутъ далеко, за моремъ.

В. Зачѣмъ же онѣ улетаютъ отъ насъ?

О. Зимой имъ у насъ холодно, онѣ въ холодѣ жить не могутъ. За моремъ же, когда у насъ зима, бываетъ лѣто: вотъ онѣ туда и улетаютъ. А когда тамъ дѣлается зима, у насъ начинается лѣто — онѣ летятъ къ намъ. Птицы,

которыя перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, называются *перелетными*.

В. А воробьи, сороки—они и зимой живутъ у насъ—какъ называются?

О. Птицы, которыя и на зиму остаются у насъ, называются *постоянными* птицами. Есть еще птицы, которыхъ называютъ *пѣвчими* птицами: эти птицы поютъ пріятно. Вотъ въ клеткѣ у насъ *чижъ*: ты слышалъ, какъ онъ поетъ?

О. Слышалъ. Онъ при этомъ открываетъ ротикъ, прыгаетъ, бѣгаетъ—*дѣйствуетъ*.

В. Что же значить—*дѣйствовать*?

О. Значить прыгать, бѣгать, пѣть.

Чтобы сообщить понятіе о *дѣйствіи*, собесѣдникъ поправляетъ ребенка; онъ говоритъ: »Дѣйствовать значитъ все: пѣть, ходить, слышать, летать, топать, плавать, журчать, дуть... Что живетъ или движется, то и дѣйствуетъ. Лошадь бѣтъ, бѣгаетъ; когда устанетъ—ложится. Такъ всѣ *животныя*. Что такое—животное? Повторите!

В. А вѣтеръ, мельница, ручеекъ—живыя?

О. Нѣтъ, они только дѣйствуютъ, а не живутъ.

В. А играть—тоже дѣйствіе? спрашиваютъ дѣти.

О. Дѣйствіе; только когда вы играете долго и лѣнитесь учиться—это дѣйствіе нехорошее. Вотъ вашъ товарищъ, Андрюша, всегда занимается чѣмъ нибудь полезнымъ и не сидитъ безъ дѣла; онъ охотно и много дѣлаетъ, ему даже скучно безъ дѣла: онъ *прилеженъ, трудолюбивъ*. А Константинъ всегда охотно исполняетъ приказанія своего отца и матери, никогда не противорѣчитъ имъ, даже еслибы они приказали ему что нибудь непріятное: онъ *послушивъ*. Да онъ же, вдобавокъ, и *вѣжливъ*: когда приходитъ къ знакомымъ, то садится не иначе, какъ ему это предложить; онъ прямо и открыто смотритъ въ лице тѣмъ, съ

вѣмъ говорить, и глаза его не бѣгаютъ по сторонамъ; сидитъ ли,—онъ всегда держитъ себя прямо, не опирается руками и не облокачивается; онъ не трогаетъ того, что не ему принадлежитъ, бережетъ и не портитъ чужихъ вещей; по улицѣ идетъ всегда, какъ слѣдуетъ хорошему мальчику. Что же такое—прилежаніе, послушаніе, вѣжливость? Повторите!..

Мы надѣемся, что послѣ приведенныхъ примѣровъ не потребуется болѣе уяснить для читателей способъ веденія съ дѣтьми полезныхъ для обученія ихъ языку разговоровъ. Если же бы кто нашелъ приведенные нами образчики разговоровъ съ дѣтьми недостаточными,—если бы кто, т. е., принявъ эти разговоры, какъ по приѣмамъ, такъ и по предметамъ, не всегда и не во всемъ приложимыми и полезными, въ такомъ случаѣ отцамъ и воспитателямъ предлагается заpastись хорошо составленными дѣтскими книгами и руководствами къ начальному обученію родному языку; тамъ они найдутъ все, чего пожелаютъ. Даже приводя означенные образчики разговоровъ съ дѣтьми, мы имѣли въ виду именно расположить отцовъ къ пріобрѣтенію для дѣтей такихъ книгъ и руководствъ. Хотя книга не замѣнитъ для дѣтей, въ дѣлѣ усвоенія ими роднаго языка, живаго разговора съ ними, за то и живой разговоръ не исключаетъ нужду книги въ этомъ случаѣ. Вотъ почему нами и было выше замѣчено, что говоренье, или разговоръ съ дѣтьми служить только первымъ, но не исключительнымъ способомъ при начальномъ обученіи дѣтей отечественному языку.

НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПОСОБІЕ ПРИ НАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ ¹⁾.

I. БУКВАРИ И ДИДАКТИЧЕСКІЯ РУКОВОДСТВА ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

1) *Руководство къ обученію грамотъ*, составленное барономъ Н. А. Корфомъ. Изданіе 2-е александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, въ пользу начальныхъ школъ александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи. С. Петербургъ. 1869 года ²⁾.

Безспорно, это одно изъ лучшихъ руководствъ къ обученію грамотѣ, хотя, какъ мы сказали прежде, оно не можетъ идти въ сравненіе съ «учебной книжкой» І. Паульсона. Достоинства его: ясность, живость, краткость изложенія сущности дѣла. По всему видно, что составитель «руководства» основательно и съ любовью обдумалъ предметъ. Стоитъ только прочитать его «обращеніе къ наставникамъ» (гдѣ онъ отъ души, горячо убѣждаетъ ихъ оставить старые приемы обученія и взяться за новый, со всемъ усердіемъ стараясь, какъ можно нагляднѣе, выставить недостатки первыхъ), чтобы видѣть всю преданность составителя своему дѣлу, видѣть, что онъ близко знакомъ со всеми неудобствами прежняго обученія грамотѣ и искренне желаетъ пособить общему горю. «Вы вѣрно помните то время», обращается онъ къ наставникамъ, «когда васъ учили читать? Если только, обучая васъ чтенію, называли вамъ буквы *азъ, буки, вѣди...* и проч. или — *а, б, в...* то вы, вѣрно, не скоро научились читать, а порядочно помучились. Теперь вамъ самимъ пришлось учить другихъ и вы, вѣрно, не захотите ихъ мучить: вамъ, конечно, было бы пріятно, если бы ваши ученики поскорѣе да полегче выучились читать. Я хочу дать вамъ совѣтъ, какъ взяться за дѣло: если вы только сдѣлаете то, что я вамъ скажу, то ребенокъ, вовсе не знающій азбуки, чрезъ два мѣсяца будетъ у васъ читать *по русски и по славянски* и писать *по русски*», и т. д. А также довольно прочитать одинъ изъ

умѣнье его излагать сущность дѣла—коротко, ясно. »Учитель ставить на планочку«, такъ излагаетъ онъ свой урокъ, »прибитую въ классной черной доскѣ, букву *а*; громко ее произносить; всѣ ученики повторяютъ ее громко, и потомъ каждый отдѣльно громко говоритъ ее. Затѣмъ учитель пишетъ эту букву на доскѣ и каждый изъ учениковъ пишетъ ее; тутъ дѣло не въ красотѣ, а въ томъ только, чтобы можно было узнать букву. Не раньше, когда всѣ отлично произносятъ букву и твердо знаютъ, какъ она пишется, учитель показываетъ другую букву *м* и ставитъ ее на планочку на доскѣ. При произношеніи и письмѣ повторяется тоже, что при буквѣ *а*. Затѣмъ учитель вызываетъ къ доскѣ нѣсколько бойкихъ учениковъ и, поставивъ *м* послѣ *а*, говоритъ одному изъ нихъ: »произнеси первую букву«,—ученикъ произноситъ *а*; »произнеси вторую букву«,—ученикъ произноситъ *м*; »произнеси одну за другою, да какъ можно скорѣе: что же у тебя вышло?« ученикъ говоритъ *ам*. Ученики у меня часто это угадывали. Если бы этого не случилось, учитель долженъ объяснить, что изъ двухъ звуковъ (*а*) и (*м*) выйдетъ *ам*. Затѣмъ учитель опять упражняетъ весь классъ и заставляетъ его написать *ам*. Когда всѣ поняли это, учитель переставляетъ *м* передъ *а*, и ученикъ догадывается, что эти два звука вмѣстѣ произведутъ *ма*. Учитель упражняетъ въ этомъ весь классъ; всѣ пишутъ прежде *ам*, потомъ *ма*; учитель снимаетъ буквы съ планки, для того, чтобы дѣти не могли списывать; учитель громко и внятно произноситъ немного нараспѣвъ: *ам* и *ма*, и по тому, какъ напишетъ каждый изъ учениковъ, можно убѣдиться: понялъ ли онъ, или нѣтъ. Отнюдь не идти далѣе, пока предъидущее не вполне усвоено. Затѣмъ учитель на планочкѣ составляетъ слово *мама*: ученики его читаютъ и пишутъ. Потомъ учитель выставляетъ на планочку букву *и*, упражняетъ, какъ сказано выше, въ произношеніи и пись-

мѣ, составляетъ *ма* и *ша*; дѣти пишутъ это. Затѣмъ составляютъ слово *маша*«. И къ нему примѣняются прежнія упражненія въ чтеніи и письмѣ. »Это одинъ изъ подробно, обстоятельно изложенныхъ уроковъ; по образцу его идутъ и дальнѣйшіе, только безъ подробныхъ указаній, что и какъ дѣлать, а на урокъ только предлагается перечень слоговъ, словъ, которыя составляетъ учитель, пишутъ ученики. Чтобы имѣть понятіе о краткости изложенія, довольно сказать, что составитель сѣумѣлъ на одномъ печатномъ листѣ представить все существенно необходимое. Азбуку свою онъ, для того чтобы было легче обучать, разбилъ на 28 уроковъ, и вездѣ, гдѣ нужно, далъ совѣтъ, какъ обучать и что дѣлать. Послѣ этихъ 28 уроковъ—помѣщена *славянская азбука*, которую онъ совѣтуетъ показывать въ такомъ же порядкѣ, какъ разставлена *русская азбука*; между славянскими буквами (также какъ и между русскими) въ скобкахъ обозначено, какъ слѣдуетъ называть каждую букву, показывая ее дѣтямъ.

Сущность предлагаемаго составителемъ способа состоитъ въ слѣдующемъ: каждый урокъ начинается съ того, что учитель выставляетъ одну букву на доску, называя ее *непрерывно*—отнюдь не такъ, какъ мы привыкли, а такъ, какъ она говорится, произносится, слышится, *звучитъ* въ словахъ. Ученики громко произносятъ и *хоромъ* и *отдѣльно*; учитель пишетъ ее на доскѣ, и всѣ ученики ее пишутъ; при чемъ не обращать никакого вниманія на красоту, а лишь бы видно было, что ученикъ помнитъ *форму буквы*. Послѣ учитель соединяетъ новую согласную съ извѣстными уже гласными, пишетъ это, и ученики пишутъ. Наконецъ, учитель составляетъ слова, и ученики пишутъ слова. Когда дѣти уже подвинулись въ своихъ знаніяхъ, то сами будутъ составлять слова, вмѣсто учителя. Съ самаго перваго урока, когда ученики узнаютъ *только три* буквы,

необходимо раздавать каждому изъ нихъ по лоскуту газеты и по карандашу для того, чтобы они искали въ ней извѣстныхъ имъ буквъ и подчеркивали ихъ карандашомъ; это упражненіе слѣдуетъ повторять всякій урокъ, потому что только такимъ способомъ дѣти пріучатся одинаково легко читать всевозможные шрифты. Для того, чтобы упражнять дѣтей въ чтеніи *писаннаго*, полезно, чтобы учитель часть тѣхъ словъ, которыя онъ составляетъ, сложилъ изъ вырѣзанныхъ буквъ, а часть написалъ мѣломъ на доскѣ.

Ясно, что пріемъ не новый, а заслуживаетъ вниманія потому собственно, что изложенъ необыкновенно кратко, ясно и, можно сказать, убѣдительно. Обыкновенно, читая изложеніе хода и пріемовъ обученія грамотѣ въ другихъ руководствахъ, невольно останавливаешься и раздумываешь, да не теорію ли только кабинетную излагаетъ авторъ, возможно ли осуществленіе его совѣтовъ,—и сомнѣніе это вызывается всего болѣе натянутостію, излишнею растянутостію изложенія: въ Руководствѣ Н. А. Корфа—наоборотъ—въ каждомъ словѣ проглядываетъ увѣренность, опытность его, совѣты такъ искренни, что ни на минуту не усомнишься въ пригодности ихъ на дѣлѣ. Вслѣдствіе всего этого, мы не задумались бы рекомендовать это руководство въ пособіе при обученіи грамотѣ, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ руководствомъ І. Паульсона, если бы не было въ немъ нѣкоторыхъ недостатковъ и если бы не продавалось оно по неизмѣрно высокой цѣнѣ.

Главный недостатокъ разбираемаго руководства, по совершенно вѣрному замѣчанію объ немъ во 2 № педагогическаго журнала «Народная школа», состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ въ виду почти исключительно обученіе чтенію, а не даетъ пріемовъ обученія письму, которое должно служить опорой первому. Мало того, что обученіе письму не менѣе важно для народнаго образованія: уже давно признано, что оно

составляет лучшее пособіе для обученія чтенію, давая учителю прекрасное средство сосредоточить вниманіе учащихся на раскрываемомъ предъ ними складѣ печатной рѣчи и постоянно провѣрять усваиваемое. Ребенокъ, который, знакомясь съ звуковымъ складомъ рѣчи, постоянно воспроизводитъ его въ письмѣ, научится грамотѣ гораздо прочнѣе, а это послѣднее преимущество до того важно, что съ излишкомъ даже выкупило бы нѣкоторое замедленіе въ обученіи чтенію. Но и этого замедленія не предвидится, потому что одновременное съ чтеніемъ письмо закрѣпляетъ въ памяти учащихся звуковой складъ печатной рѣчи и тѣмъ облегчаетъ обученіе чтенію. Поэтому совершенно необходимы прежде обученія грамотѣ подготовительныя упражненія (какія мы и видимъ въ руководствахъ К. Ушинскаго, І. Шарловскаго, І. Паульсона), которыя бы приучали дѣтей къ необходимымъ для письма начертаніямъ. Таими упражненіями въ народной школѣ должно служить проведеніе параллельныхъ отвѣсныхъ и лежневыхъ чертъ, особенно послѣднихъ—для приученія руки и глаза къ направленію строкъ, и т. п. При этомъ полезно приучить дѣтей сидѣть при письмѣ какъ слѣдуетъ, правильно держать перо, грифель, карандашъ, доску, бумагу, и т. п.

Другой, впрочемъ менѣе важный, недостатокъ руководства состоитъ въ томъ, что оно предлагаетъ учителю прямо выставять буквы на доску и произносить ихъ. Болѣе полезнымъ признается—впервые получать звуки изъ разложенія слова самими дѣтьми; для этой цѣли и приняты въ руководствахъ вышеупомянутыхъ педагоговъ звуковыя устныя упражненія. Несомнѣнно, что только разложеніе словъ на слоги и затѣмъ на звуки способно выяснитъ дѣтямъ настоящее значеніе отдѣльных звуковъ, какъ элементовъ, или первыхъ составныхъ частей рѣчи.

Еще недостатокъ: во всѣхъ 28 урокахъ для упраж-

ней даны только отдѣльные слова, тогда какъ слѣдовало бы, особенно во второй половинѣ обученія, давать дѣтямъ цѣлыя предложенія, а для письма маленькіе рассказы. Это значительно усилило бы интересъ преподаванія.

Но всѣ эти недостатки ничего не значать въ сравненіи съ тѣмъ, что руководство барона Н. А. Корфа—въ одинъ печатный листъ—въ 16 страницъ продается по 25 к. безъ пересылки. Непомѣрно дорого. Положимъ, что дѣло не въ объемѣ руководства, а въ его качествахъ и достоинствахъ внутреннихъ; положимъ, что на одномъ печатномъ листѣ можно сказать съ толкомъ и понятно то, что другой растянеть на пяти: но, какъ угодно, букварь для народныхъ школъ долженъ продаваться не дороже пяти копѣекъ; въ противномъ случаѣ, цѣль изданія не достигается, хотя оно и назначается въ пользу начальныхъ школъ александровскаго уѣзда. Прекрасно, александровскій уѣздный училищный совѣтъ, издавшій руководство барона Корфа, наблюдаетъ интересы своихъ школъ; но не слѣдовало бы ему забывать, что школы и другихъ уѣздовъ также не богаты средствами, и назначать за книжку цѣну продажную въ пять разъ, если не болѣе, превышающую стоимость ея въ печати, ни съ чѣмъ несообразно. Еслибъ букварь, такъ дорого цѣнимый, заключалъ въ себѣ, какъ наприм. «Первая учебная книжка» І. Паульсона, статьи для упражненій въ чтеніи по русски и по славянски, то еще можно бы мириться съ такою цѣною; а то составитель букваря въ концѣ его ясно говоритъ, что послѣ 28 уроковъ начинаются новыя упражненія для ученика, по книжкамъ г. Ушинскаго «Родное слово». Понятное дѣло, нужно покупать еще эти книжки; такимъ образомъ полное руководственное пособіе для обученія грамотѣ будетъ стоить рубль. Цѣна высокая. Гдѣ же брать средства для покупки другихъ, необходимыхъ при начальномъ обученіи, книгъ? Вотъ въ этомъ отношеніи «Руководство» І. Паульсона не замѣнимо.

2) *Руководство для сельскихъ учителей и учительницъ*. В. Вахрушевой. ¹⁾.

Въ своемъ руководствѣ г-жа Вахрушева предлагаетъ нѣсколько образчиковъ класснаго обученія грамотѣ и счисленію. Цѣль ея труда, какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, съ одной стороны, облегчить людямъ неопытныхъ, которые, при всемъ желаніи подѣлиться своими знаніями съ другими, не знаютъ, какъ приняться за дѣло, и убѣдить ихъ, что новыя методы и легки и занимательны, и такимъ образомъ поколебать убѣжденія приверженцевъ устарѣлой методы, а съ другой—положить начало *взаимному обученію* въ сельскихъ школахъ, такъ какъ въ настоящее время многіе желаютъ учиться грамотѣ, а средствъ и учителей мало. Цѣль хорошая и, надобно сказать правду, трудомъ г-жи Вахрушевой удобно достигается.

Способъ обученія, предлагаемый въ разбираемомъ руководствѣ, смѣсь звуковаго съ слогосоставительнымъ,—значить, далеко не новый. Учитель знакомитъ дѣтей сначала съ *гласными* буквами, а потомъ приступаетъ къ изученію *согласныхъ*; но при этомъ онъ долженъ имѣть въ виду, что для постепеннаго перехода отъ буквъ къ слогамъ, необходимо показать дѣтямъ *различіе буквы отъ слога*, а это всего легче сдѣлать при заучиваніи согласныхъ буквъ. Стоитъ только показать ребенку, пишетъ г-жа Вахрушева, согласную букву, назвать ее и тутъ же составить изъ подвижныхъ буквъ, *одинакозвучающій* съ нею слогъ, напримѣръ: вотъ буква *к*, а вотъ слогъ *ка*; вотъ буква *ш*, а вотъ слогъ *ша*. Предварительное понятіе объ отличіи буквъ отъ слоговъ значительно облегчить дѣтямъ послѣдующія упражненія въ составленіи словъ изъ подвижныхъ буквъ. При составленіи словъ изъ подвижныхъ буквъ предложены *отдѣльные* слова, а не цѣлыя фразы,

¹⁾ Цѣна книгъ 20 к. с. безъ пересылки. Обращаться за нею можно во всѣ извѣстные книжные магазины С. Петербурга и Москвы.

потому что ребенокъ, занятый исключительно процессомъ составленія слова, не можетъ удержать въ памяти цѣлой фразы. Кромѣ того, составительница руководства имѣетъ въ виду соблюсти и послѣдовательность, именно: сначала умъ ребенка занять составленіемъ словъ; далѣе, при первоначальномъ чтеніи по книгѣ, говорится ему о смыслѣ читаемаго и, наконецъ, въ стихахъ предлагается ученику отдѣлять одну мысль отъ другой.

Но дѣло не въ новизнѣ способа обученія, а въ умѣньѣ изложить его такъ, чтобы неопытные учителя, особенно же учителя —ученики, въ видахъ взаимнаго обученія, переняли, усвоили его. Это умѣнье и отличаетъ трудъ г-жи Вахрушевой. Дидактическіе совѣты свои, или вѣрнѣе сказать, образчики класнаго обученія грамотѣ и счисленію она изложила въ 16 бесѣдахъ. Содержаніе каждой изъ нихъ разнообразно, оживленно; такъ нѣсколько первыхъ бесѣдъ знакомятъ съ гласными буквами и нѣкоторыми согласными, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ясныя и удобопонятныя свѣдѣнія о крестномъ знаменіи, о молитвѣ, святыхъ иконахъ, и т. п., предлагаютъ чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Св. Евангелія, съ цѣлію, на прим., показать, что ученіе Господа Иисуса Христа было до такой степени отрадно для души, что народъ толпами стекался къ Нему со всѣхъ сторонъ, —предлагаютъ толкованіе того, на прим., что такое праздникъ, и т. п. И все это не сшито какъ нибудь на живую нитку и съ натажкой, а составлено послѣдовательно, связно-логически; такъ, на прим., обученіе грамотѣ, по благочестивому христіанскому обычаю, начинается молитвою, крестнымъ знаменіемъ, —предварительно испрашивается благословеніе Божіе; поэтому совершенно основательно г-жа Вахрушева начинаетъ первую бесѣду объясненіемъ того, какъ и для чего дѣлается крестное знаменіе и что такое молитва, и затѣмъ уже переходитъ къ показыванью буквъ. Когда мы молимся, то смотримъ на об-

раза, или иконы, поэтому естественно перейти отъ рѣчи о молитвѣ къ святымъ иконамъ, что и сдѣлала составительница во второй своей бесѣдѣ. Въ школьной комнатѣ есть икона Божіей Матери, — не естественно ли рассказать дѣтямъ что нибудь изъ жизни Пресвятой Богородицы? и третья бесѣда посвящена этому предмету. Или, напримѣръ — въ шестой бесѣдѣ, какой удачный переходъ отъ рѣчи о буквахъ и складахъ къ объясненію того, что такое праздникъ. »Довольно о буквахъ и складахъ. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Сколько дней мы проучились съ вами? Сосчитайте и назовите ихъ по очереди. — Понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ, пятница, суббота — всего шесть дней. А завтра что будетъ? Воскресенье. Какая же разница между прошедшими днями и завтрашнимъ днемъ? — То были будни, а завтра *праздникъ*. А что такое *праздникъ*?« Постановка вопроса естественна. А для того, чтобы бесѣды эти были не бесполезны, составительница указываетъ пріемъ, посредствомъ котораго учитель можетъ узнать, понято ли дѣтьми объясненное, и снова повторить, уяснить непонятое, именно въ концѣ третьей бесѣды ставитъ рядъ вопросовъ, исчерпывающихъ сущность рассказаннаго. Мы долѣе обыкновеннаго остановились на этомъ потому, что это собственно и отличаетъ руководство г-жи Вахрушевой отъ всѣхъ извѣстныхъ руководствъ въ этомъ родѣ. Она одна догадалась избрать доступную дѣтскому разумѣнію передачу основныхъ христіанскихъ понятій о крестномъ знаменіи, молитвѣ, святыхъ иконахъ, и т. п., для оживленія уроковъ, знакомящихъ дѣтей съ буквами. Это, безспорно, полезно для дѣтей, чѣмъ толковать съ ними, для оживленія ихъ вниманія, о предметахъ, находящихся, напримѣръ, въ классной комнатѣ, и т. п. Съ другой стороны, задушевные бесѣды о любви къ Богу и ближнимъ, передаваемые совместно съ обученіемъ грамотѣ, готовятъ дѣтей къ разумному сознательному за-

учиванью общепотребительныхъ молитвъ наизусть. Дальнѣйшія бесѣды составлены не менѣе оживленно и занимательно; такъ наприм., въ седьмой бесѣдѣ примѣры для составленія словъ изъ подвижныхъ выученныхъ буквъ, печатныхъ или письменныхъ, перемежаны съ загадками, которыя, несомнѣнно, оживляютъ дѣло; а въ слѣдующихъ бесѣдахъ къ этому еще присоединены предварительныя упражненія въ счисленіи, понятія о цифрахъ и наличныхъ деньгахъ, о счетахъ, о счетоводствѣ, указанія на внѣшніе приемы, необходимые при писаніи, и примѣры для упражненія дѣтей въ разговорѣ. Для упражненій въ первоначальномъ чтеніи по книгѣ, предложены въ разбираемомъ руководствѣ десять заповѣдей и символъ православной вѣры—съ толкованіемъ, а также коротенькіе и простые рассказы о праздникахъ православной Церкви, краткое понятіе о Божественной литургіи и въ заключеніе—нѣсколько стихотвореній—народныхъ поэтовъ—Кольцова, Никитина и Некрасова.

Все хорошо,—не можемъ не замѣтить только одного, что совѣты относительно обученія счисленію ясно говорятъ о томъ, что составительница сама еще не совѣтъ отрѣшилась отъ старыхъ приемовъ механическаго обученія счисленію. Къ чему, наприм., давши ясныя понятія о числахъ, цифрахъ и наличныхъ деньгахъ, составительница въ одинъ урокъ хочетъ научить дѣтей писать и выговаривать цифры до тысячи? Развѣ это такъ легко? Кто учился ариметикѣ по этому способу, тотъ хорошо долженъ помнить, какъ не легко доставались свѣдѣнія о томъ, что на первомъ мѣстѣ стоятъ единицы, на второмъ десятки, на третьемъ сотни, и т. д.,—какого труда стоило выразумѣть то, что для того, чтобы написать четыреста семь, нужно двѣ цифры, а въ среднѣ нуль. Не малыхъ слезъ стоила эта наука! А г-жа Вахрушева и теперь предлагаетъ то, что намъ надо-
ѣло въ свое время; есть болѣе легкіе, болѣе разумные при-

мы научить счету, писанью и выговариванью десятковъ тысячъ, и т. д. Впрочемъ, надобно отдать ей справедливость, дальнѣйшія свѣдѣнія о первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ переданы наглядно, удобопонятно, и примѣры для письменныхъ задачъ на всѣ дѣйствія подобраны удачно; а въ заключеніе представлена, для образчика, выписка изъ одной прихода-расходной книжки, съ цѣлю научить дѣтей вести прихода-расходныя книжки. Собственно за недостатокъ, указанный нами, и нельзя поставить руководство г-жи Вахрушевой наряду съ «первой учебной книжкой» І. Паульсона; но по приемамъ обученія чтенію, по духу своему, по искреннему желанію составительницы въ основѣ обученія положить развитіе въ дѣтяхъ чувства вѣры въ Бога, любви и благоговѣнія къ Нему, а также осмысленное знаніе молитвъ, и т. п., и по цѣли своей, оно для сельскихъ учителей и учительницъ пригодно и доступно.

3) *Первое школьное обученіе*. Пособіе учителямъ начальныхъ школъ. Сочиненіе Лагенталя—перевелъ съ нѣмецкаго С. Протопоповъ. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1867 г. Цѣна 25 коп. ¹⁾).

Всѣ доселѣ разсмотрѣнныя нами руководства имѣютъ цѣлю помочь учителямъ и учительницамъ въ трудномъ дѣлѣ обученія дѣтей грамотѣ, чтенію, письму и отчасти счисленію, хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм., «Первая учебная книжка» І. Паульсона, не оставляютъ безъ вниманія и того важнаго вопроса, какъ подготовить дѣтей къ ученію. Вотъ эта названная нами книга исключительно имѣетъ цѣлю помочь учителямъ начальныхъ школъ въ томъ, что имъ дѣлать съ дѣтьми прежде, нежели начать учить ихъ грамотѣ.

¹⁾ Съ требованіемъ за означенною книгою слѣдуетъ обращаться въ Москву, къ казначею общества распространенія полезныхъ книгъ.

У насъ такъ постановлено дѣло обученія дѣтей, что еще нужно убѣждать учителей въ необходимости подготовки дѣтей къ обученію, въ неразумности обычая начинать обученіе прямо съ буквъ, звуковъ и чиселъ, и т. п. Введеніе въ разбираемую нами книгу именно касается этого предмета. Авторъ старается доказать, что начинать обученіе съ звука не годится, потому что, въ такомъ случаѣ, не достаетъ перехода отъ прежняго занятія дѣтей къ ученію, и буквы мертвы, сравнительно съ юною, свѣжею жизнію ребенка; что всякое ученіе основывается на внутренней жизни ребенка и должно соотвѣтствовать требованіямъ его души, и тамъ, гдѣ не приерѣплено оно къ собственной жизни ребенка, остается для него чуждымъ, представляется ему мертвымъ, и нечего удивляться, если слова учителя, вмѣсто того, чтобы проникать въ душу дѣтей, раздаются лишь въ воздухѣ. На этомъ основаніи, по мнѣнію автора, основнымъ требованіемъ отъ учителя должно быть то, чтобы представленіе его о внутренней жизни ребенка становилось все яснѣе и яснѣе, для того, чтобы онъ могъ основывать на немъ свое преподаваніе и распредѣлять его сообразно дѣтскимъ потребностямъ, и тогда только онъ будетъ прямымъ помощникомъ, другомъ ребенка, и школа сдѣлается для него любимымъ мѣстопребываніемъ, вторымъ родительскимъ домомъ. Поэтому г. Лагенталь старается познакомить учителей предварительно съ существомъ и внутренней жизнію ребенка, съ пробужденіемъ души и первыми впечатлѣніями его, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ребенка и вообще слѣдить за развитіемъ его до той поры, когда онъ поступаетъ въ школу, а за тѣмъ уже предлагаетъ упражненія, которыя основаны на природѣ ребенка и вытекаютъ изъ его жизни, и которыя могутъ для всего послѣдующаго его ученія принести обильные плоды. Но прежде, чѣмъ показать, какія упражненія предлагаетъ авторъ, интереснымъ находимъ для читателей

познакомиться съ тѣмъ, какъ онъ доказываетъ необходимость этихъ упражненій до поры, собственно, ученія азбуки,—и находимъ тѣмъ болѣе интереснымъ, что, какъ и выше замѣчено, у насъ на каждомъ шагѣ встрѣтишь отрицаніе всякихъ подготовительныхъ упражненій и положительную, упорную увѣренность въ томъ, что съ азовъ слѣдуетъ начинать ученіе. Дѣти поступили въ школу; какъ же нужно поступать съ ними? Вотъ отвѣтъ г. Лагенталя.

»Неужели рѣшится со всеѣмъ не принять во вниманіе цвѣтущую пору жизни, въ которую эти дѣти умомъ и сердцемъ воспринимаютъ окружающій ихъ міръ, хотятъ узнать себя самихъ и причину всѣхъ вещей? Неужели въ эту веселую, смышленную, дѣтскую жизнь захотѣли вы вторгнуться съ вашимъ громкимъ крикомъ, съ вашимъ чтеніемъ или счетомъ и всеѣми тѣми вещами, которыя хотя позже и понадобятся дѣтямъ и въ которыхъ они также могутъ принять нѣкоторое участіе, но которыя находятся въ такой рѣзкой противоположности съ ихъ предъидущею жизнью? Вы, можетъ быть, возразите, что большая часть учителей до сихъ поръ такъ и поступали, а я отвѣчу: взгляните на слѣдствія такого рода поступковъ? Свѣжіе, живые малытки, оторванные отъ ихъ дѣтскаго міра, при этихъ новыхъ, совершенно чуждыхъ имъ, вещахъ, въ которыхъ вы сильно принуждаете ихъ, чувствуютъ лишь скуку и даже отвращеніе, и на школу, которая бы должна служить удовлетвореніемъ ихъ духовной, жизненной потребности, смотрятъ они, какъ на учрежденіе принудительное. Дѣти еще болѣе возненавидѣли бы школу, если бы она не доставляла имъ новаго товарищества, съ которымъ они, до учебнаго времени и послѣ него, а также и въ промежутки уроковъ, могутъ возобновлять и продолжать свою дѣтскую жизнь въ играхъ. И развѣ не естественно, что дѣти, при столь чуждыхъ имъ предметахъ ученія, даже и въ теченіе учебныхъ

часовъ стараются повторять свои игры? Развѣ вы сами не подаете повода къ невнимательности и разсѣянности вашихъ учениковъ? Развѣ вы своимъ несообразнымъ съ цѣлю поведеніемъ не создаете для самихъ себя столь много неприятныхъ и горькихъ часовъ въ своемъ призваніи?» Да послужить это горячее слово нѣмецкаго педагога урокомъ для тѣхъ сельскихъ учителей, которые не хотятъ и слышать о чемъ либо другомъ, кромѣ азбуки. Въ чемъ же дѣло, какія упражненія предлагаетъ этотъ педагогъ?

»Не предлагайте ребенку чуждыхъ ему вещей, а только связывайте ваше ученіе съ дѣтскою жизнью. Что до сихъ поръ (т. е. до поступленія въ школу) случайно и безъ связи восприняло въ себя дитя, то повторите теперь въ правильномъ порядкѣ и послѣдовательности; что дитя до сихъ поръ выражало на языкѣ своемъ не ясно, на то дайте ему ясныя и опредѣленные названія; однимъ словомъ: внесите въ міръ дѣтскаго ума и сердца порядокъ, связь, ясность«.

Какъ видите, трудный вопросъ, что въ самомъ дѣлѣ дѣлать съ дѣтьми до начала азбуки, разрѣшается легко: повторить съ дѣтьми то, что они уже знаютъ, упорядочить и осмыслить ихъ познанія, — вотъ и все занятіе. Для наглядныхъ и разговорныхъ упражненій съ дѣтьми авторъ предлагаетъ разсматриваніе предметовъ хорошо знакомыхъ имъ, сперва самихъ по себѣ, потомъ по ихъ составнымъ частямъ, по ихъ дѣятельности дѣйствительной и страдательной и по ихъ качеству, въ формѣ отвѣтовъ на вопросы. 1) Что это, кто это? 2) Что въ немъ (въ предметѣ) есть? 3) Сколько это? 4) Что это (предметъ) дѣлаетъ? Что съ нимъ будетъ сдѣлано? 5) Каковъ предметъ? Наконецъ, разсматриваніе предметовъ въ ихъ взаимной связи, по отношенію къ пространству, цѣли и происхожденію, въ формѣ отвѣтовъ на вопросы: 1) Гдѣ это (предметъ) находится?

Куда это будет отнесено? 2) Зачѣмъ и для чего это такъ? 3) Откуда это? Не оставляетъ безъ вниманія авторъ и того вопроса, какъ учителю обращаться съ учениками: разсмотрѣнію этого предмета онъ посвящаетъ первый отдѣлъ, подъ заглавіемъ: *учитель среди своихъ учениковъ*. Здѣсь онъ старается внушить учителю, чтобы онъ, въпервыхъ, послѣ cadaго получасоваго урока, перемѣнялъ учебные предметы, что необходимо для поддержанія въ дѣтяхъ внимательности, только чтобы перемѣна предметовъ занятія была цѣлесообразна, именно, механическія занятія должны слѣдовать за напряженнымъ умственнымъ ученіемъ, во вторыхъ, въ промежуточные часы указывалъ дѣтямъ на хорошія игры и самъ игралъ съ ними, въ третьихъ, не пропускалъ удобнаго случая къ прогулкѣ съ дѣтьми, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Здѣсь же онъ касается и дисциплинарныхъ правилъ, необходимыхъ въ школѣ. По понятіямъ автора, необходимо достигать всего любвию, которая должна царствовать между учителемъ и учениками; ни брани, ни побоевъ не должно быть. Но впрочемъ предлагаетъ нѣкоторыя мѣры противъ ошибокъ дѣтскаго легкомыслія, наприм., запись въ штрафную книжечку всѣхъ мелкихъ проступковъ, въ родѣ шепота, смѣха во время занятій, лишеніе мѣста на ряду съ товарищами и стояніе около двери, и т. п.

Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ разбираемой нами книги можно отнести ея изложеніе—ясное, общедоступное, оживленное. По всему видно, что авторъ съ любовью излагалъ свой предметъ, хорошо знакомый ему, что книжка эта не мимутное произведеніе, а трудъ многолѣтнихъ наблюденій, провѣренный многостороннею опытностію. Но главное ея достоинство составляетъ религіозный элементъ. Еще знаменитый Песталоцци, считая умственное воспитаніе безъ нравственнаго вреднымъ, между прочимъ, сказалъ: »Корень

всякаго ученія долженъ зародиться и получить свои соки на почвѣ воли, должнымъ образомъ управляемой религіею». И авторъ разсматриваемаго сочиненія, оставаясь вѣрнымъ методѣ наглядной, въ умственномъ развитіи дѣтей не забываетъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, возводить всякій предметъ разсужденій къ первоначальной причинѣ его бытія, къ Богу, а чрезъ то непрестанно возбуждать и поддерживать въ учащихся чувство благоговѣнія къ существу Высочайшему. Вотъ что говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: »Ребенокъ хочетъ и сильно желаетъ возвести себя и всѣ окружающіе его предметы къ началу всякой жизни; душа его не покойна до тѣхъ поръ, пока не успокоится въ Богѣ, ибо только въ Богѣ есть покой. Полный надежды, стремится онъ къ этой первоначальной основѣ жизни, и радостно высказываетъ свое сознаніе. Здѣсь съ полною ясностію можемъ мы понять слова нашего Господа: »таковыхъ бо есть царствіе небесное«, и въ насъ раздается при этомъ голосъ серьезнаго напоминенія (?) о томъ, съ какимъ великимъ тщаніемъ обязаны мы направлять такое внутреннее побужденіе ребенка. Если ребенокъ на этой ступени живымъ чувствомъ достигъ до убѣжденія въ томъ, какъ близокъ его сердцу Богъ, какъ тихо, но вразумительно говоритъ Онъ его совѣсти: то какую богатую помощь окажетъ ему такое убѣжденіе на дальнѣйшихъ ступеняхъ жизни, когда сомнѣніе угрожаетъ помрачить его умъ и душу!»

Вообще книжка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы, при самомъ зачаткѣ образованія, въ ребенкѣ на всю остальную жизнь сблизить и укрѣпить въ немъ неразлучныя начала всякаго разумнаго чловѣчески-христіанскаго воспитанія: науку и религію, чтобы изъ школы ученикъ вышелъ чловѣкомъ не только мысля-

щимъ и познающимъ, по и вѣрующимъ въ живаго Бога, какъ Виновника всякаго бытія и жизни, Подателя всѣхъ благъ. Эта разумная задача и выполнена удовлетворительно въ книжкѣ г. Лагенталя.

И. Э — скій.

ОПЕЧАТКА

Въ 26 № на страницѣ 308, въ подстрочномъ примѣчаніи подъ цифрою 2) напечатано: преданіе это находимъ у св. Амвросія медіоланскаго, а должно быть: *contra haeres. Lib 3.*

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

1.

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ СВЯТѢЙ- ШЕМЪ СѦНОДѢ.

Въ С. Петербургскія Синодальныя книжныя лавки: на Петровской площади въ зданіи Святѣйшаго СѦнода и въ домѣ Православнаго Духовнаго вѣдомства на Литейной, № 36, поступила въ продажу вновь отпечатанная въ С. Петербургской Синодальной типографіи вторая часть Библіи (содержащая въ себѣ 15 книгъ, отъ книги Іисуса Навина до Іова), на русскомъ языкѣ, въ новомъ переводѣ, въ 8-ю д. л.; въ книгѣ этой до 32-хъ печатныхъ листовъ. Цѣна книги въ печатной оберткѣ безъ пересылки *шестьдесятъ* коп. за экземпляръ, на обыкновенной бѣлой бумагѣ, и по *девяносту* коп. на веленовой. Первая часть той же Библіи (Священные книги Ветхаго Заветъ) въ 8-ю до л., заключающая въ себѣ до 21 печатныхъ листовъ, продается въ печатн. обертк. по *сороку* коп. и въ пер. коленкоров. по *восемьдесятѣ* коп. Гг. иногородные благоволятъ присылать на пересылку

упомянутой Библии въсовыя и страховыя деньги по почтовой таксѣ, на 1-ю часть за 1 ф. и на 2-ю часть за 2 ф.

II.

Третье изданіе нотъ церковнаго пѣнія Литургіи Св. Іоанна Златоустаго, съ начальными правилами и азбукой пѣнія, для церковно-приходскихъ сельскихъ и народныхъ училищъ, составленныхъ регентомъ кіевскаго архіерейскаго хора А. И. Вишневскимъ, одобренныхъ въ Бозѣ почившимъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ Филаретомъ и разрѣшенныхъ къ напечатанію по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, вышло изъ печати 17-го іюня сего 1869 года.

За изданіе это издатель имѣлъ счастіе получить благодарность Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА и г-на министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго.

Для напечатанія нотъ нѣтъ у насъ набора, а потому онѣ гравировались на камняхъ; каковая работа производилась болѣе полугода, потому и требованія выписывающихъ ноты до сего времени удовлетворены быть не могли.

Это изданіе нотъ отпечатано на толстой клеевой портретной бумагѣ четко и тщательно. Каждый экземпляръ состоитъ изъ трехъ отдѣльных тетрадей: для дисканта, альты и баса. Каждая тетрадь имѣетъ гравированную обертку, отпечатанную на цвѣтной альбомной бумагѣ. Въ экземплярѣ 66 гравированныхъ и печатныхъ, большого формата, страницъ. Цѣна экземпляру 1 р. 20 коп., а съ пересылкой и укупоркой 1 р. 50 коп.

Требованія адресуются въ Кіевъ, къ Ардальону Петровичу Каллистратову, близъ церкви Андрея Первозваннаго, въ собственномъ домѣ, подъ № 50-мъ.

III.

Въ Самарѣ, у кафедральнаго протоіерея Халколиванова продаются слѣдующія книги его сочиненія:

1. Краткое ученіе о св. храмѣ, священно-церковно-служителяхъ, богослуженіи и богослужебныхъ книгахъ прав. русской Церкви. Изд. 3-е, дополненное. 1863 г. 150 стр. 30 к., съ перес. 40 к.

2. Бесѣды (7) къ причастникамъ свят. Христовыхъ таинъ. 1865 г. 57 стр. Съ перес. 15 к.

3. О римско-католической церкви. 1865 г. 246 стр. 50., съ перес. 65 к.

4. Слова и поученія на всѣ недѣли въ году, на праздники Господскіе, Богородичныя и въ честь Святыхъ, на св. сорокоудницу, на случаи освященія храмовъ, погребенія умершихъ, и др. тома, 734 ст. 1865 г. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

За переплетъ, если кто пожелаетъ имѣть въ переплетѣ, прилагается особо 25 коп. на каждую книгу. За лучшій 50 к. за книгу.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯЩЕННИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ВЪЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ достав. № 28, редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~киевской семинаріи.

1869 года. Іюля 13-го.

Содержаніе: Сужденія святыхъ отцовъ и учителей Церкви о пастырствѣ.—
Упреки и обвиненія православнаго духовенства раскольниками.—Пригото-
вленіе дѣтей духовенства къ училищу.—Объявленіе.

СУЖДЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОЦОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ О ПАСТЫРСТВѢ ¹⁾.

2. Задачи пастырства.

Чѣмъ глубже мы будемъ вникать въ познаніе задачъ священно-пастырства, чѣмъ разнообразнѣе онѣ будутъ представляться взору нашему, тѣмъ блистательнѣе откроется намъ слава священства.

По поводу извѣстныхъ словъ Господа: *вы есте свѣтъ міру, соль земли*, св. Макарій Великій, въ первой своей бесѣдѣ, говоритъ слѣдующее: »Такъ апостолы назначены быть глазами и свѣтомъ всему міру. Поэтому Господь говорилъ имъ: если вы, которые есте свѣтъ міру, будете непоколебимы, если вы сами не отвратитесь отъ свѣта, то весь міръ будетъ ходить въ свѣтѣ; но если вы, которые есте свѣтъ, сами во тмѣ и во мракѣ, то какъ ужасно велика будетъ тогда тма, покрывающая землю?—Да, апостолы

¹⁾ См. № 24-й.

были свѣтомъ міру, отъ нихъ вѣрующіе получали свѣтъ, просвѣтившій небеснымъ свѣтомъ ихъ внутренняго человѣка, каковымъ свѣтомъ и сами они проникнуты и просвѣщены. И такъ какъ они были и солью земли, то эту соль—этотъ укрѣпляющій корень Св. Духа—они полагали въ каждое вѣрующее сердце, ибо такъ сказалъ къ нимъ Господь: *вы есте соль земли*. Землею Онъ называетъ сердце человѣческое; въ это человѣческое сердце они всыпали небесную, духовную соль, и тѣмъ предохранили его отъ гніенія и дурнаго запаха. Извѣстно, что безъ соли всякое мясо начинаетъ гнить и возбуждаетъ въ каждомъ непреодолимое къ нему отвращеніе, появляются въ немъ черви, питаются имъ и вырастаютъ все больше и больше; но если же его посолить, черви погибаютъ и теряется дурной запахъ, ибо свойство соли уничтожать гніеніе и зловоніе. Такъ и съ людьми. Если внутреннее человѣка не посолено небесною солью, все очищающимъ Св. Духомъ, силою Божіею, тогда оно начинаетъ портиться, злыя мысли заражаютъ его, и Богъ съ омерзеніемъ отвращается отъ такой души, возбуждающей къ себѣ отвращеніе своими суетными и мрачными мыслями, злыми похотями и склонностями, тогда въ сердце виѣдряется гнусный червь, духъ злобы, сила тмы, находитъ въ немъ себѣ пищу, гнѣздится въ немъ, пожираетъ и истребляетъ все, какъ и Давидъ говоритъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. 37, 6). Но если душа обращается къ Богу, вѣруетъ и проситъ подать ему соль жизни, кроткаго, благаго и человеколюбиваго Духа, тогда Господь насыпаетъ небесною солью просящее сердце, умерщвляетъ мрачнаго, гнуснаго червя, уничтожаетъ отвратительное зловоніе, истребляетъ силою своей исцѣляющей соли всякій дурной запахъ; тогда душа выздоравливаетъ, тогда она призывается на служеніе небесному Царю. Поэтому-то Богъ въ законѣ повелѣлъ уже—въ прообразъ внутренняго, чтобы всякая жертва солима была солью.

Священникъ каждую жертву долженъ былъ сначала убить. Животное нужно было заколоть, разсѣченныя части посолить и тогда сжигать. Прежде, чѣмъ священникомъ не заколоть былъ агнецъ и не посоленъ солью, онъ не могъ быть принесенъ Господу въ жертву. Такъ должно быть и у насъ. Когда мы хотимъ приблизиться къ истинному нашему Первосвященнику, то Онъ долженъ сначала насъ заковать, мы должны умереть для всѣхъ злыхъ мыслей и всей нечестивой жизни, должны умереть для грѣха, отъ насъ должны исчезнуть всякія дурныя склонности, на подобіе исчезающей жизни. Какъ бездушное тѣло, дѣйствительно, есть жертво и безжизненно, какъ оно уже не слышитъ больше, не видитъ и не ходитъ, такъ и мы, если укрѣпляющею благодатію нашего божественнаго Первосвященника, Іисуса Христа, умерли для міра, то должны умереть для всякой нечестивой жизни, которой мы доселѣ служили: мы не должны впередъ ни слышать, ни говорить, ни поступать, какъ рабы грѣха и тмы, потому что благодать уничтожила пагубныя похоти — нашу прежнюю жизнь. Въ этомъ убѣжденіи апостолъ призываетъ: «миръ распялся міръ, и я — міру». Ибо кто еще живетъ для міра и для тмы грѣха, кто не умеръ еще для него, въ комъ, напротивъ, есть еще жизнь грѣха, т. е. въ комъ еще возбуждается дикая буря злыхъ похотей и склонностей и составляетъ его заботу, тотъ не членъ Христовъ, не общинникъ свѣта, напротивъ, онъ членъ и цѣлая масса тмы, и принадлежитъ части тмы, подобно тому какъ имѣющіе духа свѣта, т. е. силу Св. Духа, суть чада царства свѣта».

Священникъ долженъ раждать такихъ чадъ царства свѣта. Для этого онъ и поставленъ; его славное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы солью уничтожать гніеніе, свѣтомъ прогнать тму, украшать тѣло Церкви здоровыми, цвѣтущими, сильными, богатыми свѣтомъ членами.

Священникъ есть отецъ. Какъ у отца, у него сердце,

полное любви и открытое для дѣтей,—сердце, пламенѣющее заботою, чтобы богоугоднымъ воспитаніемъ привести къ небесному Отцу врученныя ему души, укрѣпить ихъ для жизненной борьбы, обогатить небеснымъ наслѣдствомъ. »Какъ отецъ, онъ (пастырь душъ) можетъ только любить, онъ долженъ любить, и если онъ любить, то можетъ давать только доброе... Какъ отецъ предложить дѣтямъ злое вмѣсто добраго, когда онъ всегда готовъ самъ переносить за нихъ всякое зло, когда онъ за своихъ дѣтей не уклоняется отъ опасностей и не боится смерти«¹⁾?

Священникъ сочетаваетъ души съ божественнымъ Женихомъ. Можно ли представить болѣе возвышенное и блаженнѣйшее назначеніе? Какъ радуется отецъ, отдавая свою дочь жениху! Какъ онъ охотно готовъ на всякую жертву, лишь бы дочь его ожидали радостные дни счастія! Онъ не отдастъ ее дурному человѣку и ищетъ для нея самаго лучшаго, и, какъ зѣницу ока, бережетъ ее. *Ревную по васъ ревностію Божіею*, говоритъ ап. Павелъ, и великій ученикъ его, св. Златоустъ, присовокупляетъ слѣдующее: »онъ не говоритъ: люблю васъ, но употребляетъ гораздо сильнѣйшее выраженіе. Ревность господствуетъ въ сердцахъ, объятыхъ пламенемъ сильнѣйшей любви, и только изъ сильной любви можетъ происходить ревность. Онъ говоритъ: ревностію Божіею, чтобы не подумалъ кто, что онъ ищетъ ихъ любви ради чести или богатства, или какой-нибудь временной выгоды. Ревность приписывается Богу не какъ страсть, но чтобы все познали, что онъ не изъ другаго побужденія все дѣлаетъ, а единственно изъ любви къ тѣмъ, къ которымъ онъ ревнуетъ; не для того, чтобы изъ этого извлечь для себя какую нибудь выгоду, но чтобы сдѣлать ихъ блаженными. У людей ревность происходитъ изъ при-

¹⁾ Св. Петръ Хрисологъ.

страстія къ собственному спокойствію, не потому, чтобы тѣхъ, кого любить, безчестилъ кто, но потому, что не подходятъ прежней степени любви, и потому, что видятъ, какъ другіе вытѣсняють ихъ. Совершенно иначе у апостола. Онъ говоритъ: для меня ничего не значить, что я не первое мѣсто занимаю въ вашемъ сердцѣ, но я забочусь о томъ, чтобы вы не были обмануты. Такова Божія ревность, такова и моя,—сильная, но вмѣстѣ и чистая. И за тѣмъ слѣдуетъ необходимая причина. Я обручилъ васъ мужу, чтобы привести васъ ко Христу дѣвою чистою. И такъ, я стараю ревностію не ради себя самаго, но за Того, Кому я обручилъ васъ. Настоящее время есть время обрученія, бракъ же будетъ праздноваться тогда, когда скажутъ: идетъ женихъ! Замѣчательное явленіе! Въ мірѣ дѣвы пребываютъ дѣвами только до брака, но не послѣ онаго; здѣсь же совершенно иначе, и тѣ, которые до брака не были дѣвами, становятся дѣвами послѣ брака. Такъ вся Церковь есть дѣва, потому что Павелъ говоритъ ко всѣмъ, какъ женатымъ, такъ и безбрачнымъ» ¹⁾).

»Вся Церковь построена на любви; какъ въ матеріальномъ зданіи посредствомъ цемента связывается камень съ камнемъ, такъ въ зданіи Церкви союзомъ любви соединяется христіанинъ съ христіаниномъ, и изъ корня любви проходитъ сокъ въ вѣтви» ²⁾).

Но кто же связываетъ между собою эти камни, если не пастырь—священникъ? Онъ приготовляетъ вѣтви, чтобы изъ корня любви могъ передаваться имъ сокъ. »Ибо что такое труды древнихъ отцовъ, пророковъ, апостоловъ и премудрыхъ апостольскихъ, какъ не соединеніе (кладка) камней въ зданіи Церкви, ежедневно возвышающейся» ³⁾)?

¹⁾ Изъ 23 бесѣды Златоуста на 2 Коринѣ. ²⁾ Изъ бесѣды Злат. на Ев. Матѳея. ³⁾ Св. Григорій В. въ бесѣдѣ на Іезекііля.

Священники, подобно Моисею, стоятъ на горѣ съ распростертыми руками; народъ сражается, а они испрашиваютъ ему божественную помощь. Священникъ—*мужъ благословенїя*; молитвою онъ открываетъ небесныя источники, и отъ благодатной росы зеленеетъ земля и созрѣваютъ плоды для вѣчной жизни. »Моисей сталъ на горѣ, чтобы сражаться не оружіемъ, но молитвою. Онъ простеръ свои руки къ небу и молился пламенною молитвою, ища помощи не на землѣ, но на небѣ. Онъ сражался съ врагами, находясь вдали отъ нихъ; онъ безъ войны сражался съ чужеземцами; но, будучи отдѣленъ отъ враговъ пространствомъ, дѣйствіемъ молитвы, онъ наравнѣ съ воинами находился въ сраженіи. Моисей сражается посредствомъ молитвы и притомъ втайнѣ, но побѣда его явна. Онъ молится одинъ, чтобы спаслись многіе. Моисей стоялъ на горѣ, вблизи къ небу, вблизи къ звѣздамъ, и какъ высота горы возвышала его, такъ молитва приближала его къ Святому Богу. Молится Моисей,—побѣда; ослабѣваетъ онъ,—пораженіе: врагъ становится сильнѣе, когда устаетъ тѣло праведника. Израиль перестаетъ побѣждать, когда Моисей перестаетъ молиться«¹⁾.

»Такъ, слѣдовательно, пусть молится непрестанно и священникъ, чтобы ввѣренный ему народъ побѣждалъ враждебно мыслящихъ амалекитянъ²⁾«. Что же изъ этого выйдетъ? Много великаго и славнаго! Нельзя лучше этого выразить, какъ изобразилъ писатель книги »о созерцательной жизни священниковъ«.

»Они (пастыри, поступающіе подобно Моисею, помогающіе народу, какъ Моисей) будутъ тогда печальныхъ утѣшать, нуждающихся питать, нагихъ одѣвать, плѣнниковъ выкупать, чужеземцовъ принимать; заблуждающимъ они будутъ указывать путь спасенія, отчаевающимся внушать надежду на

¹⁾ Злат. въ словѣ о Моисей. ²⁾ Оригенъ.

прощеніе, поспѣшныхъ поощрять, медлящихъ воспламенить, ихъ словомъ и примѣромъ многіе будутъ сонаслѣдниками царства небеснаго. Они суть служители Слова, слушатели Божіи, уста Св. Духа, чрезъ нихъ Богъ подаютъ народу благодать, чрезъ нихъ народъ приводится къ Богу. Они суть преемники апостоловъ Господа, они оружіемъ слова, а когда нужно, то и цѣною членовъ собственнаго тѣла защищаютъ св. вѣру, для защиты этой вѣры они готовы все отдать, за нее они готовы и умереть« ¹⁾).

Всего можетъ достигнуть добрый, ревностный пастырь! »Мы владѣемъ духовнымъ магическимъ изреченіемъ-именемъ Іисуса Христа и силою креста. Оно не только изгоняетъ драконовъ изъ пещеръ и повергаетъ ихъ въ огонь, но исцѣляетъ и раны. Но если есть многіе, которыхъ не исцѣляютъ эти слова, то вина этого заключается въ ихъ слабой вѣрѣ, а не въ безсиліи этихъ словъ. Ибо многіе тѣснились къ Іисусу и окружали Его, и однако никто не получилъ пользы. Напротивъ, кровоточивая женщина только коснулась края Его одежды, и тѣла Его, и долгое временное кровотеченіе ея пріостановилось. Это имя страшно для демоновъ страстей и болѣзней. Слѣдовательно, мы должны онымъ вооружиться и защищаться. При посредствѣ этого имени Павелъ сдѣлался такъ великъ, хотя имѣлъ общую съ нами природу. Вѣра его сдѣлала его совершенно другимъ человекомъ; онъ обладалъ ею въ столь высокой степени, что даже одежда его имѣла великую чудодѣйственную силу. Какъ же мы можемъ извиняться, если тѣнь одежды апостольской прегоняла смерть, а мы своими молитвами не можемъ ослаблять страстей? Въ чемъ заключается причина этого? Въ великой разницѣ образа мыслей. Онъ имѣлъ общую съ нами природу. Подобно намъ, онъ родился, учился,

¹⁾ De vita contemplativa sacerdotum. Juliani Pomerii.

жилъ на той самой землѣ, дышалъ тѣмъ же воздухомъ, но во всемъ остальномъ—въ ревности, вѣрѣ и въ любви онъ былъ далеко превосходнѣе насъ. Будемъ, по этому, подражать ему и стараться о томъ, чтобы и чрезъ насъ воспѣвалась похвала Христу. Онъ самъ желаетъ этого сильнѣе, чѣмъ мы»¹⁾. Если мы хотимъ видѣть всю славу ревностнаго пастыря, съ богатою жатвою возвращающагося изъ поля работы, то должны взирать на ап. Павла.

»Смотрите«, восклицаетъ св. Златоустъ, »какъ онъ образовалъ себя по Христу! Это подражаніе не требуетъ ни траты времени, ни искусства, а только доброй воли. Взойдемъ въ мастерскую скульптора; хотя бы мы тысячу разъ видѣли его работу, но все мы не въ состояніи были бы подражать ей. Но этому апостолу мы можемъ подражать уже однимъ слухомъ. Нужно ли еще намъ изображать образъ жизни Павла, представлять его въ образѣ? Тогда вы увидите образъ гораздо славнѣе изображеній Кесарей. Тогда вы увидите не спаянныя доски и не сотканный холстъ, а дѣло Божіе,—тѣло и душу. Душа есть не человѣческое дѣло, но Божіе, такъ и тѣло... Тамъ вы высказываете свое одобреніе, но здѣсь не мѣсто такимъ одобреніямъ, здѣсь нужно принимать и подражать. Вещество каждой картины одинаково; душа, какъ душа, одна похожа на другую, только въ волѣ заключается различіе. Такъ и тѣло, какъ тѣло, не отлагается одно отъ другаго, но тѣло Павла похоже на тѣло другаго, только оно блистательнѣе перенесенными опасностями. Итакъ, нашъ образъ да будетъ душа Павла! Этотъ образъ почерпнѣлъ было отъ копоти и обтянутъ былъ паутиною (потому что ничего нѣтъ хуже богохульства); но какъ скоро возстановитель всѣхъ вещей пришелъ и увидѣлъ, что это произошло не по нерадѣнію и лѣности, но по невѣдѣнію и по недостатку сіянія благочестія (потому что ревность онъ имѣлъ, но это былъ не на-

¹⁾ Златоуст. Изъ 8 бесѣды на посл. къ Римл.

стоящій цвѣтъ, его ревность была не по разуму), Онъ далъ ему цвѣтущій видъ истины, т. е. благодать, и такъ онъ скоро сталъ царскимъ образомъ. Такъ какъ онъ достигъ настоящаго цвѣта и научился тому, чего прежде не зналъ, то скоро сталъ опытнѣйшимъ художникомъ. Сначала онъ образуетъ свою главу, по образцу царства головы, возвѣщая Христа, а за тѣмъ—и все тѣло строгимъ поведеніемъ.

Живописцы запираются въ своихъ мастерскихъ, и съ великимъ прилежаніемъ, и въ тишинѣ трудятся надъ своими произведеніями, и ни одному человѣку не отворяютъ своей двери. Но Онъ выставилъ свой образъ публично, предъ всѣмъ свѣтомъ, и не смотря на то, что ему все мѣшало, что противъ него вставали и кричали, онъ безостановочно окончилъ этотъ царскій образъ. Поэтому онъ сказалъ: *позоръ быхомъ міру*, такъ какъ онъ, въ виду всей земли, моря, видимаго и невидимаго міра, оканчивалъ тотъ образъ.

Итакъ, зри на этотъ золотой, этотъ небесный образъ, непригрѣленный къ какому либо мѣсту, смотри, какъ онъ изъ Іерусалима спѣшитъ въ Илірію, отсюда переносится въ Испанію и, какъ бы обладая крыльями, облетаетъ всю землю! Что прекраснѣе этихъ ногъ, обтекающихъ всю землю, освѣщаемую солнцемъ? Эту красоту издревле предвозвѣстилъ пророкъ словами: *коль красны ноги благовѣствующихъ міръ!*

Ты видѣлъ, какъ прекрасны ноги. Хочешь ли видѣть и перси? Хорошо! Я покажу тебѣ ихъ, и ты увидишь, что онѣ славнѣе прекрасныхъ ногъ и персей древняго законодателя. Моисей на персяхъ своихъ несъ каменные скрижали, а онъ имѣлъ на персяхъ Христа и носилъ царскій образъ. Поэтому онъ былъ достопочтениѣ кивота завѣта и херувимовъ, потому что отсюда не раздавались такіе звуки, какъ изъ его груди. Изъ ковчега завѣта слышались многія предсказанія о чувственныхъ предметахъ, языкъ же Павла говорилъ о небесномъ. Изъ ковчега завѣта давались изрѣченія боже-

ственные только іудеямъ, Павелъ же проповѣдывалъ всему міру; тамъ посредствомъ безжизненныхъ предметовъ, а здѣсь чрезъ добродѣтельную душу. Эти предсказанія блистательныя неба, не разнообразіемъ блестящихъ звѣздъ и солнечныхъ лучей, но потому, что изъ нихъ распространяло свои лучи солнце правды. Видимое небо часто затемняется облаками, но онъ никогда не омрачался тучами. Правда, на него очень часто воздымались разнаго рода бури, но свѣтъ его не темнѣлъ, а свѣтилъ среди искушеній и опасностей. Поэтому и окованный цѣпями, онъ взывалъ: *слово Божіе однако не вяжется!* Хочешь видѣть прекрасное его тѣло? Послушай, что онъ говоритъ о немъ: если пища служить соблазномъ моему брату, не буду ѣсть мяса во вѣкъ. Лучше не ѣсть мяса, не пить вина, вообще воздерживаться отъ того, что можетъ привести къ соблазну или паденію твоего брата или же поколебать его. Пища для чрева и чрево для пищи. Что лучше такого тѣла, привыкшаго къ довольству, умѣренности и лишеніемъ умѣющаго терпѣть голодъ и жажду? Хочешь видѣть его руки? Они никого не били, но сами подвергались біенію. Но чтобы не впасть намъ въ неизмѣримую глубину, когда мы будемъ долго заниматься каждымъ членомъ, обратимъ вниманіе только еще на одну красоту, именно на его одежду, которой боялись демоны и отъ которой исчезали болѣзни. Гдѣ только являлся Павелъ, тамъ склонялось все, какъ предъ побѣдителемъ вселенной. Какъ тяжело раненные на войнѣ вздрагиваютъ при одномъ видѣ того оружія, какимъ они ранены, такъ демоны трепетали одного только вида его полотенца.

Гдѣ богатые и великіе съ своимъ золотомъ? Гдѣ возносящіеся своими достоинствами и драгоценными одеждами? Если они сравнятъ свои достоинства съ достоинствами Павла, то ихъ собственные достоинства покажутся имъ ничтожествомъ. Но что я говорю объ одеждахъ и драгоценныхъ

украшеніяхъ? Если бы мнѣ давали власть надъ всею землею, то я одинъ ногою св. Павла почелъ бы брѣпче, чѣмъ это все царство; его бѣдность для меня лучше всякаго избытка, презрѣніе лучше всякой славы, нагота лучше всѣхъ сокровищъ, удары, которые получала его св. глава, я предпочитаю всякой свободѣ, и камни, которыми въ него бросали, всякому вѣнцу«¹⁾).

¹⁾ Изъ 13 бесѣды на Коринѣ.

УПРЕКИ И ОБВИНЕНІЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА РАСКОЛЬНИКАМИ.

Прошло уже очень много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникъ расколъ у насъ въ Россіи. Много усилій, много разнообразныхъ трудовъ употребляло и употребляетъ наше православное духовенство, чтобы наставить на путь истинный, чтобы возвратить въ лоно Церкви этихъ заблудшихъ чадъ ея—такъ называемыхъ старообрядцевъ. Но старанія духовенства не всегда, какъ показываетъ исторія и опытъ, приносили въ этомъ отношеніи благіе плоды, не всегда достигали счастливыхъ результатовъ. Расколъ все еще живетъ, и даже, въ иныхъ мѣстахъ, расширяется болѣе и болѣе.

Въ числѣ причинъ, затрудняющихъ дѣло обращенія раскольниковъ къ православной Церкви, не послѣднее мѣсто занимаетъ та причина, что раскольники имѣютъ сильное предубѣжденіе противъ самаго нашего духовенства. Не только винятъ они его за мнимое »отступленіе отъ древней истинной вѣры«, но и въ самой частной жизни находятъ много такихъ сторонъ, такихъ »душепагубныхъ, новомодныхъ обычаевъ«, за которые духовенство непременно подлежитъ, по ихъ мнѣнію, »вѣчному осужденію«, и которые-де ясно показываютъ, что духовенство не можетъ уже быть истин-

нымъ учителемъ вѣры и благочестія. Настоящая жизнь духовныхъ (о вѣрѣ мы дескать и говорить не будемъ) представляетъ, по словамъ раскольниковъ, много »зазорнаго и непотребнаго«. Общее почти мнѣніе раскольниковъ то, что православное духовенство, потерявъ истинную вѣру и впадши въ ересь, и въ самой жизни своей перестало уже слѣдовать истиннымъ христіанамъ, поддавшись влиянію отъинудѣ, усвоивъ себѣ обычаи латинскіе, нѣмецкіе, еллинскіе (въ смыслѣ языческихъ) и даже жидовскіе. Чай, напр., кофе, табакъ—все это »чужеземщина« и все это перенято, между прочимъ, и духовными отъ »кентавровъ, латынцевъ, люторовъ, татаръ, калывиновъ«, и т. под. Усвоивъ многое отъ такихъ »ужасныхъ еретиковъ,«—духовенство и само стало, наконецъ, »и въ ученіи, и въ жизни еретическимъ«. При такомъ крайне темномъ взглядѣ на православное духовенство, со стороны раскольниковъ, становятся понятными—ихъ полная недовѣрчивость къ духовнымъ, ихъ, нерѣдко, даже грубость въ словахъ къ нимъ и дѣлахъ—особенно въ глухихъ деревняхъ нашего многояюдного отечества, ихъ вообще непріязненность, а въ слѣдствіе этого трудность и почти невозможность обращенія къ православной Церкви. Недружелюбно относясь »къ еретическому и въ ученіи, и въ жизни своей«, какъ они говорятъ, духовенству сами, подмѣчая каждое дѣйствіе духовныхъ и перетолковывая въ дурную сторону, раскольники склоняютъ, зачастую, и большую часть православныхъ, особенно болѣе легковѣрныхъ, напр., нашъ простой народъ—смотрѣть на духовныхъ, какъ »на людей не по Божьему живущихъ и поступающихъ«. Ухватившись за какіе нибудь новоюдиные обычаи, которые дозволяютъ въ своей жизни духовные, они клеймятъ и все ихъ поведеніе. А за тѣмъ, на основаніи извѣстнаго изреченія: »каковы дѣла, такова и вѣра«, они, идя далѣе, разубѣждаютъ легковѣрныхъ православныхъ, что, значить, и вѣра—то ихъ не истинная, а

есть — де-никоніанская, придуманная и распространенная Никономъ, что древняя апостольская, спасительная вѣра — это у нихъ, ратующихъ за древнее благочестіе. Успѣхъ нерѣдко бываетъ, въ подобныхъ случаяхъ, блистательный, особенно, если раскольники начнутъ увѣщевать православныхъ »отъ Божественныхъ словесъ«, приводя тексты изъ священнаго Писанія и мѣста изъ твореній отцовъ Церкви, подбирать которыя, надобно замѣтить, вообще они великіе мастера. — Знать священникамъ, особенно, обращающимся съ раскольниками, и вообще лицамъ духовнымъ, живущимъ среди раскольниковъ и имѣющимъ также обращаться съ раскольниками — тѣ обвиненія, которыя послѣдніе возводятъ на православное духовенство — крайне необходимо. Пастырямъ Церкви, при обращеніи съ раскольниками, прежде всего, нужно пріобрѣсти ихъ довѣріе къ себѣ, необходимо надлежащимъ образомъ возстановить себя въ ихъ глазахъ, поселить уваженіе, а не оставлять съ крайнимъ предубѣжденіемъ противъ себя. Недостаточно опровергнуть только разности раскольниковъ въ вѣроученіи, доказать несостоятельность ихъ догматическихъ убѣжденій, надобно устранить непременно, по возможности, всякаго рода странныя и нерѣдко грубыя предубѣжденія ихъ противъ самой жизни православнаго духовенства, и вообще установить взглядъ на духовныхъ, не какъ »на нарушителей древняго благочестія«, а какъ на людей, слѣдующихъ и въ ученіи, и въ самой жизни закону Божию, — это тѣмъ болѣе необходимо, что, при такомъ только случаѣ, можетъ быть надлежащій успѣхъ въ обращеніи раскольниковъ, полная надежда на ихъ присоединеніе къ православной Церкви, и при томъ надобно замѣтить, что достиженіе этого не составляетъ непреодолимой трудности. Большая часть обвиненій и осужденій раскольниковъ вертятся около »новомодныхъ, душепагубныхъ обычаевъ«, заимствованныхъ духовенствомъ, по словамъ раскольниковъ,

отъ «латиняиъ, люторовъ и кальвиновъ, татаръ» и т. под. злѣйшихъ еретиковъ, опровергнуть или устранить которые всегда и всякому образованному человѣку совершенно возможно. Нѣкоторыя только обвиненія раскольниковъ болѣе другихъ солидны сами по себѣ и заслуживаютъ серьезнаго вниманія пастырей Церкви.

Всѣ эти обвиненія и осужденія раскольниками православнаго духовенства имѣютъ еще сами по себѣ и то особенное значеніе, что они рельефно изображаютъ предъ нами всѣ особенныя воззрѣнія нашихъ раскольниковъ на тѣ или другіе обыденные предметы, показываютъ взгляды ихъ на жизнь съ практической стороны, представляютъ предъ нами кодексъ ихъ нравственныхъ положеній, проливаютъ, наконецъ, яркій свѣтъ на ихъ собственный внутренний бытъ. До сихъ поръ, чаще всего, расколъ разсматривался съ догматической стороны, — разбирались особенныя религіозныя воззрѣнія раскольниковъ, опровергались всѣ ихъ разности и отступленія отъ православной Церкви. Но ихъ внутренняя жизнь, ихъ странныя, своеобразныя взгляды и воззрѣнія на разные предметы практической жизни, ихъ собственный кодексъ всѣхъ нравственныхъ положеній—все это оставалось полемъ необработаннымъ, неводѣланною почвою, но въ то же время почвою—полною самаго живаго интереса.

Входить въ подробное опроверженіе всѣхъ представляемыхъ обвиненій и осужденій раскольниками православнаго духовенства мы, въ настоящее время, не намѣрены. Мы постараемся высказать только болѣе главные обвиненія раскольниковъ, и притомъ, для большей рельефности и типической отчетливости, станемъ, гдѣ только можно, представлять оныя болѣе собственными ихъ словами.

Разсмотримъ же теперь, въ чемъ обвиняютъ и за что осуждаютъ наши раскольники православное духовенство. Обвиненія эти, какъ мы увидимъ, касаются самаго посвя-

щенія духовныхъ въ церковныя степени, за тѣмъ службы, способовъ обращенія съ раскольниками, вообще частной жизни ихъ, въ особенности одежды, и т. п.

Прежде всего раскольники обвиняютъ всю нашу іерархію въ немногѣ, правда, но за то въ весьма важномъ, именно—въ симоніи при посвященіи. »Нынѣ въ великороссійской Церкви«, читаемъ въ одной раскольнической книгѣ (тоже говорятъ и устно почти всѣ раскольники), »нѣсть ли оной симоніи, не купятъ ли златомъ и серебромъ и всякими подарки священства поны и діаконы: яко всяко есть, ꙗко всякому отъ нихъ рукоположеніе становится въ тридесять, въ чотыредесять и въ пятьдесятъ рублевъ и вѣще, и въ діакны причестися въ десять, въ пятнадцать, въ двадесать рублевъ и больше становится. Суть же нѣцны и имѣніе свое, такожде и у женъ все истощають на поставленіе. Аще же архіерею рукоположитися потреба, то и многія тысящи истощаетъ и ни единъ кто получить церковнаго чина, аще на се великаго даянія и помощниковъ не возымѣтъ«¹⁾. Справедливость, въ этомъ отношеніи, требуетъ сказать, что раскольники обнаруживаютъ совершенное непониманіе грѣха—симоніи. Издержки, употребляемыя при рукоположеніи,—не цѣна, которою пріобрѣтается священство, а необходимые расходы. Въ этомъ случаѣ раскольникамъ не худо бы прочитатъ замѣчательныя посланія двухъ цареградскихъ патріарховъ, Нила и Антонія, въ которыхъ восточные святители опровергаютъ подобное же заблужденіе древнихъ стригольниковъ; хотя, впрочемъ, нельзя не сознаться, что эти издержки иногда бываютъ и довольно велики, и довольно тяжелы для рукополагаемыхъ: и устраненіе ихъ было бы вдвойнѣ полезно.

¹⁾ Отв. на вопр. л. 99; см. Меч. дух. л. 119; см. Роз. св. Дим. Рост. ч. II, гл. 28 и 32.

Осуждаютъ раскольники духовенство православное за то еще, что многіе наши священники и діаконы получаютъ свои степени священства раньше опредѣленнаго церковными канонами возраста. Этотъ упрекъ высказанъ въ первый разъ еще дьякономъ Θεодоромъ. »Егда дойде сего времени 666«, писалъ Θεодоръ, »тогда вся тьма и помраченіе найде отъ западныхъ страны въ Россійское царство. Въ дьяконы у нихъ 15 лѣтъ поставляютъ и въ поны 20 лѣтъ, овыхъ же и меньше, а священная правила сія отмишуютъ своевольная ихъ узаконенія и анаемиѣ предають. Вся, рече, кромѣ церковнаго преданія содѣянная и содѣянна хотящая анаемиа трижды; и они слѣпшіи вожди сами себя на всякъ годъ про-блинають въ недѣлю православія и то дѣло, яко игру, выѣ-няють. Глухіа аспиды, зрите убо отеческая правила: чтець бо и пѣвецъ меньше 15 лѣтъ отнюдь не бываетъ, поддіаконъ 20 лѣтъ, діаконъ 25, а попь 30 лѣтъ поставляются, а меньше сихъ показанныхъ лѣтъ, аще будетъ кто, то, по священнымъ привиламъ, ни попь, ни діаконъ и ни причетникъ. Сіе бо достоитъ наблюдать, а не догматы отеческія разорати«¹⁾).

Обвиняють раскольники духовныхъ и въ томъ, что они дозволяютъ иконописцамъ писать и даже-де принимають въ церковь свою иконы »не съ древнихъ святыхъ—чудотворныхъ образовъ греческихъ и русскихъ, но отъ иноземныхъ и еретиковъ«. Нынѣшніе иконописцы, напр., по словамъ раскольниковъ, »видъ плоти Спаса Христа и прочихъ святыхъ одебелѣвають и въ прочихъ начертаніяхъ во всемъ уподобляются латинскимъ и фряжскимъ живописцамъ«. Еще протопопъ Аввакумъ въ одно изъ своихъ сочиненій писалъ, что »ніконіане толсты, и святыхъ пишутъ на иконахъ такими же. Спаси Богъ су вамъ, замѣчалъ при этомъ

¹⁾ Въ отвѣтн. пос. Плещееву.

Аввакумъ, выправили вы у нихъ морщины ихъ у бѣдныхъ. Сами они въ животѣ своемъ недогадалися такъ сдѣлать, какъ вы ихъ учинили«¹⁾). Аввакуму особенно не нравилось то, что еще въ его время стали писать »Спасовъ образъ Емануила—лице одутловато; уста червонныя, власы нудравыя, руки и мышцы толстыя, персты надутые, такоже и у ногъ бедра толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ; лишь сабли-то при бедрѣхъ неписано. Да и много у нихъ измѣненія того на иконахъ«, замѣчалъ Аввакумъ, »власы расчесаны и ризы измѣнены, и сложеніе перстъ Малакса«.... Только Аввакумъ во всемъ этомъ видѣлъ подражаніе не столько латинянамъ, какъ думаютъ уже позднѣйшіе раскольники, сколько нѣмцамъ. »А все то«, писалъ протопопъ, »Никонъ врагъ умыслихъ быть-то живыя писать. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь, по нѣмецкому«²⁾).

Упрекаютъ раскольники и за то еще духовныхъ, что они дозволяютъ дѣлать и сами часто имѣютъ, покрайней мѣрѣ, въ домахъ своихъ »разныя рѣзныя и алебастровыя образы—неблагочиннаго вида безъ вѣнцевъ, подобно болваномъ еллинскимъ; Ангеловъ имѣютъ такоже сдѣланныхъ изъ алебаstra—весьма дебѣло и развращенно, на подобіе еллинскихъ купидоновъ живунисуемыхъ на латинскихъ картинахъ«³⁾).

Далѣе раскольники обвиняютъ нашихъ священниковъ въ томъ, что »они разрѣшаютъ на исповѣди грѣхи, почти иногда не налагая на кающихся епитимій, но правламъ св. соборовъ и св. отцевъ«⁴⁾). Въ этомъ случаѣ раскольники имѣютъ въ виду не столько практику православныхъ

¹⁾ Опис. сочии. Алекс. Б. ч. II. стр. 10. ²⁾ Тамъ же стр. 23 и 24. ³⁾ Отв. на вопр. л. 90 об.; Сборн. разн. ст. л. 61 об. ст. 69. ⁴⁾ Отв. на вопр. л. 79. об.; Мечъ духов. л. 122; Сборн. разн. ст. л. 62. об., стр. 89.

священниковъ, которой, надобно замѣтить, и не знаютъ хорошо, сколько извѣстное мѣсто Духовнаго Регламента, гдѣ сказано: «оную въ древнемъ обычаѣ бывшую эпитимію, еже на долгое время лишати причастія тайнъ святыхъ, понеже она древле была врачевство, яко наказующая грѣховъ мерзость и востязающая злыя похоти, нынѣ же не токмо нестрашна многимъ, но и желаемая лѣнливимъ стала, тайнымъ же раскольникомъ и весьма любимая, и притворныхъ грѣховъ исповѣданіемъ нарочито поискуема, отселѣ оставити, и оной къ тому неупотребляти подобаетъ» ¹⁾. Всякій здравомыслящій понимаетъ, что это постановленіе основано на мѣстныхъ соображеніяхъ ²⁾, и потому, если бы потребовали обстоятельства, не должно связывать рукъ духовнику. А такія, какъ высказано, обстоятельства могутъ быть, напр., при исповѣди недавно обратившихся къ Церкви раскольниковъ ³⁾, или при исповѣди лицъ, сочувствующихъ расколу, хотя и не отдѣлившись совершенно отъ Церкви.

За тѣмъ православные священники обвиняются раскольниками въ томъ, что они, при нареченіи именъ новорожденнымъ младенцамъ, не слѣдуютъ древнему обычаю — давать имя того святаго, которому празднуется въ 8-й день отъ рожденія новорожденнаго, а равно и въ томъ, что иногда даютъ новокрещеннымъ имена странныя, напр. Юрія, Богдана ⁴⁾ и т. п. Не нравится нашимъ раскольникамъ и то, что наши священники иногда позволяютъ быть воспріемниками новокрещеннаго лицамъ неправославнаго вѣроисповѣданія. «На воспріемники еретиковъ берутъ», читаемъ въ одной раскольнической книгѣ, — «и посему не просвѣщаютъ чада своя въ крещеніи, но затемняютъ, и поны ихъ тако

¹⁾ Дух. Регл. о пресвитер., ст. 14. ²⁾ Правос. Собес. 1859 г. апр., стр. 392. ³⁾ Рук. для сельск. пас. 1860 № 17, стр. 443—5.

⁴⁾ Отв. на вопр. л. 92; Сборн. разн. ст. л. 60 об. ст. 55 и 56.

творящіи являются причастники чуждобожія«¹⁾). Зная обязанности крестнаго отца по отношенію къ сыну, дѣйстви-тельно, трудно пайти разумное основаніе подобнымъ явленіямъ тамъ, гдѣ они бывають. Упрекають раскольники нашихъ священниковъ и за многое другое, напр. за то, что они служатъ на 5-ти, а не на 7-ми просфорахъ, при томъ служатъ—де часто »на просфирахъ черствыхъ—опрѣснокомъ подобно, яко у латиновъ и у жидовъ«²⁾), прибавляютъ раскольники. »Покойниковъ дозволяютъ возить на кладбище на дрогахъ, а не нести на рукахъ, какъ бы всегда непремѣнно слѣдовало; по дорогѣ, гдѣ предполагается погребальное шествіе, дозволяютъ посыпать можжевеловымъ и пескомъ, подобно латиномъ и лютеромъ«³⁾). Наконекъ, »при погребеніи посыпають умершихъ пеломъ съ кадила, чего отнюдѣ допустить—де нельзя«⁴⁾) и т. п. При этомъ приводятся всѣ извѣстныя осужденія за разности въ обрядахъ, напр., за »тройную амплию«, за крестное знаменіе, и т. д.

¹⁾ Сборн. разн. ст. л. 60, ст. 50; Отв. на воп. л. 96.

²⁾ Сборн. разн. ст. л. 58 об. ³⁾ Сборн. разн. ст. л. 63, ст. 97.

⁴⁾ Опис. раск. соч. Алек. Б. ч. II. стр. 113.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ.

II.

ЧТЕНІЕ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ¹⁾).

Книга составляетъ, послѣ живаго разговора съ дѣтьми, второе средство для обученія ихъ отечественному языку. Живой человѣкъ, конечно, не всегда можетъ быть при дѣтяхъ, чтобы вести съ ними полезныя разговоры, а книга постоянно готова къ услугамъ дѣтей и находится у нихъ подъ руками. Такимъ образомъ книга значительно ослабляетъ вліяніе недостатка въ жизни дѣтей живой практики въ языкѣ. А если признаться, что отцы и матери далеко не

¹⁾ См. № 27-й.

всѣ способны занимать дѣтей разговорами, согласно съ педагогическими требованіями, то необходимость книгъ, составленныхъ для упражненія дѣтей въ языкъ людьми опытными въ своемъ дѣлѣ, представляется выше всякихъ возраженій. Но хорошо составленная дѣтская книга можетъ еще служить пріятнымъ для дѣтей разнообразіемъ въ ихъ обыкновенныхъ занятіяхъ, и особенно внести элементъ разнообразія въ занятія ихъ по части роднаго языка, состоящаго въ говореньи.

Въ особенности въ пользу дѣтскихъ книгъ говорить то обстоятельство, что въ нихъ заключается необходимое условіе для пониманія и усвоенія дѣтьми языка письменнаго, общеобразованнаго. Извѣстно, что устный языкъ вовсе не одно и тоже съ языкомъ письменнымъ; и между тѣмъ какъ устнымъ языкомъ дѣти легко овладѣваютъ при помощи органа слуха, постоянно воспринимающаго звуки и реченія окружающихъ людей, — съ письменнымъ языкомъ вовсе ихъ не знакомятъ ни сказки матери, ни убаюкивающія басни няньки, ни случайный разговоръ людей постороннихъ, недостаточно образованныхъ. Письменный языкъ оказывается, сравнительно съ устнымъ, высшимъ, совершеннѣйшимъ произведеніемъ человѣческаго духа, есть искусство, по отношенію къ которому устный языкъ является простымъ дѣломъ природы. Поэтому устнымъ языкомъ владѣетъ каждый, а письменнымъ пользуются настоящимъ образомъ, только люди, упражнявшіеся надъ образованіемъ своего ума и слова и читающіе; по этому же простоянны, утѣющіе объясняться между собой о чемъ угодно, неспособны понимать книгу, кромѣ, разумѣется, какой нибудь народной сказки, написанной ихъ же собственнымъ, устнымъ языкомъ.

Можетъ быть, письменный языкъ, усваиваемый посредствомъ чтенія, не такъ нуженъ дѣтямъ, чтобы стоило заботиться объ ознакомленіи ихъ съ этимъ языкомъ съ рав-

няго возраста?—можетъ быть, это искусство усвоится дѣтьми само собою съ теченіемъ времени, когда они будутъ въ школѣ и сами приобретутъ склонность къ чтенію книгъ? Но такъ думать можетъ только тотъ, кто не желаетъ дѣтямъ хорошихъ успѣховъ въ школѣ или еще не уяснилъ себѣ того, какое значеніе, въ дѣлѣ предварительной подготовки къ училищу, должно имѣть ознакомленіе дѣтей съ письменнымъ языкомъ. Съ перваго раза кажется, что для ученика служить достаточной гарантіей успѣховъ въ кругу школьнаго образованія владѣніе устнымъ языкомъ: онъ говоритъ, знаетъ что и какъ называется, слушаетъ чужую рѣчь, учитъ по книжкѣ урокъ: при спросѣ учителя онъ отвѣчаетъ,—буквально по книжкѣ или своими словами, но отвѣчаетъ. Только вотъ въ чемъ маленький недостатокъ: если онъ говоритъ по книжкѣ, онъ ничего почти не понимаетъ; если же оставить буквальный текстъ урока и станетъ объясняться своими словами,—его не понимаетъ учитель; книжная, письменная рѣчь для него темна, какъ рѣчь иностранная, и самыя объясненія учителя почти не проливаютъ свѣта въ эту непроглядную темноту, потому что, какія бы усилія ни употреблялъ учитель, чтобы снизойти до уровня силъ и способностей такого ученика, учителю едвали удастся достигать своей цѣли, при его привычкѣ объясняться общеобразованнымъ языкомъ. Самая послѣдовательность разсказа, та логическая вѣть мыслей, внутренняя связь и зависимость одного предложенія отъ другаго,—зависимость, сообщающая объясненіямъ учителя характеръ цѣльной, въ непрерывной постепенности выдвигающейся предъ сознаніемъ слушателей, картины,—эта самая связь и послѣдовательность словъ и предложеній, которая до-нельзя облегчаетъ усвоеніе урока для учениковъ, знакомыхъ съ образованною рѣчью,—только путаетъ и сбиваетъ съ толку дѣтей неразвитыхъ, или вѣрнѣе, не освоившихся съ обработаннымъ русскимъ языкомъ, не овладѣв-

шихъ искусствомъ письменной, образованной рѣчи. Для выраженія того или другаго оттѣнка мысли, или показанія внутренняго отношенія между отдѣльными предложеніями, учитель употребляетъ извѣстныя грамматическія реченія, частицы, и. т. п.; но для дѣтей, не слышавшихъ письменнаго языка, эти частицы и реченія ничего не значатъ, а стало быть, и оттѣки мыслей, выражаемые означенными частицами, ступшевываются для ихъ сознанія. Извѣстно, что въ устномъ языкѣ, особенно простонародномъ, очень мало употребляется, повидному, ничего не значущихъ частицъ и реченій: только и слышатся звуки « или а, несмотря на самыя разнообразныя сопоставленія словъ и предложеній. Несомнѣнно также, что письменный, или общеобразованный языкъ отличается отъ языка устнаго и составомъ своимъ: какъ совершеннѣйшее произведеніе цѣлой націи, употребившей на образованіе его самыхъ лучшихъ и талантливыхъ людей, письменный языкъ является чуждымъ мѣстныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, понятныхъ и употребительныхъ въ кругу даннаго населенія и называемыхъ *провинціализмами*,—между тѣмъ какъ на устномъ языкѣ всегда лежитъ печать мѣстная: всѣ эти измѣненія словъ, не подходящія подъ общепринятые формы, эти странныя названія предметовъ, состояній и дѣйствій, звучащія такъ дико въ ушахъ людей, говорящихъ общеобразованнымъ языкомъ націи. И замѣчательно, что эта мѣстная печать, какъ наследство и преданіе отъ старшаго поколѣнія въ младшему, не сглаживается съ устнаго языка и самымъ временемъ, если не воздѣйствуетъ на данную среду или личность вліяніе языка письменнаго, общеобразованнаго. За то, съ той поры, какъ ученіеъ начинается овладѣвать письменнымъ языкомъ, для него отбываются самыя широкія двери въ святилище образованія. На мѣстномъ, или устномъ языкѣ нѣтъ литературы, нѣтъ науки; при посредствѣ его человѣку могутъ

быть доступны развѣ мѣстные народныя сказанія да сумма опытовъ и знаній, присущая населенію окружающей мѣстности. Овлаждая же письменнымъ языкомъ, мы полагаемъ начало знакомству со всѣми образованными людьми, по крайней мѣрѣ, приобретаемъ возможность къ тому: чтеніе словесныхъ произведеній дѣлаетъ для насъ доступными думы и рѣчи самыхъ отдаленныхъ отъ насъ, по времени и пространству, мыслителей и ученыхъ. Вотъ соображенія, лежащія въ основаніи этого, повсюду встрѣчаемаго у педагоговъ, требованія, «чтобы въ обученіи языку основываться на чтеніи, усвоеніи читаемаго и на устныхъ упражненіяхъ».

Между тѣмъ съ письменнымъ, или общеобразованнымъ языкомъ націи можно знакомить дѣтей довольно рано. Дѣти сельскаго духовенства поставлены въ этомъ отношеніи въ самыя неблагопріятныя условія. Начиная учить грамотѣ дѣтей своихъ довольно рано, наше сельское духовенство, къ сожалѣнію, употребляетъ для этого одиѣ азбуки, и въдобавокъ азбуки стариннаго состава и изданія; занимательныхъ для дѣтей статейкъ тутъ вы не встрѣтите, а особыхъ, для дѣтскаго чтенія, книжекъ не имѣется: какого же ознакомленія съ письменнымъ языкомъ можно требовать отъ дѣтей при такихъ условіяхъ! Всякій изъ насъ знаетъ, какъ скучно учить дѣтямъ азбуку: никакого возбужденія для умственной дѣятельности; никакого удовольствія, или соотвѣтствія дѣтскимъ интересамъ и занятіямъ; никакого матеріала для творчества живой, игривой дѣтской фантазіи. Можно ли же думать, чтобы такое обученіе грамотѣ развивало въ означенныхъ дѣтяхъ расположеніе къ чтенію книгъ, и тѣмъ сокращало для нихъ путь къ овладѣнію письменнымъ, общеобразованнымъ народнымъ языкомъ? Дѣйствительно, въ большинствѣ дѣтей сельскаго духовенства, даже по поступленіи ихъ въ училище, не оказывается ни любви къ книгѣ, ни знакомства съ письменнымъ языкомъ. Отцамъ серъ-

езно? слѣдовало бы позаботиться объ искорененіи въ дѣтяхъ такого недостатка; но что же прикажете дѣлать, когда для самаго сельскаго духовенства, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ мѣсто внушенія о пользѣ чтенія книгъ, или когда и отцамъ читать нечего. Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что ежегодно исключаемые, въ большомъ числѣ, изъ духовныхъ училищъ ученики, эти толпы мнимо-бездарныхъ дѣтей, обязаны своею жалкою судьбой, между прочимъ, безнужности отцовъ. Въ настоящее время отцамъ едвали можно затрудняться въ приобрѣтеніи для дѣтей полезныхъ книгъ; тутъ больше виновата рутинна, преданіе. У насъ привыкли, съ незапамятныхъ временъ, слишкомъ далеко отдвигать развитіе въ дѣтяхъ способности читать съ пользою книги, почему, между прочимъ, и при обученіи ихъ азбукѣ, отцы рѣдко находятъ нужнымъ объяснять имъ что нибудь. Въ большинствѣ случаевъ, чтеніе не признается въ сельскомъ духовенствѣ полезнымъ для дѣтей ранѣе 15 или 17-лѣтняго возраста, а 10—12-лѣтнія дѣти считаются положительно глупенькими и неспособными извлечь что нибудь изъ книги. За границей, да и у насъ, въ высшихъ, наиболѣе образованныхъ и достаточныхъ классахъ общества, дѣло ведется не такъ; тамъ у дѣтей книжки вмѣсто игрушекъ. За то и результаты не тѣ. Между тѣмъ, какъ въ означенныхъ классахъ десятилѣтнія, даже семилѣтнія дѣти пускаются разсуждать о самыхъ серьезныхъ предметахъ жизни и знанія, держатъ себя и глядятъ почти какъ большіе, а главное—говорятъ какъ по писанному,—въ массѣ простаго населенія, въ низшемъ классѣ, да и въ сельскомъ духовенствѣ, зачастую, десятилѣтнія дѣти не умѣютъ, какъ говорится, отличить правой руки отъ лѣвой, неспособны сказать съ толкомъ, или связать правильно, двухъ словъ, а письменная, строго логическая и вмѣстѣ свободная рѣчь, свойственная общеобразованному языку, какъ мы уже говорили, не понят-

на и чужда имъ; многія изъ нихъ не овладѣваютъ ею и во все послѣдующее время. Толковитость дѣтей много зависитъ отъ владѣнія образованнымъ языкомъ. Не овладѣвая нисколько послѣднимъ въ домахъ родителей, дѣти сельскаго духовенства, очевидно, не въ состояніи пользоваться и соборившими тѣхъ знаній и мыслей, которыя занесены въ книги; т. е. кромѣ недостатковъ въ языкѣ, у нихъ недостаетъ и матеріала для мышленія, что, конечно, не ведетъ ни къ чему хорошему.

Здѣсь встрѣчается надобность оговориться: изъ того, что дѣти съ ранняго возраста должны осваиваться съ письменнымъ языкомъ, никакъ не слѣдуетъ выводить такого заключенія, будто бы необходимо начинать учить ихъ грамотѣ, какъ можно раньше. Правда, что неграмотнымъ не доступно чтеніе; но во—первыхъ, не говоря о томъ, что очень рано учить грамотѣ вовсе не педагогично,—въ грамотѣ заключается не единственное средство къ ознакомленію съ письменнымъ языкомъ; а во—вторыхъ, говоря о необходимости знакомства дѣтей съ письменнымъ языкомъ, мы разумѣемъ дѣтей не самаго ранняго возраста; съ дѣтьми перваго возраста считается обязательнымъ вести разговоры, и притомъ самые простые, характеръ которыхъ показанъ нами выше. Кромѣ грамотности, средствомъ къ ознакомленію съ образованнымъ языкомъ служить для дѣтей образованная рѣчь окружающихъ ихъ людей: въ дѣтяхъ втораго возраста предполагается уже способность пользоваться этимъ средствомъ. Въ разговорахъ съ такими дѣтьми, образованный отецъ, образованная мать, образованные братья, и сестры, короче—всѣ члены семейства, освоившіеся съ письменнымъ языкомъ, не должны ни на минуту упускать изъ вида требованій общеобразованнаго языка; и когда ихъ разговоры будутъ, дѣйствительно, подходить подъ строй и характеръ языка письменнаго, для подростковъ дѣтей откро-

ется въ такихъ разговорахъ самое богатое, и вмѣстѣ самое легкое средство къ усвоенію образованной, письменной рѣчи. Затѣмъ, всякій посторонній образованный человѣкъ, вступившій въ разговоръ съ вашими, уже подростшими, дѣтьми, долженъ являться въ вашихъ глазахъ, какъ учитель для нихъ роднаго общеобразованнаго языка, хотя бы предметомъ разговора взяты были какія нибудь мелочи, въ родѣ дѣтскихъ игръ, шалостей, и пр. Однимъ словомъ, чѣмъ чаще раздается около дѣтей образованная рѣчь, тѣмъ больше они овладѣваютъ письменнымъ языкомъ; грамота тутъ востронѣ. Нѣчто подобное этому замѣчается въ томъ случаѣ, когда прежде грамоты или помимо грамоты сообщаются дѣтямъ различныя свѣдѣнія по той или другой наукѣ; значитъ, если можно приобрѣтать свѣдѣнія независимо отъ умѣнья или неумѣнья читать, то можно, безъ посредства грамоты, изъ устъ образованныхъ людей, усвоить и общеобразованный родной языкъ, на которомъ сообщаются свѣдѣнія.

Съ другой стороны, педагогія прямо говоритъ, что устное сообщеніе дѣтямъ свѣдѣній, обязательное для всякаго отца, должно служить средствомъ также къ обученію ихъ письменному, общеобразованному языку. Признается необходимымъ говорить съ подростшими дѣтьми не о томъ только, чѣмъ наполняется и сопровождается наша обыденная, будничная жизнь, — не о мелочахъ, но и о доступныхъ ихъ пониманію предметахъ науки, равно какъ о началахъ общежитія, требованіяхъ приличія, условіяхъ благороднаго, честнаго поведенія, и т. д. Развѣ бесполезно познакомить дѣтей, хоть напр., съ тѣмъ, что составляетъ пріятность нашей жизни и доставляетъ намъ невинное удовольствіе или законную пользу, — что справедливо, великодушно, безъ чего нельзя дѣлать добро. Вообще, если вы возьметесь рассказывать дѣтямъ только о видахъ добродѣтели, какъ она выражается на окружающихъ, знакомыхъ дѣтямъ, личностяхъ

или же на дѣтеляхъ историческихъ, то этотъ предметъ можетъ дать самое назидательное и интересное содержаніе вашей бесѣды съ дѣтьми. Впрочемъ, мы будемъ еще имѣть случай говорить о томъ, какого рода свѣдѣнія можно и должно сообщать дѣтямъ втораго возраста. Но чтобы, при сообщеніи свѣдѣній, дѣти могли свыкаться съ общеобразованнымъ языкомъ, для этого педагогія требуетъ отъ воспитателей не забывать того обстоятельства, что всевозможныя свѣдѣнія, приобретаемыя дѣтьми, получаютъ для нихъ настоящее значеніе и достоинство при томъ единственномъ условіи, если помогаютъ имъ въ овладѣніи письменнымъ языкомъ; приучить дѣтей правильно, чисто, ясно и связно говорить—это должно быть главною заботою и существенною цѣлію при сообщеніи дѣтямъ свѣдѣній. Свѣдѣнія, такимъ образомъ, являются здѣсь въ качествѣ матеріала или случая для упражненія дѣтей въ образованномъ языкѣ. При этомъ отъ сообщающаго свѣдѣнія, очевидно, требуется веденіе разсказа, или разговора въ стройномъ порядкѣ, рѣчь неторопливая, слово-за-слово, обработанная въ правильныя и обрѣзанныя предложенія и, по возможности, украшенная разнообразіемъ изящныхъ оборотовъ, словъ и выраженій,—точно такъ при разговорахъ о предметахъ обыкновенныхъ, но направленныхъ къ приученію дѣтей къ образованному языку. Разумѣется, слишкомъ искусственныхъ оборотовъ рѣчи, или техническихъ терминовъ, употребительныхъ въ частной какой нибудь спеціальности, не слѣдуетъ позволять себѣ при сообщеніи дѣтямъ свѣдѣній. Тогда и самыя свѣдѣнія приобретаютъ особое, образовательное значеніе для дѣтей, потому что принимаются ими не какъ частныя и сухія спеціальности, усвояемыя, обыкновенно, механически и остающіяся въ сознаніи отрывочными и безплодными кусочками, а производятъ на дѣтей впечатлѣнія, вслѣдствіе чего возбуждаются къ напряженной дѣятельности всѣ силы ихъ

восприимчивой и симпатической души; такимъ образомъ, эти свѣдѣнія прививаются, такъ сказать, къ существу самаго сознанія дѣтей, органически входятъ въ составъ ихъ живой личности,—переходятъ въ мысли, отражаются въ желаніяхъ, мечтахъ и фантазіяхъ, короче—претворяются въ духъ и плоть дѣтей, такъ что по нимъ, по этимъ свѣдѣніямъ, складывается и направляется вся сумма нравственныхъ инстинктовъ, по нимъ формируется вся личность дѣтей и даже послѣдующая ихъ жизнь.

Но въ особенности дѣти знакомятся съ общеобразованнымъ языкомъ посредствомъ такъ называемаго изящнаго, или художественнаго, чтенія. Чтеніе такое представляетъ неисчерпаемый источникъ для обогащенія дѣтей разнообразными свѣдѣніями, стало быть, съ этой стороны благопріятствуетъ ознакомленію дѣтей съ письменнымъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ разговоры, о которыхъ только что говорилось. Безспорно, что грамотность дѣтей имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ усвоенія ими письменнаго языка: но изящное чтеніе не только можетъ знакомить дѣтей съ письменнымъ языкомъ до обученія ихъ грамотѣ, а даже до нѣкоторой степени обусловливаетъ значеніе самой грамотности, въ актѣ знакомства съ письменнымъ языкомъ. Хотимъ сказать, что безъ помощи изящнаго чтенія дѣти не могутъ воспользоваться, надлежащимъ образомъ, и своею грамотностію для ознакомленія съ письменнымъ, общеобразованнымъ языкомъ. Что извлекаетъ дитя изъ своей грамотности, въ особенности на первыхъ порахъ?—знакомится ли оно съ письменнымъ языкомъ? Вѣдь письменный языкъ, если бы дѣти дѣйствительно умѣли даже хорошо читать, заключается, собственно говоря, не въ книжкѣ; книжка, какъ извѣстно, не даетъ дѣтямъ сама по себѣ искусства понимать и употреблять письменный языкъ такъ, какъ пользуются имъ взрослые. Дѣло въ томъ, что языкъ

въ книжкѣ, и тотъ же самый языкъ въ ушахъ живаго и образованнаго человѣка—двѣ вещи совершенно разныя. Письменный языкъ въ книжкѣ есть только система искусственныхъ знаковъ—буквъ, звуковъ и пр.,—знаковъ, придуманныхъ для выраженія языка словеснаго, для обнаруженій внутреннихъ движеній развитой души. Поэтому письменный языкъ въ томъ видѣ, какъ его представляетъ и воспроизводитъ книга, служитъ самымъ бѣднымъ и отвлеченнымъ знакомъ языка собственно словеснаго, т. е. настоящаго, образованнаго человѣческаго языка. Отъ этого происходитъ то, что дѣти, особенно на первыхъ порахъ своей грамотности, читая книгу, далеко не понимаютъ и не видятъ въ ней того, что въ ней заключается или усматривается людьми взрослыми и развитыми; а прочтете тоже самое дѣтямъ вы, выйдетъ не то. Собственно говоря, отъ вниманія дѣтей ускользаетъ, при чтеніи ими книгъ, самая сущность дѣла, внутренней-шая сторона содержанія, въ чемъ и заключается главная образовательная и воспитательная сила общеобразованнаго письменнаго языка. Въ частности, отъ дѣтей нельзя требовать пониманія ни внутренняго, ни аллегорическаго смысла читаемаго, ни мелкихъ оттѣнковъ мыслей, нельзя ожидать, чтобы дѣти проникали недомолвки и темныя намеки текста; тѣмъ менѣе въ нихъ способности взвѣшивать и опредѣлять силу мыслей по соображенію съ общими, господствующими взглядами и понятіями. Дѣти даже не понимаютъ открытаго смысла читаемаго, или лучше упускаютъ вовсе изъ вниманія обязанность понимать что нибудь. Для нихъ, не подготовленныхъ изыщнымъ чтеніемъ, книга представляетъ почти одинъ безконечный рядъ словъ, изъ котораго рѣдко покажется что-то похожее на мысль, вслѣдствіе чего у нихъ все вниманіе уходитъ на буквы и строки, занято однимъ процессомъ чтенія, которое, потому, выходитъ монотонное, машинальное и, разумѣется, безтолковое. Оттого дѣти не любятъ книгъ и даже тупѣютъ надъ ними...

Принуждающіе малолѣтнихъ дѣтей сидѣть надъ книгой! Обратите свое вниманіе на тѣ страданія, какія испытываютъ ваши малытки отъ непосильнаго, неестественнаго труда, имъ навязаннаго. Вашъ сынъ—дитя, но въ тоже время онъ—человѣкъ, живая, свободная, нравственная сила; онъ маленькая личность, управляемая одними съ вами внутренними законами, дѣйствующая подѣ вліяніемъ общихъ для всѣхъ людей истинъ и требованій. Вы хотите принудить дѣтей сидѣть за книгой и читать ее; но вы забываете, что имъ, вашимъ дѣтямъ, точно также противенъ механическій, бессмысленный трудъ, какъ и вамъ самимъ;—вы забываете, что у дѣтей есть тоже умъ, который требуетъ относиться къ труду сознательно, который не позволяетъ имъ обратиться въ машину, или въ рабочую силу. Дайте напередъ дѣтямъ возможность понимать книгу, интересоваться чтеніемъ, расшевелите ихъ любознательность, увлеките ихъ фантазію, короче—возьмите изъ ихъ рукъ ничего имъ не говорящую, мертвую книгу и почитайте имъ сами: потомъ ужъ дайте имъ читать: для нихъ не потребуется тогда никакого принужденія.

О З Ъ Я В Л Е Н І Е.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ“

въ 1869—70 году.

Журналъ »Воскресное Чтеніе«, издаваемый при Кіевской Духовной Академіи, продолжается и въ текущемъ (XXXIII) году, который начинается *днемъ св. Пасхи*.

Оставаясь вѣрною общей, принятой отъ самаго основанія журнала, задачѣ—содѣйствовать христіанско-нравственному образованію общества, по духу православной Церкви,

Редакція обращаетъ особое вниманіе на тѣ частныя задачи этого изданія, которыя усвоены имъ въ послѣдніе годы, т. е. на приспособленіе журнала къ современнымъ потребностямъ *народно-пастырскаго учительства и христіанско-народнаго образованія*.

Въ составъ журнала входятъ статьи трехъ родовъ:

1. Собственно *духовно-надзидательныя*, относящіяся къ вѣроученію, богослуженію и управленію православной Церкви, — въ формѣ поученій, размышленій, разговоровъ, писемъ, описаній и рассказовъ изъ жизни частныхъ лицъ. Сюда будутъ относиться, между прочимъ, небольшія извлеченія изъ Св. Писанія, отеческихъ писаній и богослужебныхъ книгъ съ вратими поясненіями.

2. *Статьи историческаго содержанія*. Очерки изъ исторіи Церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной. Очерки событій и предметовъ изъ исторіи гражданской, общей и отечественной, въ особенности такихъ, которые находятся въ связи съ событіями Церкви. Черты нравственнаго характера изъ жизни разныхъ историческихъ лицъ; замѣчательныя изреченія ихъ.

3. *Современныя замѣтки*. Мысли по поводу разнаго рода замѣчательныхъ явленій въ жизни общественной, въ особенности церковной, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и у заграничныхъ единовѣрцевъ нашихъ, а частію и иноерцевъ; также по поводу возбуждающихъ въ данное время особое вниманіе замѣчательныхъ явленій природы. Замѣтки о разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и школахъ; о замѣчательныхъ произведеніяхъ современнаго религіознаго искусства, о книгахъ, полезныхъ церковно-приходскихъ библіотекъ и для школъ. Сюда же будутъ относиться замѣтки практическаго характера по вопросамъ о воспитаніи дома и въ школѣ; замѣтки гигиеническія—объ общепользныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Статьи каждаго изъ этихъ отдѣловъ (на которые, впро-

чемъ онѣ будутъ дѣлиться не въ каждомъ №), будучи писаны языкомъ, по возможности, общедоступнымъ и касаясь вопросовъ, имѣющихъ живое значеніе, могутъ частію представлять матеріалъ для пастырскихъ бесѣдъ, церковныхъ и домашнихъ, частію избираться въ разныхъ школахъ, воскресныхъ и ежедневныхъ для такъ называемаго объяснительнаго чтенія, съ другой стороны, могутъ вообще служить въ кругу семейномъ и въ добрыхъ христіанскихъ собраніяхъ, какія по мѣстамъ бываютъ въ особенности въ воскресные и праздничные дни, не въ однихъ низшихъ классахъ общества.

Редакція будетъ принимать съ благодарностію и вознагражденіемъ согласныя съ цѣлю изданія статьи, присылаемыя для напечатанія, и сверхъ-того, съ готовностію будетъ отвѣчать на обращаемые къ ней вопросы, стоящіе въ связи съ тою же цѣлю (напр. по отношенію къ разнымъ предметамъ вѣры и церковной практики, по дѣлу воспитанія домашняго и въ разныхъ школахъ, о книгахъ или статьяхъ по какому-либо предмету, и т. п.).

Журналъ выходитъ по прежнему еженедѣльно съ праздника св. Пасхи, нумерами въ печатный листъ и болѣе. *Цѣна за годовое изданіе Воскреснаго Чтенія безъ пересылки и доставки три руб. сер., съ пересылкою во весь городъ и доставкою на домъ въ Кіевъ четыре р. с.* Также цѣна за XXX (66—67) и XXXI (67—68 и за XXXII (68—69) г. Запретные годы, исключая III, VIII, XIII и XVI, которыхъ не имѣется въ продажѣ, цѣна 2 р. за экземпляръ. Выписывающіе не мѣнѣе 10 экз. прежнихъ годовъ платятъ по 1 р. 50 к. за экземпляръ.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при Кіевской Духовной Академіи, а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, въ С.-Петербургѣ у С. И. Зотова.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЯНСКИХЪ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ достав- **№ 29.** редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~киевской семинаріи.

1869 года. Іюля 20-го.

Содержаніе: Поученіе въ день праздника св. пророка Іліи.—Упреки и обвиненія православнаго духовенства раскольниками.—Приготовленіе дѣтей духовенства къ училищу.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СВ. ПРОРОКА ІЛІИ.

У насъ сегодня храмовый праздникъ; нынѣшній день того святаго, имени котораго посвященъ нашъ храмъ, день святаго пророка Іліи, котораго строители этого храма избрали особеннымъ себѣ покровителемъ и ходатаемъ предъ Богомъ. И много есть на всей Русской землѣ—по городамъ и по селамъ—православныхъ храмовъ во имя этого святаго. Кто же онъ такой, когда жилъ? Онъ пророкъ Божій,—это значитъ—такой человѣкъ, которому далъ Господь способность знать то, чего, кромѣ Бога, никто не знаетъ, знать то, что будетъ впереди чрезъ сто, двѣсти и тысячу лѣтъ; такой человѣкъ, котораго избралъ и послалъ Самъ Господь учить народъ израильскій (еврейскій), наставлять его въ вѣрѣ истинной, обличать въ порокахъ, въ случаѣ нужды—утѣшать, укрѣплять его, и вообще дѣлать то, что укажетъ Господь. Пророкъ, значитъ—знаетъ и предсказываетъ будущее,—онъ голосъ и посланникъ Божій, обличитель, утѣшитель и учи-

тель народа. Пророкъ Божій Ілія жилъ за долго до Рождества Христова, когда царствовалъ надъ народомъ израильскимъ нечестивый Ахавъ, когда вѣра въ Бога истиннаго ослабѣла, когда многіе изъ народа избраннаго сдѣлались язычниками, стали покланяться и приносить жертвы идоламъ—богамъ языческимъ. Жилъ онъ до пришествія Христова, но вѣрилъ въ Бога истиннаго, вѣрилъ, что придетъ на землю для спасенія людей Сынъ Божій,—былъ онъ человѣкъ праведный, святой. Но такихъ праведныхъ людей, которые вѣрили въ Бога истиннаго и ожидали пришествія на землю Сына Божія, было не мало и прежде, и послѣ того, какъ жилъ пророкъ Ілія; а никого изъ нихъ такъ не прославляетъ, такъ не почитаетъ Церковь Христова, какъ пророка Ілію, и мы никому изъ тѣхъ праведниковъ такъ не молимся, какъ этому пророку. Почему же такъ, за что же особенно чтить и прославляетъ его наша святая Церковь? Объ этомъ, ради храмоваго праздника, побесѣдую сегодня съ вами.

Особый день въ году назначила святая Церковь памяти пророка Божія Іліи, и празднуетъ ему за то, что онъ не только самъ истинно вѣровалъ въ Бога и ожидалъ Искупителя, а всѣми силами души старался, чтобы и другіе держали эту же вѣру, жили такъ, какъ Господь предписалъ въ законѣ, служили Ему—Богу истинному, а не кланялись богамъ языческимъ, и такъ ревностно, усердно старался объ этомъ, что и царю, и царицѣ въ глаза прямо говорилъ, что они нечестиво живутъ, не такъ, какъ Богъ велитъ,—смерти не боялся. Въ Божественномъ Писаніи такъ разсказывается объ этомъ дѣлѣ (3 Царст. гл. 17—19. 4 Цар. гл. 1. 2).

Царствовалъ надъ израильскимъ народомъ Ахавъ нечестивый. Онъ совершенно забылъ Бога истиннаго, а служилъ и кланялся идоламъ—Ваалу и Астартѣ, построилъ

и нѣ жертвенники,—былъ хуже, нечестивѣе всѣхъ прежде его бывшихъ царей; къ тому же и жена у него была язычница; а за царемъ и царицею и народъ весь предался нечестію—идолопоклонству. Но насколько нечестивъ былъ царскій домъ и весь народъ: настолько былъ ревностенъ по благочестію—по Богѣ и силенъ обличительнымъ словомъ посланный Богомъ пророкъ Ілія. Ревность его по Богѣ была какъ огонь, а слово—какъ пламенный. Какъ обличитель нечестія и провозвѣстникъ воли Божіей, онъ явился прежде всего къ тому, отъ кого пошло нечестіе, явился къ царю и объявилъ ему, при чемъ поклонился именемъ Божиимъ, что въ слѣдующіе годы не будетъ ни росы, ни дождя, пока онъ самъ не скажетъ. Объявивши волю Божию, сказавши, что будетъ страшная засуха отъ бездождія, пророкъ ушелъ и скрылся, по Божію повелѣнію, при одномъ ручьѣ; сюда ему вѣроны приносили мясо и хлѣбъ утромъ и вечеромъ, а воду пилъ онъ изъ ручья; а когда ручей пересохъ, пошелъ онъ, по Божію повелѣнію, въ одинъ приморскій городъ къ бѣдной вдовѣ. И такъ въ мѣстахъ неизвѣстныхъ скрывался пророкъ Божій три года съ половиною, съ той поры, какъ объявилъ царю, что будетъ бездождіе и засуха. Зачѣмъ же онъ скрывался? Не вѣря словамъ пророка, царь сначала былъ спокоенъ, а послѣ, какъ годъ—другой постояла засуха, а за нею насталъ страшный голодъ, то и вспомнилъ царь объ Іліи; приказалъ искать его по всему царству и у сосѣднихъ народовъ; но его никакъ не могли найти. Дѣло въ томъ, что мѣра испытанія, наказанія народу израильскому была опредѣлена Богомъ, и доколѣ не исполнилась она, пророкъ долженъ былъ скрываться, чтобы не быть умиловленнымъ, чтобы не сократить срока наказанія развращенному народу. Потому—то, когда вышелъ этотъ срокъ, Ілія получилъ повелѣніе Божіе снова явиться къ царю и объявить, что наказаніе кончено, что скоро Богъ пошлетъ дождь на землю.

Царь съ нетерпѣніемъ ожидалъ пророка и, какъ только увидалъ его, сталъ укорять его: »ты ли это возмутитель израиля«, говорилъ ему царь; а пророкъ отвѣчалъ: »не я возмутитель израиля, а ты и домъ отца твоего, потому что вы оставили заповѣди Іеговы и пошли во слѣдъ Вааловъ«. Послѣ этого Илія предложилъ царю собрать всѣхъ израильтянъ, которые кланяются идоламъ и всѣхъ ложныхъ пророковъ, которые приставлены были къ нимъ, собрать всѣхъ на гору кармилевскую. Царь распорядился; собрались всѣ. Тогда Илія, обратившись къ народу, сказалъ: »доколѣ вы колеблетесь на обѣ стороны? Если Іегова Богъ, идите во слѣдъ Его, а если Вааль—ступайте за нимъ«. Народъ не зналъ, что отвѣчать ему. Пророкъ продолжалъ свою рѣчь: »изъ пророковъ Господнихъ остался я одинъ, а пророковъ вааловыхъ четыреста пятьдесятъ мужей, и астартиныхъ четыреста. Пусть будетъ такъ: приведите двухъ воловъ, одного возьмутъ они, разрѣжутъ на куски, положить на дрова, но огня класть не нужно; а я приготовлю такимъ же образомъ другаго вола, и огня не положу. Затѣмъ пусть они призовутъ имя своего бога, а я призову имя Іеговы, и тотъ, который, по молитвѣ, пошлетъ огонь на жертву, да будетъ признанъ Богомъ истиннымъ«. Народъ одобрилъ предложеніе Іили: *»добръ глаголъ, его же глагола, да будетъ тако«*, сказалъ народъ. Первымъ приступить къ дѣлу Илія предложилъ вааловымъ пророкамъ. Стыдно было имъ отказаться, и волей-неволей взялись за дѣло. Приготовивши все какъ слѣдуетъ, стали звать Ваала по имени, и съ утра до полудня звали его: »послушай насъ, Ваале, послушай насъ!« Напрасно тысячи голосовъ кричали, Вааль не слышалъ ихъ,—и не бѣ гласа, ни послушанія. Съ досады начали бѣгать вокругъ жертвенника, который сдѣлали, а толку не было. Въ полдень же Илія, въ поруганіе суевѣрія, сказалъ имъ: »зовите, кричите громче! у вашего бога

дѣла много, занять чѣмъ нибудь, а можетъ быть и спать, кричите, такъ проснется». Сильнѣе стали кричать, рѣзали себя мечами и ножами до крови,—и такъ было до вечера, но все таки не было ни голоса, ни отвѣта, ни вниманія. Тутъ уже Илія велѣлъ отойти имъ и замолчать, самъ хотѣлъ приступить къ дѣлу и обратился къ народу, прося подойти къ нему. Онъ взялъ двѣнадцать камней, по числу колѣнъ израилевыхъ, и изъ нихъ создалъ жертвенникъ во имя Господне, окопалъ его ровомъ, положилъ дрова на жертвенникъ, а на дрова вола, разсѣченного на куски, а потомъ велѣлъ принести четыре кадди воды, чтобы полить ею жертву—и сдѣлали такъ во второй и третій разъ; воды налили такъ много, что полилась она съ жертвенника и наполнила ровъ. Все было сдѣлано, чтобы устранить всякое подозрѣніе нечестивыхъ пророковъ и народа. Было время вечерняго жертвоприношенія, и сталъ Илія предъ жертвенникомъ и воззвалъ ко Господу: *»Господи, Боже Авраамовъ и Исааковъ и Іаковъ, послушай мене, Господи, послушай мене днесь огнемъ, и да уразумѣютъ вси людіе сіи, яко Ты еси Господь Богъ единъ Израилевъ, и азъ рабъ Твой, и Тебе ради сотвори хъ дѣла сія. Послушай мене, Господи, послушай мене огнемъ, и да уразумѣютъ вси людіе сіи, яко Ты еси Господь Богъ, и Ты обрати сердца людей сихъ во слѣдъ Тебе«*. По молитвѣ пророка, ниспалъ огонь съ неба и истребилъ все, что было приготовлено имъ, даже камни и воду. Народъ палъ лицомъ на землю и загорилъ: *»воистину Господь Богъ, Той есть Богъ!«* Илія, видя, что народъ пораженъ, приказалъ поймать пророковъ вааловыхъ всѣхъ до одного. Всѣхъ поймали, ни одинъ не ушелъ; отвели ихъ къ одному ручью и Илія закололъ ихъ здѣсь всѣхъ. Онъ поступилъ съ ними такъ, какъ повелѣлъ поступать Господь, чрезъ Моисея, съ тѣми, которые совращають, прельщаютъ народъ, лжепророчествуя, по-

губите сами злое отъ васъ самихъ, говоритъ Господь (Второзак. 13, 5). Вотъ какъ ревностно старался Илія о томъ, чтобы народъ вѣровалъ въ Бога истиннаго, а не кланялся богамъ языческимъ-идоламъ.

Истребивши лжепророковъ, Илія объявилъ царю: »иди, ѣшь и пей, скоро будетъ сильный дождь«. А самъ преклонился на землю и долго молился (Іаков. 5, 18); чтобы Господь послалъ дождь. Семь разъ посылалъ пророкъ отрока (прислужника) своего посмотреть, не видно ли съ которой нибудь стороны тучи, и въ седьмой разъ прислужникъ донесъ, что маленькое облачко поднимается съ моря. И сказалъ Илія царю, чтобы онъ скорѣе уѣзжалъ домой, чтобы дождь не удержалъ его. Поднялся вихрь, небо покрылось со всѣхъ сторонъ тучами и былъ большой дождь. При всемъ своемъ нечестіи царь не могъ не опомниться, не почувствовать силы Божіей,—онъ заплакалъ; послѣ трехлѣтняго и шестимѣсячнаго бездождія, измучившаго его душу, дождь не могъ не пробудить въ немъ чувства благодарности къ Богу и благоговѣнія предъ Нимъ, но за то ужаснулась и сильно оторчена была царица, когда узнала, что ея пророки всѣ избиты; она поклялась за то умертвить Илію. Потому онъ удалился и скрылся въ пустынь. Здѣсь, утомленный, онъ сѣлъ подъ кустомъ и сталъ просить себѣ смерти: *»довлѣтъ нынѣ ми (довольно пожилъ я)*, говоритъ онъ, *возьми убо отъ мене душу мою, Господи, яко нѣсмь азъ лучший отецъ моихъ»*. Отсюда удалился онъ, по повелѣнію Господа, къ горѣ Хоривъ, и поселился въ одной пещерѣ. Тяжело было на душѣ у пророка. Онъ уже тяготился своимъ положеніемъ среди народа израильскаго, ничѣмъ не вразумляющагося, и думалъ, что время праведному суду Божію поразить нечестивый народъ. И былъ къ нему голосъ Господень: »зачѣмъ ты здѣсь, Илія? Илія отвѣчалъ: *»ревнуя поревновалъ по Господу Все-*

держитель, яко оставиша Тя сынове Израилевы, олтари Твоя раскопаша, и пророки Твоя избивша оружїемъ, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моя изъяти ю. Господь явился Іліи въ тихомъ вѣяніи прохлады и успокоилъ его: »иди къ Дамаску«, говорилъ Онъ ему, »и помажь Азаила царемъ Сирїи, Інуя царемъ надъ Израилемъ, а Елисея пророкомъ вмѣсто себя, и успокойся, эти лица накажутъ нечестивыхъ и утѣшся тѣмъ, что въ царствѣ израильскомъ есть еще семь тысячъ человѣкъ, которые не преклоняли колѣнъ своихъ предъ Вааломъ, и не цѣловали устами своими идола«. Вотъ опять, бр., видимъ, съ какою ревностію заботился пророкъ Ілія о томъ, чтобы всѣ вѣровали въ Бога истиннаго и Ему одному служили. Ему больно было, что нечестіе-идолопоклонство распространяется, ему жить на свѣтѣ не хочется, онъ проситъ Господа, чтобы взял его душу.

За такую ревность по вѣрѣ и благочестію, Господь не оставлялъ пророка Ілію: ангель Господень питалъ его во время общаго великаго голода, хранилъ его жизнь Господь, когда царица хотѣла и искала убить его. Прославлялъ его Господь и чудесами; онъ воскресилъ сына той бѣдной вдовы, у которой жилъ во время голода,—у этой же вдовы, по слову пророка, въ теченіи трехъ лѣтъ съ половиною, каждая мукы не кончалась и кувшинъ масла не истощался; онъ низвелъ огонь на жертву, а такъ же и на воиновъ, которыхъ посылалъ царь взять Ілію; онъ перешелъ чрезъ рѣку Іорданъ, по сушѣ, потому что ударилъ по водѣ своимъ пророческимъ плащемъ и она разступилась туда и сюда. Но особенно прославилъ пророка Ілію Господь тѣмъ, что не умеръ онъ, какъ всѣ люди умираютъ, а взятъ былъ живой на небо. Это было такъ: Ілія и его ученикъ, пророкъ Елисей, шли дорогою и разговаривали между собою, вдругъ огненная колесница и огненные кони раздѣлили ихъ, и Ілія

въ вихрь вознесся на небо. Вы отъ старыхъ людей слышали, вѣроятно, и дѣтямъ своимъ рассказываете, что когда гремитъ громъ, то это будто бы Илія пророкъ ѣдетъ на своей огненной колесницѣ,—оттого будто и молнія сверкаетъ. Это не правда; не вѣрьте этому, и дѣтямъ своимъ не рассказывайте. Въ Божественномъ Писаніи сказано только, что на огненной колесницѣ и на огненныхъ коняхъ пророкъ Илія вознесся на небо, а чтобы онъ и тамъ ѣздилъ также на колесницахъ и на коняхъ, ничего не сказано. Это выдумка, не вѣрьте ей; прибавлять къ слову Божию что либо или же убавлять—великій грѣхъ. А вы, рассказывая о томъ, что Илія ѣздитъ на огненной колесницѣ, прибавляете къ слову Божию свою выдумку,—тамъ этого нѣтъ.

Слава пророка Божія Іліи сохранилась и послѣ того, какъ чудеснымъ образомъ взятъ онъ былъ на небо: всѣ, кто вѣрилъ въ Бога истиннаго, знали о пророкѣ Іліи; такъ, спустя цѣлыя сотни лѣтъ, когда сталъ проповѣдывать Предтеча Христовъ, Іоаннъ Креститель, о томъ, что скоро явится Мессія—Искупитель, то посланные отъ народа за тѣмъ, чтобы узнать его лице и званіе, спрашивали, между прочимъ, не Ілія ли онъ, который долженъ предшествовать Мессіи. Изъ святаго Евангелія также знаемъ, что когда Господь преобразился на Ѡаворѣ, то явились здѣсь Моисей и Илія. Два только праведника изъ тѣхъ, которые жили до пришествія Христова, удостоились видѣть славу Божию, бесѣдовать съ Господомъ.

И такъ, бр., знайте и помните, что святой, во имя котораго освященъ нашъ храмъ, и память котораго мы нынѣ празднуемъ, былъ великій пророкъ Божій. Господь прославилъ его и святая Церковь прославляетъ, чтить его память за то, что онъ всю жизнь свою сильно ревновалъ по Богъ истинномъ, покоя не зная, а подъ конецъ и жить не хотѣлъ, потому только, что много было нечестиваго народу между

израильтянами. Да послужить онъ намъ образцемъ того, какъ нужно хранить святую-православную вѣру, какъ нужно стараться не только о томъ, чтобы самимъ быть правыми по вѣрѣ, но и другихъ наставлять, вразумлять. Случаевъ къ тому и у насъ не мало. Ты, напримѣръ, какъ истинный христіанинъ, не упустительно ходишь въ воскресные и въ праздничные дни въ церковь, молишься Богу,—это хорошее и Богу пріятное дѣло; но еще будетъ лучше и Богу пріятнѣе, если ты, зная, напримѣръ, что сосѣди или кто либо другой не особенно усерденъ къ храму Божію, въ воскресные и праздничные дни, какъ и въ будни, занимается работою или сидитъ дома безъ дѣла, зайдешь къ нему, уговоришь и его пойти съ тобою. Значить, ты думаешь не о себѣ только, но и о другомъ, значить, ты ревнуешь за Бога истиннаго, за вѣру православную, за храмъ Божій.

Помолимся же, бр., святому пророку Иліи, какъ нашему ближайшему предъ Богомъ ходатаю, нашему особенному покровителю, егоже память празднуемъ, помолимся нынѣ больше и усерднѣе, и будемъ просить, чтобы Господь, ходатайствомъ и заступленіемъ пророка, укрѣпилъ и сохранилъ насъ, прихожанъ храма сего, и всѣхъ православныхъ христіанъ—братій нашихъ, въ святой вѣрѣ и благочестіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, что однимъ изъ чудесныхъ дѣлъ св. пророка Иліи было, по слову его, трехлѣтнее и шестимѣсячное бездождіе и за тѣмъ обильный дождь, а также зная то, что *много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема*, помолимся ему, чтобы Господь, его молитвами, даровалъ намъ благо-раствореніе воздуха, дождь благовременный. Святый пророче Божій Іліе, моли Бога о насъ! Аминь.

УПРЕКИ И ОБВИНЕНІЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА РАСКОЛЬНИКАМИ ¹⁾).

Ставятъ нашему православному духовенству въ большую вину раскольники то, что оно вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на нихъ словомъ убѣжденія и вразумленія, старается обращать ихъ къ церкви, или, по крайней мѣрѣ, старалось во все почти прежнее время, при помощи полицейской и вообще гражданской власти. »Чудо«, писалъ еще Аввакумъ, »огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ утвердить вѣру! Боторые-то апостолы научили такъ, незнаю. Мой Христось не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господомъ реченное къ апостоламъ сице: шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари; иже вѣру иметь, и крестится, спасенъ будетъ. Смотри, слышателью, волею зоветь Христось, а не приказалъ апостоламъ непокаряющихся—огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій богъ Махметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: »непокаряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити«. Нашъ Христось Своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учителя явны, яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же. Писано во евангеліи: не можетъ древо добро плодъ золь творити, ниже древо зло плодъ добръ творити; отъ плода бо всяко древо познано бываетъ. Да что много говорить! аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣнчаться, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрный, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, перекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, якоже пріяхомъ отъ святыхъ отецъ! Вотъ тебѣ царство не-

¹⁾ См. № 28-й.

бесное дома родилось: Богъ благословить, мучися за сложеніе перстъ, не разсуждай много«¹⁾. Тотъ же упрекъ со стороны раскола слышался и послѣ Аввакума. »Проповѣдницы Никоновыхъ новинъ«,—читаемъ въ другомъ, болѣе позднемъ раскольническомъ сочиненіи,—»яростію и гнѣвомъ, и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа, дышаху: біеніемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщеваху, лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождяху, и отъ такового насилуваннаго лютаго мучительства обліяхуся вся грады кровію, утопаху въ слезахъ селы и веси, и покрывахуся въ плачи и въ стенаніи пустыни и дебри«²⁾. Нынѣшніе раскольники разсуждаютъ объ этомъ мягче, но не менѣе рельефно. На увѣщаніе обратиться къ православію, современные намъ раскольники, обыкновенно, отвѣчаютъ; если не теперь, то, по крайней мѣрѣ, не очень давно отвѣчали всегда: »да вы исправьте церковь-то прежде, такъ и уговаривать насъ нечего будетъ, сами пойдемъ«³⁾. А на вопросъ: какъ же устроить церковь, говорятъ: »по Христову ученію«. Только Христось-то кротостію народъ привлекалъ, а великороссійскіе попы доносами хотятъ насъ обратить: тотъ—мать на раскольничьемъ кладбищѣ похоронилъ, тотъ—сына не при церкви окрестилъ, этотъ вѣнчался не у приходскаго попа. Вотъ и вся ихъ проповѣдь. И по этой проповѣди евангельской судъ найдетъ, допросы, да очныя ставки начнутся. Правду станешь говорить, въ острогъ посадятъ; для того и беремъ на душу грѣхъ, о правдѣ помалчиваемъ. Судъ же скоро не дѣлается: отъ дѣлъ торговыхъ, отъ промысловъ отвлекутъ тебя года на четыре, потому что подсудному пашпорта нельзя

¹⁾ Жит. прот. Аввак. изд. 1862 г. стр. 93—95. ²⁾ Ист. Выгов. пус., изд. Кож. 1862 г. стр. 25, сл. стр. 35—37. ³⁾ Духъ христ. фев., стр. 426.

дать, а кончится все дѣло тѣмъ, что коли неправду на судѣ скажешь, такъ пошлютъ тебя три раза въ консисторію на увѣщаніе, выгонять, извѣстно, въ рабочую пору, и за каждое увѣщаніе возмутъ цѣлковыхъ по два, а коли правду скажешь, въ острогѣ насидишься, пожалуй, плетей отвѣдаешь и куда нибудь.... угодишь«¹⁾).

Обращаясь за тѣмъ къ домашней жизни православнаго духовенства, съ особенною силою нападаютъ на него раскольники за то, что у духовныхъ будто бы больше всего по стѣнамъ, гдѣ всего приличнѣе быть иконамъ угодниковъ Божіихъ, вмѣсто ихъ во многихъ домахъ скверныя картины нарисуются, и древа, и птицы, и прочія животныя, подобно латиномъ. А иконы обрѣтаются точію по единой и сіи непоставлены бывають благочинно въ кіотахъ, якоже у православныхъ (здѣсь разумѣютъ они самихъ себя), но повѣшены«, что величайшій грѣхъ, по мнѣнію раскольниковъ²⁾. Неизлишне для характеристики обратить здѣсь вниманіе на то, какъ это дѣло дѣлается у самихъ раскольниковъ. У нихъ иконы ставятся всегда въ переднемъ углу, въ такъ называемыхъ божницахъ (кіотахъ). Если въ домѣ раскольника есть отдѣльная горница (чистая, тайная комната), нерѣдко служащая для раскольниковъ мѣстомъ общественныхъ на молитву собраній, въ такомъ случаѣ въ жилой избѣ находится въ божницѣ не болѣе 5-ти иконъ; за то въ этой горницѣ у зажиточнаго раскольника можно найти цѣлыя десятки иконъ, которыя притомъ стоятъ здѣсь уже не въ углу, а на полкахъ по задней стѣнѣ. Передъ иконами у всякаго раскольника виситъ лампадка; въ сторонѣ отъ иконъ повѣшена кожаная лѣстовка; подъ божницей ручная кадильница, одинъ или два подручника, свѣчи и ладонь, иногда псалтирь. Пространство между божницей и лавкой

¹⁾ Сборн. Кельс. вып. пер., стр. 193—4. ²⁾ Отв. на вопр. л. 91 об.

всегда завѣшивается пеленою съ осмиконечнымъ крестомъ, которая бываетъ или ситцевая, или даже крашенная и закрываетъ находящіяся подъ божницей вещи. У нѣкоторыхъ раскольниковъ закрываются занавѣсами и самыя иконы для того, чтобы кто либо не »ихъ вѣры« »не помолился иконамъ и не отнялъ у нихъ благодати« ¹⁾. Что же касается картинъ, то раскольники ни мало не чуждаются ихъ. Только картины, встрѣчающіяся въ домахъ раскольниковъ, отличаются отъ картинъ, которыя любятъ православные наши крестьяне. Въмѣсто лубочныхъ картинъ, въ родѣ—»мыши kota хороняють«, или »ёршь ёршевичъ«, до которыхъ такъ охочъ нашъ простой народъ, у раскольниковъ картины, большею частію, духовнаго содержанія. На ряду съ иконами у нихъ можно встрѣтить рисованные на бумагѣ портреты Андрея и Семена Денисовыхъ, Данила Викулина, Мануила Петрова—этихъ древнихъ предводителей и наставниковъ раскола и другихъ замѣчательныхъ лицъ, и притомъ иногда съ изображенными надъ ихъ головами вѣнцами, подобными тѣмъ, какіе пишутся на иконахъ угодниковъ Божіихъ.

Винятъ еще наши раскольники духовныхъ за то, что они иногда и сами допускають, и въ особенности, чаще всего, дѣтямъ своимъ дозволяютъ пѣть разныя »бѣсовскія пѣсни и употреблять богомерзскія пляски«. Но вооружаясь противъ всякаго рода танцевъ, раскольники сами-то не могли и немогутъ совершенно истребить въ кругу своемъ пѣніе, склонность къ которому вошла въ природу русскаго человѣка. Поэтому они, отвергнувъ, особенно веселыя, всѣ пѣсни мірскія, оставили за собою такъ называемые псалмы, стихи и стихиры, которые поются у нихъ въ домахъ и часто на улицахъ. Употребляемые самими раскольниками стихи

¹⁾ У Іаннова (стр. 139—140) рассказывается одинъ забавный случай подобнаго рода.

можно раздѣлить на 3 рода: а) духовно-повѣствовательные старинные, напр., объ Алексѣѣ—человѣкѣ Божиѣмъ, объ убогомъ Лазарѣ, объ Іосифѣ прекрасномъ, и т. п. б) духовно-наставительные-старинные, каковы, напр., о страшномъ судѣ и будущей жизни, о страшномъ часѣ, о покаяніи и другіе и в) собственно раскольническіе, позднѣйшаго происхожденія. Изъ послѣднихъ болѣе употребительны »риемы воспоминательные о киновіарѣ Выгорѣцкаго общежителства Андреѣ Денисовичѣ«. Впрочемъ, нерѣдко и сами раскольники допускаютъ употребленіе »мірскихъ пѣсень«; это надобно сказать о молодыхъ раскольникахъ, бывающихъ на деревенскихъ праздникахъ. И въ самыхъ раскольническихъ сборникахъ пѣсень попадаются также часто произведенія свѣтской русской литературы, напр., »Боже, зри мое смиренье, зри мои плачевны дни«,—или »для того-ли свѣтомъ льститься, чтобъ умѣрить жизнь тоской«, и проч. Можно иногда услышать у нихъ и такую даже пѣсню: »звукъ унылый фортепьяно«... Только и здѣсь высказался щепетильный взглядъ раскольниковъ на вещи. Находя неприличнымъ употреблять слово: фортепьяно—потому, что въ немъ есть слово: пьяный, раскольники замѣнили его бессмысленными словами: фортъ-лѣлиный, а чтобъ не пѣть про любовь къ тирану, они поютъ: я люблю, хотя и рано.

Но сильнѣе всего, кажется, винятъ раскольники православное духовенство за то, что священники и діаконы подстригаютъ себѣ усы, а причетники, молодые въ особенности, и совсѣмъ брѣютъ свои усы и бороды ¹⁾. »Брадобритіе—это ужасный грѣхъ«, по словамъ раскольниковъ. Чтобы выставить рельефнѣе взглядъ ихъ на этотъ предметъ, мы будемъ говорить дальше ихъ собственными словами, почерпнутыми частію изъ устныхъ разговоровъ, главнымъ же образомъ изъ

¹⁾ Сборн. разн. ст. л. 57 об. ст. 7; л. 62 ст. 80.

сборниковъ. »Латыни, люторы, кальвины и прочіи мнози иноязычницы брады брѣютъ, которое брадобритіе, якоже въ ветхомъ завѣтѣ, тако и въ новой благодати есть богомерзко. Подобіѣже и нынѣшніе людіе никоніане и духовные, презрѣвши Самаго Бога и св. апостоловъ и учителей церковныхъ запрещенія и соборныя клятвы, сообразующеся латиномъ, люторомъ и кальвинамъ, такожде усы стригутъ и брады брѣютъ. Архіереи же сами нетокмо всѣмъ не запрещаютъ, но и оправдываютъ сію ересь, о чемъ у Димитрія Ростовскаго въ книзѣ »Розыскѣ« и у Платона во »Увѣщаніи« явствуется¹⁾. Ссылаясь далѣе на старопечатныя и старописанныя книги, раскольники наши говорятъ, что брадобритіе есть признакъ отступленія въ латинскую ересь, и что оно, какъ говорится въ книгахъ, впервые введено было римскимъ папою Формозомъ, во исполненіе прихоти любимой имъ женщины. Не только брить бороду, но и подстригать ее, а равно и усы, раскольники наши считаютъ тяжкимъ грѣхомъ. »При воскресеніи мертвыхъ«, говорятъ они, защищая бороду и усы, »и море, и земля, и огонь, и звѣри, и птицы отдадутъ всякую плоть человѣку и соединятся кости съ костями, и облекутся плотію, и живъ будетъ человѣкъ; но сбритые и обстриженные волосы съ броды и усовъ не отдадутся; и какъ бы ни былъ добродѣтеленъ человѣкъ, стригшій бороду, онъ до тѣхъ поръ не войдетъ въ царство небесное, пока самъ не отыщетъ своей бороды и послѣдняго волоса«.

Одинъ изъ рѣзкихъ упрековъ, который постоянно, можно сказать, дѣлаютъ наши раскольники православному духовенству,—это за употребленіе нѣкоторыми изъ духовныхъ табаку²⁾. »Жидове«, говорятъ они, »татарове поганцы, латыни, люторы, кальвины, калмыки, табакъ всяческими

¹⁾ От. на вопр. л. 86 об. и 87; Сбор. разн. ст. л. 57. об. ст. 6. ²⁾ Отв. посл. Плещееву Ѳедора; см. Раск. дѣла XVIII.—Есипова стр. 149.

чрезъестественными образы, употребляюще пѣютъ. Подобно онѣмъ и нынѣ никоніане (такъ величаютъ они, обыкновенно, православныхъ) и духовніи устами и носомъ табакъ пьютъ и во уста за щеку влагаютъ не только мужіе, но и жены* 1). Что касается самаго взгляда раскольниковъ на табакъ, то онъ довольно обрисованъ въ »сказаніи о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть травѣ табацѣ«, какое сказаніе въ большемъ уваженіи между нашими раскольниками. Вотъ что, напр., говорится въ »сказаніи« о происхожденіи табаку. Вскорѣ послѣ Рождества Христова жила »нѣкая черноризница именемъ Іезавель«. Она родила отъ блуднаго сожитія дочь, которая, впадши въ блудъ, по дѣйствию діавола еще на 12-мъ году отъ рожденія, продолжала послѣ того жизнь блудную въ теченіи 30-ти лѣтъ. Грѣхи блудницы были такъ велики, что Богъ послалъ ангела своего на землю и повелѣлъ »земли растунитися. И растунися земля на тридцать локоть, и пожре блудницу въ себя живу, сатана же въ ней, любодѣйчивый демонъ во чревѣ ея, почерпѣвъ въ ложеснахъ ея чашу полную мерзости и скверности любодѣянія ея, покропи на земли надъ трупомъ блудницы тоя и вкоренися, изведе земля быліе, травное зеліе«, которое и есть табакъ. Сначала табакъ росъ, незнаемый никѣмъ. Но потомъ, въ царствованіе какого-то языческаго царя Анепсія, чрезъ 12 лѣтъ послѣ смерти блудницы, случилось одному греческому врачу, по имени Тремикуру, искавшему въ полѣ »врачебнаго зелія«, напасть »на новораствующую траву«. Сорвавъ ее по любопытству и »обнюхавъ«, Тремикуръ увидѣлъ, что найденная имъ трава,—драгоценность. Потому что, лишь только онъ »обоня табакъ ноздрями своими«,—тотчасъ »обвесилися, яко забыти ему вся печали житейскія«. А потому

*) Отв. на вопр. л. 89. Сказаніе это вмѣстѣ съ повѣстію »О новгородскомъ бѣломъ клубкѣ« напечатано въ 1861 году.

онъ рѣшился принести табакъ домой и посадить его въ своемъ саду. Отъ Тремикура, какъ передаетъ сказаніе, табакъ перешелъ къ прочимъ Грекамъ, а отъ Грековъ въ Нѣмцы, въ Турки, и Татары, и въ Черкесы и оттуда, увы, къ намъ христіанамъ». Такова исторія, будтобы, происхожденія табаку. Впрочемъ, это не единственная легенда о табакѣ, хранящаяся у нашихъ раскольниковъ. Есть еще раскольническій сборникъ, гдѣ о происхожденіи табаку говорится иначе. — »Табакъ де явился не въ Греціи, а у насъ въ Россіи«. Онъ выросъ изъ трупа дѣвицы—блудницы, брошеннаго по смерти ея въ ровъ. Дѣвица эта, будтобы, »родилась въ Вильнѣ и жила въ 17 столѣтіи«. Послѣ такихъ басней о табакѣ, которымъ вѣрятъ наши раскольники, становятся понятными выраженія ихъ, сложившіяся въ пословицу, въ родѣ слѣдующихъ: »кто табакъ курить, тотъ Св. Духа изъ себя турить (изгоняетъ), а кто нюхаетъ табаки, тотъ хуже собаки«. Папиросы, по словамъ нашихъ раскольниковъ, »антихристова свѣча, горѣть не горитъ, адскимъ пламенемъ тлѣетъ и табакомъ пахнетъ«. Что же касается грѣха, какой, по мнѣнію раскольниковъ, принимаютъ сами на себя употребляющіе табакъ, то съ тяжестью его едвали можетъ равняться другое какое либо преступленіе. По словамъ »сказанія«, они »Богу враги, а діаволу друзья въ животѣхъ своихъ, колыми паче по смерти«. Темное мѣсто до суда и смрадная сѣра горящая по судѣ—вотъ что ждетъ всѣхъ употребляющихъ табакъ. Понятно послѣ этого, съ какимъ отвращеніемъ смотрятъ, особенно закоренѣлые старики, раскольники на всѣхъ православныхъ, въ особенности еще на духовныхъ пастырей, такъ или иначе употребляющихъ табакъ ¹⁾).

Кромѣ табаку, раскольники сильно вооружаются еще

¹⁾ Отв. Ѳздора посл. Плещееву; см. Раск. дѣла XVIII—Есипова стр. 149.

противъ употребленія чая, кофе и сахара, какъ всеѣми православными, такъ въ особенности духовными лицами, должныствующими быть учителями благочестія и примѣромъ доброй жизни. Основаніемъ въ этомъ случаѣ для нихъ служить одна распространенная раскольническая рукопись. »Въ царство антихристово«, такъ читается въ ней, »многіе отъ христіанъ како въ градѣхъ, тако и въ селѣхъ возлюбятъ ненасытное лакомство, безмѣрное питіе сіе отъ травы листвіе идоложертвенное, кропленное змѣинымъ жиромъ, изшедшее отъ еллинъ, которые зелію покланяются вмѣсто Бога, отъ китаянъ будетъ покупаемое измѣномъ на товары для оскверненія христіанъ и вся сія будутъ по дѣйству антихристову, во славу его«. Это рѣчь о чаѣ. А вотъ и о сахарѣ: »еще въ оному будетъ составлена сладость отъ песка и костей мертвящихъ, бывшихъ нечистыхъ и кровей свотскихъ на оскверненіе. Дабы никто не избѣжалъ отъ руки его (антихриста) и будутъ піюще утру и вечеру и полудне, и тѣмъ честь дѣюще и не вмѣняюще въ грѣхъ, и за то многія снидутъ во адъ съ прельстившими ихъ, и аще кто въ то время сохранить себя отъ всеѣхъ соблазновъ, вѣдающе первыхъ мучениковъ обрящется« ¹⁾. Въ другомъ раскольническомъ сочиненіи встрѣчаются такого рода афоризмы касательно разсматриваемаго предмета: »аще кто піеть чай, будетъ отчаянъ отъ Бога; аще кто кофей піеть, въ томъ человекъ будетъ кофъ лукавый и не будетъ благодати Божія и отпадетъ десятикратно анаѣмою« ²⁾. Есть, наконецъ, и другія изреченія, на ту же тему, въ родѣ слѣдующихъ: »кто кофей пьетъ, того громъ бьетъ«, и под. О происхожденіи кофе раскольники говорятъ, что онъ родился въ аду и былъ первоначально изжаренъ на адскомъ огнѣ,

¹⁾ Рукопись расколн. си. Дух. хр. 1860—61 февр. стр. 421—422. ²⁾ Опис. Алек. Б. ч. II, стр. 338

и что бѣсъ принесъ его на землю на пагубу людей и научилъ ихъ готовить его. Нужно, впрочемъ, сознаться, что въ послѣдніе годы многіе изъ нашихъ раскольниковъ, болѣе другихъ либеральные и особенно богатые, стали пить чай (кофе же нигдѣ не употребляютъ они ни подъ какимъ видомъ). Только, разумѣется, болѣе это нужно сказать о молодыхъ расколникахъ,—и тѣ притомъ пьютъ чай въ постные дни непременно съ медомъ, а не съ сахаромъ, который считается скоромнымъ,—потому что въ него идутъ (для фильтра) кости и кладутъ бычачью кровь.

Обвиняютъ еще раскольники православное духовенство въ самомъ грубомъ пороѣ,—это въ пьянствѣ. »Не только сами духовныя лица«, говорятъ они, »облеченныя саномъ, но и жены ихъ—попадья, напр., пѣницы«¹⁾). Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе, на сколько это тяжелое обвиненіе раскольниковъ нашихъ справедливо,—а обратимъ лучше вниманіе, для характеристики раскола, на то, какъ сами раскольники смотрятъ на водку—этотъ, надобно замѣтить, искони любимѣйшій напитокъ русскаго человѣка. Водка, по словамъ раскольниковъ, это ни больше, ни меньше, какъ »питье отъ бѣса сотворенное«. Въ раскольниковыхъ сборникахъ находится довольно любопытное сказаніе объ этомъ предметѣ²⁾). По этому раскольническому сказанію, вино (водка) явилось на свѣтъ такимъ образомъ. Когда, по вознесеніи Господнемъ, стала повсюду распространяться христіанская вѣра, дьяволъ, завидуя успѣхамъ Евангелія, собралъ бѣсовъ на совѣтъ, каковы уловити и погубити родъ человѣческій пьянствомъ, наипаче вѣрныхъ христіанъ. Тогда одинъ бѣсъ, болѣе другихъ умный, объявилъ господину своему сатанѣ, что онъ знаетъ средство »сотворити горелко—пѣнное вино« и указалъ при этомъ на траву,

¹⁾ Сборн. разн. ст. л. 62 об. ²⁾ Опис. Алекс. Б. »видѣніе о хмѣльномъ«.

которою онъ прельстилъ еще Ноеву жену и которая растеть на араратскихъ горахъ. Получивъ за это отъ діавола »хвалу и честь великую« и имя: »пьяный бѣсъ«, —проказникъ пошелъ странствовать по бѣлому свѣту, съ цѣлію найти чело-
вѣка, который бы согласился воспользоваться его секретомъ. Идя разъ по Палестинѣ, »пьяный бѣсъ« встрѣтилъ одного бѣднаго чело-
вѣка, скитавшагося изъ города въ городъ для милостыни, и предложилъ ему, какъ средство разбогатѣть, искусство готовить »піяное вино«. Бѣднякъ согласился. И вотъ бѣсъ, »побѣжавъ« съ быстротою, свой-
ственною чортѣ, на араратскія горы, взявъ тамъ »траву, еже есть хмѣль« и возвратившись съ нею на мѣсто встрѣ-
чи съ бѣднякомъ, сталъ учить его—»какъ растити солодъ и варити брагу, дондеже вскипитъ. И уготоваша оба вмѣ-
стѣ горнъ и горни и поставиша кубы и налиша браги, на-
крыша горшками и тѣстомъ замазаша съ трубами и сквозь
кади пропустиша, и налиша кади воды и положиша огня и
начаша варити, и поиде сквозь кади трубами, яко нѣкая
премудрость, и на умъ чело-вѣкомъ не изыдетъ, тако уму-
дри бѣсъ на погибель чело-вѣкомъ, наипаче же православ-
нымъ христіаномъ«. Наливъ приготовленнаго такимъ обра-
зомъ питья въ сосудъ, бѣсъ посоветовалъ бѣдняку отнести
его къ царю (неизвѣстно только—къ какому), который, ис-
пытавъ удовольствіе отъ »пьянаго вина«, надѣлилъ бѣднаго
щедро и, сдѣлавъ его »первымъ въ палатѣ«, приказалъ но-
вому вельможѣ заниматься приготовленіемъ »пьянаго вина«. Отсюда вино распространилось »въ Цыцарію и въ Литву и
по всѣмъ царствамъ и странамъ, и потомъ же на кончину
вѣка сего и къ намъ приде въ русскую землю, на погибель
душамъ христіанскимъ и на вѣчную муку« ¹⁾). Впрочемъ,
надобно замѣтить, раскольники болѣе вооружаются противъ

¹⁾ Опис. ч. II, стр. 338—340.

водки на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Многіе изъ нихъ на словахъ проповѣдуютъ, что пить вино смертный грѣхъ,—а между тѣмъ сами съ охотою выпиваютъ полные стаканы, высасывая съ усовъ своихъ росу пріятную губами, приговаривая: »полезная вещь! стомаха ради, грѣшный человѣкъ, выпиваю, яко же глаголетъ св. Павелъ, единую красовуюлю«. Но во всякомъ случаѣ нельзя не сознаться, что раскольники у насъ отличаются большею трезвостію, чѣмъ вообще православные. Этимъ, между прочимъ, и объясняется то, замѣтное для всякаго явленіе, что раскольники у насъ вездѣ несравненно богаче, чѣмъ православные. Раскольники сами-то объясняютъ это видимымъ надъ собою благословеніемъ Божиимъ за »старую, истинную вѣру«, а на бѣдность православныхъ указываютъ, какъ на доказательство явнаго гнѣва Божія за отступничество ихъ отъ правой вѣры. Но истинная причина указаннаго явленія заключается, между прочимъ, въ томъ, что-тогда какъ православный несетъ въ кабахъ часто послѣднюю копѣйку—и съ горя, и съ радости, у раскольниковъ дней подобнаго разгула или совсѣмъ не бываетъ, или они бываютъ очень рѣдки. Раскольническіе же помы, или такъ называемые »наставники«, у еедосѣвцевъ, напр., считаютъ для себя послѣднимъ—самымъ ужаснымъ грѣхомъ и прикоснуться губами къ водкѣ, не только что выпить; между тѣмъ у православнаго духовенства, надобно сознаться, подобнаго похвальнаго самоотверженія—во все не видно, или, по крайней мѣрѣ, очень мало видно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

~~~~~

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ.

ЧТЕНІЕ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(Продолженіе ¹).

Усвоая дѣтямъ пониманіе письменнаго, или общеобразованнаго, языка изящное чтеніе въ тоже время вознаграждаетъ ихъ неспособность пользоваться надлежащимъ образомъ грамотой. Отъ претендующаго на изящное чтеніе требуется, чтобы онъ, вопреки дѣтямъ, смотрѣлъ на книгу какъ на сокровищницу мыслей, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ читать и между строками, т. е. понималъ бы и открытый, и сокровенный смыслъ, причемъ, не тратя своего вниманія на форму или на письменные знаки словъ, владѣлъ бы искусствомъ выражать богатство содержанія измѣненіями своего голоса и даже жестами. Такъ въ изящномъ чтеніи содержаніе должно воспроизводиться во всей цѣлости и полнотѣ, раскрываться предъ слушателемъ въ видѣ стройномъ и гармоничномъ, какъ бы на картинѣ или въ самомъ дѣйствіи. Вотъ отъ чего, собственно, важно изящное чтеніе въ дѣлѣ развитія дѣтей! Тутъ не чтеніе, тутъ сама жизнь проходитъ предъ ними,—жизнь разнообразная и назидательная, полная стремленій и интересовъ, осмысленныхъ, прочувствованныхъ. Отсюда понятно въ высшей степени вліяніе изящнаго чтенія и на языкъ дѣтей: насъ учитъ языку жизнь: не книга, а прежде всего языкъ, живое употребленіе языка знакомитъ и осваиваетъ насъ съ значеніемъ cadaго слова, cadaго звука роднаго во всей его глубинѣ и разнообразіи; не по книгѣ, а по практикѣ мы привыкаемъ отличать правильное и художественное построеніе рѣчи отъ неправильнаго, несогласнаго съ духомъ языка и искусственнаго, неаппаго; однимъ словомъ—одна жизнь развиваетъ въ насъ *чувство языка*. Слѣдовательно, подъ вліяніемъ изящнаго чтенія пріобрѣтають дѣти чувство языка—сила, которой ничто не замѣнитъ въ дѣлѣ усвоенія родной образованной рѣчи. Весь секретъ въ томъ, что изящное чтеніе, или, другими словами, литературное сочиненіе, воспроизводимое въ живомъ словѣ че-

дѣтей съ языкомъ, съ этимъ прекраснымъ плодомъ народнаго творчества, раскусите, такъ сказать, для нихъ этотъ плодъ и дадите имъ на вкусъ,—вы можете быть увѣрены, что этимъ, и только однимъ этимъ, вы разовьете въ нихъ вкусъ къ языку, или то чувство языка, безъ котораго нельзя понимать вполне письменной русской рѣчи, нельзя постигать ни красотъ, ни безобразій въ словѣ, и которое непрерывно бдитъ надъ правильностью вашей рѣчи и не даетъ ей уклоняться отъ свойственныхъ ей движеній и проявленій. А сухимъ, отвлеченнымъ анализомъ языка, какому подвергаетъ его, напр., грамматика, языкъ нельзя усвоить дѣтямъ, какъ уже и было сказано выше.

Въ частности, общеобразованный, *настоящій* родной языкъ воспроизводится въ изящномъ чтеніи слѣдующимъ образомъ. Произнося одно слово спокойно и тихо, другое громко и съ одушевленіемъ, выражая одно понятіе, или только оттѣнокъ его, рѣзкимъ жестомъ, другое воспроизводя соответственнымъ движеніемъ въ голосѣ, хорошій чтець всѣмъ этимъ даетъ чувствовать, такъ сказать, самую натуру языка, разоблачаетъ и взвѣшиваетъ составъ и содержаніе языка самымъ дѣломъ и въ глазахъ дѣтей. После этого они не затруднятся въ томъ, напр., какъ опредѣлить и произнести въ рѣчи каждое слово, чтобы главная мысль цѣльнѣе сказалась вамъ и сильнѣе отозвалась въ вашемъ представленіи. Наслушавшись изящнаго чтенія и подъ вліяніемъ чувства языка, дѣти поймутъ, что нельзя говорить и читать, безъ измѣненій въ голосѣ, какъ отдѣльные слова, такъ и цѣлыя предложенія, потому что, судя по важности словъ въ предложеніи, по внутренней связи между предложеніями, одно нужно произнести тономъ высокимъ, другое тономъ низкимъ, одно проговорить скоро, другое, напротивъ, необходимо растянуть. Даже по внушенію чувства языка, усвояемаго посредствомъ изящнаго чтенія, дѣти приучатся

художественно выражать въ голосѣ подражаніе тѣмъ предметамъ, о которыхъ будутъ говорить или читать, т. е. самымъ произношеніемъ названій предметовъ будутъ давать понять слѣшателю, каковы эти предметы: слова, относящіеся къ предметамъ маленькимъ и нѣжнымъ, станутъ произносить нѣжно и чуть слышно, тогда какъ о предметахъ громадныхъ и страшныхъ приучатся говорить не иначе, какъ тономъ высокимъ или низкимъ, грубымъ или торжественно-важнымъ, спокойно-снисходительнымъ или дерзко-угрожающимъ. Изыщное чтеніе, видите ли, должно дать дѣтямъ понять, что характеръ предметовъ, то или другое свойство и качество ихъ, выражается и можетъ быть выражено въ самихъ ихъ названіяхъ; сюда особенно относятся, такъ называемыя, *слова звукоподражательныя*. Однимъ словомъ, подъ руководствомъ изыщнаго чтенія и по чувству языка, дѣти приучаются говорить краснорѣчиво, изыщно, — слова становятся для нихъ не условными знаками предметовъ, а дѣйствительными выраженіями ихъ, такъ что съ названіемъ предмета у нихъ рисуется въ представленіи и образъ его. Но едвали нужно доказывать, какъ все это, посвящая дѣтей въ тайинства языка, на которомъ мыслятъ и объясняются лучшіе и образованнѣйшіе люди нашей націи, развиваетъ ихъ. Въ книгѣ, на которую дѣти дотолѣ смотрѣли, какъ на мертвую и бездушную бумагу, теперь открывается для нихъ сокровищница ума и знанія, живой органъ думъ, страстей и интересовъ человѣческихъ. На изыщномъ чтеніи пробуждается въ дѣтяхъ самая страстная любовь къ книгѣ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ уже можно судить по вышесказанному, даетъ имъ *умѣнье читать*.

Не нужно, впрочемъ, думать, чтобы изыщное чтеніе ужъ требовало слишкомъ многого отъ тѣхъ, кто бы вздумалъ развивать посредствомъ него своихъ малютокъ. Конечно, для этого необходимо въ извѣстной степени умствен-

ное развитіе; наши причетники, которые, по своему немѣнью читать вошли въ пословицу, не въ состояніи брать на себя искусства изящнаго чтенія. Но вообще сельскому духовенству нельзя отказать въ способности читать болѣе или менѣе изящно. Тѣмъ прискорбнѣе сознаться, что къ дѣтямъ его, до поступленія ихъ въ училище, не прилагается и это средство умственного и словеснаго развитія; а немѣнѣемъ книгъ опять нельзя оправдываться...

Пишущему доводилось занимать чтеніемъ дѣтей, какъ грамотныхъ, такъ и неграмотныхъ. И что же? Лишь только вы выражаете намѣреніе почитать имъ, они стремятся къ вамъ, какъ на пиръ, или лучше—какъ на самую занимательную для нихъ забаву: всѣ игры, всѣ бездѣлушки прочь; на перебой протягиваютъ они къ вамъ рученки съ книжками, у кого книжки есть,—лзнуть къ вамъ и тѣснятся, какъ пчелы около улья. Дѣти чуютъ, что книга въ вашихъ рукахъ мгновенно *претворится*, перестанетъ быть той скучной, мертвой вещью, какова она у нихъ,—чуютъ, что она у васъ заговоритъ и запоетъ—что угодно, и глазки ихъ разгараются, мысли сосредоточиваются, все вниманіе ихъ поглощается вами. Куда дѣвалась подвижность, шаловливость ихъ натуры,—они всѣ обращаются въ слухъ. И вы видите, какъ имъ хорошо, какого счастія они ждутъ себѣ отъ вашего чтенія. Дѣйствительно, вы доставляете дѣтямъ счастіе изящнымъ чтеніемъ, вы чаруете ихъ. Съ каждымъ словомъ, съ каждымъ звукомъ вашего голоса, они все болѣе и болѣе вслушиваются въ вашу рѣчь и, наконецъ, совершенно забываются. Помнится, разъ намъ пришлось читать дѣтямъ довольно долго. Когда мы хотѣли кончить и дать отдохнуть своимъ маленькимъ слушателямъ, то, сверхъ нашего чаянія, услышали со всѣхъ сторонъ умоляющіе голоса: »читайте! читайте!« Говоримъ: »пора обѣдать—ѣсть хотите«;—»ничего, говорятъ, еще немножко«. »А играть?«—»И играть не хотимъ!«

Для того, чтобы вліяніе изящнаго чтенія на развитіе и на языкъ дѣтей было полное, педагогія совѣтуетъ заставлять дѣтей повторять прочитанное имъ. Нѣтъ нужды, если дѣти затруднятся пересказать содержаніе прочитаннаго подлинными словами; можно даже требовать отъ нихъ замѣны подлинныхъ выраженій своими собственными, чтобы доводить дѣтей такимъ образомъ до яснаго и отчетливаго пониманія содержанія прочитанной статейки. Съ этой же цѣлію рекомендуютъ дѣлать дѣтямъ вопросы, имѣющіе отношеніе къ прочитанному: если дѣти незатрудняются отвѣчать, значитъ—они поняли содержаніе прочитаннаго, въ противномъ случаѣ, надо думать, что многія слова остались непонятными для дѣтей, — если только отвѣты требуемые даются прямымъ смысломъ прочитаннаго, а не выводятся изъ него посредствомъ отдаленныхъ соображеній и посылкъ. Въ этомъ случаѣ, непонятныя слова непременно нужно объяснять дѣтямъ, а къ отвѣтамъ, не прямо вытекающимъ изъ чтенія, готовить ихъ путемъ посредствующихъ объясненій и выводовъ. Такіе объясненія и вопросы имѣютъ еще то значеніе, что предоставляютъ дѣтямъ работу для мышленія и приучаютъ ихъ къ логикѣ. Главное же вниманіе воспитателя должно останавливаться, при повтореніи дѣтями прочитаннаго, на томъ, чтобы они умѣли опредѣлять главный предметъ, къ которому такъ или иначе относятся всѣ прочія мысли сочиненія, и чтобы, при разсказѣ своемъ, наблюдали строгій логическій порядокъ и давали понять внутреннюю связь между мыслями. Все это, конечно, трудно выполнить дѣтямъ, особенно если статья прочитана имъ одинъ разъ; но это обстоятельство доказываетъ только то, что въ случаѣ затрудненія дѣтей воспроизвести прочитанное, нужно прочесть имъ въ другой и въ третій разъ. Повторительное чтеніе удовлетворяетъ и другому требованію педагогики, вслѣдствіе котораго заставляютъ дѣтей заучивать образцы

словесныхъ произведеній наизусть. Въ самомъ дѣлѣ, когда статья прочитывается дѣтямъ нѣсколько разъ, она усваивается ими почти съ буквальною точностію. Во всякомъ случаѣ, послѣ неоднократнаго прочтенія статьи, дѣтямъ стоитъ только пробѣжать слышанное по книжкѣ, чтобы знать содержаніе въ совершенствѣ.

Понимаемое въ этомъ смыслѣ заучиванье наизусть не есть такъ называемое зубреніе. Безполезно, даже вредно для умственнаго развитія дѣтей пассивное, жалкое и бессмысленное заучиванье наизусть, заучиванье, въ которомъ умъ и прочія силы души не принимаютъ никакого участія, а работаютъ только языкъ и *зубы*—вотъ то *зубреніе*, противъ котораго слѣдуетъ вооружаться всѣми мѣрами. Но какая же связь можетъ быть между такимъ убійственнымъ для душевной самодѣятельности заучиваньемъ наизусть и тѣмъ свѣтлымъ, глубоко-сознательнымъ актомъ душевной дѣятельности, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стоитъ усвоеніе смысла, или содержаніе словеснаго произведенія, а форма цѣнится только по ея отношенію къ этому содержанію и заучивается на томъ законномъ основаніи, что дѣти неспособны замѣнить ее своею собственною и, для развитія въ себѣ способности слова, нуждаются въ практикѣ для своего языка и въ готовыхъ образцахъ роднаго слова.

По этому заучиванье наизусть имѣетъ огромное значеніе для дѣтей и въ томъ случаѣ, когда они, повидимому, не нуждаются въ предварительномъ чтеніи для нихъ данной статьи, достаточно овладѣли письменнымъ языкомъ и читаютъ съ понятіемъ. Впрочемъ, лучше совѣтуютъ и для такихъ дѣтей впередъ прочитывать то, что имъ предлагается заучить наизусть, и прочитывать опять—таки не одинъ разъ, а два и три: со слуха, при хорошемъ чтеніи, имъ гораздо легче усвоить содержаніе,—оно ложится въ сознаніе глубже и дѣйствуетъ на душу цѣльнѣе и гармоничнѣе, такъ что при

собственнымъ чтеніи дѣти будутъ уже имѣть дѣло съ вещами знакомыми, которыя, по своей интересности, не дадутъ ихъ вниманію уклониться въ сторону или остановиться на процессѣ чтенія... Далѣе, при заучиваніи, дѣти всматриваются въ правописаніе словъ и такимъ образомъ подготавливаются къ изученію грамматики. Это очень важно. Конечно, если не заставлять дѣтей всматриваться, при заучиваніи, въ правописаніе и пунктуацию, не требовать умѣнья написать то или другое слово изъ заученнаго, то заучиванье не принесетъ означенной пользы дѣтямъ относительно языка. Такимъ образомъ въ актѣ заучиванья предполагаются письменныя упражненія дѣтей, упражненія, которыя, вопреки стариннымъ обычаямъ, уже не отдѣляютъ въ настоящее время отъ обученія грамотѣ.

Приводить здѣсь педагогическія соображенія, на основаніи которыхъ признано нынѣ необходимымъ учить дѣтей вмѣстѣ и чтенію, и письму, мы не будемъ; но нельзя не поставить на видъ того страннаго обстоятельства, что въ средѣ сельскаго духовенства письменнымъ упражненіямъ дѣтей почти не придають другаго значенія, кромѣ того, какое принадлежитъ умѣнью держать перо и выводить буквы. Правда, при письменныхъ упражненіяхъ можно научиться и каллиграфіи, но задача письменныхъ упражненій—не каллиграфія, не механическое умѣнье владѣть перомъ, а умственное развитіе дѣтей, или, собственно говоря, внимательное усвоеніе роднаго языка, такъ связанное съ умственнымъ развитіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дитя учится читать, педагогія совѣтуетъ заставлять его вдумываться и записывать: какой главный предметъ прочитанной или заученной имъ статьи, что объ немъ говорится, въ какомъ порядкѣ идетъ рассказъ; однимъ словомъ, дитя должно дѣлать письменные анализы, хотя бы самые короткіе, заученнаго или прочитаннаго изъ книги. Трудно? Пожалуй; за то полезно: отъ механической же работы нельзя ждать никакой пользы. Впрочемъ, нахо-

дять возможнымъ требовать отъ дѣтей еще большаго—заставляютъ ихъ излагать на бумагѣ и собственныя ихъ мысли или впечатлѣнія. Такъ дѣти обязываются, по данному случаю, написать кому нибудь записку; на бумагѣ чего нибудь попросить у папаши или мамашы, на бумагѣ же показать различіе между двумя данными предметами, и т. д. Работа, дѣйствительно, для дѣтей головоломная; но опять—развѣ не по силамъ она имъ? А это заманчивое для нихъ поле самостоятельности, открывающееся при означенной работѣ?—это чувство свободы и разумной самостоятельности, которымъ наслаждаются дѣти во время данной работы?—развѣ все это не развиваетъ ихъ способностей и не облегчаетъ для нихъ означеннаго труда? Да, наконецъ, если бы дѣти дѣйствительно обременялись указаннымъ трудомъ,—развѣ на этомъ основаніи слѣдуетъ непременно освобождать ихъ отъ подобныхъ умственныхъ занятій?!

Вообще умственный трудъ для дѣтей насколько полезенъ, настолько же необходимъ. Разумные отцы и воспитатели стараются указывать дѣтямъ, для развитія ихъ тѣлесныхъ силъ, то или другое механическое упражненіе, ту или другую матеріальную работу; но вѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе ихъ мысль, обыкновенно, занята бываетъ назначеніемъ для дѣтей какого нибудь нематеріальнаго, умственнаго занятія, которое бы вызвало изъ дремоты ихъ душевныя силы и доставило бы послѣднимъ болѣе или менѣе серьезную практику. И замѣчательно,—физическія занятія почти не утомляютъ дѣтей: среди разсматриваній предметовъ природы и искусства, бѣганья по полямъ и лугамъ, ломанья и стройки игрушекъ, наконецъ, среди разныхъ мелкихъ хлопотъ и трудовъ около дома, дѣти почти не знаютъ усталости,—они даже сами напрашиваются на механическія занятія; между тѣмъ къ умственнымъ занятіямъ, обыкновенно, приходится ихъ располагать. Опытъ доказываетъ даже, что чѣмъ больше у дѣ-

тей прошло времени за механическими занятіями, тѣмъ труднѣе расположить ихъ къ труду духовному, такъ что можно прійти къ слѣдующему положенію: >чѣмъ раньше дѣтей заставляютъ мыслить и разсуждать, тѣмъ способнѣе дѣлаются они для школы и умственного образованія: напротивъ, чѣмъ больше дитя провело времени въ матеріальныхъ играхъ и занятіяхъ, по такъ называемому хозяйству, тѣмъ апатичнѣе и неспособнѣе къ упражненіямъ умственнымъ». Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что чѣмъ раньше дѣтямъ представится поводъ и побужденіе къ умственнымъ занятіямъ, тѣмъ лучше. Но располагая и понуждая дѣтей къ умственной работѣ, нужно помнить, что дѣти, особенно на первыхъ порахъ, очень скоро утомляются за умственными занятіями, — начинаютъ зѣвать, скучать, страдаютъ отъ прилива крови къ лицу, головѣ, и т. д. Все это, конечно, объясняется несовмѣстимостью, или противодѣйствіемъ умственныхъ занятій свободной дѣятельности виѣшнихъ чувствъ, которыми живутъ дѣти, а равно и свойственною дѣтямъ потребностію тѣлесныхъ движеній, которую необходимо должны они ограничивать за умственными занятіями; сосредоточеніе вниманія препятствуетъ и приливу, и воспріятію новыхъ впечатлѣній, и сдержанная фантазія, или воспрепятствованная игра чувствъ причиняетъ такіа же мученія дѣтямъ, какъ и стѣсненіе необходимыхъ для нихъ мускульныхъ движеній, обуславливающихъ развитіе тѣлесныхъ органовъ. Стало быть, къ умственнымъ занятіямъ нельзя понуждать дѣтей, не соображаясь съ ихъ естественными слабостями и потребностями, тѣмъ болѣе, что и эти потребности, какъ напримѣръ, жажда новыхъ впечатлѣній, тѣлесная подвижность и неусидчивость, имѣютъ громадное значеніе въ дѣлѣ воспитанія, и не могутъ быть оставляемы безъ удовлетворенія, въ виду правильнаго и гармоническаго развитія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ дѣтей. Все это значить не болѣе и не менѣе,

какъ то, что къ умственнымъ трудамъ слѣдуетъ приучать или принуждать дѣтей съ соблюденіемъ строго обдуманной постепенности. Упражняя дѣтскій умъ сначала во время самыхъ игръ и развлеченій, такъ чтобы дѣти (около шестилѣтняго возраста) не отличали своихъ умственныхъ занятій, среди своего обыкновеннаго время препровожденія, отцы и воспитатели обязаны затѣмъ и прямо выдѣлить клонящіяся къ умственному развитію занятія изъ круга дѣтскихъ забавъ и шалостей, и еслибы дѣти обнаружили нежеланіе отдаться умственному труду, то стѣсниться этимъ воспитателю не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что слабая снисходительность, излишняя нѣжность къ нимъ со стороны родителей, какъ доказано опытомъ, роняетъ послѣднихъ въ глазахъ самихъ дѣтей, которыя перестаютъ ихъ за то уважать, внутренне, а пожалуй и открыто, смѣются надъ ними. Напротивъ, для дѣтей восьми или девяти лѣтъ умѣстно, даже необходимо, и прямое *понуужденіе* къ умственному труду. Но въ чемъ должно состоять это понужденіе? Во всемъ, кромѣ такъ называемыхъ физическихъ мѣръ, которыя должны быть примѣняемы только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ и употребляемы съ строгою разборчивостію. Главное понужденіе къ занятію—это убѣдительное внушеніе дѣтямъ уваженія къ труду, внушеніе необходимости учиться, потому что безъ этого *нельзя*, того требуетъ *долгъ*, *обязанность*. И когда вамъ удастся въ этомъ убѣдить дѣтей, въ нихъ произойдетъ громадная перемѣна: они будутъ чувствовать побужденіе къ умственнымъ занятіямъ внутри себя самихъ, будутъ стыдиться своей лѣности, вслѣдствіе чего сначала какъ бы волей-неволей, съ нѣкоторымъ напряженіемъ, а потомъ и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ будутъ браться за умственный трудъ,—однимъ словомъ, въ нихъ разовьется рѣшимость и привычка къ ученью. Само собой понятно, что примѣръ окружающей среды, отца, матери, братьевъ и пр., очень содѣйствуютъ укрѣпленію въ дѣтяхъ означенной рѣшимости и привычки. Наглядность—лучшій учитель для дѣтей. Ученники—дѣти замѣчаютъ, насколько все вокругъ нихъ дорожатъ своими обязанностями, своимъ долгомъ; и если около нихъ, дѣйствительно, царствуетъ строгій порядокъ и уваженіе къ труду, или всеми правильно и экономически расходуется время, если, наконецъ, не имъ однимъ приходится возиться съ книжками, томиться за чтеніемъ, писаньемъ,

и вообще вкушать *горькій корень ученя*, а и другіе, ихъ семейные, занимаются и дорожатъ книгами, и такимъ образомъ даютъ видѣть на себѣ, какъ *сладокъ плодъ* науки и просвѣщенія: въ такомъ случаѣ и дѣти привыкають подчиняться требованіямъ общепринятаго правила и не будутъ уклоняться отъ указываемыхъ имъ занятій умственныхъ. Наконецъ, для дѣтей, уже вышедшихъ изъ перваго младенчества, и значить, довольно обогатившихъ себя впечатлѣніями опыта, часто бываетъ нужно ограничивать кругъ доступныхъ имъ развлеченій, если хотимъ, чтобы результаты ихъ умственныхъ занятій достигали настоящей полноты и совершенства: въ разнообразіи развлекающихъ впечатлѣній, въ увлекательныхъ играхъ и забавахъ, даже въ привязанности къ мелкимъ, хотя бы и полезнымъ, занятіямъ по дому, хозяйству, и пр., часто скрывается главная причина нерасположенности дѣтей къ умственному труду и тупости ихъ въ умственномъ отношеніи.

Вотъ основанія и способы для пріученія дѣтей къ умственному труду, и слѣдовательно, къ чтенію и слушанію книгъ, къ заучиванію читаемаго и къ вышепоказаннымъ письменнымъ упражненіямъ. Книга остается, во всякомъ случаѣ, главнымъ средствомъ для упражненія дѣтей въ умственномъ трудѣ. При показанной нерасположенности дѣтей къ умственнымъ занятіямъ, при преобладающей въ нихъ дѣятельности чувствъ и зависимости дѣтей отъ вѣшнихъ впечатлѣній, наконецъ, при необходимости держаться въ умственныхъ занятіяхъ съ дѣтьми строгой постепенности, — становится понятнымъ, какую разборчивость и осмотрительность нужно имѣть при выборѣ для дѣтей книгъ. Нельзя давать дѣтямъ читать или заучивать то, чѣмъ они не могутъ интересоваться или что выше ихъ пониманія. Содержаніе дѣтскихъ книгъ должно отличаться наглядностью, слогъ — простотой. Впрочемъ, для большей ясности дѣла, мы считаемъ нужнымъ рассмотреть подробнѣе характеръ пригодныхъ для дѣтскаго чтенія книгъ, равно какъ указать крайнюю недостаточность той письменности, какая, большею частью, держится до сихъ поръ въ обществѣ, особенно среди сельскаго духовенства, для дѣтскаго чтенія.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ достав- **№ 30.** редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1869 года. Іюля 27-го.

Содержаніе: Экзегетическія замѣтки для пастырей-проповѣдниковъ. — Упреки и обвиненія православнаго духовенства расколышниками. — Реформы въ быту духовенства.

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ДЛЯ ПАСТЫРЕЙ-ПРОПОВѢДНИКОВЪ.

Какъ бы ни былъ всесторонне образованъ пастырь Церкви, какимъ бы практическимъ знаніемъ ни обладалъ онъ, сколько бы ни было у него умѣнья всегда найтись въ данномъ случаѣ,—тѣмъ не менѣе онъ не всегда можетъ положиться на свое образованіе, свои знанія, свою практичность. Нерѣдко и самому образцовому пастырю приходится обращаться за совѣтами, справками и т. п. Но кто же можетъ быть ему ближайшимъ и надежнѣйшимъ совѣтникомъ, что можетъ быть вѣрнѣйшимъ мѣстомъ для справокъ, какъ не подручная ему *пастырская, или священническая его библіотека?* »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ продолженіе десятилѣтняго своего существованія, представившее столько статей, не ограничивающихся однимъ временнымъ значеніемъ и имѣющихъ для пастыря, въ собственномъ смыслѣ, *руководительное* значеніе, по заявленію постоянныхъ читателей его, полнымъ своимъ изданіемъ за всѣ годы сво-

его существованія, служить уже такою справочною священническою библіотекою. Въ большинствѣ случаевъ, пастыри въ »Руководствѣ« могутъ найти нужныя для себя справки по дѣламъ священнослуженія, проповѣдничества, пастырства и т. п. Соотвѣтственно такому значенію журнала, въ немъ, иногда въ теченіи года, помѣщается полный и систематическій рядъ статей по тому или другому отдѣлу той или другой церковно-богословской науки, преимущественно въ приложеніи къ потребностямъ пастырства. Такъ въ текущемъ году начать и продолжается рядъ статей по »Практическому руководству для пастырей«. Съ такимъ же намѣреніемъ мы начинаемъ теперь рядъ статей, представляющихъ краткое послѣдовательное объясненіе посланія св. ап. Павла къ Евреямъ. При встрѣтившейся надобности—объяснить извѣстный текстъ для себя или для другихъ, пастырь въ этихъ статьяхъ найдетъ для себя основаніе къ должному уразумѣнію и толкованію посланія къ Евреямъ, *не имѣющаго себѣ комментарія ни въ русской, ни въ славянской нашей богословской литературѣ*, но, по догматической своей важности, имѣющаго особенное значеніе и во многихъ отношеніяхъ требующаго толкованія.

Пособіе къ изъясненію и разумѣнію посланія св. апостола Павла къ Евреямъ.

ПЕРВАЯ, ДОГМАТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

(1, 1—10, 18).

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Христосъ, Ходатай новаго завета, превъше ангеловъ и Моисея (1, 1—4, 13).

1) Превосходство Христа надъ ангелами.

1, 1—2, 4.

Въ первыхъ трехъ стихахъ посланія апостолъ въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ представляетъ на видѣ

читателю главную тему всего посланія, *превосходство новаго завета предъ ветхимъ*: прежнія откровения божественныя въ ветхомъ заветѣ появлялись на подобіе молніи, горизонтъ на мгновенье освѣщался, и затѣмъ снова становилась всеобщая тьма; во Христѣ же, Сынѣ Божіемъ, Которымъ Богъ создалъ міръ и сохраняетъ его, явилось намъ сіяніе славы, образъ существа Самаго Бога, возшло для насъ какъ бы *солнце истины*, прогоняющее всякую тьму. Затѣмъ, отъ 4—14 стиха, доказывается текстами изъ ветхаго завета превосходство Христа надъ ангелами, и потомъ, въ гл. 2, 1—4, присоединяется увѣщаніе къ твердости въ вѣрѣ.

Ст. 1 и дал.: *Многочастны и многообразны древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дней сихъ глагола намъ въ Сынѣ, Егоже положи на слѣдника всѣмъ, Имъ же и всѣи сотвори. Иже сый сіяніе славы, и образъ чюстаси Его, нося же всяческая глаголомъ силы своей, Собою сотворивъ очищеніе грѣховъ нашихъ, съде одесную престола величествія на высокихъ: толико лучший бывъ ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя*. Это введеніе имѣетъ сходство съ вступленіемъ Евангелія и перваго посланія Іоанна; только рѣчь здѣсь торжественнѣе и плавнѣе.—Въ словахъ: *многочастны* (*πολυμερής*) и *многообразны* (*πολυτρόπος*) нельзя видѣть одной только риторической амплификаціи, т. е. упрощенія, и понимать только въ смыслѣ: *различнымъ образомъ*; по мнѣнію большинства толковниковъ, первое указываетъ на различные *періоды* и различную *мѣру* въ сообщеніи ветхозавѣтнаго откровенія, а второе—на различные *способы* его сообщенія. Въ ветхомъ заветѣ Богъ открывалъ истину *многочастны*, т. е. отрывочно, возвѣщая чрезъ одного одно, чрезъ другаго другое, наприм., чрезъ пророка *Исаію*—рожденіе Мессіи отъ Дѣвы, Его страданія, чрезъ *Даніила*—время Его пришествія, чрезъ *Іону*—Его погреб-

бение, чрезъ *Малахію*—пришествіе Предтечи Христова и т. д.; въ новомъ же завѣтѣ Богъ открылъ въ Сынѣ *всю полноту* истины. Далѣе, въ ветхомъ завѣтѣ Богъ открывалъ истину *многообразнѣ*, т. е. различнымъ образомъ, то во снѣ, то въ видѣніяхъ, то въ явленіяхъ, то въ устной бесѣдѣ и т. д.; въ новомъ же завѣтѣ истина открылась *существенно*, видимо въ воплощенномъ Сынѣ, Который есть сама истина. *Древле* (ἄνωθεν) стоитъ въ противоположности къ дальнѣйшему выраженію: *въ послѣднокъ дній снхъ* (ἐν' ἐσχάτου τῶν ἡμερῶν τούτων) и означаетъ здѣсь *все время ветхого завета*. Выраженіе же ἐν' ἐσχάτου т. ἡμ. есть переводъ еврейскаго עֲשָׂרִים וְאַרְבָּעִים, каковыми словами въ ветхомъ завѣтѣ означается *время царствованія Мессіи*, какъ послѣдняго и высочайшаго развитія царства Божія на землѣ, и каковыя переводятъ LXX.¹⁾ то словами *въ послѣдняя дни* (ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις (Ис. 2. 2), то ἐν' ἐσχάτου τῶν ἡμερῶν (Быт. 49, 1. Второз. 32, 10 и др. м.), то наконецъ, какъ здѣсь, словами ἐν' ἐσχάτου т. ἡμ. (Числ. 24, 14. Дан. 10, 14). Священные писатели новаго завета употребляютъ это выраженіе въ двойномъ значеніи. Если оно поставляется въ противоположность, какъ въ этомъ случаѣ, къ *ветхозавѣтному времени*, то имъ означается *время христіанства* и вообще настоящее время (ср. выраженіе: *въ кончину вѣковъ*, ἐπὶ συντελείᾳ τῶν αἰώνων, 9, 26). Но если рѣчь идетъ о чемъ нибудь еще будущемъ, то это выраженіе означаетъ время, непосредственно имѣющее предшествовать *второму* пришествію Христа въ міръ (Гал. 1, 4. 2 Тим. 3, 1. 2 Петр. 3, 3).—Употребленіе выраженія »глаголати« (λαλεῖν) въ смыслѣ *божественнаго откровенія*, въ соотвѣтствіе еврейскому слову דַּבֵּר, составляетъ особенность этого посланія (ср. 2,

1) Этнмъ для краткости означается 72 переводчика св. Писанія съ еврейскаго на греческій.

2. 9, 19. 11, 18 и др.). Употребленіемъ одного и того же подлежащаго *Богъ*, въ приложеніи къ словамъ *глаголавый*, и *глагола* указывается на *внутреннюю связь* между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ откровеніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подается мысль, что первое было только предопредѣленною Богомъ предварительною ступенью ко второму. Выраженіе: *во пророцѣхъ* стоитъ въ противоположности къ выраженію: *въ Сынѣ*: въ ветхомъ заветѣ Богъ говорилъ чрезъ *пророковъ*, которые были обыкновенные люди; но теперь Онъ возглаголаъ чрезъ Того, Кто больше пророковъ, именно чрезъ *Сына*; поэтому и сказано: *ἐν υἱῷ*, безъ члена. Греческій предлогъ *ἐν* употребленъ здѣсь, какъ и часто въ новомъ заветѣ, въ значеніи *изъ*. Слово *пророки* нужно понимать здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ, разумѣя всѣхъ святыхъ мужей ветхаго завета, получившихъ откровеніе отъ Бога, наприм. Авраама, Моисея и др.—Ст. 2 и д. Въ трехъ соотносительныхъ предложеніяхъ изображается, затѣмъ, Сынъ, чрезъ Котораго Богъ говорилъ, по Его *божественной* и *человѣческой* природѣ и сущности, чтобы уяснить, почему Богъ чрезъ Него разъ на всегда завершилъ Свое откровеніе. Сынъ а) есть *наслѣдникъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *Господь* всея вселенной: *Егоже положи наслѣдника всѣмъ*. Сынъ и наслѣдникъ у апостола-соотносительныя понятія: «если Сынъ, то и наслѣдникъ Божій», говоритъ ап. Павелъ Гал. 4, 7 (ср. Рим. 8, 17). Равнымъ образомъ, по ветхозавѣтному словоупотребленію, *наслѣдникъ* (*κληρονόμος*) и *наслѣдство* (*κληρονομία*) означаютъ не нашего «наслѣдника» и «наслѣдство», но вмѣстѣ съ тѣмъ и *господина* и *господство* (ср. Пс. 2, 8). Слѣдовательно, Христосъ, какъ *Сынъ*, есть *Наслѣдникъ* и *Господь* всего. *Всѣмъ* (*πάντων*) означаетъ здѣсь, какъ и Кол. 1, 16, совокупность всѣхъ вещей. Но почему сказано: *положи* (*ἵστημι*), а не *есть*? Св. Златоустъ и Θεοδωρίтъ относятъ это выраженіе къ *человѣческой* природѣ во

Христѣ. Какъ Богъ, Христосъ отъ начала былъ Господомъ всего, потому что чрезъ Него все сотворено; но какъ человѣкъ, Онъ *сталъ* во времени Наслѣдникомъ и Господомъ всего, и именно потому, что Онъ, какъ Богочеловѣкъ, совершилъ второе твореніе, т. е. искупленіе *всей* твари. Этимъ Христосъ основалъ Себѣ богочеловѣческое царство, и чѣмъ больше это Его дѣло искупленія находить приемлемости въ сердцахъ людей, тѣмъ дальше распространяется Его царство, Его господство, пока, наконецъ, Богъ положить подъ ноги Его *всѣхъ* враговъ, и *Богочеловѣкъ* въ концѣ временъ снова явится, чтобы вступить въ свое полное наслѣдство (ср. 1 Кор. 15, 25 и д.).—Сынъ б) есть *посредникъ творенія*: *Имъ же и вѣки сотвори*. Это предложеніе, какъ показываетъ частица *и*, составляетъ и основаніе къ сказанному прежде: »Его же положи« и проч. Христосъ поставленъ *наслѣдникомъ* потому, что чрезъ Него Богъ и *вѣки* сотворилъ. Только потому, что Христосъ, какъ второе лице въ Божествѣ, былъ посредникомъ *перваго* творенія, могъ, какъ Богочеловѣкъ, быть посредникомъ и *втораго* творенія, искупленія, и такимъ образомъ—наслѣдникомъ всего. Выраженіе: *вѣки* (αἰών) означаетъ сначала *время*, а потомъ и то, что *существуетъ во времени*, самый *міръ*. Сказанное здѣсь о Сынѣ св. Іоаннъ говоритъ (1, 3. 10) о божественномъ Словѣ: *вся тѣмъ быша.... міръ тѣмъ бысть*. Здѣсь же для сравненія нужно имѣть въ виду и мѣсто изъ посланія къ Кол. 1, 15. и д., гдѣ апостолъ называетъ Христа »образомъ Бога невидимаго, рожденнымъ прежде всякой твари« (πρωτότοκος πάσης κτίσεως), и потомъ, въ основаніе этому, прибавляетъ: »ибо Имъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое... все Имъ и для Него создано« (πάντα δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτὸν ἔκτισται). Во внутреннемъ, вѣчномъ самооткровеніи единого Бога въ святой Троицѣ, Отецъ совершаетъ Себя въ Сынѣ Святымъ Духомъ; Сынъ есть вѣч-

ное изображеніе Отца. Но поелику Отецъ въ Сынѣ созерцаетъ *Самаго Себя*, то созерцаетъ Онъ въ Немъ отъ вѣчности и *всѣ Свои* дѣла, которыя Онъ имѣлъ создать во времени; вѣчныя божественныя идеи о твари заключаются въ Сынѣ. Слѣдовательно, Сынъ есть какъ начало божественнаго откровенія *предъ Самимъ Собою* (ad intra), такъ и носитель божественныхъ откровеній *во внѣ* (ad extra), и вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ есть посредникъ (*Имъ же*—δι' αὐτοῦ), какъ перваго вещественнаго творенія, такъ и втораго духовнаго созданія, искупленія. — Сынъ въ *вѣчнѣ*, какъ и Отецъ, и *одной* сущности съ Отцомъ: *иже сый сіяніе славы* и т. д. Слово *сіяніе*—ἀπαύλας имѣетъ двойное значеніе: оно значить *лучъ*, сіяніе, истегающее отъ свѣтящагося тѣла, напр. солнца, и *отблескъ*, т. е. произведенный отраженіемъ отъ образъ. Въ первомъ значеніи это слово употребляется въ книгѣ Премудрости Солом. 7, 26., гдѣ божественная *премудрость* называется *сіяніемъ* (ἀπαύλας) *свѣта* *присносущнаго* (ἀίδιον) и изліяніемъ Вседержителя славы (ἀπορρήτως τοῦ παντοκράτορος δόξης). Въ этомъ смыслѣ понимаютъ это выраженіе древніе греческіе толковники, превосходно объяснявшіе его выраженіемъ: *свѣтъ отъ свѣта*, каковымъ выраженіемъ никейскій соборъ называлъ Сына Божія. Позднѣйшіе толковники предпочитаютъ второе значеніе. Если мы теперь слово: *слава*—δοξά возьмемъ въ первоначальномъ его значеніи—*блескъ*, то слова текста будутъ значить или: »сей, будучи сіяніемъ блистанія божественнаго«, или: »сей, будучи отраженіемъ блистанія божественнаго«. То и другое объясненіе здѣсь уместно; потому что Сынъ Божій, какъ вѣчное Слово, которымъ Богъ открываетъ Себя предъ Собою и во внѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ *сіяніе* и *отраженіе* божественнаго величія и славы. Лежащій въ основаніи всему выраженію: *сіяніе славы* образъ заимствованъ отъ *свѣта*, какъ и нерѣдко въ Св. Писаніи существо Божественное, свѣтлѣйшее

въ себѣ самомъ и просвѣщающее людей, представляется подъ символомъ *свѣта*. Но такъ какъ свѣтъ, тотчасъ при своемъ явленіи, всегда сопровождается своимъ блескомъ, то въ выраженіи: *сіяніе славы* косвенно указывается на *совѣщность* Сына съ Отцомъ, какъ это замѣтилъ уже св. Григорій Нисскій. Превосходно также замѣчаетъ Теофилактъ: »сіяніе отъ солнца, и не послѣ его; ибо вмѣстѣ солнце и вмѣстѣ сіяніе«. Еще далѣе выясняетъ этотъ образъ одинъ изъ новѣйшихъ толковниковъ: »какъ солнце, въ отношеніи къ сіянію своему, есть само изъ себя, и сіяніе изъ солнца: такъ Отецъ изъ Себя Самаго, Сынъ же рождается отъ Отца. Какъ сіяніе происходитъ отъ солнца, не отнимая ничего отъ его сущности и не отдѣляясь: такъ Сынъ произошелъ отъ Отца. Солнце существуетъ прежде сіянія, но однако и вмѣстѣ съ сіяніемъ: такъ Сынъ съ Отцомъ. Сіяніе не можетъ быть безъ солнца, а солнце безъ сіянія: такъ Сынъ не можетъ быть безъ Отца, и Отецъ безъ Сына, и однако Они оба отличны. Нельзя видѣть солнца безъ исходящаго изъ него свѣта: такъ никто не можетъ видѣть Отца безъ Сына«. Ср. Іоан. 1, 18. 5, 19 и д. 6, 46. 14, 9. 16, 15. Сынъ, далѣе, называется: *образъ чинности* (*χαρακτήρ τῆς υποστάσεως*). Греческое слово *χαρακτήρ* (отъ *χαράσσειν*—надрѣзывать, начертывать) значитъ сначала *начертаніе*, на прим. печати; потомъ—и то самое, что отпечатывается, *оттискъ*, *отобразъ*. Въ этомъ смыслѣ Климентъ Римскій говоритъ о человѣкѣ, что онъ есть »отобразъ, оттискъ образа Божія (*τῆς τοῦ Θεοῦ εἰκὼν τοῦ χαρακτήρ*). Въ этомъ послѣднемъ значеніи и мы также должны понимать это слово, по причинѣ связаннаго съ нимъ родит. *υποβάσις*. Слово *υποβάσις* первѣе всего значитъ основаніе, фундаментъ; потомъ, въ духовномъ смыслѣ, довѣріе, *твердую увѣренность*, на которой душа какъ бы покоится. Но обыкновенно у греческихъ писателей это слово означаетъ то, въ чемъ *состоитъ*, въ собственномъ смыслѣ,

предметъ, *сущность* вещи, тоже, что *ousia* и *essentia*. У отцовъ же Церкви *ὁυβλασις* употребляется также въ значеніи *προσωπον* = лице, когда они говорятъ, что въ Богѣ, напримѣръ, три *ипостаси*. Но такъ какъ нельзя доказать, чтобы это слово въ такомъ значеніи употреблялось уже во время написанія посланія ко Евреямъ, то мы принимаемъ его здѣсь въ обыкновенномъ значеніи *сущности*, и при этомъ нужно сравнить это мѣсто съ параллельнымъ ему въ Филип. 2, 6. Но если Сынъ есть образъ существа Божія, если Богъ отражаетъ въ немъ Свою сущность, то Сынъ *сосуущественъ*, равнаго существа со Отцемъ. Существо Божественное одинаково у всѣхъ трехъ божественныхъ лицъ, и однако это божественное существо не есть ничто четвертое, существующее подлѣ трехъ божественныхъ лицъ. Это—непостижимая тайна. Какъ Сынъ есть посредникъ творенія, чрезъ Котораго вѣчная мысль Божія перешла въ видимую дѣйствительность (ст. 2), то Онъ г) есть *хранитель и промыслитель міра: нося же всяческая глаголомъ силы своея*. Слово *носитъ* (*φέρω*) означаетъ, какъ латинское *sustinere*, въ духовномъ смыслѣ *сохранять, поддерживать*. Какъ Слово есть первообразъ всѣхъ вещей, вѣчныя идеи покоятся въ Немъ, такъ и Сынъ носитъ все и сохраняетъ *глаголомъ силы Своея*. Последнее выраженіе, обыкновенно, принимаютъ за гебраизмъ, такъ что будто родит. *силы* имѣетъ здѣсь значеніе *прилагательнаго*, и что, вмѣсто *глаголомъ силъ своея*, будто бы слѣдовало поставить: *сильнымъ глаголомъ своимъ*. Но это излишне. Какъ для призванія міра въ бытіе, потребно было одно только слово (Быт. 1, 3 и д.), такъ снова, для поддержанія и сохраненія всего, потребно только слово. Въ этомъ выраженіи косвенно высказывается мысль, что сохраненіе міра есть постоянно продолжающееся твореніе. Будучи Творцемъ и Промыслителемъ міра, наконецъ, Сынъ д) есть *виновникъ втораго духовнаго тво-*

ренія, т. е. *искупитель отъ грѣховъ: собою сотворивъ очищеніе грѣховъ нашихъ*. Выраженія: *творить очищеніе* (καθαρίζω ποιῶν), *очищать* (καθαρίζω, καθαίρειν), такъ же какъ и соотвѣтствующія имъ *совершать* (τελεῖω), *освящать* (ἁγιάζω), часто употребляются въ этомъ посланіи, какъ *термины* для означенія *первосвященнической дѣятельности* Искупителя и дѣйствій ея, *оправданія и освященія* человѣка. Это оправданіе и очищеніе Христосъ совершилъ Своею жертвою послушанія, Своимъ самопожертвованіемъ; поэтому и сказано: *собою* (δ' ἐαυτοῦ). Послѣднимъ выраженіемъ апостолъ указываетъ различіе *первосвященнической дѣятельности* Христа и *ветхозавѣтнаго священства*. Въ *ветхомъ завѣтѣ священникъ и жертва* были отдѣльны; Христосъ же былъ вмѣстѣ и *первосвященникъ*, и *жертва*, принеши въ жертву *Самаго Себя*. Но Христосъ Своею жертвою послушанія не только для *людей* принесъ очищеніе отъ грѣховъ, но *приобрѣлъ и для Самаго Себя*, т. е. для Своей *человѣческой природы* *возвышеніе надъ всѣми тварями*. Эта мысль высказывается въ словахъ: *иже.. собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, съде одесную престола величестія на высокихъ* и т. д. *Сидѣніе по правую руку* царя, по еврейскому словоупотребленію, означаетъ *быть первымъ* по царѣ, *раздѣлять съ нимъ власть и царство*. На *высокихъ* (ἐν ὑψηλοῖς) тоже самое значить, что и *на небесахъ* (Ф. 8, 1). Этимъ престолъ Божій отличается отъ престоловъ земныхъ царей. Изъ связи рѣчи ясно открывается, что это *сидѣніе одесную престола величествія* относится къ *человѣческой природѣ* во Христѣ; потому что Онъ, *совершивши искупленіе*, *возсѣлъ одесную величествія*, принявъ участіе въ божественной власти и *міроправленіи*; и нигдѣ въ новомъ завѣтѣ не приписывается *Исусу Христу сидѣніе одесную Отца прежде вознесенія Его на небо*. О вѣчномъ же Сынѣ говорится въ Евангеліи Іоанна: *сынъ въ лонѣ Отчи* (1, 18).—Ст. 4. Слова: *то-*

лико лучший бывъ и проч. составляютъ переходъ къ спеціальной темѣ всего слѣдующаго отдѣла, что *Христосъ выше ангеловъ*, изъ чего уже само собою вытекаетъ указанное въ 9, 2, заключеніе, что сообщенное Имъ откровеніе выше возвѣщеннаго, при посредствѣ ангеловъ, закона. Ораторская формула сравненія: *толико—елико* (τοσούτοι—ὥστε), встрѣчающаяся еще нѣсколько разъ въ этомъ посланіи (ср. 7, 20 и д. 8, 6. 10, 25), не повторяется въ другихъ посланіяхъ сего апостола. *Лучший* (κρίττων) означаетъ здѣсь преимущество въ достоинствѣ; св. Климентъ Римскій правильно объясняетъ это словомъ *большій* (μέγας). *Имя*, въ которомъ одномъ уже выражается преимущество Христа предъ ангелами, какъ выясняется въ 5-мъ стихѣ, есть имя—*Сынъ*.—Но какъ же можно сказать, что Христосъ *сталъ* (γινώσκω, а не ὡν, какъ въ 3 стихѣ) превосходнѣе ангеловъ, что Онъ *наследовалъ* имя »Сынъ«? Развѣ Онъ не былъ отъ вѣчности Сыномъ Божиимъ и прежде ангеловъ? Эти вопросы рѣшаются сами собою, если мы снова сказанное здѣсь о Сынѣ будемъ относить къ *человѣческой* природѣ во Христѣ. Какъ *человѣкъ*, Христосъ, по видимому, униженъ былъ предъ ангелами, но это Его униженіе ограничивалось короткимъ временемъ; но именно за то, что Онъ добровольно подвергся этому униженію и оказалъ послушаніе Своему Отцу даже до крестной смерти, Онъ *заслужилъ и для Своей челоуѣческой природы* возвышеніе надъ всею тварію, *сталъ* превосходнѣе ангеловъ. Нельзя пройти безъ вниманія и выраженіе *наследова* (καληρροῦνται). Христосъ, какъ *человѣкъ*, *наследовалъ* имя Сына. Правда, въ ветхомъ заветѣ и ангелы называются »сынами Божиими« (Іов. 1, 6. 2, 1. По евр. тексту. Пс. 28, 1. 88, 7. Дан. 3, 92); но это названіе не есть *характеристическое* ихъ имя. Искупленные Христомъ люди суть также »сыны Божіи«; но это имя дается имъ только по усыновленію. Но Христосъ

былъ какъ и человѣкъ, вслѣдствіе вѣчнаго соединенія въ немъ природы божеской и человѣческой, *прирожденный Сынъ Божій*. Слѣдовательно, хотя Онъ, какъ *человѣкъ*, и наслѣдовалъ имя »Сына Божія«, но обладаетъ Онъ этимъ именемъ по праву *наслѣдства*, а не, какъ мы, по усыновленію.

Ст. 5 и д. Апостолъ представляетъ, далѣе, рядъ ветхозавѣтныхъ изреченій, чтобы показать, что въ ветхомъ уже завѣтѣ Христу, какъ предвозвѣщенному Мессіи, имя »Сына Божія« прилагается *въ совершенно особенномъ значеніи* и что тамъ же Ему приписывается преимущество предъ ангелами въ достоинствѣ и власти. *Кому бо рече когда отъ ангелъ: »Сынъ Мой еси ты; азъ днесь родихъ тя?« И пакы: »азъ буду Ему во Отца, и той будетъ мнѣ въ Сына?«* Подлежащее къ сказуемому *рече*, также какъ и къ *вводитъ* (въ 6 ст.) нужно подразумѣвать изъ 1-го стиха *Богъ*. *Когда* (πότε) употреблено въ значеніи *когда-либо, когда-бы-то ни было*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхого завѣта, какъ уже замѣчено выше, ангелы, конечно, называются »сынами Божиими«; но это нисколько не ослабляетъ силы доказательствъ ап. Павла; потому что, съ одной стороны LXX, по которымъ апостолъ приводитъ ветхозавѣтные тексты, еврейское выраженіе בְּנוֹתָיו יְהוָה (сыны Божіи) переводятъ словами ἄγγελοι θεοῦ (только въ Пс. 28, 1. 88, 7. замѣняютъ выраженіемъ υἱοὶ θεοῦ); а съ другой, вся сила здѣсь заключается въ употребленіи слова *Сынъ* въ единственномъ числѣ и выраженіи *родихъ тя*. Апостолъ не о томъ спрашиваетъ: называются ли ангелы »сынами Божиими?« но о томъ: называлъ ли Богъ какого либо ангела Своимъ »Сыномъ« въ высшемъ смыслѣ слова, Своимъ »единороднымъ«, котораго Онъ *родилъ*?—Первая цитата приведена изъ Пс. 2, 7. Общую мысль, лежащую въ основаніи этого псалма, можно представить такъ: Добро на землѣ

находится въ постоянной борьбѣ со зломъ. Но хотя послѣднее иногда является преобладающимъ, однако добро не можетъ быть совершенно побѣждено на долгое время, такъ какъ *Богъ*, наконецъ, рѣшитъ эту борьбу. Эта отвлеченная мысль наглядно представляется въ жизни Давида. Давидъ, теократическій царь израильскій, былъ представителемъ добраго начала въ свое время; противъ него устремлялись, на него нападали со всѣхъ сторонъ язычники, тогдашніе представители злаго начала. Но всѣ ихъ начинанія, говоритъ св. Псалмопѣвецъ, суетны и ничтожны, такъ какъ самъ Іегова торжественно поставилъ его царемъ надъ своимъ народомъ и этимъ призналъ его своимъ *сыномъ*. Онъ будетъ защищать его и доставить ему въ борьбѣ побѣду. Но Давидъ, будучи теократическимъ царемъ во Израилѣ и представителемъ добраго начала *своего* времени, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ *прообразомъ* первообраза всякаго добра, истиннаго и въ собственномъ смыслѣ теократическаго царя, Сына Божія по преимуществу, *Христа*, къ которому устремлены были всѣ желанія Израиля. Христосъ велъ борьбу со зломъ въ совершеннѣйшемъ смыслѣ. На Него устремилось все зло и въ смерти Его, по видимому, одержало верхъ надъ Нимъ; но въ Своемъ воскресеніи и вознесеніи на небо Онъ торжествовалъ совершеннѣйшую побѣду надъ всѣми Своими врагами. Когда же св. псалмопѣвецъ воспѣвалъ своего царя, то взору его открывалось будущее, а такъ какъ онъ, просвѣщаемый Св. Духомъ, созерцалъ *Того*, Котораго онъ, какъ царь, былъ только прообразомъ, то онъ въ свое изображеніе привноситъ такія черты, которыя только въ несобственномъ смыслѣ могутъ быть отнесены къ прообразу, въ собственномъ же и истиннѣйшемъ смыслѣ относятся къ Первообразу, ко Христу. —

X. О.

УПРЕКИ И ОБВИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА РАСКОЛЬНИКАМИ ¹⁾).

Какъ на великій грѣхъ, смотрять еще раскольники на общеніе православнаго духовенства въ пищѣ и особенно въ молитвѣ съ разнаго рода иновѣрцами. »Никоніане и духовніи такожде изъ единыхъ сосудовъ со всякими невѣрными языки ядятъ и піють купно. Божественіи же отцы зѣло возбраняють вѣрнымъ съ еретики ясти« ²⁾. Сами же раскольники, какъ мы знаемъ, никогда не стануть ѣсть вмѣстѣ не только съ какимъ нибудь »латыномъ«, или съ »никоніаниномъ«, котораго также считаютъ еретикомъ, но даже съ своимъ братомъ-старообрядцемъ, только другой секты, или толка. Если же раскольникъ вынужденъ бываетъ принять въ свой домъ и угостить кого либо изъ православныхъ, то посуда, употреблявшаяся въ этомъ случаѣ, получаетъ названіе поганой и — или хранится не въ особенно почетномъ мѣстѣ для новыхъ подобныхъ угощеній, если они предполагаются, или чаще всего бросается, какъ никуда негодная. У нѣкоторыхъ раскольниковъ взглядъ на этотъ предметъ доведенъ до такой щеетительности, что даже съѣстные припасы, покупаемые въ лавкахъ и, слѣдовательно, доступные всякому, считаются нечистыми и употребляются въ пищу не иначе, какъ по очищеніи ихъ особеннаго рода молитвами. А есть еще и такіе, которые дѣлають продушины въ печахъ, чтобы у нихъ благодать могла сходить удобнѣе на приготовленную пищу. Отвращеніе раскольниковъ отъ всякаго, кто не принадлежитъ ихъ толку и, слѣдовательно, еретикъ, силь-

---

¹⁾ См. № 28-й.

²⁾ Мечъ дух. л. 120 об.; Отв. на вопр. л. 97; Сбор. разн. ст. л. 60, стр. 48. ³⁾ Истор. русск. раск. пр. Макарія, стр. 274, изд. 1-е.

но до того, что они опасаются даже говорить съ подобными лицами, особенно о вѣрѣ. Въ одномъ раскольниковомъ сборникѣ мы встрѣтили множество выписокъ изъ разныхъ древнихъ книгъ на тему: »неподобаетъ православнымъ съ еретиками о вѣрѣ бесѣдованіе творити«¹⁾. Можно понять послѣ этого, почему такъ безуспѣшны всѣ хлопоты священниковъ православныхъ о вразумленіи раскольниковъ. Если же раскольники считаютъ дѣломъ непозволеннымъ ѣсть и даже говорить съ еретиками, то еще большимъ грѣхомъ считаютъ они общеніе съ еретиками въ молитвѣ. Запрещая входъ въ свои молебны всякому еретику, раскольники въ тоже время осуждаютъ православныхъ, въ особенности лицъ духовныхъ, за несоблюденіе такого же порядка вещей. »Латыни въ свои костелы иновѣрцевъ къ службѣ пуцають. Равяѣ и никоніане нынѣ всякихъ еретиковъ, кальвиновъ и арменовъ въ церкву пріемлютъ даже во время литургійнаго пѣнія«²⁾. Но особенно возмущаетъ раскольниковъ то, что нѣкоторые изъ православныхъ священниковъ, какъ нерѣдко приходится имъ слышать, дозволяютъ вступать съ иновѣрцами даже въ браки. Отдать дочь замужъ за иновѣрца, или женить сына на иновѣркѣ, значитъ, по мнѣнію раскольниковъ, не только нарушить церковные законы, но и »отдать чадо Божіе Антихристу«³⁾. Впрочемъ, раскольники, осуждая браки съ »еретиками«, сами, хотя это бываетъ весьма рѣдко, отдаютъ дочерей своихъ замужъ за

---

¹⁾ »Слово о тайнѣ св. крещенія и проч. Цер. таин«. л. 142 об. и 143. ²⁾ Отв. на вопр. л. 97; Мечъ дух. л. 120; Сбор. раз. ст. л. 60 об. ст. 51. ³⁾ Отв. на вопр. л. 96 об. Мечъ дух. л. 120; Сборн. разн. ст. л. 60 ст. 49.

православныхъ, которыхъ считаютъ еретиками, а равно берутъ иногда за своихъ сыновей православныхъ дѣвицъ. Но сколько мы сами могли узнать и сколько говорили намъ другіе, — браки лицъ православныхъ съ раскольниками не только никогда почти не приносятъ пользы православію, напротивъ, въ большей части случаевъ приносятъ вредъ. Вотъ что часто говорятъ объ этомъ предметѣ заслуженные сельскіе священники, въ приходѣ которыхъ находится множество раскольниковъ. »Если женщина раскольница выходитъ замужъ за православнаго, то рѣдко бываетъ, чтобы мужъ ея оставался непоколебимъ въ православіи. Но и то еще положительно можно сказать, что дѣтей она воспитываетъ въ расколѣ. Такимъ образомъ одна мать раскольница передаетъ свой расколъ пятерымъ — шестерымъ дѣтямъ и цифра раскольниковъ все болѣе и болѣе увеличивается. Иначе и быть не можетъ. Извѣстно, что отецъ семейства въ потѣ лица своего пріобрѣтаетъ насущный хлѣбъ-соль, все же въ домѣ улаживаетъ мать и особенно первоначальное воспитаніе дѣтей. Это дѣлается и во всякомъ быту. Менѣе опасности отъ раскольницы, если она вступаетъ чрезъ бракъ въ такое семейство, въ которомъ есть православныя золовки и особенно свекровь. Здѣсь она встрѣчаетъ силу равную. Первоначально она пытается склонить мужа къ раздѣлу отъ семейства; но если, при благоразуміи мужа, эта хитрость ей не удастся, быть можетъ, она и сама сдѣлается въ послѣдствіи православною; а бабушка непременно воспитаетъ внучатъ въ православіи. Тоже самое дѣлается наоборотъ. Если православная дѣвица вступаетъ въ бракъ съ раскольникомъ — въ скоромъ времени — онъ примѣтно слабѣетъ въ расколѣ и сближается съ православіемъ. Если же православная дѣвица чрезъ бракъ съ раскольникомъ пріоб-

рѣшаетъ золовоу и свекровь-раскольникъ, погибель ея самой почти неизбежна. Такъ напр., говорилъ одинъ изъ нихъ: »Одна дѣвница родилась отъ православныхъ родителей и выросла въ такомъ селеніи, гдѣ о расколѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Къ несчастію ея, она вступила, чрезъ бракъ, въ раскольникское семейство. Станнымъ казалось ей, когда въ первый разъ подавали ей подручникъ и лѣстовку; горько плакала она, когда слышала звонъ къ обѣднѣ; грустно смотрѣла на тѣхъ, кои мимо ея оконъ шли въ церковь, тогда какъ сама она не могла быть тамъ. Грубый мужъ ея, подстрекаемый матерью и сестрами, употреблялъ даже побои, когда жена изъявляла желаніе идти въ храмъ Божій. Бѣдная женщина впала въ чахотку и вскорѣ умерла. Подобные примѣры нерѣдки«. Впрочемъ, больше примѣровъ того, что православная женщина, при подобныхъ обстоятельствахъ, уступаетъ силѣ женщины раскольницъ, беретъ за подручникъ и лѣстовку, и мало по малу сама дѣлается расколицей.

Теперь мы хотимъ указать еще на особый родъ обвиненій раскольниками православнаго духовенства—это на обвиненія ихъ »за новомодныя, будтобы, богомерзскія одежды«, дозволяемыя духовными лицами и употребляемыя ими ¹⁾. »Нынѣшніе монахи носятъ«, напр., говорятъ они, »рогатые клобуки, высокія и плоскія на верху камилавки, исподнія рпзы и рубахи часто изъ шелковыхъ, не русскихъ, цвѣтныхъ матерій сотворяюще«. Еще протопопъ Аввакумъ жаловался въ свое время: »бысть въ лѣта наша въ русской землѣ Божіе поущеніе, а діаволе злохитріе. Изникоша изъ бездны мниси, нареченіи монахи, имѣющіе на себѣ образъ любодѣйный,---камилавки подклейки женскія и клобуки рогатыя, получиша себѣ сію пагубу отъ костела рим-

---

¹⁾ Отв. на вопр. л. 91 Сборн. разн. ст. л. 62, ст. 80.

скаго»¹⁾. Тотъ же упрекъ находимъ и у діакона Феодора. »О прелесть, понеже еси пестра«, восклицаетъ онъ, »монастыри сострояются и монахи съ высоковерхими клобуками собираются, и иноческое благочестіе и жителство разоряется«²⁾. Доказывая, что клобуки, носимые нынѣ монахами, заимствованы отъ римскаго костела, Аввакумъ писалъ, что устроила себѣ »клобукъ на подклейкѣ« бывшая »на престолѣ въ папахъ баба еретица«,—отъ латынянъ заимствовали такой клобукъ греки, бывшіе на флорентійскомъ соборѣ, а отъ грековъ заняли—де никоніане. »Священники носятъ рясы и подрясники«, говорятъ раскольники, »оукна не русскаго, а заморскаго«. Доказывая, что это величайшій грѣхъ, они приводятъ слѣдующій рассказъ, вполнѣ выражающій взглядъ ихъ на указанный предметъ. Начальникъ одного монастыря, рассказываютъ они, не хотѣлъ носить »одеждъ монашескихъ«, сдѣланныхъ изъ своихъ домашнихъ русскихъ матерій, но выписывалъ для этого »изъ Фландріи черныя сукна дивнаго строенія«. Когда онъ умеръ, братія, по принятому въ монастырѣ обычаю, раздѣлила между собою имѣніе и одежды послѣ покойнаго. Случилось, что въ одинъ изъ праздничныхъ дней намѣстникъ монастыря надѣлъ одну такую »ризу«. И что же? Она »начала палити все тѣло его, аки доски мѣдныя«. Съ крикомъ и проклятіями одежда была немедленно сброшена съ плечъ, и однакожь, и послѣ этого она продолжала »изъ себя яко желѣзо раскаленное великія огненные искры испущати«. Видя »такое чудо« и прочая братія, каждый, что имѣлъ у себя изъ одеждъ умершаго настоятеля, вынесъ изъ своей кельи и бросилъ къ горѣвшей уже одеждѣ намѣстника, такъ что образовалась огромная »куча«, которая немедленно воспла-

---

¹⁾ Опис. раск. соч. соч. Ал. Б. ч. II, стр. 9. ²⁾ Посланіе объ антихристовой прелести.

менилась и стала горѣть »велимъ пламенемъ«. И »непре-
ста сіе страшное чудо, дондеже мнози духовніи всякаго со-
словія—будто-бы—сѣхавшеся и свидѣтельствоваху очесы
своими страшный судъ Божій«. »Жены лицъ духовныхъ«,
говорять раскольники, »носятъ богомерзскія новыя одежды, а
неодѣваются уже въ древнеспасительное старинное одѣяніе«.
Жены духовныхъ и дѣвицы теперь—де бывають »сѣ змѣнными
вихрами на главахъ«, »сѣ намазанными яко лещъ«, т. е. на-
бѣленными и нарумяненными лицами—»въ платьяхъ и сѣ пе-
ретяжками«¹⁾. Молодые причетники и сыновья духовныхъ
носятъ—де всегда галстуки, сапоги сѣ каблуками и т. п.,
а это ужасный грѣхъ. Тѣми и другими лицами все это дѣ-
лается, по мнѣнію старыхъ, ни на шагъ не желающихъ от-
ступить отъ матушки—старины, раскольниковъ, »ко угож-
денію блудному«, на прелесть и соблазнъ неопытныхъ душъ,
по подражанію еретикамъ. Оставляя въ сторонѣ безчислен-
ныя, часто совсѣмъ неумѣстныя выписки, которыя дѣла-
ють раскольники изъ правилъ соборныхъ, изъ твореній оте-
ческихъ, изъ сочиненій нашихъ русскихъ святителей и пи-
сателей, чтобы доказать все будтобы неприличіе и пагуб-
ность для »истинныхъ христіанъ« подобныхъ всѣхъ обы-
чаевъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько характеристичныхъ
разказовъ, или исторій, которыя ходять у раскольниковъ
и которыми они стараются унижить тотъ или другой изъ
указанныхъ случаевъ касательно одежды.

Такъ, вооружаясь противъ галстуконъ, употребляемыхъ,
между прочимъ, и многими молодыми причетниками и дѣт-
ми православнаго духовенства, раскольники разказываютъ
слѣдующую исторію объ ихъ происхожденіи. »Бысть во
фряческой землѣ король, именемъ Еуспасіанъ Нумеріановичъ,
вельми бысть гордъ и немилосѣрдъ ко всѣмъ подданнымъ

---

¹⁾ Сборн. разн. ст. л. 62, ст. 77; Отв. на вопр. л. 88.

своимъ. И въ нѣкое время ближніе его — сенаторы, пришедше ночью въ ложницу его, вервами спящаго его удавиша. Потомъ же остася у него сынъ юнъ зѣло, именемъ Карлукъ. И егда возмужавъ и приде въ разумъ и многими нѣмецкими королевствами одолѣ и во одержаніе взя, и воспоманувъ отца своего, яко нечѣною смертію отъ сенаторовъ удушенъ бысть и созва всю область свою, и повелѣ всѣмъ, въ воспоминаніе смерти отца своего, на шеяхъ очевидно петли со удавкой носить. И того ради вси подданіи его носиша 12 лѣтъ. И посемъ собращася вси вкупѣ сенатори и биша челомъ о своемъ безчестіи, еже бы повелѣлъ снати удавы и петли, еже отъ многихъ въ поносъ и уничиженіе быша. Король же едва умолилъ бысть на милость преклонься и повелѣ вмѣсто петель галстуки носить, дабы поминали смертоубійство отца своего и впредь тако не чинили. И тако разыдеша по инымъ городамъ, еже шен своя вязати удавою безчестною, красясь кровію королевскою и превозносяся, яко честны быша безуміемъ хваляся¹⁾.

Не менѣе любопытенъ и характеристиченъ рассказъ раскольниковъ »о мушкахъ женамъ, на ланитахъ прилѣп-
ляемыхъ«. Вотъ что находимъ мы въ одномъ раскольни-
ческомъ сборникѣ объ этомъ предметѣ: »жена нѣкая сена-
торица бѣ, именемъ Карамша, имѣ мужа аще и великослав-
на, но обаче мягка нравомъ и неумудренна. Она же извыче
въ воли своей и, не творя правды мужевн своему, притяжа
и прочихъ подруговъ себѣ, живя блудно. И по гнѣву отъ
нѣкогого друга избіена бысть жестоцѣ, зане и на лицѣ ей
знаки быша. Она же, зря себе въ срамотѣ лица, бысть въ
бѣдности совѣсти своея, умудряшеся, како бы утаеннѣй бы-
ти случившейся вещи отъ своего-си-господина. И отъиде
особъ въ тайную ложницу свою и притвори на ся скорбь,

---

¹⁾ Нѣкоторые раскольники вооружаются противъ употребленія галстуковъ на основаніи 15 гл. 20 ст. книги Дѣлн. Апост.

повѣдая мужевн своему—недугъ быти. Едина же отъ рабынь ея совѣтова ей, рече: вѣмъ, госпоже, нѣкую жену престарѣлую, та бо безбѣдну ты сотворишь своимъ хитросмыслиемъ, да избавишия снѣдаемыхъ ты печалей. Приведена же бысть злохитрая оная баба, умысли сотворити ей нѣкая червленая лѣпн и веляше лице ей взмыти, румянца и вапы прилагая на лице, а на оныя болячки знаки червенницы прилепше. Она же взявше зеркало, зря лице свое дивяшеся, яко превзыде, рече, прирожденныя своея доброты. Что се бысть? оная же придворница (вѣроятно притворница) отвѣща ей, мушки явишатся на лица: нынѣ да утолится лица твоего зазоръ, дерзновенно взыди мужевн твоему, и бысть тако. Мужъ же ея удивлься, зане—не бѣ когда видѣ или гдѣ подъ таковою утварію лицемъ. Призвавши же оная жена и прочія жены подобныя себѣ отъ великородныхъ женъ на увеселеніе; оныя же видѣвши се необычное, удивляхуся, поревновавша подъ таковою приправою быти лицъ своихъ, и сотворшимся тако всѣмъ оною женою Карамшею«....

Въ доказательство того, что не слѣдуетъ всѣмъ женщинамъ, тѣмъ болѣе духовнымъ, украшаться и особенно являться въ »богомерзскихъ платьяхъ« въ церковь, что »всѣ наряды женскіе суть діавольская прелесть на погибель душамъ неопытнымъ«, раскольники приводятъ слѣдующее »сказаніе«. Была, по словамъ ихъ, въ Парижѣ одна женщина »зѣло свѣтолюбивая«, которая »презельное тѣніе имѣ объ украшеніи своего тѣла«. Несмотря на строгія обличенія своего духовнаго отца, щеголиха не переставала одѣваться роскошно. Но вотъ однажды духовникъ легкомысленной женщины начинаетъ читать ей въ храмѣ самую грозную нотацию, въ которой преимущественно развивалась та мысль, что всѣ женскія украшенія суть ничто иное, какъ »оружіе, мрежи и сѣти діавола«, употребляемыя имъ »на ловленіе и

отторганіе отъ Бога многихъ душъ«. Угроза произвела свое дѣйствіе. Женщина »въ горячести духа благочестно и благовѣрно« пала къ ногамъ своего духовника и начала раскаяваться въ своемъ прежнемъ поведеніи. Этимъ бы и слѣдовало, кажется, кончить рассказъ, чтобы онъ изъ вѣроятнаго не сдѣлался баснословнымъ. Но воображеніе раскольника, какъ видно, желая придать картинѣ какъ можно болѣе эффекта, продолжаетъ рисовать слѣдующія »неслыханныя« вещи. Будтобы вразумленная духовникомъ, женщина стала просить Бога, чтобы всѣ бывшія на ней украшенія исчезли въ присутствіи лицъ, находившихся въ храмѣ, если онѣ, дѣйствительно, суть »орудіе и сѣти на ловленіе душъ и любезное веселіе діавола«. И что же случилось? Лишь только окѣнчена была молитва, вдругъ »нѣкая страшнаго вида стѣнь показася, и рукою незнаемою и неслышенною нача съ женщины вся украшенія обирати, яже на главѣ и яже на шеѣ-и серязи, и мониста и жемчугъ великій и дивный, каменіе многоцѣнное и вся приправы и вещи драгія. И остася жена точію во единой срачицѣ: и егда тако сію остави, слышаша вси, иже внѣ и въ церкви,—на воздусѣ гласъ глаголющъ: »се сѣти, се мрежи, се силца, имиже души человѣческія ловимъ«. И тако пребогатое оно и всекрасное украшеніе изъ очесъ человѣческихъ изчезе и ниголиже къ тому обрѣтеся«.

Осуждая въ духовныхъ новыя, не русскія разнаго рода одежды и туалетныя вещи, раскольники вооружаются далѣе рѣшительно уже противъ всего, что не подходитъ подъ мѣрку »древне-россійскаго всеспасительнаго и богоугоднаго одѣянія«, даже противъ мелочей, на которыя, кажется, не стоило бы и обращать вниманія. Напр., что невиннѣе можетъ быть аккуратно сшитаго сапога, хотя бы и »на высокихъ каблукахъ«, или-башмака, хотя бы »высокоустроеннаго и различными переводами исхищреннаго«? Но раскольники въ

этихъ принадлежностяхъ туалета готовы видѣть »иноземство, ересь, дьявольскую прелесть«. Вотъ одинъ изъ многихъ разсказовъ, которыми раскольники осмѣиваютъ узкіе, щегольски сшитые сапоги. »Нѣкій сильный человекъ монастырь нѣкій пріобидѣ, многія стяжанія его отъя. Начальникъ монастыря, съ согласія братіи, рѣшился подать »Кесарю Филиппу« жалобу на обидчика и для этого отправилъ одного монаха—»благоплеменита суца«—въ надеждѣ, что при помощи важныхъ родственниковъ, бывшихъ при дворѣ, посланный немедленно получитъ удовлетвореніе. Надежда, однако же, неоправдалась и все оттого, что челобитчику вздумалось явиться ко двору въ »сапозѣхъ зѣло тѣсныхъ«. Когда монахъ представленъ былъ Кесарю и объяснилъ ему свою жалобу, выставляя на видъ бѣдность монастыря, Филиппъ отвѣчалъ: »вижу правое челобитіе твое, ибо обиду вашу и снудость—и сапоги показываютъ; мию бо, яко ни кожъ, изъ нихъ же сапоги шити, и остави. Ибо аще бы достаточество кожъ имѣли, не бы такови сапоги твои тѣсни были«. Челобитчикъ въ простотѣ души былъ въ восторгѣ отъ такихъ словъ кесаря и уже только тогда, какъ Филиппъ, перемѣнивъ тонъ, замѣтилъ монаху, что онъ »позванъ въ тѣсноту, а не въ чапство«, и рекомендовалъ ему возвратиться въ монастырь и думать больше о спасеніи, чѣмъ о щегольскихъ сапогахъ, проситель догадался, что въ прежнихъ словахъ кесаря, кромѣ ироніи, заключается еще полный отказъ.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что въ послѣднее время всѣ раскольники стали уже гораздо снисходительнѣе смотрѣть на »щеголеватыя платья и одежду«. Намъ самимъ не разъ удавалось встрѣчаться особенно съ молодыми раскольниками и раскольницами, которые по праздникамъ сами одѣты были очень щегольски, сравнительно съ другими, православными лицами. Что же касается молитвенныхъ собраній раскольническихъ,

то сюда строго и рѣшительно запрещенъ входъ не только всему иноземному, но даже русскому домашнему какому либо щегольству. Въ этомъ случаѣ соблюдаются у всѣхъ раскольниковъ, преимущественно Ѳедосѣевцевъ, самыя строгія правила; одно изъ нихъ напр., такъ говоритъ: »юношамъ рубахъ красныхъ, а дѣвицамъ сапоговъ красныхъ, и платковъ красныхъ, въ поясахъ золотыхъ на моленіи отнюдь не стоять, а поясами чтобъ не подпоясывалися и тѣмъ бы православныхъ (здѣсь такъ величаютъ они сами себя) не соблазняли¹⁾. Ослушнику назначено 300 поклоновъ до земли. А другимъ правиломъ (15) строго запрещается пускать въ свои церковныя собранія тѣхъ, кто носитъ малахал и шляпы.

Такого-то рода обвиненія раскольниками православнаго духовенства. Эти обвиненія показываютъ, что наши раскольники немного отстали отъ матушки-старины и крѣпко придерживаются ея. Долгъ будущихъ пастырей Церкви просвѣтить въ этомъ отношеніи раскольниковъ, заставить отрѣшиться ихъ отъ своихъ темныхъ предубѣжденій и даже часто нелѣпыхъ относительно духовенства. Въ этомъ отношеніи, можно надѣяться, не малую пользу въ состояніи принести школы, заводимыя нынѣ даже въ незначительныхъ деревняхъ,—школы, устрояемыя собственно для раскольническихъ дѣтей, по иниціативѣ и повелѣнію министра народнаго просвѣщенія. Образованіе раскроетъ нашимъ раскольникамъ глаза, просвѣтитъ ихъ взоръ и, если не совершенно искоренитъ на первое время, то, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшитъ огромную массу ихъ нелѣпыхъ взглядовъ, темныхъ-грубыхъ предубѣжденій—какъ противъ всѣхъ православныхъ, такъ въ особенности противъ православнаго

---

¹⁾ У Іоаннов. стр. 172 пр. 41.

духовенства. Пастыри же Церкви должны обратить особенное свое вниманіе на эти »обвиненія и осужденія« духовныхъ, и прежде всего, по нашему мнѣнію, должны заняться, по возможности, полнымъ устраненіемъ ихъ. Тогда только откроется бѣльшая надежда на присоединеніе раскольниковъ къ православной Церкви. *Василій Смѣлковъ.*

РЕФОРМЫ ВЪ БЫТУ ДУХОВЕНСТВА.

Читатели наши, конечно, уже ознакомились съ сущностію реформъ, имѣющихъ послѣдовать въ быту духовенства. Реформы эти коснулись настоящаго быта духовенства во всей его широтѣ. Изъ мѣръ, разсмотрѣнныхъ Высочайше утвержденнымъ присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, удостоены Высочайшаго утвержденія мѣры, предложенныя присутствіемъ, касательно: а) состава приходовъ и церковныхъ причтовъ; б) условій опредѣленія на священно-и церковно-служительскія мѣста; в) перемѣщенія и увольненія священно-и церковно-служителей, и г) правъ духовенства по службѣ, — словомъ — мѣры, охватывающія весь настоящій бытъ духовенства. — Не легко, конечно, будетъ духовенству сразу привыкнуть къ новымъ порядкамъ; трудно будетъ свыкаться съ новыми требованіями касательно поступленія на приходы, постепенности восхожденія на іерархическія степени, долговременнаго служенія на одномъ приходѣ и проч. Прискорбно, можетъ быть, будетъ глядѣть на выдѣленіе многихъ братій, недавно числившихся въ средѣ духовнаго сословія, и теперь имѣющихъ выдти изъ него. Но таковъ духъ реформъ, совершаемыхъ въ какомъ бы то ни было быту. Улучшенія и усовершенія, въ какомъ бы то ни было быту, не могутъ происходить безъ пожертвованій и принятія на себя лицами, остающимися на службѣ въ этомъ званіи, болѣе трудныхъ обязательствъ. Великія ре-

формы, совершенныя въ быту крестьянъ, потребовали великихъ жертвъ со стороны землевладѣльцевъ, государства, и возложили болѣе серьезные обязательства на самихъ крестьянъ. Улучшенія въ быту чиновничьемъ совершаются чрезъ сокращеніе и видоизмѣненіе устройства штатовъ служащихъ лицъ. Не на иныхъ условіяхъ могла быть произведена реформа и въ быту духовенства. Сокращенія и видоизмѣненія должны были послѣдовать и въ немъ. И отъ мѣръ, вводящихъ эти сокращенія и видоизмѣненія въ устройство быта духовенства, мы теперь должны ожидать возвышенія и улучшенія его въ нравственномъ, матеріальномъ и общественномъ отношеніяхъ.

А) Прежде всего равномерное распредѣленіе и новое устройство приходовъ не можетъ не оказать вліянія на лучшее отправленіе церковно-приходскихъ обязанностей. Извѣстно, какъ настоящее устройство приходовъ часто не соотвѣтствуетъ аккуратному отправленію церковно-приходскихъ обязанностей. Въ то время, когда одинъ приходъ, имѣющій самостоятельную и независимую церковь, состоитъ изъ какихъ-нибудь 50—60-ти дворовъ (по прежнему распредѣленію), другой имѣетъ двѣ и три тысячи душъ, живущихъ въ самыхъ разрозненныхъ и разъединенныхъ мѣстахъ. Подобныя неудобства, при новомъ распредѣленіи приходовъ, будутъ, по возможности, устраняемы. При новомъ устройствѣ приходовъ будетъ обращено вниманіе а) на населенность приходовъ; б) на разстоянія церквей, какъ одной отъ другой, такъ и отъ состоящихъ въ ихъ приходахъ деревень; в) на удобство сообщенія приходскихъ деревень съ церквами; г) на помѣстительность зданія храмовъ; д) на нравственно-религіозное состояніе прихожанъ, степень привязанности ихъ къ своимъ церквамъ и др. мѣстныя условія. Принятіе во вниманіе всѣхъ этихъ условій можетъ значительно видоизмѣнить къ лучшему настоящее устройство приходовъ и дать

имъ видъ, болѣе соответствующій удобному выполнению церковно-приходскихъ обязанностей. Желательно было бы, чтобы губернскія присутствія по обезпеченію духовенства, которымъ поручается выполнение всѣхъ этихъ условій, съ полнымъ сочувствіемъ относились къ указаніямъ Высочайше утвержденнымъ. Нечего опасаться при этомъ значительнаго увеличенія числа прихожанъ. Въ опредѣленіяхъ Высочайше утвержденныхъ прямо говорится: »при тѣхъ самостоятельныхъ приходскихъ церквахъ, гдѣ по многочисленности приходскаго населенія, или по значительному числу приходскихъ деревень и отдаленности ихъ отъ церкви, исполненіе всѣхъ духовныхъ потребностей прихожанъ было бы для одного настоятеля затруднительнымъ, назначаются въ помощь ему младшіе священники«. Тамъ только можетъ быть значительно увеличено число прихожанъ, гдѣ приходы, »хотя и многолюдны, но сосредоточены близъ церкви, особенно же въ одномъ селеніи«, гдѣ, слѣд., не встрѣтятся особыхъ препятствій къ удобному выполнению приходскихъ обязанностей.

Б) Сокращеніе церковныхъ причтовъ, конечно, увеличить ихъ обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить ихъ содержаніе. Церковные доходы и церковныя земли будутъ отсѣлѣ дѣлиться между двумя штатными церковно-служителями. Между тѣмъ облегченія и по церковнымъ занятіямъ не воспрещаются, но допускаются положеніями. »Настоятелю церкви съ церковнымъ старостою и прихожанами«, говорится въ опредѣленіяхъ, »дозволяется въ помощь штатнымъ псаломщикамъ содержать при церкви вольнонаемныхъ церковниковъ, сколько позволятъ мѣстныя средства, съ употребленіемъ на наемъ ихъ, въ случаѣ возможности, и церковныхъ кошельковыхъ суммъ«. И хорошо было бы на этотъ разъ, еслибы наши церковные причты съумѣли захотѣть прихожанъ добровольно составлять изъ себя церковные хоры. Въ нѣкоторыхъ приходахъ этотъ обычай уже уста-

навливается и въ настоящее время, тѣмъ больше нужно позаботиться объ упроченіи его на будущее время. Такіе церковныя хоры тѣмъ удобнѣе устроить въ настоящее время, что между крестьянами уже встрѣчается довольно грамотниковъ, и тамъ, гдѣ есть церковно-приходскія школы, они знакомы и съ церковнымъ пѣніемъ ¹⁾).—При сокращеніи церковныхъ причтовъ, при строгомъ распредѣленіи обязанностей между настоятелемъ и псаломщикомъ, прекратятся споры и несогласія, которыя по необходимости возникаютъ въ приходахъ, обремененныхъ многочисленными причтами, улучшатся взаимныя отношенія между ними, и тѣмъ усилятся нравственное вліяніе церковнаго клира на прихожанъ.

В) Введеніе порядка постепенности поступленія на мѣста священно-служительскія, положеніе, чтобы мѣста псаломщиковъ занимали люди, окончившіе курсъ семинарскихъ наукъ, опредѣленіе числа лѣтъ при поступленіи на священно-и-церковно-служительскія мѣста, не могутъ также, съ теченіемъ времени, не оказать благотворнаго вліянія какъ на возвышеніе священно-служительскаго сана, въ глазахъ прихожанъ и общества, такъ и на болѣе ревностное выполненіе требованій священно-и церковно-служительскаго званія. При настоящемъ порядкѣ дѣлъ, поступившій на мѣсто причетника или же священника уже ничего болѣе не видитъ предъ собою. Положеніе его, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, опредѣлено на всю жизнь. Между тѣмъ, по новымъ порядкамъ, посвящающему себя на служеніе церкви предстоитъ прохожденія іерархическихъ церковныхъ степеней; новая іерархическая степень будетъ для него наградою за его трудъ и усердіе. Такимъ образомъ въ основѣ новыхъ учрежденій лежитъ поощреніе для усердныхъ и трудолюбивыхъ на поприщѣ служенія церкви. Кромѣ этого, здѣсь же имѣется въ виду и ихъ будущая пастырская опытность. Поступающіе на приходы священниками въ настоя-

¹⁾ Тѣмъ охотнѣе могутъ заняться устройствомъ подобныхъ хоровъ псаломщики, что имъ обѣщается посвященіе въ санъ діакона, въ случаѣ успѣшнаго веденія дѣла,

щее время, тотчасъ по окончаніи курса богословскихъ наукъ, большею частію бываютъ людьми съ свѣжими и живыми чувствами, съ воспріимчивымъ впечатлѣніемъ, но вмѣстѣ съ этимъ неокрѣпшими еще въ характерѣ, не искусившимися въ опытахъ житейской мудрости, не знающими надлежащимъ образомъ своихъ отношеній къ причту и прихожанамъ, и вслѣдствіе этого способными на увлеченіе и ошибки всякаго рода. Прошедшіе же низшія степени іерархическія явятся опытными руководителями ввѣряемой имъ паствы, вполне сознающими свой постъ и назначеніе. Такимъ образомъ, предварительное прохожденіе низшихъ іерархическихъ степеней, будетъ служить не только поощреніемъ для безукоризненнаго исполненія служенія церкви, но вмѣстѣ съ этимъ будетъ также опытною практическою школой, въ которой будущіе кандидаты священства на практикѣ будутъ приучаться къ своему будущему, нелегкому служенію. Постепенное возведеніе на іерархическія степени было не только въ обычаѣ древней церкви, но даже освящено каноническими церковными постановленіями. И нужно полагать, что и въ нашей церкви эти каноническія постановленія первоначально сохранялись во всей силѣ. Съ введеніемъ правильно устроенныхъ общеобразовательныхъ заведеній, въ видѣ особой привилегіи, было допущено рукоположеніе въ санъ священства непосредственно окончившихъ полный курсъ семинарскихъ наукъ. Съ развитіемъ же и распространеніемъ правильного образованія, съ увеличеніемъ числа людей съ полнымъ богословскимъ образованіемъ, эта привилегія должна была сама собою рушиться. И опредѣленіе, чтобы окончившіе полный курсъ семинарскихъ наукъ занимали мѣста псаломщиковъ, въ видѣ предварительнаго служенія церкви, вполне совпадаетъ съ настоящими требованіями времени. Съ увеличеніемъ и распространеніемъ образованія въ массѣ народа, съ появленіемъ среди его людей съ обще-

образовательнымъ воспитаніемъ (о которомъ въ настоящее время заботится не только правительство, но и земство), псаломщикъ,—лице второе послѣ пастыря въ приходѣ,—долженъ быть не недоученнымъ и поверхностно ознакомившимся съ элементарными науками, но человѣкомъ болѣе или менѣе образованнымъ, знакомымъ не только съ богословскими, но и общеобразовательными науками. Только такой псаломщикъ займетъ видное мѣсто въ приходѣ, и только съ такимъ образованіемъ способенъ будетъ аккуратно выполнять всѣ тѣ требованія, которыя возлагаютъ на него новыя положенія.

Г) Наконецъ, воспрещеніе свободной и безпричинной перемѣны приходоѡ, предоставленіе епархіальнымъ преосвященнымъ, по соглашенію съ гражданскимъ начальствомъ, разрѣшать лицамъ духовнаго званія, или наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній публичныя чтенія о вопросахъ христіанской вѣры и нравственности, о событіяхъ библейской и церковной исторіи и тому подобныхъ, относящихся къ кругу духовнаго просвѣщенія, предметахъ, предоставленія духовенству печатать, съ разрѣшенія мѣстной цензуры, подъ наблюденіемъ епархіальнаго преосвященнаго, всѣ вообще свои сочиненія духовно-нравственнаго содержанія, за исключеніемъ тѣхъ, которые, по уставу цензурному не могутъ быть выпущены въ свѣтъ безъ разрѣшенія св. Синода,—всѣ эти распоряженія сдѣланы въ видахъ усиленія нравственно-религіознаго вліянія духовенства на народъ, съ цѣлію доставить ему больше средствъ для распространенія въ народѣ религіозныхъ знаній. Частыя перемѣны приходоѡ препятствовали пастырямъ ознакомиться съ духомъ и настроеніемъ ввѣряемой паствы и руководить ее во свѣтѣ ученія Христова; стѣснительныя ограниченія печатнаго слова не давали ему средствъ для распространенія въ народѣ здравыхъ религіозныхъ понятій.

Такимъ образомъ всѣ главныя положенія Высочайше утверждаемыхъ распоряженій направлены къ тому, чтобы, съ одной стороны, возвысить и улучшить бытъ духовенства, дать ему больше средствъ для распространенія нравственно-религіознаго ученія въ народѣ, усилить его вліяніе на народъ, съ другой стороны, чтобы потребовать отъ него болѣе серьезнаго вниманія къ своему служенію, болѣе ревностнаго выполненія обязанностей священнаго сана. Въ этихъ видахъ, для возбужденія большей ревности въ священнослужителяхъ, сняты нѣкоторыя ограниченія для желающихъ посвятить себя служенію церкви. Именно: дозволяется лицъ, подвергшихся вдовству послѣ перваго брака, или вовсе не бывшихъ въ бракѣ и желающихъ навсегда остаться въ безбрачномъ состояніи, возводить въ санъ діакона и священника при извѣстныхъ условіяхъ. Снятие этихъ условій, воспрещавшихъ многимъ принятіе на себя священнаго сана, можетъ привлечь къ священному сану многихъ усердныхъ ревнителей блага церкви. Обычай посвящать въ санъ діакона и священника не однихъ лицъ, вступающихъ въ супружеское состояніе, но также безбрачныхъ, изъявившихъ желаніе навсегда остаться въ дѣвствѣ, есть обычай древній, доселѣ соблюдаемый въ восточной церкви, и потому, по всей вѣроятности, онъ будетъ встрѣченъ многими съ радостію.

Что касается дѣтей священно-и-церковно-служителей, то хотя съ отрибною узаконеній о принадлежности ихъ къ духовному званію, они лишаются прежнихъ правъ и привилегій, предоставленныхъ имъ, какъ дѣтямъ духовнаго сословія, но въ замѣнъ ихъ получаютъ права общественныя и гражданскія. Дѣтямъ священнослужителей усвояются права дѣтей личныхъ дворянъ, дѣтямъ церковнослужителей—права дѣтей почетныхъ гражданъ. Права эти и соединенныя съ ними привилегіи они сохраняютъ при поступленіи во всѣ

роды службы. Если же они не желаютъ посвятить себя служенію церкви, въ такомъ разѣ »права ихъ на образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, на опредѣленіе въ священно-и-церковно-служители, на пособіе отъ епархіальныхъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія или на другіе, существующіе по духовному вѣдомству, способы призрѣнія остаются на существующемъ основаніи«. Такимъ образомъ въ основѣ этихъ постановленій лежитъ только уничтоженіе преградъ, затруднявшихъ дѣтямъ духовнаго званія выходъ изъ своего сословія; желающимъ выдти изъ него облегчаются пути выхода, даются соотвѣтствующія права и привилегіи, но не воспрещается служеніе церкви на основаніи прежнихъ существующихъ постановленій. При этомъ требуется только свободное посвященіе себя служенію церкви, дѣлаемое по внутреннему призванію, а не обязательное, опредѣляемое внѣшними условіями. Цѣль, слѣд., и этихъ постановленій призвать къ служенію церкви достойныхъ пастырей, и тѣмъ содѣйствовать возвышенію этого служенія въ обществѣ.

С. С.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло изъ печати и раздается подписчикамъ сочиненіе:
»Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и-церковнослужителей«. Цѣна 25 к. съ пересылкою 35 к. съ требованіями обращаться въ редакцію *»Руководства для сельскихъ пастырей«* въ Кіевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 21 іюля 1869 г. Ценсоръ протоіерей А. Колосовъ.

Въ типографіи Н. и А. Давиденко (аренд. С. Кузьменко В. Давиденко).

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТЫХ ПASTYРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на
мѣстѣ четыре руб., съ достав-
кою и пересылкою пять р. с.

№ 31.

Подписка принимается въ
редакціи сего журнала, при
киевской семинаріи.

1869 года. Августа 3-го.

Содержаніе: Поученіе къ второбрачнымъ. — Южно-русское проповѣдничество
XVI и XVII в. — Приготовленіе дѣтей духовенства къ училищу. — Объя-
вленія.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ВТОРОБРАЧНЫМЪ.

Благословляя васъ, возлюбленные, благословеніемъ Божиимъ, — поздравляю съ законнымъ бракомъ!

Еже Богъ сочети, человекъ да не разлучаетъ (Мѣ. 19, 6), сказалъ Спаситель нашъ, и сказалъ въ томъ смыслѣ, что супружество не должно быть расторгаемо по произволу, или по прихоти людей. Разлучить мужа и жену можетъ лишь конецъ жизни одного изъ супруговъ.

Возлюбленные! вы испытали эту разлуку, и нынѣ, поученію святой Церкви, *немогуще зной и тяготы* (скуки и тяжелаго одиночества) вдовствующей жизни понести, по волѣ всеблагаго Провидѣнія, вы соединились вторымъ бракомъ.

Св. апостолъ объ этомъ бракѣ говоритъ такъ: *я говорю безбрачнымъ и вдовицамъ: хорошо имъ оставаться какъ я, т. е. безъ брака. Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ.* На этомъ ученіи апостола св. Церковь разрѣшила второй бракъ, который такъ

же святъ, чистъ и нерасторжимъ, какъ и первый. Не будемъ много разсуждать о святости брака; вы это сами понимаете; понимаете и то, что нарушающій цѣломудріе брачнаго ложа, самъ своею волею, вопреки прямой волѣ Божіей, расторгаетъ бракъ, безчестить, уничтожаетъ. И да сохранитъ васъ Господь отъ этого зла. Въ настоящія, великія для васъ минуты, наше желаніе—сказать вамъ нѣсколько словъ въ назиданіе ваше о томъ, что для васъ обонхъ нынѣ особенно важно: это рѣчь о дѣтяхъ вашихъ.

У обонхъ васъ есть свои дѣти, и съ этой минуты эти раздѣльные дѣти ваши, и вмѣстѣ сироты, по закону Христовой Церкви, должны быть для васъ все равно какъ и родными. Вступивъ въ брачное общеніе между собою, вы уже чрезъ это самое стали родителями неродныхъ дѣтей. Та любовь, то попеченіе, та забота о воспитаніи этихъ дѣтей, какую они имѣли только отъ своихъ родныхъ родителей, теперь ожидается отъ васъ. Это такъ должно быть по закону Господню. Но это же самое для васъ есть *за-логъ*, который можетъ будущую жизнь вашу сдѣлать весьма счастливою. Ваша любовь нынѣ къ своимъ роднымъ дѣтямъ безпримѣрно велика. Но перенесите съ этой минуты любовь вашу и къ нероднымъ дѣтямъ, заставьте себя полюбить такъ же неродныхъ дочерей, какъ и родныхъ, и тогда только настоящее ваше супружество будетъ истинное, пріятное Господу супружество. Чѣмъ болѣе вы будете любить и заботиться о счастіи вашихъ неродныхъ дѣтей, тѣмъ болѣе общая любовь ваша будетъ и искренна, и надежна, тѣмъ счастіе семейное будетъ вѣрнѣе и продолжительнѣе, потому что жизнь ваша будетъ спокойная, потому что каждый изъ васъ будетъ любить и уважать другъ друга не только какъ супругъ—супруга, но какъ и отца любящаго свою неродную дочь, какъ родныхъ, и замѣнившаго сиротѣ—малюткѣ ея родителя:—какъ мать, кроткую, нѣжнолюбящую и ласково-

нисходительную и къ нероднымъ дочерямъ, какъ къ своей родной дочери. Благословеніе же Божіе, при такой жизни вашей, будетъ обитать явственнѣе на домѣ вашемъ.

Я говорю такъ потому, что знаю много, очень много примѣровъ совсѣмъ другаго рода. Многіе отцы, а еще болѣе матери, къ нероднымъ дѣтямъ не чувствуютъ никакой любви: дѣти отъ первыхъ браковъ для нихъ чужія дѣти. Родныхъ своихъ дѣтей любятъ, — неродныхъ ненавидятъ: и отъ этого часто послѣдствія бываютъ самыя печальныя. Прежде добрый, любящій отецъ своихъ дѣтей, при жизни ихъ родной матери, своей первой жены, впоследствии, сочетавшись бракомъ съ другой, по насазамъ мачихи, измѣняетъ свое родительское чувство. Изъ угожденія женѣ настоящей показываетъ видъ, что не любитъ дѣтей жены прежней, не любитъ потому только, что жена его ненавидитъ ихъ. Какое печальное неразуміе, какое несправедливое жестокосердіе! А между тѣмъ такъ бываетъ, и такихъ примѣровъ мы знаемъ довольно. И судите: можетъ ли здѣсь быть истинная любовь мужа и жены и продолжительное счастье семейное! не отравляютъ ли подобные супруги лучшихъ, счастливыхъ дней своей жизни? не берутъ ли они на себя строгой отвѣтственности предъ Господомъ за несправедливое, жестокое обращеніе свое съ сиротами! Да, Отецъ небесный, Отецъ сиротъ никогда не проститъ тому, кто обидитъ сиротъ. Не было и не будетъ безмятежно-спокойной совѣсти и, слѣд., истиннаго счастья тамъ, гдѣ счастье основано на горѣ сиротъ.

Вотъ что, по долгу пастыря, я желаю сказать вамъ, возлюбленные! И желаю, и буду всегда молить Господа только о томъ, чтобы ваша супружеская любовь сосредоточивалась болѣе всего на дѣтяхъ вашихъ. И еще повторяю: если вы будете равно любить вашихъ родныхъ и неродныхъ дѣтей, будете заботиться о воспитаніи ихъ въ равной же сте-

пени, будете устроить ихъ счастье также, какъ бы и своихъ кровныхъ дѣтей; то вѣрно слово, что ваша любовь супружеская всегда будетъ и тепла, и искренняя, и ваше семейное счастье будетъ прочно и продолжительно, потому что Божіе благословеніе всегда будетъ съ вами.

Помолитесь объ этомъ Царицѣ Небесной, и Она, чадолюбивая Мать и Заступница наша, наставитъ васъ на добрую жизнь супружескую.

Свящ. А. Тихомировъ.

ЮЖНО-РУССКОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО XVI и XVII ВѢКА (ПО ЛАТИНО-ПОЛЬСКИМЪ ОБРАЗЦАМЪ).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ ¹⁾).

2) Развитие южно-русской проповѣди и обогащение ея разнообразнымъ содержаніемъ.

Слишкомъ обширны старинныя южно-русскія проповѣди. Пятнадцать, двадцать и болѣе страницъ большаго формата in folio—обыкновенный размѣръ ихъ. Отъ чего зависѣла такая многорѣчивость южно-русскихъ проповѣдниковъ, тогда какъ древніе русскіе проповѣдники, руководившіеся греческими образцами, не могли написать поученія больше, какъ въ нѣсколько страничекъ, да и то съ большими усиліями и повтореніями одного и того же? Конечно, обширность южно-русскихъ проповѣдей первоначально зависѣла отъ того, что онѣ писались по опредѣленному плану; если были поставлены рубрики, то нужно было чѣмъ нибудь и наполнять ихъ; но, главнымъ образомъ, причиною обширности южно-русскихъ проповѣдей служило обиліе источниковъ, откуда черпали южно-русскіе проповѣдники,—источниковъ, большая часть которыхъ закрыта современною гомилетикою. Какіе же это источники?

---

¹⁾ См. № 21-й.

»Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ«, говоритъ авторъ 1-й русской гомилетики, Іоанникій Голытовскій, »откуда намъ взять матерію, изъ которой мы могли бы составить проповѣдь? Отвѣчаю: нужно читать библію, жизнеописанія святыхъ, творенія учителей церковныхъ— Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія, Феодорита, Ефрема, Іоанна Дамаскина, и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ св. Писаніе«. Все это совершенно справедливо: св. Писаніе и творенія отцевъ церкви всегда были и всегда должны быть настольными книгами для каждаго христ. проповѣдника, къ какому бы вѣку и народу онъ ни принадлежалъ. Но далѣе Іоанникій Голытовскій исчисляетъ источники, пользованіе которыми составляетъ отличительную черту средневѣковой латинской, а вслѣдъ за нею и южно-русской проповѣди. »Нужно читать«, продолжаетъ онъ, »исторіи и хроники о различныхъ папствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлалось и что теперь дѣлается. Нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зѣзьяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности, и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочешь говорить«. Такимъ образомъ гомилеть открываетъ для пользованія проповѣднику всю безмѣрно-обширную область природы и исторіи, на сколько она постигалась тогдашнюю наукою. Какъ же проповѣднику управиться съ столь разнообразными матеріалами, какъ приспособить ихъ къ своей проповѣди? »Для этого«, заключаетъ гомилеть. »читай проповѣди различныхъ проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдуй«¹⁾).

Посмотримъ прежде всего, какъ южно-русскій проповѣдникъ, руководясь примѣромъ проповѣдниковъ латинскихъ,

¹⁾ Ключъ л. 519.

пользовался для своей проповѣди данными изъ исторіи чело-
вѣчества и что именно изъ нея заимствовалъ? Прежде всего
южнорусскій проповѣдникъ обращалъ вниманіе на тѣ леген-
дарныя, апокрифическіе рассказы, которые стоятъ—такъ ска-
зать—на границѣ между духовною и свѣтскою исторіею—
и облекають священныя имена мнѣчскими представленіями.
Подобнаго рода рассказовъ много слышалось и въ Руси мо-
сковской, но тамъ они строго преслѣдовались духовною вла-
стію и слыли подъ именемъ *отреченныхъ* книгъ: напротивъ
того, южно-русскіе проповѣдники пользовались такими леген-
дами, не стѣсняясь, и, кажется, очень любили ихъ за ихъ
фантастичность и занимательность. Авторъ *Огородка* расска-
зываетъ, напр., о Соломонѣ такую неправдоподобную легенду:
»Соломонъ царь имѣлъ обычай носить на пальцѣ перстень,
на которомъ изображались двѣ короны—золотая и терновая,
сплетенныя между собою; и на одной сторонѣ была надпись:
побѣда любви, а на другой: *любви дозвѣнная крѣпость*,
и когда царица савская, пришедши къ Соломону, увидала
перстень и спрашивала, что въ немъ за тайна; то Соло-
монъ отвѣчалъ: »золотая корона принадлежитъ Христу, какъ
Богу, а терновая—какъ человѣку; и терновая корона взяла
верхъ надъ золотою, потому что сошла Бога съ неба на зе-
млю, что и значить надпись *любви дозвѣнная крѣпость*«¹⁾.
Тотъ же проповѣдникъ обставляетъ многими легендарными чу-
десами исторію бѣгства во Египетъ младенца Спасителя,
разсказывая, что свирѣпый разбойникъ умилился предъ бо-
жественнымъ Младенцемъ, что одно древо преклонилось предъ
нимъ, до земли, а другое финиковое—наклоняясь, предла-
гало путникамъ свои плоды; что львы и змѣи выходили изъ
кустовъ воздать поклонъ Христу—Спасителю, что множество
мелкихъ птицъ пѣли предъ Нимъ человѣческимъ голосомъ:

---

¹⁾ Огород. стр. 1068

витай, царю! и что нази предъ Нимъ гермопольскіе идола ¹⁾. Тотъ же проповѣдникъ приводитъ двѣ легенды въ доказательство того, что имя Пр. Дѣвы было извѣстно въ вѣкахъ давно минувшихъ, за долго до рождества Спасителя. 1) Нѣкогда каменщики, по приказу Сибиллы, царицы венгерской, съ позволенія Салдана, царя вавилонскаго, начали дѣлать глубокую раскопку на долинь Іосафатовой. Находятъ гробъ, и въ немъ видятъ огромный трупъ, еще цѣлый, съ длиною бородою и волосами, покрытый овечьею шкурою. При головѣ трупа лежала большая таблица, на которой еврейскими буквами были выбиты слова: »я Сноѣ, третій сынъ Адама, вѣрую во Іисуса Христа, Сына Божія, и въ Марію, мать Его, которые изъ моихъ чреслъ имѣють родиться« ²⁾. 2) При папѣ Гоноріѣ III-мъ, въ царствованіе Фридерика II-го и Фердинанда, короля кастильскаго, одинъ жидъ, для расширенія своего виноградника, раскапывалъ сосѣднюю скалу и докопался до чего-то очень твердаго; это —оказалась книга, состоявшая изъ деревянныхъ листовъ, въ которой по еврейски гречески и римски было написано о троякомъ свѣтѣ отъ Адама до антихриста. Начало сказанья о третьемъ свѣтѣ читалось такъ: »въ третьемъ мірѣ Сынъ Божій родится отъ Дѣвы Маріи и пострадаетъ за спасеніе человѣческое«. Не трудно рѣшить, на сколько эти легенды правдоподобны и достойны возвѣщенія съ церковной каведры ³⁾. Авторъ *Ключа разумнiя* приводитъ легендарное извѣстіе о числѣ ранъ Христовыхъ. Когда Брутъ Кассій и другіе сенаторы убили Юлія, цесаря Римскаго, то на тѣлѣ убитаго оказалось 23 раны. Жиды были болѣе жестоки, потому что, убивая Христа, царя

—
¹⁾ Огород. стр. 791. ²⁾ Огород. стр. 732. Цитуется книга *трисаціонъ Маріи* гл. 35. л. 112, свидѣтельство историка Гебрардуса.

³⁾ Огород. стр. 732. Цитуется таже книга *трисаціонъ Маріи*, на томъ же листѣ, свит. Петра Канизія.

славы, дали ему 5475 рапъ¹⁾). Кромѣ библейско-апокрифическихкихъ сказаній, южно-русскіе проповѣдники вмѣщали въ своихъ проповѣдяхъ разные легендарныя сказанія о чудесахъ, бозышею частію заимствованныя у католиковъ, и далеко не достовѣрныя. Горячо вооружался противъ такихъ сказаній о чудесахъ Теофанъ Прокоповичъ и весьма мѣтко характеризовалъ ихъ, раздѣляя ихъ на четыре разряда. 1) *Пустыми и посящими на себя печать женственности* (говорить Прокоповичъ) и называю тѣ чудеса, которыя имѣютъ легковѣрнаго автора: таковы, напр., видѣнія и откровенія женщинъ. Нѣкоторыя женщины издали объ этомъ цѣлыя книги и трактуютъ по главамъ, что говорилъ Христосъ тогда-то и тогда-то, что видѣлось въ ту, что въ другую ночь. Поэтому у напистовъ все житія женщинъ ни о чемъ столько не твердятъ, какъ о видѣніяхъ. Это понятно. Извѣстно, что женщины, по природѣ своей, склонны къ фантазіи и рассказыванію своихъ сновъ, такъ какъ этотъ полъ легкомысленъ и довольно тщеславенъ. Къ этому же разряду можно отнести все рассказы или слишкомъ нѣжные и сентиментальные, какъ напр. то, что ангелъ будилъ въ молитвѣ какую-то дѣвицу, тихо щипая ее за ушко; или неприличные и несообразные съ божест. величіемъ, какъ напр. то, что св. Матерь Божія отдала мить свое дитя другой дѣвицѣ, моющейся въ банѣ; или такіе, смыслъ и цѣль которыхъ нельзя понять, но которые тѣмъ не менѣе пусты и незначительны. Таковъ, напр., рассказъ о томъ, что юноша пожелалъ видѣть Богородицу, чего и удостоился, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы увидѣвши лишиться глазъ: но онъ хотѣлъ быть лучше кривымъ, чѣмъ слѣпымъ, и потому созерцалъ Богоматерь съ однимъ открытымъ и однимъ закрытымъ глазомъ. 2) *Исключительно трагичныя* тѣ чудеса, которыя представляютъ собою какую либо плачевную сцену.

---

¹⁾ Ключъ л. 154.

Такого рода чудеса, большею частію, рассказываются о чистилищѣ; напр., что какой-то путникъ набрелъ на большую кузницу, гдѣ циклопы большими молотами ковали руки, языки, головы и прочіе члены людей, отторгнутые отъ тѣлъ. Тамъ же, можетъ быть, выкована и эта басня. Сюда же можно отнести рассказъ объ Иденѣ и о докторѣ сорбонскомъ, въ житіи Брунона: когда—говорится здѣсь—священники отпѣвали усопшаго доктора, жертвецъ поднимался трижды и въ первый разъ сказалъ: *я обвиненъ*, потомъ: *я судимъ* и наконецъ: *я осужденъ*. Значить, народъ и священники были такъ тверды духомъ, что не разбѣжались отъ этого дива. Не говорю уже о томъ, что здѣсь вводится сцена частнаго суда... Изящные проповѣдники, не имѣя возможности другими средствами подѣйствовать на душу, стараются потрясти народъ вымышленными страшилищами. 3) Еще менѣе достойны вѣроятія чудеса важныя и чрезвычайно изумительныя (такія, которыя, если бы теперь случились въ Кіевѣ,—тотчасъ же, можетъ быть, разнеслись бы по всему свѣту), однакоже *неподтвержденные надлежащими свидѣтельствами* и сокрытыя глубокимъ молчаніемъ у всѣхъ писателей, кромѣ какого нибудь одного. Таково, напр., то чудо, которое выдалъ смѣшной кропатецъ чудесъ Іеронима, худо скрывшійся подъ именемъ Кирилла. Когда Іеронимъ кончилъ жизнь, то всѣ колокола, сколько ихъ ни было въ мірѣ, будтобы зазвучали сами собою. Но я увѣренъ, что ни кому изъ смертныхъ не слышно было этого звука, только одинъ помѣшанный Кириллъ запасся тогда ушами дьявиіе кабаньихъ. Во первыхъ, тогда не было въ употребленіи колоколовъ, а во вторыхъ, неужели такое изумительное знаменіе не было-бы передано и разглашено всѣми историками того времени?.. 4) Къ четвертому разряду мы причисляемъ такія чудеса, *которымъ, очевидно, нельзя приписать божественное происхожденіе*. Эти чудеса легко распознать; въ нихъ замѣ-

тишь или суевѣріе, или признаки нечестія. Скажите, пожалуйста, можно ли производить отъ Бога то чудо, что когда былъ убитъ Іосафать (Бунцевичъ), то младенецъ будто-бы воскликнулъ, что Богъ убитъ!.. Ужели ты думаешь, что по божественному мановенію могло произойти то (чего, впрочемъ, никогда и не бывало), что сбрехалъ, между прочимъ, странный панегиристъ Іеронима: у Кирилла, — говоритъ онъ, былъ споръ съ однимъ еретикомъ, признававшимъ во Христѣ двѣ воли; за такое заблужденіе Іеронимъ будтобы въ виду народа отдѣлилъ у еретика голову отъ плечъ. Что это, бессмертный Боже, за грубость относительно свяи. догматовъ! что за страсть и охота лгать¹⁾? Здѣсь намъ приходится повторить то же, что было сказано прежде: именно, что Ѳ. Прокоповичъ, живя уже въ XVIII в. и начичая собою новый періодъ русскаго проповѣдничества, могъ съ безпощадною критикою относиться къ слабымъ мѣстамъ прежняго проповѣдничества, которыя были для него совершенно ясны. Но для предшественниковъ Прокоповича несостоятельность католическихъ легендъ была вовсе не ясна, и они, нисколько не стѣсняясь, рассказывали въ своихъ проповѣдяхъ о католич. чудесахъ, которыя были нисколько не лучше критикуемыхъ Прокоповичемъ. Есть въ старинныхъ южно-русскихъ проповѣдяхъ католическія чудеса и сентиментальныя, и трагическія, и неподтвержденные надлежащими свидѣтельствами, и немогущія, по своему характеру, имѣть божеств. происхожденія. Такъ въ проповѣди *о непорочномъ зачатіи Богоматери*, — которая, по самому предмету своему, носить на себѣ слѣды католич. вліянія, — рассказывается такая легенда. »Когда Авва Гелеинъ ѣхалъ изъ Дакіи въ Англію на кораблѣ, чрезъ море, то поднялась великая буря и угрожала всѣхъ потопить, въ то время появился надъ моремъ нѣкій

¹⁾ Выдержки изъ рукописной риторикѣ Ѳ. Прок. №. VI с. 4. въ Трудахъ к. д. ак. 1865 № 4. стр. 623—627.

мужъ въ архіерейскомъ облаченіи, и сказалъ: Гелениъ, если хочешь спастись отъ смерти, то общайся праздновать день зачатія Пр. Богородицы и научать тому же другихъ. — Гелениъ спросилъ: съ какимъ-же набоженствомъ праздновать зачатіе Пр. Богородицы. — Также, какъ и рождество ея, отвѣчалъ явившійся архіерей. Гелениъ общался, и тотчасъ же архіерей пропалъ и море успокоилось¹⁾. Это чудо не столько сентиментальное, а вотъ чудо трагическое. »Въ королевствѣ Британскомъ жилъ одинъ юноша, который каждый день читалъ пр. Дѣвъ ангельское поздравленіе, потомъ захворалъ и умеръ. Долго лежалъ онъ мертвымъ; наконецъ ожилъ, велѣлъ поскорѣ призвать священника, и предъ всеми людьми исповѣдалъ ему слѣдующее: я былъ представленъ на судъ Христовъ, гдѣ злые духи обвиняли меня въ трехъ грѣхахъ, именно: что я не давалъ десятину священнику, тайно ловилъ рыбъ изъ монашескаго пруда, и, ѣздя на охоту со псами, давилъ бѣдныхъ людей. За эти грѣхи я былъ осужденъ на адское мученье, но пресв. Дѣва умолила Христа Бога отпустить меня на покаяніе, и мнѣ велѣно снова возвратиться въ тѣло²⁾. Приводятся также въ проповѣдяхъ чудеса, поражающія своею недостовѣрностію и не обезпеченныя твердыми историч. свидѣтельствами. »Ринга, королева Венгерская (говорится въ одной проповѣди³⁾), какъ скоро родилась, тотчасъ же стала говорить Пр. Дѣвъ такое привѣтствіе: »*Витай, царице небесная* «! Въ томъ же родѣ и другое чудо, встрѣчающееся въ другой проповѣди о. Іоанникія Голятовскаго. »Въ 1117 г., когда (по свидѣт. Баронія) въ Италіи было великое землетрясеніе

---

¹⁾ Ключъ л. 270. При семъ цитруется Ансельмъ кантерберійскій о зачатіи Пр. Богородицы. ²⁾ Ключъ л. 492. Цитруется *Промыслъ* о чудесахъ Пр. Дѣвы 95. ³⁾ Ключъ л. 326. Цитруется Мартииъ Бѣльскій л. 360.

и небесныя знаменія, въ Кремонѣ, французскомъ городѣ, одно дитя малое, пеленами повитое, только что рожденное, промолвило, что оно видѣло Пресв. Дѣву, стоящую предъ Сыномъ своимъ и молящую, чтобы Онъ отложилъ свое намѣреніе погубить грѣшный міръ, послѣ того дитя замолкло и пребыло не говорящимъ до урочнаго времени«¹⁾. Встрѣчаются, наконецъ, въ проповѣдяхъ такія чудеса, происхожденіе которыхъ легче объяснить своекорыстными расчетами духовенства, чѣмъ планами Бож. Промысла. »Арнольдъ, князь Баварскій (говорится въ одной проповѣди), несправедливо оттягивалъ себѣ одно мѣсто, отданное Пресв. Дѣвѣ, гдѣ былъ построенъ монастырь. За то схватилъ Арнольда духъ нечистый и утопилъ въ озерѣ около монастыря«²⁾.

Переходимъ теперь къ изложенію того, что заимствовали южнорусскіе проповѣдники собственно изъ гражданской исторіи. Очень рѣдко они наполняли всю проповѣдь общеполитическимъ содержаніемъ. Мы знаемъ только два примѣра этого. Въ одной проповѣди, на день св. *Онуфрія*, изъ текста: *яко чудо быхъ многихъ*, проповѣдникъ задается вопросомъ: *какимъ чудомъ былъ св. Онуфрій?* и припоминаетъ, что семь чудесъ было на свѣтѣ: стѣны вавилонскія, пирамиды египетскія, колосъ родосскій, статуя Юпитера олимпійскаго, храмъ Діаны ефесской, дворецъ Кира, царя мидскаго, и мавзолей, построенный Артелиціею, царицею карійскою. Въ проведеніи натянутой аллегорической параллели между чудесами древняго міра и доблестями преп. Онуфрія и состоитъ вся проповѣдь³⁾. Другая проповѣдь, погребальная, посвящена исчисленію различныхъ, извѣстныхъ изъ исторіи, надгробныхъ надписей и символовъ.

---

¹⁾ Ключъ л. 317. Цитруется Сидоній кн. 10 о происхожденіи Влоскомя. ²⁾ Ключъ л. 295. ³⁾ Ключъ л. 482—488.

Такъ—по сказанію проповѣди—на гробницѣ Іосифа были изобразены снопы, на гробницѣ Іисуса Навина солнце, на гробницѣ Толгана, царя вавилонскаго орелъ, на гробницѣ мученика Максима фениксъ; на гробахъ Маккавеевъ были поставлены пирамиды и столбы съ изображеніемъ воинскихъ доспѣховъ и кораблей; на гробницѣ Олимпіи, матери Александра македонскаго были изображены руки Олимпіи, обращающія колесо, съ надписью: *колесо вращаетъ...* Надъ гробницею Лукреціи римской была надпись: *жила чисто, праздною не была, домъ устроила*: при гробѣ сына Стефанова была повѣшена сѣкира съ изображеніемъ весны и осени и съ надписью: *весни лѣтъ, осень доблестей*. Надъ могилою благочестивой кремонской княгини Булгаріи выросло кедровое дерево съ тремя отраслямиб—альзамовою, оливковою и кипарисовою. Семирамида ассирійская на гробницѣ своей велѣла написать: *»кто хочетъ богатства, пусть, открывши гробъ, возметъ, сколько нужно«*, а когда Дарій открылъ гробъ, то вмѣсто сокровищъ нашелъ только надпись: *если бы ты не былъ элмъ и жаднымъ человекомъ, то не тревожилъ бы гробовъ умершихъ*, и проч. Въ примѣненіи всѣхъ этихъ символовъ и надписей къ лицу покойника и состоитъ вся проповѣдь ¹⁾).

Въ другихъ проповѣдяхъ факты изъ гражданской исторіи далеко не наполняютъ собою всей проповѣди и приводятся отрывочно. Отрывочны они и по самому существу своему. Это или отдѣльныя изреченія, по большей части остроумныя, или анекдоты, или описанія какихъ-нибудь символовъ и гербовъ. Вотъ примѣры изреченій: *»Брусиазъ, римскій философъ, умирая, сказалъ: самый несчастный на свѣтѣ человекъ тотъ, жизнь котораго даетъ столько поводовъ плакать, а смерть—радоваться«* ²⁾).

---

¹⁾ Ключъ л. 504—512. ²⁾ Ключъ л. 488.

Философъ Сенека сказалъ, что *властитель долженъ быть крутъ съ гордецами и ласковъ съ покорными* ¹⁾. Карлъ Великій, передавая престолъ сыну своему, сказалъ при всѣхъ, что *въ теченіи всей своей жизни, хотя и благополучной, не имѣлъ онъ ни самаго малѣйшаго періода, вполне радостнаго, который былъ бы изъятъ отъ печалей, безпокойства, болѣзней и всякихъ хлопотъ* ²⁾. А вотъ примѣры анекдотовъ: »При дворѣ имп. Сигизмунда жилъ сановникъ, который жаловался, что императоръ не обращаетъ вниманія на его заслуги. Услыхалъ объ этомъ императоръ, велѣлъ приготовить два кубка, одинаковой величины, одинаковаго вида и наполнить одинъ золотомъ, а другой оловомъ, такъ чтобы въсь ихъ былъ одинаковъ,—и призываетъ къ себѣ дворянина. »Я слыхалъ«, говоритъ императоръ, »что вы ропщете на меня, будто я не обращаю вниманія на ваши заслуги; посмотримъ, я ли виноватъ въ этомъ, или ваше несчастье. Вотъ два кубка; выбирайте любой; въ одномъ золото, въ другомъ желѣзо. »Смутился бѣдный дворянинъ, беретъ то тотъ кубокъ, то другой, молить Бога объ удачѣ, наконецъ, рѣшается«. »Наяснѣйшій Цезарь, государь мой! я беру этотъ кубокъ«. —Хорошо сказалъ императоръ,—ваше счастье, если въ немъ золото. Вскрываютъ кубокъ, но уввы! въ немъ олово. Видите, сказалъ императоръ,—не я виноватъ въ вашемъ несчастіи, а Богъ; если бы Богъ захотѣлъ, рука ваша не ошиблась бы« ³⁾. Всего чаще встрѣчаются въ проповѣдяхъ ходячіе анекдоты изъ древняго міра, такъ знакомые намъ по хрестоматіямъ. Напр. »Діогенъ философъ, человекъ остроумный и потѣшный, находяся однажды въ маленькомъ городѣ Миндѣ, въ коемъ были большія ворота,—вышелъ на площадь, и за-

---

¹⁾ Огородокъ стр 404. ²⁾ Огород, ст. 1028. ³⁾ Огород. стр. 574.

кричалъ: *граждане мидійскіе, запирайте ворота, чтобы городъ вашъ не ушелъ* ¹⁾! Или еще: »Когда Юлій Цезарь плылъ чрезъ море и поднялась столь великая буря, что корабль испугался, то цезарь, успокоивая его, сказалъ: *не бойся: цезаря везешь*« ²⁾! Внушаемая схоластическою гомилетикою склонность къ аллегоріямъ, а также распространенная въ польской республикѣ любовь въ частности къ гербамъ—были причиною того, что между историческими данными, помѣщаемыми въ южнорусскихъ проповѣдяхъ, не малое мѣсто находятъ себѣ символы и гербы. Напр., Изабелла, царица аррагонская, имѣла такой символъ: пара цвѣтовъ, одинъ геліотропъ, или солнценикъ, другой селеніотропъ, или мѣсячникъ, съ надписью: *гряди и смотрю на вѣчное* ³⁾. Анна, царица венгерская, имѣла гербомъ сжатые руки съ розою, изображающею любовь Божію, и съ надписью: *такъ на вѣки* ⁴⁾. Хлодовикъ, король французскій, имѣлъ на своемъ гербѣ трехъ звѣрей: одинъ—*кенокефалъ*, съ надписью: *набожность*; другой—*ориксъ*, съ надписью: *воздержаніе*; третій—*слонъ*, съ надписью: *щедрость*« ⁵⁾. Впрочемъ, не мало символовъ мы уже указали выше при изложеніи проповѣди о надгробіяхъ.

Всѣ эти разнородные и отрывочные куски истор. матеріала, помѣщаемые въ проповѣдяхъ (изреченія, анекдоты и символы) претендуютъ только на занимательность, но нисколько не отличаются ни историческою правдою, ни близостію къ предмету проповѣди. Требованіе исторической правды до такой степени было оставляемо безъ вниманія, что рассказывались съ церковной кафедры вещи не только неправдоподобныя, но и совсѣмъ невозможныя, лишь бы онѣ были занимательны. Напр. »Одинъ оселъ, когда хозяинъ

¹⁾ Огород. стр. 544. ²⁾ Огород. стр. 971. ³⁾ Огород. стр. 519. ⁴⁾ Огород. стр. 687. ⁵⁾ Влучъ л. 491.

ударилъ его, закричалъ: *»зачѣмъ ты меня бьешь? развѣ ты не знаешь, что я афинянинъ?»* разгнѣванный хозяинъ отвѣчалъ: *ты не афинянинъ*, и еще разъ ударилъ осла бичемъ« ¹⁾. Или еще: *»Александръ македонскій однажды пришелъ съ войскомъ своимъ на поле, гдѣ росли чудныя деревья; они вырастали вмѣстѣ съ восходомъ солнца и по мѣрѣ захожденія солнца умалаялись и, наконецъ, совсѣмъ скрывались въ землю. Одинъ воинъ, по приказанію Александра, хотѣлъ достать листьевъ этого дерева, но внезапно злой духъ сбиль его съ дерева и ушибъ до смерти,—и слышанъ былъ голосъ: »кто до этихъ деревьевъ ближе приступитъ, умретъ наглою смертію«* ²⁾. Приспособлялись подобныя quas-историческіе рассказы къ общему содержанію проповѣди, по большей части, довольно неудачно—всего чаще чрезъ аллегорію, иногда ни съ чѣмъ несообразную. Вотъ примѣры: *»во время осады Тира Александромъ македонскимъ, когда одинъ изъ его солдатъ рѣзалъ хлѣбъ, то изъ хлѣба потекла кровь, чѣмъ предъизображалось кровопролитное взятіе Тира Александромъ. Хлѣбомъ называется тѣло Христово. И вотъ, когда этотъ хлѣбъ, т. е. тѣло Христово, было прободено копьемъ, то изъ него потекла кровь и вода«* ³⁾. Или еще лучше: *»уподоблю монастырь коню тронтскому, котораго греки устроили изъ дерева, подобно великой горѣ, и замкнули тамъ воиновъ, и подписали на верху: жертвы богини Минервы, а сами отступили. Трояне втащили этого коня въ городъ, какъ жертву богини своей Минервы, не зная, что внутри сидятъ греческіе солдаты, которые ночью, вышедши изъ коня, разрушили Трою огнемъ и мечемъ. Такъ и въ каждомъ монастырѣ скрываются воины Христовы, монахи, которые троякимъ крестомъ духовнымъ троякихъ непріятелей душевныхъ поражаютъ«* и

---

¹⁾ Огород. стр. 691 ²⁾ Огород. стр. 245. ³⁾ Ключъ л. 153.

проч.¹⁾ Или наконецъ: »когда одинъ живописецъ показалъ Апеллесу свою картину, на которую потратилъ много золота, то Апеллесъ сказалъ: *ты не можешь сдѣлать ее красивою, такъ сдѣлалъ богатою*. Но нельзя сказать того же объ образѣ Божества, пр. Дѣвѣ. Разсуждали предвѣчно лица Божіи о начертаніи сего образа, и такъ преуудо предначертали его, что нынѣ оный является *чрезъ Іоакима и Анну и богатымъ, и изящнымъ*»²⁾. Впрочемъ встрѣчаются иногда и болѣе удачныя приспособленія. Всего удачнѣе это могло быть относительно добрыхъ нравственныхъ изреченій. Когда, напр., проповѣдникъ приводитъ отвѣтъ Аристиды богачу: *моя бѣдность не приноситъ ничего худого, а тебѣ твое богатство доставляетъ неисчислимыя хлопоты и безпокойства*»³⁾, то понятно, что эта мысль сама по себѣ можетъ имѣть мѣсто въ церковной проповѣди. Иногда, хотя рѣдко, удачно приводятся проповѣдникомъ примѣры изъ исторіи для подтвержденія какой либо нравоучительной мысли. Напр., »Дозналъ непостоянство жизни человѣческой Сеянъ, великій сенаторъ римскій, которому язычники приносили жертвы, какъ Богу,—который ѣздилъ на золотой колесницѣ и подишывался на ряду съ имп. Тиверіемъ, а потомъ измѣнило Сеяну счастье, отрублена у него голова и трупъ влечимъ по улицамъ и брошенъ въ Тибръ. Дозналъ непостоянство жизни Велизарій, гетманъ греческій, который побѣдилъ столбныхъ королей, а потомъ выколоты были ему очи и сталъ онъ убогимъ нищимъ, и просилъ милостыни на константинопольской площади. Дозналъ непостоянство человѣческой жизни Баязеть, могучій король турецкій, предъ которымъ дрожали Египеть, Сирія, Арменія и другія страны, а потомъ Тамерланъ, царь татарскій, плѣнилъ его на войнѣ, посадилъ

¹⁾ Ключъ л. 58. ²⁾ Огород. стр. 442. ³⁾ Огород. стр. 90.

въ клетку, и сядя на коня, ступалъ ему на шею ¹⁾. Если, наконецъ, обратимъ вниманіе на историческую почву, съ которой брались помѣщаемые въ проповѣдяхъ факты, то увидимъ, что они брались не изъ русской исторіи ²⁾, но или изъ исторіи западно-католическихъ странъ, или изъ греко-римскаго міра, или даже изъ греческой мифологіи. Таковы, напр., рассказы о яблокѣ раздора, отравяющемъ конѣ, объ ахиллесовой пяткѣ и проч. ³⁾. Вліяніе латино-польскаго проповѣдничества и въ этомъ случаѣ сказалось весьма сильно.

Ф. Т.

---

¹⁾ Ключъ л. 285. ²⁾ Изъ русск. исторіи только въ одномъ мѣстѣ приводится рассказъ о Святославѣ. Ключъ л. 426. ³⁾ Ключъ л. 493. л. 56. Огород. стр. 335.

**ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ ¹⁾.
БУКВАРИ, КАКЪ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ И РЕЛИГІОЗНО-ПРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.**

Дѣтскія книги у насъ въ большинствѣ случаевъ, особенно въ быту сельскаго духовенства, состоятъ въ такъ называемыхъ азбукахъ, или букваряхъ. Какое значеніе имѣетъ букварь? Необходимъ онъ въ дѣлѣ обученія дѣтей грамотѣ? Но нынѣ дѣти легко, въ какія нибудь двѣ недѣли, выучиваются читать и безъ помощи букварей, благодаря новѣйшей наглядной методѣ. Въ чему же томить и притуплять умственные способности дѣтей надъ чуждыми всякаго педагогическаго такта толстыми букварями! Еще менѣе буквари могутъ оставаться въ качествѣ книгъ для дѣтскаго чтенія, или какъ пособія при обученіи дѣтей родному языку. Буквари, какъ и все въ мірѣ, имѣютъ свою исторію, судя по которой оказывается, что обученіе родному языку вовсе не принималось въ соображеніе при составленіи и из-

---

¹⁾ См. № 29-й.

данія букварей. Буквари—это первые произведенія въ исторіи народной письменности; они и назначались не для дѣтей собственно, а вообще для всѣхъ желавшихъ учиться »божественнымъ писаніямъ«. Можно сказать, встарину дѣти не считались даже способными учиться грамотѣ; за буквари сажали не дѣтей, а юношей. Но буквари дѣйствительно были дѣтямъ не по силамъ. Какъ первые памятни-ки собственно русской письменности, буквари начали составляться и издаваться въ такое время, когда при полномъ отсутствіи въ обществѣ педагогическихъ началъ, повсюду господствовало религіозное невѣжество, и потому составители букварей находили нужнымъ помѣщать въ нихъ все, что считали необходимымъ проводить въ необразованную массу народа, по части церковно-религіозно-нравственной. Такимъ образомъ, буквари въ свое время были сборниками всевозможныхъ свѣдѣній религіозно-церковнаго характера, или даже представляли энциклопедію всѣхъ современныхъ знаній. Но въ настоящее время буквари не могутъ имѣть такого значенія, и во первыхъ, они не достаточны для религіозно-нравственнаго обученія дѣтей, которое должно быть полагаяемо въ основу образованія. Что тотъ же человѣкъ, который не имѣетъ уваженія къ религіи, сердце котораго холодно къ интересамъ вѣры, глухо ко всѣмъ возвышеннымъ и святымъ чувствамъ и стремленіямъ! А не заботясь о религіозномъ воспитаніи дѣтей съ раннихъ лѣтъ, отцы дѣйствительно рискуютъ оставить въ нихъ религіозную сторону недостаточно развитою на цѣлую жизнь; но крайней мѣрѣ, опытъ свидѣтельствуетъ, что религіозное направленіе, благочестивыя привычки, остающіяся у людей на всю жизнь, главнымъ образомъ, объясняются воспитаніемъ, какое получили эти люди въ дѣтствѣ. Человѣческій родъ вѣрилъ и вѣритъ въ Бога прежде и независимо отъ приобрѣтенія тѣхъ или другихъ свѣдѣній; дѣти могутъ вѣ-

рять въ Бога также до полнаго пробужденія въ нихъ душевныхъ способностей,—науки и искусства не нужны для этого. Вѣра въ Бога, потребность этой вѣры, въ природѣ человека. Однако, подъ вліяніемъ суровой жизни, подъ впечатлѣніями опытовъ нравственнаго зла и отъ неизбѣжныхъ физическихъ бѣдствій, сѣмя вѣры, такъ живучее въ дѣтяхъ, можетъ слабѣть, гложуть и совсѣмъ умирать въ сердцахъ взрослыхъ. Необходимыми условіями для развитія въ насъ естественныхъ зачатковъ вѣры служить чистота сердца и нравственная невинность—достоинства, претендовать на которыя никто не имѣетъ такого права, какъ дѣти. Мы, люди очерствѣвшіе въ буряхъ жизни, часто невольно уносимся духомъ къ днямъ своего дѣтства, жалѣемъ объ утратѣ свѣтлой, беззаботной невинности, какою наслаждались въ своемъ младенчествѣ, отдыхаемъ душой на своей нравственной непорочности, унесенной потокомъ времени; но главныя, характеристическія черты, которыя мы усматриваемъ при этомъ въ своей младенческой невинности и объ утратѣ которыхъ особенно жалѣемъ,—это живѣйшая вѣра въ Бога и полная, сыновняя преданность Его волѣ. Значитъ, вѣра въ Бога тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ младенческою невинностію, есть, такъ сказать, сама невинность. Недаромъ говорятъ, что вѣра въ человѣческомъ родѣ есть остатокъ той блаженной невинности, какою наслаждались наши прародители еще въ раю,—что главная почва и опора ея въ человѣчествѣ—преданіе. Поэтому сѣмя вѣры и добра, брошенное въ сердце человѣческое самою природою, должно быть воспитываемо особенно тщательно въ пору невиннаго младенчества. Но сѣмя вѣры и добра не можетъ быть возвращено и воспитано въ дѣтяхъ только посредствомъ библей. Ужели отъ того, что дѣтьми выучены будутъ наизусть символъ вѣры, молитвы, заповѣди и пр., ихъ религіозно нравственное состояніе далеко подвинется впередъ?

Но такъ думать нельзя уже потому только, что обученіе дѣтей молитвамъ, заповѣдямъ и пр., не составляетъ внутренняго, гармоническаго воздѣйствованія на нихъ въ духѣ христіанскаго вѣроученія, а относится просто къ формальному обученію, которое само по себѣ можетъ не имѣть никакого вліянія на ихъ психическое состояніе.

Для религіознаго воспитанія дѣтей требуется нѣчто другое, чего не даютъ общераспространенные буквари. Если дитя научится произносить имя Божіе изъ устъ благочестивой любимой матери, это будетъ уже довольно прочнымъ началомъ для его религіозно-нравственнаго воспитанія. За тѣмъ, пусть дѣти составятъ себѣ представленіе о Высшемъ Существовѣ, по положенію въ семействѣ своего отца, неусыпной дѣятельности на пользу общую, его отношенію къ нимъ, дѣтямъ своимъ, проникнутому любовію, заботливостію и мудрою предусмотрительностію. Повѣрьте, что это живое понятіе о Богѣ—Отцѣ и Промыслителѣ гораздо больше приготовитъ дѣтей къ постепенному религіозно-нравственному развитію и самоусовершенствованію, чѣмъ какая нибудь сухая теорія, или мораль. Для малютокъ не много нужно, чтобы походить на дѣтей, принадлежащихъ христіанскимъ родителямъ. Этому помагаютъ само семейство, среди котораго они живутъ. Семейство есть лучшая школа для религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. Въ хорошей семьѣ, организовавшей по духу вѣры и поступающей во всемъ соотвѣтственно установившимся благочестивымъ обычаямъ и общепризнаннымъ правиламъ жизни, дѣти наживаютъ прекрасныя привычки и наклонности, органически, и душой и тѣломъ, срастаются — не съ отвлеченнымъ христіанскимъ ученіемъ, требующимъ себѣ опоры и нуждающимся въ доказательствахъ, — а съ христіанствомъ дѣйствительнымъ, осязаемымъ, выразившимся вовнѣ, воплотившимся въ опытъ, въ фактъ. Это-то дѣятельное христіанство и нужно

выдирать въ нѣжныя, воспріимчивыя души дѣтей; тутъ ученіе вѣры и требованія нравственности идутъ нераздѣльно, рука объ руку; догматъ дѣлается предметомъ не ума только и воображенія, а вмѣстѣ и задачей для дѣятельности воли. При этомъ, отдѣльно отъ практики должно сообщать дѣтямъ развѣ самыя простыя истины вѣры. Вообще первоначальное ученіе вѣры для дѣтей, примѣрно, могло бы состоять въ слѣдующемъ. »Богъ есть нашъ небесный Отецъ, Который заботится обо всѣхъ, подобно тому, какъ заботится настоящій, земной отецъ о своемъ семействѣ. Онъ сотворилъ все: и солнце, и землю, и человѣка. Онъ заставляетъ солнце давать намъ свѣтъ и тепло, заставляетъ тучки поливать наши сады и поля. Безъ Него не было бы у насъ ни хлѣба, ни плодовъ и ничего,—Онъ даетъ намъ, дѣтямъ Своимъ, все нужное. Онъ любитъ насъ, какъ родной отецъ, и мы должны Его любить и слушаться, какъ своего отца. Ему непріятно, когда мы дѣлаемъ дурное, чего намъ не велятъ дѣлать большіе, когда желаемъ другому бѣды и несчастія. Онъ добръ ко всѣмъ и накажетъ насъ, если мы будемъ дѣлать кому нибудь вредъ и непріятность. Онъ видитъ всѣ наши поступки; ложь и обманъ трудно скрыть и отъ отца роднаго, а отъ Бога ничего не утаишь: Онъ видитъ, когда и люди не видятъ. Если иногда здѣсь Богъ не наказываетъ насъ за дурныя поступки, то, значить, по Своей милости Онъ жалѣетъ насъ и ждетъ, что мы одумаемся и исправимся сами; а *на томъ свѣтѣ*, когда умремъ, Богъ за все съ насъ взыщетъ,—за хорошія дѣла похвалитъ и сдѣлаетъ насъ счастливыми, за дурныя накажетъ наши *души*, и онѣ будутъ страдать«¹⁾. Вотъ ученіе, которое должно твердо помнить каждому дитяти, и не только помнить, но и обратить въ убѣжденіе, или пра-

---

¹⁾ Чтеніе о воспит. П. Юревича стр. 215—216.

вило для жизни. Это—основныя мысли *религіи вообще*, и къ нимъ всего чаще приходится обращаться человѣку во все періоды возраста. Какимъ же образомъ можно развить и укоренить въ дѣтяхъ эти мысли?

Для человѣка взрослого и развитаго, конечно, ничего не значать обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось бы заниматься изученіемъ молитвъ, символа вѣры и прочаго содержанія букварей, относящагося къ области религіи; но нельзя того же сказать о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Мальчикъ обучается священнымъ предметамъ на ряду съ буквами и слогами, обыкновенно нагоняющими на него скуку, тоску, приводящими его въ самое неблагоприятное душевное состояніе. Онъ настроенъ по будничному. Ни одного движенія, соответствующаго достоинству занятія. Апатія, стѣсненіе, нерасположеніе—вотъ тѣ чувства, съ которыми онъ относится къ навязанному ему дѣлу. Далѣе, его заставляютъ учить молитвы, символъ вѣры и пр., не разбирая ни времени, ни мѣста, а извѣстно, что и для богослуженія церковнаго назначаются особыя времена, и для храма Божія годится не всякое мѣсто. Что же? Ужели можно сказать, что все это нисколько не вредитъ религіозному воспитанію дѣтей? что обученіе священнымъ предметамъ по букварямъ не оставляетъ желать ничего лучшаго? Многіе священники серьезно вдумывались въ означенное неудобство букварей и пришли къ такимъ положеніямъ, что гораздо лучше обучать дѣтей молитвамъ, символу вѣры и другимъ свящ. предметамъ съ голосу и въ храмъ Божіемъ, въ праздничные дни, между заутренею и обѣднею, или въ то время, когда бываетъ проповѣдь. Храмъ любятъ дѣти, благоговѣютъ предъ нимъ. Тутъ они видятъ иконы, на которыя любятъ и молятся. При чтеніи молитвъ, символа вѣры, дѣтямъ можно указывать, *давать видѣть* священныя предметы и изображенія, имѣющія отношеніе къ молитвамъ и символу.

Дѣти способны къ наглядности, живутъ ею. Посредствомъ наглядности, которая дѣлаетъ предметы близкими и осяза-тельными, обучаютъ дѣтей всему; наглядностью необходи-мо пользоваться и при религіозномъ обученіи. Между тѣмъ самый храмъ и все богослуженіе, совершаемое въ немъ, есть для дѣтей уже какбы таже вѣра, или, по крайней мѣ-рѣ, выразительное свидѣтельство о ней: та или другая часть богослуженія, священный обрядъ—есть живой образъ той или другой религіозной истины. Однимъ словомъ, церковнымъ богослуженіемъ придается ученію вѣры характеръ такой на-глядности, при которой для дѣтей истины вѣры не только мо-гутъ объясняться, но и облекаются въ поразительную, глубоко трогательную форму. А это значитъ, что дѣлу религіознаго воспитанія дѣтей очень много способствуетъ, сколько можно, частое присутствованіе ихъ при *общественномъ* церковномъ богослуженіи. Разумѣемъ подъ словомъ: *общественное*—празд-ничное и торжественное богослуженіе, когда въ храмъ соби-рается большое стеченіе народа: это не послѣднее обстоя-тельство для полученія дѣтьми благопріятнаго впечатлѣнія отъ церковнаго богослуженія. »Законъ наглядности«, говоритъ Куртманъ, »дѣйствуетъ и при религіозномъ наставленіи. Сухое, отвлеченное богопочтеніе не умилительно ни для взрослыхъ, ни для дѣтей; напротивъ того, наглядное, хотя бы и символическое выраженіе высокихъ истинъ вѣры привлекаетъ и дѣйству-етъ возбуждительно на сердце и волю. Молитвы и бываютъ потому столь рѣдко любимы питомцами, что онѣ состоятъ изъ отвлеченныхъ формулъ, которыхъ питомецъ не въ со-стояніи понять безъ объясненій воспитателя, а слушать эти объясненія скоро ему прискучить«.

Ну, а если сопоставить сухое, механическое, тоскли-вое заучиванье дѣтьми молитвъ, символа вѣры и пр., съ живымъ, одушевленнымъ, *изящнымъ* чтеніемъ для нихъ простыхъ и въ тоже время трогательныхъ и поучительныхъ

отрывковъ изъ св. Писанія, твореній св. отцовъ и другихъ духовныхъ и не-духовныхъ сочиненій, въ которыхъ развиваются или затрогиваются истины вѣры и нравственности,—выигрываютъ ли буквари отъ такого сравненія? Конечно, нѣтъ! А къ означеннаго рода чтенію рекомендуютъ педагоги обращаться какъ можно чаще, въ виду религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. Раскройте же предъ дѣтьми св. Библію и прочтите имъ, напр., трогательную исторію о томъ, какъ Богъ хранилъ Іосифа, сына Іакова, среди всѣхъ злоумышленій и бѣдствій, приготовленныхъ ему родными братьями, или младенца Моисея, прочтите имъ умиленные бесѣды самаго І. Христа; если счумѣете, не касаясь непонятнаго и непостижимаго для дѣтей, рассказать и всю жизнь І. Христа,—и это сдѣлайте. Знаменитый нашъ писатель, Фонъ-Визинъ, въ своихъ »чистосердечныхъ признаніяхъ« говоритъ, между прочимъ, что благочестивый отецъ его любилъ проводить время съ своими маленькими дѣтьми, которыхъ у него была куча, въ бесѣдахъ о библейскихъ событіяхъ и лицахъ, наиболѣе поразительныхъ и понятныхъ для дѣтей. Результаты были самые утѣшительные. Фонъ-Визинъ рассказываетъ, что когда отецъ передавалъ исторію Іосифа, проданнаго братьями, то онъ чувствовалъ необыкновенное возбужденіе душевныхъ силъ и плакалъ навзрыдь; послѣ, когда Фонъ-Визинъ выросъ, образъ Іосифа, мысли и чувства, которыя онъ возбуждалъ нѣкогда въ душѣ дитяти, были всегда присущи ему. И кто знаетъ, какъ много все это вліяло на строго-религіозное направленіе, которому онъ остался вѣренъ до гроба, среди всѣхъ искушеній и сѣтей, разставлявшихся ему послѣдователями Вольтера! Нечего говорить уже, какою пламенною вѣрою должны дышать всѣ ваши слова, при чтеніи дѣтямъ священныхъ рассказовъ и событій. При слабой вѣрѣ, или не проникнувшись надлежащимъ чувствомъ благоговѣнія, лучше ни-

чего не читайте и не говорите дѣтямъ изъ Божественнаго откровенія, а предоставьте дѣло религіознаго воспитанія ихъ Церкви и законоучителю. Но истины вѣры и нравственности проникаютъ и бьютъ ключемъ почти во всѣхъ лучшихъ словесныхъ произведеніяхъ, не говоря уже о чисто духовныхъ твореніяхъ. Значить, стоить только умѣть выбрать для дѣтей подходящую статью, правоучительный рассказъ и пр., чтобы принести невидимую, но существенную пользу ихъ нравственному развитію. Лучшее мѣсто въ словесномъ произведеніи, т. е. особенно назидательное относительно вѣры и нравственности можно даже заставлять дѣтей заучивать наизусть. Само собою разумѣется, что заучиваніе дѣтьми наизусть хорошо подобранныхъ къ ихъ возрасту текстовъ св. Писанія еще больше имѣетъ значенія: заученное мѣсто изъ св. Писанія яснѣе очерчиваетъ христіанскую истину для сознанія дѣтей, въ глазахъ которыхъ она получаетъ, такимъ образомъ, осязательное основаніе и вызываетъ на размышленіе.

Все это, конечно, не значитъ, чтобы обученіе дѣтей молитвамъ, заповѣдямъ и вообще употребленіе старинныхъ буквarei считалось вовсе неумѣстнымъ. Для начальнаго религіознаго воспитанія старыя азбуки не имѣютъ значенія только въ быту такихъ сословій, гдѣ религіозному воспитанію дѣтей содѣйствуетъ самая среда и гдѣ приложимы рациональные способы религіозно-нравственнаго образованія дѣтей.

Но въ быту простаго народа безъ буквarei нельзя; и обученіе крестьянскихъ дѣтей религіи и нравственности по букварямъ еще долго не можетъ выйти изъ употребленія. Безъ дальнихъ объясненій и разсужденій возьмемъ нашего русскаго мужичка;—возьмемъ его со всѣмъ, какъ онъ есть: съ его безвыходнымъ положеніемъ; съ его судьбой—мачихой; съ его тяжелымъ механическимъ трудомъ съ ранняго утра до

вечера и часто съ вечера до утра; съ его тупой и невѣжественной средой, весь вѣкъ бьющейся изъ-за куска чернаго хлѣба, роющей въ землѣ и навозѣ, всѣми думами и мечтами погруженной въ настоящее, помѣшавшейся на матеріи и чувственности. Ну, можете ли вы что нибудь сдѣлать для его религіознаго образованія кромѣ того, какъ заставите его выучить наизусть простѣйшія молитвы, заповѣди и пр? Нашъ крестьянинъ знаетъ, и вы должны съ нимъ согласиться въ томъ, что ему не суждено спускаться своею мыслию до коренныхъ основаній вѣры, или наслаждаться созерцаніемъ возвышеннѣйшихъ богословскихъ построеній. Правда, онъ вѣрующій человѣкъ, его сердце жаждетъ религіозной истины; но такъ какъ жизни указаны ему совсѣмъ другія задачи и на религіозное образованіе нѣтъ у него ни времени, ни силъ, то онъ естественно долженъ въ своихъ религіозныхъ симпатіяхъ ограничиваться немногимъ, и прежде всего знаніемъ молитвъ, заповѣдей, и затѣмъ—умѣньемъ читать и пѣть въ храмѣ Божіемъ. За что нибудь нужно ему схватиться въ дѣлѣ религіи, чтобы совсѣмъ не упустить ее изъ виду. Или вы находите выборъ его неосновательнымъ? Но въ такомъ случаѣ надо замѣтить, что крестьяне не у насъ только, но и во всѣхъ странахъ Европы отличаются нерасположеніемъ къ отвлеченнымъ созерцаніямъ въ области вѣры; и винить ихъ за то нельзя. Согласитесь, что человѣкъ отдается созерцаніямъ при матеріальномъ обезпеченіи; въ умѣ и воображеніи начинается у него живая игра мыслей и образовъ уже послѣ продолжительныхъ упражненій, на сытый желудокъ, въ умственномъ, теоретическомъ направленіи. Но крестьянину некогда созерцать, нечѣмъ упражнять свою мысль и фантазію; онъ мечтаетъ не любитъ, занимается только тѣмъ, что имѣетъ прямое приложеніе къ жизни въ его положеніи; развѣ въ особенныхъ обстоятельствахъ и, такъ сказать, въ праздничномъ настроеніи души онъ пускается въ отвлеченныя комбинаціи

мысли и фантазіи; направленіе его чисто практическое. И вотъ, еслибы вы стали раскрывать мужичку созерцательную сторону вѣры, или проще сказать—объяснять ученіе ея для ума, можно полагать, что онъ не сталъ бы васъ, какъ слѣдуетъ, слушать, а потребовалъ бы поскорѣе отъ васъ самую сущность вѣры, какъ она выражается въ неизмѣнномъ символѣ, чтобы тотчасъ заучить все это на память и потомъ сложить въ сокровищницу своего сердца до перваго случая, когда откроется возможность и надобность приложить заученное къ дѣлу. При этомъ, если онъ многого не понимаетъ, то спокоенъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что въ теченіе своего короткаго ученія ему удалось на-всегда узнать самое главное относительно вѣры христіанской, тогда какъ при созерцательномъ обученіи предметамъ вѣры у него естественно остались бы только смутные образы и сбивчивыя положенія, которыя въ послѣдующее время необходимо должны были бы ускользнуть изъ его головы и оставить его ни съ чѣмъ. Поэтому нельзя не уважать въ народѣ повсюднаго желанія учиться молитвамъ, заповѣдямъ, чтенію славянской печати и пр.; если онъ желаетъ молиться Богу и знать Его святую волю, этого въ его положеніи очень достаточно. Съ другой стороны, при обученіи молитвамъ, заповѣдямъ и пр., возможны, конечно, и нѣкоторые объясненія ихъ содержанія. Простолудины учатся всему этому въ дѣтствѣ, для того собственно отыскиваютъ и школы у себя. И такъ, дѣло объясненія молитвъ и заповѣдей лежитъ на обязанности сельскихъ учителей или законоучителей. Опытъ показываетъ, что многіе изъ этихъ учителей до сихъ поръ не могутъ понять нерасположенія народнаго въ тѣмъ училищамъ, въ которыхъ обученіе молитвамъ, заповѣдямъ и пр., постановлено не на первомъ мѣстѣ, а главнымъ образомъ, обращено вниманіе на общее образованіе, почерпаемое изъ чтенія книжекъ, и на сообщеніе матеріаль-

ныхъ знаній. Но если народъ крайне чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ средствахъ получать религіозно-нравственное образованіе и остановился только на изученіи молитвъ и десятословія, то какого расположенія можно требовать отъ него къ ученью, имѣющему своимъ содержаніемъ вещи житейскія и оставляющему въ сторонѣ интересы духовныя, Бога и душу! Нѣтъ, въ отвращеніи народа къ общеобразовательнымъ и реальнымъ школамъ нѣтъ ничего страннаго; народныя требованія на счетъ школы сельской заслуживаютъ полного вниманія: а вмѣстѣ съ тѣмъ и старымъ нашимъ букварямъ, написаннымъ славянскими буквами и наполненнымъ молитвами, заповѣдами, псалмами и пр., открывается еще широкое примѣненіе. Если же это такъ, то поистинѣ жаль, что буквари, помѣщая молитвы, символъ вѣры и пр., не помѣщаютъ вмѣстѣ съ этими никакихъ толкованій и объясненій, которыя такъ необходимы по невразумительности для дѣтей славянскаго языка, на которомъ все это пишется.

Несостоятельность букварей, безъ всякихъ объясненій, предлагающихъ дѣтямъ религіозное ученіе, понято уже давно, при Петрѣ I. Букварь, по которому учился сынъ Петра, царевичъ Алексѣй, былъ составленъ въ духъ старины, съ славянскими молитвами, заповѣдами, псалмами и пр.; въ посвященіи »Пресвѣтлѣйшему Монарховичу« какъ нельзя лучше высказывается задача грамотности, какъ ее понимали у насъ въ древности. »Господь нашъ І. Христосъ во св. Евангеліи зѣло похваляетъ учащихъся книгамъ сице: всякъ книжникъ, поучився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. Сокровища есть сердца новая: св. Евангеліе, апостолъ; ветхая—вся пророческія книги, яже воспріяла Церковь святая, и индѣ глаголетъ: испытайте писанія, въ нихъ же есть животь вѣчный« ¹⁾). Но уже въ Духовномъ Регла-

¹⁾ Наука и Литература—Пекарскаго, т. I, стр. 173.

ментъ (1721 г.) ясно и рѣшительно высказанъ взглядъ противъ стариннаго способа составленія букварей,—говорится, что прежнія книги, по темнотѣ языка и составу своему, во все неблагопріятствуютъ распространенію въ народѣ христіанскаго ученія; вслѣдствіе этого найдено необходимымъ составить и издать »три книжицы«: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожь и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго«. При этомъ выражено, что первая и вторая книжицы назначаются для »ученія дѣтямъ изъ начала букварнаго своего ученія«. И замѣчательно, еще не успѣли издать Духовнаго Регламента, какъ въ Петербургѣ появился букварь, отъ котораго вѣяло уже новымъ духомъ. 1720 года напечатано было »Первое ученіе отрокомъ«, въ которомъ помѣщены не голыя молитвы, заповѣди и пр., а »краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и десяти блаженствъ«

Появленіе такого букваря, который вносилъ полнѣйшую реформу въ систему тогдашняго образованія, вызвало въ обществѣ страшную оппозицію. Это понятно. Но стоять за старые порядки въ настоящее, просвѣщенное время—по меньшей мѣрѣ странно. Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ обратить вниманіе на тѣ доказательства, какими оправдывалась при Петрѣ I означенная реформа въ первоначальномъ образованіи. Въ предисловіи къ новому букварю, обращенномъ »къ благочестивымъ родителямъ, воспитателямъ, приставникамъ, господамъ и всѣмъ прочимъ, пия отеческое надъ малыми отроками носящимъ«, говорится, что отъ воспитанія въ юности зависить вся жизнь человѣка, что подтверждается

не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ народахъ: »въ которомъ народѣ многія свары, ненависти, коварства, татбы и разбои, и прочія злонравія,—не усумнивайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтямъ... А воспитаніе таковое въ Россіи—кто не видитъ? какъ скудно: мнози и благовѣстнии у насъ и богобоящіеся человѣцы, не вѣдая силы закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... Не многіе ли обрѣтаются книжчии, которые заповѣдей Божіихъ, и символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ?... Чѣмъ же таковой за книжчєніе свое лучшій отъ прочихъ? Ей, многаяжды худшіе и злѣйшіе бываютъ! Не имуще бо страха Божія за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать училися, глухое тое искусство обращаютъ себѣ въ орудіе злобы, и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пасквили, портятъ записи, договоры, духовницы, притворяютъ указы. Нѣщии же, помышляя о себѣ, что понеже читать умѣютъ, вельми мудры суть, дерзаютъ вымышлять плевельная ученія, мнимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлаютъ«. Далѣе авторъ говоритъ, какбы въ объясненіе сказаннаго, что прежнія сочиненія для первоначальнаго обученія писались »славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ«, отчего и оставались непонятными для дѣтей; поэтому—де царь повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, гдѣ »истолкованы законъ Божій, символъ вѣры, молитва Господня и десять блаженствъ евангельскихъ, съ тѣмъ, чтобы отроки, читая учащіеся, не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися«¹⁾). Составленіе этого толкованія принадлежитъ знаменитому Теофану Прокоповичу.

¹⁾ Пекарск. I стр. 178—179.

Съ другой стороны, для насъ поучительны въ нѣкоторомъ родѣ и тѣ мнѣнія, какія высказывались въ старину въ пользу букварей »славянскаго высокаго діалекта«. Эти мнѣнія вполне высказались именно по поводу изданія въ свѣтъ вышеозначеннаго »Перваго ученія отрокомъ«.

Въ критикѣ на Теофановъ букварь, Маркелъ Родышевскій началъ издалека; онъ писалъ: »Всякій во правду чинъ обученія письменъ, во еже изъ тѣхъ пояти законъ Господень, благъ есть, томо да будетъ съ добрымъ намѣреніемъ и чистою совѣстію предложенъ христіанскому отрочеству; обаче промышляющая мати Церковь соборная (которую православные, раздѣленія ради отъ другихъ, или неправославныхъ, или схизматическихкихъ церквей, восточною и греческою нарицати обыкоша), можетъ быть отъ самыхъ пріемши апостоловъ (якоже древность употребленія показываетъ) христіанскимъ же паче своимъ чадамъ, ученію письменъ приложитися имущимъ, образъ и правила показала и уставила, т. е. что имъ первѣе, что же послѣжде слушати; таже каково имъ брашно по ихъ поятію предъявляти и отъ каковаго реченія, знаменіе благочестія являющаго, начинати подобаетъ; потомъ же, яже крѣпчайшему въ далечайшее поступку и неспѣлымъ ихъ разумамъ удобнѣйшая и полезнѣйшая суть, тщательно расположила и научила, которое ученія правило даже до сегодне вездѣ содержится, гдѣ сирѣчь восточныя Церкви процвѣтаетъ ученіе«. Въ чемъ же заключается это правило? А вотъ въ чемъ: замѣтивъ, что ученіе дѣтей должно начинаться произнесеніемъ и призваніемъ святаго и животворящаго креста, и обличивъ новый букварь въ неуваженіи къ символу спасенія нашего, между тѣмъ какъ »мы православные христіане ничто же древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе креста имамы«, критикъ называетъ молитвы, которымъ, по его убѣжденію, слѣдуетъ учить дѣтей, а послѣ молитвъ заставляеть ихъ

приниматься за октоихъ, псалтырь, аностолъ и т. д. Что касается, въ частности, псалтыри, то ее проходить обязанности дѣти уже потому, что »въ псалмахъ нечестивыхъ безуміе, гордость и бѣдное киченіе—яко прахъ предъ лицомъ вѣтра«... »Тѣмъ же«, заключаетъ критикъ, »жестоко потъ обычая (паче же должности) православнаго ученія, яко мню, зѣло чуждо покажется оное: *не псалмовъ и молитвъ, но сихъ толкованій ди учатся*.. Аще бы кто нынѣ иныиъ, кромѣ сего, ученіемъ отроковъ услуживался привести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ сіе началъ бытицаіемъ, обаче едва или никакоже могъ бы избыти порока подозрѣнія, коими паче новоизобрѣтатель, или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы«¹⁾. То же почти самое можно слышать и теперь въ защиту славянскихъ буквarei. Но допуская ту мысль, что отъ дѣтей съ самаго начала грамотности слѣдуетъ требовать знанія наизусть молитвъ, символа вѣры и пр., потому что эти молитвы и на томъ же славянскомъ языкѣ придется слушать и читать въ церкви, особенно дѣтямъ духовенства, мы желали бы, чтобы молитвы изучались по такимъ книжкамъ, гдѣ рядомъ съ молитвами, наиболѣе доступными дѣтямъ, помѣщаются краткія и ясныя толкованія на нихъ: пусть дѣти учатъ молитвы не какъ попуган, а читая объясненія ихъ, усваиваютъ въ извѣстной степени и содержаніе заучиваемыхъ молитвъ. Касательно же того обычая, по которому заставляютъ иногда дѣтей читать и учить наизусть славянскую псалтырь, часовникъ и т. п., замѣтимъ, что этотъ обычай обязанъ своимъ происхожденіемъ и распространеніемъ не только недостатку въ старину книгъ для чтенія, но и любви къ церковному богослуженію, участіе въ которомъ, чтеніемъ на клиросѣ, считалось дѣломъ добрымъ. По этому

---

¹⁾ Пекарскаго, т. I, стр. 180—181

последнему побужденію и теперь нѣтъ надобности вооружаться противъ тѣхъ, которые, готовя дѣтей своихъ въ церковныя чтецы, считаютъ необходимымъ научить ихъ бойко читать церковно—богослужебныя книги.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ
СУНОДѢ.

*Въ С.-Петербургскія синодальныя книжныя лавки: на
Петровской площади въ зданіи святѣйшаго Синода и
въ домъ Православнаго Духовнаго ведомства на Ли-
тейной. № 36.*

ПОСТУПАЮТЪ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

а) на Русскомъ языкѣ:

БИБЛІЯ въ новомъ русскомъ переводѣ, въ 8 д. на обыкновенной бѣлой бумагѣ, въ печ. оберт. 1 часть 40 к. 2 часть 60 к., вѣс. 2 ф.

БЕСѢДЫ на Евангеліе Св. Григорія Двоеслова, переведенныя съ латинскаго языка на русскій архимандритомъ Климентомъ, въ бум. пер. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ИСТОРІЯ (сокращенная) русской церкви, преосвященнаго архіепископа Филарета, въ печ. оберт. 50 к., вѣс. 1 ф.

ИСТОРІЯ російской церкви, Муравьева (изд. 1840 г.), въ кор. пер. 60 к., вѣс. 1 ф.

МОЛИТВОСЛОВЪ краткій, съ полиптихами, въ 32 д. въ печ. оберт. 4 к., вѣс. 1 ф.

ОПИСАНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго Синода, томъ I (1542—1721 г.), въ 8 д. въ печ. оберт. 4 р., вѣсъ 7 ф.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія россійской имперіи томъ I (1621 г.), въ 8 д. на бѣл. бум. въ печ. оберт. 1 р., на веден. бум. въ печ. оберт. 1 р. 40 к., вѣс. 2 ф.

ВРАЧЕБНО-НАРОДНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ, профессора Хотовицкаго (изд. 1863 г.), въ бум. пер. 6 к. вѣс., 1 ф.

и б) на одномъ славянскомъ языкѣ.

СЛУЖБА преподобнымъ Кириллу и Меодію, въ 4 д. въ бум. пер. 4 к. вѣс. 1 ф.

МИНЕЯ мѣсячная, въ листь, ц. п. въ 12 кн. въ кож. пер. 33 р. вѣс. 65 ф.

Примѣчаніе. Въ требованіяхъ на книги, поступающихъ въ Хозяйственное Управленіе при святѣйшемъ Синодѣ отъ иногородныхъ лицъ, по большей части показывается одно только мѣсто жительства требователя—въ *такомъ-то мѣстечкѣ или селеніи*, безъ обозначенія губерніи и уѣзда, и при томъ самыя требованія нерѣдко пишутся неразборчиво, чѣмъ затрудняется удовлетвореніе ихъ до того, что посылки, за неясностію адресовъ, часто возвращались Почтамтомъ обратно въ Управленіе и должны были на долгое время оставаться въ ономъ. Въ избѣжаніе сего и для безотлагательнаго удовлетворенія требованій, лица, пропавшія въ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, благоволять, при выпискѣ синодальныхъ книгъ, сообщать Управленію, по возможности *четкими* почеркомъ, ясные и точные свои адреса, съ означеніемъ при этомъ не только мѣста жительства, но и *губерніи и уѣзда*, въ которыхъ оно находится.

Вышло изъ печати и раздается подписчикамъ сочиненіе:
*»Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ
 слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-
 и-церковно-служителей«*. Цѣна 25 к., съ пересылкою 35
 к.; съ требованіями обращаться въ редакцію *»Руководства
 для сельскихъ пастырей«*, въ Кіевъ.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТЫХ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ достав. **№ 32.** редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с.~~~~~киевской семинаріи.

1869 года. Августа 10-го.

Содержаніе: Рѣчь, при вступленіи Его Величества, Государя Императора Александра Николаевича съ Государынею Императрицею Марією Александровною и съ Ихъ Августѣйшими дѣтьми въ Кіевопечерскую Успенскую Лавру, произнесенная Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. — Экзегетическія замѣтки для пастырей-проповѣдниковъ. — Обличеніе въ христіанской проповѣди.

РѢЧЬ,

при вступленіи Его Величества, Государя Императора **АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА** съ Государынею Императрицею **МАРІЕЮ АЛЕКСАНДРОВНОЮ** и съ Ихъ Августѣйшими дѣтьми въ Кіевопечерскую Успенскую Лавру, произнесенная Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, Іюля 31 для 1869 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Нѣкто изъ царей Израилевыхъ, котораго Писаніе, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, за его высокія доблести душевныя именуетъ царемъ, по сердцу Божию, желалъ, повидному, обладать крилами голубиными, дабы съ быстротою полета птичьяго свободно и безирепятственно переноситься повсюду, и тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе устроить благо своихъ подданныхъ и самому себѣ, въ часы утомленія отъ дѣлъ и заботъ царственныхъ, отъ суеты придворныя и отъ мольбы житейскія, имѣть легкую возможность, съ наимень-

шею потерю времени, уклоняться въ тишину уединенія и тамъ въ Богѣ Спасителѣ обрѣтать себѣ покой и отраду душевную. По крайней мѣрѣ неразъ онъ, даже съ нѣкоторою какбы скорбію и жалобою, вызывалъ къ Богу молитвенно: кто дастъ ми крилъ, яко голубинѣ, да полещу и почию; но крилъ этихъ ему дано не было и онъ принужденъ былъ довольствоваться средствами обыкновенными, какъ это видно изъ послѣдующихъ затѣмъ словъ его самого: се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и бѣи.

Напротивъ, Тебѣ, Великій Государь, Твоей народолюбивой попечительности о порядкѣ и благоустройствѣ Твоего царства необъятнаго, по праведнымъ судьбамъ Вышняго, дано нѣчто большее и лучшее всякихъ крилъ пернатыхъ; Тебѣ данъ и Тобою, по обычной Твоей благости, уступленъ и всѣмъ намъ на общую пользу способъ движенія, несравненно высшій и совершеннѣйшій, только быстротѣ вѣтра и молніи уступающій, такъ что при этомъ способѣ путевого сообщенія, и нашъ древній Кіевъ, на столько удаленный отъ центральныхъ мѣстъ царства Русскаго, что въ народѣ съ давнихъ лѣтъ сложилась пословица, только языку дающая возможность, и то съ немалымъ трудомъ и непріятными остановками, довести до сего святаго града, вдругъ со всѣми ими до такой степени сблизился, что теперь древле-стольный градъ Владиміровъ, въ завѣтномъ словѣ Олега вѣщаго матерію всѣхъ градовъ русскихъ нареченный, едва не рядомъ сталъ съ столицами Димитрія Донскаго и Петра Великаго.

Прими же, благосердый Государь, благодарность нашу глубокую за сіе благодѣяніе великое, и въ настоящемъ и въ будущемъ удобства и выгоды для всей Россіи обѣщающее огромныя, и за Твое благосклонное съ благочестивымъ семействомъ Твоимъ сюда пришествіе, конечно вездѣ и для

всѣхъ вождѣнное и радостное, а для насъ жителей края отдаленнаго, много отъ иновѣрія и разноязычія такъ пострадавшаго и отчасти до нынѣ еще страждущаго, сугубо утѣшительное. Въ томъ и другомъ мы видимъ особенную къ намъ милость Божию и Твое особое о насъ попеченіе. Это новый многоцѣнный перлъ въ вѣнцѣ Твоемъ, и безъ того уже ярко сіяющемъ и новый залогъ славы и безсмертія въ средѣ народа по Твоему только мановенію державному свободно послѣ многовѣковаго яга вздохнуващаго и отъ новыхъ обидъ и притѣсненій Твоимъ закономъ твердымъ и неизмѣннымъ навсегда огражденнаго. Да благословитъ Господь дальнѣйшіе пути Твои, и да дастъ Ти вся по сердцу Твоему и весь совѣтъ Твой исполнить во благое. Великій духъ Владиміра Великаго, своею богородною главою истлѣнно и чудодѣйственно здѣ почивающаго, да почіетъ выну надъ Тобою, и мы вѣруемъ, что подъ его водительство, правда, не зримы, но всегда вѣрнымъ и благонадежнымъ, и при Твоемъ молитвенномъ содѣйствіи, рука Твоя, укрѣпленная силою свыше, еще и еще совершитъ дѣла великія.

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ДЛЯ ПАСТЫРЕЙ-ПРОПОВѢДНИКОВЪ.

(Евр. 1, 5—14. 2, 1—4) ¹⁾).

Днесь (σήμερον, היום) по грамматико-историческому смыслу въ псалмѣ естественнѣе всего относится ко времени торжественнаго помазанія царя на Сіонѣ; но спрашивается, къ чему апостолъ въ отношеніи ко *Христу* относитъ это слово? Одни толковники думаютъ, что это слово указываетъ на вѣчное рожденіе Сына отъ Отца; слѣдовательно, *днесь* нужно понимать какъ названіе *вѣчности*. И дѣйствительно, въ вѣчномъ Богѣ нѣтъ прошедшаго и будущаго, а одно вѣчное настоящее, вѣчное *нынѣ*, или какъ прекрасно выражается блаж. Августинъ: въ вѣчности нѣтъ такого прошедшаго, котораго бы *уже* не было; нѣтъ будущаго, котораго бы *еще* не было; а есть постоянное *есть*. А что,

---

¹⁾ См. № 30-й.

дальше, слово *днесь* соединяется здѣсь съ прошедшимъ временемъ глагола *родихъ* (*γεννηκα*), должно означать, съ одной стороны, совершеніе, а съ другой постоянное продолженіе этого рожденія. Другіе толковники, особенно *греческіе*, думаютъ, что выраженіе *днесь* относится здѣсь къ временному рожденію въ воплощеніи, когда Христосъ и какъ *человѣкъ* сталъ Сыномъ Божиимъ. По смыслу этого толкованія, *днесь* нужно относить ко времени земной жизни Христа, а *родихъ* понимать въ смыслѣ *производить* (*producere*), такъ какъ Богъ *человѣка* Христа *родилъ* не изъ Своего существа, но Христосъ воспринялъ плоть человѣческую, родился, по наитію Св. Духа отъ Дѣвы Маріи. Третьи, наконецъ, принимаютъ мнѣніе, что апостолъ выраженіе псалма относитъ здѣсь къ воскресенію и вознесенію Христа, и что, слѣдовательно, *днесь* относится ко времени *прославленія* Христа. Это мнѣніе раздѣляютъ св. Иларій, Амвросій и другіе. Нужно сказать, что большинство толковниковъ это послѣднее мнѣніе предпочитаютъ двумъ первымъ, и *во первыхъ*, потому, что оно болѣе соотвѣтствуетъ указанному выше прообразовательному смыслу псалма. Возвышеніе Давида и помазаніе его на Сіонѣ на царство, не смотря на всѣ козни окружающихъ его враговъ, было образомъ возвышенія и прославленія Христова, начавшагося Его воскресеніемъ. Въ своемъ *воскресеніи и вознесеніи на небо* Христосъ восторжествовалъ надъ Своими врагами, возстававшими противъ Него и замышлявшими тщетное, и, какъ истинный и въ собственномъ смыслѣ теократическій царь, вступилъ въ Свою духовную власть, которою Онъ и теперь продолжаетъ обладать, воссѣдая на небѣ и истинномъ Сіонѣ, одесную Отца, пока Богъ не покоритъ Ему всѣхъ враговъ. *Во вторыхъ*, эти слова псалма образно объясняетъ и самъ апостолъ въ смыслѣ *воскресенія* Христова (Дѣян. 13, 33. ср. еще Дѣян. 4, 25).—При словѣ: и *наки* нужно подразумѣвать слова: *кому рече когда отъ ангелъ*. Выразеніе *во Отца* (*eis patrem*)

и въ *Сына* (αἱ, υἱοῦ) представляют собою гебраизмъ, такъ какъ слова *בן* и *אב* суть буквальный переводъ בן אב; чище по гречески было бы: *ἱσους υἱὸς πατρὸς καὶ ἱσους μοι υἱός* (ср. Лев. 26, 12). Эта цитата заимствована изъ 2 Цар. 7, 14 и снова въ прообразовательномъ значеніи отнесена ко Христу, хотя слова эти въ историческомъ смыслѣ, очевидно, относятся первѣе всего къ Соломону. Въ контекстѣ они имѣютъ слѣдующій смыслъ: Давидъ хочетъ построить Господу храмъ и получаетъ отъ пророка Наана одобреніе своему предпріятію. Но въ слѣдующую ночь Іегова является Наану и повелѣваетъ ему идти къ царю Давиду и сказать ему, что не онъ, а сынъ его построятъ Ему храмъ: *Той (твой сынъ) созиждетъ домъ имени Моему и управлю престолъ его до вѣка. Азъ буду ему во отца, и той будетъ Ми въ сына.* А что эти слова относятся *первѣе* всего къ Соломону, а не къ Мессіи, очевидно уже изъ непосредственно слѣдующихъ за ними словъ: *и еще придетъ неправда его*, т. е. если онъ сдѣлаетъ что нибудь злое, и *облчу его жезломъ мужей, и язвами сыновъ человеческихъ.* Это же самое вытекаетъ и изъ 3 Цар. 5, 19. 8, 17 и д., 1 Пар. 22, 10. 18, 2 и д., гдѣ мы имѣемъ какъ бы подлинное объясненіе смысла этого изреченія и указаніе на непосредственное отношеніе его къ Соломону. Но какъ же апостолъ могъ относить эти слова ко *Христу*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается правильнымъ пониманіемъ типическаго характера ветхаго завета. Христосъ, какъ Богочеловѣкъ и Искупитель, есть центръ царства Божія на землѣ, того царства, которое было основано тотчасъ послѣ паденія перваго человѣка въ обѣтованіи Искупителя и достигнетъ своего окончанія при второмъ пришествіи Христовомъ. Съ явленіемъ Христа во плоти наступаетъ собственно *полнота времени* (πλήρωμα τοῦ χρόνου Гал. 4, 4); поэтому, по справедливости, отселѣ считаютъ какъ впередъ, такъ и назадъ годы всемірной исто-

рин (которая въ высшемъ смыслѣ есть ничто иное, какъ исторія царства Божія на землѣ). Но какъ въ царствѣ природы, въ росткѣ заключается уже преобразованнымъ все дерево съ его цвѣтами и плодами, такъ и въ царствѣ исторіи и особенно той исторіи, въ которой событія суть *дѣла Божіи*, въ исторіи ветхаго и новаго завѣта. Весь ветхій завѣтъ въ судьбахъ израильскаго народа, въ выдающихся его личностяхъ, въ богослуженіи указывалъ на Христа, прообразовывалъ его. Такъ и Соломонъ, сынъ Давида, былъ прообразомъ истиннаго Сына Давидова по преимуществу, т. е. Христа, Который воздвигъ Господу истинный, живой храмъ, *Церковь*, и къ которому исполнѣ и въ собственномъ смыслѣ относятся слова: *Азъ буду Ему во Отца и Той будетъ Мнѣ въ сына*, равно какъ и непосредственно предшествующія имъ: *управлю престолъ Его до вѣка*. Св. Духъ, въ собственномъ смыслѣ авторъ свящ. Писанія, вписавши эти прообразовательныя черты въ ветхій завѣтъ, вдохновлялъ и св. писателей новаго завѣта, какъ въ пониманіи ими этихъ прообразованій, такъ и въ приложеніи ихъ ко Христу.

Ст. 6: *Егда же пакы вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ: »и да поклонятся ему вси ангели Божіи«*. Цитата въ этомъ стихѣ заимствована изъ Пс. 96, 7. Во Второзаконіи 32, 43., по переводу LXX, это мѣсто также находится съ буквальною точностію, какъ и здѣсь; но эти слова совершенно не имѣютъ тутъ никакого отношенія къ Мессіи. Правда, и въ псалмѣ по еврейскому тексту читается: »поклонитесь Ему всѣ боги (элогимъ)»; но LXX принимаютъ здѣсь, какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, словъ *элогимъ* въ значеніи *ангеловъ* и переводятъ: *προσκυνήσατε αὐτῷ πάντες ἄγγελοι αὐτοῦ*, и апостолъ по этому переводу съ небольшимъ измѣненіемъ приводитъ это мѣсто. Что касается, за тѣмъ, содержанія этого псалма, то св. псалмопѣвецъ прославляетъ въ немъ Іегову, какъ царя всей земли,

изображаетъ Его пришествіе на судъ и Его конечную побѣду надъ всѣмъ зломъ, надъ всѣмъ, что противоборствуетъ Ему. Но то самое, что въ псалмѣ говорится о *Иеговѣ*, апостолъ относитъ здѣсь къ Сыну Божію, косвенно этимъ указывая на то, что Христосъ, какъ Сынъ Божій, есть *Иегова* ветхаго завета. Слова: *иже вводитъ*, въ примѣненіи ко Христу, могутъ быть относимы только ко времени *второго пришествія Его на судъ*, когда Богъ покоритъ Ему всѣхъ враговъ, когда все подчинится Мессіанскому Царю и когда самые ангелы повлονται Ему, т. е. признаютъ своимъ Господомъ (ср. 1 Кор. 15, 28. Фил. 2, 9. 10. Евр. 10, 13). Понимаемое въ этомъ смыслѣ *иже* стоитъ въ противоположности къ *первому* введенію Христа во вселенную, при воплощеніи, когда Онъ на короткое время былъ *униженъ* предъ ангелами (2, 7). Греческое *εισάγειν* (вводить, по латыни *introducere*) есть судебный терминъ и означаетъ *введеніе въ обладаніе известнымъ предметомъ*. Поэтому и здѣсь не безъ значенія Христосъ называется *первороднымъ* (*πρωτότοκος*), имѣющимъ, слѣдовательно, полное право на наслѣдство. Этимъ наслѣдствомъ называется здѣсь *вселенная* (*ὑποκόμιση*, т. е. *γῆ*), весь міръ. Спрашивается только, въ какомъ смыслѣ нужно понимать *πρωτότοκος*, такъ какъ это слово прилагается ко Христу у ап. Павла во многихъ отношеніяхъ. Рим. 8, 29. Христосъ называется *первороднымъ во многихъ братіяхъ*, въ отношеніи къ искупленнымъ людямъ, которые въ Немъ снова усыновлены Богомъ, какъ дѣти, и такимъ образомъ сдѣлались Его братьями (ср. 2, 11) Кол. 1, 18. Христосъ называется *первороднымъ изъ мертвыхъ*, такъ какъ Онъ первый преодолѣлъ происходящую отъ Адама смерть и со славою воскресъ изъ гроба. Наконецъ, Кол. 1, 15, апостолъ называетъ Христа *первороднымъ вся твари*, такъ какъ Онъ, будучи вѣчнымъ Первословомъ, есть и Первообразъ всего, носить

въ Себѣ идеи всѣхъ вещей. Не подлежитъ, поэтому, никакому сомнѣнію, что это выраженіе и здѣсь, какъ и въ приведенныхъ двухъ выше мѣстахъ должно быть понимаемо въ приложеніи къ *человѣческой* природѣ во Христѣ. Какъ Христосъ, будучи вѣчнымъ Словомъ, есть *Единороденъ* (μονογενής) у Отца, такъ, будучи человѣкомъ, Онъ есть *первороденный Божій* (πρωτότοκος τοῦ Θεοῦ); Онъ перворожденъ въ отношеніи къ христіанамъ, которые суть Его братья, и поэтому также *сыны Божіи* (ср. 2, 10). Какъ *первороденный*, Онъ будетъ поэтому и введенъ нѣкогда въ Свое полное наслѣдіе, и тогда ангелы поклонятся Ему, какъ царю всей твари (ср. Фил. 2, 9 и д).

Ст. 7 и д. Изреченію св. Писанія объ *ангелахъ* апостолъ противопоставляетъ теперь нѣсколько текстовъ, въ которыхъ говорится о *Сынѣ*, чтобы показать этимъ, что Христосъ превосходитъ ангеловъ. *И ко* (πρὸς въ отношеніи, объ) *ангеломъ убо глаголетъ* (Богъ), именно въ св. Писаніи (Особенность этого посланія составляетъ, между прочимъ, то, что въ немъ изреченія св. Писанія непосредственно относятся къ *Богу*.). *творяй ангелы свои духи, и слуги своя огнь палящъ*. Последняя цитата заимствована изъ Пс. 103, 4., по переводу LXX. Псаломъ этотъ есть похвальная пѣснь величію власти и славѣ Божіей, являющимся въ природѣ. Въ немъ говорится (ст. 1—4): »Благослови, душа моя, Господа!.. Который облачается свѣтомъ, какъ ризою, простираетъ небеса, какъ шатеръ, водами покрываетъ Свои горы, облака содѣлываетъ Своею колесницею, шествуетъ на крыльяхъ вѣтра«. Далѣе читаемъ: »Вѣтры Онъ дѣлаетъ Своими вѣстниками (ангелами) и пламень огненный Своими служителями«; LXX, которымъ слѣдуетъ здѣсь апостолъ, перевели это мѣсто, сдѣлавши изъ сказуемыхъ подлежащія, а изъ подлежащихъ сказуемыя, и въ этомъ переводѣ приведенное мѣсто служить апостолу доказательствомъ его мы-

снѣ: Ангелы столь подчиненныя и служебныя существа, что они даже нисходятъ въ матерію и должны служить, какъ элементы природы, какъ вѣтръ и огонь. Какъ низко, поэтому, служеніе ихъ! И какъ возвышенны, напротивъ, изреченія Писанія (ст. 8—12) о Сынѣ! Глубокая мысль, заключающаяся въ переводѣ LXX, будетъ, поэтому, такого рода, что въ явленіяхъ природы дѣйствуютъ не только механическія силы природы, но и духи высшаго міра, что такъ называемыя силы природы сами приводятся въ движеніе высшею движущею причиною—*ангелами* (ср. Іоан. 5, 4).— Въ ст. 8 и д. противоположеніе только что сказанному въ ст. 7.: къ Сынѣ же (говоритъ Онъ): *»Престолъ твой, Боже, (стоитъ) въ вѣкъ вѣка; жезлъ (свинетръ) правости (т. е. справедливость есть) есть жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой елеомъ радости нѣче причастникъ (соучастниковъ) твоихъ.* Цитата снова приведена по LXX изъ Пс. 44, 7. 8. Сила доказательства заключается здѣсь въ томъ, что Сынъ два раза называется *Богомъ* (въ евр.) и изображается *отчимъ Царемъ*, котораго помазалъ Богъ. Въ противоположность приведенному выше изреченію объ ангелахъ, смыслъ этого мѣста слѣдующій: ангелы въ св. Писаніи называются *служебными элементами природы*, Сынъ же называется *Богомъ* и *отчимъ Царемъ*. Какъ, поэтому, Сынъ выше ангеловъ! Касательно помазанія, о которомъ говорится при этомъ, нужно замѣтить, что Христосъ, конечно, съ первой минуты зачатія, по вѣстасному соединенію въ Немъ божества и человѣчества, былъ помазанъ и какъ *человѣкъ*, и въ этомъ смыслѣ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ: *»Самъ Христосъ помазалъ Себя Самаго, помазуя какъ Богъ, помазываясь какъ человѣкъ; помазаніе же человѣчества есть божество«.* Но елеомъ *радости* Онъ, какъ *человѣкъ*, былъ помазанъ преимущественно предъ со-

участниками Своими, т. е. прочими людьми, Его братьями (ср. 2, 11 и д.), только при Своемъ *возвышеніи* и *прославленіи*, и именно потому былъ помазанъ, что Своею безгрѣшною жизнію, Своими страданіями и смертію Онъ показалъ Свою любовь къ правдѣ и ненависть къ неправдѣ. По смыслу, ст. 9 совершенно сходенъ съ Флп. 2, 8. 9.—Представляется необходимымъ показать здѣсь *мессіанское* значеніе этого, приводимаго апостоломъ, псаломскаго текста. Съ перваго взгляда кажется, что 44 псаломъ, такъ искусно составленный, есть эротическая свѣтская пѣснь, брачная пѣснь мірскому царю, въ которой нововѣчанная супруга убѣждается забыть свой отцовскій домъ и всецѣло отдаться своему супругу и владыкѣ. Подобнаго рода эротическія пѣсни встрѣчаются нерѣдко въ восточной поэзіи. Но уже включеніе этого псалма въ составъ *священныхъ*, назначенныхъ для *богослуженія*, пѣсней народа израильскаго, приводитъ къ мысли, что псаломъ этотъ имѣетъ глубокое *аллегорическое* значеніе и что его нужно понимать въ смыслѣ *духовнаго* брака. Въ этой мысли укрѣпляетъ насъ нерѣдкое употребленіе этой аллегоріи въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ Іегова называетъ израиля своею *невѣстою*, съ которою Онъ обручился на вѣки (Пс. 2, 19); *женою*, которая сдѣлалась ему невѣрною (Іер. 3, 14); Своею какъ бы *Рахилью*, къ которой Онъ говоритъ: »возвеселися, неплодная; ибо твой Творецъ будетъ твоимъ супругомъ, какъ жену оставленную и скорбящую духомъ призываетъ тебя Господь твой« (Ис. 54, 1. 5. 6). Особенно здѣсь нужно имѣть въ виду прекрасное мѣсто въ книгѣ прор. Іезекіиля (гл. 16), гдѣ народъ израильскій изображается дѣвою ханаанскаго происхожденія, нищенскаго званія, но которую Господь воспиталъ, омылъ, помазалъ, одѣлъ въ красныя одежды, и которая осталась Ему невѣрною, предавшись прелюбодѣянію. Изъ ветхаго завѣта эта аллегорія перешла въ новый, а потомъ въ языкъ цер-

ковной мистики. Такъ Іоаннъ Креститель называетъ Христа *женехомъ*, и народъ израильскій — *невестой*, себя же — *другомъ жениха*. Равнымъ образомъ ап. Павелъ въ посланіи къ Ефесянамъ 5, 23—27 связь Христа съ Церковію представляетъ подъ видомъ *супружескаго* отношенія. Въ этомъ аллегорическомъ значеніи нужно понимать и псаломъ 44-й. Мессія изображается въ немъ Царемъ и прославляется Его красота, Его мужество, Его побѣдоносная борьба за истину и святую любовь. Народъ израильскій есть врученная Ему невеста и царица; языческіе же народы суть участницы ея дѣтскихъ игръ и подружки, которыхъ вѣсть съ этой царицей вводятъ въ царскій дворецъ (ср. Ис. 2, 3. Зах. 8, 23). Такимъ образомъ апостолъ имѣлъ право приведенный текстъ относить ко *Христу*.

Ст. 10 и д. Теперь слѣдуетъ *третья* цитата, имѣющая соотношеніе съ двумя предшествующими (ст. 8). *И паки* (говорить къ Сыну): *въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоюю суть небеса; та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся, якоже риза, обѣщаютъ, и яко одежду свѣши ихъ, и измѣнятся; Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ*. Это мѣсто заимствовано изъ Пс. 101, 26—28. Содержаніе этого псалма показываетъ, что онъ происходитъ изъ послѣднихъ годовъ вавилонскаго плѣна. Свящ. пѣснопѣвецъ начинаетъ свою пѣснь глубокимъ жалобнымъ воплемъ: вдали отъ отечества, среди вражескихъ поруганій, жизнь его исчезаетъ какъ дымъ, какъ вечерняя пѣснь; онъ съ своимъ горемъ ищетъ уединенія, подобно неясны пустынной, подобно филину на развалинахъ. Однако близко время спасенія, предвозвѣщенное пророками; онъ увѣренъ въ томъ, что Господь сжалится надъ Сіономъ; и при этой мысли его скорбь обращается въ горячее желаніе. Но въ этомъ, предстоящемъ близко, избавленіи отъ вавилонскаго плѣна, свящ. пѣсно-

пѣвецъ видить только прообразъ истиннаго избавленія, когда Господь явится въ Сіонѣ и соберутся все народы, чтобы служить Ему, слѣдовательно, только прообразъ *мессіанскаго* времени. Между тѣмъ какъ пѣснопѣвецъ какъ бы уживался этою радостною надеждою, у него является мысль: доживу ли я до этого отраднаго будущаго? Онъ чувствуетъ, что жизненные силы его подорваны. Но Господь неизмѣнно пребываетъ такимъ, каковъ Онъ есть, между тѣмъ какъ все измѣняется, какъ на небѣ, такъ и на землѣ—и здѣсь слѣдуетъ приведенная выше апостоломъ цитата—, слѣдовательно, Онъ исполнитъ Свое обѣщаніе; и если и не пѣснопѣвецъ, то хоть его потомки доживутъ до этой божественной милости.—Сказанное въ псалмѣ этомъ о *Иеговѣ* здѣсь прилагается ко *Христу* и по справедливости; потому что *Иегова*, Богъ ветхозавѣтной теократіи, есть Богъ *являющій* Себя въ исторіи, есть, такимъ образомъ, *ὁ θεὸς καὶ ὁ λόγος* новаго завѣта (ср. сказанное въ объясненіи 2 и 6 ст.). Главная сила доказательности этого текста заключается первѣе всего въ томъ, что Сынъ называется *Господомъ*; далѣе, что о немъ говорится, что *создалъ* міръ и будетъ существовать и тогда, когда измѣнится настоящій видъ міра. Противоположное сказанному въ ст. 7 будетъ, поэтому, слѣдующее: ангелы *служатъ*; но Сынъ есть *Господъ*; ангелы служатъ, какъ *измѣняющіяся* силы природы; а Сынъ есть *Творецъ природы* и Самъ *неизмѣненъ*.

Ст. 13. Последняя цитата, приводимая апостоломъ въ доказательство превосходства Сына надъ ангелами, заимствована изъ Пс. 109, 1: *Кому же отъ ангелъ рече когда: сяди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ?* Уже въ 3 ст. указываемо было на это мѣсто. Что этотъ псаломъ въ собственномъ смыслѣ относится къ Мессіи, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Самъ Спаситель говорить (Матѣ. 22, 43), что Давидъ *духомъ*,

слѣдов., по внушенію Св. Духа, воспѣлъ этотъ псаломъ и своего сына назвалъ своимъ Господомъ. Мессіанское значеніе этого псалма, во времена земной жизни Іисуса Христа, признавалось столь несомнѣннымъ, что Господь приводилъ это мѣсто въ преніи съ самыми ожесточенными врагами, слѣдовательно, предполагалъ, что и они считаютъ это мѣсто мессіанскимъ. Равнымъ образомъ апостолы (Кор. 15, 25. Дѣян. 2, 35) и древнѣйшіе христіанскіе, и іудейскіе толковники это мѣсто псалма относятъ къ Мессіи. Въ этомъ псалмѣ Мессія изображается божественнымъ Правителемъ, соединяющимъ въ себѣ *царскую* и *священническую* власть. Давидъ *духомъ* слышитъ призывъ, съ какимъ Богъ обращается къ Мессіи съѣсть одесную Его, т. е. принять участіе въ Его божественной власти и міроправленіи, пока Онъ (Богъ) положить Его враговъ въ подножіе ногъ Его, т. е. пока не покорить все противящееся Ему. Слово *дондеже* («до») не то должно значить, что сидѣніе одесную Бога продолжится только до того пункта, а потомъ прекратится, но что обладаніе божественнымъ полновластіемъ Ему даровано съ опредѣленною цѣлію—покорить враговъ. Такъ понимаетъ эти слова ап. Павелъ и въ посланіи къ 1 Кор. 15, 24—26, называя *смерть* послѣднимъ врагомъ, который будетъ покоренъ, и за тѣмъ говоря о передачѣ царства Богу Отцу. Когда Христосъ побѣдитъ все, противодѣйствующее завершенію царства Божія въ человѣчествѣ, и слѣдовательно, *смерть*, тогда окончится царство *Искупителя*, начавшееся тотчасъ послѣ грѣхопаденія, и снова настанетъ первоначальное царство *Божіе*; или другими словами: тогда владычество Божіе надъ вѣрующими не будетъ болѣе посредствуемо чрезъ Христа, но будетъ непосредственнымъ, Богъ снова будетъ «всѣческая во всѣхъ».

Ст. 14. Въ противоположность предшествующему изреченію св. Писанія о Сынѣ, апостолъ говоритъ въ заклю-

ченіе объ ангелахъ: *не вси ли суть служебнии дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе?* Противоположность заключается въ словахъ: *служебнии* (λειτουργικῶν) и *въ служеніе посылаеми*: Сынъ господствуетъ,—ангелы служатъ, Сынъ сидитъ на престолѣ одесную Отца,—ангелы посылаются туда и сюда, какъ исполнители божественныхъ повелѣній, и притомъ всѣ они посылаются, слѣдовательно, и высшіе чины ангельскіе суть *служебные дуси*. Въ служеніе нельзя относить, какъ это обыкновенно дѣлается, непосредственно къ *хотящимъ наследовати спасеніе*: здѣсь разумѣется служеніе, которое ангелы оказываютъ Богу, но *ради тѣхъ*, которые должны наследовать спасеніе.—*Спасеніе* (σωτηρία) здѣсь, какъ и нерѣдко въ новомъ завѣтѣ, означаетъ всю полноту явившейся во Христѣ благодати и истины, все пріобрѣтенное Имъ для насъ спасеніе, которое здѣсь на землѣ обнимается вѣрою и на небѣ только достигнетъ своего совершенія.

2, 1. Не выпуская изъ виду своей главной цѣли, апостолъ изъ приведеннаго въ первой главѣ доказательства, что Христосъ, по Своей власти и достоинству, выше ангеловъ, выводитъ здѣсь *практическое* заключеніе для читателей, чтобы они тѣмъ съ болѣею заботливостію внимали ученію о спасеніи и твердо держались евангелія. Если уже,—какъ ведетъ апостолъ свое доказательство отъ меньшаго къ болѣшему,—преступленіе древняго, даннаго при посредствѣ ангеловъ, закона, влекло за собою великое наказаніе, то какъ несравненно строже будетъ наказано невниманіе къ новому спасенію, первоначально возвѣщенному Самимъ Христомъ и потомъ въ точности переданному апостолами?—Словами: *сего ради* (διὰ τοῦτο) послѣдующее увѣщаніе связывается съ предшествующимъ изображеніемъ высокаго достоинства Христова: *Сего ради* (такъ какъ Христосъ превыше ангеловъ) *побуждаетъ насъ лишь внимати слышаннымъ, да некогда*

отпадемъ. Слово *подобаетъ* (δεῖ) обозначается заключающеюся въ данныхъ обстоятельствахъ *правственная* необходимость и обязанность. Сравнит. *лишь* (περισσότερον) стоитъ здѣсь не вмѣсто положит. степени, какъ думали нѣкоторые, но въ отношеніи къ высшему достоинству Христа. Къ слову *внимати* нужно присоединять въ дополненіе слово *умомъ* (къ προσέχειν — прибавить τὸν νοῦν) Подъ выраженіемъ *слышаннымъ* (ἀκουσθέντι) нужно разумѣть *проповѣдь* евангелія. Да некогда *отпадемъ* (μήποτε παρηγορησῶμεν отъ παρηγορησῶμεν = *течь мимо, убѣгать, погибать*) св. Златоустъ объясняетъ словами *μή ἀπολώμεθα* (да не погибнемъ) *μή ἐκπεσώμεν* (да не отпадемъ). Лежащая въ основаніи этого выраженія метафора заимствована отъ протекающей мимо рѣки, или судна, гонимаго вѣтромъ или силою теченія уклонившагося отъ своей цѣли. Въ постоянномъ теченіи земныхъ явленій и вещей евангеліе есть, такъ сказать, постоянный и неизмѣнный континентъ, поелику онъ есть *вѣчная* истина; къ нему мы постоянно должны направлять свой умъ, потому что иначе мы подвергаемся опасности, въ круговоротѣ міра и непостоянствѣ нашей слабой природы, совершенно потерять его изъ вида.

Ст. 2 и д. Основаніе предшествующему увѣщанію: *Аще бо глаголюще ангелы слово бысть извѣстно, и всяко преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоздаяніе: како мы убѣжимъ, о толицыиъ нерадивше спасеніи? еже начало пріемше глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися, сосвидѣтельствующу Богу знаменнми же и чудесы, и различными силами, и Духа Святаго раздѣленими, по своей ему воли.* Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ глаголющими ангелы словои нужно разумѣть *Моисеевъ законъ*. По іудейскому преданію, законъ былъ данъ не непосредственно отъ Самаго Бога, невидимаго по существу Своему, но при посредствѣ *ангеловъ*, также какъ и пріятъ былъ не не-

посредственно народомъ Божиимъ, но чрезъ посредство Моисея. Это выражаетъ ап. Павелъ и въ посланіи къ Гал. 3, 19., говоря, что законъ *вчиненъ ангелы, рукою Ходатая*, т. е. Моисея, стоявшаго между народомъ и ангеломъ. Тоже говоритъ и архидіаконъ Стефанъ въ своей рѣчи (Дѣян. 7, 53): *иже пріясте законъ устроениемъ ангельскимъ*. Позднѣйшее іудейское богословіе знаетъ также это ученіе, хотя въ разукрашенномъ и баснословномъ видѣ. Первые свѣды этого преданія находятся въ Второз. 33, 2., по переводу LXX и въ Пс. 67, 18. Законъ называется здѣсь *извѣстнымъ* (*εἰρηικός*, что значитъ крѣпкій, твердый), т. е. надежнымъ, вѣрнымъ, достовѣрнымъ, и эта его извѣстность, достовѣрность уясняется и обосновывается послѣдующими словами: *и всяко преступленіе* и т. д.: что законъ Моисеевъ достовѣренъ, это открывалось изъ того, что за каждымъ нарушеніемъ его по пятамъ слѣдовало и определенное внѣшнее наказаніе. Въ наказаніи, которымъ Господь поражалъ преступниковъ закона, этотъ законъ имѣлъ внѣшнее ручательство его истинности и неприкосновенности.— *Мздо-воздаи́ніе* (*μισθοδοσία*) значитъ собственно »раздача награды«; здѣсь это выраженіе стоитъ въ смыслѣ »наказанія«.—Слова: *како мы убѣжимъ* можно допознать изъ предшествующаго: *праведнаго мздовоздаянія*: какъ мы можемъ избѣжать праведнаго воздаянія, вознерадѣвъ о столь великомъ спасеніи? Слово—*спасеніе* употреблено здѣсь въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ ап. Павелъ употребляетъ часто слово *евангеліе*. Показывая въ словѣ—*о толмачѣхъ* (*τηλικούτοις*) *величіе* новаго спасенія, и какъ бы обращаясь въ защиту его къ собственному сознанию читателей, апостолъ въ послѣдующихъ словахъ указываетъ на достовѣрность, съ какою первоначально возвѣщено было это ученіе о спасеніи, и потомъ распространялось въ мірѣ. Законъ Моисеевъ былъ достовѣренъ, потому что онъ первоначально

сообщенъ былъ при посредствѣ *ангеловъ* и потомъ свидѣтельствуемъ былъ отъ Бога *наказаніемъ*, слѣдовавшимъ за преступленіе его; новое же ученіе о спасеніи первоначально возвыщено было Самимъ *Господомъ*, и въ распространеніи своемъ подтверждалось Богомъ посредствомъ чудесъ; слѣдовательно, оно тѣмъ несомнѣннѣе, и поэтому тѣмъ неизвинительнѣе невѣріе и отпаденіе. Подъ *слышавшими*, т. е. *отъ Господа* разумѣются апостолы и непосредственные ученики Господа. *Въ насъ извѣстися* (въ насъ утвердилось) заключаетъ въ себѣ два понятія »предано« и »утверждено«. *Извѣстися* точнѣе опредѣляется въ ст.. 4 словами: *сосвидѣтельствующу Богу* и проч. Не нужно выпускать здѣсь изъ вниманія предлога *со* (σύν) въ словѣ *сосвидѣтельствующу* (συνεπίμαρτυροῦντος). Апостолы свидѣтельствовали о Христѣ, какъ очевидцы и слушатели (ἐπισμαρτυροῦν), а Богъ подкрѣплялъ ихъ свидѣтельство Своими свидѣтельствами (συνεπίμαρτυροῦν), заключавшимися въ чудесахъ. Христосъ являлся какъ *Богочеловѣкъ*, училъ и дѣйствовалъ видимымъ образомъ и хотѣлъ, чтобы Его богочеловѣческое дѣло виѣшне, видимо, убѣдительнымъ образомъ, продолжалось въ мірѣ. Но для этого нужно было двоякое свидѣтельство, виѣшнее, чрезъ апостоловъ, и внутреннее, чрезъ Св. Духа. Поэтому Спаситель говоритъ (Іоан. 15, 27): *Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуемъ о Мнѣ, и вы же свидѣствуете, яко искони со Мною есте*. Свидѣтельство апостоловъ Богъ подкрѣплялъ первоначально чудесами и знаменіями. — Понятіе чуда выражается здѣсь различно съ различныхъ его сторонъ: *чудо* (τέρα: отъ *τρεῖν* дрожу, трясусь) есть чудесное дѣйствіе, приводящее въ изумленіе и удивленіе своею чрезвычайностію и непонятностію естественнымъ способомъ его виѣшняго явленія; поэтому это слово означаетъ больше виѣшнюю сторону чуда; *знаменіе* (σημεῖον), напротивъ, есть чудо, насколько онымъ обо-

значается и свидѣтельствуется что-нибудь другое, слѣдовательно, означает внутреннюю сторону чуда; *сила* же (*dynamis*) означает чудо, насколько оно есть произведеніе сверхчеловѣческой силы и, такимъ образомъ, указываетъ на Бога, какъ на своего виновника. *Раздѣленія Св. Духа* (*μερισμοὶ πνεύματος ἁγίου*) суть *благодатныя чудеса*, которыя апостолъ въ 1 Кор. 12, 4. 6. называетъ *раздѣленіями дарованій и дѣйствъ* (*διαφοραίς χάρισμάτων καὶ ἐνεργημάτων*). Такъ какъ эти благодатныя дарованія подаются людямъ сначала не только для собственнаго освященія, но и для спасенія другихъ, то Богъ подаетъ ихъ какъ грѣшникамъ, такъ и праведникамъ, и человекъ можетъ самъ ничего и не дѣлать для пріобрѣтенія ихъ. Поэтому и сказано: *по Своей Ему воли*. Эту же мысль апостолъ выражаетъ и въ 1 Кор. 12, 11: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя влестію коемуждо, якоже хоцетъ*.

X. O.

ОБЛИЧЕНИЕ ВЪ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ ¹⁾.

Чтобы закончить обзоръ обличенія въ христіанской проповѣди четвертаго вѣка, считаемъ необходимымъ, соответственно плану, указанному нами прежде, сказать и объ обличеніи въ этомъ вѣкѣ отступниковъ отъ христіанской вѣры. Главнѣйшимъ изъ нихъ и самымъ враждебнымъ для Церкви былъ, какъ извѣстно, Юліанъ Богоотступникъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ св. мученики обличали устно отступниковъ отъ христіанства, и какъ св. муч. Артемій не устранился къ обличенію Юліана присоединить предсказаніе о близкой его гибели ²⁾. Теперь и обратимъ вниманіе на обличеніе того же нечестиваго Юліана, состав-

---

¹⁾ См. № 25-л. ²⁾ См. Р. для с.п. 1869 г. № 11. стр.

ленное, по смерти этого богоотступника, святымъ Григоріемъ Богословомъ. Имѣемъ въ виду его »два обличительныя слова на царя Юліана« ¹⁾. Самъ св. Григорій называетъ эти слова »сильною и высокою проповѣдію«. Съ необыкновеннымъ напряженіемъ онъ начинаетъ первое обличительное слово, призывая къ слушанію его все народы, племена, языки,—людей всякаго рода и всехъ возрастовъ. Этого мало,—онъ взываетъ къ небеснымъ силамъ, ко всемъ ангеламъ, чтобы они внимали ему, и обращается къ христіанамъ врага ихъ вѣры, что спасъ и воцарилъ Юліана, свят. Григорій желаетъ, чтобы Констанція обрадовало, по крайней мѣрѣ, какъ разрушеніе нечестія и возстановленіе пржняго благосостоянія христіанъ, такъ и его слово.

И во первыхъ, св. Григорій обличаетъ Юліана въ томъ, что онъ запрещалъ христіанамъ учиться краснорѣчію. »Давъ такое повелѣніе«, замѣчаетъ св. Григорій, »хотя запретилъ онъ говорить краснорѣчиво, однакоже не воспренятствовалъ говорить истину«. Самое запрещеніе это показывало, что Юліанъ не полагался на правоту своего дѣла и на свой даръ слова. Воздавъ благодареніе Богу, что со смертію гонителя даръ слова получилъ свободу, св. Григорій воспользовался ею прежде всего къ посрамленію гонителя. Слово его (по выраженію самого св. Григорія) »порывается и стремится къ торжественанію. Оно облекается въ веселіе и призываетъ всехъ къ духовному ликованію«. Одинъ только родъ людей отлучаетъ св. Григорій отъ торжества,—это отступниковъ, увлеченныхъ Юліаномъ къ отпаденію отъ христіанства. Вслѣдъ за этимъ восторженный

---

¹⁾ Русскій переводъ этихъ словъ напечатанъ въ »Твореніяхъ св. отцевъ« изд. М. Д. А. т. I. стр. 84—216.

проповѣдникъ начинается, подобно Маріанѣ, побѣдную пѣснь, слагая ее, примѣнительно къ случаю, изъ словъ священнаго Писанія. »Видите«, говоритъ онъ въ заключеніе этой возвышенной пѣсни, »какъ слагаю гимнъ, въ которомъ и основа и мысли божественны! Самъ не знаю, почему горячусь, украшаясь чужимъ, и отъ удовольствія дѣлаюсь какъ вдохновенный«. Но для того, чтобы объяснить чудо могущества Божія, явленное въ гибели Юліана и показать, какія были начала, какія сѣмена, отъ которыхъ онъ дошелъ до такого неистовства,—и оставить потомству какъ бы нѣкоторую надпись на памятникѣ погибшаго Юліана, св. Григорій возимѣлъ намѣреніе »изъ многого, воснувшись немногаго, вмѣстить въ слово главнѣйшія и извѣстнѣйшія изъ его дѣяній«. Слѣдуя этому плану, онъ начинается за тѣмъ изображеніе богоотступничества Юліанова.

Онъ рассказываетъ, во первыхъ, какъ Юліанъ и Галлъ, спасенные Констанціемъ, были воспитываемы въ благочестіи христіанскомъ. Но и въ отрочествѣ Юліана, судя по одному случаю, можно было проразумѣвать, что не къ благу христіанъ воспитывали Юліана. Именно: въ созиданіи храма во имя св. муч. Мамонта приняли участіе Галлъ и Юліанъ. »Дѣло Галла шло, по сказанію Григорія, успѣшно и въ порядкѣ, а дары Юліана отвергъ Богъ мучениковъ, какъ жертву Каинову: земля отказывалась принимать въ себя основанія, полагаемыя человекомъ, зыблющимся въ благочестіи. Земля какъ бы предвѣщала, какое будетъ произведено имъ потрясеніе, и вмѣстѣ, воздавала честь мученикамъ безчестіемъ нечестивѣйшаго«.

Съ наступленіемъ мужескаго возраста Юліанъ обдумывалъ коварный умыслъ нечестія и таилъ его въ сердцѣ своемъ, но иногда, въ разговорахъ съ братомъ, до неприличія защищалъ язычниковъ. Галлъ былъ провозглашенъ цесаремъ, а Юліанъ отправился въ Азію, которая стала для него учи-

лицемъ нечестія. Онъ изучалъ тамъ астрологію и магію. По умерщвленіи Галла, и за тѣмъ—по смерти Констанція, Юліанъ дѣлается наследникомъ царства, но не благочестія. »Что ты сдѣлалъ боголюбивѣйшій и христіюбивѣйшій изъ царей«? обращается съ укоризною св. Григорій къ покойному императору. »Какъ великое наследіе, то, которымъ украшался родитель твой,—разумѣю именуемыхъ во Христѣ,—въ одно мгновеніе своими руками предалъ ты общему всѣхъ кровопійцѣ? — Оправдавъ за тѣмъ, сколько можно, Констанція въ этомъ несчастномъ выборѣ преемника себѣ, св. Григорій повѣствуетъ о томъ, какъ неблагодарный Юліанъ замышлялъ захватить въ свои руки верховную власть еще при жизни императора Констанція, и потомъ уже обращаетъ свое слово къ дѣяніямъ Юліана, направленнымъ противъ христіанства. »Что за ревность превзойти всѣхъ во злѣ? Что за страсть къ нечестію? Что за стремленіе къ гибели!«—восклицаетъ проповѣдникъ, приступая къ изображенію отступничества Юліанова. Онъ оmyваетъ кровію жертвъ воду крещенія, очищаетъ по языческому обряду свои руки отъ безкровной жертвы и почитаетъ свое царствованіе разсматриваніемъ внутренности животныхъ и жертвоприношеніями. »Разсказываютъ«, говорятъ св. Григорій, »что принося жертву, Юліанъ увидѣлъ во внутренностяхъ животнаго крестъ въ вѣнцѣ. Онъ протолковалъ это такъ: крестъ и кругъ значать, что христіане отсюду окружены и заперты«. Самый нечестивый видъ волхвованія языческаго—это было совѣщаніе съ демонами въ какой либо мрачной пещерѣ. Юліанъ рѣшился пойти на такое совѣщаніе. Входя глубже и глубже въ таинственную пещеру, онъ пришелъ въ ужасъ отъ обаяній демонскихъ, и невольно перекрестился. Страхъ разсѣялся, но ожесточеніе отступника заставляетъ его идти далѣе. Опять тѣже ужасы и опять крестится Юліанъ и освобождается отъ обаянія. Онъ въ не-

доумѣніи, но руководитель его увѣрялъ, что демоны не устранились креста, а возгнушались имъ. Юліанъ повѣрилъ и пошелъ дерзновенно къ безднѣ гибели. »По выходѣ изъ пещеры, въ душевныхъ расположеніяхъ и въ дѣлахъ его видно было бѣснованіе, и неистовство взоровъ показывало, кому совершилъ онъ служеніе. Съ тѣхъ поръ вселилось въ него множество демоновъ«.

Но Юліанъ, не смотря на отреченіе свое отъ Христа, не хотѣлъ и не смѣлъ откровенно объявить себя гонителемъ христіанства; онъ зналъ, что прежними гоненіями христіанство не только не было ослаблено, но еще болѣе укрѣпилось; поэтому »умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая насилія, и заставить христіанъ страдать и не имѣть той чести, что страдать за Христа«. Онъ не какъ царь, а какъ рабъ замышляетъ коварства противъ христіанъ. Какія же коварства? Прежде всего Юліанъ склоняетъ на свою сторону легкомысленное войско и повелѣваетъ снять съ римскихъ знаменъ побѣдительное знаменіе креста. Здѣсь св. Григорій приходитъ въ сильное негодованіе и, въ числѣ суровыхъ укоризнъ, говоритъ Юліану: »О несмысленный, нечестивый и ничего не свѣдущій въ дѣлахъ великихъ!..... Ты возносишь руку противъ руки за тебя и для тебя пригвожденной; ты противъ желчи съ своимъ пріобщеніемъ жертвъ, противъ креста съ своимъ трофеемъ, противъ смерти съ разрушеніемъ, противъ возстанія изъ гроба съ своимъ мятежническимъ возстаніемъ! Ты противъ Спасителя, отвергшіи даже свидѣтельство мучениковъ! Послѣ Ирода—гонитель, послѣ Іуды—предатель, только не обнаружившій, подобно ему, раскаянія удавленіемъ, послѣ Пилата—христуубійца, послѣ іудеевъ богоненавистныя!« За симъ обличитель сначала позоритъ боговъ, а потомъ философовъ языческихъ. Два предмета особенно озабочивали Юліана: галилеяне, какъ называлъ онъ христіанъ въ уко-

ризну, и война съ персами,—какъ будто онъ предчувствовалъ, что въ борьбѣ съ тѣми и другими онъ потерпитъ поражение. Христіанъ онъ велѣлъ называть галилеянами, и не имѣя силъ заставить ихъ поклоняться идоламъ, употребляетъ постыдную хитрость. Именно: на своихъ статуяхъ и изображеніяхъ, которыя разставлены были на площадяхъ и которыми, по римскому закону, всѣ должны были кланяться, онъ велѣлъ изобразить демоновъ, «чтобы или воздающій честь императору кланялся вмѣстѣ съ тѣмъ идоламъ, или уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести императорской, потому что поклоненіе воздавалось совокупно». Подобное же коварное дѣло замыслено было Юліаномъ и при обыкновенной раздачѣ войскамъ царскихъ подарковъ. «Предложено было золото, предложень и ладонъ; по близости былъ огонь, недалеко распорядители. Какой благовидный предлогъ! Казалось, что таковъ уставъ раздачи царскихъ даровъ, освященный древностію. Что же за симъ? Надлежало возложить на огонь еиміамъ и получить отъ царя цѣну своей гибели... Гибельная куля, горькое возмездіе! Цѣлое воинство предавалось однимъ злоухищреніемъ». Простодушные воины не вдругъ замѣтили обманъ, и потомъ, когда ихъ укоряли въ отреченіи отъ Христа, съ ропотомъ возвратили богоотступнику его золото и за то осуждены были на изгнаніе.

Но Юліанъ, не будучи въ состояніи долѣе скрывать своей вражды противъ христіанъ, возсталъ на нихъ открытымъ гоненіемъ. Онъ издалъ указы противъ святыхъ храмовъ, и—храмы были разграблены и осквернены язычниками, особенно въ Александріи и Иліополѣ, а въ Газѣ были сверхъ того поруганы непорочныя дѣвы. Здѣсь же описываются страданія пресвитера Марка въ Аретузѣ. Св. Григорій утверждаетъ, что неистовство жителей Аретузы было слѣдствіемъ неистовства царя, который требовалъ безчеловѣчія отъ чер-

ни, отъ городовъ и отъ начальниковъ. »Кто мнѣ дастъ до-
сужливость Геродота и Оупидита«, восклицаетъ св. Григорій,
»чтобы я могъ передать будущимъ временамъ изобра-
женіе всей злости сего человѣка (Юліана), и какъ бы на
столиѣ начертать для потомства исторію сего времени!«
Упомянувъ мимоходомъ о томъ, какъ въ тайныхъ и отда-
ленныхъ частяхъ дворца Юліанова запружены были колодцы
и рвы трупами отроковъ и дѣвъ, разсѣченными при бого-
мерзскихъ таинствахъ для вызыванія душъ, для гаданій и
беззаконныхъ жертвоприношеній, св. Григорій рассказываетъ
случай, когда Юліанъ, по поводу убійства христіанъ языч-
никами, сказалъ: что за важное дѣло, если одна рука язы-
ческая умертвила десять галилеянъ! »Не явная ли это же-
стокость«, замѣчаетъ св. Григорій, »не указъ ли это о го-
неніи, болѣе ясный и ужасный, чѣмъ тѣ, которые изданы
всенародно?« Издѣваясь надъ христіанствомъ, Юліанъ, на
основаніи якобы христіанскаго ученія о добровольной нище-
тѣ, незлобін и самоотверженіи, лишилъ христіанъ всѣхъ
правъ, и заперъ для нихъ всѣ собранія, всѣ площади, всѣ
общественныя празднества и даже самыя судилища. »Какое,
по видимому, премудрое основаніе«, замѣчаетъ съ ироніею
св. Григорій, »и какъ не знать сего въ точности тому, кто
нѣкогда былъ чтецомъ слова Божія, удостоенъ былъ чести
служенія великому алтарю и начиналъ стронть храмы въ
честь мучениковъ! Но вотъ чему я, во первыхъ, удивляюсь
въ немъ, какъ онъ столь тщательно занимался св. Писа-
ніемъ, а не прочелъ или намѣренно не замѣтилъ того из-
реченія, что *злый злъ погибнетъ*« (Матѳ. 21, 41). Св.
Григорій, воспоминаая при этомъ недавнее торжество хри-
стіанской Церкви, справедливо замѣчаетъ, что со стороны
христіанъ не было подобныхъ преслѣдованій язычества, и
выставляетъ на видъ то, что въ нашемъ законѣ иное пред-
писывается, какъ необходимое, а другое предоставлено сво-

бодному произволенію, поэтому несправедливо требовать отъ всѣхъ того, что предоставлено свободному произволенію нѣкоторыхъ избранныхъ.

Здѣсь проповѣдникъ-обличитель возвращается опять къ тому предмету, которымъ началъ слово,—къ Юліанову запрещенію христіанамъ заниматься словесными науками. Это запрещеніе св. Григорій считаетъ одною изъ самыхъ тяжкихъ несправедливостей богоотступника. Къ такому взгляду на это запрещеніе побудила св. Григорія собственная его любовь къ изящной словесности и свободнымъ наукамъ. »Я оставилъ«, говоритъ онъ, »богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ все, что кружится на землѣ и услаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою, искусство слова«. Юліанъ говорилъ: »и словесныя науки, и греческая образованность—наши, такъ какъ намъ принадлежитъ чествованіе боговъ, а вашъ удѣлъ—необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: вѣруй«. Слѣдуетъ опроверженіе этого софизма и изъ него выводъ, что изъ того, что у однихъ и тѣхъ же людей и языкъ и вѣрованіе греческіе, еще не слѣдуетъ, чтобы языкъ принадлежалъ къ вѣрованію, и чтобы, по этому, справедливо было лишать христіанъ употребленія греческаго языка. Въ доказательство несправедливости того положенія, будто бы греческая образованность и языкъ принадлежитъ языческому культу, св. Григорій указываетъ изобрѣтателей письменъ и литературы, наукъ и искусствъ, и съ очевидностію выясняетъ, что и языкъ, и всякое искусство принадлежатъ не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ, которые ими пользуются.

Св. Григорій, преслѣдуя Юліана на всѣхъ путяхъ его жизни и коварной дѣятельности, представляетъ далѣе примѣры еще большаго коварства Юліанова противъ христіанъ. Онъ рассказываетъ, что Юліанъ приготовлялся завести учи-

лица для язычниковъ, ввести чтеніе и толкованіе языческихъ писателей, дать образцы молитвъ, установить епитиміи согрѣшающимъ, чинъ посвященія жрецовъ, словомъ—все, что видѣлъ въ христіанскомъ благочиніи. Кромѣ сего, Юліанъ думалъ устроить гостиницы, страннопріимныя дома, убѣжища для дѣвства и обители для философовъ. Осмѣивая это злоумышленное подраженіе Юліана христіанамъ, св. Григорій сравниваетъ его съ обезьяною, которая также способна, хоть и безмысленно, подражать дѣйствіямъ людей. И хотя предположенія Юліана не осуществились, но св. Григорій, въ осмѣяніе ихъ, изображаетъ, какой бы могъ быть у язычниковъ образъ ученія и какая цѣль собраній. »Все любомудріе«, говоритъ онъ, »раздѣляется на двѣ части,—на умозрительную и дѣятельную, изъ коихъ первая выше, но труднѣе къ уразумѣнію, а другая ниже, но полезнѣе. У насъ обѣ одна другой способствуютъ: умозрѣніе служитъ намъ спутникомъ къ горнему, а дѣятельность—восхожденіемъ къ умозрѣнію, ибо невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро. А у нихъ, которые не почерпаютъ въ божественномъ вдохновеніи славы связующей, обѣ сіи части подобны корнямъ, не утвержденнымъ въ почвѣ и носящимся по водѣ; и я не знаю, которая изъ нихъ смѣшнѣе и слабѣе«. Чтобы уяснить эти положенія до очевидности, св. Григорій, на основаніи языческихъ теогоній, которыя ему были совершенно извѣстны, по знакомству его съ лучшими языческими поэтами, составляетъ языческую догматику и обнаруживаетъ ея пустоту и несостоятельность. Еще явственнѣе изображаетъ онъ несостоятельность нравственнаго ученія язычниковъ, такъ какъ оно не можетъ имѣть никакой опоры въ ихъ догматахъ; ибо языческіе боги даютъ примѣры только пороковъ и мерзостей, а не дѣлъ, свойственныхъ благочестію. Такимъ образомъ, въ первомъ обличительномъ словѣ на царя Юліана, св. Григорій

изобразилъ, что сдѣлалъ богоотступникъ худаго для христіанъ и что хотѣлъ сдѣлать еще худшаго.

Во второмъ словѣ на того же царя Юліана св. Григорій показываетъ, какое воздаяніе отъ Бога нечестіе Юліаново имѣло въ сей жизни и какое наказаніе ожидаетъ его въ будущей. Обличитель начинаетъ развитіе этихъ мыслей съ извѣстнаго всѣмъ въ его время чуда, бывшаго при покушеніи Юліана возстановить, вопреки судьбамъ Божиимъ, іудейскій храмъ въ Іерусалимѣ. Іуден, поощряемые Юліаномъ, принялись за постройку храма съ необыкновенною ревностію; но вихри и землетрясеніе не допустили ихъ къ работамъ. Въ страхъ они устремились къ одному изъ ближайшихъ храмовъ, но храмъ ихъ не принялъ, и когда нѣкоторые хотѣли силою войти въ храмъ, то изъ него вырвался огонь, и—однихъ пожегъ, а другихъ изувѣчилъ и оставилъ живыми памятникомъ Божіаго гнѣва и мщенія на грѣшниковъ. Въ то же время на небѣ явился свѣтъ, изображавшій крестъ, въ знаменіе побѣды христіанства надъ язычествомъ и іудействомъ. Не только земля и небо, но и воздухъ ознаменованъ былъ чудесами. На одеждахъ людей видны были свѣтоносные кресты, и это до того поразило даже невѣрующихъ, что многіе изъ нихъ обратились ко Христу. Замысль Юліана построить храмъ іудейскій остался посрамленнымъ. Другое чудо гнѣва Божія на Юліана св. Григорій видитъ въ несчастномъ для римлянъ, и особенно для Юліана, ходѣ войны съ персами и въ гибели его во время сей войны. Предъ этою войною Юліанъ далъ страшный обѣтъ предать демонамъ весь родъ христіанскій, если успѣетъ въ предпринятомъ. Но Богу угодно было, чтобы сей нечестивецъ, послѣ многихъ неудачъ и затрудненій на войнѣ, »получилъ долговременный и спасительный для цѣлаго міра ударъ«. Онъ смертельно раненъ былъ въ животъ, »какбы въ наказаніе за то, что разсѣкалъ утробы для волхвованій и гаданій и—какъ царство—

валъ, какъ дѣйствовалъ, такъ и погибъ постыдно«;—и походъ Юліановъ былъ безславенъ и окончаніе его еще безславнѣе и постыднѣе для него. По смерти его, »трупъ его,« по словамъ св. Григорія, »несли скоморохи, шествіе сопровождалось неприличными игрищами: пѣли, плясали, поносили его за отступничество, за поражение и смерть. И какого оскорбленія не понесъ онъ? Чего не выслушавъ отъ людей дерзкихъ, которые ставятъ искусство свое въ оскорбленіи другихъ? Наконецъ, принимаетъ его городъ Тарсъ, не знаю, какъ и за что осужденный на такое посрамленіе. Тамъ и мѣсто погребенія назначено ему безчестное, и гробъ нечестивый и презрѣнный, отвратительный для благочестиваго взора«. Вообще, сравнивая погребеніе императора Констанція, приличное и торжественное, съ погребеніемъ Юліана, постыднымъ для него, св. Григорій видитъ въ этомъ явную кару Божію.

Доведши обличеніе Юліана до конца его жизни, св. Григорій обличаетъ недостатки характера Юліанова и даже въ наружности его видитъ признаки зла и нечестія. Юліанъ, поставилъ задачею своей жизни унижить и, если возможно, уничтожить христіанство. Первымъ средствомъ для этого онъ считалъ совращеніе христіанъ въ язычество. Съ этою цѣлію онъ давалъ начальническія мѣста только такимъ людямъ, которые отступили отъ вѣры во Христа. Онъ призывалъ къ себѣ многихъ сверстниковъ и знакомыхъ, особенно изъ тѣхъ, которые извѣстны ему были въ азійскихъ училищахъ, и старался ихъ обольстить. Св. Григорій, обращая далѣе вниманіе на поведеніе Юліана, находитъ оное зазорнымъ, и вотъ почему: Юліанъ, будучи императоромъ, до того не умѣлъ сдерживать себя, что нерѣдко просителей бивалъ кулаками и топталъ ногами. Онъ позволялъ себѣ предъ женщинами кощунствовать надъ христіанскими священнодѣйствіями и всенародно пьянствовалъ съ распутными

женщинами. Св. Григорій, который видѣлъ Юліана въ молодости его въ Греціи, тогда еще предсказывалъ, что изъ этого человѣка не выйдетъ добра. »Мы не предвѣщали«, говоритъ онъ, »ничего доброго шея не твердая, плечи движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглыя, полныя и свирѣпыя, носъ, выражающій дерзость и презрительность, черты лица съ смѣшнымъ выраженіемъ, ноги не стоящія твердо, но сгибающіяся, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты ни чѣмъ не лучше, смѣшиваемые одинъ съ другимъ, не твердые, не подчиненные правиламъ«. Окончивъ изображеніе мерзости Юліановой начертаніемъ его характера и наружныхъ свойствъ, св. Григорій возвышаетъ тонъ рѣчи. »Вотъ что«, говоритъ онъ, »вѣщаемъ мы, люди презрѣнные, поклоняющіеся Ряспату, ученики рыбаей и невѣжды!« и затѣмъ вопрошаетъ: *гдѣ суть книгоучи, гдѣ суть совѣщающіи* (Исаіи 33, 18)? Гдѣ жертвы, обряды и таинства? Гдѣ заключенія явныя и тайныя? Гдѣ искусство гадать по разсѣченнымъ внутренностямъ? Гдѣ чудеса и знаменованія чревоѣщателей?... Гдѣ порицанія и угрозы на христіанъ, или совершенное истребленіе насъ и имени нашего въ опредѣленный срокъ?—Все исчезло, обмануло, разсѣялось; все веле рѣчивыя похвалы нечестивыхъ оказались сонною мечтою«.

Во время гоненія Юліанова христіане терпѣли и молились Богу, то призывая его, какъ Владыку, то умоляя, какъ всеблагаго Отца, то какъ бы жалуясь и вступая съ Нимъ въ судъ. Подобную молитву отъ своего лица представляетъ здѣсь св. Григорій, и какъ бы смягченный молитвою, вмѣсто того, чтобы обличать отступниковъ, оплакиваетъ ихъ и выражаетъ желаніе, чтобы они хоть теперь перемѣнились въ мысляхъ, оставили заблужденіе и обратились къ истинѣ. Потомъ онъ, по собственному его выра-

женію, возвращаетъ слово къ побѣдной пѣснѣ, высказываетъ свою радость о томъ, что отселѣ не будетъ уже язычество торжествовать надъ христіанствомъ и внушаетъ христіанамъ, чтобы они торжествовали свою побѣду надъ язычниками не по язычески, а по христіански. »Замѣнимъ«, говоритъ онъ, »тимпаны духовными пѣснями, безумные бѣлки и пѣсни—псалмопѣніемъ, зрѣлищное рукоплесканіе—стройнымъ движеніемъ рукъ (крестнымъ знаменіемъ), смѣхъ—размышленіемъ, пьянство—мудрою бесѣдою, шутливость—степенностію«. Но особенно онъ убѣждаетъ христіанъ, чтобы они, пользуясь благоприятными обстоятельствами, не были жестокосерды къ тѣмъ, которые ихъ обижали, чтобы не дѣлали того, что сами осуждали. Отмщеніе за обиды внушаетъ онъ предоставить Богу—Мстителю. И въ настоящее время, замѣчаетъ св. Григорій, наши гонители преслѣдуются всеобщими упреками, но будетъ время, когда оскорбителей нашихъ и великаго вождя ихъ (Юліана) увидятъ оплакивающими свое несчастіе. И по ученію язычниковъ нечестивцы будутъ мучиться въ адѣ. Такъ, по языческимъ сказаніямъ, нечестивые мучатся въ Перидеогонтѣ, Коцитѣ и Ахеронтѣ (рѣкахъ окружающихъ адъ). Тамъ страдаютъ Танталъ, Титій и Иксіонъ. Тамъ томится одинъ ¹⁾ жаждою, стоя по горло въ водѣ, тамъ, по изображенію трагика, приводится въ ужасъ другой камнемъ, то поднимающимся, то опускающимся надъ его головою ²⁾. Тамъ птицы терзаютъ внутренности третьяго ³⁾, ежедневно восполняемая. Но будетъ ли это истина или вымыслъ,—Юліанъ подвергнется не этимъ ничтожнымъ казнямъ. Какимъ же? Увидимъ, что мученіе его будетъ тяжелѣе описываемыхъ языческою фантазіею и—ужаснемся. У Бога взысканія и воздаянія всегда соразмѣрные преступленіямъ.

---

¹⁾ Такталъ. ²⁾ Титій. ³⁾ Иксіонъ.

Въ заключеніе обличительныхъ словъ на царя Юліана, св. Григорій Богословъ съ пронию говоритъ: »Таковъ отъ насъ даръ тебѣ, превосходный и мудрый мужъ (скажу твоими словами), за ударъ ногою! Это воздаемъ тебѣ мы, которымъ, по великому и удивительному твоему уложенію, запрещено было учиться краснорѣчію. Видишь, что не до конца должны мы были молчать... *Нелзя связать языка христіанамъ, обличающаго ваши дѣла*«. Здѣсь св. Григорій упоминаетъ о томъ, что Юліанъ, считая св. Василия Великаго и Григорія Богослова противниками своего замысла, питалъ противъ нихъ злобу и берегъ ихъ, какъ Гомеровъ Циклопъ Одиссея, такъ сказать, на закуску, онъ думалъ закончить ими погубленіе христіанъ, когда возвратится съ торжествомъ изъ Персіи. Св. Григорій съ благочестивою увѣренностію высказываетъ свое убѣжденіе, что онъ, подобно Маккавеймъ, не отрекся бы отъ страданій и смерти за истину, исповѣдуемую имъ; и чувствуя свое преимущество надъ падшимъ и погибшимъ въ борьбѣ съ христіанствомъ, издѣвается надъ хвалеными Юліаномъ сочиненіями Порфірія (направленными противъ христіанства) и еще болѣе надъ Юліановымъ сочиненіемъ »Миссопогонъ« (независтникъ бороды), писаннымъ противъ антioxіанъ, смѣявшихся надъ его неуклюжею бородою. Оканчиваетъ свои обличенія св. Григорій Богословъ обращеніемъ къ Юліану. »Вотъ тебѣ памятникъ, который выше и славнѣе столповъ иракловыхъ. Тѣ были водружены на одномъ мѣстѣ и видимы только приходящими туда, а сей памятникъ, переходя отъ одного къ другому, не можетъ не быть вездѣ и всѣмъ извѣстенъ. И твердо знаю, что позднія времена увидятъ его обличающимъ тебя и твои дѣла, а также научающимъ и всѣхъ прочихъ не отваживаться на подобное возстаніе противъ Бога, чтобы, поступая подобно тебѣ, не получить одинаковаго съ тобою воздаянія«.

Увѣренность св. Григорія не обманула его. Слова на царя Юліана дѣйствительно служатъ не только столбами, указывающими позоръ жизни и смерти Юліановой, но и побѣднымъ памятникомъ христіанъ, послѣ этого окончательно восторжествовавшихъ надъ язычниками. Стоглавая гидра древняго политеизма, посѣченная, такъ сказать, въ послѣдній разъ мечомъ обличительныхъ словъ на царя Юліана, никогда уже ни оживала и не возставала изъ бездны уничтоженія, въ которую низвергла ее неравная, хоть и долговременная борьба съ христіанствомъ.

Для любителей церковнаго краснорѣчія считаемъ не лишнимъ присовокупить, что изъ всѣхъ, неукоризненныхъ и по мыслямъ и по языку, твореній св. Григорія Богослова, не исключая даже и его священныхъ стихотвореній, ни одно не проникнуто такою восторженностію и вмѣстѣ съ тѣмъ не обладаетъ такою выработанностію въ литературномъ отношеніи.

К. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на
мѣстѣ четыре руб., съ достав-
кою и пересылкою пять р. с.

№ 33.

Подписка принимается въ
редакціи сего журнала, при
киевской семинаріи.

1869 года. Августа 17-го.

Содержаніе: Сужденія святыхъ отцовъ и учителей церкви о пастырствѣ.—
Семейство и домашныя пастыря.—Приготовленіе дѣтей духовенства къ
училищу.

СУЖДЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОЦОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ О ПАСТЫРСТВѣ ¹⁾).

3. Страшное величіе священническаго сана.

Священникъ жертвоприношитель. »О истиннѣ до-
стоинственное достоинство священниковъ, въ рукахъ которыхъ
Сынъ Божій воплощается какъ бы во чревѣ матери!« вос-
кликаетъ блаж. Августинъ.

»Кто можетъ сомнѣваться, что въ часъ жертвы, по го-
лосу священника, отверзаются небеса, что при этой тайнѣ
Исуса Христа присутствуютъ хоры ангеловъ, что высочай-
шее соединяется съ самымъ низкимъ, земное съ небеснымъ,
что изъ видимаго и невидимаго составляется единое? Эта
жертва, таинственнымъ образомъ возобновляющая смерть
Единороднаго, спасаетъ души отъ вѣчной гибели. Правда,
Господь восталъ отъ мертвыхъ, и уже не умираетъ, и смерть
не имѣетъ надъ Нимъ никакой власти; но хотя Онъ живетъ

---

¹⁾ См. № 28-й.

въ Себѣ безсмертно и неистлѣнно, однако въ этой тайнѣ святой жертвы Онъ повторительно приносится въ жертву за насъ. Тѣло Его раздѣляется и подается въ пищу во спасеніе людей, кровь Его проливается не по рукамъ невѣрующихъ, но въ уста вѣрующихъ. И такъ, да размышляемъ, какъ многоцѣнна для насъ эта жертва, возобновляющая для нашего примиренія страданія Единороднаго¹⁾.

»Священство хотя производится на землѣ, но по своему достоинству относится къ небеснымъ учрежденіямъ. И это весьма справедливо. Ибо не человѣкъ, ни ангелъ, ни архангелъ, ни созданная власть, но Самъ Утѣшитель установилъ этотъ чинъ и находящихся во плоти уполномочилъ наглядно совершать ангельское служеніе. Поэтому священникъ долженъ быть столь чистымъ, какъ если бы онъ находился на самомъ небѣ среди оныхъ силъ. Еще во времена доблгодатныя страшны и ужасны были такіе предметы, какъ звонцы, гранатовыя яблоки, камни на груди первосвященника, нарамники, митра, головная повязка, золотыя дощечки, святое святыхъ и глубочайшая тишина въ немъ. Но если бы кто могъ изслѣдовать предметы времени благодати, то онъ нашелъ бы, что сные предметы, страшные и ужасные,—незначительны, и что сказанное о законѣ истинно и въ этомъ отношеніи, именно, что не славно славное въ этой части ради всепревосходящей славы другаго во времена благодати. Ибо когда видишь Господа, принесеннымъ въ жертву, и священника, стоящаго надъ жертвою и молящагося, и всѣхъ окропленными Его драгоцѣнною кровію,—то думаешь ли ты тогда, что находишься среди людей и стоишь на землѣ? Не представляешь ли ты себя, напротивъ, внезапно перенесеннымъ на небо, и не созерцаешь ли ты, отбросивъ всѣ плотскія мысли душевныя, съ чистою душою небесные предметы?

¹⁾ Слова св. Григорія Великаго.

О чудо, о любовь Божія къ людямъ! Съдящій на небѣ со Отцемъ подается въ оный часъ всѣмъ, кто хочетъ принять Его!

Хочешь ли ты видѣть и изъ другаго чуда безпредѣльность этого святилища? Представь себѣ предъ глазами Илію, безчисленное множество вокругъ стоящаго народа, жертву, лежащую на камняхъ; представь, что всѣ находятся въ глубокой тишинѣ и молчаніи и только одинъ пророкъ молится; представь, что внезапно сходитъ съ неба огонь... Отъ этого перейди за тѣмъ къ тому, что теперь совершается, и—ты увидишь не только чудесное, но и превосходящее всякое удивленіе. Вотъ стоитъ священникъ, низводящій не огонь, но Святаго Духа; онъ совершаетъ продолжительную молитву, но не о томъ, чтобы низшедшій съ неба огонь пожралъ окружающее, но чтобы низшла благодать на жертву, чтобы очистились души всѣхъ и сдѣлались блистательнѣе очищеннаго огнемъ золота. Считающій это маловажнымъ безсмысленъ и безуменъ. Или ты не знаешь, что никогда человѣческая душа не перенесла бы этого торжественнаго огня и что каждый уничтоженъ былъ бы совершенно, если бы не была велика помощь Божіей благодати? Размышляющій о величій, какому удостоивается человѣкъ, облеченный плотію и кровію, именно приближать къ себѣ блаженное и чистѣйшее существо, пойметъ и ту честь, какой удостоиваются священники благодатию Духа. Ибо чрезъ нихъ совершается приближеніе къ людямъ Бога¹⁾.

Священникъ—*пастырь*. Объ этомъ снова пишетъ св. Златоустъ въ своей драгоценной книгѣ о священствѣ.

»Если много значить предстоятельствовать въ церкви и пеиись о столь многихъ ввѣренныхъ душахъ, то, ради величія такого дѣла, долженъ быть исключенъ изъ него жен-

---

¹⁾ Св. Златоустъ въ словѣ о священствѣ.

скій полъ, а равно и большая часть мужескаго; призываемы же къ этому служенію должны быть только тѣ, которые въ высшей мѣрѣ превосходятъ всѣхъ, настолько превосходятъ всѣхъ добродѣтелью души, насколько Саулъ превосходилъ своимъ ростомъ весь народъ еврейскій и даже еще гораздо больше. Ибо здѣсь, я думаю, нужно прилагать не только одну мѣру величины, но различіе между пастыремъ и стадомъ также велико, какъ различіе между неразумными тварями и разумными людьми, если не сказать больше; потому что здѣсь подвергается опасности гораздо большее. Ибо кто теряетъ овецъ, вслѣдствіе того, что волки расхитили ихъ, или воры похитили, или же истребила язва, или другой какой несчастный случай, то онъ можетъ еще получить прощенье отъ хозяина стада; а если же потребуется и вознагражденіе, то штрафъ не простирается дальше уплаты денегъ. Напротивъ, тотъ, кому ввѣрены люди, — одаренное разумомъ стадо Христово, за потерю овецъ подлежитъ не денежному штрафу, но долженъ уплатить своею собственною душею. При этомъ же онъ долженъ вести гораздо большую и опаснѣйшую войну. Ибо не съ волками онъ долженъ бороться, и не разбойниковъ бояться, и не о томъ заботиться, чтобы предохранить стадо отъ заразной бѣзны; но съ кѣмъ онъ долженъ воевать? съ кѣмъ сражаться? Послушай блаженнаго Павла, который говоритъ: «наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ». Видишь страшное множество враговъ, вооруженныхъ не желѣзомъ, но вмѣсто всякаго вооруженія достаточно имѣющихъ въ своей природѣ? Хочешь ли еще видѣть что нибудь другое, жестокое, подстерегающее стадо? И это ты увидишь оттуда же. Показавшій намъ враговъ говорить о семъ: «дѣла плоти извѣстны, они суть: презлюбодѣніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство,

вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство, и тому подобное», потому что онъ не все называлъ, но по этому можно заключать и объ остальномъ.

У пастыря неразумныхъ тварей хищные звѣри довольствуются похищеніемъ нѣсколькихъ только животныхъ, и когда завидятъ его самого, то убѣгають прочь; здѣсь же, хотя бы было истреблено все стадо, они не отстають отъ пастырей, но тѣмъ сильнѣе нападаютъ еще и не даютъ покоя до тѣхъ поръ, пока не увидятъ побѣжденными ихъ самихъ».

Трудно лѣчить душевныя болѣзни. » Не легко узнать болѣзнь человека, потому что никто не знаетъ, что въ человѣкѣ, точію духъ человека, живущій въ немъ. И какъ могъ бы кто либо дать лѣкарство противъ болѣзни, свойства которой онъ не знаетъ, и когда часто не вдругъ можно замѣтить, боленъ ли человѣкъ? Но и когда это сдѣлается уже очевиднымъ, то затрудненія увеличиваются еще больше. Ибо нельзя лѣчить такъ всѣхъ людей, какъ пастухъ лѣчитъ овцу. Конечно, и здѣсь можно бинтовать, удерживать отъ пищи, прижигать и отсѣкать, но чтобы получить исцѣленіе, дѣло зависить не отъ того, кто назначаетъ лѣкарство, а отъ больного. Это зналъ и тотъ достойный удивленія мужъ, который сказалъ коринѳянамъ: *не яко обладающе вашею вѣрою, но споспѣшницы вашей радости.* Ибо между всѣми людьми меньше всего позволено христіанамъ насиліемъ исправлять преступленія согрѣшающихъ. Мірскіе судьи показываютъ большую силу въ отношеніи къ преступникамъ, подпавшимъ закону, и принуждаютъ ихъ жить по своему указанію, хотя бы они и противились этому. Но здѣсь нужно исправлять преступниковъ не силою, но убѣжденіемъ. Ибо намъ законами не дана столь великая власть возбранять грѣшникамъ, да и мы не могли бы примѣнять

ее гдѣ либо, если бы она и дана была, такъ какъ Богъ увѣнчиваетъ тѣхъ, которые не по принужденію, но добровольно воздерживаются отъ зла.

Поэтому потребно много искусства, чтобъ убѣдить больныхъ добровольно отдаться лѣченію со стороны священниковъ, и не только одно это, но—чтобъ они умѣли благодарить ихъ за исцѣленіе. И какъ если бы кто, будучи связанъ и зная это, началъ биться, то этимъ только больше причинилъ бы себѣ вреда, такъ отвергающій отъ себя рѣжущія, на подобіе желѣза, слова, этимъ презрѣніемъ причиняетъ себѣ другую рану, и—поводъ къ исцѣленію становится причиной болѣе тяжелой болѣзни, такъ какъ нѣтъ никого, кто бы могъ принудить его и вылѣчить противъ воли.

И что можно тутъ сдѣлать? Ибо, если ты поступишь слишкомъ мягко съ тѣмъ, въ отношеніи къ которому нужна особенная строгость, и не сдѣлаешь большого разрѣза у того, кому это нужно, то ты только обрѣзываешь одну часть раны, а другую оставляешь; а если ты безпощадно дѣлаешь разрѣзъ на столько, на сколько нужно, то больной отъ страха и боли вдругъ отбрасываетъ отъ себя все, лѣкарство и повязки, и низвергается въ глубину, разломавши ярмо и разорвавши узы.

Я могъ бы назвать многихъ, которые подверглись крайнему злу, такъ какъ требовалась справедливая эпитимія за ихъ грѣхи. Ибо нельзя просто, по мѣрѣ проступковъ, налагать и наказанія, но нужно отгадывать намѣренія и цѣли грѣшниковъ, чтобы не сдѣлать разрыва еще больше, когда захочешь зашить разорванное, и чтобы, съ желаніемъ поднять упавшее, не увеличить паденія. Ибо люди слабые, а также большая часть людей, погруженныхъ въ мірскую роскошь, равно какъ и люди, гордящіеся своимъ происхожденіемъ и властію, если и не совсѣмъ, то хоть отчасти могли бы освободиться отъ своихъ пороковъ, если бы ихъ снисходительно

и постепенно отвращали отъ того, въ чемъ они погрѣшали. Но если вдругъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, теряется надежда и на малѣйшее исправленіе. Ибо если душа вдругъ принуждена отбросить стыдъ, то она впадаетъ въ нечувствительность, не слушается дружественныхъ словъ, не склоняется на угрозы, не располагается благодѣяніями, но становится гораздо хуже того города, который пророкъ порицаетъ словами: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдиться ко всѣмъ* (Іер. 3, 3).

Поэтому пастырю нужно много благоразумія и тысячу очей, чтобы разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ свойства души. Ибо какъ многіе склоняются къ отчаянію, будучи не въ состояніи перенести горькихъ средствъ спасенія, такъ есть и такіе, которые, не потерпѣвъ соотвѣтственнаго своимъ преступленіямъ наказанія, склоняются къ легкомыслію и совершаютъ гораздо большіе грѣхи. И такъ, священникъ напередъ долженъ все точно изслѣдовать, и затѣмъ уже соразмѣрить свои средства, чтобы не были безплодными труды его.

Такое благоразуміе и осмотрительность требуется отъ священника и въ томъ случаѣ, когда онъ старается воссоединить отпадшіе члены Церкви. За пастыремъ овецъ стадо слѣдуетъ, куда онъ ведетъ его, и если нѣкоторыя овцы и уклоняются отъ прямого пути, оставляютъ хорошее пастбище и уклоняются на мѣста сухія и безплодныя, то достаточно одного его голоса, чтобъ отставшія, или отдѣлившіяся снова соединились со стадомъ. Если же человѣкъ заблуждается отъ истиннаго пути, то отъ пастыря требуется много дѣятельности, настойчивости и терпѣнія. Ибо нельзя обращать на прямой путь силою, ни принуждать страхомъ, а должно убѣжденіемъ приводить къ истинѣ, отъ которой отпалъ человѣкъ.

Нужно имѣть твердую душу, чтобы не унывать, чтобы не отчаяваться въ спасеніи заблуждающаго, постоянно о

тому думать и говорить, не подасть ли ему когда либо познание истины и не освободить ли отъ сѣтей діавола. Поэтому Господь въ одной бесѣдѣ съ Своими учениками сказалъ: «кто есть вѣрный и мудрый рабъ»? Кто заботится о своей пользѣ. Но выгода пастырскаго служенія простирается на весь народъ. Приносить пользу ближнимъ и тотъ, кто раздаетъ деньги нуждающимся, или какимъ-нибудь другимъ способомъ помогаетъ угнетеннымъ, но гораздо меньше, чѣмъ священникъ, тѣмъ меньше, чѣмъ больше разница между тѣломъ и душою.

Великое и трудное дѣло пастырство душъ. «Церковь, по словамъ блаженнаго Павла, есть тѣло Христово, и кому оно ввѣрено, тотъ долженъ способствовать большому его благосостоянію и красотѣ, и внимательно смотрѣть, чтобы гдѣ либо пятно, или морщина, или другой какой-либо недостатокъ не обезобразилъ его красоты и благовидности; да и что ему дѣлать иное, какъ не изображать достойно, насколько это человѣку возможно, своего безсмертнаго и святѣйшаго Главу? Ибо если, напримѣръ, врачи или учителя ратоборства считаютъ нужнымъ наблюдать строгую діету, постоянныя упражненія и многое другое, такъ какъ и малѣйшая оплошность угрожаетъ все испортить и разрушить; то какъ же тѣ, которые получили въ свое попеченіе это тѣло Христово, имѣющее вести свою борьбу не съ тѣлами, но съ невидимыми силами, — какъ они могутъ сохранить его невредимымъ и здоровымъ, если не обладаютъ особенными добродѣтелями и не заботятся всячески о пользѣ души?

Или ты не знаешь, что это тѣло подвержено бѣлымъ болѣзнямъ и поврежденіямъ, чѣмъ наша плоть, и что оно скорѣе послѣдней заболѣваетъ и медленнѣе выздоравливаетъ?

Для тѣхъ, которые занимаются лѣченіемъ тѣлъ человѣческихъ не только изобрѣтены разныя врачевства и раз-

личные инструменты, а для больныхъ соотвѣтствующія средства питанія, но часто даже одно свойство воздуха достаточно для выздоровленія страждущихъ. Иногда благопріятный сонъ, случившійся въ нужное время, избавляетъ врача отъ всякаго труда. Но здѣсь (т. е. при лѣченіи душевныхъ больныхъ) нечего объ этомъ и думать. Одно только есть соотвѣтствующее дѣлу средство и путь къ исцѣленію,—наставленіе посредствомъ слова. Это инструментъ, это питательное средство, это самое лучшее смѣшеніе воздуха; это замѣняетъ лѣкарство, это огонь, это желѣзо; и если нужно прижечь или отсѣчь, то должно употребить это средство, а если и оно не помогаетъ, то все прочее напрасно. Этимъ средствомъ мы поддерживаемъ колеблющуюся и утишаемъ мятежную душу, обрѣзываемъ наросты, восполняемъ недостающее и производимъ все прочее, что всегда помогаетъ намъ къ здравію души. Конечно, съ такимъ же успѣхомъ, для наилучшаго устройства жизни, можетъ побуждать другая жизнь, но если душа больна ложными понятіями вѣры, то обильное употребленіе слова служитъ не только къ безопасности ближайшихъ, но годится и для войны совнѣ. Ибо, если бы кто имѣлъ въ столь высокой степени мечъ духовный и щитъ вѣры, что могъ бы творить чудеса и, посредствомъ чудесныхъ знаменій, заграждать уста безстыдниковъ, то такой не нуждался бы въ помощи слова; но и тогда, тѣмъ не менѣе, оно должно быть употребляемо и даже очень необходимо. Употреблялъ его и св. Павелъ, хотя онъ своими чудесами всегда приводилъ въ удивленіе. И нѣкто другой (св. ап. Петръ) увѣщаетъ прилежать объ этой силѣ, говоря: »будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ«. И всѣ, передавшіе нѣкогда бывшимъ со Стефаномъ заботу о вдовахъ, сдѣлали это не на другомъ основаніи, какъ только, чтобы имѣть досугъ для служенія слова. Однако въ этомъ дѣлѣ мы не

столько трудились бы, если бы имѣли силу чудотворенія. А если же нѣтъ и слѣдовъ этой силы, и враги одновременно и со всѣхъ сторонъ непрестанно устремляются, то мы должны тотчасъ защищаться словомъ, частію для того, чтобы насъ не коснулись вражескія стрѣлы, частію, чтобы намъ самимъ поразить враговъ.

Поэтому мы должны ревностно заботиться о томъ, чтобы слово Христово богато вселялось въ насъ. Ибо мы должны приготовляться не въ одному какому либо роду войны, но эта война разнообразна и ведется различными непріятелями; и употребляютъ всѣ они не одинаковое оружіе, и не одинаковымъ способомъ они привыкли нападать на насъ. Кто хочетъ вести противъ всѣхъ войну, тотъ долженъ знать хитрость всѣхъ, и онъ долженъ быть какъ стрѣлкомъ, такъ и пращникомъ, солдатомъ и военачальникомъ, пѣхотинцемъ и всадникомъ, морякомъ и стѣнобитчикомъ. На войнѣ каждый отражаетъ нападенія тѣмъ положеніемъ, какое занялъ, но здѣсь не такъ; но если кто хочетъ одержать побѣду и не знаетъ всѣхъ родовъ искусства, то діаволь сдумѣетъ и съ одной, оставшейся незащищенною, стороны подвести своихъ разбойниковъ и похитить овецъ; но этого онъ не можетъ сдѣлать, когда замѣчаетъ, что пастырь человѣкъ совершенно опытный въ своемъ дѣлѣ, и вполне понимаетъ и отгадываетъ его злоумышленія. Ибо если и городъ хорошо укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ, то онъ посмѣивается надъ осаждающими, находясь въ великой безопасности. Но если кто либо проломалъ стѣну шириною только въ маленькую дверку, то защита совершенно не поможетъ уже больше, хотя бы все остальное стояло крѣпко.

Такъ и въ отношеніи къ граду Божію. Если онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, вмѣсто стѣны, пронцательностію и благоразуміемъ пастырей, какъ бы нѣкою крѣпостію, то всѣ нападенія враговъ оканчиваются стыдомъ для нихъ и посмѣяніемъ, а обитатели остаются въ безопасности«....

И, такъ, страшная тяжесть священства требуетъ основательной учености. Но кто обладаетъ ею? Св. отецъ говорить, между прочимъ:

»Когда подымается борьба о предметахъ вѣры, и всѣ борются посредствомъ однихъ и тѣхъ же писаній, какую силу можетъ тогда предъявить жизнь? Что пользы отъ величайшаго труда, когда послѣ этихъ напряженій, вслѣдствіе великаго невѣжества, впадаютъ въ ересь и отдѣляются отъ тѣла Церкви? Какая польза, какъ это случается со многими, отъ твердости и постоянства? Никакой, или столько же, сколько отъ здоровой вѣры, если она портится дѣлами.

И такъ, кто получилъ право учить другихъ, тотъ долженъ быть опытиѣе всѣхъ въ такой борьбѣ. Ибо, если онъ стоитъ и безопасно, невредимо отъ противниковъ, то подчиненное ему множество слабыхъ, видя, что предводитель ихъ препобѣжденъ и ничего не имѣетъ возразить болѣе, приписываетъ пораженіе не своей слабости, но несостоятельности самыхъ предметовъ вѣры, и неспособностію одного многіе повергаются въ крайнюю гибель. И если не тотчасъ становятся добычей противниковъ, то оказываются вынужденными сомнѣваться въ томъ, чѣмъ бы слѣдовало утѣшаться, а если кто безъ колеблемости, рѣшительно выступаетъ на борьбу, то онъ не можетъ стоять съ такою же твердостію, но вслѣдствіе пораженія ихъ учителя, душою его овладѣваетъ великое смятеніе, такъ что бѣдствія оканчиваются полнымъ крушеніемъ.—Нѣтъ нужды мнѣ говорить тебѣ, какая великая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу пастыря за cadaго погибшаго: это и самъ ты знаешь точно.

Священникъ участвуетъ въ приготовленіи таинственнаго тѣла Господня—Церкви. Люди, »имѣющіе свое пребываніе и живущіе на землѣ, получили порученность совершать дѣла небесное, такое полномочіе, какого Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ.

Ибо не этимъ сказано: «что свяжете на землѣ, будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите, то будетъ разрѣшено». Конечно, и владыки земные имѣютъ право вязать, но только тѣла, но сказанное выше вязаніе касается самыхъ душъ и достигаетъ до неба, и то, что священники здѣсь дѣлаютъ на землѣ, Господь совершаетъ на небѣ, и приговоръ слуги подтверждаетъ Господь. Ибо что иное Онъ далъ имъ, какъ не полную небесную власть? «Кому», говоритъ Онъ, «отпустите грѣхи, отпустятся ему, и кому удержите, удержатся».

Какая власть можетъ быть больше?

Отецъ весь судъ передалъ Сыну, но я вижу, что Сынъ всецѣло вручилъ его священникамъ. Ибо они возвышены до такого достоинства, какъ если бы они уже переселены были на небо и были превыше человѣческой природы, бывъ свободны отъ нашихъ слабостей.

Если бы, далѣе, царь кого нибудь изъ своихъ подданныхъ облекъ такою высокою властію, чтобы онъ могъ, кого захочетъ, ввергать въ темницу, а потомъ освобождать изъ нея, то такого всѣ почитали бы, каждый завидовалъ бы ему. Получившій же отъ Бога на столько большую эту власть, на сколько своимъ достоинствомъ небо превосходитъ землю и душа тѣло, нѣкоторымъ представляется получившимъ столь ничтожную власть, что они воображаютъ себѣ, что обладаніе ею причиняетъ стыдъ тому, кто получилъ ее! Прочь такое безуміе!

Очевиднѣйшее безуміе—презирать столь высокое служеніе, безъ котораго мы не могли бы получить ни спасенія, ни обѣщанныхъ благъ. Ибо, если никто не можетъ войти въ царство небесное, если не возродится водою и духомъ, и если исключается изъ вѣчной жизни тотъ, кто не принимаетъ тѣла Господня и не вкушаетъ крови Его: но все это совершается не чѣмъ инымъ, какъ оными святыми руками—

разумѣю руки священника;—то какъ кто либо безъ нихъ могъ бы избѣжать огня и геенны или достигнуть назначенныхъ вѣнцовъ? Ибо имъ—то поручены духовныя муки рожденія и рожденіе крещеніемъ; чрезъ нихъ мы приходимъ ко Христу и соединяемся съ Сыномъ Божиимъ, чтобы быть членами этой святой Главы, такъ что ихъ по справедливости нужно не только бояться, какъ имѣющихъ власть, но и почитать, какъ отцовъ. Ибо отцы родили насъ отъ крови и отъ плотскаго похотѣнія; а священники суть виновники святаго возрожденія, истинной свободы и благодатнаго сыновства.

Иудейскіе священники имѣли полномочіе изгонять тѣлесную проказу, или лучше изслѣдовать тѣхъ, отъ кого она изгнана, и ты знаешь, въ какомъ уваженіи находилась тогда священническая власть. Срященники же новаго завѣта получили власть совершенно изгонять не только тѣлесную проказу, но и нечистоту душевную, а не изслѣдовать только ее, послѣ того, какъ она уже изгнана; поэтому презирающіе ихъ были бы большедостойны проклятія и наказанія, чѣмъ соучастники Даоана...

Но не только въ наказаніяхъ, а и въ благодѣяніяхъ Богъ далъ священникамъ большую власть, чѣмъ тѣлеснымъ родителямъ, и такъ велико между тѣми и другими различіе, какъ между настоящею и будущею жизнію. Ибо одни работаютъ для настоящей, а другіе для будущей. И тѣлесные родители не могутъ избавить своихъ дѣтей отъ тѣлесной смерти, но даже прогнать настоящую ихъ болѣзнь: священники же, уменьшая наказанія однимъ, а другихъ и совсѣмъ не подвергая наказанію, часто спасали больныхъ и близкія къ гибели души не только наставленіями и увѣщаніями, но и Божіею помощію. Ибо они имѣютъ власть не только возрождать насъ, но и прощать содѣянные потомъ грѣхи. »Боленъ ли кто изъ васъ«, говоритъ ап. Іаковъ, »пусть

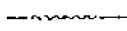
призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавъ его елеемъ во имя Господне, и молитвавы-ры спасетъ болящаго, и возставитъ его Господь; и, если онъ содѣлалъ грѣхи, простятся ему». Далѣе, естественные родители не могутъ ничѣмъ помочь своимъ дѣтямъ, когда тѣ подвергаются гнѣву знатныхъ и сильныхъ людей; но священники примиряютъ не съ владыками и царями, но съ Самимъ Богомъ. Рѣшится ли кто либо, послѣ этого, обвинить меня въ кичливости? Съ своей стороны, я думаю, что сказанное должно возбудить въ слушателяхъ такой страхъ, что они должны упрекать въ высокомеріи и дерзости не тѣхъ уже, которые убѣгаютъ, но тѣхъ, которые сами напрашиваются и стараются о приобрѣтеніи этого достоинства. Ибо если тѣ, которымъ поручается власть надъ городами, какъ бы они ни были разумны, разоряютъ города и губятъ самихъ себя, то какъ нуждается, думаешь ты, какъ въ собственной, такъ и въ высшей силѣ, чтобы не согрѣшить, какъ нуждается тотъ, кому поручено украшеніе невѣсты Христовой?

Никто не любилъ Христа больше Павла; никто не показалъ большей, чѣмъ онъ, ревности; никто не удостоился получить обильнѣйшей благодати; однако онъ боялся и страшился изъ за этого своего служенія и изъ за тѣхъ, которые были ему ввѣрены... Въ такомъ же душевномъ расположеніи долженъ быть и священникъ, или нѣтъ, ибо то, что я хочу сказать, гораздо болѣе. Апостолъ говоритъ, что онъ желаетъ быть отлученъ отъ Христа за своихъ братьевъ, за своихъ родственниковъ по плоти. Если ктонибудь можетъ сказать о себѣ это, если у когонибудь душа устремляется къ такому желанію, того по справедливости можно обвинять, когда онъ убѣгаетъ (священства). Но если кто, подобно мнѣ, столь мало имѣетъ этой добродѣтели то онъ заслуживаетъ ненависти не тогда, когда убѣгаетъ (отъ священства), но

когда принимаетъ его... Если бы кто нибудь сдѣлалъ меня кормчимъ корабля, нагруженнаго дорогими товарами, и повелѣлъ плыть по эгейскому или тирренскому морю, то я ушелъ бы при первомъ словѣ. А если бы кто спросилъ: отчего? то я сказалъ бы: чтобы не погубить корабля.

Если же никто не порицаетъ человѣка предусмотрительнаго, когда дѣло идетъ о вещественныхъ убыткахъ и опасности тѣлесной смерти; то за что же порицать и гнѣваться на меня, когда отъ моего неумѣнья можетъ предстоять гибель кораблекрушенія не въ этомъ морѣ, но въ безднѣ огненной... Нѣтъ! прошу и молю. Я знаю свою душу, слабую и малую, знаю величіе служенія и многообразную трудность дѣла. На душу священника устремляются волны, болѣе страшныя, чѣмъ вѣтеръ, воздымающій море».

СЕМЕЙСТВО И ДОМОЧАДЦЫ ПАСТЫРЯ ¹⁾.

Если домъ пастыря, какъ малая церковь, долженъ быть для всѣхъ образцемъ истинно-христіанской семейной жизни; то всѣ, живущіе въ этомъ домѣ, не только должны строго соблюдать Православную вѣру ²⁾, но, въ большей или меньшей степени, должны отличаться тѣми же нравственными достоинствами, какія требуются отъ самаго пастыря.

СУПРУГА ПАСТЫРЯ.

Первое лице въ домѣ пастырскомъ, на которомъ послѣ пастыря останавливается вниманіе всякаго, есть его супруга. По волѣ Творца, жена должна быть помощницею мужу, т. е. раздѣлять съ нимъ труды его, радости и скорби. Главнымъ образомъ эту помощь жена оказываетъ мужу въ домашнемъ быту попеченіемъ о ежедневныхъ домашнихъ

---

¹⁾ Продолженіе стат. о пастырскомъ служеніи. См. № 20-й.

²⁾ 4-го вселенск. собора пр. 14. Карѣ. соб. прав. 45.

нуждахъ, уходомъ за дѣтьми и первоначальнымъ воспитаніемъ ихъ. Но умная и добрая жена можетъ оказывать помощь мужу и въ его общественной дѣятельности: она своимъ вліяніемъ на его характеръ можетъ его общественное служеніе сдѣлать болѣе полезнымъ, иногда она можетъ предостеречь его отъ ошибокъ или ободрить духъ его къ перенесенію неудачъ въ общественной дѣятельности. Если же на всѣхъ общественныхъ служеніяхъ мужу нужна и полезна бываетъ помощь со стороны жены, то не менѣе эта помощь можетъ быть полезна и въ служеніи пастырскомъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ апостоловъ, во время своихъ благовѣстническихъ путешествій, имѣли постоянными спутницами женъ своихъ, какъ ясно свидѣлствуетъ объ этомъ святой апостолъ Павелъ (1 Коринѳ. 9, 5). Изъ многихъ мѣстъ св. Писанія видно, что эти спутницы св. апостоловъ не только служили имъ въ обыкновенныхъ житейскихъ нуждахъ, но и были *сотрудницами ихъ во Христѣ Иисусѣ* (Римл. 16, 3. 1. 6, 12), т. е. принимали участіе въ самой ихъ апостольской дѣятельности. Въ чемъ состояло это участіе, въ подробности не извѣстно; но видно, что оно было не мало важно; потому что благодарили нѣкоторыхъ изъ нихъ за это какъ сами апостолы, такъ и всѣ церкви изъ язычниковъ (Римл. 16, 4). Извѣстно также, что въ первенствующей церкви были избираемы нѣкоторыя благочестивыя женщины и особннымъ обрядомъ посвященія возводимы на степень существовавшей тогда въ церкви должности *діакониссъ*, которымъ поручалось объяснять новообращеннымъ женамъ законъ Божій, готовить ихъ къ принятію крещенія, служить при самомъ крещеніи и руководствовать въ церкви послѣ онаго, служить больнымъ, странникамъ и вообще нуждающимся. Иногда должность діакониссъ исполняли отличавшіяся святостію жизни жены пресвитеровъ. Такъ, при святомъ Григоріѣ Нисскомъ, братъ святаго Ва-

силія Великаго, когда онъ былъ въ званіи пресвитерскомъ, должность діакониссы исполняла жена его, Феозва, отличавшаяся святостію жизни и полная любви и состраданія къ ближнимъ ¹⁾. Святый Григорій Богословъ почтилъ ее многими похвалами, называя ее «доброю церкви, украшеніемъ Христовымъ, вѣистинну святою священническою женою, честію равною и великихъ таинствъ достойною». Эти свидѣтельства христіанской древности даютъ разумѣть, что назначеніе супруги пресвитера быть помощницею мужу не въ однихъ обыденныхъ житейскихъ дѣлахъ, но, въ нѣкоторой степени, и въ самомъ пастырскомъ служеніи. Какую же помощь можетъ оказывать пастырю жена въ его пастырскомъ служеніи? Жена не имѣетъ права вмѣшиваться непосредственно въ пастырское служеніе своего мужа. Тѣмъ не менѣе она можетъ оказать пастырю весьма важное пособіе въ его дѣятельности. Первую и самую важную помощь жена можетъ оказать пастырю тѣмъ, если, подобно ему, будетъ стараться служить для прихожанъ примѣромъ доброй, истинно-христіанской жизни. Примѣръ доброй жены можетъ восполнять и усиливать благотворное дѣйствіе на прихожанъ примѣра, представляемаго самимъ пастыремъ, особенно на женскую половину прихожанъ и преимущественно въ домашнемъ быту, гдѣ примѣръ самага пастыря не всегда можетъ оказываться сразу приложимымъ. Далѣе, весьма важную помощь можетъ оказать жена пастырю въ дѣлѣ учительства. Ей не дано права учить народъ въ церкви; но она, при близкомъ знакомствѣ съ женами прихожанъ, можетъ проводить въ среду ихъ истинныя религіозно-нравственныя понятія, способствовать искорененію предразсудковъ и суевѣрій между ними, подать совѣтъ матери относительно воспитанія дѣтей, содѣйствовать примиренію со-

¹⁾ Избранныя житія святыхъ. 10-го января житіе св. Григорія Нисскаго.

рящихся родственниковъ, утѣшить вдову и сироту. Не малую услугу можетъ оказать пастырю жена своимъ участіемъ въ обученіи дѣтей прихожанъ, особенно женскаго пола.

На пастырѣ, кромѣ обязанности служить духовнымъ нуждамъ прихожанъ, лежитъ обязанность помогать имъ во временныхъ ихъ нуждахъ. Исполненіе этой обязанности удобнѣе всего можетъ быть совершаемо при посредствѣ жены. Женѣ всего приличнѣе приютить страннаго, накормить нищаго, ходить за больными, вообще исполнять тѣ дѣла челоуѣколюбія, которыя въ древности исполняли діакоиссы.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что жена не имѣетъ права приступать ко алтарю и участвовать въ какомъ бы то ни было священнодѣйствіи: но она и въ этомъ отношеніи можетъ оказать немаловажную услугу пастырю, если будетъ доставлять ему всевозможныя удобства во время приготовления къ священнослуженію, принимая на себя всѣ житейскія попеченія и устраняя все могущее возмущать духъ пастыря, готовящагося къ божественной службѣ.

Для того, чтобы соотвѣтствовать столь высокому своему назначенію, жена пастыря должна отличаться высокими нравственными качествами. Въ общихъ чертахъ изображаетъ эти качества святой апостолъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѣю: *женамъ* (служителей Божіихъ подобаетъ быть) *честнымъ, неклеветливымъ, не навидницамъ, трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ* (1 Тим. 3, 11). Наглядное же осуществленіе этихъ качествъ всего яснѣе можно видѣть въ лицѣ древней знаменитой пастырской супруги, св. Нонны, жены Григорія, бывшаго пресвитеромъ и потомъ епископомъ въ г. Аріанзѣ. Вотъ какъ изображаетъ ее достославный сынъ ея, св. Григорій Богословъ: »если другія жены тщеславятся и превозносятся красотою, какъ естественною, такъ и поддѣльною; то она знала одну красоту, красоту душевную,

и старалась сохранить или уяснить въ себѣ, по мѣрѣ силъ, образъ Божій; а поддѣльныя искусственныя украшенія отвергала, предоставляя ихъ опредѣлившимъ себя на зрѣлища. Она знала одно истинное благородство — быть благочестивою и знать, откуда мы произошли и куда пойдемъ... Если од- нѣ изъ женъ отличаются бережливостію, а другія благоче- стіемъ, ибо трудно совмѣщать оба качества: то она превос- ходила всѣхъ тѣмъ и другимъ, и въ каждомъ достигла верха совершенства, и оба успѣла соединить въ одной се- бѣ. Попечительностію и неусыпностію, по предписаніямъ и правиламъ для жены доблей, такъ она умножила все въ домѣ, какбы вовсе не знала благочестія. Но и столько бы- ла усердна къ Богу и ко всему божественному, какбы ни мало не занималась домашними дѣлами. Одно не терпѣло въ ней ущерба отъ другаго; но одно другимъ взаимно поддер- живалось. Укрылось ли отъ нея какое время и мѣсто мо- литвы? О семъ у нея ежедневно была самая первая мысль. Лучше же сказать, кто, приступая къ молитвѣ, имѣлъ столь- ко упованія получить просимое? Кто оказывалъ такое ува- женіе рукъ и лицу священника? Кто такъ высоко цѣнилъ всякій родъ цѣломудрой жизни? Кто больше, чѣмъ она, из- нурялъ плоть постомъ и бдѣніемъ? Кто благоговѣйнѣе ея стоялъ во время всенощныхъ и дневныхъ псалмопѣній? Кто чаще ея восхвалялъ дѣвство, хотя сама несла брачныя узы?.. Почему въ ней не признать важнымъ того, что ни слуха, ни языка, которыми принимала и вѣщала божествен- ное, не оскверняла языческими повѣствованіями и зрѣ- лищными пѣснями; потому что освященному неприлично все неосвященное¹⁾. Очевидно, что, при такихъ каче- ствахъ, св. Нонна могла быть вполне сотрудницею сво- ему мужу, и дѣйствительно она и словомъ, и дѣломъ содѣй-

¹⁾ Творенія св. отцевъ 11. 106—109.

ствовала ему въ его пастырскомъ служеніи, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ св. Григорій Богословъ,

Къ сожалѣнію, многія жены современныхъ пастырей, и при безукоризненномъ поведеніи, далеко не соотвѣтствуютъ своему высокому назначенію. Иныя изъ нихъ бываютъ хорошими хозяйками, заботливыми матерями и добрыми супругами; но не считаютъ своимъ долгомъ содѣйствовать мужу въ его пастырскомъ служеніи, а иногда даже и вредятъ успѣхамъ этого служенія, или тѣмъ, что неумѣренною заботливостію о житейскихъ выгодахъ отвлекаютъ вниманіе пастыря отъ его главнаго дѣла, или неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ такія дѣла, которыхъ онѣ не должны бы касаться, какъ, на примѣръ, собираніе и дѣлежъ доходовъ, нарушаютъ добрыя отношенія пастыря къ приходу и къ причту. Иныя жены пастырей безучастно и грубо относятся къ прихожанамъ, чѣмъ охлаждаютъ усердіе ихъ къ самимъ пастырямъ, или же обращаютъ вниманіе на мелочи домашней жизни прихожанъ, по одному суетному любопытству. Болѣе же общій недостатокъ женъ современныхъ пастырей—это есть недостатокъ образованія, отъ котораго зависитъ непониманіе ими своего назначенія и важности служенія своихъ супруговъ. Однѣ изъ женъ пастырскихъ не получаютъ никакого образованія, и въ своей дѣятельности руководствуются пріобрѣтенными въ домѣ родителей привычками; другія же получаютъ образованіе, но малоосновательное и неприспособленное къ ихъ положенію въ обществѣ. Надмеваясь своимъ свѣтскимъ образованіемъ, эти послѣднія иногда тяготятся своимъ положеніемъ и презрительно смотрятъ на нѣкоторыя стороны пастырскаго служенія.

Чтобы избѣжать такого неудачнаго супружества, каждый готовящійся къ священству, при выборѣ жены, долженъ обращать вниманіе не на красоту, не на богатство, не на

внѣшнія и свѣтскія какія нибудь преимущества, но на религіозно-нравственное состояніе будущей своей супруги. Но если, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, пастырю пришлось вступить въ бракъ съ лицомъ, несоотвѣтствующимъ высокому пастырскому служенію; то его непремѣнная обязанность заботиться объ исправленіи недостатковъ своей жены. Конечно, дѣло это весьма трудное; но ни въ какомъ случаѣ пастырь отъ него не долженъ уклониться. Принявъ на себя пастырскія обязанности, онъ берется исправлять недостатки и вести къ духовному совершенству всѣхъ лицъ, составляющихъ его паству; неизвинительно будетъ для него, если онъ оставитъ безъ пастырскаго попеченія лицо самое ближайшее къ нему.—Но заботливость объ исправленіи недостатковъ и духовномъ усовершенствованіи своей жены требуетъ отъ пастыря особенной осторожности и благоразумія, безъ чего эта заботливость не только не принесетъ пользы, но можетъ сопровождаться охлажденіемъ взаимной любви между супругами и разрушеніемъ семейнаго счастья. Прежде всего пастырь долженъ установить правильный взглядъ на недостатки своей жены и строго различать такіе недостатки, которые положительно вредятъ успѣхамъ его пастырскаго служенія, отъ такихъ, которые могутъ быть терпимы. Принимаясь пастырски исправлять недостатки своей жены, онъ долженъ относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ и, избѣгая тона обвинительнаго, незамѣтно вводить ее въ сознаніе своихъ недостатковъ. Заботясь объ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи своей жены, пастырь никогда не долженъ забывать, что она, какъ женщина, во многихъ отношеніяхъ не можетъ сравняться съ мужчиною. А главное, при всей любви, откровенности и уваженіи къ супругѣ, пастырь не долженъ ни чѣмъ ронять предъ нею своего нравственного достоинства. Ибо при этомъ только условіи онъ можетъ пользо-

ся, съ ея стороны, уваженіемъ и довѣріемъ, безъ чего невозможно никакое нравственное вліяніе на нее.

Дѣти пастыря.

Естественное чувство каждаго отца побуждаетъ прилагать особенное попеченіе о дѣтяхъ. Пастырское служеніе не только не противорѣчитъ этому чувству, но еще очищаетъ и возвышаетъ его. Пастырь-отецъ можетъ и долженъ показать на дѣтяхъ своихъ самые наглядные опыты благотворности пастырскаго служенія, приобретающаго человѣку благодать у Бога и людей. По этой причинѣ, пастырю неприлично предоставлять воспитаніе своихъ дѣтей постороннимъ лицамъ, какъ бы ни были трудны и многосложны его обязанности. Конечно, полное умственное и нравственное воспитаніе дѣтей не можетъ быть окончено безъ учебныхъ заведеній и вообще безъ пособія постороннихъ лицъ, но первоначальное воспитаніе дѣтей, при которомъ устанавливается въ человѣкѣ направленіе умственныхъ и нравственныхъ силъ, должно быть непосредственнымъ дѣломъ самаго пастыря и его супруги,—дѣломъ, котораго они не должны никому уступать. Многіе священники, обремененные многочисленными требамъ и хлопотамъ по хозяйству, предоставляють самое первоначальное воспитаніе своихъ дѣтей стороннимъ лицамъ, какъ то: причетникамъ, ученикамъ семинаріи, окончившимъ и неокончившимъ курсы, престарѣлымъ и малообразованнымъ родственникамъ и пр. Но уклоненіе священника отъ непосредственнаго воспитанія своихъ дѣтей ничѣмъ не можетъ быть оправдано: ибо дать первоначально правильное направленіе умственнымъ и нравственнымъ силамъ своихъ дѣтей есть самая важнѣйшая обязанность священника, не только какъ родителя, но и какъ пастыря ¹⁾.

¹⁾ См. Р. для с. н. 1861 г. №№ 30, 31 и 33. ст. «Практическія замѣчанія о первоначальномъ обученіи священническихъ дѣтей до поступленія ихъ въ училище».

Какая же основная мысль должна руководствовать священникомъ при первоначальномъ воспитаніи дѣтей? Многие отцы, воспитывая своихъ дѣтей, имѣютъ въ виду приготовить ихъ къ какой нибудь блестящей карьерѣ въ обществѣ, руководствуются затаеннымъ желаніемъ увидѣть въ послѣдствіи своихъ дѣтей на какомъ либо важномъ общественномъ постѣ, окруженныхъ богатствомъ, славою и почестями. Священникъ, предоставляя устроеніе будущей земной участи своихъ дѣтей волѣ Божіей, прежде всего долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣти его были истинными христіанами, чтобы они съ малыхъ лѣтъ научились приносить въ жертву любви ко Христу всякія земныя привязанности. — Истинный христіанинъ способенъ на всякое общественное служеніе, къ какому бы ни призвалъ его Промыслъ. Чтобы воспитать дѣтей своихъ истинными христіанами, пастырь, съ самаго начала пробужденія у нихъ сознанія, долженъ заботиться о развитіи у нихъ религіознаго чувства и напечатлѣть въ ихъ сердцахъ страхъ Божій. Основнымъ руководствомъ и главною учебною книгою при воспитаніи дѣтей у пастыря должна быть Библія. Изъ нея должны быть заимствуемы все рассказы и наставленія дѣтямъ, примѣнительно къ раскрытію ихъ сознанія; изъ нея же должны быть избираемы мѣста для первоначальнаго ихъ чтенія. Впрочемъ, пастырь не долженъ чуждаться разумныхъ и основательныхъ способовъ воспитанія и обученія, какія предлагасть современная педагогика: только пользоваться услугами науки онъ долженъ на столько, на сколько видитъ въ нихъ соотвѣтствіе съ духомъ Библіи. Воспитывая дѣтей своихъ при помощи Библіи, пастырь долженъ внимательно смотрѣть за ихъ поступками и пріучать ихъ къ молитвѣ частной и общественной, и внушать имъ послушаніе къ старшимъ и правильныя отношенія ко всемъ ближнимъ, въ тоже время пастырь долженъ зорко слѣдить за обнару-

женіемъ дурныхъ склонностей въ своихъ дѣтахъ, и въ самомъ началѣ направлять ихъ, не раздражая чадъ своихъ и вмѣстѣ не увлекаясь излишне родительскою любовію и снисходительностію къ дѣтскому возрасту. Известно, что въ дѣтахъ сильно бываетъ развита подражательность: они скорѣе слѣдуютъ поступкамъ родителей, чѣмъ словамъ и наставленіямъ. Поэтому поступки отца никогда не должны противорѣчить тѣмъ наставленіямъ, которые онъ даетъ дѣтямъ своимъ. Напротивъ, своими поступками онъ долженъ предначинать всякую религіозно-нравственную дѣятельность своихъ дѣтей, и словесныя наставленія употреблять какъ только поясненіе значенія своихъ поступковъ: онъ долженъ становиться на домашнюю молитву вмѣстѣ съ дѣтьми; съ собою вмѣстѣ долженъ вести ихъ въ храмъ, съ ними вмѣстѣ упражняться въ чтеніи слова Божія, въ присутствіи ихъ избѣгать всякой раздражительности и т. п. Обыкновенно у насъ дѣти священниковъ мужескаго пола съ 10 лѣтъ поступаютъ въ духовно-учебныя заведенія; но и съ этого времени отцы не должны оставлять дѣтей своихъ безъ внимательнаго надзора и попеченія, особенно о ихъ нравственномъ направленіи; ибо для успѣха училищнаго воспитанія весьма важно, а иногда и совершенно необходимо, вліяніе родительское.

Воспитаніе дѣтей мужескаго пола у насъ довольно обезпечено существованіемъ казенныхъ училищъ, а этимъ воспитаніемъ уже болѣе или менѣе обезпечивается будущее положеніе ихъ въ обществѣ. Не такога судьба дѣтей женскаго пола. По недостатку женскихъ учебныхъ заведеній и поскудости средствъ большей части нашихъ священниковъ, дѣти ихъ женскаго пола должны ограничиваться однимъ домашнимъ воспитаніемъ. Священникъ, прилагая все стараніе къ возможному для него развитію умственныхъ и нравственныхъ способностей своихъ дочерей, обязанъ позаботиться и объ устроеніи ихъ

будущности. Это послѣднее сопряжено съ большими трудностями для священника. Рѣдкій священникъ можетъ приготовить для своихъ дочерей достаточное матеріальное обезпеченіе; а обученіе ихъ чему бы то ни было не только домашнее, но и школьное не можетъ доставить дѣвицѣ достаточныхъ средствъ къ содержанію. Прямое назначеніе всякой женщины быть супругой и матерью; исключеніе изъ этого возможно только для посвящающихъ себя дѣвству, для больныхъ и увѣчныхъ, а сдѣлавшись супругой, она будетъ имѣть отъ мужа какія бы то ни было средства къ содержанію. Совершенной невозможности для выхода за мужъ нѣтъ для дочерей священническихъ. Часто невозможно только бываетъ выдти за мужъ за людей болѣе или менѣе равнаго состоянія. Долгъ пастыря отца предохранить дочерей своихъ отъ презрительнаго взгляда на людей низшаго состоянія. Одно только можетъ онъ имъ поставить въ этомъ случаѣ правиломъ въ выборѣ замужества, чтобы они обращали вниманіе на благонравіе и богобоязненность лицъ, которымъ готовы довѣрить судьбу свою. Супружество лицъ, боящихся Господа, по обѣтованію слова Божія, никогда не будетъ лишено благословенія Божія и увидитъ благая *вся дни живота своего* (Псал. 127, 5. 6).

Прислуга въ пастырскомъ домѣ.

Пастырю, какъ семейному, такъ и не имѣющему семейства, необходимо держать въ своемъ домѣ постороннихъ лицъ для домашнихъ услугъ. Но иногда эта необходимость понимается въ преувеличенномъ видѣ. Въ обществѣ нашемъ есть еще остатки тѣхъ понятій, которыя въ высшемъ кругу сложились во время существованія крѣпостнаго права, а изъ высшаго круга незамѣтно проникли и въ средній. Подъ вліяніемъ этихъ понятій, питающихъ празднолюбіе и барское тщеславіе, многія домашнія занятія, вовсе не унизительныя для самаго хозяина и для всѣхъ членовъ семейства, считаются черною работою, которая прилична только

прислугѣ. Какъ ни сильно укоренились такія понятія въ обществѣ, пастырь, обязанный просвѣщать міръ, а не подчиняться его обычаямъ, не долженъ раздѣлять ихъ. Какъ лицо, обязанное быть примѣромъ христіанской простоты и трудолюбія, пастырь долженъ, сколько возможно, сокращать число прислуги въ своемъ домѣ, т. е. онъ долженъ имѣть прислугу только для такихъ работъ, которыхъ принять на себя рѣшительно не дозволяютъ ему время и достоинство его сана и которыя превышаютъ физическія силы членовъ его семейства. Такое сокращеніе прислуги полезно будетъ и въ томъ отношеніи, что уменьшить издержки, а иногда избавить его отъ лишнихъ хлопотъ; при нынѣшней нравственной испорченности простолюдія, прислуга не столько помогаетъ, сколько обременяетъ хозяевъ. Но пріискивая прислугу для неизбежныхъ нуждъ, пастырь долженъ при выборѣ ея наблюдать чрезвычайную осторожность, имѣя въ виду то, что лицо, способное къ работѣ, но дурное по поведенію, можетъ имѣть вредное вліяніе на дѣтей, котораго нельзя предотвратить и весьма трудно исправить. А когда пастырю удастся пріискать добраго слугу, онъ долженъ дорожить имъ, обходиться съ нимъ по христіански. Правила христіанскія требуютъ, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «чтобы мы не презирали своихъ слугъ и не были слишкомъ взыскательны къ нимъ, чтобы научились прощать проступки слугамъ своимъ и не были жестокими къ нимъ, чтобы мы не стыдились рабовъ и имѣли общеніе съ ними во всемъ, если они хороши. Ибо если Павелъ не постыдился назвать раба чадомъ, утробою своею, братомъ и возлюбленнымъ (Посл. къ Филимону ст. 16); то какъ будемъ стыдиться мы? Но что я говорю: Павелъ! Господь Павла не стыдится называть рабовъ нашихъ братьями своими; какъ же будемъ стыдиться мы?»¹⁾ Если кому изъ домохозяевъ, то

¹⁾ Бесѣда Іоанна Златоуста на посланіе св. Павла къ Филимону. Переводъ С.п.б. академіи. стр. 25.

преимущественно пастырю необходимо въ слугахъ исполнять чловѣческое достоинство, и потому заботиться какъ о матеріальныхъ ихъ нуждахъ, такъ и о духовныхъ потребностяхъ.

Удовольствія и развлечения въ пастырскомъ домѣ.

Общій обзоръ всѣхъ нравственныхъ обязанностей пастыря приводитъ къ той мысли, что пастырь долженъ возвышаться духомъ надъ всѣмъ земнымъ и устремляться къ небесному; но для него, какъ чловѣка, не возможно постоянно пребывать въ напряженной духовной дѣятельности и быть совершенно чуждымъ всякихъ удовольствій и развлеченій, тѣмъ болѣе, когда онъ живетъ въ семействѣ, для членовъ котораго аскетическая строгость жизни неприменима. Много есть въ обществѣ развлеченій и удовольствій непредосудительныхъ и невинныхъ; правда, не всѣ они приличны пастырю, но нѣкоторыя могутъ быть ему дозволены.

Первое и самое общедоступное развлеченіе для пастыря—это дружеская бесѣда, при участіи всего семейства, съ сослуживцами или съ добрыми прихожанами, въ своемъ ли домѣ или въ домахъ своихъ знакомыхъ.

Другое, тоже общедоступное и вмѣстѣ полезное, развлеченіе для пастыря—это прогулка въ благопріятную погоду, особенно по мѣстамъ, отличающимся красотой природы.

Непредосудительно и полезно пастырю принимать участіе въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ изящными искусствами: сюда относятся чтеніе произведеній изящной литературы, пѣніе и музыка. Всѣмъ этимъ пастырь или самъ можетъ заниматься, или располагать къ тому членовъ своего семейства.

Но на всѣ удовольствія и развлечения пастырь долженъ смотрѣть какъ на средство къ ободренію духа своего и къ поддержанію въ немъ энергіи для главной дѣятельности. Онъ не долженъ увлекаться удовольствіями до того, чтобы забыть

свою обязанность—день и ночь быть на стражѣ своей паствы ¹⁾. Онъ долженъ среди самыхъ удовольствій сохранять готовность немедленно идти на служеніе нуждамъ своихъ пасомыхъ. Слѣдовательно, развлеченіе и удовольствія пастыря должны имѣть такой характеръ, чтобы отъ нихъ не труденъ былъ переходъ къ столь важному дѣлу, каково, напримѣръ, напущеніе умирающаго.

---

¹⁾ Святит. поученіе новоп. іерею.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ ¹⁾.

IV.

ПОЛЕЗНѢЙШЕЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ ЧТЕНІЕ.

Выборъ книгъ для дѣтскаго чтенія не долженъ опредѣляться только церковными и религіозно-нравственными цѣлями, потому что задача дѣтскихъ книгъ болѣе широкая, — это умственное развитіе дѣтей, упражненіе въ нихъ мыслительности и языка. Въ этомъ смыслѣ самыми пригоднѣйшими для дѣтскаго употребленія книгами признаются словесныя произведенія новѣйшаго времени, которыя, къ сожалѣнію, еще рѣдко попадаютъ въ руки дѣтей, особенно дѣтей сельскаго духовенства. Но и между новѣйшими произведеніями, даже такими, которыя прямо назначаются для дѣтскаго употребленія, далеко не всѣ имѣютъ одинаковое достоинство, почему, при выборѣ изъ нихъ книгъ для дѣтскаго чтенія, необходимо обращать вниманіе какъ на содержаніе, такъ и на изложеніе ихъ.

Съ нѣкотораго времени у насъ въ обществѣ значительно увеличился запросъ на реальныя знанія, вслѣдствіе чего положительныя, въ особенности естественныя науки стали пользоваться необыкновеннымъ уваженіемъ. При этомъ условіи понятно, если отцы съ раннихъ лѣтъ стараются иногда посвящать дѣтей въ таинства природы. Для отца съ

---

¹⁾ См. № 31-й.

матерью бываетъ очень лестно, когда дитя изъ книжки, данной ему для чтенія или прочитанной ему кѣмъ нибудь, узнаетъ и съумѣетъ разсказать объ устройствѣ какой нибудь части животнаго организма, составѣ позвоночнаго столба и пр.; точно также отецъ съ матерью часто не наладуются на своихъ дѣтей, если послѣднія отдаются разсматриванію рисунковъ и изображеній по части ботаники, географіи, и затѣмъ—безъ устали толкуютъ о нравахъ и образѣ жизни разныхъ звѣрей и насѣкомыхъ, о строеніи растений, стебельковъ и цвѣточковъ съ ихъ тычинками и пестиками, но посмотрите на дѣло прямо и безпристрастно: слѣдуетъ ли дѣтей съ ранняго возраста учить естественнымъ наукамъ и приходить въ восторгъ, если они дѣйствительно обнаруживаютъ нѣкоторую любовь къ нимъ? Вотъ дитя изъ естественной книжки узнало, что червячекъ, послѣ цѣлаго ряда превращеній, дѣлается бабочкой; что же? развилось оно отъ того сколько нибудь?—сдѣлалось умнѣе? лучше разсуждаетъ? обогатилось понятіями и освоилось съ оборотами языка? Не нужно быть ненавистникомъ естествознанія, чтобы отвѣчать на всѣ эти вопросы отрицательно.

Нѣтъ сомнѣнія, что свѣдѣнія приобрѣтаютъ значеніе развивающей и просвѣщающей силы, во-первыхъ, тогда, когда они, по своей интересности, возбуждаютъ въ дѣтяхъ любознательность и вызываютъ душевныя силы къ напряженной дѣятельности. Но мыслительность дѣтей почти не затрогиваютъ дѣтскія книжки, наполненныя статейками по естествознанію, потому что сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія принимаются дѣтьми на-слово, на вѣру, безъ всякихъ попытокъ провѣрять собственнымъ мышленіемъ показанія естественныхъ наукъ. Одна изъ причинъ этого—безынтересность для дѣтей естествознанія. Этою же безынтересностью объясняется отчасти и неспособность естественныхъ свѣдѣній вліять на образованіе нравственныхъ убѣжденій и характера дѣтей, хотя, впрочемъ, и съ сильнымъ развитіемъ

мышленія не многіе изъ людей оказываются способными дѣлать приложенія естественныхъ истинъ къ нравственнымъ убѣжденіямъ и правиламъ жизни. Замѣчательно, что въ спеціалистахъ по естественнымъ наукамъ, въ спеціалистахъ, которые въ дѣтствѣ и юности, конечно, не были свободны отъ обязанности получать общечеловѣческое образованіе, по большей части оказывается очень мало развитою человѣческая сторона. Надобно заботиться не о томъ, чтобы дѣти занимались и увлекались естественными свѣдѣніями, а о томъ, чтобы какъ можно больше испытывали вліяній, облагораживающихъ и гуманизирующихъ ихъ маленькую личность. Какъ для взрослого можно поставить правиломъ: »старайся познать то, что достойно знанія«, такъ для отцовъ относительно дѣтей должно быть правиломъ: »помогать дѣтямъ знакомиться съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе человѣческаго достоинства и безъ чего не могутъ въ дѣтяхъ развиваться высшія стремленія и благородныя симпатіи«.

Впрочемъ, по самой безынтересности естественныхъ свѣдѣній, не слѣдуетъ навязывать ихъ дѣтямъ. Послѣднимъ, по видимому, нравится имѣть дѣло съ животными; но эта привязанность къ животнымъ доказываетъ только то, что дѣтямъ, при ихъ крайней неразвитости, еще чуждъ тотъ міръ, въ которомъ вращается и которымъ интересуется взрослый, *полный* человѣкъ; жизнь, какою живутъ дѣти въ первомъ возрастѣ, ихъ нужды и занятія болѣе подходятъ къ отправленіямъ животныхъ, чѣмъ къ характеру чисто человѣческой жизни-дѣятельности. Но такое животное состояніе дѣтей непродолжительно; по крайней мѣрѣ, надо стараться, чтобы оно не было продолжительно. Мало по-малу пробуждаются въ дѣтяхъ человѣческіе инстинкты, и вы можете даже замѣтить, какъ быстро дѣти охладѣваютъ и дѣлаются равнодушными къ звѣркамъ и птичкамъ. Достигнувъ семи или девятилѣтняго возраста, дѣти, бывшія до того

времени задушевными друзьями и неразлучными спутниками животных, обыкновенно покидают ихъ и начинаютъ тѣсниться въ міръ живой мысли, въ ту замысловатую сферу, гдѣ вращаются взрослые. А къ царству растительному у дѣтей положительно нѣтъ симпатіи. Спокойные, какъбы вѣчно спящіе кустики, цвѣточки и листочки, такъ привѣтливо ласкающіе взоръ человѣка разитаго и усталаго въ житейской борьбѣ, ничего не говорятъ уму и сердцу дѣтей; предполагая встрѣтить въ цвѣткѣ какіе нибудь признаки жизни, а можетъ быть и думая вызвать въ немъ нѣкоторое участіе къ себѣ, дитя срываетъ и цѣлуетъ его, любитъ имъ, но не находитъ въ его натурѣ ничего похожаго на себя, и тотчасъ начинаетъ обрывать его листки или равнодушно бросить... Царство ископаемое или міръ небесныхъ свѣтилъ, составляющій содержаніе небесной механики и астрономіи, уже вовсе не въ интересахъ дѣтей, объ этомъ едва ли нужно и распространяться. Въ дѣтяхъ больше возбудить любопытства мутный ручей, журчащій послѣ дождя на улицѣ, чѣмъ тихій и отдаленный міръ невѣдомыхъ небесныхъ тѣлъ, которыя со всѣми своими грандіозными движеніями рѣдко возбуждаютъ живой интересъ и въ людяхъ взрослыхъ. Дѣти хотятъ жить и дѣйствовать такъ, чтобы результаты ихъ занятій сейчасъ же сказывались и были очевидны; имъ хочется чувствовать себя и толкаться среди явленій, непосредственно вліяющихъ на ихъ существованіе или имѣющихъ къ нимъ непосредственное отношеніе; поэтому даже смѣшно было бы требовать отъ дѣтей сочувствія къ такимъ отвлеченнымъ предметамъ, каковы законы образованія и движенія небесныхъ тѣлъ; это значило бы, чтобы дѣти полюбили науку ради самой науки, когда и взрослые неспособны къ такому безкорыстному увлеченію наукой. Само собой разумѣется, что, говоря это, мы не отрицаемъ нужды знакомить дѣтей съ окружающими ихъ пред-

метами природы, составляющими, какъ сказано выше, необходимую почву для обогащенія дѣтей чувственными созерцаніями. Точно также можно, даже должно, сообщать дѣтямъ свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, въ виду тѣхъ предразсудковъ, коими обыкновенно страдаютъ они на счетъ нѣкоторыхъ предметовъ и явленій природы.

Мы сказали, что вслѣдствіе безынтересности для дѣтей естествознанія, посвященные ему книжки не развиваютъ въ дѣтяхъ мыслительности. Но естественныя свѣдѣнія еще дурно излагаются въ дѣтскихъ книжкахъ, и это составляетъ *другую* причину, почему онѣ не возбуждаютъ въ дѣтяхъ мыслительности. Въ дѣтскихъ книжкахъ обыкновенно излагаются только результаты естественныхъ наукъ, и притомъ въ формѣ голыхъ фактовъ, усвоеніе которыхъ, очевидно, падаетъ исключительно на долю памяти, между тѣмъ какъ умъ и соображеніе должно оставаться въ бездѣйствіи. Отъ этого происходитъ то, что дѣти предрасполагаются къ умственной близорукости, подвергаются опасности остаться навсегда съ тупою головою, неспособною къ сужденіямъ серьезнымъ и основательнымъ, или даже рискуютъ сдѣлаться умственными лѣнтями, не умѣющими, какъ слѣдуетъ, дорожить наукой и самостоятельно работать въ сферѣ отвлеченной мысли и знанія. Самая легкость, съ какою достаются дѣтямъ въ этихъ книжкахъ естественныя свѣдѣнія, говоритъ уже противъ пригодности книгъ по естествознанію для дѣтскаго чтенія. Воспитатель не долженъ, какъ нянька, давать дѣтямъ нищу, совсѣмъ пережеванную. Процессъ мысли, путемъ котораго дошло до естественныхъ свѣдѣній человѣчество, весь этотъ длинный рядъ посылокъ и выводовъ, не проходитъ чрезъ дѣтское умопредставленіе, потому что всему этому не дается мѣста въ дѣтскихъ книжкахъ по естествознанію. Поэтому даже въ школахъ не даютъ дѣтямъ на первыхъ порахъ, и считаютъ вреднымъ давать, зоологи-

ческіе, ботаническіе и географическіе атласы, а предпочитаютъ, пока въ дѣтяхъ не развится еще серьезный взглядъ на рисунки, преподаваніе роднаго языка и ариметики. Такія книги, сообщающія дѣтямъ одни голые факты, сходны по своему вліянію на развитіе дѣтей съ тѣми безтактными педагогами, которые для эффекта имѣютъ обыкновеніе засыпѣть и путать учениковъ верхушками доступныхъ имъ знаній, не давая дѣтямъ возможности справиться со всѣми этими отрывочными и общими положеніями науки, посредствомъ указанія на тѣ основанія, откуда эти положенія вытекаютъ и объясняются.

Г. Юркевичъ, на котораго мы не разъ ссылались, прекрасно очертилъ вредное вліяніе на дѣтей книжекъ по естествознанію. Онъ говоритъ: »Кто сообщаетъ ученику свѣдѣнія готовые, отдаленныя, или даже послѣдніе результаты наукъ,... тотъ положительно вредитъ совершенству умственнаго развитія своего воспитанника, который можетъ усвоить такія свѣдѣнія не иначе, какъ въ видѣ простыхъ фактовъ, ни на чемъ не основанныхъ, а только заявленныхъ учителемъ, съ этимъ неизбѣжно связано, съ одной стороны, механическое заучиваніе того, что при соблюденіи постепенности было бы понято отчетливымъ мышленіемъ, съ другой—вредное чувство многознанія, располагающее къ верхоглядству... Дѣтскія книги по естествознанію очень часто погрѣшаютъ противъ требованій основательнаго обученія; дитя пріобрѣтаетъ съ ихъ помощію легкое знакомство съ послѣдними выводами фізіологін, астрономін и геологін: оно кажется самому себѣ такимъ умнымъ, что ничего нѣтъ удивительнаго, если оно испытываетъ глубокую нерасположенность учиться далѣе и болѣе, предается неодолимой лѣни и оказывается неспособнымъ къ сужденіямъ строгимъ и основательнымъ«¹⁾).

¹⁾ Чтенія о воспитаніи, П. Юркевича, стр. 151—152.

Такимъ образомъ нужно поискить для дѣтскаго чтенія другихъ книгъ, помимо сочиненій, посвященныхъ естествознанію. Вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ дѣтскаго чтенія сочиненія по исторіи человѣчества и отечества, равно какъ избранные образцы изящной литературы и народной поэзіи: все это насколько интересно для дѣтей, настолько же благоприятно дѣйствуетъ на всестороннее развитіе ихъ и ознакомленіе съ роднымъ языкомъ.

Изображая дѣйствительную жизнь, какъ она есть, историческія сочиненія незамѣтно и постепенно устанавливаютъ и формируютъ у дѣтей взглядъ на людей и разнообразныя отношенія ихъ, при чемъ естественно пробуждается въ дѣтяхъ чувство правды и разумной необходимости въ актѣ этихъ отношеній. Это значитъ, что на чтеніи историческихъ сочиненій уясняется и удовлетворяется въ дѣтяхъ *стремленіе къ истинному* въ сферѣ человѣческой жизни. Стремленіе это къ истинному, т. е. желаніе понять и осмыслить разнообразныя проявленія и отношенія человѣческой жизни, пробуждается въ дѣтяхъ само собою, хотя далеко не всегда удовлетворяется, благодаря невнимательности къ дѣтямъ со стороны людей взрослыхъ. Уже у ребенка, едва начинаютъ раскрываться его умственные способности, пытливость относительно житейскихъ отношеній на каждомъ шагу сказывается вопросомъ: что это? для чего это? отчего это? Въ этомъ пытливомъ вопросѣ уже сказывается стремленіе ребенка составить себѣ о явленіяхъ и предметахъ жизни настоящее, вѣрное, т. е. *истинное* понятіе, или, что тоже, въ немъ обнаруживается стремленіе къ истинѣ ¹⁾. И чѣмъ меньше пытливость дѣтей обращается къ міру вещественному, тѣмъ меньше въ стремленіи къ истинному дѣти интересуются и удовлетворяются естествознаніемъ и живѣе

¹⁾ Опытъ истор. обзор. р. словесн. Ореста Миллера Ч. 1. Вып. I, стр. 11.

увлекаются міромъ человѣческимъ, изображаемымъ въ историческихъ сочиненіяхъ.

Обрисовывается ли такъ живо и такъ полно гдѣ нибудь человѣкъ, со всеми, свойственными ему, движеніями, мыслями и дѣйствіями, какъ на страницахъ безпристрастной исторіи? И судя уже потому, какъ близки нашему сердцу положенія и дѣйствія существъ намъ подобныхъ, историческія повѣствованія, конечно, нельзя сравнить по интересу съ холодными описаніями различныхъ экземпляровъ растений или видовъ животныхъ. Слова историческихъ сочиненій дѣти принимаютъ на свой счетъ, дѣлаютъ изъ нихъ приложеніе къ себѣ самимъ. Всякое историческое повѣствованіе—живая картина человѣческихъ стремленій и интересовъ, лѣтопись дѣлъ и занятій серьезныхъ, вытекающихъ изъ сознанія долга, и легкихъ, составляющихъ отдыхъ и развлеченіе отъ труда. Отсюда на чтеніи историческихъ сочиненій дѣти приобрѣтаютъ понятіе о существѣ человѣческой жизни и развиваются всестороннимъ образомъ: къ дѣтскому уму прививаются представленія о началахъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями, дѣтское сердце открывается для чувствъ радости и печали, любви и ненависти, которыми волнуется какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлое человѣчество. Но исторія не только рисуетъ людей, рассматриваетъ ихъ критически, взвѣшиваетъ ихъ занятія, дѣла, стремленія, на вѣсахъ безпристрастной правды, подводитъ характеры людскіе подъ принципы нравственности, общественности, гуманности и человеколюбія. Вслѣдствіе этого исторія караетъ эгоизмъ и неprimодушіе въ людяхъ, а отдаетъ дань похвалы и признательности только геройской доблести; въ ней не находятъ себѣ оправданія самовластные, деспотическія дѣйствія ни начальниковъ, ни подчиненныхъ, ни большихъ, ни маленькихъ людей, какими бы благовидными цѣлями ни прикрывались означенныя дѣйствія.

Такъ исторія не только вводитъ дѣтей въ сферу настоящей человѣческой жизни, но еще облагораживаетъ ихъ. Именно, на чтеніи историческихъ произведеній дѣти привыкаютъ различать хорошее отъ дурнаго, и въ ихъ сознаніи постепенно складывается кодексъ дѣйствій, движеній и намѣреній, какъ такихъ, которыя безусловно обязательны для человѣка, такъ и безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи, или оказывающихся хорошими и дурными по особымъ обстоятельствамъ. Желать, напр., пользы и удовольствія для себя исторія не запрещаетъ; она съ любовію останавливается на изображеніи лицъ, умѣвшихъ заботиться о себѣ и наслаждаться невинными удовольствіями жизни; но въ той же исторіи преданность невиннымъ удовольствіямъ выставляется какъ предосудительная разсѣянность и безпечность, коль скоро изъ-за нея человѣкъ маскируетъ дѣломъ и измѣняетъ своимъ обязанностямъ предъ семействомъ, обществомъ, отечествомъ и т. д. Поэтому у дѣтей, подъ вліяніемъ историческихъ повѣствованій, долженъ формироваться болѣе или менѣе правильный взглядъ и на такіе, повидимому, ничтожные предметы, какъ дѣтскія игры, забавы, [азвличенія, равно какъ развиваться понятіе о пользѣ или вредѣ разныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что исторія показываетъ все это на живыхъ примѣрахъ, которые, какъ извѣстно, особенно отвѣчаютъ характеру дѣтской воспріимлемости. При этомъ можно замѣтить, что связь взглядовъ и понятій съ практическою жизнію особенно живо сказывается въ дѣтяхъ; еслибы изъ чтенія историческихъ сочиненій дѣти не извлекали особыхъ побужденій къ осуществленію добрыхъ началъ въ жизни, это не могло бы много вредить дѣлу. Но въ исторіи мы видимъ очень часто добродѣтель гонимую, честность презираемую, справедливость попираемую; такое положеніе добродѣтельныхъ людей въ жизни должно вызывать слезы сожалѣнія у всякаго благороднаго человѣка, почему оно чрезъ-

вычайно поучительно. Именно, отсюда мы научаемся любить добро, привязываться къ нему, какъ къ тѣмъ героямъ, которые не измѣняютъ дѣлу чести и долгу совѣсти ни предъ какими житейскими невзгодами; отсюда мы узнаемъ, что для того, чтобы быть добродѣтельнымъ, недостаточно имѣть добрую волю и сердце, а нужно еще особенное искусство. И вотъ, благодаря историческимъ сочиненіямъ, въ человѣкѣ развивается находчивость, не измѣняя голоса чести и благородства, проводить чистыя убѣжденія въ жизнь среди самыхъ неблагопріятныхъ къ тому вліяній. Познакомьте дѣтей хотя съ нѣсколькими свѣтлыми личностями изъ исторіи отечества или человѣчества, съ этими героями гражданскихъ доблестей и семейныхъ добродѣтелей, — поборниками справедливости и защитниками святѣйшихъ правъ и интересовъ человѣческой личности: жизнь ихъ научить дѣтей вашихъ, что добродѣтельныхъ, хорошихъ людей не даромъ прославляетъ исторія, что для того, чтобы сдѣлаться добродѣтельнымъ, мало одного умѣнья отличать добро отъ зла, а еще нужно любить людей, нужно бороться съ зломъ въ лицѣ его представителей, иногда довольно сильныхъ.

Въ дѣтской литературѣ встрѣчается не мало книжекъ, дающихъ историческому отдѣлу самое видное мѣсто. Невозможно, да и нѣтъ нужды предлагать дѣтямъ для чтенія цѣльныя системы по общей или русской исторіи; историческій отдѣлъ въ дѣтскихъ книгахъ состоитъ обыкновенно изъ историческихъ отрывковъ, изображающихъ тѣ или другія эпохи, событія и лица, имѣющія самое важное значеніе въ цѣлой исторіи, или особенно интересныя и поразительныя въ какомъ нибудь частномъ отношеніи. Такъ подъ историческими сочиненіями, годными для дѣтскаго чтенія, должно разумѣть отрывки изъ біографій знаменитыхъ людей, рассказы и повѣствованія о томъ или другомъ событіи или лицѣ, особенно заслуживающемъ вниманіе или любовь,

по какимъ нибудь частнымъ или индивидуальнымъ чертамъ, наконецъ, замѣчательно-выразительные анекдоты и характерные случаи. У насъ подъ руками находится нѣсколько дѣтскихъ книжекъ, рекомендуемыхъ для дѣтскаго употребленія всеми нашими педагогами: историческій отдѣлъ въ нихъ составляютъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія. Отрывки изъ драмы Пушкина: »Борисъ Годуновъ«; изъ драмы Островскаго: »Козьма Захарьевичъ Мининъ—Сухорукъ«; жизнь и духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха; жизнь Андрея Боголюбскаго; походъ князя Игоря на Половцевъ—по изображенію поэтическаго сказанія »О полку Игоревъ«, битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ и нашествіе Батыя; Александръ Невскій и побѣда надъ Шведами; взятіе Казани и народныя пѣсни о немъ; великодушіе св. митрополита Филиппа; Посольство Ермака; Петръ I-й; Бѣгство Ломоносова и т. д. Какъ интересно и полезно для дѣтей должно быть чтеніе подобныхъ статей, это всего яснѣе можно бы показать на подробномъ разборѣ ихъ; но такъ какъ никакой разборъ не замѣнитъ подлинника, то мы рекомендуемъ читателямъ лучше застаться самыми книжками, въ которыхъ помѣщены названныя статьи ¹⁾).

Рядомъ съ историческимъ отдѣломъ, въ названныхъ нами, въ предыдущей статьѣ, дѣтскихъ книжкахъ помѣщаются также и другіе литературные образцы, особенно сочиненія, отмѣченныя болѣе или менѣе чертами поэтическаго творчества. Къ сожалѣнію, въ подборѣ литературныхъ и поэтическихъ образцовъ дѣтскія книжки не всегда могутъ выдержать критику. Чтобы вполнѣ отвѣчать задачѣ дѣтскаго чтенія, образцы литературныхъ и поэтическихъ произведеній должны прежде всего отличаться нѣкоторыми особенностями

¹⁾ См. »Дѣтскій Міръ«, К. Ушинскаго; »Русская хрестоматія для дѣтей«, А. Галахова; книжки: »Даръ слова«; книжка для дѣтей, Басистова и др.

въ изложеніи и языкѣ. Выше было сказано, что статьи по естествознанію, помѣщаемыя въ дѣтскихъ книжкахъ, не соотвѣтствуютъ своей цѣли, между прочимъ, по недостаткамъ изложенія, благодаря которымъ дѣти не испытываютъ при чтеніи ихъ никакого побужденія къ напряженію мышленія и фантазіи. И такъ, образцы словесныхъ и въ частности поэтическихъ произведеній должны отличаться такимъ изложеніемъ, которое вызывало бы дѣтей на болѣе или менѣе серьезное размышленіе, съ одной стороны, предлагая имъ мысли и свѣдѣнія не вполне обработанныя, съ другой—ясно намѣчая тѣ основанія и пункты, въ виду которыхъ было бы дѣтямъ возможно, при доступномъ для нихъ напряженіи мысли, двигаться и доходить до требуемой истины. Въ нѣсколько сжатомъ изложеніи заключается много условій, отвѣчающихъ этому требованію. »Что это значитъ? какъ это такъ вышло? какая связь между данными положеніями?«—вотъ вопросы, къ которымъ должна приводить дѣтей статья при сжатомъ изложеніи. Особенно въ ней не должно быть высказываемо самыхъ близкихъ, непосредственно вытекающихъ изъ данныхъ фактовъ—мыслей и выводовъ: пусть дѣти сами поймутъ эти выводы и дойдутъ до надлежащаго заключенія. Но при означенной сжатости изложенія статья рискуетъ подпасть недостаткамъ сухаго и тяжелаго систематизма: это опять крайность, дѣлающая статью неудобною для дѣтскаго чтенія. Строго говоря, можно и при сжатомъ изложеніи требовать отъ статьи того, чтобы она не была забита тяжелою систематикой. Дѣтямъ не по силамъ слѣдить за связью и завершенностью мыслей въ строго-систематическомъ сочиненіи, въ которомъ разсматривается сначала одна сторона предмета, затѣмъ другая, и уже послѣ, на основаніи той и другой, дѣлается надлежащее приложеніе и заключенія. Еще въ рукахъ взростаго, развитаго человѣка такая статья можетъ приносить дѣтямъ нѣкоторую поль-

зу: сопровождаемое частыми остановками и объясненіями, чтеніе посторонняго человѣка значительно облегчаетъ для дѣтей усвоеніе содержанія, заключагося въ систематическомъ сочиненіи; но и въ этомъ смыслѣ чтеніе означенныхъ сочиненій можетъ очень скоро утомить дѣтей, и потому не должно быть продолжительно. Во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чтобы статья, не измѣняя требованіямъ сжатости, въ тоже время была изложена естественно, соображаясь съ теченіемъ мыслей, характеризующимъ живую, разговорную рѣчь одного человѣка съ другимъ. А въ живой рѣчи мы рѣдко наблюдаемъ строго-систематическій порядокъ мыслей,—она отличается безконечнымъ разнообразіемъ какъ по оборотамъ и выраженіямъ, такъ и по сопоставленіямъ мыслей. Однимъ словомъ, въ сочиненіи, назначаемомъ для дѣтей, можетъ быть кстати самый большой беспорядокъ въ изложеніи, лишь бы все это разнообразіе содержанія проникнуто было единствомъ основной идеи, и такъ или иначе приводило дѣтей къ одному общему заключенію. Последнее качество совершенно необходимо для дѣтской статьи, потому что дѣти—все же люди и чувствуютъ себя неловко, когда при разнообразіи мыслей, составляющихъ содержаніе статьи, не могутъ объять всѣ частности ея въ одномъ общемъ представленіи, или когда разнообразіе не сводится къ единству; дѣти даже любятъ цѣльность представленій и не довольствуются отрывочными свѣдѣніями, что выражается и въ обыкновеніи дѣтей спрашивать у взрослыхъ, зачѣмъ дѣлается то-то и то-то и т. д.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 32 № слѣдуетъ исправить опечатки. Страниц. 516 строка 5, вмѣсто горячусь, должно быть горжусь. Страниц. 517 строк. 20, вм. почитаетъ д. б. начинается. Стр. 522, стр. 20, вм. славь д. б. силы. Страниц. 524, строк. 15, вм. нечестивый д. б. нечистый. Страниц. 526, подъ строкою, вм. Тактаъ д. б. Танталъ, Страниц. 528 въ концѣ статьи слѣдуетъ прибавить: какъ два слова его на царя Юліана.

РУКОВОДСТВО

д л я

СЕЯНСКИХЪ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на ~~~~~ Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ достав- № 34. редакціи сего журнала, при
кою и пересылкою пять р. с. ~~~~~ кievской семинаріи.

1869 года. Августа 24-го.

Содержаніе: Слово въ день рожденія Ея Величества, Благочестивѣйшей Го-
сударыни, Императрицы Маріи Александровны. — Южно-русское проповѣд-
ничество XVI и XVII в. — Приготовленіе дѣтей духовенства къ училищу.

С Л О В О

въ день рожденія Ея Величества, Благочестивѣйшей Го-
сударыни, Императрицы Маріи Александровны ¹⁾).

О назначеніи матери въ дѣлѣ тѣлес-
наго и религіозно-нравственнаго воспита-
нія дѣтей.

Съ воскреснымъ днемъ совпадаетъ нынѣ и торжество
земли русской, которая, по церковноположенію православно-
му, празднуетъ сегодня и день рожденія Благочестивѣйшей
Государыни, Императрицы Маріи Александровны. И въ каж-
домъ благоустроенномъ семействѣ чествуются дни рожденія
отца и матери и другихъ членовъ семейства; потому что
дни сіи дѣйствительно имѣютъ великое значеніе въ жизни
человѣка, большую важность какъ для самыхъ родителей,
такъ и для дѣтей ихъ. Родителямъ напоминаютъ они раз-

---

¹⁾ Произнесенное въ Киевопечерской лаврѣ 27 Іюля 1869 г.

ныя событія изъ протекшей ихъ жизни, въ которыхъ выразилось попеченіе Промысла Божія объ нихъ, за что они и должны быть благодарны Господу Богу; а дѣтямъ напоминаютъ ту любовь и попеченіе родителей объ ихъ воспитаніи, какія они испытывали на себѣ со дня рожденія своего. Сія-то любовь родителей къ дѣтямъ и сіе попеченіе о ихъ воспитаніи поселяютъ въ сердцахъ дѣтей крѣпкую любовь и особенное уваженіе къ родителямъ, которыя и открываются по преимуществу во дни семейныхъ празднествъ. А потому въ день всеобщаго всероссійскаго, — семейнаго нашего торжества — рожденія Матери земли русской, да позволить мнѣ любовь ваша, благочестивые слушатели, обратить ваше вниманіе на *назначеніе матери въ дѣль тѣлеснаго и религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей*, обратить вниманіе на сей предметъ для того, чтобы любовь сія не изсякала между членами семействъ, членами обществъ и членами государства, такъ какъ любовь христіанская, по ученію слова Божія, составляетъ союзъ совершенства христіанской жизни.

Мы обратимся къ слову Божію и ученію Церкви, чтобы ясно видѣть и безгрѣшно понимать назначеніе и значеніе женщины — матери христіанки и преимущественно въ дѣль воспитанія дѣтей.

Святый апостолъ Павелъ говоритъ, что *жена спасется чадородіа ради* (Тим. 2, 15). Что это значитъ? Какъ понимать слова апостола? Уже ли въ самомъ дѣлѣ чадородіе можетъ служить основаніемъ, залогомъ спасенія матери? Нѣтъ; святой апостолъ имѣлъ въ виду не только сію природную способность матерей, но и обязанность ихъ — имѣть попеченіе о воспитаніи дѣтей и въ тѣлесномъ, и въ нравственно-религіозномъ отношеніи. И доблестная жена, доблестная мать, со всѣмъ усердіемъ и любовью выполняющая эту обязанность, священную по отношенію къ дѣтямъ сво-

нмъ, можетъ уповать на милость Божию и свое спасеніе вѣчное, если при этомъ выполнить и другія условія жизни христіанской. Посему-то святой апостолъ прибавляетъ къ вышеприведеннымъ словамъ и слѣдующія: *еще пребудетъ въ вѣръ и любви и во святости съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 15).

Что такое тѣло человѣческое, и слѣдуетъ ли прилагать попеченіе о воспитаніи его? Тѣло человѣческое есть существенная часть человѣка; оно есть орудіе души, безъ котораго она не могла бы жить и дѣйствовать въ этомъ мірѣ, и отъ него много зависитъ ея дѣятельность; оно есть членъ Тѣла Христова и храмъ Духа Божія, и предназначено къ будущему воскресенію и жизни вѣчной. Отсюда понятно, что физическое воспитаніе, воспитаніе тѣлесной жизни дѣтей, имѣетъ важное значеніе. На что же должна обращать свое вниманіе мать, при тѣлесномъ воспитаніи дѣтей?—Вотъ родился человѣкъ на свѣтъ Божій. Онъ воплемъ и слезами возвыщаетъ свое вступленіе въ міръ, свое бытіе и свое безспіе. Онъ какъ бы такъ говоритъ: »я слабъ, мои силы еще не раскрылись; ты, мать, должна быть по преимуществу моею подпорою, моею попечительницею и воспитательницею«. Такой вопль дитяти не напоминаетъ ли матери и того голоса природы, по которому она должна быть и кормилицею его.

Но всѣ ли матери послушны бываютъ сему голосу и призванію природы? Конечно, болѣзнь, слабость силъ—достаточныя причины къ тому, чтобы мать имѣла основаніе къ отступленію отъ сего закона природы.—Но такое отступленіе должно допускать только въ случаѣ необходимости. Жизнь и здоровье дитяти сохраняются, силы тѣлесныя крѣпнута только подъ условіями благоприятными. Къ силѣ условіямъ относятся попеченіе о воздухѣ, одеждѣ, пищѣ, покоѣ и движеніи дитяти. А потому сердце и умъ ма-

тери, глазъ материнскій постоянно должны быть на стражѣ, чтобы въ періодъ физическаго воспитанія избѣжать двухъ крайностей—изнѣженности и суровости обращенія, дабы не разслабить и не подавить спяща дитяти. Но что, если всю заботу и все попеченіе о тѣлесномъ воспитаніи мать предоставитъ приставамъ и приставницамъ, оставивъ за собою право, по временамъ только и на нѣсколько минутъ, останавливать свой бѣглый взглядъ на своемъ дитяти..... Бѣдно это дитя, но не менѣе достойна сожалѣнія и самая мать, которая въ вихрѣ мірскихъ удовольствій или житейскихъ попеченій потеряла природное и священное чувство материнское. Пускай же она не жалѣетъ сама и не жалуется другимъ, что дѣти ея не питаютъ къ ней искренней дѣтской любви и сердечной привязанности. Ибо, откуда и взяться такой любви и привязанности!....

Но материнскія заботы о дитяти не должны ограничиваться однимъ попеченіемъ о воспитаніи его тѣлесномъ; мать должна еще болѣе, чѣмъ о тѣлѣ, радѣть о душѣ своего дитяти. Она должна обучать его ко благочестію, которое служитъ основаніемъ счастливой, блаженной жизни въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ. Благочестіе же состоитъ въ искреннемъ содержаніи и благопотребномъ повинованіи вѣры Христовой, вѣры православной,—въ точномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ и совѣтовъ евангельскихъ, въ строгомъ храненіи постановленій и правилъ св. Церкви православной и проч. Отсюда слѣдуетъ, что дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ нужно внушать истинное понятіе о богопознаніи и богопочитаніи, объ обязанностяхъ христіанина, какъ общихъ, такъ и частныхъ, о соблюденіи и сохраненіи какъ заповѣдей, такъ и совѣтовъ евангельскихъ, о неуклонномъ выполненіи правилъ и постановленій св. Церкви,—нужно внушать все это для того, чтобы дитя было счастливо. Кто же можетъ и внушить дитяти все сіе, кто можетъ и наблюсти за испол-

неніемъ всего этого?—Отець, мать, наставники, наставницы, воспитатели, воспитательницы, но преимущественно мать. Почему такъ? Потому что мать ближе всѣхъ должна быть къ своему дитяти. Она близка къ нему по естественному закону рожденія, а слѣдовательно, должна быть близка и по дѣлу воспитанія, какъ это понимаетъ святая православная Церковь.

Какія же мѣры, способы, средства приметъ мать, чтобы съ юныхъ лѣтъ начать обученіе дѣтей своихъ истинному христіанскому благочестію? Правда, что дѣти въ первомъ возрастѣ своемъ еще очень слабы по уму и разсудку. Но за то сильна у нихъ воспримчивость вѣшнихъ впечатлѣній, сильно воображеніе и живо чувство. А потому мать весьма удобно можетъ пользоваться силою сихъ способностей. И первоначально, не наставленія, воспринимаемыя умомъ, разсудкомъ, умѣтны въ семъ возрастѣ дѣтскомъ, а главнымъ образомъ примѣръ дѣйствуетъ на душу дитяти, примѣръ религіозно—нравственной жизни самой матери. И если мать одушевлена истиннымъ благочестіемъ, если для нея важно и священно все касающееся вѣры и благочестія, и если она небесное свое чувство непритворно выражаетъ во всякое время при дѣтяхъ, то это будетъ имѣть на нихъ самое благотворное вліяніе. Они могутъ и не понимать содержанія молитвъ, но благоговѣйное предстоянiе матери предъ иконою, смиренное поклоненіе Всевышнему, глубокое умиленіе и пламенные чувствованія, изливаемые предъ Нимъ изъ глубины сердца, обращеніе къ Нему во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и искреннее участіе матери въ священнодѣйствіяхъ церковныхъ, глубоко проникаетъ въ сердца дѣтей, и сила примѣра прививаетъ къ груди ихъ религіозное чувство прежде, нежели разумъ сдѣлается способнымъ дать отчетъ въ движеніяхъ, въ немъ происходящихъ. Не такъ ли руководилъ и Господь Своихъ учениковъ? Не давалъ ли Онъ сначала Своимъ ученикамъ видѣть въ Самомъ Себѣ

примѣръ смиренія, кротости, терпѣнія, любви, молитвы и проч., а за тѣмъ уже преподавъ и заповѣди о семь. Такъ должны поступать и родители, а ближе всего матери въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Итакъ, прежде всего покажите своимъ дѣтямъ въ самихъ себѣ примѣръ вѣры и благочестія, а затѣмъ преподайте имъ и наставленія, сообразныя съ духомъ евангельскаго ученія.

Но какъ сдѣлать то, чтобы и наставленія ваши въ вѣрѣ и благочестіи, послѣ собственнаго примѣра вашего, восприняты были дѣтскимъ умомъ и сердцемъ? — Начинаяте, доблестныя жены, наставленія ваши въ вѣрѣ и благочестіи съ удобопонятной, пріятной и впечатлительной стороны. Напримѣръ: прочтите прежде всего своимъ дѣтямъ тѣ мѣста изъ святаго евангелія, въ которыхъ Отецъ Небесный представляется Отцемъ всякаго милосердія и щедротъ. Затѣмъ уясните имъ, сколько возможно ближе къ дѣтскому ихъ пониманію и мысли человѣческой вообще, понятіе о Богѣ, какъ о всемогущемъ, всеблагомъ и премудромъ Отцѣ, Который есть Источникъ и Податель всякаго блага, Который все создалъ, Который о всемъ сотворенномъ промышляетъ, такъ что отъ человѣка до скота, всяческая о Немъ состоитъ. Вслушайте имъ, какъ можно чаще, что Богъ невидимъ, но присутствуетъ вездѣ, и потому все знаетъ, знаетъ не только дѣла наши но и слова, и мысли, и самыя сокровенныя помышленія, что Онъ всегда готовъ награждать за всякое добро, и въ тоже время терпитъ, по милосердію Своему, грѣхамъ нашимъ, но правосудію Своему и наказываетъ за всякое злое дѣло, за самыя мысли, желанія и расположенія злыя, если мы не расбаеся во всемъ этомъ, какъ дѣти передъ отцемъ. Чрезъ это самое дѣти ваши навькнутъ истинному страху Божию, благоговѣйному почитанію Бога и искренней любви къ Нему. — Не забудьте еще при этомъ возвѣстити вашимъ дѣтямъ и ту святую истину, что Богъ

Отецъ, будучи богатъ въ милости и щедротахъ, вскорѣ послѣ паденія человѣка, изъ любви къ нему, далъ обѣтованіе объ искупленіи и, по исполненіи временъ, дѣйствительно послалъ Единороднаго Сына Своего для спасенія рода человѣческаго, когда человѣкъ находился въ самомъ жалкомъ и несчастномъ положеніи, и самъ собою не могъ уже выйти изъ этого состоянія; что сей Сынъ Божій благоволилъ искупить насъ отъ вѣчнаго смерти посредствомъ воплощенія, пребыванія между людьми, ученія, страданія и крестной смерти, и такимъ образомъ, основавъ Церковь Свою святую на землѣ, положилъ залогъ нашего спасенія, и что вѣрующіе, дѣйствительно, спасаются и вѣчно будутъ царствовать со Христомъ, а невѣрующіе и нечестивые—неслѣдующіе вѣрѣ и закону Божію навѣки погибнуть. Эти истины священныя до того сдѣлались, такъ сказать, обыденными, что многія матери и не почитаютъ нужнымъ сообщать ихъ своимъ дѣтямъ въ самомъ юномъ возрастѣ, уступая это право школѣ, въ которой обучаютъ закону Божію, въ которой изучаютъ оный. Но наблюденіе и опытъ показываютъ, что то нравственно-религіозное воспитаніе прочно и благонадежно по преимуществу, котораго добрые задатки положены въ жизни семейной, и благоплодныя семена брошены рукою матери въ сердца юныхъ дѣтей.

А средства къ такому религіозно-нравственному воспитанію у матери подъ руками. Внѣшняя природа такъ величественна, такъ прекрасна.—Долгъ матери водить дѣтей своихъ по различнымъ ступенямъ природы, уяснять дѣла творенія и открывать слѣды высочайшей премудрости, благости и всемогущества Творца.—Еще ближе открываетъ Себя намъ Богъ въ богоподобной нашей душѣ.—Долгъ матери дѣлать дѣтей своихъ внимательными къ внушеніямъ ихъ разума и совѣсти, которыя естественно открываются въ дѣтской стыдливости.—Различныя обстоятельства въ жизни

частной—возвышеніе счастія, удаленіе опасностей, защита и покровительство въ нуждѣ, избавленіе отъ враговъ, успѣхъ или неуспѣхъ въ предпріятіяхъ, а также и обстоятельства въ жизни общественной—войны, язвы, болѣзни и проч.—все это мать можетъ и должна обращать въ предметъ благоговѣйнаго размышленія о Богѣ и Его Промыслѣ. Преимущественно открылъ Себя намъ Богъ въ Своемъ откровеніи Божественномъ. А потому долгъ матери съ самыхъ юныхъ лѣтъ пробуждать въ дѣтяхъ охоту къ слушанію и чтенію слова Божія, которое живо и дѣйственно, къ познанію таинства нашего искупленія и спасенія, къ познанію благой и всесовершенной воли Божіей, сокрытой во святомъ законѣ. Богъ, наконецъ, основалъ Церковь Свою на землѣ, въ которой сосредоточилъ всѣ божественныя силы, яже къ животу и благочестію, все, что только необходимо для нашего временнаго счастія и вѣчнаго блаженства. Здѣсь и истинное ученіе возвѣщается, и спасительныя таинства преподаются, и вѣрное руководство ко спасенію обрѣтается. А потому Она есть истинная наша мать, наставница и руководительница. Долгъ матери, какъ можно чаще, приходить съ дѣтьми своими въ сіе училище вѣры и благочестія, что бы участвовать въ общественныхъ молитвахъ и таинствахъ, и въ собственной жизни своей давать видѣть имъ, что нѣтъ для нихъ наставницы и руководительницы на пути къ небу болѣе благонадежной, какъ Церковь, что, видѣя ея, негдѣ найдти утѣшенія въ минуты бѣдствій, нечѣмъ подкрѣпить себя въ борьбѣ съ препятствіями и соблазнами міра, что она одна не оставляетъ насъ и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, что она будетъ пещись о насъ и тогда, когда все земное оставитъ насъ. Вотъ краткій, такъ сказать, планъ, вотъ и мѣры, вотъ и средства, въ которыхъ должна проявиться любовь сердобольной матери, имѣющей искреннее попеченіе о физическомъ и нравственно-религіозномъ воспитаніи дѣтей своихъ.

Велико, обширно и многополезно назначеніе матери въ дѣлѣ тѣлеснаго и религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей ея! О если бы матери съ точностію выполняли всѣ тѣ обязанности, которыя предписываетъ имъ слово Божіе, внушаетъ и святая Церковь! Тогда ни въ семействѣ, ни въ обществѣ, ни въ государствѣ не обрѣтались бы тѣ гнилыя члены, которые и сами ни къ чему доброму не пригодны, ни по душѣ, ни по тѣлу, и которые распространяютъ свою заразу и на другихъ.... Отцы (а преимущественно матери), воспитывайте дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни. *И да накажеши снѣмъ ученіемъ сыны твоя, и да возглаголеши о нихъ сподѣй въ дому, и идый путемъ, и лежа и востая* (Втор. 4—7. 20). Аминь.

Прот. І. Гошкевичъ.

ЮЖНО-РУССКОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО XVI и XVII ВѢКА (ПО ЛАТИНО-ПОЛЬСКИМЪ ОБРАЗЦАМЪ).

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ ¹⁾).

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о томъ, какъ старинный южно-русскій проповѣдникъ пользовался для своей проповѣди данными изъ естественной исторіи, и что именно изъ нея заимствовалъ. Южно-русскій проповѣдникъ любилъ аллегоричность, и понятно, что данные изъ естественной исторіи могли открывать ему обильный источникъ для аллегорій. Средневѣковая естественная исторія еще не стала на научную дорогу, и была наполнена множествомъ фантастическихъ рассказовъ, но это не смущало южно-русскаго проповѣдника, который не отличался критицизмомъ и заботился всего болѣе о занимательности своей проповѣди.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

---

¹⁾ См. № 31-й.

Треба читати книги о звіряхъ, внушаєть проповѣднику первый русскій гомилетъ, о. Іоанникій Голятовскій. И дѣйствительно, въ южно-русскихъ проповѣдяхъ мы находимъ слѣды знакомства съ книгами о звѣряхъ. Такъ о единорогѣ говорится: »единорогъ имѣеть то свойство, что, коснувшись рогомъ воды, изгоняетъ изъ нея вредоносность«¹⁾; о слонахъ говорится: »слоны, увидавъ восходъ солнца, при- вѣтствуютъ оное нѣкоторымъ рычаньемъ и поклонами; впрочемъ дѣлають это не прежде того, какъ уже омоются водою«²⁾. О слонѣ же и еще о двухъ звѣряхъ, ценоцефалюсѣ и ориксѣ, говорится слѣдующее: »ценоцефалюсъ, когда восходитъ солнце, ворчить что-то, сложивши лапы, какъ будто молится Богу. Ориксъ воздерживается отъ пищи и питья и постится цѣлый мѣсяцъ. Слонъ отличается щедростію и другимъ звѣрямъ отдѣляетъ отъ своей пищи«³⁾. Подобнаго рода свѣдѣнія изъ жизни животныхъ вводились въ составъ проповѣди, большею частію, чрезъ аллегорію. Такъ Лазарь Барановичъ цѣлую проповѣдь на Богоявленіе посвящаетъ сравненію грѣховъ съ различными звѣрями (напр. гордость уподобляется льву, лихонмство—биту, гнѣвъ—волку, объяденіе—медвѣдю, зависть—псу, лѣность—ослу, прелюбодѣяніе—свиньѣ); при чемъ разумѣется въ основаніе уподобленія полагаются вымышленныя или дѣйствительныя свойства звѣрей.

Треба читати о птахахъ, продолжаетъ первый русскій гомилетъ. Раскрываемъ проповѣди и находимъ выполненіе этого требованія. Вотъ, напр., какія свѣдѣнія мы на-

---

¹⁾ Огород. стр. 451. Тоже свойство приписывается единорогу и въ голубиной книгѣ.

»Единорогъ звѣрь—надъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь.

Живетъ единорогъ во святой горѣ,

Онъ проходъ имѣеть по подземелью;

Прочищаетъ всѣ ключи источные«. Варенцова русск. дух. стихи, стр. 26. ²⁾ Огор. стр. 929. ³⁾ Ключъ л. 491.

ходимъ въ проповѣдяхъ о неяснѣ, фениксѣ и сарактесѣ. «Неяснѣ, иначе пеликанъ, есть птица, живущая въ пустыни египетской. Когда змѣя съѣдаетъ дѣтей пеликана, то онъ носомъ рветъ свои перси даже до крови, и кровью окропляетъ и оживляетъ дѣтей своихъ» ¹⁾. »Фениксъ дѣлаетъ себѣ гнѣздо изъ такихъ сухихъ вѣтокъ, что оно отъ горячаго вѣтра и легкаго вѣянiя крылъ его можетъ воспламениться. Въ такое гнѣздо садится фениксъ, какъ въ гробъ, зажигается и превращается въ пепелъ. Изъ этого пепла, спустя три дня, родится червячекъ, который по немногу оперяется и превращается въ феникса» ²⁾. »Есть птицы въ сарацинской землѣ, называемыя *сарактесъ*, которыя, когда придетъ страстная недѣля, не поютъ; не ѣдятъ до Воскресенiя Христова, но висятъ на деревьяхъ, какъ мертвыя, распростерши крылья на подобiе креста; а когда придетъ Воскресенье Христово, при разсвѣтѣ, онѣ приходятъ въ себя и поютъ» ³⁾. Есть цѣлая проповѣдь, основанная на свѣдѣнiяхъ о птицахъ. Проповѣдникъ, на основанiи словъ апокалипсиса: *даны быша женѣ двѣ крыль* (Апок. XII. 14) усволяетъ Богоматери крылья и задается вопросомъ, какiя птицы по своимъ качествамъ достойны послужить своими перьями для крылъ Богоматери. Такихъ птицъ насчитывается проповѣдникомъ 12: *орелъ*, о которомъ разсказывается легенда, что онъ занесъ Аврелiана изъ колыбели въ церковь; *грифъ*, спереди похожiй на орла, а сзади на льва; *лебедь*, предъ смертiю своею жалостно поющiй; *журавль*, чуткiй,—чтобы не предаться сну, стоящiй на одной ногѣ, а въ другой держащiй камень,—и стерегущiй своихъ товарищей; *боццано* (утка), отличающаяся благодарностiю своимъ родичамъ; *фениксъ*, воскресающiй изъ мертвыхъ; *голубь*—вѣстникъ мира; *ласточка*, умѣющая находить зелье

¹⁾ Ключъ л. 231. ²⁾ Огород. стр. 210 ³⁾ Огород. стр. 1015.

хелидонъ, служащее для прозрѣнія ея дѣтей, *моноцидіатъ*, никогда не садящійся на землю, не имѣющій ногъ, а прицѣпляющійся къ деревьямъ спиною; *галціонъ*, вьющій себѣ гнѣздо на морѣ и тамъ же выводящій дѣтей, безъ всякаго вреда; *порфиріонъ*, египетская домашняя птица, перестающая ѣсть и умирающая, какъ скоро въ домѣ совершается какой-либо тяжкій грѣхъ; *харадрій*, птица, узнающая и своимъ видомъ дающая знать, выздоровѣетъ или умретъ больной человекъ. Въ проведеніи параллели между указанными качествами всѣхъ этихъ птицъ и доблестями Богоматери и состоитъ вся проповѣдь ¹⁾).

Треба читати о гадахъ, рыбахъ. Есть въ проповѣдяхъ слѣды знакомства и съ этою стороною естественной исторіи. Таково, напр., извѣстіе о ихневмонѣ и крокодилѣ. »Когда крокодилъ пожретъ ихневмона, маленькаго звѣрка, обитающаго въ Египтѣ, тогда ихневмонъ начинаетъ ѣсть и терзаетъ внутренности крокодила, и такимъ образомъ умерщвляетъ его и выходитъ вонъ изъ него. Такъ же (замѣчаетъ проповѣдникъ) и Христосъ побѣдилъ смерть« ²⁾. А вотъ замѣтка о змѣѣ. »Если Дипсаль, ядовитый змѣй, укуситъ человека, то онъ тотчасъ же начинаетъ пухнуть отъ яда, если не поспѣшитъ омыться ключевою водою, текущею изъ камней« ³⁾. Такъ какъ у насъ нѣтъ особой рубрики для насѣкомыхъ, то здѣсь можно привести рассказъ проповѣдника о дардійскихъ муравьяхъ. »Пишутъ мудрые«, говоритъ проповѣдникъ, »что у Дардовъ, горныхъ индовъ, находится нѣкоторая возвышенная равнина, на 3000 поприщъ въ окружности; а подъ тою равниною золотыя горы, и золото выгребаютъ муравьи, величиною не меньше лисицы. Сосѣдніе люди, прїѣзжая, потихоньку собираютъ кусочки золота, но не могутъ дѣлать этого явно, потому что муравьи стере-

¹⁾ Ключъ л. 291—299. ²⁾ Ключъ 270. Огород. стр. 838.

гуть золото, и, замѣтивши похитителей, преслѣдуютъ и убиваютъ ихъ. Чтобы помочь этой бѣдѣ, люди разбрасываютъ кусочки мяса, и когда муравьи разбредутся на добычу, люди безопасно собираютъ и уносятъ золото« ¹⁾). Пусть читатель самъ догадается, какое приложеніе къ предмету проповѣди дѣлаетъ изъ этого разсказа проповѣдникъ; мы, съ своей стороны, замѣтимъ только, что этотъ разсказъ помѣщенъ въ проповѣди на тему: *въ чемъ состоитъ подобіе Антонія Великаго муравью?*

Треба читати... о деревахъ, зельяхъ. Есть въ проповѣдяхъ слѣды знакомства и съ средневѣковою ботаникою, фантастичною и полною выдумокъ. »Есть въ Индіи, въ Пертусіи (говоритъ проповѣдникъ), одно дерево: зовутъ его *олеоказонъ*. Тяжко больнымъ прикладываютъ его къ сердцу и узнаютъ, выздоровѣетъ или умретъ больной. Если больной беретъ дерево съ печальнымъ лицомъ и мрачнымъ видомъ, лѣниво протягиваетъ къ нему руку и не прижимаетъ крѣпко къ себѣ,—то это знакъ, что онъ не поднимется отъ болѣзни и скоро умретъ. Если же больной беретъ дерево весело, охотно и крѣпко жметъ къ сердцу,—то это знакъ скорого выздоровленія. Что есть святое крещеніе, какъ не дерево *олеоказонъ*« ²⁾), и проч. »Разсказываютъ нѣкоторые (говорится въ другомъ мѣстѣ), что въ Британіи, при берегахъ одной рѣки, рождаются такія деревья, листья которыхъ опускаясь въ воду немедленно превращаются въ птицъ и улетаютъ въ невѣдомыя страны« ³⁾). Кромѣ фантастическихъ свѣдѣній изъ ботаники, предлагаются въ проповѣдяхъ свѣдѣнія совершенно вѣрныя, но ни сколько не научныя, и добываемыя путемъ ежедневнаго опыта. Напр. »ленъ означа-

¹⁾ Огород. 863—4. Цитуются: Кавзинъ. Кн. IV. Ист. симоновъ. 38. л. 445. Плиній. кн. XI. гл. 33. Страбонъ кн. XV.

²⁾ Огород. стр. 239—240. ³⁾ Огород. стр. 837. Цитуются Корнукия проповѣдниковъ, выкладъ III. Раздѣлъ 20, л. 430. ч. 3.

еть самоумерщвление и терпѣніе, ибо его мочать, сушать, трутъ, бьютъ» ¹⁾).

Треба читати... о каменяхъ и разныхъ водахъ. Доходимъ мы, наконецъ, и до средневѣковой минералогіи, какъ она отразилась въ южно-русскихъ проповѣдяхъ. Вѣра въ чудесныя и цѣлебныя свойства различныхъ камней была сильно развита въ средніе вѣка. Богатые и владѣтельные люди постоянно носили при себѣ тотъ или другой камень, какъ талисманъ отъ различныхъ бѣдъ и золъ. Неудивительно, что и южно-русская проповѣдь обращала особенное вниманіе на камни, и что есть нѣсколько проповѣдей, все содержаніе которыхъ обосновывается на свѣдѣніяхъ о различныхъ свойствахъ разныхъ камней. Такова проповѣдь на текстъ: *се лежитъ сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили* (Лук. 2, 34) и на тему: *какимъ камнемъ есть Христосъ*? Проповѣдникъ насчитываетъ 10 камней, свойствами которыхъ пользуется для уподобленія имъ Христа Спасителя. Таковы: *карбункулъ*, такъ названный отъ огнистаго угля (а carbone), блестящій днемъ и ночью, и спасающій людей отъ моровой язвы; *ясписъ*, отнимающій силу у яда и останавливающій токъ крови; *сафиръ*, проясняющій зрѣніе; *хризолитъ*, отгоняющій меланхолію отъ человѣка, который носитъ его при себѣ; *бериллъ*, дѣлающій человѣка смѣлымъ на войнѣ; *агатокъ*, отгоняющій змѣя, почему и орелъ кладетъ этотъ камень въ свое гнѣздо, чтобы змѣй не поѣлъ дѣтей его; *аметистъ*, отгоняющій склонность къ пьянству; *смарagdъ*, любящій непорочность, такъ что, если носящая его дѣвица утрачиваетъ дѣвство, то смарagdъ тотчасъ разламывается пополамъ; *топазійонъ*, служащій символомъ перемѣны счастія человѣческаго, ибо отражаетъ въ себѣ человѣка стоящимъ вверхъ ногами; *магнитъ*,

¹⁾ Ключъ л. 243.

тянуцій къ себѣ желѣзо, такъ что съ помощію его можно вытянуть изъ раны желѣзную пулю или желѣзное остріе стрѣлы«¹⁾. Въ другой проповѣди идетъ рѣчь о пяти камняхъ, которыми Богъ, по словамъ проповѣдника, украсилъ ния: МАРІА. Это *Магнитъ*, *Аметистъ*, *Рубинъ*, *Іасписъ*, *Ахатесъ*²⁾. Изъ нихъ *рубинъ* отгоняетъ тоску и увеселяетъ сердце, *ахатесъ* помогаетъ человѣку противъ перуновъ, громовъ и воздушныхъ непогодъ: свойства остальныхъ камней извѣстны изъ предыдущей проповѣди. Довольно—о минералогическомъ содержаніи южно-русскихъ проповѣдей.

Намъ не удалось найти въ южно-русскихъ проповѣдяхъ свѣдѣній о различныхъ водахъ, «которые находятся въ морѣ, рѣкахъ и источникахъ», но за то мы нашли много свѣдѣній астрономическихъ, или—лучше сказать—астрологическихъ и космографическихъ, конечно, не имѣющихъ научнаго достоинства. Средніе вѣка были временемъ астрологій; тогда вѣрили, что судьба человѣка опредѣляется звѣздами, и это вѣрованіе отразилось и въ проповѣдяхъ. »Когда зачинаются во чревѣ любимцы міра сего (говоритъ проповѣдникъ), тогда астрономы, наблюдая констелляціи небесныя при рожденіи человѣческомъ, свидѣтельствуютъ, что великимъ человѣкомъ будетъ тотъ, кто зачатъ подъ великою планетою, такъ что, напр., зачатый подъ планетою Марса имѣетъ быть великимъ воиномъ,—подъ планетою Меркурія—ораторомъ или философомъ,—подъ планетою Юпитера—государственнымъ человѣкомъ«³⁾. Съ большою подробностію излагаются средневѣковыя астролого-космографическія воззрѣнія въ словѣ на тему; »какимъ небомъ есть Пр. Богородица«? Для сравненія съ Богородицею проповѣдникъ насчитываетъ 11 небесъ: 1-е небо — самое нижнее: на немъ находится мѣсяцъ, благодаря которому человѣкъ растеть;

¹⁾ Включъ л. 126—133. ²⁾ Огород. 961 и слѣд. ³⁾ Огород. стр. 478.

2-е небо, на которомъ планета Меркурій; всѣ родящіеся подъ сею планетою бываютъ краснорѣчливыми ораторами; 3-е небо, на которомъ планета Венера; всѣ родящіеся подъ сею планетою, бываютъ охотники до милосердныхъ дѣлъ; 4-е небо, на которомъ солнце, благодаря коему люди имѣютъ смыслъ, зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе; 5-е небо, на которомъ планета Марсъ; родящіеся подъ сею планетою бываютъ смѣлыми и побѣдоносными рыцарями; 6-е небо, на которомъ планета Юпитеръ; родящіеся подъ сею планетою бываютъ сильными и могучими; 7-е небо, на которомъ планета Сатурнъ; родящіеся подъ сею планетою бываютъ умными и расторопными; 8-е небо, на которомъ всѣ звѣзды, оно же называется твердь; 9-е небо кристальное, названное такъ по своей чистотѣ; 10-е небо перво-обращающее, такъ названное потому, что оно прежде другихъ обращается и влечетъ за собою и другія небеса; 11-е наивысшее небо, эмпирейское, которое служитъ престоломъ Божіимъ ¹⁾). Свойства всѣхъ небесъ приурочиваются къ похвалѣ Богоматери. Авторъ *Огородка* въ проповѣди на день Вознесенія Господня нечисляетъ тѣже 11 небесъ и картинно изображаетъ, какъ Христосъ Спаситель постепенно возносился съ нисшаго неба на высшее, и каждый разъ голосъ Бога отца вѣщалъ ему: *Сыне, възди выше*, пока, наконецъ, Господь вознесся до крайняго неба эмпирейскаго и возсѣлъ одесную Бога Отца ²⁾). Упомянемъ еще о проповѣди на тему: «изъ какихъ звѣздъ Пр. Богородица составила себѣ корону?» здѣсь нечисляются слѣдующія звѣзды *фосфорусъ* — звѣзда утренняя; — *гесперусъ*, звѣзда вечерняя, *арктосъ* — возъ небесный, звѣзда, показывающаяся на сѣверѣ; *оріонъ*, звѣзда, являющаяся на югѣ, *обріухусъ* — ужа держащій, т. е.

¹⁾ Ключъ л. 246—330. Цитруется Іоаннъ Меринъ 1 ч. 2 гл. о планетахъ кн. 2г гл. 6-я. ²⁾ Огород. стр. 99—101.

Геркулесъ; *нодусъ целестисъ*, т. е. узелъ небесный; *слиб-болесъ*, т. е. колосъ; *желисъ*, т. е. лютия; *комета*, т. е. метла, звѣзда, предвѣщающая гибель какого—либо государства. *Амалтея* (собственное имя, означавшее первоначально мифическую женщину, кормившую млечкомъ Юпитера); *кассиопея* и, наконецъ, *Андромеда* (имя, означавшее мифическую дѣву, отданную на съѣденіе морскому чудовищу и спасенную Персеемъ) ¹⁾. Кромѣ именъ, проповѣдникъ, какъ видно, ничего не зналъ о звѣздахъ, но и самихъ именъ достаточно было ему для того, чтобы найти аналогію между исчисленными звѣздами и доблестями Богородицы. Вотъ еще нѣсколько отрывочныхъ космографич. свѣдѣній. »Небо«, говоритъ проповѣдникъ, »держится на двухъ пунктахъ, которые называются полисами, одинъ *арктикосъ*, полуночный, который всегда надъ нами и всегда видимъ нами; другой *антарктикосъ*, который подъ нами и никогда не видимъ нами. Такъ и Церковь держится на двухъ завѣтахъ, ветхомъ и новомъ«. За тѣмъ слѣдуетъ сравненіе завѣтовъ съ полисами ²⁾. »Когда мѣсяцъ«, говоритъ проповѣдникъ въ другомъ мѣстѣ,—»подойдетъ подъ солнце или станетъ между землею и солнцемъ, то солнце затмѣвается, потому что мѣсяцъ, ставши посреди, не допускаетъ до земли лучей солнечныхъ, и наоборотъ, когда земля станетъ между луною и солнцемъ, то бываетъ лунное затмѣніе. И то и другое затмѣніе предвѣщаетъ кару Божію на людей, голодъ, войну, моръ или паденіе государства« ³⁾. Это вѣрованіе въ знаменательное значеніе небесныхъ явленій было вѣрованіемъ давнимъ и глубокимъ, которое основывалось отчасти на самомъ св. Писаніи.

¹⁾ Ключъ л. 253—260. ²⁾ Ключъ л. 268. ³⁾ Ключъ л. 388. Цитуются Корнелій Алапиде. Тоак. на Іак. л. 75.

Представленные выдержки изъ исторіи человѣчества и природы служатъ, конечно, доказательствомъ плохаго состоянія этихъ наукъ въ средніе вѣка; но за это едвали можно винить южно-русскихъ проповѣдниковъ; не ихъ дѣло было разрабатывать гуманныя и реальныя науки, имъ приходилось только пользоваться готовыми свѣдѣніями. Конечно, нужно пожалѣть о томъ что южно-русскіе проповѣдники не слѣдили за послѣднимъ словомъ науки, что въ то время, когда уже извѣстны были великіе труды Бекона, Ньютона и Коперника, они пробавлялись еще жалкими остатками средневѣковой науки, но и это является неизбѣжнымъ результатомъ того, что южно-русская ученость была плодомъ латино-польской цивилизаціи.

Современные проповѣдники держатся другихъ убѣжденій; они тщательно избѣгаютъ въ своихъ проповѣдяхъ всякаго соприкосновенія съ исторіею природы и человѣчества, забывая, что религія не должна быть какою—либо узкою спеціальностію, а должна проникать собою все сферы науки и жизни. И это тѣмъ болѣе неосновательно, что современная наука, болѣе зрѣлая, чѣмъ средневѣковыя бредни, могла бы дать болѣе пригодный матеріалъ къ созерцанію Бога въ природѣ и исторіи.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе на то, какъ южно-русскіе проповѣдники пользовались тѣми источниками, которые во все времена открыты и обязательны для всехъ христ. проповѣдниковъ: именно, Библіею и твореніями св. отецъ. Библия и творенія св. отецъ—это такая сокровищница, изъ которой всякій христіанинъ можетъ почерпнуть то или другое болѣе или менѣе,—смотря по степени своей духовной скудости или восприимлемости,—и при томъ такъ, что при этомъ всего лучше обозначается степень духовнаго возраста восприимляющаго. По мнѣнію нѣкоторыхъ, впечатлѣнія, испытываемыя человѣкомъ при чтеніи евангелія въ разные

періоды жизни, могутъ служить лучшею мѣрою его духовнаго развитія. Тоже самое можно сказать и о всей библіи по отношенію ко всему христіанскому міру. Неудивительно, поэтому, что и міровоззрѣніе южно-русскихъ проповѣдниковъ отразилось въ томъ, какъ они понимали св. Писаніе и пользовались имъ.

Толкователями св. Писанія различаются три смысла: буквальный, таинственный и аллегорическій. Южно-русскіе проповѣдники предпочитали послѣдній. Вотъ образчикъ аллегорическаго употребленія текстовъ. »Хотите ли знать, слушатели, куда смерть къ намъ вкралась, послушайте словъ пр. Іереміи: *смерть по окнамъ въ дома наша вниде* (Іер. IX, 21). Вкралась, дѣйствительно, подобно вору и разбойнику смерть въ наше естество, какъ чрезъ окна, чрезъ пять чувствъ тѣлесныхъ. Также пришла смерть и въ тѣло Христа Спасителя нашего, какъ чрезъ 5 оконъ, чрезъ 5 ранъ его наибольшихъ; вкралась между двумя разбойниками на горѣ Голгоѣской по злодѣйски, когда тьма была по всей землѣ. Но теперь, когда Христосъ воскресъ изъ гроба, какъ побѣдитель смерти, сказавши: *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (Іоан. XI, 25), теперь уже смерть никакъ не можетъ утечь отъ Христа, ни окномъ, ни даже дверьми, ни въ какую темноту, никакимъ путемъ. Не уйдетъ смерть, подобно вору, чрезъ окно, потому что воскресшій Христосъ загородилъ ей окно, какъ подстерегла его невѣста небесная, въ пѣсни пѣсней говорящая такъ: *се сей стоитъ за стѣною нашею преглядаѣй оконцемъ* (П. пѣсн. II, 9). Не уйдетъ смерть отъ Христа даже и дверьми, ибо Христосъ, побѣдитель смерти, и тамъ ей заступилъ дорогу, какъ Самъ говоритъ: *се стою при дверехъ* (Апок. III, 20), и еще: *Азъ есмь дверь* (Іоан. X, 9), не вратъ смертныхъ и адовыхъ, но воскресенія и жизни. Не убѣжитъ смерть позлодѣйски ни при какой темнотѣ, по-

тому что воскресшій Христосъ говорить: *Азъ есмь свѣтъ животный* (Іоан. VIII, 12). Не уйдетъ смерть никакимъ путемъ, ибо Христосъ, съ жизнію, побѣдившею смерть, преградилъ ей и путь, сказавши: *Азъ есмь путь и животъ* (Іоан. XIV, 6). Но осталась еще смерти одна утечка. Гдѣ же это? Говоритъ писаніе, что скрылась смерть въ конобѣ, т. е. въ горницѣ, въ слянкѣ. Пишется въ книгахъ Царствъ: *смерть въ конобъ* (4 Царств. IV, 40), а по другому тексту: »смерть въ горницѣ«, т. е. смерть между обжорами и пьяницами, какъ между разбойниками, убивающими душу, которые не довольствуются чашею студеной воды и не слышать гласа Господня: *срещетъ въ челоуѣкъ въ скудельницѣ воду носая; но немъ идѣте* (Лук. XXII, 10) ¹⁾. »Проповѣдникъ рисуетъ намъ аллегорическую картину бѣгства смерти и беретъ для сего черты и краски изъ различныхъ мѣстъ св. Писанія: картина выходитъ яркая и законченная; представленіе о бѣгствѣ смерти выносится наглядное и живое. Но если приступить къ этому изображенію съ холоднымъ анализомъ разсудка, то все достоинства его тотчасъ же пропадаютъ, и аллегорія является неимѣющею смысла. Въ самомъ дѣлѣ, чтó значать, въ переводѣ на простой обыкновенный языкъ, слова проповѣдника, что смерть не можетъ уйти ни чрезъ окно, ни чрезъ дверь, ни въ темнотѣ, и никакимъ путемъ, потому что Христосъ вездѣ преградилъ ей отступленіе? Не затемняется ли только этими образами ясное понятіе о томъ, что Христосъ побѣдилъ смерть? Далѣе, не совершенно ли различный смыслъ имѣютъ приводимыя мѣста писанія въ самой Библии и въ устахъ проповѣдника? Когда ученики Елисея воскликнули: *смерть въ конобъ* (4 Царств. IV, 40), то изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла видно, что они вовсе не хотѣли разсуждать

¹⁾ Огород. стр. 4—5.

о томъ, что пьянство есть смертный грѣхъ. Когда Спаситель велѣлъ ученикамъ послѣдовать за человекомъ, въ скудельницѣ воду носящимъ (Лук. XXII, 10), то этимъ вовсе не давалась заповѣдь о трезвости. Отсюда мы видимъ, что главнѣйшая погрѣшность аллегорическаго толкованія есть *произвольность*, — пользованіе библейскими словами помимо библейскихъ мыслей. Такъ какъ истинный смыслъ одинъ, а произвольныхъ можетъ быть много, то естественнымъ слѣдствіемъ произвольности аллегорическаго толкованія Библии служили допускаемые имъ разнорѣчія и противорѣчія. При аллегорическомъ толкованіи, однимъ и тѣмъ же текстомъ проповѣдникъ могъ пользоваться для разныхъ цѣлей, смотря по тому, какая аллегорія приходила ему въ голову. Такъ напр: подъ словомъ *море* проповѣдникъ, по желанію, могъ разумѣть и сей непостоянный свѣтъ и Пр. Дѣву Марію; библейскій *вѣтръ* могъ означать и вѣяніе Духа Святаго и движеніе страстей человѣческихъ ¹⁾). — Особенная любовь южнорусскихъ проповѣдниковъ къ аллегорическому толкованію выразилась въ томъ, что они мало пользовались текстами, заключавшими въ себѣ нравоученіе. или мысль, выраженную прямо и опредѣленно посредствомъ отвлеченныхъ понятій; но предпочитали тексты историческаго содержанія съ конкретными понятіями, дававшими пищу для аллегорій; а всего болѣе любили тексты, заключавшіе въ себѣ притчу и темное слово ²⁾).

¹⁾ Смот. Ключъ л. 8 и Огород. стр. 436 и сл. Также Ключъ л. 204 и 284—5. ²⁾ Такъ есть проповѣди на тексты: *изважи ми огня тягость, или измѣри дыханіе вѣтра, или возарати день, иже мнѣ иде.* 3 Езд. IV, 5. (Ключъ л. 280 и слѣд.) Или: *сочти ми сіє, иже егда не пріидоша, и собери ми раскропленныя капли и озелени ми сухіє цвѣты, и отверзи ми запертая хранилища, и изведи затворенныя въ нихъ вѣтры, покажи ми гласу образъ.* 3 Езд. V. 36. Ключъ 360 и сл.

Что касается до отеческихъ твореній, то они, какъ видно изъ проповѣдей, были достаточно изучаемы южнорусскими проповѣдниками: учителя западной церкви, блаж. Августинъ и бл. Іеронимъ, также были приводимы и цитуются не менѣе, если не болѣе отцовъ восточной церкви, и при томъ пользовались именованіемъ святыхъ, какое усвоено имъ въ церкви западной. На ряду съ отцами Церкви были цитуются и латинно-польскіе проповѣдники и богословы, у которыхъ наши много заимствовали.—Въ *Ключѣ* цитуются Бароній, Белларминъ, Корнелій Алапиде, Тома Аквинатъ, Іаковъ Тиринъ, Баллистъ папа, Граціанъ, Ансельмъ Кантерберійскій, Мартинъ Бѣльскій, Григорій Туронскій, Винцентій (авторъ *зерцала историч.*), Іоаннъ де Комбѣсъ, Іаковъ де Ворагене, Николай Делира, Лудовикъ Гранеть, Тома Бозій, и др. Въ концѣ ХVІІ в. образцомъ для южнорусскихъ проповѣдниковъ сдѣлался польскій іезуитъ Тома Млодзиновскій, составлявшій весьма чувствительныя и картинныя поученія, съ весьма слабымъ участіемъ разсудочнаго элемента. Главнымъ образомъ противъ вліянія Тома Млодзиновскаго возставалъ Теофанъ Прокоповичъ, сначала путемъ литературнымъ, критикуя его въ своихъ лекціяхъ по риторикѣ, преподававшихся въ кievской академіи, а потомъ путемъ законодательнымъ, предписывая въ *Дух. Регламентѣ* »казнодѣишковъ легкомысленныхъ, каковы наипаче бывають польскіе, не читать«. Ф. Т.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ДѢТЕЙ ДУХОВЕНСТВА КЪ УЧИЛИЩУ (Окончаніе)

IV.

ПОЛЕЗНѢЙШЕЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ ЧТЕНІЕ ¹⁾).

Изложеніе разнообразное, съ соблюденіемъ единства, содержанія, придаетъ сочиненію интересность и занимательность въ глазахъ дѣтей, часто даже какбы помимо его содержанія. Помнится, нѣсколько лѣтъ назадъ, насъ не мало удивлялъ одинъ мальчикъ, кажется, по девятому году. Онъ показывалъ большую охоту къ ученію; онъ выучилъ наизусть всю псалтырь; рука его, послѣ неимовѣрныхъ усилій и самыхъ разнообразныхъ приѣмовъ, изобрѣтавшихся имъ самимъ, приобрѣла красивый почеркъ; а когда, по словамъ отца, ему нужно было готовиться въ училище, — онъ выучилъ отъ крышки до крышки »Начатки христіанскаго ученія«, до второй части русскую грамматику Греча и первыя четыре правила ариѳметики. Вдругъ нашъ мальчикъ бросилъ занятіе по формальной подготовкѣ къ училищу и охладѣлъ къ нимъ. Что, думаемъ, за перемѣна такая произошла съ нимъ? Оказалось, что онъ нашелъ гдѣ-то въ углу, между разбитыми книженками, проповѣди бывшаго преосвященнаго нижегородскаго Іакова, и забывшись куда нибудь подальше отъ глазъ людскихъ, наслаждался ихъ чтеніемъ. Именно *наслаждался*! Всѣ удивились и не знали, чему приписать такое расположеніе малютки къ проповѣдямъ. Признаемся, привязанность мальчика къ чтенію проповѣдей казалась странною въ то время и на нашъ взглядъ, но теперь для насъ не оказывается въ этомъ ничего страннаго. Помнимъ, особенно долго углублялся малютка въ проповѣдь означеннаго архипастыря »о чистотѣ сердца«, изъ текста: *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Пс. 50, 12); онъ выучилъ ее наизусть и любилъ даже декламировать предъ своими домашними. Секретъ заключался въ томъ, что эта проповѣдь (какъ и вообще проповѣди преосвященнаго Іакова), съ одной стороны, написана очень просто, такъ что можетъ быть довольно понятна и для дѣтей, — по крайней мѣрѣ, казалась таковою для нашего даровитаго мальчика, — съ

безыскусственно; по крайней мѣрѣ, ее нельзя обвинять ни въ излишней систематичности, ни въ сухости или отвлеченности: строгій планъ, по какому она расположена, прикрытъ живыми, естественными оборотами и приемами рѣчи; по художественной живописности языка, предметъ ея, самъ по себѣ отвлеченный, кажется близкимъ и понятнымъ, и въ тоже время сильно долженъ дѣйствовать на воображеніе ребенка; наконецъ, мастерское начало слова, упругіе переходы отъ одной мысли къ другой, смѣлыя сопоставленія, быстрые выводы, неожиданныя и рѣшительныя приложенія—все должно заставлятъ мысль встрепенуться, сосредоточиться, вдуматься. Изложеніе проповѣди сжато, содержаніе ея разнообразно и вмѣстѣ проникнуто единствомъ идеи, расположеніе не заковано въ видимыя рамки систематизма. Но мы приведемъ изъ этой проповѣди хотя начало, чтобы фактически доказать слова свои.

»Если бы въ настоящую минуту«, говоритъ проповѣдникъ, »свыше повелѣно намъ было просить у Бога, кто чего хочетъ: то, можно думать, что нашлись бы между нами такіе, которые стали бы просить у Всевышняго здоровья, богатства, достоинствъ, славы и другихъ предметовъ счастливой жизни. Нельзя охуждать сихъ прошеній. Каждому своя нужда близка къ сердцу. И притомъ всѣ невинныя прошенія дозволены и доходятъ до Бога. Но не думаю, чтобы кто нибудь не согласился къ своимъ прошеніямъ присоединить слѣдующаго прошенія пророка Давида: сердце чисто созиди во мнѣ, Боже! Не думаю, ибо предметъ прошенія сего, не говорю для благочестиваго, но и для обыкновеннаго человѣка, по дѣйствию благодати Божіей, привлекателенъ« и т. д. и т. д.

Можетъ быть, мальчикъ, скажутъ читатели, пристрастился къ чтенію проповѣдей потому больше, что во всемъ, что ему до того времени приходилось читать и учить, онъ не видѣлъ нибагого смысла, не находилъ пищи ни для ума,

ни для сердца, ни для фантазіи. Очень можетъ быть потому, что книги, бывшія у него въ рукахъ, мало приспособлены были къ его силамъ. Все же изъ этого слѣдуетъ такой выводъ, что и проповѣди, разумѣется, хорошо написанныя, т. е. изложенныя сжато и вмѣстѣ понятно и естественно, а также, при отсутствіи сухаго систематизма, отличающіяся разнообразіемъ содержанія, проникнутыя единствомъ идеи,—способны доставить дѣтямъ интересное и полезное чтеніе.

Но всего лучше, если въ назначаемыхъ для дѣтскаго чтенія литературныхъ и поэтическихъ образцахъ представляются предметы и понятія живо, наглядно, такъ, чтобы ребенку ничего не стоило воссоздать ихъ въ своемъ представленіи. Это не то, что вымыселъ или настоящая поэзія; это просто живописное, картинное воспроизведеніе того, что дѣйствительно существуетъ. Развѣ нѣтъ такихъ литературныхъ произведеній, читая которыя какбы видишь тѣ предметы, присутствуешь при тѣхъ событіяхъ, о которыхъ читаешь? Вотъ въ живыхъ и яркихъ краскахъ очерчиваются сцены изъ жизни человѣческой; вотъ съ изумительною точностію подмѣчены и схвачены черты величественнаго явленія природы. Ваше воображеніе возбуждается, и предметы предъ вашимъ сознаніемъ являются, движутся и измѣняются какъ живые,—вы получаете отъ нихъ впечатлѣніе, равняющееся по силѣ и содержанію настоящему чувственному созерцанію и непосредственному опыту. Само собой понятно, что при чтеніи такихъ произведеній, слова, формы и знаки, обыкновенно занимающіе дѣтей при мертвомъ и сухомъ изложеніи, не поглощаютъ ихъ вниманія: тутъ слово есть не простой звукъ, а живой представитель предмета и оставляетъ послѣ себя въ дѣтяхъ самое свѣжее и полное понятіе о немъ. Вотъ примѣръ, заимствованный изъ вышесказан-

ной книжки г. Ушинскаго; описывается въѣздъ въ Іерусалимъ (изъ Норова):

»Ущелья горъ дѣлались тѣмнѣе и живописнѣе; благовоиѣ розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ... Часы быстро летѣли, и я старалъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе... путь въ пныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, переиравъ прежній, лиловый оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святаго города при свѣтѣ дня,—я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ,—и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поровнявшись со мною, закричалъ мнѣ: »скоро! скоро!« Я поднялся на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ«.....

Точно также хорошо для дѣтей стихотворное изложеніе. Дѣти чрезвычайно любятъ стихи,—какъ любятъ они всякій метръ и тактъ, какъ любятъ слушать музыку, пѣть пѣсни, ходить въ ногу; въ стихахъ больше жизни, больше игры; они плавны, мягки, подвижны и звучны, какъ переливы дѣтскаго голоса; созвучіе въ окончаніяхъ пѣлняетъ дѣтей. Съ другой стороны, уже по одному стихотворному изложенію, значительно облечается для дѣтей усвоеніе содержанія, потому что въ римѣ и метрѣ заключается какбы объединяющее начало для цѣлаго ряда мыслей, и по окончанію одного стиха сами собою напоминаются и вызываются въ сознаніи послѣдующія выраженія съ свойственными имъ представленіями. Само собою понятно, что во взглядѣ воспитателей на стихи, какъ на одно изъ средствъ къ развитію въ дѣтяхъ памяти и дара слова, нѣтъ ничего страннаго.

Однако стихи—не поэзія; они составляютъ только форму, а сферой поэтическаго творчества служить собственно мысль, или содержаніе. Хотимъ сказать, что при выборѣ для дѣтскаго чтенія образцовъ словесныхъ произведеній недостаточно руководиться исключительно художественностію формы, или изложенія, а напротивъ, нужно также обращать вниманіе и на характеръ содержанія, т. е. на степень его поэтичности. Дѣти не довольствуются дѣйствительно существующимъ, имъ больше нравятся вымыслы, созданія фантазіи, или поэтическаго творчества. Создать сказку ребенокъ еще не въ силахъ, за то съ наслажденіемъ слушаетъ и читаетъ про небывалые подвиги сказочныхъ звѣрей и богатырей. Однимъ словомъ, истинно-поэтическія произведенія, которыя бы дополняли пробѣлы дѣйствительнаго міра, вдыхали къ нему мысль и воплощали ее въ прекрасныхъ чувственныхъ образахъ,—вотъ лучшее чтеніе для дѣтей. Всякая мысль, всякое понятіе о предметѣ непременно будутъ прекрасны, коль скоро одѣнутся въ живой, доступный чувствамъ образъ. Значитъ, на сколько поэтическія произведенія нравятся дѣтямъ, на столько же развиваютъ въ нихъ стремленіе къ прекрасному. А нравятся они дѣтямъ тоже по преобладанію въ нихъ чувства прекраснаго. Чувство, или, по крайней мѣрѣ, темное стремленіе къ прекрасному, пробуждается въ дѣтяхъ очень рано, едвали не раньше стремленія къ истинному, которому, какъ мы говорили, благопріятствуютъ историческія сочиненія. Причина понятна: въ основѣ стремленія дѣтей къ прекрасному лежитъ воображеніе, развивающееся въ нихъ неимоვნно быстро и скоро; а чтобы чувствовать расположеніе къ чистому знанію, или къ истинѣ, для этого нужна извѣстная доля энергіи и возмужалости ума, чего, какъ извѣстно, нельзя скоро требовать отъ дѣтей. Далѣе, при отсутствіи умственнаго развитія, дѣти понимаютъ все, ихъ окружающее, своимъ воображеніемъ, при чемъ, естественно,

предметы дѣйствительнаго міра являются имъ въ образахъ и краскахъ вымышленныхъ, фантастическихъ: вотъ почему матеріальныя вещи кажутся дѣтямъ разумными и чувствующими существами: вотъ почему они разговариваютъ съ собачкой, птичкой, цвѣткомъ. Такъ для дѣтей весь міръ — поэзія. Поэтому, если и взрослые, умственно-развитые люди по врожденному стремленію къ прекрасному, не удовлетворяются дѣйствительностью, а жаждутъ предметовъ и отношеній вымышленныхъ, изобрѣтенныхъ творчествомъ поэта, одѣтыхъ въ чувственные образы; то для дѣтей, которыя еще не имѣютъ чистыхъ понятій о предметахъ а доходятъ до нихъ путемъ чувственныхъ впечатлѣній облекать мысль въ выразительные и прекрасные образы рѣшительно необходимо: иначе они не поймутъ ничего. Отсюда можно заключить даже, что на чтеніи поэтическихъ произведеній удовлетворяется еще и стремленіе къ истинному, кромѣ чувства прекраснаго. Не даромъ во все времена и у всехъ народовъ чистыя идеи объ обязанностяхъ человѣческихъ, и даже религіозныя истинны сообщались малоразвитымъ классамъ общества въ формѣ притчъ, аллегорій, басенъ, сказокъ, загадокъ и т. п.; при недостаткѣ умственнаго развитія, на людей можно дѣйствовать только воображеніемъ, — такіе люди въ состояніи бываютъ вдуматься въ значеніе мысли только послѣ того, какъ имъ представить ее на примѣрахъ, въ живомъ дѣйствіи, или привлечь ее изъ какихъ нибудь чувственныхъ предметовъ: явленій природы, произведеній искусствъ и т. д.

И какъ легко овладѣваютъ дѣти, съ помощію поэзіи, понятіями, самыми отвлеченными, идеями, самыми возвышенными! Поэты уже давно перестали быть богами; все же ихъ нельзя считать обыкновенными дюжинными людьми; они усматриваютъ въ явленіяхъ природы и сценахъ жизни высшее значеніе, которое простому, обыкновенному взору не пред-

ставляется въ нихъ. Такимъ образомъ предметы, какъ они представлены въ поэтическихъ произведеніяхъ, даютъ дѣтямъ больше, чѣмъ тѣже самые предметы въ дѣйствительности, въ опытѣ. Взрослые—и тѣ не такъ глубоко и широко постигаютъ внутренній смыслъ предметовъ, какъ истинные поэты; а для дѣтей многія явленія природы и жизни не представляютъ никакого значенія, проходятъ предъ ними безслѣдно, не затрогивая ни любознательности, ни сердца, не оставляя въ душѣ никакихъ образовъ: только осмысленные поэтомъ, освѣщенные его собственной идеей, предметы дѣлаются для дѣтей выразительными и проливаютъ свѣтъ въ ихъ сознаніе. И чѣмъ выше и значительнѣе предметъ, тѣмъ легче остается дѣтми незамѣченнымъ. Таковы величественные предметы природы, которымъ справедливо приписывается такое могущественное вліяніе на эстетическое развитіе дѣтей. Любуются ли дѣти »торжественнымъ восходомъ прекраснаго дневнаго свѣтила, которое, какъ пресвѣтлая лампада, возжигается Богомъ для нашихъ повседневныхъ дѣлъ»? Часто ли привлекается дѣтское вниманіе сводомъ неба въ ночную пору, когда »открывается надъ нами бездна, полная звѣздъ—звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна»? Возникаютъ ли въ дѣтяхъ, при непосредственномъ чувственномъ созерцаніи, ощущенія и идеи, возбуждаемыя въ поэтической душѣ величественнымъ явленіемъ грома и молніи, когда, »при быстротекущемъ блескѣ и оглушительномъ трескѣ, потрясаются основанія горъ и колеблются концы вселенной»? Что же касается жизни человѣческой, то изъ какой ибудь смѣшной сказки »о рыбацѣ и рыбкѣ«, или изъ игривой басни: »Лизанька и Чижъ«—дѣти осваиваются съ самыми трезвыми и возвышенными идеями для своего поведенія. Дѣти такъ увлекаются сказками и баснями, что, при чтеніи ихъ, совершенно забываются, сливаютъ свою личность и жизнь съ лицами и жизнью, изображаемыми въ этомъ родѣ поэзіи.—испытываютъ

и переживаютъ впечатлѣнія и положенія предметовъ и лицъ точно такъ же, какъ если бы эти предметы непосредственно дѣйствовали на нихъ, а этими лицами были они сами. Такъ внутренняя жизнь дѣтей возбуждается, преобразуется и облагораживается отъ дѣйствія поэтическихъ сочиненій: начала, по которымъ живутъ дѣйствующія въ поэзіи лица, разумѣется—начала прекрасныя, очевидно пользующіяся сочувствіемъ поэта, и идеи, которыя усматриваются взоромъ поэта въ изображаемыхъ явленіяхъ, дѣлаются неотъемлемымъ достояніемъ дѣтей, которыя кладутъ ихъ въ основаніе своей личности и жизни. Недаромъ поэтическимъ произведеніямъ приписывается такое могучее вліяніе на образованіе въ дѣтяхъ прекраснаго, доблестнаго характера.

Басни еще признаются полезными для дѣтей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, а сказки и вообще произведенія народной безыскусственной поэзіи рѣшительно не пользуются кредитомъ въ глазахъ сельскихъ педагоговъ. Между тѣмъ въ основаніи народныхъ сказокъ лежитъ глубокое разумѣніе вещей, начало самой строгой нравственности, самой чистой красоты. Тутъ не допускается ни малѣйшее уклоненіе отъ нравственнаго добра и правды. Простой народъ не даромъ называетъ свои поэтическія произведенія *правдой*; онъ въ нихъ учится уму—разуму и добру. Онъ умѣетъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ говорить о жизни и ея явленіяхъ въ такомъ смыслѣ и такимъ тономъ, что, при чтеніи ихъ, невольно и безсознательно, чувствуется какъ прекрасное, такъ и пошлое, какъ нравственное, такъ и противоположное ему—ложь, порокъ и обманъ; и не только все это чувствуется, но и вызываетъ въ душѣ читателя или слушателя соотвѣтствующія расположенія и симпатіи: къ порочному дѣйствію, къ безобразному явленію, наконецъ къ безнравственному лицу—вы невольно проникаетесь чувствомъ отвращенія, презрѣнія и ненависти; между тѣмъ всему прекрасному и доброму, дѣйствующему согласно съ требованіями нравственнаго долга и условіями изящнаго, вы отдаете дань полнѣйшаго сочувствія и одобренія. Иначе, впрочемъ, и нельзя: гдѣ вы найдете сказку, которая бы прямо не клеймила порочныхъ людей пменемъ глупцовъ, а дѣйствія ихъ не выставляла въ смѣшномъ или отвратительномъ видѣ! Даже болѣе, добродѣтельные въ сказкахъ народные всегда пользуются успѣхомъ, но крайней мѣрѣ, въ концѣ

концовъ непремѣнно торжествуютъ надъ коварными и злыми людьми,—хотя бы это было вопреки всѣмъ стихіямъ міра. И замѣчательно, здѣсь, въ народныхъ сказкахъ, и умъ—то понимается какъ-то особенно, необыкновенно: это собственно не умъ, по народному представленію, если человѣкъ разсчитываетъ и хитритъ, независимо и наперекоръ внушеніямъ совѣсти и голосу правды; то—настоящій умъ, который согласуется съ требованіями добраго и кроткаго сердца. Внушенія сердца, по народнымъ сказкамъ, лучше и спасительнѣе изворотовъ развращеннаго, *лукаваго* ума. Такъ младшіе братья, люди, къ которымъ столь мало отъ всѣхъ довѣрія и уваженія, существа забытыя и оставленныя назади, при всей своей простотѣ и неопытности, даже какъ бы ради самой простоты своей, дѣлаются обладателями всевозможныхъ благъ міра, тогда какъ въ удѣлъ старшимъ и, по видимому, умнѣйшимъ братьямъ опредѣляется позорная неудача, тѣмъ болѣе горькая и чувствительная, чѣмъ успѣшнѣе на первыхъ порахъ льстило имъ коварное счастье. Очевидно, сказки народныя чрезвычайно полезны для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія дѣтей; изъ одной сказки имъ открывается, какого участія заслуживаетъ несчастіе ближняго; изъ другой они постигаютъ всю жалость сиротскаго положенія; а третья, живописно изображая благополучіе добродѣтельнаго человѣка, приобретаемое твердостью въ честныхъ убѣжденіяхъ, и вмѣстѣ описывая судьбу людей порочныхъ, думавшихъ прожить *кривдой*, должна, очевидно, научить дѣтей болѣе или менѣе правильному взгляду на дѣйствія человѣческія, какъ хорошія, такъ и дурныя, и затѣмъ—вдохнуть въ нихъ рѣшимость идти по пути правды и мужественно бороться съ лишеніями, встречающимися на этомъ пути. Короче, сказки народныя, не менѣе басень, образуютъ духъ дѣтей, поднимаютъ и просвѣщаютъ умъ ихъ, развиваютъ и облагораживаютъ совѣсть, пробуждаютъ въ нихъ человѣческіе инстинкты, улучшаютъ привычки и т. д.

Сообразивъ все сказанное о значеніи для дѣтскаго чтенія образцовъ поэзіи, мы, во-первыхъ, поймемъ, почему въ дѣтскихъ книжкахъ такъ много помѣщаютъ сказокъ, басень, хорошенеккихъ поэтическихъ стишковъ и т. п.; а во-вторыхъ, повѣримъ словамъ одного нашего педагога объ этомъ предметѣ. Г. Юркевичъ говоритъ: »Въ чарующемъ зеркалѣ поэзіи ученикъ видитъ вещи и событія такъ, какъ она

представляются взору очищенному, не возмущенному мелочами жизни, и сдѣлавшемуся истиннымъ органомъ духа; онъ пріучается къ *нормальнымъ созерцаніямъ*, въ сравненіи съ которыми наши ежедневныя созерцанія, плоскія, узкія, возмущаемыя предразсудками и страстями, мало чѣмъ отличаются отъ созерцаній животнаго. Въ сущности дѣла міръ поэтический и міръ усвоенный нормальнымъ созерцаніемъ есть одно и тоже. Но такъ какъ наши чувствованія бываютъ низки или благородны, смотря потому, какими созерцаніями питаются они, то отсюда понятно, какъ должно быть сильно воспитательное вліяніе образцовъ поэзіи¹⁾.

Что касается собственно пользы для языка, то на чтеніи поэтическихъ образцовъ у дѣтей чрезвычайно быстро развивается слово. Языкъ этихъ произведеній упругъ, легокъ и прекрасенъ. Никто такъ хорошо не умѣлъ пользоваться русскимъ языкомъ, какъ наши извѣстные баснописцы: Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ; правильность, простота и вмѣстѣ прелесть ихъ разсказа изумительны; тутъ всевозможные обороты и формы, свойственные родному языку, даже такіе, которыхъ не подмѣтила еще грамматика, не употреблялъ ни одинъ ученый. По мѣткости и полновѣсности выраженія, по живописности и образности рѣчи, ничто не можетъ сравниться съ этими произведеніями, кромѣ развѣ чисто-народной поэзіи, каковы пѣсни, сказки, пословицы и т. п. За то произведенія народной поэзіи служатъ также самыми выразительными образчиками живаго русскаго языка, и нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе народныхъ сказокъ такъ же хорошо знакомитъ дѣтей съ роднымъ словомъ, какъ и художественные стихи, басни и пр. По народнымъ произведеніямъ даже иногда лучше дѣти осваиваются съ роднымъ языкомъ, чѣмъ на чтеніи литературы искусственной, потому что литературный языкъ образовался и развивается изъ языка народнаго, который служитъ для него неисчерпаемымъ источникомъ въ обогащеніи какъ словами, такъ и оборотами рѣчи. Сама грамматика прислушивается къ живому народному языку, изъ него беретъ свои правила и законы, изъ него получаетъ побужденія видоизмѣнять и совершенствовать эти правила. Народъ съ своимъ языкомъ есть законодатель грамматики.

А. Балаковскій.

¹⁾ Чтен. о воспит. П. Юркевича, стр. 253—254.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯДСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на
мѣсть четыре руб., съ достав-
кою и пересылкою пять р. с.

Подписка принимается въ
№ 55. редакціи сего журнала, при
кіевской семинаріи.

1869 года. Августа 31-го.

Содержаніе: Поученіе въ день перенесенія мощей святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича. — Обязаніе въ христіанской проповѣди. — Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ ПЕРЕНЕСЕНІЯ МОЩЕЙ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО И ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Сегодня у насъ вдвойнѣ праздникъ. Празднуемъ мы перенесеніе мощей святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, изъ г. Владиміра въ царствующій градъ святаго Петра; празднуемъ и тезоименитство Благочестивѣйшаго Государя Императора и сына Его, Благовѣрнаго Государя Наслѣдника престола, Цесаревича Александра Александровича, и рожденіе сестры Государевой, Благовѣрной Государыни Ольги Николаевны. Каждому христіанину нужно знать жизнь и дѣянія того святаго, имя котораго онъ носитъ, для того, чтобы подражать житію, такъ сказать, своего святаго, у-

своиѣ добродѣтели его. Но мало этого. Хорошо бы знать житіе тѣхъ угодниковъ Божіихъ, имена которыхъ даны въ свое время отцу, матери, братьямъ, сестрамъ нашимъ и т. д. Знаніе всего этого принесло бы великую пользу въ нравственномъ отношеніи каждому изъ насъ. Мы бы знали, какъ жилъ, подвизался въ дѣлахъ благочестія тотъ или другой угодникъ Божій, да и сами навывкали бы жить по Божьему. А какъ Государь Императоръ есть общій нашъ Отецъ, то намъ, какъ дѣтямъ его, необходимо знать жизнь, дѣянія и кончину благовѣрнаго князя Александра, имя котораго усвоено Государю Императору и Его Наслѣднику при святомъ крещеніи.—И такъ, благовременно намъ, бр. мои, побесѣдовать о жизни, дѣяніяхъ и кончинѣ благовѣрнаго князя Александра Невского, чтобы получить нѣкоторое назиданіе и для своей жизни.

Святой благовѣрный князь Александръ Невскій былъ сынъ руссійскаго князя Ярослава Всеволодовича, правнукъ святаго Владиміра, который просвѣтилъ всю землю русскую святымъ крещеніемъ. Приведемъ на память нѣкоторыя важнѣйшія дѣянія Александра Невского, совершенныя имъ во благо отечества нашего и для спасенія души своей.

Въ то время, когда жилъ и княжилъ св. князь Александръ, на Руси происходили великія смуты. Не было тогда одного князя, или государя, который бы владѣлъ всею русскою землею и правилъ бы единодержавно, а было много князей и владыкъ, которые чаще спорили между собою и нападали съ войскомъ другъ на друга по враждѣ, то изъ чести, то изъ-за корысти. Смятенія были частыя. Сосѣдніе же народы, смотря на семейную неурядицу, въ царствѣ русскомъ, и желая воспользоваться достояніемъ ея и богатствомъ, тоже нападали на нее съ разныхъ сторонъ. Недоброе то время было на Руси!... Но и въ эти несчастныя времена были у насъ люди благочестивые, святые. Вотъ такой-

то по духу и жизни и былъ св. князь Александръ, прозванный Невскимъ.

Отъ отца своего Ярослава, который жилъ въ г. Владимірѣ, получилъ онъ въ потомственное владѣніе Новгородъ. Когда онъ княжилъ въ Новгородѣ, то сосѣдніе народы сѣверные, жившіе близъ балтійскаго моря, Варяги, узнавъ, что Батый, татарскій царь, покорилъ въ то время часть южной Россіи, вздумали напасть на русскую землю съ другой стороны,—съ сѣвера, и хотѣли завладѣть тою землею, что въ древности называлась ижерскою, и Ладогою, и Новгородомъ великимъ. Собрались, явились съ многочисленнымъ войскомъ на р. Невѣ, и послали сказать Александру, что они уже въ землѣ русской и имѣютъ намѣреніе полонить ее. Александръ не имѣлъ тогда въ готовности войска, какъ теперь у насъ бываетъ, не могъ скоро и отцу своему дать знать, чтобы тотъ поспѣшилъ на помощь. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ люди благочестивые всю надежду свою возлагаютъ на Бога всемогущаго. Такъ поступилъ и благовѣрный князь Александръ. Онъ помолился Владычицѣ Пресвятой Богородицѣ, призывалъ въ помощь сродниковъ своихъ, святыхъ князей, страстотерпцевъ Бориса и Гдѣба, и выступилъ съ небольшою силою своею на брань со врагомъ. Но въ то же время, по человѣчески разсуждая, хотѣлъ онъ увѣдать, какова сила у непріятеля. Для этой цѣли онъ избралъ и послалъ въ станъ враговъ своихъ одного благочестиваго, богобоящагося военачальника, по имени Филиппа, узнать, какъ велика рать у непріятеля. Военачальникъ сей пробрался въ станъ непріятельскій и увидѣлъ, что войска много у врага, и что, стало быть, бѣды не миновать. Съ печальною душою возвращался онъ къ своему князю и, при восхожденіи уже солнца, увидѣлъ, что близъ берега моря балтійскаго стоитъ корабль съ немалымъ числомъ войска. Онъ принялъ было и это войско за непріятельское; но при-

мѣчаютъ на кораблѣ томъ двухъ юношей, одѣтыхъ въ багровую одежду, которые ведутъ между собою такую рѣчь: »пойдемъ, братъ Глѣбъ«, говоритъ одинъ, »и поможемъ сроднику нашему на сопротивныя, великому князю Александру«; »добре, брате Борисе«, отвѣчаетъ другой. Страхъ и благоговѣйный трепетъ объяли воеводу. Онъ возвратился и все въ точности разсказалъ благовѣрному князю Александру. Св. князь понявъ, что это значить, вышелъ противъ непріятеля, сразился съ нимъ и побѣдиль враговъ, по молитвѣ Богоматери и при помощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Отъ этой-то побѣды, которая случилась при р. Невѣ, и названъ онъ Александромъ—Невскимъ.

Частыя были войны тогда съ врагами внѣшними, да и домашнихъ нестроений случалось не мало; нападали непріатели со всѣхъ сторонъ на русскую землю, а въ то же время народъ свой бунтовался. Но всѣ эти невзгоды св. Александръ переносилъ благодушно, а враговъ своихъ каждый разъ побѣждалъ, съ помощію Божіею. — Возмутились однажды новгородцы противъ него. Это былъ народъ когда-то дерзкій и буйный. Благовѣрный князь Александръ удалился отъ нихъ. Что же случилось? Какъ только онъ уклонился отъ нихъ, чтобы не было грѣха большаго, напали шведы на Новгородъ. Новгородцы не могли управиться съ ними и волею-неволею посылаютъ къ Ярославу, отцу Александра, и просятъ его прислать къ нимъ своего сына Александра; но тотъ, чтобы показать имъ, что не благоразумно и дерзко поступили они съ его добрымъ сыномъ, не отпустилъ къ нимъ св. Александра, а послалъ другаго сына своего, Андрея. Князь Андрей не могъ совладать съ шведами; вторично шлютъ они пословъ къ Ярославу и просятъ у него—сына его Александра; сжалился надъ ними князь и пошелъ къ нимъ, прогналъ непріятеля; но не остался жить у этого неблагодарнаго народа, а поселился въ г. Переславлѣ.—Св.

князь ходилъ много разъ войною и на шведовъ, и на литву, если видѣлъ, что непріатели нападали на землю русскую; помогалъ немощнымъ своимъ собратіямъ въ дѣлахъ ратныхъ и вездѣ оставался побѣдителемъ, съ помощію Божіею; мирилъ братьевъ въ семейной ихъ враждѣ, и всегда являлся какъ ангелъ примиритель и хранитель. Такъ-то надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ, неподвижится во вѣкъ; Самъ Господь ополчится окрестъ боящихся Его!..

Не менѣе славное дѣло совершилъ св. благовѣрный князь Александръ и въ то время, когда напалъ на русскую землю татарскій царь Батый. Батый былъ невѣрный, властолюбивый, кровожадный и лютый государь. Онъ покорилъ себѣ уже много царствъ и государствъ, а наконецъ пошелъ и на святую нашу Русь. Великій тогда страхъ былъ по всей землѣ и многихъ князей, стоявшихъ за Русь и вѣру православную, умертвилъ Батый. Впрочемъ, къ сожалѣнію надобно сказать, что не всѣ князья русскіе крѣпко стояли въ то время за вѣру и отечество свое. Многіе изъ нихъ возлюбилъ больше славу человѣческую, нежели славу Божію, и святотатственно попрали завітъ Божій, оставивъ вѣру христіанскую.—Св. Александръ былъ тогда великимъ княземъ владимірскимъ, и не пошелъ въ орду къ Батыю, какъ это сдѣлали другіе князья, чтобы удержаться на своихъ княжескихъ престолахъ. Провѣдалъ однако же лютый врагъ про святаго князя, и посылаетъ ему сказать слѣдующее: »мнѣ покорились многія царства и народы, и ты ли одинъ не хочешь мнѣ покориться? Если желаешь, чтобы земля твоя была цѣла и невреждена, то приди, поклонись мнѣ, какъ и прочіе князья, которые и власть свою пріяли, и честь отъ мене получили«. Смутился великій князь, выслушавъ такую рѣчь; да и чье сердце не дрогнуло бы отъ такихъ словъ: вѣдь тутъ дѣло шло о томъ, чтобы князь измѣнилъ вѣрѣ христіанской,

а онъ—то былъ истинно благочестивъ. Вѣдалъ же нашъ князь о свирѣлости и лютости звѣрской Батя; слышалъ и то, что тѣ изъ князей, которые твердо исповѣдали вѣру Христову, жестоко были мучимы и предали духъ свой въ руцѣ Божіи, а тѣ, которые не могли перенести мученія и отреклись Христа, получили съ почестію свои княжескія мѣста, и возвратились благополучно. Что же мнѣ дѣлать? думаетъ князь. Въ такомъ раздумьи идетъ онъ въ своему епископу, отгрызаетъ ему душу свою и проситъ у него совѣта. Епископъ, выслушавъ князя, сталъ убѣждать его, чтобы не отвергался онъ Христа, а лучше бы пострадалъ, какъ добрый воинъ Христовъ. »Не убойся отъ убивающихъ тѣло, души же немогущихъ убить«, говорилъ епископъ; »погубивъ душу свою Христа ради и Евангелія, приобрящеть ю въ животъ вѣчномъ. Не смотри на тѣхъ, которые поступили вопреки ученію Христову«, и многое другое говорилъ епископъ, утѣшая и укрѣпляя святаго на подвигъ христіанскій. Наконецъ, напутствовавъ его святыми Тайнами Христовыми, отпустилъ съ сими словами: »Господь да укрѣпитъ тя«. . . . . Вотъ какъ добрые люди поступаютъ въ бѣдѣ, въ горѣ, въ несчастіи; они идутъ за совѣтомъ, порадою и помощію не къ знахарямъ, ворожеямъ, а къ лицамъ, освященнымъ Самимъ Богомъ, и просятъ ихъ совѣта, наставленія и молитвы, и замѣтьте, что христіанское упованіе никогда не посрамитъ. Ободренный и укрѣпленный совѣтомъ епископа, св. князь отправился въ орду. Какъ скоро услышалъ Батый, что прибылъ великій князь, то, по гордости своей, не вдругъ допустилъ его къ себѣ. Наконецъ, велѣлъ привести св. князя. Его хотѣли вести сквозь огонь, принуждая поклоняться солнцу и огню. Но великій князь отвѣчалъ имъ мужественно: »я христіанинъ, и не могу кланяться твари; я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу Единому, въ Троицѣ Святѣй славимому, Кото-

рый сотворилъ небо и землю, и все, что на нихъ». Объ этомъ было донесено царю. Но царь, по особливому изволенію Божію, повелѣлъ не дѣлать Александру никакого зла и принужденія. Представъ предъ царя, святой князь поклонился ему и сказалъ: »царь, я тебѣ кланяюсь, потому что Богъ почтилъ тебя царствомъ; твари же я не поклоняюсь потому, что все создано для человѣка. Одному Богу, Которому я служу и Котораго чту, Тому и поклоняюсь». Царь, видя величіе, красоту и смѣлость князя, не сдѣлалъ ему никакого насилія и никакого зла, и оказалъ ему большое уваженіе и честь; но только оставилъ его на нѣкоторое время въ ордѣ, вмѣстѣ съ братомъ его Андреемъ, самъ же отправился на войну съ болгарами, гдѣ и былъ убитъ.... Святой Александръ, по смерти злаго Батыя, возвратился въ свое отечество. Тогда построилъ много церквей, собралъ своихъ людей, напуганныхъ лютостію врага, послалъ, совокупно съ братомъ Андреемъ, въ орду много золота и серебра для выкупа плѣнныхъ христіанъ.—Былъ и другой разъ въ ордѣ великій князь Александръ, при другомъ татарскомъ царѣ; но и сей не причинилъ ему зла никакого; а когда разболѣлся князь, отпустилъ его въ свое отечество, гдѣ и скончался онъ мирно, принявъ схиму во время болѣзни, и погребенъ въ городѣ Владимірѣ.—Благочестивѣйшій Государь Петръ I-й, вскорѣ по zaloженіи и основаніи города С-Петербурга, возымѣлъ желаніе перенести святыя мощи благоговѣрнаго князя Александра Невского, изъ Владиміра въ свой городъ, въ обитель святую, устроенную при р. Невѣ; что и совершено въ 1724 году. Такимъ образомъ мощи его почиваютъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Такимъ образомъ св. благовѣрный князь Алесандръ Невскій своею жизнію и дѣянiями даетъ намъ слѣдующіе уроки: 1) во всѣхъ скорбныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, нужно воз-

загать все упованіе на Господа Бога, Пречистую Матерь Божію, ходатайство и помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ; а для того, чтобы привлечь милость Божію, нужна съ нашей стороны искренняя, усердная молитва.—2) За совѣтомъ и пособіемъ, лучше всего и паче всего, нужно обращаться къ людямъ истинно просвѣщеннымъ и утвержденнымъ въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ. 3) Въ несчастіяхъ, во время бѣдствій нужно пособлять другъ другу, кто чѣмъ можетъ. 4) А наконецъ, нужно быть твердымъ въ вѣрѣ Христовой и благочестіи христіанскомъ даже до исповѣдничества, или положенія души своей за Христа.

Помолимся же, православные, за царя и весь царствующій Домъ Господу Богу, чтобы Онъ даровалъ Ему здравіе и долгоденствіе, а въ насъ бы возбуждалъ христіанскую ревность къ тѣмъ добрымъ дѣламъ, которыя проявились въ жизни и дѣяніяхъ святаго благовѣрнаго князя Александра Невского. Аминь.

ОБЛИЧЕНІЕ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ *).

(Окончаніе).

Съ жизнію величайшаго изъ христіанскихъ проповѣдниковъ, св. Іоанна Златоустаго, окончился золотой вѣкъ христіанскаго проповѣдничества; но не окончилось дѣло защищенія православной вѣры христіанской отъ враговъ. Правда, классическое многобожіе окончательно поражено христіанствомъ, со смертію послѣдняго изъ римскихъ царей, ревнителя язычества—Юліана богоотступника, и Церковь не имѣла болѣе настоятельной надобности вступать въ состязаніе съ врагомъ низложеннымъ и побѣжденнымъ въ римской имперіи. Но язычество, широко раскинувшее по землѣ свои

---

*) См. № 32-й.

вѣтви, крѣпко расло во многихъ другихъ странахъ, куда не проникъ еще со всею силою побѣдительный духъ христіанства. Такъ, въ странахъ персидскихъ и индійскихъ христіанство должно было вступить съ язычествомъ въ ужасное состязаніе и обличить мрачное идолопоклонство, какъ словами исповѣдниковъ и мучениковъ, такъ и рѣчами пастырей и учителей Церкви. Посему-то и въ вѣкахъ, слѣдующихъ за четвертымъ, при обзорѣнн обличительной проповѣди христіанской, первое мѣсто должно бы занимать обличеніе язычества, какъ и въ вѣкахъ предшествующихъ. Послѣ этой борьбы, болѣе, впрочемъ, кровавой, чѣмъ словесной, христіанство должно было вступить въ еще болѣе кровавое состязаніе съ новымъ врагомъ,—выродкомъ изъ всѣхъ ложныхъ религій,—съ магометанствомъ. Поэтому обзорѣніе наше должно бы, во-вторыхъ, коснуться обличеній, высказанныхъ христіанскою проповѣдію противъ магометанскаго изуверства. Затѣмъ слѣдовало бы продолжить обзорѣніе обличительныхъ твореній христіанской проповѣди противъ ересей и показать, какъ они изложены на остальныхъ пяти вселенскихъ соборахъ. Пришлось бы потомъ заключить обзорѣніе обличенія во вселенской Церкви разсмотрѣніемъ замѣчательнѣйшихъ произведеній обличительной православной проповѣди, направленныхъ противъ великаго римскаго раскола и противъ выродившихся изъ противоборства съ нимъ протестанскихъ сектъ. Наконецъ, съ особенною тщательностію потребовалось бы изслѣдовать, какъ въ русской Церкви христіанская проповѣдь, при обличеніи невѣрія, неправовѣрія, лжевѣрія, раскола и небагочестія, шла по пути, указанному ей вселенскою Церковію, слѣдуя по стопамъ великихъ защитниковъ древне-вселенскаго православія. Но задавшись выполненіемъ такого обширнаго плана, мы далеко переступили бы обыкновенные, даже самые широкіе предѣлы журнальной статьи. А между тѣмъ, для цѣли, на-

мѣченной нами въ началѣ обзорѣнія этого, — именно для того, чтобы, на основаніи историческихъ данныхъ, опредѣлить, какова должна быть современная обличительная проповѣдь, въ соотвѣтствіе съ такою же проповѣдію древней вселенской Церкви, — у насъ набралось достаточно данныхъ. Поэтому, предоставляя себѣ право представить нашимъ читателямъ послѣ, по частямъ, обзорѣніе обличительныхъ произведеній православной христіанской проповѣди, мы теперь постараемся уяснить себѣ, на основаніи всего вышесказаннаго, какою можетъ и должна быть у насъ теперь обличительная проповѣдь? А для этого намъ необходимо указать предметы ея и границы ихъ, характеръ и тонъ ея, въ примѣненіи къ современнымъ религіознымъ заблужденіямъ и недостаткамъ.

Исторія свидѣтельствуетъ, что въ каждомъ изъ протекшихъ вѣковъ истина и добро имѣли своихъ враговъ и, слѣдовательно, нуждались въ защитѣ противъ заблужденій и пороковъ. Чистота вѣры и благочестія требовала всегда обличеній невѣрія, лжевѣрія и нечестія. Правда, мы живемъ въ такой странѣ, гдѣ православіе есть господствующая религія, и добрые нравы укрѣплены завѣтами предковъ и ограждены гражданскими и божественными законами. Большинство русскихъ, благодареніе Богу, исповѣдуетъ чисто догматы единой, святой, соборной и апостольской Церкви и — въ своемъ жизнеповеденіи слѣдуетъ ея досточтимымъ уставамъ. Но нельзя не видѣть и того, что духъ невѣрія и неправовѣрія, навѣваемый отъ инуду, проникаетъ иногда въ чистую атмосферу православной Руси и тлетворно вліяетъ на духовную жизнь нѣкоторыхъ членовъ истинной Церкви. Неможно также не сознаться, что и въ самой средѣ русскаго народа живетъ, не издыхая, пережившее вѣкъ свой суевѣріе съ предрасудками, и гнѣздится стоглавое чудовищѣ раскола, извращающаго то намѣренно, то безсмысленно догматы, обрядность и благочестіе христіанское. На обшир-

номъ протяженіи нашего отечества можно найти почти все виды извѣстныхъ намъ по исторіи религіозныхъ заблужденій. Поэтому обличительная христіанская проповѣдь у насъ должна имѣть самое широкое и разнообразное примѣненіе. И именно: 1) Есть у насъ заблужденія, раскинутыя, такъ сказать, по всей русской территоріи. Сюда относятся невѣріе, суевѣріе, предразсудки и нравственно-религіозные недостатки православныхъ; 2) есть заблужденія и пороки, свойственные только нѣкоторымъ мѣстностямъ, особенно въ окраинахъ русской земли: къ числу такихъ заблужденій и недостатковъ должно отнести губительное вліяніе на православіе напизма, протестанства, магометанства, іудейства и даже язычества; наконецъ 3), въ самой срединѣ русской земли, во многихъ мѣстахъ, встрѣчаемъ враговъ православія въ еретикахъ и раскольникахъ.

1. Невѣріе, омрачившее западную Европу, есть въ наше время самый страшный врагъ, съ которымъ мы не вступали еще, какъ слѣдуетъ, въ борьбу, но должны будемъ вступить. Во Франціи, наприимѣръ, по свидѣтельству одного западнаго богослова, нечестіе и антирелигіозное предубѣжденіе проникло во все слои общества и даже въ простой сельскій народъ. Въ образованные классы общества оно проводится посредствомъ книгъ, журналовъ, обзорѣній,—въ необразованные — посредствомъ газетъ, театральныхъ пьесъ, народныхъ пѣсней, дешевыхъ романовъ и проч. и проч. Атеизмъ ученыхъ и богачей хотятъ сдѣлать всенароднымъ атеизмомъ. Въ средѣ самаго простаго народа слышались такія выраженія: »я самъ себѣ религія,—религія отжила свой вѣкъ«¹⁾. Благодареніе Богу, у насъ не слышно еще въ народѣ подобныхъ безумныхъ глаголовъ, но не замышляются ли они въ душонкахъ, напичканныхъ ино-

¹⁾ Entretien sur la pœdication par M. L'evêque d'Orléans. La parole apologetique. Paris 1866 an.

страннымъ резонерствомъ, — объ этомъ надобно судить не столько по произведеніямъ литературы, которая у насъ сдерживается благодѣтельнымъ правительственнымъ надзоромъ, сколько по бесѣдамъ съ людьми, знакомыми отчасти съ иностранными воззрѣніями на религію, и потому мнящимися мудрыми оуби. Вы услышите не рѣдко отъ такихъ мнимыхъ мудрецовъ и нигилистическія, и матеріалистическія, и социалистическія, и всякія вздорныя идеи, и когда вы укажете имъ неразуміе и ~~безправственность~~ ихъ близорукіихъ воззрѣній и недозрѣлыхъ убожденій; то васъ, пожалуй, еще осмѣютъ и обзовутъ отсталыми рутинерами, обскурантами и проч. Но пастырь-обличитель не долженъ принимать въ обиду ни ихъ невѣжества, ни ихъ наглости, и съ прямою, свойственною истинѣ и правдѣ Христовой проповѣди, долженъ заградить хульныя уста словомъ истины. И это не очень трудно. Можно съ увѣренностію сказать, что большая часть мнимыхъ невѣровъ говорятъ противъ религіи не по убоженію и не въ слѣдствіе зрѣлаго размышленія и солиднаго ученія, а по наслышкѣ и подражанію другимъ. Спросите у такихъ резонеровъ, отъ кого они слышали хулу на вѣру и Церковь, изрыгаемую ими, или гдѣ читали объ этомъ, и — увѣряю васъ — рѣдкій изъ нихъ въ состояніи отвѣтить на ваши вопросы. Они слышали только, что гдѣ-то звонятъ, но не знаютъ, съ какой колокольни. Слова невѣрія всего чаще слышатся у насъ отъ людей, неполнѣ развитыхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Эти слова говорятъ, смѣемъ думать, не въ слѣдствіе заявленій науки, слышанныхъ ими въ учебныхъ аудиторіяхъ. — Этого у насъ не можетъ, по крайней мѣрѣ, не должно быть, — а схвачены, такъ сказать, на лету, отъ людей, которые въ свою очередь не читали ни одной антирелигіозной книги, а только слышали о ихъ существованіи. Такимъ недовѣркамъ слѣдуетъ указать несостоятельность ихъ вольномыслія и вразу-

мнѣ ихъ всею силою разумно-религіознаго убѣжденія. Заносчивость невѣрія никогда не устоитъ противъ здраваго сужденія и положительнаго знанія. Здѣсь противъ заблужденія, высказаннаго устно, требуется и обличеніе устное, — и требуется непременно. Зло надобно искоренять въ началѣ, пока оно не успѣло еще глубоко пустить ростковъ. Молодости свойственно увлекаться, но непростительно было бы зрѣлому возрасту и уму оставлять молодость безъ должнаго вразумленія. Дайте только волю разнузданности мысли и языка молодежи, и вы дадите ей поводъ отъ нечестиваго помысленія и слова перейти къ нечестивому дѣлу. Французская революція, въ концѣ прошлаго вѣка, была дѣломъ молодаго поколѣнія, напитаннаго тлетворными идеями энциклопедистовъ. Невѣріе вводитъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, всякіе безнорядки и въ Церковь, и въ семью, и въ государство. Поэтому пастыри Церкви должны стоять бодрственно на стражѣ вѣры и наблюдать зорко, чтобы врагъ, подъ видомъ новомоднаго просвѣщенія, не всѣялъ плевець въ пшеницу Христову, чтобы одна паршивая овца незаразила всего стада. И если бы въ вашемъ приходѣ появился человѣкъ съ антирелигіознымъ направленіемъ, то вамъ слѣдуетъ и его обличить, и не оставить безъ предостереженія отъ него всѣхъ прихожанъ, чтобы, изъ разговоровъ съ нимъ, кто-либо изъ вашихъ пасомыхъ не потерпѣлъ вреда для своей вѣры и благочестія. Но если бы вамъ встрѣтилась надобность опровергать человѣка враждебно относящагося къ вѣрѣ въ Бога и Церковь съ сознаніемъ, и не въ случайномъ разговорѣ, а печатно проводящаго свои нечестивыя мысли въ среду общества; тогда и вы, не довольствуясь устнымъ обличеніемъ, пишите опроверженіе лжи. Умѣйте воспользоваться въ такомъ случаѣ не только своими богословскими знаніями, но и оружіемъ свѣтской современной науки. Умѣйте оборотить палку другимъ концомъ, и изъ оборонительнаго переходите

въ наступательное положеніе. Примѣры и даже образцы такой полемики вы можете находить въ нашихъ духовныхъ журналахъ, особенно же въ Христіанскомъ Чтеніи, Трудахъ Киевской духовной академіи, Духовной Бесѣдѣ и другихъ. Впрочемъ, такъ какъ антирелигіозныя сочиненія рѣдко проникаютъ въ сельскіе приходы и вовсе неизвѣстны сельскимъ простосюдинамъ, то и вооружаться противъ такихъ сочиненій естественнѣе, приличнѣе и необходимѣе тамъ, гдѣ они могутъ быть читаемы и имѣть вредное вліяніе, какъ то: въ столицахъ и большихъ губернскихъ городахъ. Поэтому, предоставляя городскимъ проповѣдникамъ обличать, когда нужно, проявленіе невѣрія въ ихъ паствахъ, обратимся къ другому религіозному недостатку, замѣчаемому повсемѣстно въ средѣ сельскаго населенія. Имѣемъ въ виду суевѣріе и предрасудки.

Нѣтъ надобности входить здѣсь въ историческое происхожденіе суевѣрій и предрасудковъ народныхъ, и исчислять ихъ виды. Этому предмету посвящено уже было нѣсколько статей въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«. Въ настоящемъ случаѣ достаточно только замѣтить, что при обличеніи суевѣрій и предрасудковъ необходимо какъ историческое знакомство съ ихъ происхожденіемъ и знаніе всѣхъ суевѣрій и предрасудковъ народныхъ, такъ и умѣнье разъяснить ихъ пустоту, ничтожество и даже вредъ въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ. Область суевѣрій и предрасудковъ на широкой Руси безмѣрно широка. Происхожденіе суевѣрій частію, какъ остатокъ языческаго культа, частію, какъ примѣненіе христіанскихъ вѣрованій къ языческимъ, частію же, какъ недомысліе простаго народа въ вопросахъ вѣры, должно составлять не маловажное пособіе при обличеніи ихъ. Но не въ этомъ главная сила обличенія; ее нужно заимствовать изъ прямаго ученія вѣры и положительныхъ законовъ и постановленій Церкви. Такъ на-

примѣръ, народныя вѣрованія въ домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ, кикиморъ и проч., очевидно, суть остатки вѣрованій языческихъ. Укажите это историческими фактами, но не останавливайтесь на этомъ. Для искорененія суетныхъ вѣрованій необходимо указать, что ни въ словѣ Божіемъ, ни въ святоотеческихъ твореніяхъ, ни въ церковно-богослужебныхъ книгахъ нѣтъ и помину ни о лѣшихъ, ни о русалкахъ, ни о домовыхъ и проч. Разъясните суевѣрному простолудину, что нечистая сила есть, но она не такова, какою является въ народномъ представленіи, по суевѣрнымъ воззрѣніямъ простолудья, и что чортъ, къ которому, какъ къ чему-то шуточному относятся народныя сказанія, вовсе не смѣшонъ, напротивъ, страшенъ, какъ врагъ спасенія душъ нашихъ, что онъ всезлобенъ и хитръ, что онъ невидимо уловляетъ людей въ погибель, внушеніемъ имъ невѣрія, маловѣрія, суевѣрія и всякаго нечестія. И если христіанинъ имѣетъ дерзновеніе не бояться этого страшнаго врага, то не потому что онъ, какъ пустословится въ народныхъ сказаніяхъ, въ состояніи перехитрить чорта, а потому что имѣетъ противъ него всесильное оружіе въ крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, поправшаго силу діавола. Или: народъ празднуетъ Колядѣ объ рождествѣ Христовомъ и Купалу въ день рождества св. Іоанна Предтечи. Тутъ очевидно примѣненіе языческихъ празднествъ къ христіанскимъ, по совпаденію ихъ во времени. Разъясните это исторически, но опять не довольствуйтесь однимъ этимъ разъясненіемъ, а докажите, на основаніи евангельской исторіи и исторіи празднествъ вселенской Церкви, что въ первенствующей Церкви не было ни духу, ни слуху, ни о Купалѣ, ни о Колядѣ. Наконецъ, если вы замѣчаете въ народѣ суевѣріе вслѣдствіе недомыслія его, напримѣръ, празднованіе двѣнадцати пятницъ и т. п., то разъясните, что такого празднованія не положено Церковію, что объ немъ не говорится ни въ од-

номъ церковномъ постановленіи, а—если подобное празднованіе сопровождается бездѣятельностію, то обнаружьте, что туне празднующій въ будни есть семейный воръ, даромъ ѣдящій хлѣбъ и уклоняющійся отъ обязательнаго труда.—Нѣсколько иначе надобно поступать при обличеніи предразсудковъ. Тутъ надобно имѣть дѣло не только съ размышленіемъ, которое у простолюдыя туго и неразвито, но преимущественно съ опытомъ, который, по наглядности своей, вразумителенъ и понятенъ и для простаца. Такъ на примѣръ, поясняйте простолюдину теоретически, сколько угодно, что между встрѣчею съ священникомъ и—неудачею послѣ того нѣтъ винословной связи,—онъ не пойметъ васъ: но уважите ему нѣсколько примѣровъ, что послѣ подобныхъ встрѣчъ, и такому-то, и тому-то удалось то или другое дѣло, и что это естественно, потому что священникъ, именемъ Божиимъ, благословилъ ихъ на доброе дѣло,—и вамъ по неволѣ повѣрять. Если предразсудокъ касается религіознаго дѣла, то онъ граничитъ съ суевѣріемъ, и искоренять такой предразсудокъ есть прямой долгъ пастыря. Иной, на примѣръ, не приступаетъ къ таинству причащенія подъ тѣмъ предлогомъ, что »не сдержитъ его«. Принялъ ли онъ это отъ другихъ безъ предварительнаго размышленія, или скрываетъ подъ этимъ обдуманно заднюю мысль—уклоняться отъ общенія съ церковію,—въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ обличать неосновательность предлоговъ, по которымъ уклоняются отъ святаго причащенія. И надобно замѣтить, что большая часть предразсудковъ состоитъ въ связи съ религіозными убѣжденіями, отъ того-то и требуетъ непременно обличенія. Но при искорененіи суевѣрій и предразсудковъ надобно имѣть большую осторожность. Они кажутся, по видимому, небольшимъ сучцемъ въ глазу брата нашего; но есть опасность, при неискусномъ выдергиваніи этого сучца, испортить цѣлый глазъ, т. е. искореняя безъ разбора и

осторожности суевѣрія и предразсудки, можно, пожалуй, подорвать и самую вѣру въ то, что выше нашего разумѣнія, напримѣръ, въ преестественную силу церковныхъ священнодѣйствій и пр. и проч. Тутъ общее правило обличенія такое: что не имѣетъ основанія ни въ догматикѣ, ни въ практикѣ христіанской, то-суевѣріе; что не подтверждается ни сужденіями разума, ни фактами опыта, то-предразсудокъ. Но приложеніе этого общаго правила къ дѣлу требуетъ многосторонняго изслѣдованія и знанія, которое пріобрѣтается не столько при помощи науки, сколько при тщательномъ наблюденіи за многоразличными, своеобразными проявленіями народнаго міросозерцанія.

Еще повсемѣстныѣ недостатки нравственно-религіозныя, требующіе со стороны пастырей неукоснительнаго и постояннаго обличенія. Нельзя сказать, чтобы его вовсе не было у нашихъ проповѣдниковъ, но не можно не видѣть и того, что это обличеніе недостаточно. У насъ съ нѣкотораго времени ¹⁾ нравственные извыки народа проповѣдники примазываютъ такъ сказать, масломъ, чтобы только не растравить ихъ, и очень рѣдко употребляютъ спльное и жгучее врачевство церковнаго обличенія. Не думаемъ, чтобы это происходило отъ того, что наши проповѣдники не знаютъ нравственныхъ недуговъ паствы; скорѣе полагаемъ, что снисходительность проповѣди къ недостаткамъ пасомыхъ есть слѣдствіе ложно-понимаемой вѣжливости, которая хотя и прилична на церковной кафедрѣ, но не въ видѣ послабленія и потачки общественнымъ порокамъ, въ какомъ она нерѣдко проявляется у насъ въ обществѣ. Правда, у нашихъ проповѣдниковъ встрѣчаются иногда намеки и на нравственные недостатки пасомыхъ, но-слишкомъ общіе, удобопримѣнимые къ человѣчеству, во всякомъ вѣкѣ и въ какой угод-

---

1) Съ половины прошлаго до половины настоящато столѣтія.

но странѣ, а пороки, свойственные преимущественно Руси, и при томъ очень крупныя, не были, повидимому, до шестидесятихъ годовъ замѣчаемы нашими проповѣдниками, подобно баснописному слону въ куштанмерѣ. А между тѣмъ этихъ недостатковъ у русскаго народа столько, что и не перечесть. Мы не беремъ во вниманіе огромнаго числа преступленій, представляемыхъ статистикою, а смотримъ на нравственный уровень всего русскаго общества. И что же видимъ? Благочестиво ли оно? Говорятъ—очень благочестиво. Но такъ ли? Если оно благочестиво, то исполняетъ ли всѣ постановленія Церкви? Всѣ ли ходятъ въ церковь, по крайней мѣрѣ, въ воскресныя и праздничныя дни? Соблюдаютъ ли посты? Говѣютъ ли хотя одинъ разъ въ году? Радѣютъ ли о благолѣтіи храмовъ Божіихъ и благосостояніи ихъ служителей?—На всѣ эти и подобныя имъ вопросы трудно отвѣчать утвердительно. Не лучше ведетъ себя народъ и въ нравственномъ отношеніи. Невоздержаніе и пьянство, распущенность нравовъ, срамословіе, недобросовѣстность въ сдѣлкахъ торговыхъ и общежительныхъ, раздоры въ членахъ общества и семействахъ, развѣ иѣтъ всего этого въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ? И все это нужно бы обличать вамъ, пастыри Церкви. Скажете: какъ я выступаю съ словомъ обличенія одинъ, когда это не въ обычаѣ, когда этимъ наживешь только враговъ и заслужишь названіе безпокойнаго человѣка, когда, наконецъ, и тебя могутъ попрекнуть въ нѣкоторыхъ нравственныхъ недостаткахъ, потому что и священники не ангелы, а тѣже люди?—То правда, что одинъ въ селѣ не воинъ; но вѣдь пастыри Церкви считаются у насъ не единицами и не десятками, а тысячами. Отъ чего же бы имъ совокупными силами не приняться за обличеніе пороковъ общества? Такое совмѣстное и единодушное дѣйствованіе пастырей никто не имѣлъ бы права назвать нововведеніемъ; оно поставило бы только

пастырей—проповѣдниковъ на одну изъ заросшихъ дорогъ, которыя протоптаны были нѣкогда красными стопами проповѣдниковъ древней вселенской Церкви. Припомните обличительныя слова хоть одного св. Златоуста противъ богатыхъ, противъ зрѣлищъ, противъ духовенства. Это были тогда недостатки вѣка, которые болѣе другихъ выдавались. Развѣ современные пастыри не видятъ и теперь подобныхъ, или еще и иныхъ недостатковъ въ современномъ обществѣ? Развѣ у насъ ростовщики не обираютъ кредиторовъ? Развѣ у насъ въ великій постъ не представляютъ на театрахъ живыхъ картинъ, которыя въ десять разъ соблазнительнѣе комедій и трагедій? Если вы признаете, что есть эти и многіе другіе изъяны въ обществѣ, то отъ чего же вы молчите? Не говорите, что всѣ эти вещи дозволяются правительствомъ. Правительство, при нынѣшней свободѣ слова, не только не воспренятствуетъ вамъ указать то, что дѣлается не въ тактъ съ его благодѣтельнымъ и благочестивымъ направленіемъ, но, полагаемъ, не преминетъ и воспользоваться вашимъ добросовѣстнымъ указаніемъ какого либо злоупотребленія. Не забывайте, что *вы есте свѣтъ міра* (Мат. 5, 14) и что *слово Божіе не вяжется* (2 Тим. 2, 9). Но и не касаясь щекотливыхъ вопросовъ, сколько вы видите немочей русскихъ, которыя, такъ сказать, напрашиваются на излѣченіе. Подайте же это излѣченіе вы, врачи духовные. На нивѣ Господней вмѣсто пшеницы растутъ плевелы,—воздѣлывайте же эту ниву, дѣлатели Господни, не жалѣя трудовъ для очищенія ея отъ сорныхъ травъ. Когда нужно—пишите, гдѣ потребуется,—говорите въ обличеніе повсемственныхъ недуговъ общества и—ваше писаніе, ваша рѣчь, безъ сомнѣнія, принесутъ добрый плодъ исправленія общества отъ заблужденій и пороковъ, возгнѣдившихся въ немъ, быть можетъ, по вашему же недосмотру. А чтобы кто либѣ не сказалъ пастырю обличителю:

врачу, исцѣлился самъ; то пусть пастыри помнить, что они и по апостольскому требованію должны быть для пасомыхъ образцомъ въ словѣ и въ жизни: *образъ буди въринымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. 4, 12). Примѣръ ихъ собственнаго совершенства въ вѣрѣ и въ благочестіи будетъ самымъ лучшимъ обличеніемъ невѣрія и неблагочестія.

2. Указанные нами доселѣ нравственно-религіозные недостатки повсемѣстны, какъ замѣчено, на всей Руси; но, кромѣ ихъ, есть еще, такъ сказать, мѣстныя заблужденія, требующія также обличенія отъ пастырей Церкви. Такъ, въ западныхъ окраинахъ русской земли, православные, находясь въ сосѣдствѣ и сближеніи съ римскими католиками и протестантами, должны быть всячески ограждаемы отъ вліянія какъ папистовъ, такъ и лютеранъ. Тутъ особенно нужно беречь въ пасомыхъ чистоту православнаго вѣроученія и обрядности. Надобно имѣть въ виду преимущественно главные пункты исповѣданія, въ которыхъ разногласятъ съ вселенскою Церковію паписты и протестанты, и-еслибы замѣчено было въ пасомыхъ неясное пониманіе этого различія, надобно уяснить его съ надлежащимъ опроверженіемъ римскихъ и протестантскихъ нововведеній. Въ этихъ же окраинахъ Россіи православные имѣютъ близкое сношеніе съ евреями, которое для вѣры бываетъ опасно особенно въ томъ случаѣ, когда православные простецы поступаютъ на службу къ евреямъ. Не одинъ разъ заявляемо было въ печати, что еврейская прислуга изъ христіанъ, подъ вліяніемъ жидовства, перестаетъ ходить въ церковь, соблюдать посты, и почти вовсе забываетъ о принадлежности своей къ православной Церкви. На южныхъ и восточныхъ краяхъ Россіи православіе встрѣчается съ магометанствомъ, которое очень затрудняетъ миссіонерское дѣло наше въ отношеніи къ масульманамъ, а въ дальней Сибири идетъ борьба христіанства съ

темнымъ шаманскимъ идолопоклонствомъ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ христіанскіе проповѣдники должны быть наготовѣ съ словомъ обличенія противъ неправовѣрія и лже-вѣрія.

3. Но самое широкое поприще для обличительной проповѣди открывается у насъ внутри русскихъ же губерній, преимущественно на сѣверѣ, противъ разныхъ нечестивыхъ и неправославныхъ толковъ. Нечестивое ученіе молоканъ, отвратительное дѣло скопцовъ требуютъ зоркаго наблюденія и неусыпнаго преслѣдованія. Не должны также быть оставляемы безъ обличенія и многоразличные расколыническіе толки. Правда, здѣсь преслѣдованіе неумѣстно, но и молчаніе не безвредно. При бездѣятельности православнаго обличительнаго слова, русскій расколъ разросся бы широко въ самое короткое время, потому что расколоучители не дремлютъ, и цѣлю своей жизни поставляютъ пропаганду раскола. Вотъ тому фактическое доказательство. Въ полнинскомъ уѣздѣ, по заявленію вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей (№ 13-й 1869 г.), въ 1826 году считалось 11 человекъ раскольниковъ, а въ 1836 году—68 человекъ, въ срътенскомъ приходѣ вообще было въ 1826 г. 163 раскольника, а въ 1836 году—331. Въ болтынскомъ приходѣ, смежномъ съ срътенскимъ, въ томъ же 1826 году значилось 128 душъ раскольниковъ, а въ 1836 году—402 души. Такимъ образомъ, по двумъ приходамъ, въ десять лѣтъ раскольниковъ умножилось на 500 душъ, въ настоящее же время въ полнинскомъ уѣздѣ насчитываютъ до семи тысячъ раскольниковъ. Такое быстрое распространеніе раскола въ этой мѣстности произошло какъ отъ вліянія на окрестныхъ жителей расколоучителей боровской часовни, такъ, можетъ быть, и отъ того, что пропагандѣ этихъ расколоучителей не противопоставлена была благовременная православная обличительная проповѣдь. Поэтому каждый приходскій пастырь обязанъ внимательно

присматриваться какъ къ раскольникамъ своего прихода вообще, такъ въ особенности къ тому, нѣтъ ли въ его приходѣ хищныхъ волковъ—расколуучителей, и чтобы защитить отъ ихъ нападенія Христово стадо, долженъ поражать обличеніемъ преимущественно самихъ коноводовъ того или другаго раскольническаго лжеученія. Отрадный примѣръ подобной обличительной дѣятельности сельскаго священника мы недавно прочитали въ вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ статьѣ: борьба сельскаго священника съ мѣстными сектантами (№ 13-й 1869 г.). Пять лѣтъ боролся священникъ села Т. А—ръ К—новъ съ лжеучителемъ И. С. и мало по малу, успѣлъ истребить окончательно въ своемъ приходѣ слѣды раскола; самаго темнаго и безиравственнаго. Средствами у него для борьбы съ расколомъ были: молитва, постоянное проповѣданіе съ церковной кафедры, направленное противъ раскола, обличеніе его при всякомъ случаѣ въ домашнихъ бесѣдахъ, чтеніе твореній св. отцовъ, имѣющихъ направленіе противъ раскола, заведеніе училищъ и приходской библіотеки, неукоризненное поведеніе священника и причта и, наконецъ, содѣйствіе прихожанъ, особенно тѣхъ, которые, по внушенію священника, оставили богомерзскую секту. Мы упомянули объ этихъ средствахъ затѣмъ, что они могутъ быть пригодны и во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Вотъ предметы, въ настоящее время, требующіе у насъ проповѣдническаго обличенія. Они указываются разомъ и предѣлы его. Но чтобы еще точнѣе опредѣлить границы проповѣдническаго обличенія въ наше время, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ и тонѣ, свойственномъ современному обличенію христіанскому, и прибавить короткое замѣчаніе о его видахъ. Характеръ церковнаго обличенія во всѣ времена опредѣляется, съ одной стороны, положительными наставленіями апостольскими и практикою вселенской Церкви, съ другой стороны—предметомъ и цѣ-

лію обличенія. Въ основаніе изображенія характера обличительной христіанской проповѣди должно положить наставленія о семь св. апостола Павла, преподанныя Тимоѳею. *Проповѣдуй слово, говоритъ онъ ему, и въ лицѣ его и всѣмъ пастырямъ, благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2). И такъ, первое требованіе отъ пастыря, по отношенію къ заблуждающимъ, есть непрестанное и терпѣливое проповѣданіе слова Божія, т. е. священнаго Писанія, которое *богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію, еже въ правду* (—3, 16). Значить, въ основаніи обличительнаго ученія должно лежать положительное вѣроученіе и нравоученіе православной Церкви. Оно должно быть противопоставляемо всякому лжеученію, *въ обличеніе согрѣшающихъ предъ всеми, да и прочіи страхъ имутъ* (1 Тим. 5, 20). И хотя *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву: съ кротостію наказующу противныя* (2 Тим. 2, 24); однако онъ не долженъ быть уклончивъ въ обличеніи лжи и неправды; напротивъ, онъ долженъ не только всякому вопрошающему дать прямой и положительный отвѣтъ объ истинной вѣрѣ, но и всякаго заблуждающаго вразумить и обличить. А для этого необходимо, чтобы проповѣдникъ, вступающій на поприще обличенія неправыхъ въ вѣрѣ, былъ, во первыхъ, свѣдущъ въ православныхъ догматахъ вѣры, во вторыхъ, чтобы онъ зналъ до подробностей не только мнѣнія лжеучителей, но и самыя основанія, на которыхъ они думаютъ утвердить свои мнѣнія. Для перваго необходимо изученіе священнаго Писанія и православнаго Богословія, знаніе православныхъ символическихъ книгъ и знакомство съ обличительною литературою св. отцовъ и учителей Церкви; для втораго необходимо знаніе исторіи ересей, расколовъ и вообще иновѣрче-

скихъ учений, и знакомство съ такъ называемыми символическими и защитительными сочиненіями неправомыслищихъ. Но такъ какъ кругъ сочиненій, излагающихъ православное и неправославное вѣроученіе очень обширенъ, то необходимо, по крайней мѣрѣ, знать то, что требуется для опроверженія извѣстнаго заблужденія, съ которымъ приходится бороться. Но съ кѣмъ бы вы ни вели обличительное слово, болѣе всего берегитесь *не словопритися ни на какую потребу, на разореніе слышащихъ* (2 Тим. 2, 14), *и убѣгайте буйныхъ и не наказанныхъ стяжаній, вѣдущихъ, яко рождаютъ ссоры* (—23). Первое наставленіе апостольское научаетъ насъ не выставлять безъ нужды предъ православными всѣхъ превратныхъ умствованій лжеучителей, чтобы ими не соблазнить кого либо; второе—предостерегаетъ насъ отъ вступленія въ горячее состязаніе тамъ, гдѣ вы не предвидите укротить *скверныхъ тщеласій*. Обличеніе должно быть вызываемо нуждою дѣйствительною, и никогда не должно изыскивать мнимыхъ, или отдаленныхъ и неизвѣстныхъ враговъ. Главная и единственная цѣль обличенія есть спасеніе какъ тѣхъ, которые заблуждаютъ, такъ особенно тѣхъ, которые въ опасности увлечься заблужденіемъ. Поэтому, при всякомъ обличеніи, должно имѣть въ виду, *еда како дастъ имъ (заблуждающимъ) Богъ покаяніе во разумъ истины* (—25). Значитъ, всякое слово обличенія должно быть растворено любовію ко спасенію обличаемыхъ. Исключеніе изъ этого, само собою, должно быть допущено тогда, когда вы, послѣ неоднократныхъ успѣшій обратить заблуждающаго, видите въ немъ упорное и намѣренное противленіе истинѣ. Отъ таковыхъ апостолъ заповѣдуетъ отступать. *Аще ли кто, говоритъ онъ, инако учитъ, и не приступаетъ къ здоровымъ словесемъ Господа нашего Иисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрію, разгордѣлся, ничтоже вѣдый, но недугуя о стяжаніихъ и*

словопрѣтнѣхъ: отъ нихъже бываетъ зависть, рвеніе, хулы, нещеванія лукава, бесѣды злыя растлѣнныхъ челоуковъ умомъ и лишенихъ истины, нещующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе. Отступай отъ такихъ (1 Тим. 6, 3—5). Если же обличитель долженъ имѣть ревность и о спасеніи обличаемыхъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ радѣть о спасеніи вѣрующихъ, и всячески оберегать ихъ отъ ложнаго и вреднаго ученія неблагомыслящихъ. Такъ и поступали, какъ мы видѣли, святые апостолы и ихъ преемники, апостольскіе мужи и святые отцы, великіе защитники чистоты православной Церкви. Съ этою цѣлю составлялись святые вселенскіе соборы, писались полемическіе трактаты и произносились обличительныя слова. Съ этою только цѣлю допускалось и словесное состязаніе съ неправомыслящими. Итакъ, будете ли вы писать или говорить въ обличеніе невѣрія, неправовѣрія и нечестія,—имѣйте въ виду болѣе всего спасеніе ближнихъ и—*овѣхъ убо милуйте, разсуждающе: овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе* (Іуд. 1, 22). Такимъ же образомъ и учителя Церкви, которые предписываютъ проповѣднику самыя строгія правила касательно обличенія нечестія, завѣщаютъ ему въ то же время учить народъ съ великою кротостію. Правда, св. Златоустъ всегдашнюю кротость въ проповѣди называетъ не учительствомъ, но губительствомъ: »еже съ кротостію присно ко ученикамъ бесѣдовати«, говоритъ онъ,—»не учительско, но губительско есть и сѹпостатное (дѣло)«; но тотъ же св. учитель, въѣсто строгости, чаще убѣждаетъ слезами и моленіями: »восплачуся—говоритъ—многихъ преждесогрѣшшихъ, не просто согрѣшшихъ, но не покаявшихся. Помысли апостольскую добродѣтель, когда ни едино въ себѣ свѣдѣй зло, о чуждыхъ плачется злыхъ и о согрѣшеніихъ другихъ челоукъ смиряется. Сіе бо намъ паче учительство есть, еже тако со-

болѣзновати ученическими злополучіями, еже рыдати и плакати о извахъ слышателей» ¹⁾). Таковъ же въ общихъ чертахъ долженъ быть характеръ и тонъ обличительной проповѣди и въ настоящее время.

О вѣншнемъ видѣ обличительныхъ проповѣдей не считаемъ нужнымъ распространяться. Изъ представленныхъ нами образцовъ ея въ первыхъ четырехъ вѣкахъ христіанства легко усмотрѣть, что она являлась то въ видѣ пастырскихъ наставленій и посланій, то въ видѣ полемическихъ трактатовъ, то въ видѣ словъ, сказанныхъ съ церковной кафедры, то въ видѣ діалоговъ письменныхъ и устныхъ. Всѣ эти виды обличительной проповѣди уместны и пригодны и въ настоящее время. Дѣло не въ томъ, какую форму дать обличенію, а въ томъ, кого и какъ обличать, о чемъ и сказано нами необходимѣйшее.

Конст. Думитрашковъ.

---

¹⁾ Чт. о церк. слов. Я. А. ч. 2. стр. 74, 75.

ЮЖНО-РУССКОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО XVI и XVII ВѢКА (ПО ЛАТИНО-ПОЛЬСКИМЪ ОБРАЗЦАМЪ).

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾).

3) Особенности въ приемахъ изложенія, тонъ и языкъ старинныхъ южно-русскихъ проповѣдей.

Южно-русскіе проповѣдники, подобно польскимъ, заботились всего болѣе о томъ, чтобы слушатели не стали скучать на ихъ длинныхъ проповѣдяхъ, — чтобы проповѣдь была пріятна и занимательна. Разнообразя, по возможности, содержаніе проповѣди, проповѣдники старались вмѣстѣ съ тѣмъ увлечь слушателей самимъ изложеніемъ. Нѣсколько приемовъ изложенія, пригодныхъ для привлеченія слушателей, рекомендуетъ первый русскій гомилетъ Іоанникій Голытов-

---

¹⁾ См. № 34.

скій. »Можешь пріохотить людей къ слушанію«, говоритъ о. Голятовскій, »когда будешь обѣщать имъ показать въ проповѣди какую—либо новость, которой они не видали и не слыхали, или какое нибудь необычайное диво. Читай мою первую проповѣдь на Покровъ Пр. Богородицы Тамъ я въ пропозиціи обѣщалъ показать необычное диво, что Пр. Дѣва свѣсила огонь, измѣрила вѣтеръ и воротила назадъ день прошлый; а потомъ въ парраціи показалъ все это. Можешь также пріохотить людей къ слушанью, толбуя имъ какое нибудь имя, и иногда можешь наполнить этимъ всю проповѣдь, когда, напр., будешь говорить, что Богъ такъ называется отъ богатства милосердія или отъ богатства мудрости«¹⁾ и проч. Другой пріемъ изложенія, подобный первому, о. Іоанникій подкрѣпляетъ примѣромъ извѣстныхъ (конечно, латинно-польскихъ) проповѣдниковъ. »Нужно знать«, говоритъ онъ, »что проповѣдники, окончивъ проповѣдь, иногда имѣютъ обычай съ кафедръ приглашать людей на будущую проповѣдь, и обозначать при этомъ свои пропозиціи мудрыя и дивныя, иногда веселыя, иногда печальныя. Этимъ можно чрезвычайно пріохотить слушателей къ проповѣдямъ. Напримѣръ. Если ты проповѣдывалъ на цвѣтную недѣлю и хочешь еще проповѣдывать на страсти Христовы, то, окончивши свою проповѣдь на цвѣтную недѣлю, скажи такъ: *Православные христіане! прошу и увѣщаю васъ, чтобы вы были благочестивы, въ церковь ходили, Богу молились, потому что на слѣдующей недѣлѣ будетъ страшный судъ*. Скававъ это, сойди съ кафедры. А когда придутъ страсти Христовы, то на проповѣди положи такую тему²⁾: *Пилатъ же, слышавъ се слово, изведе вонъ Іисуса и съде на су-*

¹⁾ Ключъ л. 516. ²⁾ По терминологіи о. Іоанникія Голятовскаго, текстъ, полагаемый въ основу проповѣди, называется *темою*, а то, что мы теперь называемъ темою, — *пропозиціею*.

дищи (Іоан. XIX), и говори такъ: *Православные христіане! прошлый разъ я сказалъ, что на сей недѣлю будетъ страшный судъ; а вотъ теперь и есть страшный судъ; потому что Пилатъ понтійскій и жиды судятъ и готовятъ на смерть Христа Спасителя нашего. Страшный судъ будетъ въ послѣдній день, когда Христосъ Богъ будетъ судить всѣхъ людей; но и теперь тоже страшный судъ потому, что судитъ и осуждаетъ на смерть слуга господина, твореніе создателя, человекъ Бога и проч. Другой примѣръ. Если бы ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю 14-ю, имѣя въ виду проповѣдывать и въ недѣлю 15-ю, то, окончивши первую проповѣдь, скажи: *Православные христіане! приглашаю вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь; буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были охотны къ благочестію и къ слушанію слова Божія*. Сказавъ это сойди съ кафедры. А когда придетъ недѣля 15, положи на проповѣди тему: *друзе, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна (Мѣ. XXII), и говори такъ: Православные христіане! обѣщалъ я вамъ сегодня раздавать одежды; исполняю свое обѣщаніе; даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Матвея ¹⁾* и пр. Пришедши на проповѣдь, составленную по такому рецепту, простосердечные слушатели, повѣрившіе на слово проповѣднику, разумѣется, должны были чувствовать себя очень обманутыми въ своихъ надеждахъ, получивъ вмѣсто одежды дѣйствительной одежду аллегорическую.*

Третій приѣмъ изложенія, рекомендуемый о. Іоанникіемъ Голятовскимъ, состоитъ въ примѣненіи предмета проповѣди къ случайнымъ обстоятельствамъ времени, мѣста и пр. Осо-

бевно богатъ подобнаго рода указаніями отдѣлъ гомилетики, гдѣ трактуется о проповѣдяхъ надъ умершими. » Въ надгробныхъ проповѣдяхъ (совѣтуетъ проповѣднику о. Іоанникій) обращай вниманіе на гербъ умершаго. Если на гербѣ, напр., есть врата, то говори о двухъ еванг. вратахъ-широкихъ и узкихъ и о томъ, что покойный шелъ узкими вратами, потому что любилъ добрыя дѣла, и так. обр. достигъ неба. Обращай вниманіе и на фамилію. Если, напр., фамилія покойнаго Любомирскій, то можешь сказать, что онъ такъ назывался потому, что любилъ миръ, и другихъ склонялъ къ примиренію, слушая словъ Христовыхъ: *блаженни миротворцы*. Обращай вниманіе и на имя. Если, напр., покойнаго зовутъ Дорошеемъ, то доказывай, что онъ былъ истиннымъ даромъ Божиимъ для церкви и отчизны. Обращай вниманіе и на возрастъ. Если будешь говорить надъ старикомъ припомни слова Соломона: *внуча хвалена старости*; если надъ дитятею, то приведи слова Спасителя: *аще не обратитесь и будете, яко дѣти, не увидите въ царство небесное*. Обращай вниманіе и на званіе, и состояніе. Надъ священникомъ положи тему: *священники его облечу во спасеніе* (Пс. СXXXI); надъ воиномъ: *до смерти подвижайся по истинѣ, а Господь Богъ поборетъ по тебѣ* (Сир. IV); надъ женщиною: *жена разумна близенна есть* (Пр. XXXI); надъ дѣвицею: *возлюби царь дѣвицу очима своими и обрати милость предъ нимъ* (Есѣ. II). Читай въ книгахъ и замѣчай себѣ: какъ долженъ жить священникъ? какъ-воинъ? какъ-женщина? какъ дѣвица? что они должны соблюдать и исполнять? и доказывай, что покойники именно то соблюдали и исполняли, что требовалось ихъ званіемъ и состояніемъ ¹⁾). Обращай вниманіе и на

¹⁾ Замѣчательно это правило южно-русской гомилетики. Проповѣднику рекомендовалось не изъ дѣйствительной жизни покой-

время кончины. Напр., если кто умеръ въ понедѣльникъ, то говори, что Богъ для того взялъ его со свѣта въ понедѣльникъ, чтобы душу его проводили до неба ангелы, потому что понедѣльникъ есть день ангельскій. Обращай вниманіе и на мѣсто погребенія. Напр., если тѣло умершаго погребли при церкви св. апостолъ Петра и Павла, то можешь говорить такъ: *счастливъ умерній, что тѣло его погребено при церкви ап. Петра и Павла, потому что ап. Павелъ душу его на митарствахъ освободитъ отъ злыхъ духовъ мечемъ, съ которымъ сей апостолъ избражается, а ап. Петръ отомкнетъ ему двери небесныя ключами, какіе получилъ отъ Христа* ¹⁾). При употребленіи такого приѣма сильно развивалась діалектическая способность проповѣдника; онъ приучался доказывать все, что угодно;—могъ, смотря по надобности, хвалить или бранить человѣка за вещи совершенно безразличныя, напр. за имя, за фамилію, за мѣсто жительства и пр.;—но чувство правды и честнаго отношенія къ дѣлу весьма ослаблялось этимъ схоластическимъ приѣмомъ какъ въ проповѣдникѣ, такъ и въ слушателяхъ.

Кромѣ приѣмовъ, рекомендуемыхъ южнорусскою гомилетическою теоріею, въ проповѣднической практикѣ часто употреблялись діалоги, какъ приѣмъ рѣчи, весьма пригодный къ произведенію впечатлѣнія на слушателей. Этотъ приѣмъ часто употреблялся польскими проповѣдниками. Вотъ при-

ника извлекать уроки назиданія, но сочинять его біографію на основаніи вычитаннаго изъ книгъ идеала христ. совершенства, въ томъ или другомъ положеніи; причемъ особенно приходилось надѣлать покойника такими качествами, какихъ онъ на дѣлѣ вовсе не имѣлъ. Могло ли христіанское чувство правды не оскорбляться такимъ нарушеніемъ правды, во имя условныхъ преподаваній схоластич. панегиризма? ²⁾ Ключъ л. 522—523.

мѣры діалоговъ изъ проповѣдей Скарги: »Дѣвица Ревекка, когда слуга Авраамовъ приглашалъ ее въ замужество, разсказалъ ей о богатомъ, но далекомъ юношѣ, за сто миль и дальше, спрашивая ее: хочешь ли за него? Охотно отвѣтила: *пойду*. Но этотъ человѣкъ можетъ измѣнить тебѣ и заведетъ тебя не туда, куда общается, или причинитъ тебѣ на дорогѣ какое-нибудь зло. А она, не смотря на это, все-таки говоритъ: *пойду*. Если же этотъ женихъ человѣкъ злой, который будетъ терзать тебя и держать въ рабствѣ? *нужды нѣтъ, пойду*. Но ты не знаешь навѣрно, каковъ онъ, больной или здоровый. А она говоритъ: *и это ничего не значитъ: пойду*. Но развѣ не жаль тебѣ разставаться съ матерью, съ отцемъ, идти въ чужую сторону, приучаться къ языку неслыханному, къ людямъ непривычнымъ? *И это все ничего не значитъ: пойду*«¹⁾. Вотъ другой діалогъ въ рѣчи Скарги о покаявшемся разбойникѣ: »я не знаю, съ чего взялъ этотъ разбойникъ на крестѣ рекомендоваться умирающему царю: *Помяни мя, Господи, егда прїидеши во царствїи Твоемъ*. Развѣ кто обращается къ царю кончающемуся? Кто видѣлъ, чтобы какой-нибудь царь и по смерти царствовалъ? Что же ты, дѣлаешь, о разбойниче! гдѣ твой разумъ? каждый царь по смерти теряетъ царство. *Но сей, говоришь,—не теряю, и только иду на свое царство*«²⁾. Другой знаменитый польскій проповѣдникъ, Тома Млодзяновскій, также любилъ діалоги. »Всѣ курьезы свои (говоритъ о немъ Теофанъ Прокоповичъ) Млодзяновскій составляетъ обыкновенно изъ однихъ разговоровъ и вопросовъ, и притомъ безвкусныхъ. *Давидъ святой, что дѣлаешь? любишь ли Бога?*—*Люблю, говоритъ*.—*Полно, любишь ли Его?*—*Люблю*.—*Самарянка, куда идешь? Впрямую, повидаться съ друзьями?* *Но не за водой съ вед-*

¹⁾ Kaz. Skarge I. 107. ²⁾ Kaz. Skarge II. 157.

роумъ? неужели ты, Самарянка, не считаешь этого безчестнымъ? неужели хочешь ты, чтобы другіе смотрѣли на тебя подозрительно? и пр. ¹⁾). Примѣровъ такого рода діалогической рѣчи весьма много и въ южно-русской проповѣди. Такъ въ *евангеліи учительномъ* Кирилла Транквилліона, въ словѣ на субботу Лазареву, говорится слѣдующее: »Исусъ велимъ гласомъ воззва: Лазаре, гряди вонъ! Азъ тебѣ, Господь твой и Владыка всѣхъ, повелѣваю, — моя убо есть власть владѣти смертію и животомъ, — изыйди и не медли въ преисподнихъ земли, отложи узы тмы и прійди къ свѣту, не устрашайся смертныхъ узъ .. Егда же сего сладкаго гласа услыша Лазарь, тогда возрадовася, и самъ къ зовущему его скоро течаше, сонму же во тмѣ смертнѣй держимому, возвѣсти, глаголя: животъ глашаетъ мя, здѣ быти не могу, понеже влечетъ мя гласъ силы Бога моего. и поги мои самовластно къ нему текутъ сотворити его повелѣніе. Азъ же о васъ помолюся Тому, да скоро прійдетъ и изведетъ васъ отсюда, вся бо можетъ Господь мой. Вы же пустите мя скоро, зане боюся бо, да не наки, омркнѣю, гласъ бо Его слышу. Не прогнѣвайся на ми, Владыко, но буди долготерпѣливъ ко званію молюся, потребованіе бо имамъ мало, дондеже соберу, яже черви снѣдоша, и отъ праху прииму разсыпанные уды и кости, да совершенъ бѣ совершенному пріиду и явлюся лицу Твоему. Внѣгда же сущи во адѣ услышана о Лазарѣ глаголемая, яко св. Енифаній рекъ, тогда зѣло умилися душа тѣхъ, и разумнымъ желаніемъ любви облобызаша его, и кождо ко всхожденію тщахуся о своихъ благодѣяніяхъ воспоминаху его. Первый Авель глаголя: молются, брате Лазарю, реки моему Создателю, къ Нему же грядеши, кій ми прибытокъ оной непорочной жертвы, яко

¹⁾ Выдержки изъ рукописной регоріи О. Прокоповича въ *Трудахъ К. Д. Ак.* 1865. № 4, 635.

только время смертными узами и тлею мучимъ, пребываю здѣ, сѣдѣя въ тѣни смертной? (За тѣмъ приводятся рѣчи другихъ патріарховъ и пророковъ). Еще же сія глаголющимъ патріархомъ и пророкомъ къ Лазарю, Господь глагола ему: Лазаре! почто тамъ коснишь, скоро гряди вонъ изъ гроба.. тогда абіе изыде умершій и яко елень скочилъ изъ гроба быстро на гласъ Господа« ¹⁾). Вотъ образчикъ діалога изъ *Ключа разумнія*. »Если бы Христосъ теперь пришолъ на свѣтъ виднымъ образомъ, то не одинъ голодный, жаждущій, нагой, сказалъ бы: Господи, человѣка не имѣю, который бы меня накормилъ, напоилъ, одѣлъ. Не одинъ бѣднякъ, лежащій на улицѣ подъ дождемъ, вѣтромъ, на морозѣ или подъ зноемъ солнечнымъ, сказалъ бы: Господи, человѣка не имѣю, который бы принялъ меня въ домъ свой, чтобы я не терпѣлъ мороза суроваго и зноя несноснаго. Не одинъ калѣка и хворый сказалъ бы Христу: Господи, человѣка не имѣю, который бы помогъ мнѣ въ моей болѣзни, въ моемъ горѣ, въ моемъ калѣчествѣ. Не одинъ бы узникъ сказалъ: Господи, человѣка не имѣю, который бы меня выкупилъ или освободилъ« ²⁾). Вотъ образчикъ діалога изъ *Огородка*. »Спросите бѣдныхъ сиротъ: чѣмъ для васъ Пр. Марія? Скажутъ: она мать и защитница наша. Заблуждающіе скажутъ: она вождь нашъ. Старые скажутъ: она свѣтлость и подпора наша. Печальные скажутъ: она утѣшитель-

---

¹⁾ Еванг. учит. I, 66—67. Мы привели слова *евангелія учительнаго* въ подлинномъ текстѣ, потому языкъ этого древнѣйшаго памятника южно-русской проповѣднич. литературы довольно близокъ къ славянскому и не испещренъ еще позднѣйшею примѣсью латинизмовъ и полонизмовъ. Читатели замѣтятъ, что и самый тонъ приведеннаго отрывка напоминаетъ древнерусскія проповѣди, слагавшіяся подъ византійскимъ вліяніемъ, каковы напр. слова Григорія Цамблака. ²⁾ Ключъ л. 358.

ница наша. Хворые скажутъ: она лѣкарство наше и т. д.¹⁾. Любовь къ діалогамъ, слегка сказывавшаяся въ проповѣдяхъ, съ большею силою отражалась въ южно-русской школьной жизни, въ разыгрываніи мистеріи и въ устроеніи диспутовъ. Переходимъ теперь къ разсужденію о тонѣ южно-русскихъ проповѣдей.

Тонъ южнорусскихъ проповѣдей отличается стремленіемъ къ популярности и шутливостію, этими качествами, доставшимися по наслѣдству отъ польской проповѣди.

Ради популярности польскіе проповѣдники любили передѣлывать на современные польскіе нравы событія изъ древней свящ. исторіи, а можетъ быть и сами при этомъ впадали въ иллюзію. »Проповѣдникамъ кажется«, говоритъ историкъ польской литературы, »что они вездѣ встрѣчаютъ Польшу, во всемъ свѣтѣ усматриваютъ польскіе обычаи и порядки и никакихъ другихъ. Какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, въ ветхомъ завѣтѣ и въ христ. Церкви, въ Турціи и Іерусалимѣ, вездѣ рѣчь нѣсполитая, старосты, бискупы, сеймы — все одѣты по-польски. Іисусъ Христосъ является королемъ шляхетскаго народа, апостолы — сенаторами, израильтяне — шляхтою; короли Палестины воюютъ съ татарами, какъ величаютъ проповѣдники Мадіанитянъ« и проч. Тоже и въ южнорусской проповѣди. Являются и Давидъ, вѣроль жидовскій, и гетманъ Іисусъ Навинъ, ангелы составляетъ конституцію, царица Силенская говоритъ великомуч. Георгію: *шляхетный младенецъ, всѣдай на коня и утекай* ²⁾, наконецъ, даже молитва Господу Богу излагается подъ формами, усвоенными польскою судебною практикою. »Христе Спасителю«! такъ заключаетъ проповѣдникъ слово на день Іоанна Богослова, »когда изъ сей плачев-

¹⁾ Огород. стр. 726. ²⁾ I. Bartaszewicz. Hist. literatury polskiej 369—370.

ной юдоли мы будемъ присылать къ Тебѣ молебныя *жалобы*, пріими ихъ въ Твою небесную *канцелярію*, запиши въ *книги* живота вѣчнаго, утверди *печатью* Твоею, св. Іоанномъ; чтобы, ставши предъ *судомъ* Твоимъ, и имѣя при своихъ жалобахъ Твою печать, мы могли бы получить себѣ надлежащую *справу*, и по Твоему божественному *декрету*, достигли бы царства Твоего небеснаго« ¹⁾).

Ради популярности польскіе проповѣдники любили примѣшивать въ проповѣдь народныя пословицы и поговорки. Напр., Скарга въ одной проповѣди говоритъ: »кто Господа Бога любитъ, тотъ любитъ и ближняго, какъ его образъ.... *Кто любитъ хозяина, говорите вы, тотъ и собакъ его не противенъ*. А ближній не собака, а образъ *Божій, не рукотворенный, а живой*« ²⁾. И въ другомъ мѣстѣ: »когда собака схватитъ какой нибудь кусокъ мяса, на нее кричатъ: *кинъ, кинъ*, и если не хочетъ, то палка выбьетъ это мясо изъ зубовъ ея. Такъ и смерть поступаетъ съ міролюбцами. Лучше не пристращаться къ тому, что должны будемъ оставить и чего не можемъ взять съ собой. Лучше, по голосу евангелія и проповѣдниковъ, во время бросить этотъ кусокъ мяса, чѣмъ ожидать палки и смерти« ³⁾. Тоже и въ южно-русской проповѣди приводятся пословицы. Напр., въ проповѣди на тему, что Богоматерь служить для насъ градомъ твердымъ, находимъ слѣд. мѣсто: »говорятъ въ народѣ: *смѣлье баба за стѣною, нежели рыцарь въ полѣ!* Если мѣста, огражденные оцлотомъ, придаютъ такую смѣлость, что одна баба можетъ ополчиться противъ десяти воиновъ, то сколь смѣлы должны быть тѣ, которые укрываются не за стѣнами деревянными, но за башнями и оцлотами Пр. Богородицы ⁴⁾. И еще: »говорятъ въ народѣ: *праздникъ безъ му-*

---

¹⁾ Огород. стр. 568 и 58. ²⁾ Огород. стр. 519. ³⁾ Kaz. Skarge IV, 124. ⁴⁾ Kaz. Skarge II, 239. Огород. стр. 537.

*ченика не бываетъ... Празднуетъ Иродъ день рожденія своего и приказываетъ отсѣчь голову Іоанну Предтечѣ. Празднуютъ жида праздниѣ пасхи, предавъ на крестную смерть Христа Спасителя. Праздновала церковь недавно праздниѣ Рождества Христова, но не безъ плачу смотрѣла на невинныхъ младенцевъ, убиваемыхъ Иродомъ. И настоящій праздникъ Богоявленія не безъ плачу. Плачутъ и рыдаютъ наши мучители, недостойные имени мучениковъ, проклятые діаволы, видя главы своихъ начальниковъ, сокрушаемыя Христомъ въ водахъ Іорданскихъ, по прореченію псаломскому: *ты сокрушилъ еси главы змѣевъ въ воды* (Пс. LXXIII) ¹⁾.*

Шутливость и нѣкоторая фамильярность какъ по отношенію къ слушателямъ, такъ и по отношенію къ предмету проповѣди, также составляла очень характерную особенность въ тонѣ польскихъ, а вслѣдъ за тѣмъ и южно-русскихъ проповѣдей. »Погодите не много вы, жида«, иронически говорить Скарга въ одной проповѣди, »не съ древа сойдетъ (Христосъ), будучи живымъ, но возстанетъ изъ гроба, будучи уже мертвымъ, и тогда узнаете царственное величіе и божественную силу Его« ²⁾. Довольно ѣдко отзывается о шутовской манерѣ польскихъ проповѣдниковъ Теофанъ Прокоповичъ. »Чтобы пересыпать солью свое сумазбродное пустословіе, проповѣдники постоянно и весьма дерзко шутятъ; все черное иронически называютъ бѣлымъ и бѣлое—чернымъ; шутками оскорбляютъ Бога, порочатъ Богородицу, беспокоятъ ангеловъ, извергаютъ хулу на святыхъ, а тирановъ хвалятъ и до небесъ превозносятъ хвалами, откалываютъ также безчисленное множество другихъ, самыхъ вялыхъ и гадкихъ остротъ. Два евангелія были читаны въ одинъ день и каждое изъ нихъ начиналось обыкновенными вступительными словами: *во время оно*. Посмотрите же

¹⁾ Огород. стр. 853. ²⁾ Kaz. Skarg. II, 150.

теперь, какою милою шуткою начинается проповѣдникъ: »*Я не хочу ни съ кѣмъ ссориться*, говорю я теперь евангелію. Два евангелія оспариваютъ теперь для себя мѣсто въ этомъ костелѣ,—одно, приходящееся на 2-ю недѣлю по пасхѣ,—о добромъ пастырѣ. Боюсь оскорбить это евангеліе, потому что оно о пастырѣ, а кабая овечка не боится своего пастыря?! Другое евангеліе по случаю храмоваго праздника о Закхее, на котораго мнѣ также нужно обратить вниманіе, потому что онъ не забываетъ овецъ Господнихъ и приносить частую милостыню: *половину имѣнія моего дамъ нищимъ*. Я толкую евангелія, взявши темою моей проповѣди слова обонхъ евангелій—*in illo tempore: во время оно*. А такимъ образомъ ни то, ни другое евангеліе не будетъ жаловаться, что проповѣдникъ не говорилъ о немъ. Я покажу, что люди *in illo tempore* вспоминаютъ о давнихъ годахъ и хвалятъ, что прежніе годы были лучше» и пр. Очень хорошо, Тома! ¹⁾ общался говорить о двухъ евангеліяхъ и не сказалъ ни объ одномъ.

Въ проповѣди на рождество Богородицы, на слова писанія: *Господь утверждался на лѣстницу*, проповѣдникъ говоритъ: »не крѣпко стоитъ эта лѣстница, не опирайся на нее, Господи нашъ, потому что я—такъ говорю: конецъ этой лѣстницы опирается на землю, и поддерживаетъ ее отъ паденія лежащій Іаковъ; а когда, Господи нашъ, Іаковъ, разоспавшись, будетъ поварачиваться и начнетъ лѣстницу, то ты, Господи, опираясь на эту лѣстницу, подвергнешься опасности«. Въ проповѣди на пасху о св. женахъ мироносицахъ: »какія тѣ пани были нѣженки! камешокъ былъ не великъ, не хотѣли его отвалить. Говоритъ о нихъ евангелистъ: *не могли его отвалить потому, что былъ очень великъ*«. Тамъ же объ юномъ ангелѣ: »не лучше ли было

---

²⁾ Обращеніе къ Томи Младзяновскому.

провидѣнію Господа Бога нашего послать ангела, посѣдѣвшаго въ лѣтахъ», и проч. Отъ дальнѣйшихъ объясненій, почему ангелъ украсился бѣлою одеждою, совершенно нужно краснѣть читателю: однако, чтобы показать гнусность безстыднаго велерѣчія, прошу позволенія оскорбить честный слухъ: »сказалъ Господь Богъ нашъ ангелу своему: пойдешь на землю, увидишься и будешь говорить съ бѣлыми головами (т. е. женщинами) о возстаніи изъ мертвыхъ Сына Моего; а ангелъ прибирается въ прекрасныя бѣлыя одежды: вѣроятно, хотѣлъ черезъ это умилиить женскія сердца и привлечь ихъ очи, потому что женщины съ удовольствіемъ смотрятъ, какою ангелъ какъ убрался; а если бы былъ и ангелъ въ сермягѣ, то не такъ уже понравился бы». Немного ниже проповѣдникъ говоритъ нѣсколько скромнѣе, но также дерзко: »свѣтъ завсегда полонъ подражанія, его милость такъ, слуги тоже такъ: каждый хочетъ представлять своего пана и равняется съ нимъ: панъ нашъ Христосъ полюбилъ два цвѣта—бѣлый и красный: *dilectus meus candidus et rubicundus*. Ангелъ, когда явился на свѣтъ, также наряжается въ панскіе цвѣта«¹⁾).

Южно-русскіе проповѣдники, подражая польскимъ, также позволяли себѣ шутки, хотя шутливость ихъ гораздо скромнѣе. Большою частію, она ограничивается тѣмъ, что проповѣдникъ разсказываетъ въ проповѣди забавныя анекдоты, или какія-нибудь басенки, или приводитъ какія-нибудь вульгарныя сравненія. Вотъ образчикъ забавныхъ анекдотовъ: »на нѣкоемъ банкетѣ одинъ гость сидѣлъ такъ близко къ огню, что одежда на немъ запылала и мѣстами тлѣла. Увидаль это другой гость и говоритъ: *милый другъ, имѣю тебѣ ничто сказать*. Тотъ, на комъ тлѣла одежда, отвѣ-

---

¹⁾ Выдержки изъ рукописной риторики Ѳ. Прокоповича въ *Труд. К. дух. Ак.* 1865. № 4, 529—631.

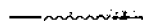
часть: если что-нибудь печальное, лучше не говори; не хочу я теперь слышать неприятного, потому что на банкетъ нужно веселиться. — Кончился банкетъ и гости стали расходиться. Ну, что ты мнѣ хотѣлъ сказать? спросилъ первый гость. Другой указалъ на прожженную одежду. Чтожъ ты не остерегъ меня во время? — Да вѣдь ты не велѣлъ говорить тебѣ на банкетъ ничего неприятнаго». Такъ и природа, заключаетъ проповѣдникъ, посадила насъ около огня похотей тѣлесныхъ, но мы не хотимъ слушать голоса проповѣдниковъ истины, предостерегающихъ насъ отъ запаленія ¹⁾. Вотъ примѣръ басней. »Однажды смѣялся ястребъ надъ маленькою птицею, которая называется кошкою болотною, а по римски *трохилосъ*, за то что она питается только червяками, а не ловить мелкихъ пташекъ. Мой милый братъ ястребъ, отвѣчала кошкошка, не хвались предо мною, я живу покойно, питаюсь червячками, а ты живешь въ безпокойствѣ, и смотри какъ бы не пожалѣть тебѣ, что питаешься чужими мясами. Прошло нѣсколько времени. Ястребъ переѣлъ голубей какого-то пава, и зато былъ пойманъ, избитъ и повѣшенъ на страхъ другимъ хищникамъ, и кошкошка, увидавъ его трупъ, сказала: милый братъ ястребъ, если бы ты кормился червяками живъ бы былъ досель» ²⁾. Ястребъ служить для проповѣдника символомъ людей знатныхъ и гордыхъ, а кошкошка — бѣдныхъ и скромныхъ. — А вотъ образчикъ вульгарныхъ сравненій: »братія возлюбленные! гоняясь за свѣтомъ не дознали ли вы

---

¹⁾ Огород. стр. 759. Сюда же относятся анекдоты о епископѣ, бросившемъ въ рѣку перстень. Огор. 318 и о медвѣдѣ, смявшемъ царевича. Огор. 395. ²⁾ Огород. стр. 493—494. Сюда же относятся басни о псѣ и павѣ. Огород. 218, и о благодарной змѣѣ. Огор. 161.

сами, какъ часто свѣтъ обращается въ западню? богатства, удачи, роскоши-все это положенные на приманку хлѣбъ или мясо. Ахъ несчастье! бѣдный человѣкъ, какъ голодная мышка, прибѣгаетъ на запахъ припасовъ, посмотритъ въ западню, понюхаетъ, то отойдетъ, то воротится..., наконецъ, отважится, и лишь только, какъ голодная мышка, начнетъ теревить зубами эту бѣдовую приманку, какъ вотъ и попалъ подобно мышкѣ, въ западню, т. е. въ хлопоты, заботы, труды и печали«¹⁾).

Ф. Т.

---

¹⁾ Огород. стр. 29.